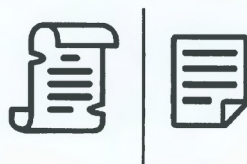

И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ►

И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

МОСКВА, 2018

УДК 930.2

ББК 63.2

Д18

Рукопись подготовлена в рамках грантового проекта НИУ ВШЭ
по изданию авторских учебников

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор, научный руководитель департамента истории
Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН, член Совета по науке
и образованию при Президенте РФ
Е. В. Анисимов;

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
О. И. Тогоева

Д18 **Данилевский, И. Н.** Историческая текстология [Текст]: учеб. пособие / И. Н. Данилевский ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — (Учебники Высшей школы экономики). — 556, [4] с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1707-9 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1837-3 (e-book).

Впервые в историографии историческая текстология представлена в качестве самостоятельной дисциплины, являющейся важной составной частью профессиональной подготовки историка. В учебном пособии подробно разбираются теоретические вопросы, связанные с определением текста как источника ретроспективной информации, а также основные термины исторической текстологии и показывается, в чем состоит ее отличие от классической филологической текстологии. Рассматривается специфика текстологических процедур в источниковедческом и конкретно-историческом исследовании и прослеживается тесная связь исторической текстологии с различными историческими и вспомогательными для истории дисциплинами.

Особое место в книге занимает раздел, посвященный анализу конкретных историко-текстологических «казусов» — научных реконструкций прошлого, иллюстрирующих теоретические положения учебника. Среди них такие яркие сюжеты, как происхождение древнерусских князей по материнской линии и кровные узы князя Игоря с половцами: «окаянный» Святополк и Антихрист; Лобное место как Голгофа и опричная политика Ивана Грозного как ожидание конца света.

Для студентов магистерских программ, обучающихся по направлениям «История» и «История искусства», аспирантов гуманитарных специальностей, а также для всех интересующихся природой исторического знания и способами его получения.

УДК 930.2

ББК 63.2

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики <<http://id.hse.ru>>

doi: 10.17323/978-5-7598-1707-9

ISBN 978-5-7598-1707-9 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-1837-3 (e-book)

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ	8
Текстология и историческое источниковедение	12
Текстология филологическая и текстология историческая	27
РАЗДЕЛ 1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕКСТОЛОГИИ	
ГЛАВА 1. ТЕКСТ	33
1.1. Общее понятие текста	33
1.2. Вербальные тексты: проблемы перекодировки	40
1.3. Невербальные тексты: проблемы перекодировки	47
1.4. Автор — переписчик — редактор	53
ГЛАВА 2. ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	60
2.1. Становление понятия источника ретроспективной информации в истории	60
2.2. Текст как исторический источник	69
2.3. Исторический источник с точки зрения текстологии	72
2.4. Исторический источник — произведение — памятник: соотношение понятий	81
ГЛАВА 3. СПИСКИ ТЕКСТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА И ИХ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ	87
3.1. Списки исторического источника	87
3.2. Изводы исторического источника	92
3.3. Редакции исторического источника	94
3.4. Оригинальные и производные произведения	99
3.5. Понятие протографа	102
РАЗДЕЛ 2. ОБЩИЕ ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ИСТОРИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	
ГЛАВА 4. УСТАНОВЛЕНИЕ ТЕКСТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА	109
4.1. Прочтение текста исторического источника	109
4.2. Реставрация текста исторического источника	120
4.3. Реконструкция текста исторического источника	121
4.4. Общая характеристика источника	129
4.5. Понимание текста	134
ГЛАВА 5. ИСТОРИЯ ТЕКСТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА	146
5.1. Сличение текстов списков исторических источников	146
5.2. Относительная датировка списков	148

5.3. Локализация текстов и их списков.....	163
5.4. Фиксация результатов сличения текстов исторического источника.....	178
РАЗДЕЛ 3. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ИСТОРИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	
ГЛАВА 6. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	
РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ	189
6.1. Интуитивная оценка ретроспективной информации.....	189
6.2. Повторяющаяся ретроспективная информация в тексте исторического источника.....	194
6.3. Круг чтения автора исторического источника.....	212
ГЛАВА 7. ВЫЯВЛЕНИЕ И ОБРАБОТКА ВЕРИФИЦИРУЕМОЙ И УНИКАЛЬНОЙ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	
7.1. Проблемы идентификации ретроспективной информации	243
7.2. Дифференциация и обработка верифицируемой и уникальной ретроспективной информации	251
7.3. Пространственные указания как основание идентификации описываемых событий	265
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В НАУЧНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОШЛОГО (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)	
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Экскурс 1. Казус восточнославянских «племенных союзов»	320
Экскурс 2. Казус древнерусских князей: «свои» или «чужие»?	328
Экскурс 3. Казус Святополка Окаянного.....	334
Экскурс 4. Казус Остромирова Евангелия	349
Экскурс 5. Казус Изборника 1076 года	354
Экскурс 6. Казус трубачей	358
Экскурс 7. Казус Кузмища Киянина.....	363
Экскурс 8. Казус «Слова о полку Игореве»	372
Экскурс 9. Казус битвы на Калке	379
Экскурс 10. Казус Невской битвы.....	417
Экскурс 11. Казус Ледового побоища	429
Экскурс 12. Казус Куликовской битвы	446
Экскурс 13. Казус Сергия Радонежского.....	475
Экскурс 14. Казус Опричного дворца Ивана Грозного	482
УКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	495
УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	499
УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ	533
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	539

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как и все гуманитарии, историки изучают тексты. Именно тексты доносят до нас ретроспективную информацию, которая является основой любого исторического исследования. Именно тексты исторических источников — единственный критерий достоверности полученных историком результатов исследования. При этом каждая из гуманитарных дисциплин имеет свои специфические особенности исследования текстов. Есть они и в исторической науке.

Данный курс является составной частью профессиональной подготовки историка. Он тесно связан с курсами исторического источниковедения, теории источниковедения, а также со специальными историческими и вспомогательными для истории дисциплинами. В основе пособия лежат курсы лекций, которые на протяжении ряда лет читались слушателям магистерских программ Школы исторических наук НИУ ВШЭ.

Основные вопросы исторической текстологии будут рассматриваться здесь преимущественно на примерах древнерусских источников XI–XVII вв. Однако все описываемые процедуры работы с текстами применимы к источникам любой страны и любого времени.

Примеры (казусы) описываемых положений и методик, требующие подробных комментариев, которые нарушают изложение основного материала, вынесены в приложения в виде экскурсов.

Автор приносит глубокую благодарность всем, кто так или иначе принимал участие в обсуждении этой книги или ее фрагментов и чьи замечания позволили несколько улучшить ее содержание. Естественно, все недостатки ее остаются на совести автора, и он будет признателен за любые замечания и критические рекомендации, которые позволят развивать курс исторической текстологии.

Под текстологией в настоящее время понимается «историко-филологическая дисциплина, изучающая становление и функционирование текстов в письменных и бесписьменных культурах. Центральным объектом изучения текстологии является текст вербальный, т.е. выраженный с помощью знаков естественного языка, но существует и т[екстология] невербальных источников (в частности, музыкальных произведений). В ряде работ целью текстологического исследования называется “установление точного текста исторических документов” и “литературных произведений”¹. <...> Однако практика показала, что критерии качества текста в значительной степени субъективны и могут радикально изменяться по мере развития представлений об истории языка, литературных установках и событийной канве изучаемой эпохи. В силу этого <...> эдиционные задачи текстологии отступают на второй план, а реконструкции текстов, хотя и продолжают создаваться, но служат по преимуществу в качестве иллюстраций к построениям ученых. <...> Основной методикой текстологии является сопоставление версий текста между собой, результатом чего становится выявление разночтений, которые подвергаются той или иной интерпретации <...>. Перспективным направлением текстологии средневековых письменных источников является лингвотекстология, в рамках которой разновременные слои текста разграничиваются на основании языковых примет...»²

Такое определение подводит итог длительному развитию теории и практики работы филологов с текстами, в частности, направлению, которое до конца 20-х годов прошлого века именовалось *критикой текста*. Оно сформировалось на основании опыта, накопленного античными филологами, которые называли себя грамматиками, а свою работу по исправлению текстов классических произведений — *критикой* (от греч. κρίνω — ‘выбирать; толковать, объяснять’), и особенно средневековыми богословами, занимавшимися библейской критикой (выяснением подлинности ветхозаветных и новозаветных текстов, обстоятельств их появления, установлением правильных чтений и объяснением содержания их текстов)³. В конце XVIII — первой

---

¹ Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973. Стб. 177 [ссылка Д.А. Добровольского].

² Добровольский Д.А. Текстология // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 478–479.

³ Подробнее об истории библейской критики до начала XX в. см.: Мецгер Б.М. Текстология Нового Завета: Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала. М., 1996. С. 92–153; Тов Э. Текстология Ветхого Завета. М., 2001. С. 14–15, 147–155; и др.

половине XIX в. использование критических методов при издании классических текстов было упорядочено тремя немецкими филологами: Фридрихом Вольфом, Иммануилом Беккером и Карлом Лахманом. Они сформулировали основные правила и принципы (так называемый *классический метод*) критического изучения текста. Одновременно с ними Август-Людвиг Шлёцер попытался использовать приемы критики текста для изучения древнерусских летописей⁴, заложив тем самым основы русской научной исторической критики. Несколько позже Леопольд фон Ранке использовал в исторических исследованиях филологический метод, близкий к критическому методу И. Беккера⁵. В 1804–1805 гг. Ф. Шлейермахер, приступивший к разработке исторического аспекта филологической критики, предложил отделить общую теорию понимания текста (*герменевтику*) от собственно его *критики* (которые до того рассматривались как составные части критики текста, в частности, Священного Писания, которым и занимался Ф. Шлейермахер). Это считается началом текстологии как самостоятельного направления работы с текстами.

Если в первые десятилетия *критика текста* развивалась преимущественно в рамках библеистики, то к концу XIX в. ее результаты и методы стали широко использоваться и при изучении светских текстов. Хотя приемы и методы критики текста в XIX в. были распространены и на литературу нового времени, ее дальнейшее развитие продолжало определяться преимущественно работами филологов-классиков и медиевистов. В Западной Европе это, прежде всего, были исследования, посвященные анализу позднесредневекового немецкого эпоса⁶, в России — работы по изучению «Слова о полку Игореве». Подобно «Слову о полку Игореве», «Кудруна» (эпическая поэма первой половины XIII в.) сохранилась в единственном списке начала XVI в. При первой публикации в 1820 г. издатели внесли в ее текст исправления и конъектуры⁷. Впоследствии текст «Кудруны» неоднократно «корректировался» путем различного разбиения на строфы, изменения их порядка и исключения некоторых из них, исправления языковых форм и т.п., что создавало дополнительные сложности в установлении текста этого произведения. Аналогичную судьбу, как известно, имело «Слово о полку Игореве». Это и определило общие направления в их изучении: они

⁴ Шлёцер А.-Л. Нестор: Русские летописи на Древле-Славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А.-Л. Шлёцером. Ч. 1–3. СПб., 1809–1819 [нем. изд. вышло в Геттингене в 1802–1805 гг.].

⁵ Описание этого метода см. в кн.: Ranke L., von. Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber. Berlin, 1824.

⁶ Подробнее см.: Френкель Р.В. Эпическая поэма «Кудруна», ее истоки и место в средневековой немецкой литературе // Кудруна / подг. текста Р.В. Френкель. М., 1984. С. 292–368.

⁷ От лат. conjectura — ‘догадка, предположение’.

стали своеобразным полигоном для разработки новых, все более тонких методов анализа текстов.

Существенную роль в развитии критического метода изучения исторических источников в России сыграли исследования представителей скептической школы. Ее скептицизм, по словам создателя направления М.Т. Каченовского, был «не поверхностный и легкомысленный, но основанный на сравнении текстов»⁸. В то же время российские историки и филологи неоднократно предпринимали попытки критического изучения летописных текстов. В частности, основываясь на выводе П.М. Строева, что летописи представляют собой своды материалов, имевшихся в распоряжении летописцев⁹, К.Н. Бестужев-Рюмин в середине XIX в. поставил задачу «расшивки» сохранившихся летописных текстов на тексты предшествующих сводов¹⁰. Он исходил из того, что реальные тексты — «архив, в котором хранятся следы погибших для нас произведений первоначальной русской литературы»¹¹. Однако разработать методику, позволяющую выделить отдельные «нити», из которых состоит этот «клубок текстов разного цвета и качества», и воссоздать первоначальный вид предшествующих текстов, исследователь так и не смог. Тем не менее на этом этапе изучения летописей стало ясно: каждый летописец стремился максимально точно передавать тексты предыдущих летописных сводов, которые он использовал в своей работе. Из чего следовало, что сравнительно поздние их списки XIV–XVI вв. могли вполне удовлетворительно сохранять тексты летописей предшествующих веков. Уже это само по себе давало основания для продолжения разработки методов критики текста, которые позволили бы воссоздавать летописи, не дошедшие до нового времени.

Этапными в развитии критики текста стали исследования А.А. Шахматова по древнерусскому летописанию. На основе сопоставления всех доступных ему списков летописей Шахматов выявил присущие им разночтения и общие места. Систематический анализ обнаруженных разночтений, их классификация и комплексное объяснение позволили установить списки, имеющие совпадающие чтения. Такая предварительная работа дала возможность исследователю сгруппировать списки по редакциям и выдвинуть ряд взаимодополняющих гипотез, объясняющих возникновение этих разночтений и совпадений. Разночтения, совпадающие в нескольких

⁸ Каченовский М.Т. О римской истории Нибура // Вестник Европы. 1830. № 17–20. С. 75 (курсив мой. — И. Д.).

⁹ Строев П.М. Предисловие // Софийский временник, или русская летопись с 862 по 1534 год. М., 1820. Ч. 1. С. X.

¹⁰ Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV века. 1: Повесть временных лет; 2: Летописи южно-русские. СПб., 1868.

¹¹ Там же. С. 87.

списках, возводились к общему протографу всех этих списков. Сопоставление реконструированных гипотетических сводов позволяло, в свою очередь, выявить ряд общих черт, присущих некоторым из них. Таким путем были воссозданы предполагаемые исходные летописные тексты. При этом оказалось, что многие фрагменты летописного изложения заимствовались из очень ранних сводов, что, в свою очередь, дало возможность перейти к реконструкции древнейшего русского летописания. Выводы А.А. Шахматова — и эффективность предложенной им методики — получили полное подтверждение, когда был найден Московский свод 1408 г., существование которого предсказал исследователь.

Дело, однако, осложнялось тем, что А.А. Шахматов не оставил эксплицитного описания применявшейся им методики. Она стала ясна лишь после публикации его рабочих тетрадей¹². Тем не менее именно с начала XX в. критика текста (сам А.А. Шахматов, его последователи и оппоненты колебались в точной характеристике применявшегося им метода) приобрела более или менее завершенные очертания.

Систематическое изложение основных принципов филологической критики текста впервые было осуществлено Б.В. Томашевским. Он же, как принято считать, предложил и новое название для этой дисциплины: *текстология*¹³. Действительно, впервые на страницах специальных изданий оно появилось в его работе «Писатель и книга». Однако то, как его упоминает автор, заставляет сомневаться в широко распространенном мнении, будто этот термин был «изобретен» именно Б.В. Томашевским. «В современной филологии выработалась некоторая система приемов критики текста <...>, — писал он. — Эту систему филологических приемов принято обозначать словом “текстология” <...>. Текстология не есть специальная наука; скорее это некоторый метод, некоторое научное орудие, при помощи которого наука добывает необходимые ей данные <...>. Это — практическая дисциплина, во многом являющаяся особым рода прикладной филологией»¹⁴. В отечественной научной литературе термин *текстология* стал общепринятым. При этом основополагающие принципы и приемы критики текста остались практически неизменными (хотя, конечно, со временем они совершенствовались). Зарубежные исследователи по-прежнему продолжают использовать термин *критика текста* (*textual criticism*)¹⁵.

¹² Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. СПб., 2011.

¹³ Томашевский Б.В. Писатель и книга: Очерк текстологии. М.; Л., 1928.

¹⁴ Там же. С. 10–11.

¹⁵ См., например: Maas P. Textual Criticism. Oxford, 1958. <<http://www.questia.com/PM.qst?a=o&d=11830207>>; Non-Biblical Textual Criticism // The Encyclopedia of New Testament Textual Criticism / Conceived by R. Elliott. <<http://www.skypoint.com/members/waltzmn/NonBiblical.html>>; Textual criticism // New World Encyclopedia. <http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Textual_criticism>

Текстологические исследования, проводившиеся последователями А.А. Шахматова — М.Д. Присёлковым, Б.В. Томашевским, Д.С. Лихачевым, Я.С. Лурье, О.В. Твороговым и целым рядом других выдающихся историков и филологов, — заложили мощный фундамент, на котором базируется не только современное литературоведение, но и историческое источниковедение (прежде всего, источниковедение древней Руси). Принципиально важно, что выводы, основывающиеся на результатах текстологического анализа, являются верифицируемыми. В то же время до сих пор не проявлены место и роль текстологии в источниковедческом исследовании.

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Информацию о прошлом хранят тексты источников. На ее основе создаются исторические реконструкции. Впоследствии сами реконструкции гипостазированы, отождествляются с исторической реальностью, в качестве таковой и начинают изучаться на следующем этапе исторического исследования. Видимо, именно это имел в виду Р.Дж. Коллингвуд, когда писал, что история — это «рисованная историком» «воображаемая картина прошлого», которая «претендует на истинность»¹⁶. При этом историки как бы забывают, что это — реконструкции: субъективные (в большей или меньшей степени) реальности, существующие в настоящем (но не в прошлом), и начинают изучать их уже как «объективную реальность», как то, что якобы действительно происходило в прошлом. Это, однако, не значит, что «исторические факты стали лишь функцией исторической мысли, и вообще утратило смысл представлять реальные объекты прошлого за источниками, говорить об «отражении» и реконструкции», что «история стала условной, просто течением современного мышления, обыгрывающим условные факты источников, и только»¹⁷. Хотя, когда «историки распознали активность и сложность отражающей системы», они «ужаснулись размерам ее вклада в формирование образов и утратили не только наивную доверчивость к образам, но и уважение к реальности их прототипов»¹⁸. Тем не менее, как остроумно подметил Л.С. Клейн, «мы уверенно ждем сведений о крепостном праве от новооткрытых документов дворянской России, а не французской III Республики — и не ошибаемся». Действительно, «но-

icism>; Comfort Ph. W. Encountering the Manuscripts: An Introduction to New Testament Paleography & Textual Criticism. Nashville, 2005; и мн. др.

¹⁶ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 234–237.

¹⁷ Клейн Л.С. Археологические источники: учеб. пособие. Л., 1978. С. 30.

¹⁸ Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию: учеб. пособие. Кн. 1: Метаархеология. СПб., 2004. С. 115.

вооткрываемые источники не могли бы систематически оправдывать ожидания историков, если бы историческое отражение не было бы во многом верным, объективным, если бы оно не схватывало хотя бы некоторые существенные контуры сложной жизненной картины»¹⁹.

Естественно, выводы, к которым придет историк, будут во многом зависеть от того, насколько порожденная им же самим «реальность» близка тому, что происходило когда-то на самом деле. И если построение это произвольно, изучение такого «объекта», соответственно, даст неверный результат. Точнее, истинность его невозможно будет определить, поскольку по законам логики вывод из ложной посылки может быть как истинным, так и ложным. Во всяком случае, научная значимость его будет ничтожна. Поэтому принципиальное значение имеют основания исторической реконструкции.

Качество этих оснований напрямую зависит от двух моментов: от свойств самой ретроспективной информации, почерпнутой из исторических источников, и от корректности методов ее выявления и обработки. Дальше уже все будет определяться логикой построения, соблюдением правил «здравого смысла». Они, однако, не могут быть надежным критерием при оценке достоверности информации на начальном этапе работы с источником (чем часто грешат исследователи), зато соблюдение логических норм обязательно на заключительных этапах реконструкции прошлого.

Уже в начале 30-х годов прошлого века ученые-историки задались вопросом о том, как найти основания, обеспечивающие максимальную достоверность информации о прошлом, получаемой ими из источника. Именно тогда была поставлена задача преодоления «потребительского отношения к источнику». По словам Я.С. Лурье, «в печати этот термин, употреблявшийся в повседневном научном общении 20–30-х годов, появился лишь один раз. В 1934 г. при обсуждении доклада Б.Д. Грекова “Рабство и феодализм в древней Руси” С.Н. Чернов заметил: “Если подойти к тому, как Б.Д. Греков пользуется источниками, я бы сказал (пусть не обидится на меня Б.Д.), что его отношение к ним в известной мере потребительское. Б.Д. имеет перед собой источник и ограничивается тем, что просто потребляет его, совсем не интересуясь тем, как он приготовлен в своем целом и в своих частях”²⁰»²¹. Более подробное объяснение того, как понималось в советской историографии «потребительское отношение» к источнику, дал чуть позднее М.Д. Присёлков: «Если историк, не углубляясь в изучение летописных текстов, произвольно выбирает из летописных сводов разных эпох нужные ему записи, как бы из

¹⁹ Клейн Л.С. Археологические источники. С. 30.

²⁰ Известия Гос. Академии истории материальной культуры. Вып. 86. М.; Л., 1934. С. 111–112 [примеч. Я.С. Лурье].

²¹ Лурье Я.С. Предисловие // Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. [2-е изд.] / подг. текста В.Г. Вовиной. СПб., 1996. С. 29 (курсив мой. — И. Д.).

нарочно для него заготовленного фонда, *т.е. не останавливает своего внимания на вопросах, когда, как и почему сложилась данная запись о том или ином факте*, то этим он, с одной стороны, обессиливает запас возможных наблюдений над данным источником, так как определение первоначального вида записи и изучение ее последующих изменений в летописной традиции могли бы дать исследователю новые точки зрения на факт и объяснить его летописное отражение, а, с другой стороны, при этом историк нередко может попасть в то неловкое положение, что воспримет факт неверно, *т.е. в его московской политической трактовке, через которую прошло огромное количество дошедших до нас летописных текстов*²².

Примерно с этого времени преодоление «потребительского отношения к источнику» связывается исключительно с методикой, предложенной на рубеже XIX–XX вв. А.А. Шахматовым. Ее принято характеризовать то как сравнительно-текстологический, то как сравнительно-исторический, то как историко-текстологический, то как историко-филологический метод, то как метод логически-смыслового анализа. Согласно этому методу (как бы его ни называть), единственной гарантией получения достоверного знания служит предварительный текстологический анализ источника.

Начиная с работ А.Е. Преснякова и М.Д. Присёлкова²³ именно текстологическому анализу (как бы он ни назывался) все чаще отводится роль едва ли не основного источниковедческого метода. Приведу всего лишь одно характерное высказывание: «Игнорировать результаты сравнения доступных нам летописей, “потребительски” использовать летописные рассказы “как таковые”, без учета параллельных текстов и летописной генеалогии, нельзя — это неизбежно приводит к произвольности и неубедительности выводов, основанных на таких построениях»²⁴. Как подчеркивает Я.С. Лурье, «отказ от любых установленных критериев при оценке источника и произвольное истолкование случайно отобранных свидетельств на основе их вероятности или правдоподобия» недопустимы²⁵.

Показательна в этом отношении оговорка одного из ведущих современных исследователей позднего русского летописания. Критикуя «пред-

²² Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 36 (курсив мой. — И. Д.).

²³ Присёлков М.Д. Рецензия на книгу Вл. Пархоменко «Начало христианства Руси» // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук [далее — ИОРЯС]. Т. 19. Кн. 1. СПб., 1914; Присёлков М.Д. Русское летописание в трудах А.А. Шахматова // ИОРЯС. Т. 25. Пг., 1922; Пресняков А.Е. А.А. Шахматов в изучении русских летописей // Там же.

²⁴ Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 13.

²⁵ Лурье Я.С. Проблемы критики источника: на материале древнерусских памятников [пер. с англ.] // Лурье Л.С. Избранные статьи и письма / сост. В.Г. Вовина-Лебедева, М.М. Кром; под общ. ред. М.М. Крома. СПб., 2011. С. 46.

ставление о недостаточности собственно источниковедческих методов», В.Г. Вовина-Лебедева добавляет: «главным из которых в русской, да и вообще в европейской науке признавался сравнительно-текстологический метод»²⁶. При этом, правда, как-то «само собой» забывается, что исследователи так и не смогли договориться относительно того, что же, собственно, представляет собой метод текстологии в истории²⁷. Это, однако, не мешает многим исследователям рассматривать источниковедение едва ли не как часть текстологии²⁸. Недаром в последние годы практически все крупные исследования по истории, скажем, древнерусского летописания, если и не сводятся полностью к текстологическому анализу, написаны в рамках упомянутой научной парадигмы²⁹.

Видимо, за подобной точкой зрения чаще всего скрывается не вполне осознанное отождествление текстологических и источниковедческих процедур. Недаром сам термин *критика* был перенесен с текста вообще на исторический источник: так, судя по всему, появились термины *внешняя* и *внутренняя критика источника*. При этом анализ списков текста источника идентифицируется с внешней критикой источника, изучение собственно текста исторического источника — с его внутренней критикой, а интерпретация источника (как текста литературного произведения) — с исторической реконструкцией. Однако между этими процедурами существует некий зазор, а некоторые из них принципиально различны.

Не вполне ясное ощущение этого разрыва между текстологией и источниковедением послужило основанием для прямо противоположной точки зрения, согласно которой «текстологии может быть оставлена лишь формальная классификация списков и редакций, установление формальных взаимоотношений текстов, выявление формальных особенностей их,

²⁶ Вовина-Лебедева В.Г. К вопросу о методах исследования нарративных текстов // Отечественная история. 2002. № 4. С. 124.

²⁷ Ср., например: Лихачев Д.С. По поводу статьи Б.Я. Букштаба // Русская литература. 1965. № 1. С. 84; Прохоров Е. Предмет, метод и объем текстологии как науки // Русская литература. 1965. № 3. С. 149; Азбелев С.Н. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // История СССР. 1966. № 4. С. 91; и др.

²⁸ Ср.: Лихачев Д.С., Янин В.Л., Лурье Я.С. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 197; Черепнин Л.В. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50–70-х годах // История СССР. 1972. № 4. С. 52–53; и др.; Черепнин Л.В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 54–60; и др.

²⁹ Муравьева Л.Л. Московское летописание второй половины XIV — начала XV века. М., 1991; Лурье Я.С. Две истории Руси XV века; Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001; и др. Симптоматично также переиздание классических работ как самого А.А. Шахматова (Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М.; Жуковский, 2001; Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002), так и его наиболее последовательного продолжателя, М.Д. Присёлкова (Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв.).

причем содержательный смысл всех установленных отличий может быть понят лишь в рамках историко-филологических наук»³⁰. При этом правда, оставалось неясным, что имеется в виду под «историко-филологическими науками». Впрочем, подобные высказывания не нашли поддержки у большинства исследователей. Тем не менее, с одной стороны, подчеркивалось, что «текстология не может тормозить развитие истории»³¹. С другой же стороны, звучали призывы не превращать текстологию в «служанку» «все-возможных теоретических концепций»³².

Однако ни сторонники расширительного толкования функций текстологии в источниковедческом и, шире, историческом исследовании, ни их противники не уточняют, как и в какой степени результаты изучения истории текста влияют (и влияют ли вообще) на его понимание и интерпретацию, а также на работу с выявленной в источнике ретроспективной информацией.

Скажем, совершенно неясно, следует ли учитывать в историческом построении выявленные в ходе текстологического анализа цитаты, инкорпорированные в исследуемый текст источника. Любое «прямое» умозаключение «от текста к реальности», когда имеешь дело с произведениями, подобными «Слову» («Молению») Даниила Заточника, или, скажем, оригинальными древнерусскими проповедями, которые почти полностью состоят из сакральных цитат³³, чревато самыми тяжелыми последствиями. Все рассуждения, опирающиеся на такие тексты, оказываются не более чем простой догадкой. Она возникает под субъективным впечатлением современного читателя. Это — впечатление от текста, созданного в другой культуре и написанного на совершенно ином культурном языке. Если исследователь все прочитанное примет за чистую монету — он ошибется в своих выводах. Поэтому по умолчанию считается, что выявленные цитаты надо элиминировать из «производного» текста и исключать из его интерпретации. И это логично: какую информацию об изучаемом явлении может дать текст, написанный совсем по другому поводу и чаще всего совсем в другое время? С точки зрения позитивистской — никакой. Включение в исторические построения информации, почерпнутой непосредственно из цитат,

³⁰ Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 22–23.

³¹ Пашуто В.Т. Некоторые общие вопросы летописного источниковедения // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. М., 1973. Вып. 1. С. 67.

³² Лурье Я.С. О гипотезах и догадках в источниковедении // Лурье Я.С. Избранные статьи и письма. СПб., 2011. С. 89–90.

³³ Блестящие примеры такого рода во множестве приводит Е.Б. Рогачевская (Рогачевская Е.Б. Некоторые особенности средневековой цитации: На материале ораторской прозы Кирилла Туровского // Филологические науки. 1989. № 3. С. 16–19; Рогачевская Е.Б. Библийские тексты в произведениях древнейших русских проповедников: К постановке проблемы // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. М., 1992. Сб. 3. С. 181–199; и др.).

приведенных автором источника, ставит исследователя в ложное положение, а все «реконструкции», основанные на них, оказываются фикциями. Именно поэтому существующая традиция исключать из рассмотрения — при интерпретации текста — все обнаруженные в нем цитаты представляется в высшей степени логичной.

В то же время, если этого не удастся сделать, историк, как правило, тут же предлагает альтернативную версию, «текстологически» объясняющую такую невозможность. Так, А.А. Зимин обращает внимание на то, что «еще А.А. Шахматов установил, что в рассказ 1037–1039 гг. составитель Начального свода 1093–1095 гг. вставил отрывок из паремейника³⁴». Однако, оказывается, «текст паремейника с добавлениями совершенно невозможно вырвать из общего рассказа 1037–1039 гг. о построении Софии, заботе Ярослава о просвещении и монастырях³⁵. Начало предполагаемой вставки является логическим продолжением предыдущего рассказа о пользе книжного учения. Если считать, что паремейником пользовался только составитель Начального свода, то следует признать, что весь рассказ под 1037–1039 гг. принадлежит его же перу»³⁶.

Приведем еще один характерный пример. Анализируя начальную часть Новгородской I летописи, М.Н. Тихомиров отмечал: «Итак, Новгородская I летопись позволяет установить ряд вставок, внесенных в текст составителями “Повести временных лет”. Выделив из состава “Повести” вставные статьи, мы получим текст, дающий некоторое представление о том, какие известия о событиях на Руси IX–X вв. имелись в древнейшей летописи. Впрочем, и в таком реконструированном виде летописные известия все-таки предстанут перед нами не в своем первоначальном виде, а в более поздней переработке, так как и текст Новгородской летописи уже имеет *составной, компилятивный характер*»³⁷.

Такие случаи в работе историка встречаются постоянно.

Столь же неясно, как быть с текстами, источники которых установить не удастся, либо направленность разночтений между которыми собственно

³⁴ Вставка «велика бо бывает полза... въсприемлетъ душа велику ползу» (Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей [далее: ПСРЛ]. [3-е изд.] Т. 1. М., 1997. Стб. 152, 153; Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. С. 165). Впрочем, при реконструкции Древнейшего свода Шахматов опускает и предшествующий текст («якоже бе се некто» до начала вставки), не давая этому объяснения (Там же. С. 583) [примеч. А.А. Зимина].

³⁵ В тексте рассказа, как и в полагаемой А.А. Шахматовым вставке, неоднократно говорится о любви Ярослава к книгам (ср.: «Книгам прилежа и почитая е часто в ночи и в дне и... списаша книги многи и сниска имиже поучашеся вернии людье наслажаются ученья божественнаго...» и т.д. (Лаврентьевская летопись. Стб. 151, 152) [примеч. А.А. Зимина]).

³⁶ Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. С. 144–145.

³⁷ Тихомиров М.Н. Начало русской историографии // Вопросы истории. 1960. № 5. С. 48 (курсив мой. — И. Д.).

текстологическими методами не может быть установлена однозначно³⁸. Так, например, анализируя вводную часть «Повести временных лет», В.К. Зиборов отмечает: «При сравнении приведенных вариантов Предисловия [к «Повести». — И. Д.] видно, как активно изменяется текст любого древнерусского произведения. Все четыре варианта представлены рукописями XV–XVII вв., т.е. они на многие века отстоят от первоначальной записи XI в. В подобных случаях выявить этот первоизданный текст — задача почти неразрешимая, но условия любого текстологического исследования обязывают обращаться к решению такой задачи. Все четыре варианта Предисловия претерпели самые различные изменения. Практика анализа древнерусских произведений показывает, что в любом из них может сохраниться первоначальная деталь текста, утраченная другими вариантами, независимо от того, ранний это вариант (XV в.) или поздний (XVII в.). Решить вопрос о первичности или вторичности того или иного чтения необычайно трудно»³⁹.

Недаром исследователи раннего отечественного летописания время от времени начинают заниматься поисками ранних протографов «Повести временных лет». Так, пытаясь выявить летописные памятники X в., на которые якобы опирались составители «Повести временных лет» и предшествовавших ей сводов XI в., М.Н. Тихомиров и Б.А. Рыбаков привлекали летописи XVI в., содержащие уникальные, отсутствующие в «Повести» известия о древнейшем периоде, — Устюжский свод и Никоновскую летопись⁴⁰. Вопрос о том, можно ли рассматривать так называемые избыточные известия В.Н. Татищева в качестве исторического источника, имеют столь обширную историографию, что сколько-нибудь полный анализ ее в данном случае просто невозможен⁴¹.

³⁸ Подробнее см.: *Лихачев Д.С.*, при участии *Алексеева А.А.*, *Боброва А.Г.* Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. Изд. 3-е, перераб. и доп. СПб., 2001 [далее — *Лихачев Д.С. Текстология*]. С. 180–240.

³⁹ *Зиборов В.К.* О летописи Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995. С. 134.

⁴⁰ *Тихомиров М.Н.* Начало русской историографии. С. 43–48, 51–52; *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. [М., 1963.] С. 160–173.

⁴¹ Вот лишь некоторые из работ, посвященных этой проблеме: *Шахматов А.А.* К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В.Н. Татищева // Дела и дни. Вып. 1. Пг., 1920. С. 94–95; *Пештич С.Л.* О «договоре» Владимира с волжскими болгарами 1006 года // Исторические записки. Т. 18. М., 1946. С. 327–335; *Тихомиров М.Н.* О русских источниках «Истории Российской» В.Н. Татищева // Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 39–53 (перепечатка в сб.: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 66–83); *Валк С.Н.* «Вельможки» в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 24: Литература и общественная жизнь Древней Руси / отв. ред. Д.С. Лихачев [далее — ТОДРЛ]. Л.: АН СССР: Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский Дом), 1969. С. 349–352; *Сазонова Л.И.* Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в обработке В.Н. Татищева // ТОДРЛ. Т. 25: Памятники русской литературы X–XVII вв. М.; Л., 1970. С. 29–46; *Добрушкин Е.М.* О двух известиях «Истории Российской» В.Н. Татищева под 1113 г. // Вспомогательные исторические

Без таких «текстологических достроек» придется признать (как это делал М.Н. Тихомиров, критикуя, правда, не свои выводы, а Д.С. Лихачева): если относить начало русского летописания к XI в., окажется, что «вся древнейшая история Руси фактически представляет собой пересказ различного рода преданий, а тем самым и достоверность сведений по истории Руси первой половины XI века снижается до крайности. Какую ценность как исторический источник может иметь, например, рассказ о княжении Игоря, если он записан более чем за 100 лет после описываемого в нем события?»⁴² Тем не менее, писал он, «принимая за дату написания первых летописных известий середину или вторую половину XI в., многие историки со странной непоследовательностью вполне серьезно цитировали и комментировали летописные сказания, относящиеся даже к IX в. В силу этого, например, легенда о призвании князей трактовалась как известие достоверное, хотя тут же сказание о Кие, Щеке и Хориве зачислялось в разряд преданий»⁴³. Чтобы избежать упрека в подобной алогичности, историки и филологи высказывали различные догадки о существовании якобы предшествовавших «Повести временных лет» и «Начальному своду» 90-х годов XI в. «Сказания о первоначальном распространении христианства», «Сказания о русских князьях X в.», «Повести о начале Руси», летописи Осколда и Ярослава Святославовича, древлянской летописи, свода Владимира и др.⁴⁴ Ни одна из них не обоснована текстологически.

Скажем, избыточные известия Никоновской летописи, которые были положены Б.А. Рыбаковым в основу гипотезы об «Оскольдовой летописи»

дисциплины. Л., 1970. Вып. 3. С. 284–290; Добрушкин Е.М., Лурье Я.С. Историк — писатель или издатель источников? К выходу в свет академического издания «Истории Российской» В.Н. Татищева // Русская литература. 1970. № 2. С. 221–222; Кузьмин А.Г. Был ли В.Н. Татищев историком? // Русская литература. 1971. № 1. С. 58–63; Лихачев Д.С. Можно ли включать «Историю Российскую» Татищева в историю русской литературы? // Там же. С. 65–66; Рыбаков Б.А. В.Н. Татищев и летописи XII в. // История СССР. 1971. № 1. С. 91–109; Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 184–276; Кузьмин А.Г. Статья 1113 г. в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Вестник Московского ун-та (История). 1972. № 5. С. 79–89; Добрушкин Е.М. К вопросу о творческой лаборатории В.Н. Татищева // Вопросы историографии и источниковедения. Казань, 1974. С. 131–138; Добрушкин Е.М. К вопросу о происхождении сообщений «Истории Российской» В.Н. Татищева // Исторические записки. Т. 97. М., 1976. С. 281–287; Добрушкин Е.М. К изучению творчества В.Н. Татищева как писателя русской истории: Древнерусский «обычай» В «Истории Российской» // XVIII век. Вып. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. Л., 1974. С. 149–167; Добрушкин Е.М. О методике изучения «татищевских известий» // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. 1976. М., 1977. С. 76–96; и мн. др.

⁴² Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР: учеб. пособие [2-е изд.]. Вып. 1: С древнейших времен до конца XVIII века. М., 1962. С. 66.

⁴³ Тихомиров М.Н. Начало русской историографии. С. 46.

⁴⁴ Черепнин Л.В. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. Вып. 25. [Б.м.] 1948.; Тихомиров М.Н. Начало русской историографии. С. 56; Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 187, 190–192.

си», проанализировал в свое время Б.М. Клосс. Он пришел к выводу, что часть уникальных известий за 6375/867–6397/889 гг. «вполне объясняется интересами той наступательной политики в отношении Казани, которую проводило московское правительство в 20-х годах XVI в., когда составлялась Никоновская летопись», другие же сведения «носят отчетливо легендарный характер или основаны на домыслах составителя». Впрочем, замечает Б.М. Клосс, «проблема уникальных известий Никоновской летописи во всей ее полноте <...> заслуживает самостоятельного изучения»⁴⁵. Мало того, первая же проверка подобных умозрительных конструкций методами текстологии доказывает их полную несостоятельность⁴⁶. К сожалению, полная критическая проверка многочисленных догадок о «предлетописной» работе древнерусских книжников до сих пор не проведена. Их авторы, говоря словами Я.С. Лурье, «невольнo возвращаются к дошахматовским методам разложения летописных сводов на отдельные элементы»⁴⁷. Именно желание как-то оправдать использование ранних сообщений «Повести временных лет» дает начало неодолимому стремлению непременно учуять в них дух русского фольклора, народных преданий, «устных летописей». К примеру, в рассказе о «чудовищной мести» Ольги Б.А. Рыбаков ощущает «древлянскiй дух»⁴⁸, а Д.С. Лихачев полагает, что в основе его лежит фольклорный рассказ, прославляющий мудрость Ольги⁴⁹.

Другим примером может служить использование в работе Ю.Д. Акашева⁵⁰ сведений, якобы почерпнутых В.Н. Татищевым из «Иоакимовской летописи». При этом сам Ю.Д. Акашев, следуя существующей традиции, полагает, что положительное решение вопроса о подлинности самого этого памятника (точнее — о его раннем происхождении) является одновременно доказательством достоверности (в общепринятом смысле этого слова) его известий, касающихся древнейшего периода истории Руси⁵¹.

Однако еще в XIX в. было надежно установлено, что данная «летопись», сохранившаяся лишь в выписках В.Н. Татищева, представляет собой позднейшую компиляцию из русских и иностранных известий с присоединением литературных, подчас баснословных «украшений», характерных для

⁴⁵ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 186–187, 189.

⁴⁶ См., например: Баловнев Д.А. «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси»: Опыт критического анализа // Церковь в истории России. М., 2000. Сб. 4. С. 5–46.

⁴⁷ Лурье Я.С. Изучение русского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. 1968. Вып. 1. Л. С. 30.

⁴⁸ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 180–181.

⁴⁹ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 132–137.

⁵⁰ Акашев Ю.Д. Историко-этнические корни русского народа. М., 2000.

⁵¹ Там же. С. 194–196; и др.

XV и особенно XVI–XVIII вв.⁵² Этот вывод поддержали С.К. Шамбинаго⁵³ и С.Н. Азбелев⁵⁴. В последнее время удалось доказать, что так называемая «Иоакимовская летопись» — мистификация (или, лучше сказать, гипотетическая реконструкция) В.Н. Татищева, «составленная с учетом “последних достижений науки”»⁵⁵. Об этом свидетельствуют не только противоречия в рассказах Татищева об обстоятельствах получения и работы с «летописью», описаниях ее внешнего вида и состава, но и текстологический анализ редакций «Истории России». Вывод, к которому пришел А.П. Толочко, работавший с татищевскими рукописями, весьма убедителен: «Псевдо-Иоаким работал на основании той же библиотеки, что и Татищев. Его текст самым тесным образом связан с проблемами, которые Татищев решает в других разделах “Истории”. Более того, псевдо-Иоаким владел уникальной информацией, доступной в 1740-х годах только Татищеву и притом делал идентичные татищевским ошибки, спровоцированные орфографией доступных Татищеву летописей»⁵⁶. При этом в прочих источниках никаких следов «Истории Иоакима» (как называл ее сам В.Н. Татищев) не прослеживается. Зато анализ разночтений в последовательных редакциях «Истории России» дает все основания утверждать, что «текст Иоакима возникал параллельно и в связи с редактированием примечаний», а «идеи Татищева, либо уже содержащиеся в примечаниях, либо только возникающие в процессе их редактирования, переносились затем в текст “отрывка” в форме фактических сообщений источника»⁵⁷. «Это сегодня, — подчеркивает А.П. Толочко, — после двух столетий обследования летописных списков и огромной текстологической работы, мы знаем, что могло и что не могло читаться в древнейших из них, как мог и как не мог выглядеть древней текст. Современный исследователь держит в голове весьма детальную стемму летописания, позволяющую, постоянно сверяясь с ней, расположить практически любой текст относительно прочих текстов. Во времена Татищева подобной стеммы в уме никто не держал, в том числе и он сам, а значит, идентифицировать поздние/новые тексты было чрезвычайно проблематично, по сути дела, невозможно, что и засвидетельствовал шумный успех псевдо-Иоакима у нескольких поколений историков»⁵⁸.

⁵² Лавровский П.А. Исследование о летописи Якимовской // Ученые записки II отделения имп. Академии наук. Кн. 2. Вып. 1. СПб., 1856. С. 77–159.

⁵³ Шамбинаго С.К. Иоакимовская летопись // Исторические записки. [Б.м.] 1947. Вып. 21. С. 254–270.

⁵⁴ Азбелев С.Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960.

⁵⁵ Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 242.

⁵⁶ Там же. С. 241.

⁵⁷ Там же. С. 232.

⁵⁸ Там же. С. 244.

Поэтому по меньшей мере наивно полагать, будто совершенно мифический рассказ Иоакимовской летописи о том, как в вешем сне князю Гостомыслу было предсказано рождение его дочерью Умилой сына, наследующего деду, является следом осознания и легитимации нового порядка наследования в Древней Руси. Перед нами — вольное переложение геродотовой легенды о том как было предсказано рождение Кира: сон Астиага о виноградной лозе, которая выросла из чрева его дочери Манданы⁵⁹.

Все приведенные примеры свидетельствуют об определенном кризисе традиционного понимания (или, лучше сказать, традиционного непонимания или даже полного непонимания) древнерусских (да и всех прочих) источников, основывающемся на классическом текстологическом анализе. При всех неоспоримых достоинствах такого подхода исследователи, использующие его, все чаще сталкиваются с тем, что он — впрочем, как и любой другой метод — имеет свои пределы применения. И эти ограничения уже нельзя игнорировать.

Критические замечания в адрес так называемой шахматовской методики, сводящей источниковедческий анализ к текстологии, звучали уже не раз. И если оппоненты-филологи, как правило, ставили в упрек даже самому А.А. Шахматову отход в его историко-литературных построениях от «чистой» текстологии, то историки, напротив, полагали, что великий исследователь слишком узко подходил к летописям, замыкаясь исключительно в текстологических построениях, — вне той исторической среды, которая их породила.

Так, с одной стороны, В.М. Истрин вполне справедливо отмечал, что гипотезы А.А. Шахматова далеко не всегда базировались на собственно текстологических наблюдениях. Анализируя принципы, основываясь на которых А.А. Шахматов выделял вставные тексты, он отмечал, что «исходным пунктом для признания той или другой вставки является исключительно субъективное понимание каждого отдельного летописного рассказа. Но такое субъективное понимание текста, соединенное с особенным стремлением видеть чуть ли не на всякой странице позднейшую вставку, естественно, вызывает возражение, и мы видели, что во всех случаях нет никаких оснований видеть какие-либо противоречия, которые указывали бы на наличность позднейших вставок»⁶⁰.

Эта мысль позднее получила развитие. Так, один из наиболее последовательных современных преемников А.А. Шахматова, Я.С. Лурье, подчеркивал: «Датировка Древнейшего свода, предложенная А.А. Шахматовым,

⁵⁹ Геродот. История: в 9 кн. / пер. и примеч. Г.А. Стратоновского. Л., 1972. С. 108.

⁶⁰ Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А.А. Шахматова в области древнерусской летописи // ИОРЯС. Т. 26. Пг., 1923. С. 91; ср.: Истрин В.М. Исследования в области древнерусской литературы. Т. I–V. СПб., 1906. С. 153, 165, 173–174; и др.

имела предположительный характер, и реконструкция этого свода лишь в небольшой части опиралась на сравнительно-текстологические данные»⁶¹. Этот же исследователь отмечал: «Примером шахматовских “больших скобок” можно считать его гипотезу о “Полихроне Фотия” 1423 г. — общем источнике свода 1448 г., <...> Ермолинской летописи и Хронографа. Исследованиями последних десятилетий установлено, что и Ермолинская, и Хронограф восходили не к “Полихрону Фотия”, а к сводам второй половины и конца XV в.; предположение о “Полихроне Фотия” лишается поэтому своей текстологической основы»⁶². При такой постановке вопроса остается неясным, какие собственно «текстологические основы» были у этой гипотезы А.А. Шахматова до того, как текстологический анализ установил связь Ермолинской летописи и Хронографа со сводами второй половины XV в.? И почему эта гипотеза «лишается своей текстологической основы» только теперь? Быть может, ее не было и прежде, а была лишь гипотеза, с помощью которой А.А. Шахматов пытался объяснить текстуальные совпадения в изучавшихся им источниках?

С другой стороны, В.Т. Пашуто, например, считал, что А.А. Шахматов неправомерно сводит исторические условия, породившие летописи, лишь к «литературной среде» — «тому составу сборников и сводов, где обретаются эти своды»⁶³. Из этого делался очень важный вывод: «Отдельные попытки Шахматова дать какое-либо смысловое объяснение полученным им чисто механическим путем построениям были произвольны как в деталях, где он широко применял конъектуральную критику, стремясь к “естественному истолкованию” “простого смысла”⁶⁴ текста, в отрыве от общей тенденции источника, в составе которого он сохранился, так и в целом»⁶⁵, а потому «в чистом виде его текстология служила практике буржуазной историографии эпохи империализма»⁶⁶. При этом, естественно, подразумевалось, что «общая тенденция источника» заведомо известна любому мало-мальски квалифицированному историку-марксисту. Позднее эти критические положения В.Т. Пашуто были поддержаны и развиты⁶⁷.

⁶¹ Лурье Я.С. О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. М., 1976. С. 97.

⁶² Там же. С. 101.

⁶³ Шахматов А.А. Отзыв о сочинении С.К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906 // Отчет о XII присуждении премии митрополита Макария. СПб., 1910. С. 84–85.

⁶⁴ См.: Шахматов А.А. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни // Научный исторический журнал. СПб., 1914. Т. 2. Вып. 2. № 4. С. 32 [ссылка В.Т. Пашуто].

⁶⁵ Пашуто В.Т. А.А. Шахматов — буржуазный источниковед // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 61–62; Пашуто В.Т. Некоторые общие вопросы летописного источниковедения. С. 72.

⁶⁶ Там же. С. 70.

⁶⁷ Например: Черепнин Л.В. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50–70-х годах; Кузьмин А.Г. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей // Вопросы истории. 1973. № 2; Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 5–54; и др.

Так, А.Г. Кузьмин завершил критический анализ методологических подходов к изучению раннего летописания следующим пассажем: «Формальное сопоставление текстов всегда имеет тенденцию к замыканию их “в искусственном мире самодвижения редакций и разночтений”⁶⁸. Достоверные данные из текстов могут быть получены при условии, если сравнение постоянно соразмеряется с той общественно-исторической средой, в которой возникли и обращаются изучаемые памятники. Встречая сходные описания, говорит Б.А. Рыбаков, исследователь “обязан убедиться в невозможности возвести их к жизни и лишь после этого говорить о литературном воздействии”⁶⁹. Именно установление связи между текстом и породившей его общественной средой должно составлять основное содержание летописеведческого исследования. Безусловно, это несравнимо более сложная задача, чем констатация фактов текстуального расхождения и сходства. Но без ее решения текст не может быть даже правильно прочитан»⁷⁰.

Обращает на себя внимание, что подобная критика шахматовской методологии явно неудовлетворительна, поскольку «правильное» прочтение самого источника и установление его «общей тенденции» либо сводятся к результатам формально-текстологического сопоставления (без объяснения, как данные текстологии можно «перевести» в общую характеристику источника⁷¹), либо предшествуют собственно научному изучению его текста.

Попытку выбраться из этого порочного круга недавно предпринял С.Я. Сендерович. Он предложил свой «выход за пределы шахматовской перспективы в рамках научной методологии», в котором «господствует не генетическая система отношений, а контекстуальная: внутренний анализ летописных текстов здесь включается в интертекстуальную перспективу». «Контекстуальный подход», по определению его автора, «нацелен, прежде всего, на поиски *интегральной* перспективы, поиски того, что составляет основу единства разнообразных текстов в рамках свода, что делает их участниками единой работы»⁷².

Такой перспективой для летописных текстов, по мнению С.Я. Сендеровича (с которым в данном случае трудно не согласиться), является

⁶⁸ Воронин Н.Н. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор // ТОДРЛ. Т. 13. М.; Л., 1957. С. 14 [ссылка А.Г. Кузьмина].

⁶⁹ Рыбаков Б.А., Филин Ф.П., Кузьмина В.Д. Старые мысли, устарелые методы: Ответ А.А. Зимину // Вопросы литературы. 1967. № 3. С. 158 [ссылка А.Г. Кузьмина].

⁷⁰ Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 53–54.

⁷¹ В этом отношении любопытно замечание С.Я. Сендеровича: «Шахматов, хотя и обладал отличной интуицией относительно характера находившегося перед ним текста, никогда не анализировал тексты в качестве литературных целостностей» (Сендерович С.Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь / сост В.Я. Петрухин. М., 2000. С. 472).

⁷² Там же. С. 476, 477.

Священное Писание: первый летописец, «как и всякий средневековый писатель, — экзегет». «Его источники: во-первых, Священная История, во-вторых, греческие хронографы» (при этом, правда, не поясняется, почему экзегетика должна быть так тесно связана с греческой хронографией). «Его задача заключается в том, чтобы события жизни его собственного народа подключить к универсальной, т.е. христианской истории, таким образом подключить ее к историографической традиции, извлечь из области внеисторического бытия и баснословия и, собственно, сделать историей». «Чтобы стать летописцами, они [зачинатели русского летописания] должны, прежде всего, быть теологами и историософами». «Те источники, по которым они учились тому, что такое история, — это доступные им книги Священной Истории евреев или отрывки из них, Толковые Пророчества отцов церкви и греческие хроники и хронографы, передающие Священную Историю и ее продолжение, а также Деяния и Послания апостолов, где толкуются проблемы подключения к истории новой ее ветви. В этом же ряду находится и традиция апостолов славян Кирилла и Мефодия. Во всех этих источниках историософия и историография предстают как истолкование событий на основе Священного Писания, т.е. в качестве экзегезы». «Тут нельзя не быть теологом», — заключает С.Я. Сендерович⁷³.

Приведенные рассуждения, безусловно, логичны и по сути, скорее всего, правильны. Настораживает, однако, вполне ощутимый априоризм предлагаемого подхода. Напомню, в советский период считали, что летописец «не должен был быть» «церковником», даже если он, вне всякого сомнения, был монахом. Так, например, Д.С. Лихачев утверждал: «Летописец не так уж часто руководствовался своей философией истории, не подчинял ей целиком повествование, а только внешне присоединял свои религиозные толкования тех или иных событий к деловому и в общем довольно реалистическому рассказу о событиях», а «религиозные воззрения... не пронизывали собою всего летописного изложения»⁷⁴. Дело доходило до того, что специфика даже заведомо «конфессиональных» текстов, таких как «Сказание о чудесах Владимирской иконы» или «Житие Леонтия Ростовского», виделась «не в “церковности”, как считают некоторые исследователи», а в «светском, государственно-политическом пафосе их отличающем». При этом утверждалось, что «Сказание о Леонтии Ростовском», «несмотря на агиографический жанр, <...> пронизано светскими темами»⁷⁵. Теперь же,

⁷³ Там же. С. 477–478.

⁷⁴ Лихачев Д.С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк // Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996. С. 297; ср.: Лихачев Д.С. Литература — реальность — литература. Л., 1981. С. 129–130.

⁷⁵ Филипповский Г.Ю. Столетие дерзаний: Владимирская Русь в литературе XII в. М., 1991. С. 76.

по мнению С.Я. Сендеровича, он просто обязан («не может не») быть «теологом». Между тем и это — последнее — *предположение* (как и предшествующее ему) сначала надо доказать. Иначе оно в научном плане выглядит ничуть не лучше позиции советских исследователей. К тому же круг чтения летописца и его *актуального* читателя (на которого изначально ориентировался текст летописи) должен быть определен более точно. Мало того, необходимо выяснить (и опять-таки доказать), *что* из доступной им литературы *они* читали, и понять, *как* читали: что из нее «вычитывали» и как это «вычитанное» понимали. При этом надеяться, что в распоряжении историка, занимающегося историей Древней Руси, окажется комплекс источников, подобный тому, который позволил в свое время К. Гинзбургу выяснить, *что* и, главное, *как* читал Меноккио, — не приходится⁷⁶.

Поэтому «интертекстуальный» поворот, провозглашаемый и пропагандируемый С.Я. Сендеровичем (при том, что он — в плане ментальных структур — представляется в принципе более корректным, чем подход к летописанию и летописцу, скажем, Д.С. Лихачева), оказывается столь «тотальным», что методически проигрывает традиционному «шахматовскому» подходу. Эта «большая корректность», пожалуй, в еще большей степени разрушает исследуемый текст. В свое время Л.М. Баткин отмечал: «Вычлененные из текста правила его организации, значения, общие места, мировоззренческие мотивы наверняка окажутся похожи на что-то еще, на как будто такие же правила и мотивы в других текстах или вообще в других эпохах и регионах. В конечном счете: все было всегда, все подобно всему... Действительно: есть тысячелетние традиции, есть «вечные идеи», есть эпохальные или даже межэпохальные, невероятно устойчивые черты сознания; отсюда можно двигаться к установлению совершенно уже сверхисторических, антропологических условий и структур. Во всяком случае, выясняется, что конкретное богатство текста сводимо к богатству ВНЕтекстовых, ПРЕДтекстовых, МЕТАтекстовых кодов и ментальностей. Тогда сам текст, с его своеобразием, снят исследованием, открывающим в нем знакомое, общее с другими текстами. Он воспроизводит, но не производит культуру...»⁷⁷ Предлагаемый же С.Я. Сендеровичем «нативистский план» «Повести временных лет» представляется не более чем очередной спекуляцией (хотя и достаточно остроумной). По словам самого исследователя, этот «план возможно обнаружить только в культурно-исторической перспективе, выходящей за рамки собственно русской истории, т.е. путем включения русской истории в тот контекст, в котором она возникла имен-

⁷⁶ Гинзбург К. Сыр и черви: картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000.

⁷⁷ Баткин Л.М. Два способа изучать историю культуры // Вопросы философии. 1986. № 12. С. 107 (курсив мой. — И. Д.).

но как культурная история»⁷⁸. Очевидно, такое «включение» не требует от историка предварительного «внутреннего» анализа источника — достаточно определить время и место его возникновения.

До тех пор пока не будут предложены принципы редукции подобных методологических оснований в конкретную методику, позволяющую получать верифицируемые результаты, «контекстуальный» или «интертекстуальный» подход (при всей его соблазнительности) не может конкурировать с методом А.А. Шахматова. А всякая попытка разработки подобной методики, видимо, неизбежно (поскольку единственной реальностью, непосредственно доступной историку, были и остаются тексты) заставит вновь обратиться к текстологии — единственной дисциплине, результаты которой так или иначе можно проверить. Вопрос, судя по всему, лишь в том, что понимать под текстологией.

Видимо, настало время поставить вопрос о пределах использования филологической текстологии и разработке текстологии источниковедческой, или, лучше сказать, исторической, поскольку она решает не только собственно источниковедческие, но и конкретно-исторические проблемы: создание научных реконструкций исторического процесса.

ТЕКСТОЛОГИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ И ТЕКСТОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

Текстология в рамках филологических (и, уже, литературоведческих) исследований и в рамках исследований исторических различается не столько методами и приемами работы с текстом, сколько целями и функциями.

И та, и другая занимаются установлением (в специальном смысле этого термина) текстов и их генеалогией, выявлением пропусков и вставок, а также определением источников, на которые опирались авторы и редакторы анализируемого произведения. Однако цели, которые они преследуют, различны. Цель текстологии филологической — определить текст произведения, который будет опубликован в качестве основного, в то время как все прочие будут использованы как разночтения, варианты данного произведения. На этом сходятся практически все специалисты в области текстологии / критики текста. «Задача текстологии состоит в том, чтобы получить текст, как можно более близкий к оригинальному (*constitutio textus*)», — писал Поль Маас⁷⁹. Это определение практически повторяет Р. Кенней: «Техника восстановления текстов в форме, как можно более

⁷⁸ Сендерович С.Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии. С. 494.

⁷⁹ Maas P. Textual Criticism. P. 1.

близкой к оригинальной, называется текстологией»⁸⁰. Согласен с ними и Дж. Постгейт: «Задачу “текстолога” можно определить как восстановление текста, насколько это возможно, в его оригинальной форме, если под “оригинальной формой” мы понимаем форму, задуманную автором»⁸¹. Цель такого восстановления — подготовка текста к публикации. «Считалось, что изучение рукописей ограничивается “добыванием” текста памятника, наиболее близкого авторскому оригиналу <...>, который должен быть положен в основу издания», — писал Д.С. Лихачев⁸². При этом он категорически отказал в подобной цели «современной» текстологии. Однако тут же неоднократно — в иных формах — вынужден был вернуться к ней: «Текстология ставит себе целью изучить историю текста памятника на всех этапах его существования в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т.е. на протяжении всего того времени, пока изменялся текст памятника. Только путем полного изучения истории текста памятника как единого целого, а не путем эпизодической критики отдельных мест может быть достигнуто и восстановление первоначального авторского текста памятника». И далее: «Сперва полностью изучить историю текста памятника, а потом его критически издать... — таков принцип, к которому постепенно приходят современные... текстологи-медиевисты»⁸³. Единственное принципиальное отличие «новой» текстологии от «старой» — то, что вторая руководствовалась диаметрально противоположным принципом: «сперва издать — потом исследовать: таков, в основном, был принцип старого русского литературоведения»⁸⁴. Впрочем, еще полвека тому назад В.Т. Пашуто отметил: «Идущий спор о том, как вести работу — сначала изучать, а потом публиковать или наоборот, кажется мне надуманным <...>; история науки свидетельствует о том, что это неразрывный процесс и едва ли стоит наперед отдавать предпочтение той или иной тенденции»⁸⁵.

Как видим, несмотря на стремление Д.С. Лихачева перенести акцент на изучение истории текста, текстология — как «старая», так и «новая» — продолжает определяться «как “система филологических приемов” к изданию памятников»⁸⁶. Мало того, теперь издание «памятника» прямо называется конечной целью, которую преследует текстология (для «старой» текстологии, по определению самого Д.С. Лихачева, публикация оказывалась про-

⁸⁰ Kenney R. History, Textual Criticism // Encyclopedia Britannica: Macropaedia. 15th ed. Vol. 20. Chicago, 1985. P. 676.

⁸¹ Postgate J.P. Textual Criticism // Encyclopedia Britannica. Vol. 14. 1929. P. 709.

⁸² Лихачев Д.С. Текстология. С. 30.

⁸³ Там же. С. 27 (курсив мой. — И. Д.)

⁸⁴ Там же. С. 26.

⁸⁵ Пашуто В.Т. Некоторые общие вопросы летописного источниковедения. С. 67.

⁸⁶ Лихачев Д.С. Текстология. С. 27 (со ссылкой на кн.: Томашевский Б.В. Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959. С. 30).

межуточным звеном в изучении текста). При этом, по существу, текстология продолжает оставаться «системой приемов к добыванию первоначального текста для его издания»⁸⁷.

Впрочем, Д.С. Лихачев давал и «широкое» определение текстологии: в советское время, по его мнению, «история текста памятника стала рассматриваться в самой тесной связи с мировоззрением, идеологией авторов, составителей тех или иных редакций памятников и их переписчиков. История текста явилась в известной мере *историей их создателей* и отчасти <...> их читателей»⁸⁸. Другой вопрос, что *такой* филологическая текстология пока так и не стала.

Основная же цель исторической текстологии, видимо, несколько иная. Она направлена не столько на установление «авторского» (оригинального) текста, сколько должна состоять в реконструкции генеалогии текста источника как таковой. Последняя включает решение ряда принципиально важных для историка вопросов, которые выходят за рамки профессиональных интересов текстологов-литературоведов или волнуют их, так сказать, факультативно: имеет ли описание реальную основу? откуда автор получил информацию? можно ли ее проверить? и т.п.

Такая постановка вопроса не нова. Еще в 1966 г. С.Н. Азбелев дал определение «исторической» текстологии: «Текстология — вспомогательная историческая дисциплина, устанавливающая генетические взаимоотношения текстов путем сравнительно-исторического изучения их»⁸⁹. При этом, правда, не уточнялось, что дает историку такое сравнение.

Дело здесь не в том, лучше ли эта дефиниция того определения текстологии, которое дают филологи⁹⁰. Азбелев просто предложил определение *другой* текстологии — той, которая в большей степени волнует историков («вспомогательной исторической дисциплины»).

Главное заключается в том, что литературоведческую текстологию прежде всего интересует *окончательный* вариант текста произведения, подлежащий публикации («последняя воля автора», последнее прижизненное издание, «канонический» текст и т.п.), тогда как в центре внимания текстологии исторической находится *наиболее ранний*, а еще лучше — *первоначальный* (если это возможно установить) вариант текста источника: именно он предоставляет историку потенциальную возможность реконструировать реальный ход событий, в то время как все последующие трансформации этого текста свидетельствуют лишь о том, как то или иное

⁸⁷ Там же. С. 26.

⁸⁸ Лихачев Д.С. Текстология. С. 28.

⁸⁹ Азбелев С.Н. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина. С. 91.

⁹⁰ Пашуто В.Т. Некоторые общие вопросы летописного источниковедения. С. 70.

событие воспринималось и осмыслялось (переосмыслялось) ближайшими или отдаленными потомками.

Итак, историческая и литературоведческая текстологии имеют частично совпадающий *объект изучения* — списки текстов. Однако у исторической текстологии этот объект шире, поскольку она изучает не только вербальные, но также визуальные и материальные тексты (в широком смысле этого слова). *Предмет исследования* у этих дисциплин различен: историческую текстологию интересует прежде всего содержание текста — ретроспективная информация, сохранившаяся в нем; литературоведческую же текстологию занимает преимущественно форма изложения. Соответственно, различаются цели и задачи этих дисциплин. *Цель* исторической текстологии — выявление в тексте исторического источника ретроспективной информации об интересующем историка событии, явлении или процессе. *Задачи*, которые она решает, в самом общем виде сводятся к: 1) доказательству, что данный текст является историческим источником; 2) классификации и первичной обработке различных видов ретроспективной информации, которая на следующем этапе исторического исследования становится основой научных реконструкций прошлого. При этом *методические приемы*, которыми пользуются как филологи, так и историки при работе с текстом, практически совпадают.

РАЗДЕЛ 1

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕКСТОЛОГИИ

ТЕКСТ

1.1. ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ ТЕКСТА

Приступая к изложению основных принципов, приемов и методов текстологии, а также использования ее данных и методов в историческом исследовании, следует определиться с терминологией, которая будет использоваться в дальнейшем изложении.

Прежде всего в определении нуждается базовое понятие, с которым связаны как историческое источниковедение, так и историческая и литературоведческая текстологии, обозначаемое термином *текст*.

Как уже говорилось, так называемое фактическое знание в истории по сути своей является реконструкцией прошлого, точнее, реконструкцией каких-то его элементов, которые могут быть воссозданы на основании ретроспективной информации, сохраненной историческими источниками. По точному выражению Ю.М. Лотмана, «в отличие от дедуктивных наук, которые логически конструируют свои исходные положения, или опытных, которые способны их наблюдать, историк обречен иметь дело с *текстами*. Условия опытных наук позволяют, по крайней мере в первом приближении, рассматривать факт как нечто первичное, исходно данное, предшествующее интерпретации. Факт наблюдается в лабораторных условиях, обладает повторностью, может быть статистически обработан. Историк обречен иметь дело с *текстами*. Между событием “как оно произошло” и историком стоит текст, и это коренным образом меняет научную ситуацию. Текст всегда кем-то и с какой-то целью создан, событие представлено в нем в зашифрованном виде. Историк должен, прежде всего, выступить в роли дешифровщика. Факт для него не исходная точка, а результат трудных усилий. Он сам создает факты, стремясь извлечь из текста вне-текстовую реальность, из рассказа о событии — событие»¹. Близкие мысли

¹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек-текст-семиосфера-история. М., 1996. С. 301–302.

высказывали М.М. Бахтин («текст — первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины»²), Я.С. Лурье («источник — единственная эмпирическая основа наших исторических знаний»³), Ж. Дюби (источник — «единственно доступная им [историкам. — И. Д.] реальность»⁴) и др.

Любопытно, что еще 100 лет назад проблема определения текста, видимо, еще не волновала филологов: в «Литературной энциклопедии», изданной в 1925 г., не было даже такой статьи⁵. Зато начиная с 70-х годов прошлого века теория текста разрабатывалась довольно подробно с самых разных точек зрения⁶. Текст рассматривался как «целостный комплекс языковых, речевых и когнитивных факторов, неразрывное единство и взаимодействие которых и определяет его внутреннюю смысловую сущность»⁷.

Параллельно с этим в начале XX в. разработка представлений о человеческой деятельности как «объективизации духа» (В. Дильтей) привела к расширительному пониманию текста. В качестве такового было предложено рассматривать всю человеческую деятельность и ее результаты. Начиная с середины прошлого столетия представители постмодернизма склонны были в качестве текста рассматривать уже весь мир. Однако такое понимание текста выводило его за рамки гуманитарных наук. Как отмечал Л.Г. Андреев, «понимание текстов возможно лишь в “дискурсивном поле культуры”». Иначе говоря, их можно понять только в связи с другими текстами, но не в связи с каким-либо “буквальным” значением или нормативной истиной. Неизбежное присутствие предыдущих текстов — интертекстуальность — не позволяет любому тексту считать себя автономным. Деконструкция как общий метод постмодернистского анализа <...> неизбежно превращается в многосмысленный и бесконечный интерпретативный процесс, который релятивизирует любой текст, любое понятие, — и потому лишает смысла проблему истины. Таким образом, язык оказывается непостоянной средой, он не может непосредственно нести смысл или истину. Отсюда вытекает важнейший тезис постмодернизма о несамостоятельности

² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986. С. 308

³ Лурье Я.С. О возможности и необходимости при исследовании летописей // ГОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 14

⁴ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции // Одиссей: Человек в истории. М., 1991. С. 52.

⁵ Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов: в 2 т. М.; Л., 1925.

⁶ Гальперин И.Р. О понятии «текст»: матер. науч. конф. «Лингвистика текста». Т. 1. М., 1974; Синтаксис текста: сб. статей / под ред. Г.А. Золотовой. М., 1979; Структура текста / отв ред. Т.В. Цивьян. М., 1980; Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981; Текст в тексте // Уч. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1981. Вып. 567; Тураева З.Я. Лингвистика текста. М., 1986; Филиппов К.А. Лингвистика текста. СПб., 2007; Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009; и мн. др.

⁷ Новиков А.И. Текст и смысловые доминанты. М., 2007. С. 10.

ности текста и о ненадежности знания, получаемого с помощью языка»⁸. С такой точкой зрения солидарен М.М. Бахтин, отмечавший, что «интерпретация смыслов не может быть научной», хотя тут же добавлял, что «она глубоко познавательна»⁹.

В настоящее время *текстом* (от лат. *textus* — ткань, сплетение, соединение) принято называть последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются смысловая связность и цельность. В различных дисциплинах под *текстом* могут подразумеваться разные сущности: в языкознании — это последовательность вербальных (словесных) знаков (в том числе устная речь); в литературоведении — «письменное сообщение, объективированное в виде письменного документа, состоящее из ряда высказываний, объединенных разными типами лексической, грамматической и логической связи, имеющее определенный моральный характер, прагматическую установку и соответственно литературно обработанное»¹⁰; в семиотике — любая форма коммуникации (в том числе обряд, танец, ритуал и т.п.), осмысленная последовательность любых знаков¹¹.

Уже на начальных этапах становления филологических наук (к числу которых вплоть до второй половины XIX в. относилась история) исследователи исходили из того, что текст представляет собой внешнюю форму, выражение, проявление или, как сказали бы сегодня, объективацию духовной жизни автора. На это, в частности, одним из первых обратил внимание филолог и философ Георг Антон Фридрих Аст¹², это же качество текста подчеркивал Ф. Шлейермахер¹³. Вплоть до сего дня представление о том, что все тексты — это результат сознательной деятельности человека, является основой их изучения¹⁴.

Д.С. Лихачев определял текст как «языковое выражение замысла его создателя». «Для понятия текста, — отмечал выдающийся текстолог, — во всех случаях важно <...> следующее: он результат сознательного к нему отношения. Бессознательно сделанные ошибки рукописи не входят в понятие текста. Это внетекстовые явления, возникающие помимо воли создателя текста. К тексту не относятся особенности почерка рукописи, графики, типографского шрифта, рисунки автора на полях рукописи и проч.»¹⁵

⁸ Андреев Л.Г. Чем же закончилась история второго тысячелетия? Художественный синтез и постмодернизм // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000: учеб. пособие / под ред. Л.Г. Андреева. М., 2001. С. 311

⁹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 362.

¹⁰ Гальперин И.Р. О понятии «текст». С. 67.

¹¹ Николаева Т.М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 507.

¹² Ast F. Grundlinien der Grammatik, Hermeneutik und Kirtik. Landshut, 1808. S. 178.

¹³ Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004. С. 156–157.

¹⁴ Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. СПб., 2001. С. 129.

¹⁵ Лихачев Д.С. Текстология: краткий очерк. М.; Л., 1964. С. 14, 15.

В то же время Д.С. Лихачев отметил, что «понятие “текст” недостаточно дифференцировано», это «понятие очень сложное», которое «требует еще своего изучения». Причем «основное, что отделяет текстовые явления от нетекстовых <...> — это их языковая сущность», а «к явлениям нетекстовым относится все то, что не может быть признано языковым выражением определенного смыслового ряда». Другими словами, «текст выражает произведение в формах я з ы к а. Следовательно, то, что не относится к формам языка, а относится к формам графики или является результатом случайных описок, случайных пропусков писца или случайных повторений текста, случайных в него вставок — к тексту не относится. Это особенности не текста, а самого списка, рукописи». Только «то, что относится к языку, относится к тексту», «язык же <...> — это форма текста», и «основное, что отделяет текстовые явления от нетекстовых <...>, — это их языковая сущность»¹⁶.

Впрочем, к текстовым явлениям могут быть отнесены некоторые явления графики (например, шрифтовые выделения)¹⁷. Добавим к этому, что для ранних письменных произведений к нетекстовым явлениям следует отнести разбивку на слова и абзацы (иногда и на строки, если речь идет об акростихах), а также знаки пунктуации, которые появляются в ряде современных изданий (если издание не осуществляется буква в букву, строка в строку), поскольку они привнесены в текст как одна из форм его интерпретации публикаторами.

Определения *текста*, предлагаемые филологами, вполне подходят для историков, хотя последние периодически (чаще всего в качестве иллюстраций к вербальным текстам) используют и тексты невербальные. Впрочем, для историков при определении вербальных текстов нужна одна оговорка.

Филологи признают текстом словесное высказывание, состоящее минимум из двух предложений (*сложное синтаксическое целое, или сверхфазовое единство*)¹⁸. В одном предложении, каким большим и распространенным оно ни было бы (состоящим из двух или более фраз), действуют синтаксические правила, а части высказывания не подчиняются законам текста. Для историков же текстом может являться одно предложение (например, граффито на стене центрального нефа, на третьем от алтаря южном крещатом столбе Киевской Софии, рядом с фреской, изображающей св. Пантелеймона, обнаруженное С.А. Высоцким: «Въ 6562 мѣсяца фѣввари 20 усьпене царя нашего въ въ... [далее 2 строки не читаются] Феодора»¹⁹,

¹⁶ Лихачев Д.С. Текстология. С. 128–130.

¹⁷ Там же. С. 130.

¹⁸ См., например: Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. Л., 1989. С. 12–13.

¹⁹ Высоцкий С.А. Датированные граффити XI в. Софии Киевской // Советская археология. 1959. № 4. С. 243.

или новгородская берестяная грамота № 199 сер. XIII в., на лицевой стороне которой читается вся азбука и ряд слогов, а на оборотной — две записи: «А звѣре» и «Поклоно ѿ Онеѣма ко Данилѣ»²⁰. Это тем более оправданно, что в древнерусском языке деление текста на предложение довольно условно²¹. Мало того, в качестве текста историки могут рассматривать отдельные слова и даже простой набор букв (например, некоторые новгородские берестяные грамоты: № 74 сер. XII в., содержащая первые восемь букв славянской азбуки, а затем «какие-то росчерки, вообще не похожие на буквы»²², или № 200 сер. XIII в. — с именем «Онеѣме» и буквами «АБВГДЕЖШНИК»²³, и др.)²⁴. При этом атрибутом, существенным признаком текста, продолжает оставаться языковая форма.

Этот признак настолько важен и столь неразрывно связан с текстом, что многие современные лингвисты рассматривают текст как наиболее крупную единицу языковой системы, «абстрактную единицу языка наивысшего уровня»²⁵, которая изучается *лингвистикой текста*, позже трансформировавшейся в *дискурсивный анализ*²⁶. Так, по мнению И.Р. Гальперина, «текст представляет собой некое завершенное сообщение, обладающее своим содержанием, организованное по абстрактной модели одной из существующих в литературном языке форм сообщений (функционального стиля, его разновидностей и жанров) и характеризующееся своими дистинктивными [различительными] признаками»²⁷.

В дальнейшем мы будем исходить из определения *текста* как любого высказывания — независимо от его длины, сложности и содержательности (с точки зрения исследователя), — выраженного в той или иной языковой форме (вербальной, визуальной, материальной и т.п.). При этом следует помнить, что текст — понятие абстрактное: его можно произнести и услышать, а также записать, но вне своего материального носителя он не существует. Это — любой «опредмеченный образ»²⁸, который «акт чтения превращает

²⁰ Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1956–1957 гг. М., 1963. С. 17–20.

²¹ Подробнее см.: Ферран М. Монументальная фраза древнерусских писателей. М., 1999.

²² Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1952 г. М., 1954. С. 75.

²³ Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте. С. 20–21.

²⁴ Янин В.Л. Я послал тебе бересту... Изд. 3-е, испр. и доп. новыми находками; послесл. А.А. Зализняка. М., 1998. С. 50–70.

²⁵ Гальперин И.Р. Грамматические категории текста // Известия АН СССР: Сер.: Лит-ра и язык. 1977. Т. 36. № 6.

²⁶ Подробнее см.: Бархударов Л.С. Текст как единица языка и единица перевода // Лингвистика текста: матер. науч. конф. МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1974; Маслов Б.А. Проблемы лингвистического анализа связного текста: надфазовый уровень: учеб. пособие к спецкурсу. Таллин, 1975; Гальперин И.Р. Грамматические категории текста; и мн. др.

²⁷ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2006. С. 20.

²⁸ Левайан Ж. Письмо и генезис текста // Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999. С. 130–131.

<...> в текст»²⁹. Поэтому «текст становится текстом не в результате процесса его создания (генезиса), а как следствие эффекта восприятия, которое вовсе не обязательно совпадает с авторским решением»³⁰.

Определенную трудность в этой дефиниции представляет само понятие *языка*. Дело в том, что язык — также научная абстракция, не существующая вне лингвистики. Как писал А.А. Реформатский, «языком можно владеть и о языке можно думать, но ни видеть, ни осязать язык нельзя. Его нельзя и слышать в прямом перцептивном значении этого слова»³¹. И.Р. Гальперин рассматривает язык «как некий код, в котором сигналы (фонемы, морфемы, лексемы, синтаксемы и стилистические приемы) организуются в целях передачи соответствующей информации, доступной всем реципиентам, владеющим этим кодом. Такой общезыковой код, который представляет собой не что иное, как нормы литературного языка, разбивается на ряд субкодов — функциональные стили. Иными словами, литературный язык — это инвариант общей языковой системы, а функциональные стили — язык художественной литературы, язык газеты, язык научной прозы, язык официальных документов — являются вариантами этой общей языковой системы»³². По мнению французского поэта и философа Поля Валери, язык «не воспроизведение мысли — действительные мыслительные процессы ему недоступны, — но упрощенное и весьма отдаленное отображение этих процессов. Перейти от языка к мысли возможно лишь гипотетически»³³.

Наряду с таким узким пониманием языка в последние десятилетия появились и более широкие определения. Так, речь может идти о *языке культуры* — когда «все разнообразные невербальные параметры культуры, такие, как стиль одежды, планировка деревни, архитектура, мебель, пища, приготовление еды, музыка, физические жесты, позы, — организованы в модельные конфигурации так, чтобы включать закодированную информацию по аналогии со звуками, словами и предложениями обычного языка», а правила, устанавливающие порядок их сочетания и взаимодействия, имеют такой же смысл, как и грамматические правила, управляющие речевыми высказываниями³⁴. Такие языки (*культурные коды*) также используются для

²⁹ Э.Л. Текста не существует: Размышления о генетической критике // Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999. С. 124.

³⁰ Феррер Д. Шапка Клементиса: Обратная связь и инерционность в генетических процессах // Там же. С. 231.

³¹ Реформатский А.А. Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языков // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961. С. 119.

³² Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. С. 30.

³³ Valéry P. Cahiers: 1894–1914. Т. 1. Р., 1987. Р. 247.

³⁴ Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М., 2001. С. 17.

организации и передачи ретроспективной информации. В таком качестве они нуждаются в перекодировке, которая может представлять существенные трудности, поскольку сами языки культуры, как правило, слабо рефлексированы носителями и крайне редко ими вербализуются³⁵.

Соответственно, под *языком* мы в дальнейшем будем иметь в виду любую систему кодировки информации, хотя основное внимание, естественно, уделим текстам, выраженным в вербальных языках.

Информацией же мы будем называть любое сообщение, независимо от его объема, которое может быть переведено (перекодировано) на метаязык современной исторической науки³⁶. Р. Барт отмечал: «Логика учит нас плодотворному разграничению языка-объекта и метаязыка. Язык-объект — это сам предмет логического исследования, а метаязык — тот неизбежно искусственный язык, на котором такое исследование ведется. Логическое мышление как раз и состоит в том, что отношения и структуру реального языка (языка объекта) я могу сформулировать на языке символов (метаязыке)»³⁷. Текст, который не может быть подвержен такой перекодировке, соответственно, должен рассматриваться лишь как потенциальный носитель информации. Если речь идет о ретроспективной информации, — это так называемый «потенциальный исторический источник, или “предысточник”»³⁸ (впрочем, сам С.О. Шмидт, предложивший этот термин, рассматривал его шире — для обозначения всех текстов, которые по тем или иным причинам еще не стали объектом изучения историков). Так, например, было с текстами, написанными иероглифической письменностью майя — до расшифровки ее Ю.В. Кнорозовым.

Итак, в дальнейшем изложении мы будем пользоваться следующими определениями. **Текст** — любое высказывание, выраженное в языковой форме. **Язык** — любая система кодировки информации. **Информация** — любое сообщение, которое может быть переведено (перекодировано) на метаязык современной исторической науки.

³⁵ См., например: Голубовский Д.А. Невербальная коммуникация в древнерусских письменных источниках: опыт семантического анализа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

³⁶ Термин «метаязык» (от *греч.* meta — после, за, через) используется для обозначения искусственного языка, с помощью которого описываются другие языковые системы.

³⁷ Барт Р. Литература и метаязык // Барт Р. Нулевая степень письма. М., 2008. С. 115.

³⁸ Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы / под ред. С.О. Шмидта. М., 1969. С. 30–31.

1.2. ВЕРБАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕКОДИРОВКИ

Как отмечают специалисты-филологи, основной трудностью в перекодировке информации вербального текста является незнание вариантов языкового кода. При этом различают общезыковой код (правила сочетания морфем, слов, предложений) и его варианты, зависящие от типа текста³⁹. Здесь на помощь историку приходят исторические словари того или иного языка, подготовленные лингвистами. Так, при работе с древнерусскими текстами используют «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского⁴⁰, «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.»⁴¹, «Словарь русского языка XI–XVII вв.»⁴², «Старославянский словарь»⁴³ и др.

Обращение к ним полезно даже в тех случаях, когда смысл текста кажется вполне ясным.

Так, на первый взгляд, не вызывает трудностей в понимании хорошо известное летописное сообщение о том, как после захвата Царьграда в 907 г. князь Олег «повѣси щит свои въ вратех»⁴⁴ столицы Византии. Правда, объяснить, зачем Олег повесил свой щит на ворота Константинополя, долгое время не удавалось. Отмечалось только, что это «было, по-видимому, в древней Руси знаком победы, при этом связанным с каким-либо ритуалом»⁴⁵.

Основанием для такого мнения служит разъяснение, приведенное в самой «Повести временных лет»: щит повешен, «показавше побѣду». Однако, слово *побѣда* в X–XII вв. имело гораздо более широкий спектр значений: от ‘поражения’ до ‘победы’⁴⁶. Кроме того, в Успенском сборнике XII–XIII вв. встречается производное от него слово *побѣдница* — ‘заступница, защитница’⁴⁷. К тому же, по наблюдению А.С. Львова, все слова с основой *побѣд-*, встречающиеся в «Повести временных лет», являются «книжными» и используются в тех случаях, когда летописец стремился «излагать мысль так же, как и в церковных книгах»⁴⁸. Это позволяет несколько иначе

³⁹ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. С. 30.

⁴⁰ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 3. СПб., 1893–1903.

⁴¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30 (изд. продолжается). М., 1975–2017 [далее: СлРЯ XI–XVII вв.].

⁴² Словарь древнерусского языка: XI–XIV вв. Т. 1–11 (изд. продолжается). М., 1988–2016 [далее: СлДрЯ XI–XIV вв.].

⁴³ Старославянский словарь: по рукописям X–XI веков / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.

⁴⁴ Лаврентьевская летопись. Стб. 32.

⁴⁵ Лихачев Д.С. Комментарии // Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 419.

⁴⁶ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 15: Персть — Подмышка. С. 120.

⁴⁷ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 307; ср.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 15. С. 122.

⁴⁸ Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 308, 317.

понять данное сообщение: оно могло означать, что Олег берет город под свою защиту.

Так, в частности, (хотя и на других основаниях) полагает А.Л. Никитин. Он видит в этой легендарной детали описания похода 907 г. «еще одно доказательство мирных намерений Олега»: «различные знаки, изображения и предметы, которые помещали на башнях и воротах крепостей, выполняли роль талисманов и оберегов, служили защитой от врага и злоумышленника, будучи в прямом смысле слова “щитом” городу и его жителям. С той же целью над городскими воротами помещали иконы, кресты и гербы. Кроме того, как показал Я.К. Грот, выражение “поднять щиты” для предводителя одной из воюющих сторон в ту эпоху означало призыв к перемирию и началу переговоров⁴⁹. Поэтому можно утверждать, что, вешая свои щиты на башнях Константинополя, “русы” объявляли о готовности отныне защищать этот город вместе с его обитателями. Если вспомнить, что вскоре в византийской армии появляются отряды “русов” (морская экспедиция на Крит 911–912 гг.), а сами греки наименовали Олега “святым Димитрием”, то подобное утверждение вряд ли покажется слишком смелым»⁵⁰. Конечно, можно сомневаться в правомерности такой трактовки летописного текста, однако некоторые основания для этого, безусловно, есть.

Свободное владение лексикой, морфологией и грамматикой — обязательное условие верного понимания прочитанного. Кажется, это требование настолько очевидно и тривиально, что не нуждается в отдельных комментариях. Тем не менее этот момент следует подчеркнуть особо. Порой даже отличное знание языка произведения не избавляет исследователя от ошибок в понимании текста. Только учет всех возможных вариантов прочтения каждой фразы является залогом того, что ретроспективная информация воспринята верно.

Приведем пример.

Новгородская берестяная грамота № 199, датируемая XIII в., является одной из самых известных⁵¹. Она написана неким Онфимом (как принято считать, мальчиком лет 6–7⁵²). На внешней стороне грамоты рядом с рисунком, изображающим какое-то животное, имеются две фразы: «Поклоно ѿ Онеѿма ко Данилѣ» и «А звѣре». Традиционно их рассматривают как два не связанных между собой предложения: «Поклон от Онфима к Даниле» и «Я зверь». Второе предложение обычно считают подписью к рисунку:

⁴⁹ Грот Я.К. Труды. Т. 1. Из скандинавского и финского мира. СПб., 1898. С. 736, 894 [примеч. А.Л. Никитина].

⁵⁰ Никитин А.Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001. С. 180.

⁵¹ Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте. С. 17–20.

⁵² Арциховский А.В. Берестяные грамоты мальчика Онфима // Советская археология. 1957. № 3. С. 215–224.

«Зверь сам себя рекомендует»⁵³. С такой трактовкой текста грамоты согласились практически все последующие исследователи — как историки, так и профессиональные лингвисты⁵⁴. Между тем в этой фразе слово «А» может обозначать не только личное местоимение 1 лица единственного числа (такое написание характерно для новгородских берестяных грамот⁵⁵), но и 3 лицо единственного числа прошедшего времени (аориста) глагола *ати* (*ѣти*) — ‘схватить, поймать, ранить’⁵⁶. На это обратила внимание болгарский языковед А. Стаменова⁵⁷. По ее мнению, Онфим, скорее всего, не называл себя зверем и не писал от имени зверя, а отметил, что некий Данила зверя ранил (или поймал), за что автор грамоты ему и кланяется. Такое понимание текста берестяной грамоты № 199 имеет целый ряд преимуществ. Во-первых, как отмечает исследовательница, передача личного местоимения 1 лица буквой *а* иногда употреблялось вместо верного “я” из-за фонетического сходства, но вопреки этимологии. Зато передача аориста 3 лица единственного числа глагола *ати* формой *а* этимологически безупречна. Во-вторых, при такой трактовке обе фразы оказываются связанными между собой. Наконец, в-третьих, рисунок Онфима, скорее всего, подтверждает такое предположение: на нем изображен некий зверь, пораженный стрелой. Традиционно она воспринималась как несколько странный язык, высунутый изображенным существом⁵⁸. Однако «то, что А.В. Арциховский и В.Л. Янин только сравнивали со стрелой, как раз и может быть изображением стрелы, вонзившейся в голову животного, и от которой осталось торчать только оперение»⁵⁹.

Этот пример еще раз показывает, что при работе с текстом источника следует принимать во внимание все возможные варианты его прочтения.

Работая с латиноязычными источниками, следует помнить, что в средневековой Европе «на основании Библии создается особый литературный язык, язык т р а д и ц и о н н ы й, вырабатывающийся и усваиваемый целыми поколениями. Это не просто латинская речь, а о с о б ы й ц е р к о в н о - л а т и н с к и й я з ы к, полный условностей и трафаретов, причудливая смесь классических, библейских и патристических эле-

⁵³ Арциховский А.В. Берестяные грамоты мальчика Онфима. С. 218; Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте. С. 20.

⁵⁴ Янин В.Л. Я послал тебе бересту... С. 57, 59; Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е, перераб. с учетом материалов находок 1995–2003 гг. М., 2004. С. 476.

⁵⁵ Там же. С. 822.

⁵⁶ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. Стб. 1669–1670.

⁵⁷ Стаменова А. Значение одного слова и текст новгородской грамоты на бересте № 199 // Palaeobulgarica/Старобългаристика. 2017. № 2. С. 21–32.

⁵⁸ Арциховский А.В. Берестяные грамоты мальчика Онфима. С. 217; Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте. С. 20; Янин В.Л. Я послал тебе бересту... С. 57.

⁵⁹ Стаменова А. Значение одного слова... С. 30.

...разумения которого нам нужен не Du-Cange⁶⁰, а хорошее знание латыни.

Кроме того, необходимо учитывать, что помимо значений, зафиксированных лингвистами, могут существовать и так называемые нелексикографические смыслы слов⁶². В их выявлении могут быть полезны этимологические словари⁶³.

Так свое «Сказание о Магмет-салтане» Иван Пересветов (XVI в.) записывает вымышленным диалогом между православными греками и католиками. Последние утверждают: «если к той истинной вере христианской Магмет пребывает на Руси. — И. Д.] да правда турецкая [которой, по словам Ивана Пересветова, обладает Магмет-салтан. — И. Д.], ино бы с ними ангелы беседовали», на что греки возражают: «А естъли бы к той правде турецкой да вера христианская, ино бы с ними ангелы беседовали»⁶⁴. Другими словами, автор «Сказания» считает, что *правда* важнее *веры*. Смысл этого утверждения долгое время порождал споры среди специалистов⁶⁵. И лишь гипотеза, что слово *въра* в XVI в. означало не только 'вера, вероисповедание, религиозное чувство' (значения, зафиксированные в исторических словарях русского языка), но и 'религиозный обряд', а правда — не только правда, истина, справедливость, но и 'уверенность в невидимом' (т.е. то, что апостол Павел в Послании к Евреям называет верой), позволило понять, о чем идет речь в источнике⁶⁶.

Проблема перевода (перекодировки) вербального текста исторического источника на метаязык современной науки ставит еще одну большую проблему, которая в свое время вызвала довольно острую дискуссию в отечественной историографии. Дискуссия развернулась в связи с выходом в свет, наверное, самого известного труда А.Я. Гуревича «Категории средне-

⁶⁰ Здесь — классическая латынь.

⁶¹ Егоров Д.Н. Славяно-германские отношения в средние века: Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. 1: Материал и метод. М., 1915. С. 111.

⁶² Подробнее см.: Камчатнов А.М. Лингвистическая герменевтика: на материале древнерусских рукописных источников. М., 1995.

⁶³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка (любое издание); Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. 40 вып. (изд. продолжается). М., 1974–2016; и др.

⁶⁴ Пересветов И.С. Сочинения / подг. текста А.А. Зимина. М.; Л., 1956. С. 161.

⁶⁵ Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. М., 1947. С. 208–218; Зимин А.А. И.С. Пересветов и русские вольнодумцы XVI века // Вопросы религии и атеизма. 1955. № 3. С. 311; Лихачев Д.С. Иван Пересветов и его литературная современность // Пересветов И. Сочинения. С. 28–56; Сакетти А.Л., Сальников Ю.Ф. О взглядах И. Пересветова // Вопросы истории. 1957. № 1. С. 117–121; Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 392–405; и мн. др.

⁶⁶ Юрганов А.Л., Данилевский И.Н. «Правда» и «вера» русского средневековья // Одиссей. Человек в истории: Культурная история социального. 1997. М., 1998. С. 146–170; Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 33–116.

вековой культуры»⁶⁷. Говоря о первом обсуждении только что вышедшей книги в «узком кругу» единомышленников, Л.М. Баткин вспоминал: «Помнится, меня особенно занимало, откуда А.Я. взял сам набор “категорий”, посредством которых он организовал материал, очертил средневековую “картину мира”. “Время”, “пространство”, “труд”, “богатство”, “свобода” и т.д. — сетка координат слишком общих, всеисторических, вездесущих. И очень... наших. Несмотря на самоочевидную фундаментальность или именно благодаря ей, современный историк находит эти понятия в готовом виде в собственной голове — и накладывает извне, на чужую культуру. Но не следует ли искать ключевые слова-понятия *внутри* умственного состава изучаемой культуры? Не может ли оказаться, что эта культура *per se* <...> сознавала мир, выстраивала себя вокруг *иных* “категорий” <...> и что “картина мира” была своеобразной прежде всего из-за незнакомого нам культурного языка, иных логических начал мышления, способов духовного самоформирования? Конечно, непременно выяснится, что “они” трактовали пространство или труд не так, как мы. Но откуда заранее известно, что “они” и “мы” вообще говорим об одном и том же? — даже если таков буквальный перевод “*spatium*”, “*locus*” и “*labor*”. <...> Любой попытке реконструкции поэтому предшествует проблема перевода»⁶⁸.

Ответом на эти вопросы стали следующие рассуждения А.Я. Гуревича: «Я отдаю себе отчет в том, что такие аспекты миропонимания, как время, пространство, роль права, социальная организация человеческих коллективов, понятия собственности, богатства и бедности, наконец, вопрос о личности, были вольно или невольно продиктованы пониманием современной мне действительности. Модель мира человека второй половины XX в. витала в подсознании историка. Анализируя самые различные и разрозненные исторические памятники средневековья, я искал ответы на эти вопросы. Но вот что произошло в дальнейшем. Исследуя новые для меня жанры источников, я встретился в текстах проповедей немецкого францисканца XIII в. Бертольда Регенсбургского с поучением о “дарах”, которые вручены Творцом каждому человеку. За употребление этих даров христианин должен будет дать ответ по окончании своего земного существования. Это “персона”, личность; это “призвание” индивида, предполагающее его права-обязанности, его социально-юридический статус и профессию; это его богатство и собственность; это время его жизни и, наконец, “любовь к ближнему”, т.е. его включенность в коллектив и отношения с себе подобными»⁶⁹. В проповеди

⁶⁷ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

⁶⁸ Баткин Л.М. О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод // Одиссей: Человек в истории. Картина мира в народном и ученом сознании. М., 1994. С. 8.

⁶⁹ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 198 и след.; Гуревич А.Я. Избранные труды. Т. 2: Средневековый мир. М.; СПб., 1999. С. 388–450.

ученого монаха, действовавшего в самой гуще общества, я нашел в концентрированном выражении, собственно, всю программу своих исследований, начатых задолго до того, как я прочитал этот в высшей степени знаменательный текст. Итак, ответы на мои вопросы, в немалой мере порожденные моей принадлежностью к собственной культуре, были даны прежде, чем я их задал. Разумеется, мысли средневекового проповедника сконцентрированы в совершенно ином контексте, нежели тот, который строит современный исследователь. <...> Иными словами, дискурсы монаха периода “междоцарствия” в Германии, с одной стороны, и историка конца XX в. — с другой, совершенно различны, а потому и смысл употребляемых в разные эпохи понятий (“личность”, “богатство”, “призвание”, “время”) глубоко изменился. Ответы, посланные представителем мира, строившегося на религии и свойственной ей системе ценностей, встретились с вопросами, сформулированными в интеллектуальном универсуме, который обладает иной природой. Отсюда — необходимость “перекодировки” моих вопросов и усиленного проникновения в смысл полученных из прошлого ответов⁷⁰.

Десятилетие спустя А.Л. Юрганов попытался разрубить этот «гордиев узел», заняв, как он полагал, сторону Л.М. Баткина: «Спор историков символичен. Речь идет, в сущности, о разных и *равноправных* путях категориального анализа. А.Я. Гуревич предложил изучать европейскую культуру путем выявления в ней универсалистских категорий. <...> Мы идем другим магистральным путем — близким к тому, о котором полемически острожно рассуждал Баткин <...>». Для того чтобы двинуться по этому «магистральному пути» А.Л. Юрганов решил использовать в своей работе те категории, которые он обнаружил в источниках, ключевые слова-понятия, отысканные, говоря словами Л.М. Баткина, «внутри умственного состава изучаемой культуры». В частности, А.Л. Юрганов отметил: «Мы знаем, что “власть” и “собственность” взаимосвязаны и определяют своим типом синтеза структуру государства, характер общества. В наш категориальный аппарат входит и римское право, и современная политология. Не владевший римским правом русский средневековый человек, тоже имел свои понятия о соотношении “власти” и “собственности”, но заключал их в другие слова, которые создавали вокруг себя свои лексико-семантические поля с мощными коннотативными включениями. Словами “пожаловал” и “благословил” решались главные проблемы юрисдикции Русского государства, отношения верховной власти и человека. За каждым из этих понятий — целый мир, полный драматизма, внутренних противоречий»⁷¹.

⁷⁰ Гуревич А.Я. «Территория историка» // Одиссей: Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 84–85.

⁷¹ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 23–27.

Что дало основания утверждать, будто именно слова «благословить» и «пожаловать» соответствуют современным категориям «власть» и «собственность», автор, правда, не уточнил, ограничившись приведенными общими рассуждениями. Однако заявка была сделана: ожидалось, что в данном исследовании будут использоваться «родные» для русского средневековья категории. Возникала, правда, проблема, на которую А.Л. Юрганов не обратил внимания, но которая рано или поздно должна была встать перед ним: проблема «перевода» этих понятий на *актуальный* язык современной исторической науки, проблема перекодировки ключевых слов. Без этого ученый рискует настолько глубоко уйти, «включиться» в свой материал, что восприятие читателями такого исследования станет столь же проблематичным, как и прочтение исходных текстов. Да и как реконструировать понятия, для которых нет определений в современном лексиконе? Ведь любое *описание* в конечном счете тоже перекодировка, а следовательно, искажение исходного образа...

Вторая глава книги А.Л. Юрганова действительно называется: «“Благословить” или “пожаловать”?» На этом, однако, все и закончилось. Порасуждав в первых абзацах о соотношении власти и собственности, исследователь написал: «Прежде всего, возникает проблема — можно ли обезопасить себя от “вчитывания” своих смыслов в источники, если мы не можем отказаться от языка науки <...>. Если помнить о том, что метаязык науки — лишь способ перекодировки той информации, которая извлекается из исторического материала, то исследователь способен, правильно выбрав “свою территорию”, постигать прошлое, не навязывая источникам своих представлений. При анализе механизмов власти и собственности необходимо найти для диалога соответствующие нашим вопросам репрезентативные источники». После этого разговор был переведен в привычное русло: «Итак, нас интересует, как сама власть в лице великого князя, государя всея Руси определяла свое отношение к собственности»⁷². Не утруждая себя поисками слов, которые в изучаемых источниках фиксировали бы отношения, близкие к тем, которые мы называем властными и имущественными, исследователь начал искать источники, в которых, по его мнению, отразились интересующие его современные категории: «власть» и «собственность». То есть пошел по пути не от источника, а от собственных представлений.

Более продуктивным представляется иной подход: отыскивать в источниках слова, которые могут включать интересующие исследователя смыслы, а потом — используя прямые или косвенные определения интересующей лексики или словосочетания в тех же источниках — постараться

⁷² Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 117–118.

определить их семантическое наполнение и передать его метаязыком современной исторической науки⁷³.

Подобный анализ, например, позволяет отказаться от «прямого» перевода выражения «Руская/Русьская земля», встречающееся в «Повести временных лет», термином «Древнерусское государство» и дифференцировать два основных смысла, скрывающихся за этим словосочетанием: 1) узкий — некое географическое понятие, территория которого включает бассейны рек Горынь и Припять, а также узкую полосу левобережья Днепра) и 2) широкий (этноконфессиональное понятие, охватывающее все территории, население которых исповедует христианство и при этом службу ведет на славянском языке).

Итак, **перекодировка информации вербального текста требует знания вариантов языкового кода, свободного владения лексикой, морфологией и грамматикой. При этом необходимо учитывать все возможные варианты прочтения каждого слова и каждой фразы.**

1.3. НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕКОДИРОВКИ

Особые трудности возникают при перекодировке невербальных текстов (изображений, вещей и других материальных объектов и т.п.). В подавляющем большинстве случаев их вербализация проводится на интуитивном уровне. При этом преобладают эмоционально-оценочные суждения, опирающиеся на общее впечатление, которое эти тексты производят на исследователя.

1.3.1. При всей кажущейся очевидности, **визуальные тексты** далеко не всегда просто вербализовать — корректно описать словами. Рассмотрим несколько примеров.

Миниатюры Радзивилловской летописи привлекают особое внимание историков. Это один из немногих образцов «нарративных» миниатюр, тесно связанных с летописным текстом. Они дают нам уникальные визуальные образы ранней истории Руси. Первым шагом в освоении историками миниатюр Радзивилловской летописи стало их буквальное «прочтение». Классическая монография А.В. Арциховского на многие годы определила

⁷³ Один из возможных путей выявления латентных смыслов лексем источника и их выражения в метаязыке современной науки предложила, например, Л.М. Брагина (*Брагина Л.М. Опыт исследования философского трактата XV в. методом количественного анализа // Математические методы в исторических исследованиях: сб. статей / отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1972. С. 125–140*).

магистральное направление их анализа: сравнение визуальных образов с археологическими реалиями⁷⁴. Такой путь позволил сделать ряд важных выводов относительно датировки миниатюр. В частности, удалось доказать, что часть миниатюр восходит к визуальным протографам XII в. Однако он же оказался тупиковым направлением в понимании визуального текста, оставленного нам неизвестными летописцами. Неясными оставались пути и методы, которыми следовал древнерусский миниатюрист при перекодировке вербальной информации в визуальные образы. Тем не менее первый шаг в работе с древнерусскими визуальными источниками был сделан. С тех пор миниатюры Радзивилловской летописи постоянно привлекают внимание историков. Правда, чаще всего их используют в качестве простых иллюстраций к историографическому нарративу. «Очевидность» значений и смыслов этих изображений сыграла при этом не последнюю роль. Прямые ассоциации стали основным инструментом в работе с ними — и основным препятствием на пути понимания языка древнерусских изображений. До недавнего времени единственной сложностью их восприятия представлялось освоение современным исследователем особенностей «внешних» пространственно-временных форм изображений XII–XV вв. А.В. Арциховский не сомневался, что содержание миниатюр полностью соответствует летописному тексту: «Иллюстратор следовал тексту настолько точно, что даже почти все мелкие аксессуары соответствуют тем или иным словам летописца». Расхождения между текстом и изображениями, по мнению исследователя, в основном сводились к мелким несоответствиям: «например, меч вместо сабли, сабля вместо меча», или на изображении убийства Андрея Боголюбского ясно видно, что у Андрея отрублена левая («шующая») рука, а не правая («десная»), как указано в тексте летописи⁷⁵. Смысл лишь двух или трех изображений казался ему не вполне ясным⁷⁶. В основе такого прочтения лежало убеждение, что «художник аскетически воздерживается от сообщения зрителю чего-то такого, чего нет в тексте летописи»: «все подчинено рассказу»⁷⁷.

Скорее всего, это действительно так. Вопрос, однако, в том, насколько сложен сам «иллюстрируемый» вербальный текст. Д.С. Лихачев настаивал на одноплановости летописных сообщений, которые, по его словам, представляли собой светский жанр литературы и являлись «моментом

⁷⁴ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. 2-е изд. Томск; М., 2004 (1-е изд. М., 1944).

⁷⁵ Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 138; ср.: Радзивилловская летопись: Факсимильное воспроизведение рукописи. СПб.; М., 1994. Л. 215 в. (здесь и далее в. обозначает верхнюю миниатюру на листе, а н. — нижнюю; если на листе помещена только одна миниатюра, дополнительное указание не дается).

⁷⁶ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. С. 31.

⁷⁷ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е, доп. М., 1979. С. 47.

историко-юридическим», лишь «в какой-то степени» представляя художественное сознание⁷⁸. Между тем есть все основания утверждать, что текст летописи многослоен и полисемантичен, причем количество смыслов вряд ли поддается точному учету. Соответственно, миниатюры, сопровождающие текст, скорее всего, должны включать несколько смысловых уровней, которые нуждаются в выявлении и перекодировке. Но даже представление о буквальном следовании миниатюриста вербальному тексту не могло снять проблемы необходимости символического истолкования летописных миниатюр — на это, в частности, наталкивали отмеченные А.В. Арциховским «мелкие несоответствия» текста и изображения под ним. На это обратил внимание Д.С. Лихачев: «А.В. Арциховский <...> мало считался с условностью повествовательного языка миниатюриста. Между тем, чтобы выявить реальное, следует прежде всего убрать нереальное — условное, увидеть столкновение реального с условным и точно знать весь изобразительный язык миниатюриста» (хотя тут же подчеркивал, что миниатюрист часто понимал символы и аллегории вербального повествования буквально, конкретизируя их)⁷⁹.

Однако попытки раскрыть символические смыслы изображений, сопровождающих вербальный текст, — при всей их соблазнительности — с очевидностью показали отсутствие достаточных оснований для верификации получаемых результатов⁸⁰.

В связи с перекодировкой миниатюр на вербальный язык возникает целый ряд вопросов. Пока даже не сформулированы проблемы полноты и способов передачи в визуальном коде символического, аллегорического и нравственного смысловых рядов средневекового текста. Мало того, до сих пор не выработаны общие подходы к изучению вопросов корреляции текста с той или иной стороной миниатюры. Скажем, неясно, с какой частью текста связана цветовая символика миниатюры, а с какой — символика жеста и т.п. Должна быть разработана методика выявления таких связей, возможно, с применением элементов контент-анализа — не только вербального, но и изобразительного текста древнерусских лицевых рукописей. Это позволит на более высоком уровне «превращать» визуальные тексты в тексты вербальные.

1.3.2. С наименьшими проблемами сталкивается историк при перекодировке *рельефных изображений*.

Так, например, вряд ли можно доказать, что терзаемое грифоном или львом животное, изображенное на стенах Дмитриевского храма во

⁷⁸ Там же. С. 65.

⁷⁹ Там же. С. 42, 41.

⁸⁰ См.: Экскурс 6. Казус трубачей.

Владимире-на-Клязьме, является именно ланью, как это утверждают некоторые искусствоведы, ссылаясь на его «видовые признаки»⁸¹. Однако это может вовсе не соответствовать тому, кого именно хотел изобразить древнерусский скульптор. Достаточно вспомнить совершенно невероятные описания и изображения животных в древнерусских и южнославянских рукописях. Например, в книжных миниатюрах того времени хорошо известный в древней Руси бобр представлялся «в виде зверя, похожего на медведя или волка, с длинным хвостом, острыми когтями или растопыренными пальцами <...>; может иметь голову и хвост хищного зверя, а ноги копытного животного <...> или двупалые конечности». И лишь в единичных случаях встречаются изображения, «видовые признаки» которого (зверь «коричневого цвета <...> с круглой головой и круглыми ушами, с толстым чешуйчатым хвостом “лопатой”») напоминают обычного бобра⁸². Соответственно, и символический смысл не вполне верно воспринятых изображений будет искажен. Так, в приведенном выше примере лань трактуется как символ жертвенности Христа или как христианская душа⁸³. Между тем ни в одной древнерусской рукописи такая символика лани не фиксируется⁸⁴.

Показательна в этом отношении и дискуссия о том, кто изображен на фасадах владимирского Дмитриевского собора: Соломон (как считали П.Н. Кондаков, Н.В. Малиций и Г.К. Вагнер) или Давид (по мнению Б.А. Рыбакова, В.Н. Лазарева, Н.Н. Воронина и В.П. Даркевича). Лишь надпись «Давид», обнаруженная во время реставрационных работ, проводившихся в середине 70-х годов прошлого века, поставила точку в этих спорах. Как видим, без вербального «сопровождения» визуальные (в том числе рельефные) тексты (изображения) могут пониматься и трактоваться весьма произвольно.

1.3.3. Еще сложнее «вербализовать» **вещественные источники**. Этому вопросу уделялось мало внимания. Одним из первых обозначил эту проблему В.Л. Янин⁸⁵. Говоря о нумизматике, он отмечал, что она «сохраняет характер вспомогательной дисциплины лишь в частных ее проявлениях. Так, установление нумизматическими методами хронологии иконографических явлений передает искусствоведам препарированный и критически проверенный материал. То же касается эпиграфического аспекта этой дис-

⁸¹ См., например: *Гладкая М.С.* Рельефы Дмитриевского собора во Владимире: опыт комплексного исследования. М., 2009. С. 52, 54, 79 и др.

⁸² *Белова О.В.* Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М., 2001. С. 64.

⁸³ *Гладкая М.С.* Рельефы Дмитриевского собора во Владимире. С. 82.

⁸⁴ См.: *Белова О.В.* Славянский бестиарий. С. 155.

⁸⁵ *Янин В.Л.* К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья // История СССР. 1973. № 8. С. 67–78; *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения: средневековый Новгород. М., 1977. С. 5–21.

циплины или исходных нумизматических характеристик явлений геральдики, династической хронологии, исторической географии, истории техники и ремесла, языковедения и т.д. Во всех этих и им подобных случаях нумизматика, выполнив свои источниковедческие задачи, передает материалы специалистам иных профилей»⁸⁶. При этом, однако, не уточнялось, что имеется в виду под «препарированными и критически проверенными материалами», а также в каком виде они передаются «специалистам иных профилей». Очевидно, что речь должна идти о некоей перекодировке ретроспективной информации, имеющейся в вещественных источниках (монетах и монетных кладах, вислых печатях и т.п.), так сказать, ее переводе в вербальную форму. Однако эта проблема пока оставалась «за кадром».

Наиболее близко подошел к ее решению Л.С. Клейн. В его статьях и пособиях по теоретической археологии проблемы изучения материальных объектов, извлечения из них ретроспективной информации и ее перекодировка в метаязык современной исторической науки занимают центральное место⁸⁷. Подчеркивая, что «нельзя аттестовать археологические источники просто как одну из разновидностей исторических источников», исследователь совершенно справедливо отмечает: «Историки, свободно пользуясь письменными источниками и самостоятельно проводя их источниковедческую обработку, не в силах столь же квалифицированно препарировать вещественные источники, особенно археологические, не говоря уже о том, чтобы запросто извлекать из них информацию. Историки нуждаются в предварительной обработке археологического материала специалистами-археологами»⁸⁸.

Развивая эту мысль, Л.С. Клейн обращает внимание на следующие моменты: «В сфере мышления и речи манипулировать непосредственно вещами невозможно. Без предварительной переработки информация, запечатленная в вещах, непригодна к научному использованию. Нужно ее перекодировать и притом дважды. Сначала ее нужно перевести с того, что фигурально называют “языком вещей”, на любой из естественных языков — русский, английский, немецкий и т.п. То есть описать вещи, их признаки и соотношения. На этом этапе гораздо больше, чем в истории, приходится пользоваться специальной терминологией. Затем, сопоставляя полученные сведения с другими, нужно установить, какие события и процессы прошло-

⁸⁶ Там же. С. 13–14.

⁸⁷ Клейн Л.С. Археологические источники: учеб. пособие. Л., 1978; Клейн Л.С. О языке вещей // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 16–218; Клейн Л.С. Археологические источники: учеб. пособие. Изд. 2-е, доп. СПб., 1995; Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию: учеб. пособие. Кн. 1: Метаархеология. СПб., 2004.

⁸⁸ Там же. С. 103.

го отразились в описанных вещественных источниках. Только теперь информация обрела требуемую исторической наукой форму. Раньше думали, что это очень простая задача. Теперь же ясно, что осуществить требуемое перекодирование информации вещественных источников гораздо труднее, чем перевести текст с одного естественного языка на другой, скажем, с русского на немецкий. Ведь между естественными языками, несмотря на многозначность слов и гибкость их применений, практически установлено множество весьма узких соответствий, а контекст подскажет, которое из них выбрать. Вещественные источники гораздо более многозначны, полные списки всех возможных соответствий не составлены, а контекст зачастую нарушен»⁸⁹. Дело в том, что «обращаясь к вещественным древностям, исследователь наталкивается на двойной разрыв: в *традициях* (между далеким прошлым и нашим временем) и в *объективации*, т.е. в формах воплощения информации (разрыв между миром вещей и миром идей, которыми можно оперировать в науке). Этот двойной разрыв — главная специфика археологических источников <...>. Двойной разрыв создает особую, качественно новую трудность. <...> Она сказывается сильнее всего именно при переводе информации из вещественной формы в словесную. <...> Оба разрыва вместе, в сочетании как в археологии, приводят к радикальной изоляции ученого от прошлой действительности, к сокрушительному раздроблению целого, подчас к полной утрате смысла информации. Для его восстановления нужны какие-то внешние опоры — возможность привлечения дополнительной информации, которая бы позволила перебросить мостик от известного к неизвестному; знание смысла других археологических объектов, расшифрованных ранее; иные неархеологические источники о той же самой прошлой действительности; общие сведения о структуре объектов, подобных изучаемым; знание законов, по которым происходят и происходили воплощение идей в вещах и превращение вещей и событий в археологические следы и остатки и т.п. И нужна строгая и надежная методика использования этих знаний для восстановления утерянного смысла»⁹⁰.

Все эти вопросы нуждаются в дальнейшем специальном исследовании.

Итак, единственной надежной основой вербализации визуальных (в том числе рельефных) и вещественных источников являются источники письменные, связь с которыми должна быть доказана.

⁸⁹ Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. С. 119, 123.

⁹⁰ Там же. С. 132–133.

1.4. АВТОР — ПЕРЕПИСЧИК — РЕДАКТОР

Одним из важных моментов текстологической работы историка является установление авторства. От того, насколько точно будет определен создатель изучаемого источника, в значительной степени зависит верное прочтение и понимание смысла текста. При этом следует различать автора, переписчика и редактора произведения. Роль каждого из них различна, при том что все они вносили свой вклад в «жизнь» изучаемого носителя ретроспективной информации.

В знаменитом эссе «Смерть автора» Р. Барт писал: «Фигура автора принадлежит новому времени; по-видимому, она формировалась нашим обществом по мере того, как с окончанием средних веков это общество стало открывать для себя <...> достоинство индивида, или, выражаясь более высоким слогом, “человеческой личности”. Логично поэтому, что в области литературы “личность” автора получила наибольшее признание в позитивизме <...>. Автор и поныне царит в учебниках истории литературы, в биографиях писателей, в журнальных интервью и в сознании самих литераторов <...>. В средостении того образа литературы, что бытует в нашей культуре, безраздельно царит автор, его личность, история его жизни, его вкусы и страсти <...>; объяснение произведения всякий раз ищут в создавшем его человеке, как будто в конечном счете сквозь более или менее прозрачную аллегоричность вымысла нам всякий раз “исповедуется” голос одного и того же лица — автора»⁹¹.

Одной из специфических особенностей средневековой и древнерусской литературы является ее абсолютная или относительная анонимность (когда, в лучшем случае, известно только имя создателя/редактора/переписчика текста).

В современном литературоведении установление авторства является одной из основных задач, решаемых, в частности, приемами и методами текстологии. Это весьма серьезный вопрос и для источниковедов Новой и Новейшей истории. Для ранних источников этот вопрос имеет гораздо меньшее значение. Здесь куда важнее установить, каково общественное положение автора, к какой социальной группе он относится и интересы которой представляет. Даже если имя создателя того или иного произведения известно, как правило, детали его биографии установить не удастся. Видимо, поэтому исследователи часто стремятся приписать известным авторам как можно больше произведений. Между тем, как отмечал М.В. Бибииков,

⁹¹ Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1996. С. 385.

«для этой эпохи было характерно творчество на грани анонимности, когда автор стремился прежде всего выразить в художественном образе высшую мысль, идею, а не увековечить свое имя или утвердить авторство. Вечность идеи и универсализм переживаний высшего порядка были важнее, чем индивидуализм автора, считавшего себя не столько создателем, сколько интерпретатором мыслей и образов, близких всем, окружающим его»⁹². С этим связано и отсутствие представления о том, что в наше время называется авторским правом. Любой создатель текста считал себя вправе — и даже обязанным! — обильно цитировать знакомые ему (и потенциальным читателям) тексты, далеко не всегда ссылаясь на свой источник. Именно поэтому В.В. Виноградов подчеркивал: «Понятие авторства в средневековой литературе противоречиво и неясно. Границы между писателем-создателем литературного произведения, компилятором-составителем, “сводчиком”, редактором, а иногда и переписчиком, в древнерусской литературе нередко являются очень зыбкими»⁹³.

Эту мысль развил Д.С. Лихачев: «Здесь много неясного в самой своей основе: кого называть автором в древнерусской литературе и что называть его произведением, как отграничить одного автора от другого, автора от компилятора, компилятора от переписчика, различные произведения друг от друга, в какой мере показания идейного содержания и стиля могут считаться достоверными доказательствами принадлежности произведения тому или иному автору и т.д. <...> Даже в тех случаях, когда перед нами безусловно произведение одного автора, представляется иногда нелегким отделить его самостоятельную творческую работу от нетворческого включения заимствований из других памятников, обработки фольклорного или письменного материала». Здесь «одно и то же лицо часто выступает и как автор — для тех частей произведения, которые пишутся им самостоятельно, и как редактор — для тех частей, где им только обрабатываются предшествующие источники. Так часто бывает в летописании и хронографии, но так же бывает и в других сочинениях, по преимуществу исторического характера. Вот почему исследователи древней русской литературы нередко вынуждены говорить не об авторах, а о древнерусских “книжниках” вообще, или о компиляторах, “сводчиках”, летописцах и т.д., каждый раз применяя особый термин к тому роду работы, которая была выполнена по данному произведению. Понятие “автор” оказывается слишком общим и неточным в применении к большинству древнерусских произведений»⁹⁴. Впрочем, для произведений до XVIII в. этот вопрос, судя по всему, не явля-

⁹² Бибииков М.В. Афон и Русь: На перекрестке культур // Библиотека. 1999. № 9. С. 16.

⁹³ Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 39.

⁹⁴ Лихачев Д.С. Текстология. С. 299–300.

ется принципиальным, поскольку здесь «категория индивидуального стиля не выступает как фактор литературной дифференциации и оценки произведений словесного творчества»⁹⁵. В это время текст в основном зависит от «жанра» произведения, тогда как автор вовсе не стремится сделать его уникальным и оригинальным. Мало того, ради придания весомости своему произведению, он часто готов приписать создаваемый текст иному — авторитетному в данное время — лицу. Это в еще большей степени делает ранние источники анонимными. Впрочем, приписать текст тому или иному «авторитету» склонны и современные исследователи. Хотя такая практика, как правило, дает ошибочный результат и обедняет наши представления о культуре изучаемого времени.

Иногда историки пытаются приписать изучаемый ими источник персонажам, просто упомянутым в том или ином тексте. Тогда, помимо имени (которое само по себе может не иметь никакого существенного значения для понимания текста) они стремятся еще и «восстановить» его биографию. На это также обращал внимание Д.С. Лихачев: «Нередко болезненное стремление к значительным выводам и “открытиям” [при атрибуции текста. — И. Д.] без уравнивающего это стремление чувства научной ответственности приводит к поспешным, хотя и эффектным выводам. Поскольку эффектные выводы легче всего удаются на значительных произведениях, — больше всего различного рода атрибуций было сделано в отношении известнейших памятников <...>. Особенно опасен путь, на который, к сожалению, очень часто становятся исследователи, — это путь приписывания одному более или менее известному автору тех или иных значительных произведений одновременной ему литературы»⁹⁶.

Подобную попытку приписать несколько анонимных произведений уже известному автору приводит Я.С. Лурье: «Перед историками и литературоведами постоянно возникает соблазн отыскать их автора, назвать какое-либо лицо, которое могло эти памятники создать. К числу таких атрибуций принадлежит, например, догадка Н.В. Водовозова (высказанная вслед за Х. Лопаревым), что “Слово о гибели Русской земли” и “Житие Александра Невского” написаны Даниилом Заточником — предполагаемым автором (и персонажем) памятника (или двух памятников) XII–XIII вв. — “Слова” или “Моления Даниила Заточника”. И в “Слове” Даниила и в “Житии” Александра авторы употребляют слово “ритори” (рыцари), именуют себя “рабами” князя и выступают сторонниками сильной княжеской власти. “Мог ли молчать Даниил, когда Русская земля лишилась такого великого сына, как Александр Невский? Если он был жив (а это вполне вероятно,

⁹⁵ Виноградов В.В. Проблема авторства и теории стилей. С. 45.

⁹⁶ Лихачев Д.С. Текстология. С. 301.

так как в год смерти Александра ему было бы лет 65 или только немногим более), то кто же, как не он, взялся бы за благородную задачу рассказать о жизни и подвигах такого человека, который не только соответствовал его идеалу главы государства, но и превосходил этот идеал?» — пишет Н.В. Водовозов⁹⁷. В этом случае, подчеркивает Я.С. Лурье, «речь идет не о гипотетических, а о гипоплетических (от *греч.* ἡ ὑπόληψις — догадка) атрибуциях, вытекающих не из эмпирической необходимости, а из простой возможности. Именно поэтому здесь не возникает проблемы альтернативного решения — иные возможности в таких случаях практически беспредельны. Если «Слово о погибели» и «Житие Александра Невского» создал не Даниил Заточник, то их написал другой древнерусский писатель, имя которого нам, к сожалению, неизвестно»⁹⁸. Такой вывод представляется гораздо более плодотворным, нежели ничем не обоснованные домыслы, поскольку «домысел в исторической и филологической науках существует только до установления его невозможности, т.е. по существу находится вне науки»⁹⁹.

Впрочем, если этого не удастся сделать, автор, порой, «воссоздается» на основании некоторых якобы присущих ему признаков, которые исследователь находит в анализируемом тексте. К сожалению, подобные «реконструкции» чаще всего свидетельствуют о незаурядной фантазии историка, но не имеют собственно научного значения¹⁰⁰.

Следует обратить внимание на то, что дополнение исходной догадки целым рядом других догадок и предположений не увеличивает доказательной силы исходной догадки: «Допустим, — пишет Я.С. Лурье, — что тот или иной историк захочет поискать какие-либо произведения Афанасия Никитина, кроме «Хожения за три моря». Он выскажет догадку, что Никитин, тверич, не проявлявший враждебности к Москве, мог быть составителем тверского летописного свода середины XV в. (в составе Тверской летописи), проникнутого соответствующими тенденциями. К этой догадке нетрудно добавить еще несколько аналогичных. Никитин мог быть автором одного из анонимных Похвальных слов тверскому князю Борису, призывающих к «Слову» инока Фомы. Он мог быть, кроме того, автором «Повести о Басарге», написанной во второй половине XV в.: герой этой повести, как и Никитин, — купец, в ней описываются заморские путешествия, автор обнаруживает патриотизм и прославляет стойкость в вере («Кто, как

⁹⁷ Водовозов Н.В. Повесть XIII в. об Александре Невском // Ученые записки Моск. город. пед. ин-та им. В.П. Потемкина. Т. 67: Кафедра русской литературы. М., 1957. Вып. 6. С. 41–44; Водовозов Н.В. История древней русской литературы. М., 1966. С. 130.

⁹⁸ Лурье Я.С. О гипотезах и догадках в источниковедении // Лурье Я.С. Избранные письма и статьи. СПб., 2011. С. 81–82.

⁹⁹ Там же. С. 84, примеч. 21.

¹⁰⁰ См.: Экскурс 7. Казус Кузмища Киянина.

не Никитин, мог..."). Увеличивают ли эти дополнительные предположения ценность исходной догадки и могут ли они на нее опираться? Очевидно, что никакое суммирование не способно обратить перечисленные здесь возможности в необходимость, хотя бы в необходимость гипотезы»¹⁰¹.

Приведенные примеры показывают, насколько далеки от требований научности могут быть результаты поиска автора, если они основываются не на реальных текстах, а на стремлении историка приписать исследуемый источник какому-нибудь известному лицу.

Атрибуция источника, помимо всего прочего, предполагает анализ *стилистических особенностей текста*. К настоящему времени разработана надежная система выявления языковых и стилистических особенностей авторов нарративных источников, основанная на теории определения общелитературных и индивидуальных стилей. При этом учитываются данные текстологии, истории русского литературного языка, исторической лексикологии, исторической грамматики и исторической лингвистики вообще.

Современные исследователи исходят из того, что стилистическое своеобразие каждого писателя выражается в совокупности устойчивых, вскрываемых статистикой закономерностей в употреблении слов и оборотов, в особенностях конструкции предложений, в общем построении произведения, в преимущественном обращении к тем или иным темам, в приемах описания и т.д. В связи с этим сейчас атрибуция повествовательных исторических источников часто строится на базе использования контент-анализа текста¹⁰². Совпадение статистических характеристик анонимного произведения и сочинений какого-то известного автора позволяет с большой степенью вероятности восстановить авторство этого писателя и в отношении атрибутируемого источника. Задача усложняется, если предполагаемые авторы неизвестны. Тогда историку приходится анализировать гораздо более широкий круг литературных памятников данного периода¹⁰³.

Примером атрибуции источника по стилистическим особенностям может служить работа Б.М. Клосса по установлению авторства Никоновского летописного свода. Сопоставление статистических характеристик оригинальных текстов Никоновской летописи со стилистическими особенностями 25 известных авторов XVI в., выраженными в математических показателях, позволило исследователю доказать тождество ее составителя

¹⁰¹ Лурье Я.С. О гипотезах и догадках в источниковедении. С. 88.

¹⁰² Шалак В.И. Современный контент-анализ. Приложения в области: политологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы. М., 2004.

¹⁰³ Подробнее см.: Клосс Б.М. О статистических методах исследования текстов исторических источников // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977. С. 328–330; От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства / отв. ред. Л.В. Милов. М., 1994.

и митрополита Даниила. Этот вывод Б.М. Клосс подкрепил анализом идейной направленности этой летописи, в точности совпадающей с убеждениями Даниила¹⁰⁴.

Следует иметь в виду, что для выявления характерных черт стиля писателя необходимо иметь не менее нескольких десятков листов текста данного автора. Кроме того, нельзя забывать, что количественные отношения, изучаемые статистикой, в историческом исследовании неразрывно связаны с качественными характеристиками изучаемых явлений, которые обнаруживаются в ходе текстологической и исторической критики.

Полученный в ходе контент-анализа результат должен быть, по возможности, подтвержден иными аргументами. При атрибуции рукописных текстов лучшим подтверждением является автограф. В случаях, когда сохранилась подлинная рукопись, целиком написанная рукою автора или имеющая следы его собственных правок и дополнений, ее принадлежность какому-либо лицу проверяется или устанавливается по почерку, с помощью данных и методов палеографии.

В ряде случаев, в частности, при изучении летописей, важным признаком, позволяющим различать авторов, являются данные исторической хронологии — способ записи и точность дат, системы летосчисления, которые для этого используются. Хронологические признаки, например, широко использовали Б.А. Рыбаков, М.Х. Алешковский, А.Г. Кузьмин для выделения из состава различных летописей текстов, написанных разными авторами.

Иногда автор источника называет себя, но скрывается под *криптонимом*. Криптограмму (тайнопись) для обозначения своего имени использовали авторы литературных произведений в средние века и на Западе, и на Руси, так как открытое объявление имени считалось нескромным и даже греховным. Но именно поэтому авторы произведений таким путем пытались сохранять свое имя для потомства. Криптонимы, по словам Д.С. Лихачева, являются одним «из самых достоверных свидетельств о принадлежности сочинения тому или иному автору»¹⁰⁵.

К настоящему времени все известные древнерусские криптонимы расшифрованы. Эта работа основана на тщательном изучении палеографами способов тайного письма¹⁰⁶. Чтобы правильно прочитать криптоним, не-

¹⁰⁴ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 96–130.

¹⁰⁵ Лихачев Д.С. Текстология. С. 321.

¹⁰⁶ См.: Соболевский А.И. Славяно-русская палеография. 2-е изд. СПб., 1908. С. 148; Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. 2-е изд. М., 1979. С. 249–258; Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956. С. 262–266, 389–392; Щепкин В.Н. Русская палеография. Изд. 3-е, доп. М., 1999. С. 144–149.

нужно уяснить, по какой системе он составлен, а затем произвести соответствующую замену знаков.

В одном сборнике Кирилло-Белозерского монастыря XV в. читаем: «Аще хочеши уведати имя писавшего книгу сию, и то ти написую: десятирица сугубая и пятерица четвертицею; и един; десятирица дваши; и един; десятица четыре сугубо и четырежды по пяти; дваши два с едином; единица с четвертицею сугубо»¹⁰⁷. Здесь используются числовые значения букв, и дешифруется она следующим образом:

Сигнограмма	Ее цифровое значение	Буква
Десятерица сугубая и пятерица четвертицею	$10 \times 2 + 5 \times 4 = 20 + 20 = 40$	М
и един	1	а
Десятерица дваши	$10 \times 2 = 20$	к
и един	1	а
Десять четыре сугубо и четырежды по пяти	$10 \times 4 \times 2 + 4 \times 5 = 80 + 20 = 100$	р
Дваши два с едином	$2 \times 2 + 1 = 5$	е
Единица с четвертицею сугубо	$1 \times 4 \times 2 = 8$	и

Поставив полученные буквы в ряд, мы прочтем имя «писавшего книгу сию»: *Макареи*.

Итак, всякая попытка приписать текст тому или иному автору, переписчику или редактору должна основываться на детальном анализе текста.

***

Однако историки при работе с текстами используют еще одно понятие, которого нет в лингвистической текстологии: *исторический источник*¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Черепнин Л.В. Русская палеография. С. 392.

¹⁰⁸ Близкое понятие есть в языкознании: *лингвистический источник* (см., например: Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980).

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

2.1. СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ИСТОЧНИКА РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИСТОРИИ

Основой основ исторического исследования является исторический источник. Это понятие проникло в российскую историографию только в самом начале XIX в., благодаря переводу труда А.-Л. Шлёцера, который использовал этот термин (*Quelle*). Именно у него мы впервые находим следующие высказывания: «*Первый и единственный источник древнейшей Руской истории есть Нестор*», и далее: «Нестор есть первый, древнейший и единственный отечественный источник сей древнейшей истории до 1054 г.», «Нестор есть первый, древнейший, единственный, по крайней мере, *главный* источник для всей Славенской, Летской и Скандинавской истории сего периода»¹. Примерно тогда же понятие исторического источника и соответствующий ему термин закрепляются в немецкой историографии. Впоследствии представление об исторических источниках и их специфике развивалось и уточнялось. Со временем это привело к формированию специального направления исторических исследований — *исторического источниковедения*.

При наличии целого ряда исследований, учебников и учебных пособий по историческому источниковедению, казалось бы, нет необходимости еще раз останавливаться на этой проблеме: достаточно лишь отослать к тому (или тем) из них, в которых данный вопрос прослеживается наиболее подробно и качественно. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что даже в лучших из них есть ряд моментов, которые нуждаются в

---

¹ Шлёцер А.-Л. Нестор: Русские летописи на Древле-Славянском языке, сличенныя, переведенныя и объясненныя А.-Л. Шлёцером. Ч. 1. СПб., 1809. С. 394, 425 (четвертая пагинация).

уточнении и корректировке, что, надеюсь, позволит избежать некоторых неясностей и недопонимания. При этом будем исходить из того, что нет лучших или худших терминов и их определений: о них следует договариваться. Как писал когда-то Ф. Энгельс, «все дефиниции имеют в научном отношении незначительную ценность», поскольку «единственной реальной дефиницией оказывается развитие самого существа дела, а это уже не есть дефиниция». «Однако, — добавлял он, — для обыденного употребления такие дефиниции очень удобны, а подчас без них трудно обойтись; повредить же они не могут, пока мы не забываем их неизбежных недостатков». И далее: «Дефиниции не имеют значения для науки, потому что они всегда оказываются недостаточными»². А потому не будем пытаться давать «научные» (так сказать, *идеальные*) определения используемых терминов, ограничившись порой лишь описательными характеристиками понятий: главное, чтобы было ясно, о чем именно идет речь.

Определения исторического источника, которые предлагаются в современных учебных пособиях по историческому источниковедению, ориентированы на характеристику уже установленного корпуса текстов, которые историки-профессионалы признают (уже признали) историческими источниками. Согласно им, исторический источник — «продукт культуры, объективированный результат деятельности человека»³, «произведение, созданное человеком <...>, продукт культуры»⁴, «продукт целенаправленной человеческой деятельности, явление культуры»⁵, «явление культуры, как реализованный интеллектуальный продукт человеческой деятельности»⁶, «произведение как явление культуры»⁷, «произведение — продукт человеческой созидательной деятельности, явление культуры»⁸, «вся совокупность произведений человека / продуктов культуры — эмпирическая реальность исторического мира <...>, культурный феномен..., продукт творчества человека и социума в широком смысле»⁹, «вся совокупность произведений культуры»¹⁰, «объективированный результат творче-

² Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М., 1961. С. 84, 634–635.

³ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие для гуманитар. вузов / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 7.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Там же. С. 26.

⁶ Там же. С. 31.

⁷ Там же. С. 75.

⁸ Там же. С. 78.

⁹ Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М., 2015. С. 7.

¹⁰ Там же.

ской деятельности человека / продукт культуры, используемый для изучения/понимания человека, общества, культуры как в исторической, так и в коэкзистенциальной¹¹ составляющих»¹², «объективированный результат творческой активности человека»¹³, «объективированный результат творческой активности индивидуума / продукт культуры»¹⁴.

Развивая эти определения исторического источника, М.Ф. Румянцева подчеркивает: «Такое понимание исторического источника восходит к разработанной в русской версии неокантианства (А.И. Введенский, 1856–1925; А.С. Лаппо-Данилевский, 1863–1919) концепции объекта исторического познания, основанной на принципе “признания чужой одушевленности”. Оно нацеливает на исследование жизненного мира Другого, познание исторической и культурной реальности через ее восприятие человеком, зафиксированное в его произведениях — исторических источниках, путем их *интерпретации*, т.е. общезначимого, методологически осмысленного *понимания*. Развитие этой концепции в XX — начале XXI в. привело к осмыслению объекта исторического познания в соотношении с системой видов исторических источников, присущей определенной культуре, — и далее как составляющей эмпирической реальности исторического мира (О.М. Медушевская). В научной литературе по-прежнему можно встретить определение “исторический источник — все, откуда можно почерпнуть информацию об историческом развитии человечества” или его модификации. Это определение имеет в своей основе фиксированное представление о реальности, свойственное классической философии нового времени, нацеливает исследователя на максимально точное “воспроизведение” этой реальности на основе достоверных фактов, установленных путем так называемой критики исторических источников, выделения в них пласта так называемой достоверной информации. Очевидно, что это определение, притягивая часть историков своей простотой, не соответствует эпистемологическому уровню XX и тем более XXI в. Кроме того, оно логически некорректно, поскольку определяет исторический источник через местоимение “все”, что

¹¹ Сама автор данного определения в свое время так разъяснила этот термин: «Поскольку понятие *коэкзистенциальный* не является общепринятым в понятийном аппарате истории и культурологии, поясню, что его употребление обусловлено необходимостью точнее выявить суть культурного поворота в историческом познании как переноса внимания с истории как процесса, понимаемого как линейный и (с позиций идиографии) — сингулярный, на культурное коэкзистенциальное (сосуществующее в культуре) пространство, предполагающее, в том числе, структуралистский и компаративный подходы к его изучению» (Румянцева М.Ф. О культурной составляющей исторического знания // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 3. С. 7).

¹² Источниковедение: учеб. пособие. С. 90; Румянцева М.Ф. Исторический источник // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь. С. 199.

¹³ Источниковедение: учеб. пособие. С. 114.

¹⁴ Там же. С. 580.

«... позволяет отграничить определяемый класс объектов и не выявляет существенных характеристик определяемого объекта»¹⁵.

Легко, впрочем, заметить, что последняя фраза относится и к предлагаемым новым дефинициям, поскольку они — иногда по умолчанию, иногда открыто (ср.: «вся совокупность произведений человека / продуктов культуры», «вся совокупность произведений культуры») — также включают местоимение «все».

Как отмечает М.Ф. Румянцева, в методологии источниковедения существует два различных направления, которые опираются на разные определения *исторического источника*: «Первое направление, <...> ориентированное на классический тип рациональности, изживший себя уже к концу XIX в., видит задачу источниковедения в так называемой *критике исторических источников* с целью установления исторических фактов. Второе, назвавшееся формироваться в связи со становлением неоклассической науки и в настоящее время отвечающее потребности неоклассической модели науки в поиске оснований строгой научности, базируется на понимании *исторического источника* как культурного феномена, составляющего эмпирическую основу понимания человека и социума в исторической ретроспективе»¹⁶.

Понять, о чем именно идет речь, позволяет следующее рассуждение: «Если мы признаем инвариантность исторического прошлого, его осуществленность в *определенных формах*, то это заставляет нас сделать прошлое объектом исторического познания, а генеральным методом такого познания — все более и более точное моделирование этого единственно возможного прошлого. Если же историческое прошлое есть совокупность его восприятий в сознании действовавших в этом прошлом людей, то объект исторического познания есть то, в чем это сознание и порожденное им действие объективировалось, т.е. исторический источник (продукт культуры, в отличие от продукта природы), определяемый как реализованный продукт человеческой психики <...>. И отсюда в целом разные задачи двух указанных подходов. Если в гегельяно-марксистской парадигме основная задача — объяснить историческую действительность, то в *феноменологической* — понять человека прошлого и через него окружающий его мир»¹⁷.

Конечно, если доводить эту мысль до логического конца, придется признать, что реальности как таковой вообще не существует, а изучение исторического источника не имеет смысла, поскольку весь мир (в том числе и этот самый «источник») — лишь совокупность восприятий единственного существующего реально человека: того, кто пишет (а для читающего — чи-

¹⁵ Румянцева М.Ф. Исторический источник. С. 199–200.

¹⁶ Румянцева М.Ф. Источниковедение // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь. М., 2014. С. 202.

¹⁷ Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология истории. М., 1997. С. 20.

тает) эти строки. Всё остальное и все остальные (поскольку всё и все суть также совокупность его восприятий) не существуют, а люди прошлого — как и порожденные ими тексты — не могут быть реальностью, поскольку прошлого на существовало. Они лишь порождение *моего* восприятия. Но тогда возникает еще один вопрос: а существую ли реально я сам? Ведь я лишь кажусь всем тем, кто считает *себя* объективно существующим. Всё в таком случае сводится к субъективным ощущениям и представлениям, к убеждению (вере), что весь окружающий мир не является плодом воображения (возможно, больного). Крайний субъективизм и релятивизм таких представлений выводит любое познание за рамки науки.

Представляется, что иная — верная по сути — мысль просто была выражена не вполне точно. Речь идет о том, что прошлое как некая доступная непосредственному наблюдению реальность («инвариантность <...>, осуществленная в определенных формах») уже не существует, а потому и не может рассматриваться в качестве объекта исследования. Мы можем наблюдать только зафиксированные в источниках впечатления участников и свидетелей произошедшего, образы этого прошлого, сохранившиеся в текстах источников. Последние и являются единственным доступным нам объектом изучения. Из этого, однако, не следует, что прошлое никогда не существовало. Но познать его можно, только опираясь на эти — зафиксированные в источниках — образы. Но чтобы прошлое познать, его надо реконструировать, ясно осознавая, что в нашем распоряжении именно его образы, а не буквальное отражение. Анализируя эти образы, историк создает новые образы — желательно, как можно более близкие к тому, что реально происходило когда-то.

В этом случае речь должна идти не о том, что историки перестали рассматривать тексты прошлого как источник ретроспективной информации, которая используется в конкретно-исторических построениях. Просто источник перестал восприниматься как своеобразный «объективный» склад исторической информации, которую надо просто транслировать, переведя на современный историку язык. Накопление «позитивного знания» продолжается и сегодня, но сама процедура его получения изменилась. Стало ясно, что для вычленения этой информации необходимо понимать автора источника, — а он воспринимает мир и все происходящее в нем совсем не так, как наш современник. Его «понятийно-категориальный аппарат», образы, которыми он оперирует, порой радикально расходятся с представлениями современного человека о том, что и, главное, как надо описывать. Гуманитарные науки — в том числе наука историческая — сместили акцент своих исследований со «сбора» того, что принято было называть «фактическим знанием», на понимание логики поступков человека прошлого (в том числе логику создателей текстов). А потому потребовался принци-

значительно иной подход к историческим источникам как к единственно доступному объекту изучения. В свою очередь, это не могло не сказаться и на конкретно-исторических построениях — научных реконструкциях прошлого, которые изучаются на следующем этапе исторического исследования в качестве своеобразного «объекта».

Еще один важный момент, на котором следует остановиться. Понятия *исторический источник* и *произведение/продукт культуры* в определениях, предлагаемых в современных пособиях по историческому источниковедению, отождествляются. Это несколько размывает такое — максимально широкое — определение исторического источника. Дело в том, что само понятие *произведение* сложно и неоднозначно.

М.М. Бахтин отмечал: «Текст — печатный, написанный или устный = записанный — не равняется всему произведению в его целом (или “эстетическому объекту”). В произведение входит и необходимый внетекстовый контекст его. Произведение как бы окутано музыкой интонационно-ценностного контекста, в котором оно понимается и оценивается (конечно, контекст этот меняется по эпохам восприятия, что создает новое звучание произведения)»¹⁸. Другими словами, понятие *произведения* само нуждается в определении, поскольку обозначает не только *любой процесс* «объективации» и его *результат*, но и — в узком смысле слова — только *социально значимый результат* (именно в таком смысле говорят о произведениях культуры, литературы и искусства). Именно поэтому О.М. Медушевская уточняет: «Все, созданное людьми (в той или иной мере), есть продукт целенаправленного и осознанного единства цели, творчества»¹⁹, т.е. термин «произведение» она понимает максимально широко, включая то самое местоимение, которое делает его, по вполне справедливому замечанию М.Ф. Румянцевой, логически некорректным.

Чуть дальше О.М. Медушевская вносит еще одно уточнение: «Созданное человеком произведение материально (вещественно), доступно для непосредственного восприятия, существует в реальности»²⁰.

Соответственно, источниковедение определяется как «гуманитарная дисциплина, объект которой — исторические источники <...>, а предмет — изучение исторического источника как культурного феномена и на этой основе поиск, извлечение, оценка и использование в науке и иных социальных практиках информации о человеке и обществе в их исторической составляющих»²¹. Впрочем, и это определение, как представляется,

¹⁸ Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986. С. 390.

¹⁹ Источниковедение: Теория. История. Метод. С. 27 (курсив мой. — И. Д.).

²⁰ Там же. С. 123.

²¹ Там же. С. 8.

нуждается в некоторой корректировке, поскольку предметом изучения дисциплины может быть сторона, свойство, качество объекта, но не сам процесс его изучения. Очевидно, речь идет о, так сказать, культурной стороне источника. Какие же именно стороны и качества источника относятся к его характеристике как «культурного феномена», автор не уточняет. Между тем понятие *феномен* также неоднозначно. Оно может обозначать как явление, предмет, данный в чувственном созерцании²², так и более широкое представление — вплоть до «чистого» содержания, оторванного от реального физического мира (у Э. Гуссерля²³). Тем более неоднозначно понятие *культурного феномена*²⁴. Скажем, для П.А. Сорокина это совокупность идеологических (правовые нормы), поведенческих (ценности), материальных (предметы) и смешанных форм²⁵.

Впрочем, уже в XIX в. было ясно: «Историк, изучая события прошлого, должен заимствовать свои сведения из рассказов очевидцев, из сохранившихся памятников прежней жизни, как письменных, так и вещественных, наконец — из дошедших до нас преданий. Все эти средства — узнать жизнь прошедших веков — называются источниками <...>. В обыкновенном быту источником называется все то, откуда черпается сообщаемое сведение; следовательно, если мы нашли сведение, напр., в истории Карамзина, то Карамзин источник, но, строго говоря, мы не можем успокоиться, пока не отыщем, откуда свое сведение добыл Карамзин, и пока не доберемся, кто первый записал данное сведение, и тогда уже будем судить о том, насколько можно верить этому первому записавшему лицу. Таким образом, сочинение Карамзина не может служить источником, а будет только литературным пособием»²⁶. Здесь подчеркивается один из существенных признаков, позволяющих выделить исторические источники, которые историк имеет право использовать для научного воссоздания прошлого, из числа всех текстов, «всей совокупности произведений культуры», содержащих некие сведения об этом прошлом. К сожалению, определения, которые предлагают О.М. Медушевская и М.Ф. Румянцева, этот признак игнорируют. По существу, они дают определения не *исторического источника* как такового, а *текста* — так, как его понимали еще Г.А.Ф. Аст и Ф. Шлейермахер в самом начале XIX в.

²² «Феномен (греч. φαίνόμενον, от φαίνομαι — являться, быть видимым, также — казаться) — явление, предмет, данный в чувственном созерцании» (Михайлов И.А. Феномен // Новая философская энциклопедия / предс. науч.-ред. совета В.С. Степин, зам. предс. А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010. Т. 4. С. 174–175).

²³ См.: Херрманн В.-Ф. фон. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля: сб. Минск, 2000.

²⁴ См., например: Клименкова Т.А. Женщина как феномен культуры: Взгляд из России. М., 1996.

²⁵ Sorokin P.A. Social Theory Today. N.Y., 1966. P. 33.

²⁶ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. СПб., 1872. С. 10.

Тем не менее такие определения представляют не только сугубо теоретический интерес, это не просто «бесполезная “игра ума”» (М.Ф. Румянцев). Они вполне справедливы для понимания сущности исторического источника с гносеологической точки зрения. При всей своей обобщенности они дают четкий методологический ориентир. Согласно им, исторический источник рассматривается не как нейтральное хранилище аутентичной информации о прошлом, не как *отражение* этого прошлого. Источник представляется как объективно существующий результат некоего *отображения* происшедшего — в единстве непосредственного и опосредованного, намеренного и ненамеренного, прямого и косвенного, как результат неполного, несколько искаженного, огрубленного (в силу ряда объективных и субъективных причин) материального воплощения образов, возникших в сознании современников и ближайших потомков событий и явлений прошлого. Впрочем, это свойство исторического источника уже давно стало общим местом в трудах по источниковедению. Так, уже почти полвека тому назад Л.Н. Пушкарев писал: «*Отображение* реальной исторической действительности в источнике предполагает, что в нем имеются различные образы этой действительности, и задача источниковеда заключается, в частности, в том, чтобы по этим образам восстановить подлинную, реальную историческую действительность»²⁷. И это положение никем не оспаривается.

Проблема однако в том, что приведенные определения не позволяют установить, является *данный текст (произведение* — в широком смысле слова) историческим источником для изучения конкретных событий, явлений и процессов прошлого, интересующих данного историка, или нет. Пока они дают представление лишь о том, что представляют собой исторические источники, но не как отделить источники, на которые историк имеет право опираться при решении *данной* конкретно-исторической проблемы, от текстов, которые таковыми не являются.

Если подойти к «явлениям культуры» с приведенной точки зрения, под определение исторического источника подпадут все тексты, в которых так или иначе упоминается изучаемое прошлое — когда бы и кем бы они ни были написаны, включая современные научные труды, беллетристику, фантастику, паранаучную литературу. Все они подходят под перечисленные критерии: они, несомненно, являются культурными феноменами, результатами творческой деятельности человека, реализованными продуктами человеческой психики и т.п. Все они, столь же несомненно, являются источниками для изучения представлений авторов (и, соответственно, некоего круга читателей) данных произведений о том прошлом (или якобы

²⁷ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 10–11.

прошлом), которое они описывают, поскольку «любой исторический источник, независимо от того с какой целью он был создан, с какой степенью полноты отобразил существовавшие в то время отношения, обязательно является <...> частью прошлого (времени возникновения источника)»²⁸. Но все они, столь же несомненно, не являются источниками для изучения прошлого, которое описывают, попадая в разряд того, что у профессиональных историков принято называть *пособиями, литературой*. Первым, кто обратил на это внимание, был Н.Г. Устрялов, разделивший все «средства к основательному изучению отечественной Истории» «на два разряда, на источники и на критические исследования»²⁹. Как верно отмечает Л.Н. Пушкарев, «при всем сходстве, при всей близости источника и исследования они принципиально отличаются друг от друга тем, как отображают они исторический процесс. Исследование само основано на источнике, оно имеет иные цели создания, иную систему отображения исторического процесса по сравнению с источниками. Исследование не может быть источником для изучения исторического процесса, предшествовавшего во времени самому исследованию». Зато «для историографии исследование всегда является главным и основным источником»³⁰. То есть тексты, которые при одной постановке вопроса историческим источником не являлись, при изменении проблематики исследования могут стать оным.

Между тем специальное изучение исторических источников — историческое источниковедение как таковое — необходимо лишь для того, чтобы профессиональные историки (которые, видимо, не догадываются, что это «не соответствует эпистемологическому уровню XX и тем более XXI в.») получили возможность «максимально точно “воспроизвести”» человеческое прошлое на основе достоверной информации, «установленной путем так называемой критики исторических источников». Недаром А.С. Лаппо-Данилевский в «научно-эмпирическом смысле» называл историческим источником «всякий реальный объект, который изучается не ради его самого, а для того, чтобы через ближайшее его посредство получить знание о другом объекте»³¹, или, другими словами, «реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»³². Такая дефиниция исходит из определения Э. Бернгейма, считавшего исто-

²⁸ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. С. 39.

²⁹ Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории: рассуждение, написанное на степень доктора философии. СПб., 1836. С. 50.

³⁰ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников... С. 74.

³¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т. Т. 2 / подг. текста Р.Б. Казакова, О.М. Медушевской, М.Ф. Румянцевой; коммент. Т.В. Гимон, М.Ф. Румянцевой. М., 2010. С. 29.

³² Там же. С. 38.

рический источник «результатом человеческой деятельности», в отличие от В. Дильтея, который видел в тексте исключительно выражение субъективных процессов восприятия и переживаний автора. Без этого само историческое источниковедение полностью сливается с литературоведением, а понятие *исторического источника* становится бессмысленным, поскольку он перестает быть *источником информации о реальном прошлом* — объектом, «из которого можно извлечь информацию (сведения, знание) о другом объекте» («причем, — как подчеркивает Л.С. Клейн, с которым невозможно не согласиться, — первый нас <...> только этим и интересуется»)³³.

На практике для историка именно последний аспект является существенным. Историк должен доказать, что попавший в его руки «объективированный результат творческой деятельности человека» является источником для изучения того прошлого, которое в данном конкретном случае интересует исследователя. С этого, собственно, и начинается работа историка-профессионала. Этим в первую очередь определяется его квалификация.

Итак, из приведенных выше определений *текста* и *исторического источника* следуют два принципиально важных вывода.

Всякий исторический источник является текстом.

Не всякий текст, повествующий о прошлом, является историческим источником.

2.2. ТЕКСТ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Перед профессиональным историком, работающим с текстом, всегда стоит проблема: при каких условиях *этот текст становится* историческим источником? На этот вопрос все приведенные выше определения исторического источника ответа не дают и не могут дать. И в этом смысле теория источниковедения «в чистом виде» оказывается отделенной, оторванной от конкретного источниковедческого исследования.

Всякий ли текст является историческим источником для решения конкретной исторической проблемы?

Если подходить к решению этого вопроса с позиций, заявленных и взятых за основу концепции уже цитировавшегося учебного пособия по источниковедению³⁴, ответ будет, несомненно, положительным. Правда,

³³ Клейн Л.С. Археологические источники: учеб. пособие. Л., 1978. С. 27; Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию: учеб. пособие. Кн. 1. СПб., 2004. С. 111.

³⁴ Источниковедение: учеб. пособие.

это приходит в видимое противоречие с другим положением, которое развивают авторы рассматриваемых определений исторического источника. Анализируя различия между понятиями *текст* («ни один текст не создан до конца, все тексты являются принципиально открытыми») и *произведение* («источник, обладающий реальными, в том числе и пространственными, параметрами») как различия между «знаком» и «объектом», О.М. Медушевская приходит к парадоксальному выводу: текст, оказывается, не связан с «признанием чужой одушевленности». Дело в том, что «реализованный продукт человеческой психики (А.С. Лаппо-Данилевский) это уже не просто текст, а произведение, исторический источник»³⁵. Из этого как будто следует, что либо не всякий текст, созданный человеком, является «продуктом человеческой созидательной деятельности», либо не всякий «продукт человеческой созидательной деятельности» является произведением (историческим источником).

О.М. Медушевская исходит из того, что «тексты», которые понимаются как «знаки», «абстрагированы от материального образа того произведения, в котором они целенаправленно и осознанно репрезентированы автором произведения»³⁶. Здесь автор следует за Р. Бартом, который разделял *произведение* как «вещественный фрагмент, занимающий определенную часть книжного пространства (например, в библиотеке)», и *Текст* как «поле методологических операций». Однако тот же Р. Барт отмечал, что «тщетна всякая попытка физически разграничить произведения и тексты»: «произведение есть шлейф воображаемого, тянущийся за Текстом», и «текст ощущается только в процессе работы, производства», он «не может неподвижно застыть (скажем, на книжной полке), он по природе своей должен сквозь что-то двигаться — например, сквозь произведение, сквозь ряд произведений». И тут же замечал: «Батай всю жизнь писал тексты или, вернее, быть может один и тот же текст»³⁷. Другими словами, Р. Барт различает *Текст* как некую общую идею, воплощающуюся в различных произведениях (что очень близко к понятию *авантекста*, который используют представители генетической критики), и конкретные, объективно существующие *тексты* реальных произведений, каждый из которых является неполным, ограниченным — и потому не вполне точным — воплощением *Текста*.

Бартовский *Текст* может быть лишь гипотетически реконструирован, когда историк пытается понять смысл своих источников — приближаясь к нему, но никогда не осваивая его полностью. Р. Барт по этому поводу писал:

³⁵ Медушевская О.М. Становление и развитие источниковедения // Источниковедение: Теория. История. Метод. С. 118.

³⁶ Там же. С. 118.

³⁷ Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 414–415.

«Текст познается, постигается через свое отношение к знаку. Произведение замкнуто, сводится к определенному означаемому. Этому означаемому можно приписывать два вида значимости: либо мы полагаем его явным, и тогда произведение служит объектом науки о буквальных значениях (филологии), либо мы считаем это означаемое тайным, глубинным, его нужно искать, и тогда произведение подлежит ведению герменевтики, интерпретации (марксистской, психоаналитической, тематической и т.п.). Получается, что все произведение в целом функционирует как знак <...>. В Тексте, напротив, означаемое бесконечно откладывается на будущее; Текст уклончив, он работает в сфере означающего. Означающее следует представлять себе не как “видимую часть смысла”, не как его материальное преддверие, а, наоборот, как его вторичный продукт (*après-coup*). Так же и в бесконечности означающего предполагается не невыразимость (означаемое, не поддающееся наименованию), а игра; порождение означающего в поле Текста (точнее, сам Текст и является его полем) происходит вечно... — причем не органически, путем вызревания, и не герменевтически, путем углубления в смысл, но посредством множественного смещения, взаимоналожения, варьирования элементов. Логика, регулирующая Текст, зиждется не на понимании (выяснении, “что значит” произведение), а на метонимии; в выработке ассоциаций, взаимосцеплений, переносов находит себе выход символическая энергия; без такого выхода человек бы умер. Произведение в лучшем случае малосимволично, его символика быстро сходит на нет, т.е. застывает в неподвижности; зато Текст всецело символичен; произведение, понятое, воспринятое и принятое во всей полноте своей символической природы, — это и есть текст. Тем самым Текст возвращается в лоно языка: как и в языке, в нем есть структура, но нет объединяющего центра, нет закрытости»³⁸.

На это же, в частности, обращал внимание Л.М. Баткин. «Понимание, — писал он, — не столько растет, сколько меняется (рядом возникает не столько большее или меньшее, сколько иное понимание). Вместо количества (точности, объема) — только качество и возможность его трансмутаций. И понимание никак не отделено от непонимания, ибо оно всегда есть одновременно непонимание (со стороны иного понимания — но и саморефлексивно, по мере того, как мы проникаемся глубиной чужого и, следовательно, не поддающегося нашему присвоению сознания). То есть чем больше понимания, тем его, в известном смысле, меньше (тем оно менее агрессивно, уверено в себе). Ведь понимание потому и понимает, что сохраняет надлежащую скромность, выявляет непонятность Иного». И далее: «Понимание <...> возможно лишь благодаря непониманию и само

³⁸ Там же. С. 415–416.

есть, собственно, понимающее непонимание, напряженно вслушивающееся и тем преодолевающее свою изолированность (но не свою самость), т.е. неравное себе и потому все-таки понимающее дружость, приближающееся к Иному субъекту (и к себе) в диалогическом усилии»³⁹.

Близкие понятия — но в других терминах — описывала Ю. Кристева. «Конечный продукт», «высказывание, имеющее смысл» она назвала *фоно-текстом*, в то время как демонстрируемый им «бесконечный синтаксический и/или семантический процесс <...>, не сводимый к порожденной им же самим структуре» — *генотекстом*⁴⁰.

На деле, однако, историк-практик имеет дело только с реальными текстами реальных произведений. Строгое разделение *Текста* и *текста*, *текста* и *произведения* для него не имеет смысла. В этом отношении справедливо замечание Л. Э: «Следует говорить <...> не о *Тексте*, но о *текстах*»⁴¹. То, что хорошо в «глубокой» теории, непосредственно на практике неприменимо. Приведенные теоретические рассуждения и выводы для использования в повседневной работе историка нуждаются в редукции, инструментализации.

Итак, необходимо определить формальные критерии, которые позволили бы в каждой конкретной исследовательской ситуации выделить тот комплекс текстов, которые в данном случае являются историческими источниками.

2.3. ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕКСТОЛОГИИ

Важнейшим, существенным признаком, выделяющим тексты, которые в данном конкретном случае являются историческими источниками, специалисты называют *непосредственность отображения* изучаемого прошлого. Другими словами, историческими источниками на практике будут лишь те тексты, которые наиболее непосредственно передают интересующую историка ретроспективную информацию.

Это положение требует разъяснения. Дело в том, что ни один текст, как уже говорилось, не может непосредственно отражать историческую реальность. В свое время Л.Н. Пушкарев, проанализировав развитие понятия исторического источника в историографии, показал, что каждый источник

³⁹ Баткин Л.М. Два способа изучать историю культуры // Вопросы философии. 1986. № 12. С. 111.

⁴⁰ Kristeva J. Sémanalyse et production du sens // Essais de sémiotique poétique. P., 1972. P. 216.

⁴¹ Э.Л. Текста не существует: Размышления о генетической критике. С. 125.

представляет собой сложное явление, сплав объективного и субъективно-го объект, созданный человеком на основе личных, субъективных образов реального, объективного мира». Автор указал также, что эта «особенность исторического источника имеет важнейшее, решающее значение для источниковедения», ибо «она означает, что исторический источник является надежным средством для познания действительности»⁴². Он отметил еще одну черту, отличающую источник: непосредственное отображение им исторической действительности. Разумеется, эта непосредственность относительна. В одних случаях она выражается в том, что автор источника сам является участником или живым свидетелем событий, в других он сообщает о них, пользуясь рассказами очевидцев или имевшимися в его распоряжении документами. Иногда автор сам наблюдает их, но в трансформированном виде (в языке, в фольклоре, в обычаях); наконец, часто он просто обобщает имеющийся в его распоряжении материал. Но в любом случае содержащаяся в источнике информация будет иметь одну общую черту: между совершившимся событием и историческим источником находится только сознание автора, создателя источника. Иными словами, источник и реальная действительность находятся между собой в двучленной связи: прошлое–источник⁴³. Мысль о непосредственном отображении действительности в историческом источнике высказывал и М.А. Варшавчик⁴⁴. В то же время Г.М. Иванов показал, что наряду с конкретными данными в источниках содержится обобщенное, опосредованное сознанием автора отображение действительности. Поэтому более правильно «рассматривать источник как единство непосредственного и опосредованного отражения действительности»⁴⁵.

Тем не менее, подчеркнул Л.Н. Пушкарев, «мы говорим, что источник — это все, непосредственно отображающее действительность, и в то же время сознаем, что автор источника отображает эту действительность посредством своего сознания. Но и сознавая всю условность подобного употребления, мы все-таки именно так определяем источник, ибо это определение подчеркивает: в основе источника лежит реальная историческая действительность, именно она порождает источник, и поэтому любой источник несет в себе часть этой реальной действительности, информацию о реально существовавшем прошлом; следовательно, источник дает нам в руки возможность познать это реально существовавшее прошлое, источник есть средство познания исторического процесса»⁴⁶.

⁴² Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников... С. 12–13.

⁴³ См.: Там же. С. 18.

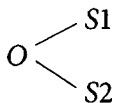
⁴⁴ См.: Варшавчик М.А. Вопросы логики исторического исследования и исторический источник // Вопросы истории. 1968. № 10. С. 82.

⁴⁵ Иванов Г.М. Методологические аспекты теории исторического источника: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Томск, 1974. С. 27.

⁴⁶ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников... С. 64.

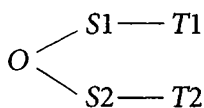
Чтобы разобраться в этой, на первый взгляд, парадоксальной ситуации, рассмотрим простейшую схему того, как ретроспективная информация об изучаемом событии попадает к изучающему его историку.

Представим себе, что когда-то произошло некоторое событие *O*. Чтобы оно было «историческим», в нем должны были принимать участие, как минимум два человека (один из них, возможно даже, заочно): назовем их *S1* и *S2*.

Событие, в котором они принимают участие, субъекты *S1* и *S2* воспринимают каждый по-своему. И это понятно. Во-первых, каждый из них видит это событие буквально со своей точки зрения: *S1*-й видит и слышит *S2*-го, но не видит и не слышит себя, тогда как *S2*-й видит и слышит *S1*-го, но не видит и не слышит себя. Зато каждый из них знает, что думает и чувствует он сам — но не знает, что переживает в данный момент его *vis-à-vis*, и по каким-то внешним проявлениям (мимике, жестике, звучанию голоса) лишь пытается догадаться, как воспринимает происходящее его «соседа» и что тот думает по поводу происходящего. Кроме того, у каждого из них свои индивидуальные особенности восприятия (один, скажем, аудиал, в то время как другой — кинестетик или визуал) и обработки информации, свой жизненный опыт, образовательный уровень, свои политические и религиозные взгляды и т.д. и т.п. Поэтому образы события, в котором они принимают участие, формирующиеся в их сознании, не полностью совпадают (а иногда полностью не совпадают) между собой. Причем ни один из них не знает, что происходит (или происходило) *на самом деле*. В свою очередь, посторонний наблюдатель также не сможет составить «объективное» представление о происходящем на его глазах, поскольку не знает, что в этот момент происходит в сознании людей, общение которых он наблюдает. Так что любой образ события, сформировавшийся в сознании его участников и свидетелей, будет субъективным. Ни при каких условиях ни один из них не будет полным и «достоверным».

Еще большие трансформации происходят с этими образами при их трансляции другим людям — т.е. когда участники или свидетели события *S1* и *S2* рассказывают о нем, создают тексты (на нашей схеме они обозначены, соответственно, как *T1* и *T2*), повествующие о том, что произошло «на самом деле».

Прежде всего человек уже в силу своих *физиологических особенностей* принципиально не может точно и полно передать образ, существующий в его сознании, другому человеку. Еще в начале прошлого века английский физиолог Чарльз Скотт Шеррингтон установил, что у человека в сотни раз больше воспринимающих рецепторов, чем передающих. Поэтому только часть раздражений, которые получает человеческий мозг, могут найти, так сказать, внешний выход. Принцип схождения чувствительных влияний к исполнительным нейронам, которые образуют общий путь (*принцип конвергентности*), получил название *воронки Шеррингтона*⁴⁷. Как это влияет на возможности человека в передаче информации, описал выдающийся психолог Л.С. Выготский: «Наша нервная система похожа на станцию, к которой ведут пять путей и от которой отходит только один, из пяти прибывающих на эту станцию поездов только один, и то после жестокой борьбы, может прорваться наружу — четыре остаются на станции. Нервная система таким образом напоминает постоянное, ни на минуту не прекращающееся поле борьбы, а наше осуществившееся поведение есть ничтожная часть того, которое реально заключено в виде возможности в нашей нервной системе и уже вызвано даже к жизни, но не нашло себе выхода <...>. В нервной системе осуществившаяся часть жизни есть меньшая часть реально заключенной в нас. Шеррингтон сравнивал нашу нервную систему с воронкой, которая обращена широким отверстием к миру и узким отверстием к действию. Мир вливается в человека через широкое отверстие воронки — тысячью зовов, влечений, раздражений, ничтожная их часть осуществляется и как бы вытекает наружу через узкое отверстие»⁴⁸.

Кроме того, определенные ограничения накладывает язык, в котором кодируются эти образы. Любая система кодировки имеет пределы передачи информации. Скажем, вербально, особенно в письменной форме, невозможно точно описать тембр голоса человека, его интонации (между прочим, до 80% смысла устного сообщения зависит от того, как было произнесено то или иное слово; при устной передаче это можно лишь попытаться скопировать или спародировать), точно воспроизвести жесты (также несущие значительную часть информации⁴⁹), тот или иной оттенок цвета⁵⁰ и тому подобные детали. Визуально — в рисунке, фотографии — невозможно зафиксировать звуки, речь, разговор, а если это черно-белое изображение, то и цвет, его оттенок и т.п.

⁴⁷ Sherrington Ch.S. The Integrative Action of the Nervous System. 1st ed. New Haven, 1906 [рус. изд.: Шеррингтон Ч. Интегративная деятельность нервной системы. Л., 1969].

⁴⁸ Выготский Л.С. Психология искусства / предисл. А.Н. Леонтьева. М., 1986. С. 228.

⁴⁹ См.: Голубовский Д.А. Невербальные коммуникации в древнерусских письменных источниках.

⁵⁰ Подробнее см.: Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Каталог названий цвета в русском языке. М., 2002; Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А.П. Василевича. М., 2005 и др.

Еще одно ограничение связано с тем, насколько хорошо создатель текста владеет языком кодировки. Мы ежедневно сталкиваемся со случаями не вполне грамотного изложения мыслей тем или иным человеком. Иногда такие высказывания создают забавные ситуации, иногда делают совершенно непонятными сами сообщения. В письменной речи, помимо всего прочего, смысл передаваемого сообщения может быть затемнен или искажен орфографическими и пунктуационными ошибками.

Но даже если автор текста в совершенстве владеет языком, проблема «объективации» субъективного образа, который он пытается передать тому, кто «считывает» этот текст, остается. Так, Л.Н. Толстой, согласно легенде, 7 раз переписывал роман «Война и мир» (издано пять авторских вариантов) и не менее 5 раз — роман «Анна Каренина»⁵¹. Естественно, дело было не в том, что русский язык представлял для великого писателя какие-то трудности (скажем, недостаток лексического запаса или слабое владение грамматикой). Редактируя свои романы, Л.Н. Толстой старался создать тексты, которые бы рождали у его читателей образы, максимально близкие тому, что он сам себе представлял. Об этом он прямо писал Н.Н. Страхову: «Если же бы я хотел сказать словами всё то, что имел в виду выразить романом, то я должен бы был написать роман тот самый, кот[орый] я написал, сначала. И если близорукие критики думают, что я хотел описывать только то, что мне нравится, как обедает Обл[онский] и какие плечи у Карен[иной], то они ошибаются. Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собирания мыслей, сцепленных между собою, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредственно — словами описывая образы, действия, положения». И далее: «...для критики искусства нужны люди, которые бы показывали бессмыслицу отыскивания мыслей в худож[ественном] произвед[ении] и постоянно руководили бы читателей в том бесконечном лабиринте сцеплений, в кот[о ром] и состоит сущность искусства, и к тем законам, кот[орые] служат основан[ием] этих сцеплений. И если критики теперь уже понимают и в фельетоне могут выразить то, что я хочу сказать, то я их поздравляю и смело могу уверить qu'ils en savent plus long que moi [они знают больше, чем я]»⁵².

⁵¹ См.: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 13–15: Война и мир: Черновые редакции и варианты; Т. 20: Анна Каренина: Черновые редакции и варианты. М., 1949–1955.

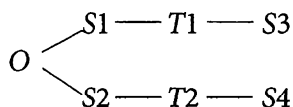
⁵² Толстой Л.Н. Письмо Н.Н. Страхову. 1876 г. Апреля 23 и 26 // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 62: Письма 1873–1879. М., 1953. С. 268–269.

Некоторые авторы, сознавая ограничения, которые накладывает на язык, которым они пользуются, создавая свой текст, параллельно ему дают дополнительный текст, выраженный в другом языке. Так, например, замечательный русский художник П.А. Федотов свои картины сопровождал пространственными стихотворными описаниями, которые были призваны помочь зрителям точнее понимать смысл визуальных образов⁵³.

Однако даже такие — взаимодополняющие — тексты помогают далеко не всегда.

Многое в содержании создающихся текстов $T1$ и $T2$ будет зависеть также от того, с какой целью они создаются, кому адресованы, какую роль в описываемом событии отводит себе автор текста, о чем он считает необходимым умолчать, что хочет «приукрасить», добавить, что ему представляется важным, а что второстепенным или вообще не заслуживающим внимания, насколько подробно он хочет описать событие и т.д. и т.п.

Все перечисленные моменты влияют на то, какая информация и в какой форме будет зафиксирована в тексте. Проблема передачи информации усугубляется тем, что эти тексты неизбежно подвергаются перекодировке при их восприятии другими людьми (на нашей схеме — $S3$ и $S4$):

Собственно, только то из полученного сообщения, что человек может «перевести» на свой — внутренний — язык, и является информацией о заинтересовавшем его событии.

Воспринимая чужой текст, читатель невольно меняет — и в той или иной степени искажает его.

Во-первых, он вычитывает лишь то, что его интересует, что он считает важным, существенным. При этом не обращает внимания на массу деталей и нюансов. Так, например, большинство читателей «Гамлета» В. Шекспира не могут описать внешность заглавного героя, хотя автор упоминает и бороду Гамлета⁵⁴, и его полноту⁵⁵. Немногие обращают внимание и на то,

⁵³ См., например: Федотов П.А. Радея: Объяснение картины «Сватовство майора» // Поэты 1840–1850-х годов / вступ. ст. и общ. ред. Б.Я. Бухштаба; сост., подг. текста, биогр. справки и примеч. Э.М. Шнейдермана. Л., 1972. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

⁵⁴ В оригинале: «*Hamlet: ...Am I a coward? Who calls me villain? breaks my pate across? Plucks off my beard and blows it in my face?*» (в пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник: «*Гамлет: ...Или я трус? Кто скажет мне: “подлец”? Пробьет башку? Клок вырвав бороды, швырнет в лицо?*» (2-й акт, 2-я сцена)).

⁵⁵ В оригинале: «*King Claudius: Our son shall win. / Queen Gertrude: He's fat, and scant of breath*» (в пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник: «*Король: Наш сын одержит верх. / Королева: Он тучен и одышлив*» (5-й акт, 2-я сцена)).

как звали отца Гамлета⁵⁶. Читатель, как правило, руководствуется не столько буквальным текстом, сколько тем образом, который у него предварительно сформировался под влиянием рассказов других людей, при посещении театра или просмотре фильмов. Столь же часто те, кто предварительно читал литературный текст, бывают неудовлетворены экранизацией или инсценировкой этого произведения. Между тем именно в таких случаях наиболее наглядно проступают различия в исходном и перекодированном тексте.

Во-вторых, при восприятии (и неизбежной при этом внутренней перекодировке) текста могут возникать сложности и ошибки из-за непонимания языка, на котором получено сообщение, или некоторых его нюансов. Кроме того, содержание сообщения может изменяться и искажаться вследствие неполного совпадения смыслов в языках автора сообщения и читателя. Это особенно хорошо заметно при сличении оригинала, написанного на иностранном языке, и его переводов на другой язык. Эту проблему, в частности, исследовала Анна Вежбицкая, сравнивавшая культурспецифические концепты разных живых языков⁵⁷.

В качестве примера можно привести классические переводы все того же «Гамлета» на русский язык. М. Лозинский так перевел диалог из 1-й сцены 5-го акта трагедии между героем и первым могильщиком⁵⁸: услышав, что датский принц сошел с ума, Гамлет (который инкогнито появился в окрестностях Эльсинора) спрашивает: «На какой почве?» — и получает ответ: «Да здесь же, в Дании» (точно так же перевела эту фразу и Т. Щепкина-Куперник). Несколько иной смысл приобретает ответ могильщика в переводе Б. Пастернака. На вопрос Гамлета могильщик отвечает: «Да все на той же, на нашей датской». Очевидно, что английское *ground* в вопросе Гамлета, переданное переводчиками как *почва*, было понято ими чуть-чуть по-разному.

Еще одним показательным примером является восприятие современным человеком басни И.А. Крылова «Стрекоза и муравей». Практически все, кто читал ее, представляют себе обычную стрекозу. Правда, иногда

⁵⁶ В оригинале: «*Horatio: Our last king, Whose image even but now appear'd to us, Was, as you know, by Fortinbras of Norway, Thereto prick'd on by a most emulate pride, Dar'd to the combat; in which our valiant Hamlet (For so this side of our known world esteem'd him) Did slay this Fortinbras*» (в пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник: «*Горацио: Покойный наш король, Чей образ нам сейчас являлся, был, Вы знаете, норвежским Фортинбрасом, Подвигнутым ревнивою гордыней, На поле вызван; и наш храбрый Гамлет — Таким он слыл во всем известном мире — Убил его*» (1-й акт, 1-я сцена)).

⁵⁷ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999; Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001; Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001 и др.

⁵⁸ В оригинале: «*First Clown: Faith, e'en with losing his wits. / Hamlet: Upon what ground? / First Clown: Why, here in Denmark*».

возникает вопрос: почему стрекоза в басне «попрыгунья» и к тому же поет? Знакомые нам стрекозы летают и никаких звуков не издают. Однако в басне, очевидно, имелось в виду другое насекомое — цикада. Это подтверждается как исходным текстом (басня Лафонтена «La Cigale et la Fourmi»), так и словарем И. Нордстета, в котором слову *стрекоза* соответствует французское *cigale* — «цикада, кузнечик»⁵⁹.

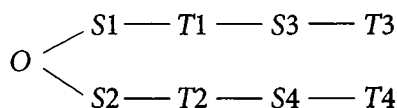
Недаром Л. Э, ссылаясь на словарь Пьера Ларусса, определяет переводы «как нечто прямо противоположное тексту»⁶⁰.

Проблема усугубляется тем, что многие тексты построены по принципу многоярусной семантики: помимо буквального смысла они могут иметь смыслы символический, нравственный, аллегорический и проч.

Еще бóльшие трансформации происходят при перекодировке информации, сохранившейся, скажем, в визуальных или материальных текстах, на вербальный язык. Если этим пытается заниматься человек, не имеющий специальной подготовки, результат, как правило, сводится к эмоционально-оценочным суждениям и догадкам, которые не поддаются проверке.

Вследствие такой перекодировки сообщения участника или свидетеля события у читателя формируется образ, который в большей или меньшей степени отличается от того образа, который ему транслирует автор исходного текста.

На следующем этапе передачи информации о событии происходят те же процессы, которые были рассмотрены выше:

Содержание текстов *T3* и *T4*, которые создают соответственно авторы *S3* и *S4*, будут серьезно отличаться от тех образов, которые возникли в их сознании при чтении текстов *T1* и *T2* (к тому же, воспринятые недостаточно точно и полно). При этом информация, исходящая от участников события *S1* и *S2*, частично «угасает», теряется, частично дополняется фантазией авторов новых текстов. При этом нарастает информационный шум — неотфильтрованный поток информации, в котором полезность полученных данных уменьшается прямо пропорционально количеству этих данных. Следовательно, как отмечает А.Л. Гришунин, «всякое историческое свидетельство передает не сам факт⁶¹, который перестает существовать сразу же после свершения, а только его отражение, только впечатление от него,

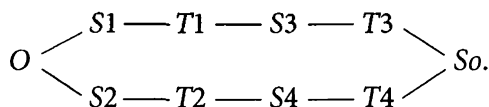
⁵⁹ Российский, с немецким и французским переводами, словарь, сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом. Ч. 2. СПб., 1782. С. 325.

⁶⁰ Э.Л. Текста не существует: Размышления о генетической критике. С. 116.

⁶¹ Под *фактом* А.Л. Гришунин имеет в виду историческое событие как таковое.

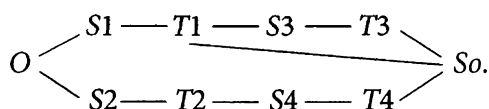
сложившееся у автора. Факт, таким образом, оказывается преломленным в голове автора и в его передаче — в соответствии с его мировоззрением и тенденцией. По мере того, как авторская версия передается другим, третьим и т.п. передатчикам, — этот субъективный элемент наслаивается и усиливается, еще более искажая освещение факта»⁶².

Наконец, тексты T3 и T4 попадают в руки исследователя So:

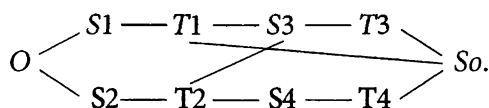
При чтении их возникают уже описанные проблемы, связанные с очередной перекодировкой заключенной в них ретроспективной информации. В данном случае, однако, для нас важно лишь то, что теперь они становятся *историческими источниками* для изучения события O.

Но вот, представим, что в ходе архивных разысканий историку So удастся разыскать текст T1:

Изменится ли его отношение к лежащим перед ним текстам? Несомненно. Теперь *историческими источниками* для него будут только тексты T1 и T4, которые наиболее непосредственно доносят впечатления и образы участников (или свидетелей) изучаемого события O. Что же касается текста T3, то он перестает рассматриваться как исторический источник: он не содержит ничего нового о том, что видел, делал и чувствовал участник (свидетель) события S1, но лишь фрагменты образа того, как воспринимал это событие и впечатления одного из его участников (свидетелей) читатель S3-й.

Ситуация изменится, если в ходе изучения всех трех текстов, имеющих в его распоряжении, историку So удастся доказать, что читателю S3 был доступен текст T2:

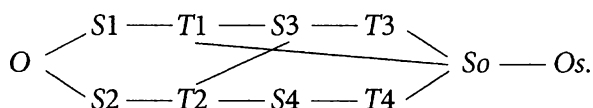

Созданный автором S3 текст T3 тут же приобретет качество исторического источника. Теперь он, наряду с текстом T4, станет наиболее непосредственным носителем ретроспективной информации, заключавшейся в

⁶² Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 13.

в прошедшем тексте T_2 . С одной стороны, информация о событии O , содержащаяся в текстах T_3 и T_4 , будет свидетельствовать о том, что она попала из текста T_2 . С другой стороны, автор-читатель T_3 мог сохранить другую часть информации, восходящей к тексту T_2 , которая по тем или иным причинам не попала в текст T_4 : его автор мог не заметить ее, счесть неважной или недостойной его внимания, исказить попавшее ему сообщение и т.п.

В данных условиях каждый из трех отобранных историком текстов — T_1 , T_3 и T_4 — наиболее непосредственно донес до него ретроспективную информацию об интересующем его событии O : каждый — по своему информационному каналу. T_1 — по каналу: $O \rightarrow S_1 \rightarrow T_1 \rightarrow S_0$; T_3 — по каналу: $O \rightarrow S_2 \rightarrow T_2 \rightarrow S_3 \rightarrow T_3 \rightarrow S_0$; T_4 — по каналу: $O \rightarrow S_2 \rightarrow T_2 \rightarrow S_4 \rightarrow T_4 \rightarrow S_0$. Теперь, опираясь на информацию всех трех текстов исторических источников он начинает создавать гипотетическую реконструкцию события O :

На следующем этапе исторического исследования он будет изучать ее как потенциальную историческую реальность, полагая, что $O \equiv Os$ и, чаще всего, забывая, что $O \neq Os$ ...

Итак, историческим источником для изучения конкретного события прошлого может быть только текст, который, во-первых, несет информацию, восходящую к впечатлениям участников и/или свидетелей этого события, и, во-вторых, наиболее непосредственно передает эту информацию по данному информационному каналу.

2.4. ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК — ПРОИЗВЕДЕНИЕ — ПАМЯТНИК: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Определения *текста* и *исторического источника*, которые дают филологи и источниковеды, как правило, связываются с понятиями *произведение* и *памятник*, которые, в свою очередь, нуждаются в определении. Это позволит уточнить их соотношение с понятием *исторического источника*.

Рассматривая понятие *произведение*, Д.С. Лихачев отмечал: «Для текстолога очень важно найти объективные признаки произведения: те, которые позволили бы считать, что не только им некое текстовое целое признается за отдельное произведение, но, главное, и его творцами — авторами,

редакторами, переписчиками и т.д.»⁶³ К числу таких объективных признаков он относит: 1) «самостоятельность изменений <...> текста относительно других соседних в рукописи»; 2) единый замысел текста; 3) изменение текста как единого целого (по содержанию и по форме). Причем «степень самостоятельности произведения определяется степенью его изменений как единого целого»⁶⁴.

Именно по первому признаку из состава поздних летописных сводов выделяется «Повесть временных лет» — малоизменяющийся текст, с которого начинается подавляющее большинство известных списков летописей.

Что же касается второго признака (единого замысла текста), то он — при всей его важности — с трудом поддается точному определению. Цель, которую преследовал создавший его автор, редко дается читателю в явном виде. Чаше о замысле произведения приходится только догадываться. И здесь возникают серьезные сложности, поскольку категории, которыми мыслили люди прошлого (даже недавнего), могут серьезно отличаться от современных: исследователь и автор текста имеют различные «картины мира», ценностные установки, аксиологические системы и т.п.

Показательными в этом отношении представляются попытки установить общую идею древнерусских «хожений» — описаний паломничеств в Святую Землю. Так, в «Хожении» игумена Даниила (между 1104 и 1115 г.⁶⁵) традиционно видят «своего рода путеводитель для будущих паломников»⁶⁶. Это вполне логично, с точки зрения *современного* исследователя. Однако сам Даниил прямо указывает, что целью создания «Хожения» было стремление удержать читателей от самостоятельного совершения паломничества, чтобы те не впади в грех гордыни, возгордившись своим поступком. Чтение же описания совершенного Даниилом путешествия приравнивалось к посещению Святой Земли: «Братиа и отци, господие мои, простите мя грѣшнаго и не зазрите худоумью моему и грубости, еже писахъ о святѣмъ градѣ Иерусалимѣ, и о земли той блазѣй, и о пути еже к святымъ мѣстом. Иже бо кто путемъ симъ ходилъ съ страхомъ Божиимъ и смѣренъемъ, не погрѣшитъ милости Божия николи же. Аз же неподобно ходихъ путемъ симъ святымъ, во всякой лѣности и слабости и во пьянствѣ и вся неподобная дѣла творя. Но обаче надѣяся на милость Божию и на вашу молитву, да ми проститъ Христосъ Богъ моихъ грѣховъъ безчисленныхъ, да си исписахъ путь си и мѣста

⁶³ Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. СПб., 2001. С. 130.

⁶⁴ Там же. С. 130–131.

⁶⁵ «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб., 2007. С. 10.

⁶⁶ Творогов О.В. Литература XI — начала XIII в. // История русской литературы X–XVII веков / под ред. Д.С. Лихачева. М., 1980. С. 112.

нии святаа, не возносяся ни величаяся путем симъ, яко что добро створивъ на пути семъ, не буди то: ничтоже бо добра створих на пути сем; но любве ради святыхъ мѣстъ сихъ исписах все, еже видѣхъ очима своима, дабы не в забыть было то, еже ми показа Богъ видѣти недостойному. Убохся оного раба лѣниваго, скрывшаго талантъ господина своего и не створившаго прикупа им, да сие написах вѣрныхъ ради человекъ. Да кто убо, слышавъ о мѣстѣхъ сихъ святыхъ, поскорбѣ бы ся душею и мыслию къ святымъ симъ мѣстомъ, и равну мзду примутъ от Бога с тѣми, иже будутъ доходили святыхъ сихъ мѣстъ. Мнози бо, дома суще в мѣстѣхъ своихъ, добрии человекъци мысляю своею и милостынею убогихъ, добрыми своими дѣлы, достигаютъ мѣстъ сихъ святыхъ, иже боольшую мзду примутъ отъ Бога Спаса нашего Исуса Христа. Мнози бо, доходивше сихъ мѣстъ и святыи градъ Иерусалимъ и възнесшеся умомъ своимъ, яко нѣчто добро створивше, и погубляютъ мзду труда своего, от нихъ же пръвѣй есмь азъ»⁶⁷. На это обратили внимание Н.В. Водовозов⁶⁸, В.В. Кусков⁶⁹, а в последнее время — Е.И. Малето⁷⁰, М. Гардзанти⁷¹ и др. Именно поэтому Даниил так подробен в своем рассказе об увиденном.

Вместе с тем следует учитывать, что при переписывании (а в нашем случае речь идет прежде всего о рукописной традиции нарративных текстов) произведение неизбежно изменяется — в большей или меньшей степени. При этом подвергается изменению и его замысел. Собственно, каждый новый список, каждый новый вариант текста произведения — шаг к его превращению в другое произведение. И это связано не только с формальными изменениями. Переписывание произведения в другое время свидетельствует о том, что оно вновь становится актуальным — в условиях, отличных от тех, которые породили его, а потому наполняется новыми смыслами, порой существенно корректирующими изначальный замысел автора.

Скажем, так называемое «Поучение» Владимира Мономаха традиционно рассматривается в контексте событий первых десятилетий XII в., исходя из того, что автором всех трех текстов, которые объединяются этим названием (собственно поучение детям, роспись «путей и ловов» и письмо князю Олегу Святославичу), является Владимир Мономах. Между тем никто, кажется, всерьез не пытался доказать, что это именно так. Авторство Владимира Всеволодовича просто никогда не подвергалось сомнению —

⁶⁷ «Хождение» игумена Даниила. С. 15, 16.

⁶⁸ Водовозов Н.В. История древней русской литературы. 3-е изд. М., 1972. С. 58–59.

⁶⁹ Кусков В.В. История древнерусской литературы. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 1982. С. 81.

⁷⁰ Малето Е.И. Антология хождений русских путешественников, XII–XV века: Исслед., тексты, comment. / отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2005. С. 26–27.

⁷¹ Гардзанти М. У истоков паломнической литературы Древней Руси: «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю // «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб., 2007. С. 271–277.

при том, что достаточные основания для этого есть. Так, Д.С. Лихачев обмолвился: «“Поучение” дошло до нас совершенно случайно, в единственном списке, в составе Лаврентьевской летописи, которая рисковала сгореть вместе со списком “Слова о полку Игореве” в московском пожаре 1812 г. в собрании рукописей Мусина-Пушкина, но не сгорела только потому, что была взята из библиотеки Н.М. Карамзиным. Можно быть совершенно уверенным, что если бы Лаврентьевская летопись сгорела, то “Поучение” Владимира Мономаха было бы объявлено подделкой и защитить подлинность его было бы гораздо труднее, чем сейчас защищать подлинность “Слова о полку Игореве”. “Поучение” никак не отразилось в последующей русской литературе, оно нигде не упоминается; текст “Поучения” разрывает связный, цельный текст Лаврентьевской летописи в рассказе о событиях 1096 г. — это, казалось бы, “явная” вставка; частное письмо и автобиография Мономаха, которые имеются в “Поучении”, необычны для литературы XI–XII вв.»⁷². Тем не менее «Поучение» всегда изучается исключительно в контексте начала XII в. и никогда — в историческом контексте 1377 г., когда оно было единственный раз переписано, — что само по себе странно и нелогично.

Так что выявление замысла текста представляет серьезные трудности и, как правило, проблематично.

Несомненно, важнейшим из перечисленных признаков выделения произведения является последний: изменение текста как единого целого, на что и обращает внимание Д.С. Лихачев. С этим соглашаются и современные исследователи: «Когда мы анализируем содержание, форму произведения и его воздействие на читателя, то текст рассматривается по необходимости как система, управляемая единым законом, так что ни одну из его частей невозможно изменить, не задев целого»⁷³. «Как можно сказать, что вместо одного слова в произведении могло быть или было другое, — задается вопросом французский генетист Д. Феррер, — если мы все признаем, что для определения произведения во всем его своеобразии необходимо осмыслить каждое слово и даже каждую составляющую его букву?»⁷⁴

Признаки, по которым выделяется произведение, впрочем, весьма подвижны и во многом зависят от того, насколько полно исследователю удастся проследить самостоятельную историю текста — вне зависимости от его окружения. Поэтому, как справедливо замечает Д.С. Лихачев, «понятие “произведение” относительно»⁷⁵. Особенно трудно установить, яв-

⁷² Лихачев Д.С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. Изд. 2-е, доп. М., 1980. С. 141.

⁷³ Э Л. Текста не существует. С. 127.

⁷⁴ Феррер Д. Шапка Клементиса: Обратная связь и инерционность в генетических процессах. С. 228.

⁷⁵ Лихачев Д.С. Текстология. С. 131.

яется ли данный текст произведением, если он известен в единственном списке или в постоянном соседстве с другими текстами, близкими ему по смыслу, стилистике и языку.

Так, знаменитое «Слово о погибели Русской земли» сохранилось всего в двух списках. Причем в обоих случаях оно непосредственно предваряет первую редакцию житийной повести о св. благоверном князе Александре Ярославиче (Невском). К тому же оба соседних текста обнаруживают стилистическое и идейное сходство. Это дало основания некоторым исследователям (первому публикатору «Слова» Х.М. Лопареву⁷⁶, В. Мансикке⁷⁷, Н.И. Серебрянскому⁷⁸, И.У. Будовниці⁷⁹, А.Н. Ужанкову⁸⁰ и др.) полагать, что «Слово» и Житие представляют собой единое произведение. Историк же оба текста может рассматривать и как два самостоятельных источника, восходящих непосредственно ко второй половине XIII в., и как единый источник, тем более что их замыслы (насколько это удастся восстановить) достаточно близки.

Бывает и так, что два разных произведения со временем сливаются в единый текст и рассматриваются как одно произведение.

Характерный пример приводит В.М. Истрин: «Повесть об Акире Премудром» <...> была одной из древнейших переводных повестей в русской литературе. Происхождение Повести относится к глубокой древности, ко времени не позднее VII в. до Р.Х., и родиной ее была Ассирия-Вавилония. Отсюда она распространилась по всему Востоку, оказала влияние на библейскую книгу Товита и перешла, между прочим, и в византийскую литературу. В том виде, в каком мы ее имеем в настоящее время, она содержит в себе соединение двух повестей, несомненно, существовавших когда-то друг от друга отдельно. В одной повести рассказ идет о том, как один мудрый советник царя впал у последнего в немилость по клевете своего родственника-приемыша, как он был скрыт от назначенной казни своим другом-царедворцем и как впоследствии своею мудростью спас осудившего его царя. Вторая повесть состоит из собрания нравоучительных правил

⁷⁶ Лопарев Х.М. «Слово о погибели Русская земли»: Вновь найденный памятник литературы XIII в. СПб., 1892.

⁷⁷ Мансикка В.Й. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текста. СПб., 1913. С. 6–11.

⁷⁸ Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития: Обзор редакций и тексты // Чтения в императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 3 (254). М., 1915. С. 154–167.

⁷⁹ Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси: XI–XIV вв. М., 1960. С. 307–314.

⁸⁰ Ужанков А.Н. Некоторые наблюдения над «Словом о погибели Русской земли»: К вопросу о месте написания и времени присоединения его к «Повести о житии Александра Невского» // Ужанков А.Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII веков. М., 2009. С. 425–439.

и предписаний, которые внушает мудрец своему воспитаннику, и из собрания укоризн, которыми он укоряет последнего в его неблагодарности, когда открылась его клевета. С течением времени обе повести соединились в одну, и в таком виде Повесть и появилась в переводе с греческого языка в древнерусской литературе»⁸¹.

Еще менее определенным является понятие *памятника*. Употребление слова *памятник* (*письменный памятник*) в трудах современных славистов проанализировала болгарская палеославистка Е. Дограмаджиева. Она отметила: «Он не отвечает одному из обязательных требований к терминологической системе — быть однозначным». В одних случаях так обозначается уникальный конкретный список (рукопись, «реально засвидетельствованный конкретный письменный текст»); например, Зографское Евангелие, Остромирово Евангелие, дарственная грамота великого князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю и т.п. В других — так называются произведения, сохранившиеся в нескольких списках (Евангелие, Апостол, Псалтирь и т.п.); в качестве примера приводится высказывание Л.П. Жуковской: «Древнее рукописное наследие Руси можно рассматривать или как конкретно сохранившиеся рукописи, или как определенные произведения письменности — памятники, сохранившиеся в разных списках»⁸². В третьих — речь идет о любых остатках культуры прошлого (археологический памятник, эпиграфический памятник, памятник искусства, памятник архитектуры и т.п.)⁸³. Другими словами, это понятие, строго говоря, нетерминологично.

Определения же понятий *материалы* и *остатки* оказываются еще более размытыми.

Итак, понятия *произведение*, *памятник* (*письменный памятник*), *материалы* и *остатки* неоднозначны, а потому их не рекомендуется использовать в качестве самостоятельных терминов. Тем не менее они часто употребляются (и иногда будут использоваться в дальнейшем изложении) в качестве синонимов термина *исторический источник*.

⁸¹ Истрин В.М. Очерки истории древнерусской литературы домосковского периода: (11–13 вв.). 2-е изд. М., 2003. С. 128–129.

⁸² Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976. С. 9.

⁸³ Дограмаджиева Е. Проблемы понятия «древнеболгарские памятники» // *Palaeobulgarica*/Старобългаристика. 1988. Т. 12. № 4. С. 3–4.

СПИСКИ ТЕКСТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА И ИХ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ

Как уже отмечалось, единственная реальность, которая непосредственно доступна историку, — тексты исторических источников. Материальными носителями текстов являются их списки. В текстологии сформировался развернутый терминологический аппарат, позволяющий профессионально работать с ними и дающий представление о том, что такое списки текстов как таковые и каковы их разновидности. Поэтому прежде чем перейти к дальнейшему изложению, необходимо разобраться с понятийным аппаратом, которым пользуются текстологи.

3.1. СПИСКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Д.С. Лихачев делит все *рукописи* («написанный от руки текст» одного или нескольких произведений) на *автографы* (от др.-греч. αὐτογράφον — «рукопись, написанная собственноручно») и *списки* («переписанное произведение»)¹. То есть *списками* он называет только те рукописи, которые не являются *автографами*.

Для источников раннего периода такое деление не всегда имеет смысл. Прежде всего само понятие авторства, по крайней мере до XVII в., достаточно условно. Мало того, далеко не всегда — особенно для списков раннего периода — возможно установить, написана ли данная рукопись самим автором текста. Исследователи исключительно редко имеют возможность безусловно достоверно атрибутировать рукопись, а потому зачастую не имеют возможности установить, является ли она автографом. Сам почерк при письме пером минимально индивидуализирован и в значительной степени зависел от того, где проходил обучение писец: «очевидно, часто одни писцы подражали

---

¹ Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв., СПб., 2001. С. 132.

другим, ученики своим учителям <...> писцы одной школы писали орфографически одинаково, даже в общем одинаковыми очертаниями букв». И хотя «в почерке каждого было что-либо индивидуальное: один был стар, другой молод; первый мог писать более архаическим письмом, напр., уставом, другой более новым письмом — полууставом <...>, одни пишут шире, другие уже; одни крючковатее, другие проще»², это порождает сложности (иногда непреодолимые) при установлении личности писца — вплоть до конца XVIII в., особенно если тот намеренно старался имитировать чужой почерк.

Так, И.С. Барков, ученик и секретарь М.В. Ломоносова, судя по всему, намеренно подражал почерку своего наставника и достиг в этом совершенства. Их почерки совпадают по степени выработанности, темпу письма, разгону, размеру, наклону и связности букв. Лишь специальные исследования, проведенные экспертами-почерковедами, позволили установить, кто именно — Ломоносов или Барков — оставил пометы (исправления, разделение текста на слова, выделение абзацев и расстановку кавычек) на копии Радзивилловской летописи, которой пользовался великий русский ученый при подготовке «Древней российской истории»³.

К тому же, сами автографы до того, как они будут атрибутированы, по определению Д.С. Лихачева, также должны считаться списками текста.

Определение *списка*, предлагаемое Д.С. Лихачевым, следовательно, практически полностью сливается с понятием *копии*, а *автограф* — с *оригиналом* (*авторским оригиналом*).

Между тем далеко не всякий *оригинал* (от лат. *originalis* — ‘первоначальный’; самый первый, исходный список текста) является *автографом*. Так, вкладная грамота великого князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю (1130), безусловно, является оригиналом. Однако столь же безусловно, это не автограф Мстислава Владимировича, от имени которого она составлена.

Показательно, что Д.С. Лихачев не дает определения понятия *оригинала*. В то же время *копией* он называет «текст, списанный с оригинала и целиком повторяющий его по тексту»⁴. При этом копия практически всегда в большей или меньшей степени отличается от оригинала: «вообще трудно найти в древней письменности два текста одной и той же книги, которые бы представляли точную копию один другого, так, чтобы были сходны буква в букву. Это происходило от того, что писец, прочтя фразу <...>, не старался следить за орфографией, а только заботился о правильной передаче слов, следя лишь за смыслом»⁵.

² Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. 2-е изд. М., 1979. С. 264.

³ Моисеева Г.Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. С. 53.

⁴ Лихачев Д.С. Текстология. С. 132.

⁵ Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. С. 269.

При таком определении понятие *оригинала* сливается с понятием *про-автографа*.

Понятия *автографа* и *оригинала* в основном применимы при работе с источниками Нового и Новейшего времени.

В дальнейшем мы будем пользоваться более широким определением: **список — всякий материальный носитель текста.**

Многие списки имеют условное название. Чаще всего оно дается по месту хранения (например, Ипатьевский, Кёнигсбергский, Академический, Синодальный, Археографический списки летописей и т.п.) либо по фамилии прежнего владельца (Радзивилловский список, список Оболенского, Хрущевский список и др.). Иногда списки исторических источников называются по имени их заказчика, составителя, редактора или переписчика (Таврентьевский список, Никоновский список и т.п.), либо по книгописному центру, в котором они были созданы (Новгородская летопись, Московский свод 1486 г.). Однако последние наименования обычно даются не отдельным спискам, а целым редакциям, в которые объединяется ряд списков с близкими текстами. Если же несколько списков (например, летописей) носят одинаковые названия, то к названию добавляется условный номер. Так, выделяются Псковские I, II и III летописи, Новгородские I, II, III, IV и V летописи (причем нумерация никак не связана с последовательностью их создания).

В связи с неупорядоченностью номенклатуры некоторые списки источников могут иметь несколько названий. Например, Радзивилловский список (летопись) может также называться Кёнигсбергским, а Устюжская летопись часто упоминается как Архангелогородский летописец. Неизданные списки принято называть по архивохранилищу, в котором они находятся, и шифру, под которым они там числятся. Так, например, называются списки Задонщины: ГБЛ, собр. Ундольского, № 632; ГИМ, собр. Музейское, № 2060; ГИМ, собр. Музейское, № 3045; ГИМ, собр. Синодальное, № 790; БАН, собр. Жданова, № 1.4.1; РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 9/1086. Иногда им для краткости дают условные обозначения. Например, перечисленные только что списки часто упоминаются в специальной отечественной литературе сокращенно: У; И-1; И-2; С; Ж; К-Б. В посмертной публикации чешского слависта Я. Фрчека они фигурируют под другими аббревиатурами: М3; М2; М1; М4 (список Ж в этом перечне отсутствует) и L соответственно⁶.

Неоднократные попытки упорядочить названия рукописных списков (в том числе летописей) не дали положительных результатов. Как показала практика, это вело лишь к появлению дополнительных названий, связан-

⁶ Frček J. Zádonsťina. Staroruský žalospev o boji rusů s tatary r. 1380. Rozprava literárně dějepisná. Kritické vydání textů // Práce Slovanského ústavu v Praze. Praha, 1948. Sv. 18.

ных с каждой рукописью, что серьезно затрудняло понимание ссылки на конкретный источник и усложняло его поиск.

***

Для носителей неписменных источников также может использоваться термин *список* (например, *список иконы*, который определяется как «копия с известной иконы»; при этом в церковной практике любой список иконы является «подлинником»).

Для письменных источников в качестве синонима термина *список* часто используется термин *рукопись*. Причем, рукописью может называться как текст, буквально написанный от руки, так и — в позднейшее время — отпечатанный на пишущей машинке, или набранный на клавиатуре компьютера. В самом последнем случае, правда, граница между рукописью и печатным текстом стирается практически полностью.

При работе с рукописями используют такие термины, как *черновик* и *беловик* (*чистовик*).

Под *черновиками* Д.С. Лихачев предлагает понимать списки, «в которых текст имеет несколько слоев, отражая творческий процесс»⁷. Такое определение, при всей его кажущейся очевидности и ясности, скрывает некоторую неточность. Дело в том, что и в завершенном тексте автора могут сохраняться следы его творческой работы (повторы, противоречия, отсылки к отсутствующему тексту и тому подобные признаки). Вероятно, корректнее называть *черновиками* версии текста, в которых сохранились внешние следы творческой работы автора, редактора или переписчика. При этом следует учитывать тонкое замечание Жана Левайана: «Черновик — это не подготовительная стадия, это нечто иное по отношению к тексту [произведения. — И. Д.]»⁸.

При работе с рукописями речь чаще всего идет о различного рода изменениях текста: вычеркиваниях, заменах и дополнениях отдельных слов или фрагментов, а также о *маргиналиях* и *гlossах*.

Маргиналии (от лат. *margo* — ‘край, граница’) представляют собой текстовые пометки (реже — рисунки) на полях рукописей и книг. Это могут быть различные дополнения, толкования, комментарии к тексту или порой записи, не имеющие непосредственного отношения к нему. К их числу, в частности, относятся так называемые *маникулы* (от лат. *manikula* — ‘маленькая рука’; в отечественной кодикологии их обычно называют *рука*) — пометы в виде «указующего перста», отмечающие в рукописи места, вызвавшие интерес у читателя⁹.

⁷ Лихачев Д.С. Текстология. С. 132.

⁸ Левайан Ж. Письмо и генезис текста // Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999. С. 133.

⁹ Крылова Ю.П. Читатель и маникулы: О маргиналиях рукописи 1693 г. из Национальной библиотеки Франции // Пространство рукописи: от формы внешней к форме внутренней: матер. конф. М., 2010. С. 91–104.

Глоссы (от др.-греч. γλῶσσα — ‘язык, речь’) — пояснения слов или выражений исходного текста, вставленные редактором, переписчиком или читателем рядом с непонятым фрагментом, либо на полях.

При переписке текста маргиналии и глоссы исходного списка могут вставляться в текст, превращаясь тем самым в интерполяции. Под *интерполяциями* (от лат. *interpolatio* — ‘изменение, искажение’) понимают вставки, которых не было в оригинальном авторском тексте. Как правило, они дополняют или поясняют исходный текст. Известны случаи, когда позднейшие редакторы с помощью интерполяций намеренно изменяли текст, придавая ему смысл, отличный от первоначального.

Такого рода признаки помогают восстановить историю текста, его эволюцию, генезис, относительную хронологию списков одного и того же источника.

Под *беловиками* понимаются рукописи, переписанные начисто. При этом, как правило, внешние признаки изменения текста как самим автором, так и позднейшими редакторами и переписчиками исчезают. Однако и беловики в некоторых случаях могут содержать следы доработки или переработки текста.

Так, уже упоминавшаяся вкладная грамота Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю, безусловно, является оригиналом и одновременно беловым, окончательным списком ее. Об этом говорит целый ряд признаков: тщательное исполнение, использование в качестве чернил натурального золотого порошка, смешанного с каким-то растительным клеем, сохранившаяся личная привесная печать князя. Тем не менее в ней присутствуют явные приметы доработки и, возможно, переработки. Писец, составлявший ее, тщательно вписывал текст в предварительную разлиновку пергамена. Но в одном случае строки выходят за прочерченные вертикальные наводы, ограничивающие их длину. И.И. Срезневский отметил: «Только одно слово (*даль*), пропустивши по описке, должен он [писец. — И. Д.] был дописать за продольными наводами (*да* в конце 15-й строки и *лѣ* в начале 16-й)¹⁰. Кроме того, между 4-й и 5-й строками другими чернилами и другим писцом вписано: «вено вѣское» — возможно как свидетельство «об даре который был придуман уже после написания грамоты»¹¹.

Для выявления изменений, произведенных в недошедших черновых вариантах, но зафиксированных в беловике, необходимы специальные методы и приемы анализа текста.

¹⁰ Срезневский И.И. Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю (1130 года). СПб., 1860. С. 6.

¹¹ Там же. С. 20.

Итак, **всякий материальный носитель текста является списком**. К числу списков относят **автографы, оригиналы и копии, чистовики и беловики**, однако употребление этих терминов не всегда корректно при работе со средневековыми и древнерусскими источниками.

Каждый список является неким моментом в жизни и развитии текста исторического источника (или произведения, если пользоваться терминологией литературоведов). В случаях, когда имеется несколько списков одного источника, они, как правило, группируются по степени близости текстов в *изводы, редакции и*, если это необходимо, *виды*. Каждая из этих групп фиксирует определенный этап в бытовании источника.

3.2. ИЗВОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Как уже отмечалось, при переписке текст неизбежно изменяется. Как бы ни старался копиист, он обязательно рано или поздно совершит опisku, ошибется в прочтении или написании слова, внесет в переписываемый текст отклонения от оригинала. Исходя из этого, один из родоначальников современной научной критики текста, Карл Конрад Фридрих Вильгельм Лахман (1793–1851) даже предложил использовать теорию «общих ошибок» в качестве основы восстановления истории текста: «предполагалось, что общие разным рукописям ошибки текста могли явиться только в результате общего же происхождения рукописей»¹². Однако, как показала практика, такое предположение оказалось далеко не всегда верным: писцы могли независимо друг от друга совершать одинаковые ошибки, при переписке некоторые ошибки предшественников исправлялись и т.д. Поэтому правило, сформулированное Лахманом, могло приводить к ложным заключениям.

Однако помимо ошибок, в списках одного и того же текста могут встречаться систематические изменения, которые переписчики и читатели не воспринимают как отклонения от оригинала. Наличие общих систематических ненамеренных изменений текста позволяет объединять близкие списки в так называемые *изводы*.

Конечно, возникает вопрос: как могут появиться систематические изменения текста без сознательного вмешательства в него?

Вот, как ответил на него Д.С. Лихачев: «Могут быть <...> положения, при которых памятник, переписываясь в определенной среде, местности,

---

¹² Лихачев Д.С. Текстология. С. 16; здесь же дается развернутая критика теории «общих ошибок» (С. 16–29).

стране, в определенном веке и т.д., постепенно впитывает в себя многие черты данной среды, местности, страны, века и т.д. Создается бессознательное накопление однородных изменений текста. В таком случае возникает извод памятника...»¹³ Соответственно, «извод — это тот или иной вид текста, возникший стихийно, нецеленаправленно, в результате многократной переписки текста в определенной среде, местности, стране и т.д. В результате такой переписки текста в нем неизбежно отражаются присущие переписчикам особенности»¹⁴. Другими словами, речь идет об орфографических и языковых изменениях текста, отражающих территориальные или временные особенности говора переписчика.

Впрочем, непонятно, почему извод обязательно должен появляться в результате именно *многократной* переписки и *постепенного* накопления однородных изменений текста. Такое уточнение справедливо для понятия *извод языка*, которым пользуются лингвисты, но оно избыточно для определения извода исторического источника. Достаточно, чтобы южнорусский текст был всего лишь раз переписан, скажем, в XII или XIII в. новгородцем, чтобы появился новгородский извод данного источника — с присущими ему особенностями древненовгородского диалекта XI–XIV вв.: «цоканьем» и «чоканьем» (систематическими заменами Ц на Ч и наоборот; например: *цяша*, *цоловькѣ*, но *чепь* или *черкѣвь* — вместо южнорусских: *чаша*, *человѣкѣ*, *цѣпь*, *церкѣвь*).

Иногда появление нового извода текста может быть связано с нормативными изменениями в орфографии. Так, после орфографической реформы русского языка 1918 г. из употребления вышел целый ряд букв, которым не соответствовали особые фонемы, но которые традиционно писались в словах с соответствующей этимологией: ъ, ѿ, ѿ, і, а также конечный ѣ, писавшийся в словах, оканчивавшихся на согласный звук (в соответствии с правилом открытого слога). Кроме того, окончания прилагательных *-аго*, *-яго* были заменены на привычные современному человеку *-ого*, *-его*. В результате наш современник читает произведения классической русской литературы XIX — начала XX в. в изводах XX в., даже не подозревая об этом. Между тем эти изводы, во-первых, короче оригинальных текстов примерно на 1/30 (за счет исключения буквы ѣ в конце слов). Во-вторых, современный читатель порой теряет некоторые важные смысловые ориентиры, если в тексте встречаются слова, имеющие омофоничных, но прежде не омографичных «двойников».

Так, современному читателю остается только догадываться, что скрывается за названием знаменитого романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Дело

¹³ Там же. С. 141.

¹⁴ Там же. С. 142.

в том, что в дореформенной орфографии русского языка было два одинаково звучащих, но различающихся по написанию слова: *миръ* ('согласие, соглашение; отсутствие войны; покой, перемирие' и т.п.) и *миръ* ('Вселенная, космос; Земля со всем существующим на ней; все, реально существующее на Земле; общество, люди' и т.п.). Так что, широко распространенный с мая 1951 г. советский лозунг должен был писаться так: «Міру — миръ!». Для первых же читателей романа было очевидно, что Л.Н. Толстой имел в виду именно 'состояние без войны', поскольку название романа было «Война и миръ»: все прижизненные издания романа выходили именно с ним. Это подтверждается и тем, что сам Л.Н. Толстой по-французски называл его «La guerre et la paix». Лишь в издании 1913 г. на титульном листе одного из томов было по ошибке напечатано: «Война и міръ».

Поскольку появление изводов обычно связано с территориальными или временными изменениями текста, они называются либо по месту (южнорусский, новгородский, сербский и т.п.), либо по времени возникновения (старший, младший и т.п.).

Итак, извод — систематическое нецеленаправленное изменение текста.

3.3. РЕДАКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Если переработка текста исторического источника производится сознательно, намеренно, с целью изменить его стилистику, политическую, конфессиональную или иную направленность, принято говорить о его *редакции*.

Одним из первых развернутое определение этого понятия дал В.М. Истрин. Редакцией он предложил считать переделки текста, «если они производились сознательно, с определенной целью», «такая переработка памятника, которая была произведена определенной целью, будучи вызвана или какими-либо общественными событиями, или чисто литературными интересами и вкусами книжника, или целью обрусить сам памятник (например, со стороны языка) и т.п., одним словом, — такая переработка, которая может быть названа литературной»¹⁵. При этом, изменения могут быть по форме и в количественном отношении минимальными, но существенными для содержания, смысла текста.

¹⁵ Истрин В.М. Очерки истории древнерусской литературы домосковского периода: (11–13 вв.). М., 2003. С. 84, 86–87.

Это определение лежит в основе современного понимания *редакции* текста исторического источника.

К редакционным изменениям относят также *дополнения* фактического содержания текста, что далеко не всегда влияет на его политическую, идеологическую и прочую направленность, хотя и свидетельствует о некоторых процессах его переосмысления в то или иное время. В отличие от добавлений, *сокращения* текста неизбежно сказываются на смысловой (как писал Д.С. Лихачев, идеологической) стороне источника¹⁶.

Редакции текста принято называть либо по времени их возникновения (относительно друг друга: старшая, младшая, первая, вторая и т.д., или по абсолютной датировке: редакция XV в., редакция 1512 г. и т.п.), либо по имени создателя самого старшего списка (Лаврентьевская, Сильвестровская, Макарьевская и т.п.), либо по степени полноты (Краткая, Пространная, Сокращенная и т.п.), либо по месту создания (Тверская, Новгородская и т.п.), либо по владельцу одного из списков (Карамзинская, Погодинская и т.п.), либо по месту хранения одного из списков (Ипатьевская, Историческая, Археографическая и т.п.) и т.д. — иногда в различных сочетаниях (Новгородская I, Новгородская IV и т.п.). Редакции летописных сводов принято называть просто *летописями* (Лаврентьевская летопись, Новгородская летопись и т.п.; при этом нумерация редакций — как в приведенном примере с нумерацией новгородских летописей — может соответствовать последовательности не возникновения, а времени их обнаружения и введения в научный оборот).

Принимая истринское определение *редакции* текста и развивая его, подчеркивая, в частности, целенаправленность работы книжника¹⁷), Д.С. Лихачев вводит еще один термин: *вид* памятника (произведения). В отличие от *редакции*, появление особого *вида* связано со случайными причинами, а не с намеренной переработкой, — сколь бы ни были велики изменения его текста¹⁸. Судя по всему, *особый вид текста* отличается и от *извода* несистематичностью произведенных изменений, отсутствием их связи с диалектными особенностями переписчика и временем, когда создавался список текста.

Принципиально важным для историка является установление последовательности появления и абсолютной датировки редакций одного и того же текста исторического источника, поскольку от этого напрямую зависит решение вопросов о происхождении и, соответственно, характеристики сохранившейся в них ретроспективной информации.

¹⁶ Лихачев Д.С. Текстология. С. 138.

¹⁷ Творогов О.В. Археография и текстология древнерусской литературы. М.; СПб., 2009. С. 107.

¹⁸ Лихачев Д.С. Текстология. С. 136.

Еще один важный вопрос: на каком этапе редактирования текста исторический источник (произведение, если пользоваться терминологией литературоведов) превращается в другой исторический источник (произведение)?

Формальные критерии здесь, к сожалению, не работают. «Даже заменив один знак в тексте другим синонимичным знаком (если такой найдется в логически последовательно построенном языке), — считает американский философ Нельс Гудман, — мы получим другое произведение»¹⁹. Видимо, поэтому в современном законодательстве не установлены пределы изменения произведения, превысив которые его можно считать новым и самостоятельным. Причем речь идет только о форме произведения, но не о его содержании²⁰.

Принципиальная невозможность свести этот вопрос к формальным (например, количественным) показателям, пожалуй, ярче всего иллюстрируется историей одного из самых известных стихотворений Поля Элюара (1895–1952) — «Свобода». Оно было опубликовано в подпольной типографии в 1942 г. под названием «Единственная мысль» в сборнике «Поэзия и правда». Его называют манифестом, поэтическим знаменем французского Сопротивления, «исповедальным заклинанием, сделавшимся исповедью миллионов соотечественников Элюара <...>, патриотической молитвой французов, псалмом вольнолюбия <...>, “символом веры” поработленного, но не ставшего на колени народа»²¹. Это стихотворение получило чрезвычайно широкое распространение: его переписывали от руки, читали на подпольных собраниях, листовки с ним английские самолеты разбрасывали над оккупированным Парижем. На протяжении 21 строфы поэт перечисляет в произвольном порядке предметы повседневной жизни, природные объекты, животных и т.п., на которых он пишет некое имя:

На школьных своих тетрадках
На парте и на деревьях
На песке на снегу
Имя твое пишу

На всех страницах прочтенных
На нетронутых чистых страницах
Камень кровь ли бумага пепел
Имя твое пишу...

¹⁹ Goodman N. Languages of Art: An Approach of Symbols. 2nd ed. Indianapolis, 1976. P. 209.

²⁰ Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть четвертая). 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. Ст. 1270.

²¹ Великовский С.И. Поль Элюар: Вехи жизни и творчества // Элюар П. Стихи / пер. с фр. М.Н. Ваксмахера; ст. и комм. С.И. Великовского. М., 1971. С. 356–357. (Литературные памятники).

Это имя раскрывается только в последней строчке стихотворения:
 И властью единого слова
 Я заново жить начинаю
 Я рожден чтобы встретить тебя
 Чтобы имя твое назвать

Свобода²².

Обращение к рукописи этого стихотворения²³ показывает, что в первоначальном варианте оно завершалось иным словом: «Нюш». Так Элюар тасково называл свою возлюбленную, красавицу из Эльзаса Мари Бенц. Само стихотворение было написано (но не опубликовано) задолго до войны, приблизительно в 1930 г. и посвящалось ей. Замена в нем всего одного слова, вызванная изменением внешних обстоятельств, придало ему совершенно иной смысл, радикально отличавшийся от первоначального. По всем формальным признакам речь, казалось бы, должна идти о редакции первоначального текста. Однако очевидно, что это не так. Как точно подметил французский текстолог-генетист Луи Э, «основной закон подтверждается: замена одного слова преобразила все произведение. “Свобода” это вовсе не вариант и не иная интерпретация стихотворения, посвященного Нюш, — это уже совсем другое произведение. <...> Первое стихотворение, столь отличное от второго, было одной из *возможностей* текста, хотя и не включенной, не претворившейся во втором произведении»²⁴. Впрочем, по мнению Д. Феррера, «Элюар напрасно старается заменить в окончательном тексте образ любимой женщины абстрактной сущностью — можно сказать, что женщина до такой степени продолжает присутствовать в контексте стихотворения, что особо проницательный психоаналитик способен и без обращения к рукописи догадаться, что именно она фигурировала на предыдущем этапе работы над текстом»²⁵.

Итак, возможны ситуации, когда замена даже одного слова (а иногда и знака) в довольно пространным тексте способна не просто породить новую редакцию, но создать совершенно иное произведение. Впрочем, такие случаи встречаются не так часто.

Тем не менее историку постоянно приходится решать вопрос: что перед ним — две или несколько редакций одного и того же источника (произ-

²² Элюар П. Стихи. М., 1971. С. 204, 208.

²³ Рукопись стихотворения Элюара «Свобода» (1942). Автограф [фотокопия] // Элюар П. Стихи. С. 205.

²⁴ Э Л. Текста не существует: Размышления о генетической критике. С. 128.

²⁵ Феррер Д. Шапка Клементиса: Обратная связь и инерционность в генетических процессах. С. 234.

ведения), или же два или несколько связанных, но тем не менее самостоятельных произведения (источника)? Как правило, ответ на него дается на интуитивном уровне. Причем не последнюю роль здесь играет историографическая традиция.

Скажем, Краткая Русская Правда, Пространная Правда и Сокращенная Правда — это три редакции одного и того же источника, либо три самостоятельных источника? Традиционно считается, что это три редакции Русской Правды. Однако так ли это?

Пространная Правда по объему почти в 4 раза превышает Краткую Правду и почти в 3 раза — Сокращенную. При этом содержание Краткой и Сокращенной Правд различно. Согласно предложенным выше критериям, это три разных исторических источника (произведения).

Такой вывод не противоречит наблюдениям А.И. Соболевского²⁶ и А.П. Толочко. Последний считает, что Краткая Правда — искусственно созданный текст, опирающийся на текст Пространной Правды и искажающий его: «У нас уже есть все основания полагать, что Кр[аткая] П[равда] возникла как сжатый конспект текста Пр[остранной] П[равды] <...>. Сама по себе Кр[аткая] П[равда] зачастую настолько невнятна, что граничит с бессмысленностью. Происхождение подобного текста можно объяснить как неудачное сокращение более пространного и удобочитаемого текста Пр[остранной] П[равды]. <...> Краткая редакция Правды русской была создана, чтобы снабдить читателя летописи удобным и необременительным текстом “Ярославлей грамоты”. Она создавалась в расчете на летопись и никогда вне летописи не существовала»²⁷.

Не меньшие недоумения вызывает у специалистов и текст Сокращенной Правды, которая, как и Краткая, сохранилась всего в двух списках, правда, гораздо более поздних (XVII в.). Так, М.А. Дьяконов полагал, что это — текст Пространной Правды, «только сильно искаженный, испорченный и, в некоторых местах, не без умысла»²⁸. В.И. Сергеевич не считал даже Сокращенную Правду самостоятельной редакцией, называя ее «извлечением» из Краткой и Пространной Правд, «в котором нет ни одной новой статьи; все новое заключается здесь лишь в некоторых изменениях старых статей», причем «опущение ряда статей составляет загадку»²⁹. В отличие от

²⁶ Соболевский А.И. Две редакции Русской Правды // 1885–1915: сб. статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. М., 1916. С. 17–23.

²⁷ Толочко А.П. Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста. Київ, 2009. С. 77, 91, 109–110.

²⁸ Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 4-е изд. М., 1926. С. 38.

²⁹ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. Изд. 4-е, доп. и испр. СПб., 1910. С. 72–74.

них, М.Н. Тихомиров подчеркивал: «Сокращенная Правда имеет ряд серьезных отличий от Пространной, позволяющих говорить о том, что мы имеем дело не просто с выдержкой или с механическим сокращением Пространной Правды, но с особой редакцией Русской Правды», называя ее при этом «скудным юридическим памятником»³⁰. А.А. Зимин писал: «О практической цели, которую ставил перед собой составитель Сокращенной Правды, можно, конечно, только догадываться». Он связывал ее появление с попытками кодификации русского права, предпринимавшимися в конце XVI — начале XVII в., хотя, «очевидно, она не имела практического применения»³¹.

Следует отметить: лишь А.А. Зимин говорит о том, что Русская Правда — не один, а «три разновременно возникших, но тесно связанных между собой памятника», подчеркивая, что «их иногда называют *редакциями Русской Правды*»³².

Как бы то ни было, все три текста, безусловно, — взаимосвязанные источники (произведения), два из которых (либо, по общепринятой точке зрения, Пространная и Сокращенная, либо, согласно выводам А.И. Соболевского и А.П. Толочко, Краткая и Сокращенная) являются производными от Краткой или от Пространной Правды соответственно. Они могут рассматриваться историками как самостоятельные носители ретроспективной информации, относящейся ко времени их составления.

Итак, редакция — систематическое целенаправленное изменение текста источника.

3.4. ОРИГИНАЛЬНЫЕ И ПРОИЗВОДНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Принято различать *произведения самостоятельные (оригинальные) и производные (зависимые от оригинальных)*.

До сих пор в юриспруденции, не говоря уже об источниковедческой практике, не установлены признаки, позволяющие сколько-нибудь точно определить, какое произведение следует считать оригинальным, т.е. новым, творчески самостоятельным. Как отмечал В.Я. Ионас, это одна из наименее разработанных проблем в современном авторском праве³³. Действую-

³⁰ Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 185, 184.

³¹ Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. С. 353–354.

³² Там же. С. 8.

³³ Ионас В.Я. Критерий творчества в авторском праве и судебной практике. М., 1963. С. 99.

щее законодательство определяет произведение как результат творческой деятельности автора, независимо от назначения, достоинств и способа его выражения³⁴. До недавнего времени новым (оригинальным) считалось произведение, «существенно отличающееся» от другого произведения, текст, подвергшийся «существенным изменениям». Однако определить, какое изменение является существенным и что значит «существенно отличающееся», так и не удалось. Юристы полагают, что понятие «творчески самостоятельное произведение» точнее прежних. Но и оно довольно расплывчато. Вместе с тем все правоведы — как в нашей стране, так и за рубежом — признают: оригинальное произведение должно обладать признаком *существенной новизны*. Она может проявляться в содержании, идее и форме произведения. Однако, поскольку одни и те же темы, сюжеты и идеи могут быть выражены в различных формах, речь, как правило, идет преимущественно о форме языковой³⁵, которая, собственно, и придает результату интеллектуального труда «характер вполне самостоятельного оригинального произведения»³⁶. Легко убедиться, что и при таких определениях установить, является ли текст данного источника самостоятельным (оригинальным), можно только на интуитивном уровне, опираясь на экспертные оценки, которые всегда включают элемент субъективизма.

Источники, созданные в результате изменения текстов оригинальных произведений, являются *производными*. Они могут включать элементы уже существующих текстов. По современным определениям, производное произведение может считаться новым, если при его создании был внесен «достаточный творческий вклад» (хотя до сих пор так и не удалось установить критериев творческой, продуктивной деятельности)³⁷. При этом граница между редакцией оригинального произведения и новым зависимым произведением почти неуловима. Она становится еще более эфемерной, когда исследователь имеет дело с источниками, возникшими до того, как оформилось представление об авторском праве.

Безусловно, производными являются древнерусские переводы иноязычных текстов. Репертуар их был чрезвычайно широк. Это переводы с греческого, латыни, древнееврейского и других языков библейских и богослужебных книг, хроник, апокрифов, житийных повестей и других литературных произведений. Каждый из этих переводов сам по себе является

³⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации. Ст. 1257, 1259.

³⁵ Интеллектуальная собственность в современном мире: монография / под ред. И.А. Близнаца. М., 2016. С. 125.

³⁶ Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М., 1956. С. 35.

³⁷ Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. Изд. 4-е, перераб. и доп. / под ред. Е.А. Суханова. М., 2016. С. 279.

историческим источником. С одной стороны, они несут ретроспективную информацию об интеллектуальных запросах времени, когда этот перевод был осуществлен, либо переписан (какие проблемы интересовали заказчиков, переводчиков и читателей, как они воспринимали иноязычные тексты, какие соответствия находили словам и выражениям других языков, какими языками владели и т.п.). С другой стороны, сравнение переводов с иноязычными оригиналами может дать чрезвычайно важные сведения о том, как и чем древнерусские книжники дополняли исходные тексты, что исключали и почему и т.д., а в ряде случаев — точнее понять смысл перевода (как отдельных слов, так и целых выражений).

Так, например, в древнерусском переводе «Откровения Мефодия Патарского» упомянуто, что Антихрист родится от «черницы»³⁸. В оригинальном же греческом тексте речь идет просто о «юной девице по имени “Нечестивая”, потому что от нее должно родиться нечестивому сыну, прозвище которого “Отступник”»³⁹. Очевидно, это уточнение было по каким-то причинам существенно для переводчика или его заказчика.

В то же время для историков принципиально важным является то, что к числу зависимых (производных) произведений, несомненно, следует относить переводы исторических источников на современный язык (или с современного иностранного языка на русский). Перевод — результат перекодировки информационного сообщения, радикальное изменение его формы. Здесь еще раз можно сослаться на работы А. Вежбицкой, которая доказала, что даже, казалось бы, вполне синонимичные слова в разных языках не совпадают по своим семантическим полям и в большей или меньшей степени различаются по смыслам. Любой перевод, сколь бы тщательным и точным, с точки зрения филологии, он ни был, всегда будет искажать исходное сообщение. По существу, это новое произведение, хотя и производное от оригинального текста. Следовательно, пользоваться переводами исторических источников в историческом исследовании крайне нежелательно. Если же у историка нет иного выхода (скажем, оригинал ему по тем или иным причинам недоступен, либо он не владеет языком, на котором написан источник), необходимо обязательно проконсультироваться со специалистами, владеющими языком источника и способными уточнить, дополнить или исправить перевод.

Итак, формальные критерии, позволяющие установить, что редакция текста создала новое произведение, не установлены; этот вопрос, как правило, решается историками на интуитивном уровне. Переводы

³⁸ Тихонравов Н.С. Памятники отреченной литературы. Т. 2. СПб., 1863. С. 266.

³⁹ Учение об Антихристе в древности и Средневековье. СПб., 2000. С. 463–464.

иноязычных текстов, по существу, являются новыми произведениями. Поэтому при работе с текстами исторических источников крайне нежелательно пользоваться их переводами на современный язык.

3.5. ПОНЯТИЕ ПРОТОГРАФА

Список, предшествующий другому списку того же текста, принято называть *протографом*⁴⁰. По определению Д.С. Лихачева, «под протографом разумеется *ближайший* по тексту оригинал одного или нескольких списков. Протограф — это очень близкий по тексту предшественник дошедшего списка или группы списков. Отношения списка к протографу не обязательно подобны отношению копии к оригиналу. Между списком и его протографом могут быть промежуточные списки, но только при том условии, что список не подверг свой протограф переработке или хотя бы частичному изменению»⁴¹. И далее: «Когда писец списывал одновременно текст двух или нескольких списков, — все эти предшествующие списки-оригиналы должны быть названы протографами»⁴².

Далеко не для всех источников, которыми пользовался автор изучаемого текста, можно установить протографы, даже если сами произведения, цитатами из которых он оперирует, определяются точно. Так, невозможно установить протографы для подавляющего большинства библейских текстов, столь обильно цитируемых средневековыми и древнерусскими авторами. Причина тому кроется, во-первых, в огромном количестве списков библейских текстов (как четых, так и литургических; причем соответствие первых вторым для X–XV вв. неизвестно и вряд ли когда-нибудь будет установлено). Причем тексты этих списков сплошь и рядом существенно расходятся между собой: как отмечала Л.П. Жуковская, разночтения в них могли быть «велики, многочисленны и разнообразны»⁴³. Это наблюдение подтверждает Е.М. Верещагин: «Интенсивное лексическое варьирование в этих источниках [имеются в виду славянские Евангелия] является изначальным и восходит к переводческой деятельности Кирилла и Мефодия»⁴⁴.

⁴⁰ Если этот список непосредственно доступен исследователю, его иногда называют *антиграфом*.

⁴¹ Лихачев Д.С. Текстология. С. 146.

⁴² Там же. С. 147.

⁴³ Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976. С. 222.

⁴⁴ Верещагин Е.М. Ветхо- и новозаветные цитаты в Изборнике Святослава 1073 г. // Изборник Святослава 1073 г.: сб. статей. М., 1977. С. 137; ср.: Верещагин Е.М. Из истории возник-

Во-вторых, подавляющее большинство ранних списков утрачено: по мнению Б.В. Сапунова, от домонгольского периода до нашего времени сохранилось не более 1% всех письменных памятников⁴⁵. Наконец, в-третьих, нельзя исключать, что многие тексты цитировались книжниками по памяти. Тем не менее поверять выявленные цитаты по известным спискам (желательно ближайшим по времени к изучаемому источнику) необходимо. В противном случае исследователь может прийти к неверным выводам о том, как работал древнерусский книжник.

Так, комментируя Притчу о человеческом душе и теле (о слепце и хромце) Кирилла Туровского, В.В. Колесов и Н.В. Поньрко отметили, что фразу из Псалтири: «Твоя суть небеса и Твоя земля; вселенная и конец ея Ты основа» (Пс. 88: 12), «как и во многих других местах повести, Кирилл цитирует неточно, возможно, по памяти, и всегда приноравливает текст к цели своего повествования»⁴⁶. Действительно, в синодальном переводе данный стих выглядит несколько иначе: «Твои небеса и Твоя земля; вселенную и что наполняет ее, Ты основал». Однако обращение к древнерусским переводам Псалтири убеждает, что комментаторы ошибаются. Кирилл дает точные цитаты — в пределах отклонений, допустимых и неизбежных для древнерусского книжника: «Твоя суть небеса и Твоя есть земля; вселенная и конца ея Ты основал еси»⁴⁷. Это же относится и к другому якобы неточному воспроизведению библейского текста: «Утрудихся вопия, измолче ми гортань». «Как обычно, — отмечают комментаторы, — неточная цитата из Псалтири, 68: 4: "...я изнемог от вопля, засохла гортань моя". Стилистически Кирилл приближает цитируемые тексты к общему строю повести»⁴⁸. На самом деле, и здесь Кирилл приводит вполне точную цитату: «Утрудихся зовы, измлъче грътань мои»⁴⁹. Даже если он приводил библейские стихи по памяти, она его, судя по всему, не подводила.

Эти примеры приводят к выводу, что текстуальное сличение изучаемого источника даже со всеми сохранившимися списками библейских текстов не только невозможно, но и нецелесообразно.

новения первого литературного языка славян: к проблеме греческо-славянских лексических и грамматических вариантов в древнейших славянских переводах. Доклад на VII Международном съезде славистов. М., 1972 (особ. С. 32–83).

⁴⁵ Сапунов Б.В. Книга в России в XI–XIII вв. Л., 1978. С. 16–81.

⁴⁶ Колесов В.В., Поньрко Н.В. Притча о человеческой душе и теле[: комментарии] // библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. СПб., 1997. С. 607.

⁴⁷ Библия 1499 года и Библия в Синодальном переводе, с иллюстрациями: в 10 т. Т. 4. М., 1997. С. 223.

⁴⁸ Колесов В.В., Поньрко Н.В. Притча о человеческой душе и теле. С. 608.

⁴⁹ Библия 1499 года... Т. 4. С. 173–174.

Чаще всего протограф определяется гипотетически. Однако в некоторых случаях его удастся установить точно. Основанием для этого могут стать уникальные внешние признаки списка-протографа или его текста.

Так, долгое время были неизвестны непосредственные источники, на которые опирались создатели Лицевого свода Ивана Грозного. Только в середине 60-х годов прошлого века В.Ф. Покровская обратила внимание на то, что в одном из списков «Иудейской войны» Иосифа Флавия, хранящемся в Библиотеке Академии наук (БАН, Сол. № 8), имеются восковые пометы. Их расположение точно соответствовало местам, в которых в соответствующей части Лицевого свода имелись миниатюры. Это дало достаточные основания для утверждения, что именно этот список «Истории Иудейской войны» послужил непосредственным источником (антиграфом) для летописцев третьей четверти XVI в.⁵⁰

Аналогичным примером может служить установление одного из протографов Лицевого свода Ивана Грозного среди списков Никоновской летописи. Б.М. Клосс, рассматривая список Оболенского, обратил внимание на то, что в нем также имеются восковые отметки в тех самых местах, где в Лицевом своде помещены миниатюры. Мало того, в том же списке Никоновской летописи имеются редакционные пометы, сделанные свинцовым карандашом уже после восковой разметки текста. Все они были учтены составителем Лицевого свода. Это дало возможность утверждать, что «именно список О[боленского] непосредственно использовался при составлении Свода»⁵¹, т.е. был его антиграфом.

Не менее показательными являются наблюдения А.П. Толочко, сделанные в ходе установления источников, которыми пользовался В.Н. Татищев при создании «Истории России». Среди «исчезнувших» летописей, бывших в распоряжении «последнего летописца», числится так называемая Голицынская летопись. Особенности текста, выписанного из него, однако, дали возможность с большой долей вероятности утверждать, что это, во-первых, летопись Ипатьевской редакции, а, во-вторых, — именно Ермолаевский список. Первый вывод базируется на упоминании имени летописца Нестора и ряде уникальных известий, характерных только для списков Ипатьевской летописи. Второй же основывается на целом ряде индивидуальных ошибочных чтений Ермолаевского списка, присутствующих и в выписках Татищева, сделанных, по его словам, из Голицынской летописи. К Ипатьевской редакции списков, близких к Хлебниковскому виду, — по

⁵⁰ Покровская В.Ф. Из истории создания Лицевого летописного свода второй половины XVI в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки АН СССР / отв. ред. А.И. Копанев. М.; Л., 1966. С. 5–19.

⁵¹ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 209.

тем же основаниям — относится и другая летопись, которую Татищев называет Раскольничим манускриптом⁵².

Итак, гипотетический список, с которого снята копия текста, с которой работает историк, называется *протографом*. Если этот список доступен исследователю непосредственно, его принято называть *антиграфом*.

Иногда литературоведы используют еще один термин — *архетип*. Под ним подразумевается **гипотетический текст, лежащий в основе всех остальных текстов данного произведения** — его списков, изводов, видов или редакций⁵³. Однако историки и источниковеды этим термином, как правило, не пользуются, предпочитая говорить в таких случаях о *реконструкциях текста источника*.

⁵² Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 102–169.

⁵³ Лихачев Д.С. Текстология. С. 142–146.

РАЗДЕЛ 2

ОБЩИЕ ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ИСТОРИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УСТАНОВЛЕНИЕ ТЕКСТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Работа с текстом исторического источника начинается с его прочтения. Результаты прочтения (говоря словами Д.С. Лихачева, «рецепции из рукописи») фиксируются: «Этот процесс прочтения текста и его фиксации текстологом может быть назван *установлением текста*. На предварительной стадии работы текстолога устанавливается только текст списка. Установление текста редакции, произведения, если оно и может быть произведено, то только после полного изучения истории списков (т.е. изучения исторического происхождения текста, дошедшего до нас в реальных списках)»¹.

Верное установление текста, как вполне справедливо отмечает Д.С. Лихачев, невозможно без навыков палеографического анализа, а также без знания языка соответствующей эпохи.

4.1. ПРОЧТЕНИЕ ТЕКСТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

4.1.1. *Деление на слова.* Самой мелкой структурной единицей текста являются слова. Именно поэтому первой стадией выявления строения текста источника является разделение его на слова. Тем самым текст уясняется синтаксически, в него, по выражению Д.С. Лихачева, вносится «языковая ясность». Такая процедура имеет особое значение для ранних источников, поскольку их текст — полностью или частично — писался слитно, без разбивки на слова. Это могло создавать трудности для позднейших читателей и переписчиков².

Причиной слитного написания текста было то, что писали так, как говорили и слышали. «Вообще, орфография, — отмечал в свое время

---

¹ Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. СПб., 2001. С. 155 [курсив мой. — И. Д.].

² Там же. С. 72–73.

Ф. Бласс, — дело практического удобства, не требующее теоретической последовательности; отделение слов на письме не представляется чем-либо необходимым, так что греками оно меньше всего соблюдалось именно в классический период. <...> Римляне так же точно, как и греки, были склонны писать слитно <...>. В разных языках, в одних чаще, в других реже, несколько отдельных слов сливается с формальной стороны в одно новое слово, которому и по содержанию соответствует одно более или менее нераздельное понятие <...>. Оказывается, таким образом, что разделение речи на ее составные части не может быть проведено вполне строго и последовательно. Тем не менее оно необходимо для того, чтобы облегчить лексикографическое обозрение языка»³.

О необходимости и сложности этой процедуры писали уже первые издатели древнерусских источников. Так, одним из немногих отступлений, которое А.Н. Оленин считал допустимым при публикации «подлинников», было «разделять слова (писанные в древних рукописях по большей части сплошь) одно от другого, для удобнейшего чтения, исключая токмо сомнительные места»⁴. «Не в сохранении древних букв и сокращений состоит истинная точность изданий Исторических рукописей, — поддерживал его П.М. Строев, — но в правильном *словоразделении*. Старинные писцы наши писали сплошь, без всяких расстановок, а потому все искусство Издателей должно заключаться в уменье рассекать сии сплошные строки и посредством препинательных знаков давать им надлежащий смысл. В подтверждение сего можно представить великое множество неправильных и даже смешных *рассечений* из всех доселе изданных Летописей и других памятников древности»⁵.

Неверное разделение текста на слова влечет за собой серьезные ошибки в установлении текста. Целый ряд недоразумений такого рода отметил А.И. Ермолаев, который вместе с А.Н. Олениным предложил план издания русских летописей: «Следующий пример послужит доказательством, что при издании древних рукописей малейшее от строгой точности отступление может совершенно затмить смысл. В Новгородском летописце, изданном во 2-й части продолжения Древней российской вивлиофики на стр. 351 напечатано: «В лето СФОЕ/6575 заратися Всеслав сын Бречеславль, Полотский за Янов город». Из сих слов ничего другого понять нельзя, кроме того, что Всеслав ополчился за город Янов. — Из других же летописей известно, что в сем году Всеслав занял Новгород или, словами Новгородского лето-

³ Бласс Ф. Герменевтика и критика / пер. Л.Ф. Воеводского. Одесса, 1891. С. 37, 38, 39, 40.

⁴ Оленин А.Н. Краткое рассуждение об издании полного собрания деесписателей // Сын Отечества. 1814. Ч. XII. № 7. С. 12.

⁵ Издатель. Предисловие // Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год / изд. П.М. Строев. Ч. 1. С. XXI, примеч. М., 1820.

писца: *зая Новгород, по нынешнему же: занял Новгород своим войском*». И далее: «В 1-й части древнего летописца на стр. 22-й в обвинении новгородцами великого князя Ярослава Ярославовича вместо следующих слов: *отнял еси у нас Волхов и иные воды утечними ловцы*, (т.е. ловцами уток) ... *отнял еси у нас поле заечьими ловцы*» напечатано: «*отнял еси у нас Волхов и иные воды, Утече и Миловцы... отнял еси у нас поле Заечь и Миловцы*»... Вот каким простым способом ловцы или охотники, упражняющиеся в ловле уток и зайцев, преобразились вдруг, помощью необдуманной расстановки в словах, в какие-то небывалые урочища! Так, как в предыдущей статье, от подобной же расстановки внезапно является какой-то небывалый город Янов»⁶.

Подобные ошибки отмечал и П.М. Строев: «Например, в *Русской летописи по Никонову списку*, Ч. VII, стр. 219, вместо *и Нагаи бы к Асторохани кочевали*, напечатано: *и Нагаи быка Сторохани кочевали*. — И опытейшие критики, каковы Шлёцер и Карамзин, не могли избежать погрешностей сего рода»⁷.

Ярким примером того, какие могут возникнуть сложности при чтении текста, не разделенного на слова, и какие последствия может иметь тот или иной вариант разделения текста, дают споры по поводу 26-й статьи Краткой и 16-й статьи Пространной Русской Правды. Списки Краткой Правды дают два варианта: «А въ смердѣ и въ хо[ло]пѣ 5 гривень»⁸ и «А въ смердѣ [или: *въ смердѣ и*] в холопѣ 5 гривѣнь»⁹. Пространная Правда предлагает следующее чтение: «А за смердии холоп 5 гривен»¹⁰. От того, как исходный текст будет разбит на слова, зависит решение принципиально важного вопроса: были ли смерды владельцами холопов, либо смерды и холопы стояли, так сказать, на одной социальной ступени. М.Н. Тихомиров, например, считал «единственным правильным чтением “смердии холопъ”»¹¹, полагая, что это холопы, которые исполняли «смердѣи» обязанности. Он писал: «Этот термин становится понятным при сличении текстов Пространной и Краткой Правды <...>. Текст Пространной Правды мог возникнуть при раздельном

⁶ Оленин А.Н. Краткое рассуждение об издании полного собрания дееписателей. С. 17–18.

⁷ Издатель. Предисловие. С. XXI, примеч.

⁸ Краткая Правда: Академический список // Правда Русская. Т. 1: Тексты / подг. В.П. Любимовым, Н.Ф. Лавровым, М.Н. Тихомировым, Г.Л. Гейрмансом, Г.Е. Кочиным; под ред. Б.Д. Грекова. М., 1940. С. 105; ср.: Правда Русская. Т. 2: Комментарии / сост. Б.В. Александров, В.Г. Гейман, Г.Е. Кочин, Н.Ф. Лавров, Б.А. Романов; под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1947. С. 171.

⁹ Краткая Правда: Археографический список // Правда Русская. Т. 1. С. 80; ср.: Правда Русская. Т. 2. С. 171.

¹⁰ Пространная Правда: Троицкий список // Правда Русская. Т. 1. С. 105; ср.: Правда Русская. Т. 2. С. 319.

¹¹ Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 237, примеч. 5.

чтении “въ смердѣи въ хо[ло]пѣ”, вследствие чего из двух терминов образовался один. Само понятие “смердий холоп” в тексте Пространной Правды, по-видимому, обозначает вовсе не холопа, принадлежавшего смерду, а холопа, работавшего на пашне, подобно смерду <...>. В этом смысле смердий холоп упомянут именно в статье о ремесленниках, под которыми Пространная Правда, несомненно, понимает холопов или, по крайней мере, зависимых от князя людей»¹².

Любопытный пример того, как возникают подобные недоразумения и к чему это может привести, дает описание Лиственской битвы между Ярославом Мудрым и Мстиславом Тмутараканским в «Повести временных лет» под 6532/1024 г. На стороне Ярослава в ней принимает участие варяжский отряд под предводительством некоего Якуна. Внимание исследователей в этом сообщении давно уже привлекло упоминание: «и бѣ Якунь слѣпъ, [и] луда бѣ у него золотом истѣкана»¹³. Эта фраза породила множество трактовок. Прежде всего, в ней поражает указание на слепоту военного предводителя варягов. Характеристика эта настолько устойчива, что, кажется, рассматривалась в качестве личного прозвища. Во всяком случае, автор Слова первого Киево-Печерского патерика о создании в монастыре Богородичной церкви прямо называет его Якуном Слепым: «Бысть въ земли Варяжской князь Африкыан, брат Якуна Слѣпаго, иже отбѣже от золотыя руды, бияся полком по Ярославѣ с лютым Мѣстиславом»¹⁴. В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев и другие не менее авторитетные историки высказывали самые различные предположения относительно того, как понимать странное прозвище Якуна. Ясность внесло, как будто, предположение Б.А. Воронцова-Вельяминова, который попытался объяснить это тем, что у некоторых потомков рода Шимона, племянника Якуна (например, у Аксаковых), наблюдался наследственный птоз (непроизвольное опускание верхнего века)¹⁵. Однако, во-первых, генеалогии, возводимые к Шимону, являются поздними и носят, видимо, искусственный характер. Во-вторых, по справедливому замечанию Н.П. Ламбина, здесь в летописи «нет ни малейшего намека на употребление слова “слеп” не в буквальном смысле»¹⁶. Не снимала вопроса и допущенная С.М. Соловьевым возможность перевода на древнерусский язык скандинавского имени Хакон, с которым обычно

¹² Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. С. 201.

¹³ Лаврентьевская летопись. Стб. 148.

¹⁴ Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / подгот. текста Л.А. Ольшевской, С.Н. Травникова. М., 1999. С. 7.

¹⁵ Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории ростово-суздальских и московских тысяцких // История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 126.

¹⁶ Ламбин Н.П. О слепоте Якуна и его златотканной луде: ист.-филол. исслед. // Журн. Мин. нар. просв. 1858. Ч. 98. № 5. С. 36.

в нашей литературе идентифицируется летописное «Якун», означавшее, по А.А. Кунику, 'одноглазый'¹⁷. Подобный перевод не мог стать основой для утверждения, что Якун «был слеп», поскольку это противоречило бы элементарной логике. К тому же, имя Хакон явно не могло восприниматься летописцем как прилагательное, входящее в составное именное сказуемое, связанное с самим этим именем. Остается лишь согласиться с предположением Н.П. Ламбина, что слепота Якуна явилась следствием «умственной слепоты переписчика»: варяг «ослеп» по ошибке, возникшей из-за неверного прочтения текста. Слово «слѣпъ» получилось, по мнению исследователя, в результате неправильной разбивки сплошной строки на слова. Первоначально же фраза должна была выглядеть так: «и бѣ Якунъ съ лѣпъ». При таком прочтении варяжский предводитель был не слепцом, а красавцем¹⁸. Но тогда возникают новые проблемы. Прежде всего, непонятно, почему для внешности Якуна было выбрано определение, допускавшее двойственное толкование? Зачем летописцу понадобилось уточнять, что красив был именно э т о т Якун? Ведь никаких других персонажей с тем же именем на страницах летописи не встречается. Не снимает недоумения и догадка Н.П. Ламбина, что появление здесь указательного местоимения «съ» требовалось «по правилам связной речи»¹⁹. Фраза: «и приде Якунъ с Варягы, и бѣ Якунъ лѣпъ» выглядит, несмотря на повтор имени, вполне нормально. Зачем же в нее было вставлено уточняющее местоимение? И еще: неужели сам летописец не понимал, что написанную им фразу можно прочесть, по меньшей мере, двумя способами? Что это — «умственная глухота» автора, не заметившего двусмысленность написанного, либо умышленно подобранная им блестящая деталь? Учитывая несомненное литературное мастерство летописца и сам характер его работы, когда за год записывалось всего несколько строк текста, приходится отдать предпочтение намеренному выбору, а не оплошности. Указательное местоимение потребовалось летописцу именно для того, чтобы возникла игра слов: «съ лѣпъ» — «слѣпъ»²⁰. Подобный литературный прием, получивший название «темного» или «разделенного» языка, был, видимо, достаточно хорошо известен всем индоевропейским народам и неоднократно использовался на Руси. Под «разделенным» языком понимается намеренное составление текста таким образом, что, благодаря возможности различного деления единого звукового комплекса на слова, он приобретает смысловую многозначность. В нашем

¹⁷ Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 1. Т. 1. М., 1984. С. 313, примеч. 314.

¹⁸ Ламбин Н.П. О слепоте Якуна и его златотканной луде. С. 74, 76.

¹⁹ Там же. С. 76.

²⁰ Подробнее см.: Гогошвили А.А. Акростих в «Слове о полку Игореве» и других памятниках русской письменности XI–XII веков. М., 1991. С. 82–98.

случае это позволило автору вставки²¹, описывая красавца-варяга, ввести в рассказ о Лиственской битве новый смысл, уточняющий символическую «расстановку сил». Сочетание хромца Ярослава и «слепца» Якуна, преградивших Мстиславу путь в Киев, вполне можно рассматривать как признание летописцем преимущественного право Святополка и Мстислава на киевский престол.

Как видим, иногда «языковая ясность», внесенная в текст источника при его разбивке на слова, может породить новые вопросы и сложности.

Ошибки в разделении текста на слова могут привести к серьезным недочетам не только в публикации источника, но и, как следствие, к конкретно-историческим ошибкам.

Так, неверное чтение приписки к Служебнику XIII в. («...дрьмя Мис[ахе]»), предложенное публикатором «Свода записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков»²², — вместо верного «охо охо охо дрѣмлет ми ся»²³ — ведет к появлению мифического писца с редко встречающимся именем Мисах²⁴.

Записи в Сийском Евангелии и Псковском Апостоле прочтены публикатором «Свода записей писцов...» как «жидовьсего урук»²⁵. Между тем верным чтением является следующая разбивка на слова: «жидовь сего и рук» («жидовь сего [года] и рук(а)»), что является указанием на таблицы 19-летнего Круга Луны («рука жидовская» или «пасха жидовская»)²⁶, без чего читатель цитируемого текста лишается важного хронологического указания.

Еще один пример неверного словоделения в «Своде...» приводит С.Н. Кистерев: «оухули ти»²⁷ вместо правильного «оухулити»²⁸.

²¹ О том, что фраза «бѣ Якунѣ слѣпъ, и бѣ у него луда золотомъ исткана» является вставкой, можно судить по обрамляющим ее повторяющимся оборотам: «и приде Якунѣ с варягы <...> И приде къ Ярославу» (Лаврентьевская летопись // ПСРП. Т. 1. М., 1997. Стб. 148). Этот повтор выпадает из логики изложения и в ряде летописей (Софийской I, Воскресенской и Никоновской) отсутствует. Здесь фраза читается так: «И приде Якунѣ с варягы к великому князю Ярославу» (Никоновская летопись // ПСРП. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. Т. 9. С. 78). Вставочной заметкой называет пассаж о слепоте Якуна и Н.П. Ламбин (Ламбин Н.П. О слепоте Якуна и его златотканной луде. С. 42).

²² Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М, 2000. С. 163.

²³ Словарь древнерусского языка: XI–XIV вв. [далее: СлДрЯ XI–XIV вв.]. Т. 3: добродѣтельно — изгечиса. М., 1990. С. 95.

²⁴ Мошкова Л.В., Турилов А.А. «Плоды ливанского кедр». М., 2003. С. 52.

²⁵ Столярова Л.В. Свод записей писцов... С. 237.

²⁶ Романова А.А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб., 2002. С. 57–58.

²⁷ Столярова Л.В. Свод записей писцов... С. 149.

²⁸ Кистерев С.Н. О «Своде» записей на древнейших русских манускриптах // Очерки феодальной России. М., 2001. Вып. 5. С. 207; Мошкова Л.В., Турилов А.А. «Плоды ливанского кедр». С. 25.

Иногда разбивка текста источника на слова может повлиять на вывод о времени появления того или иного понятия.

Так, по мнению А.В. Соловьева, название «Русия» впервые было употреблено в 1270 г. болгарским деспотом Иаковом-Святославом в письме киевскому митрополиту Кириллу II (в церковной традиции — Кириллу II²⁹). Оно адресовано «Богом избранному пастырю и оучителю словеснаго стада правоверныя веры нашае отцу ми по духоу святомуу преосвященному архиепископу Кирилоу преславнааго града Киева, оучителя же всеи Роусии светилника церквамъ богоспасенаго града Киева»³⁰. Однако в данном случае текст может быть прочтен и иначе: «Оучителя же всеи Роуси и светилника церквамъ богоспасенаго града Киева»³¹.

Особенно осторожно надо относиться к определению неясного слова в тексте источника как к ошибке. Общим при делении текста на слова является правило: если перед нами непонятное слово — надо исчерпать все возможности его объяснения и только после того, как все возможности его объяснения отпали, предполагать в нем ошибку.

Кроме того, Д.С. Лихачев, ссылаясь на С.М. Бонди, рекомендует идти в работе над прочтением слов не от частей к целому, а от целого к части: пользоваться пониманием текста в целом для прочтения отдельных слов³². Для этого, однако, необходимо понять текст источника. А это, как мы убедились, далеко не всегда просто.

4.1.2. Расстановка знаков пунктуации. Следующим этапом в установлении текста источника является расстановка знаков пунктуации. Это, как и деление текста на слова, — важный шаг в интерпретации текста, существенно влияющий на понимание содержания источника.

Под *знаками пунктуации* понимаются внеалфавитные графические обозначения, структурирующие текст. В настоящее время к ним относятся конечные знаки, обозначающие конец фразы (точка, вопросительный и восклицательный знаки, а также многоточие), знаки середины предложения (запятая, двоеточие, тире и многоточие) и знаки выделительные (скобки, кавычки).

Вопрос с их расстановкой в тексте источника не так прост. Дело в том, что современные правила пунктуации сложились довольно поздно. В ранних источниках — до XVII в. — действовали совершенно иная система *знаков препинания* и иные принципы их расстановки³³.

²⁹ Соловьев А.В. Византийское имя России // Византийский временник. 1957. Т. 12. С. 141.

³⁰ Ангелов Б.Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. Кн. 2. София, 1967. Кн. 2.

³¹ Столярова Л.В. Еще раз о протографе Рязанской кормчей 1284 г. // Россия и мир. Панограма исторического развития: сб. науч. статей, посвященный 70-летию исторического факультета Урал. гос. ун-та им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 195, 198.

³² Лихачев Д.С. Текстология. С. 163.

³³ Загребин В.М. Диакритика средневековых славянских рукописей // Загребин В.М. Исследование памятников южнославянской и древнерусской письменности. М.; СПб., 2006. С. 27–200.

Специалисты, занимающиеся древнерусскими и средневековыми южнославянскими рукописями, выделяют следующие знаки препинания и надстрочные знаки, которые выполняли близкие к ним функции: *точка*, *запятая*, *крестик* (места окончания чтения), *гипокрисис* (граница фраз, знак паузы), *телия* (знак паузы), *комбинации точек и черточек* (обозначали конец большого раздела, скажем, евангельского чтения), *точка с запятой* (обозначала вопрос), позднее — *прибыльца* (восклицательный знак) и др.

От них отличались так называемые *экфонетические знаки*, обозначавшие способ мелодического, интонационного (псалмодийного) произношения текстов, не предназначенных для пения. К ним относятся: *псила* или *псили* — $\dot{\text{~}}$ или позднее ' (от греч. ψυλός — ‘лишенный, не имеющий чего-либо’; обозначает *тонкое придыхание*); *дасия* — † или позднее ' (от греч. δασύς — ‘густой’; обозначает *густое придыхание*); *оксия* — $\acute{\text{~}}$ (от греч. ὀξύς — ‘острый’; обозначает *острое ударение*); *вария* — ' (от греч. βαρύς — ‘тяжелый’; обозначает *тяжелое ударение*) и *двойная вария* — '' или *кендема* (от греч. κεντέω — ‘колоть’); *периспомена* (от греч. περισπάω — ‘отвлекать’) или *камора* — ~ (от греч. καμάρα — ‘свод, арка’; отмечала слог, произносившийся с облегченным ударением); *апострофос* — '' (от греч. ἀπόστροφος — ‘обращенный назад’; ставился над первой буквой слова для различения омографов) и др. Они позволяли выделять при чтении наиболее значимые смысловые обороты, повышая или понижая высоту звука в отдельных слогах.

Кроме того, использовался целый ряд знаков, указывавших на сокращения слов: *титло* — $\text{~}^{\text{~}}$ (ставилось над сокращаемым словом), *паерок* — ' (*ерец, ерок, ерица, ерик, ертица, ерчик, воос, овос, речник* — обозначал выпущенные буквы *ъ* и *ь*; обозначался также короткой вертикальной ломаной линией, или — реже — черточкой, крючком, точкой, двойной оксией, двойной варией) и др. Помимо того, что знакомство с этими знаками позволяет правильно прочесть слово, над которым стоит титло, такие сокращения дают возможность установить, с какого оригинала была переписана рукопись, либо та или иная цитата. Дело в том, что, по наблюдению Е.Э. Гранстрем, в древнеболгарских и древнерусских рукописях XI века. сокращение священных слов (Nomina Sacra): *Бог, Господь, Дух, Отец, небо, человек, Давид, Израиль, Иерусалим, Иисус, Христос, Сын, Мать, крест, Спас* — указывало на то, что в основе лежала греческая рукопись, а если были сокращены слова: *святой, церковь, глаголати, цесарь, ангел, апостол, сердце, благословлен, владыка, пророк, мученик, мученица, милость, молитва, епископ, ар-*

Древнерусские пособия, подробно описывавшие, в частности, знаки препинания, собраны в труде: Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Труды по русскому языку: издание Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1885–1895. Т. 1.

хипископ, язык, поп — латинская. Только в глаголических рукописях сокращались слова: *имя рек*, *диякон* — в то время как сокращения слов: *князь*, *богатство*, *всяк*, *днесь* (день), *дева* (девица), *мучитель*, *несть*, *премудрость*, *рече*, *солнце*, *смерть*, *сподоби*, *страстотерпец*, *Троица*, *ученик*, *час*, *чист*, *законно*, *многообразный*, *нашему*, *лето* (летний) — встречаются исключительно в кириллических списках. Зато слова: *аминь*, *бысть*, *в оно время*, *месяц*, *нечист*, *ныне*, *песнь*, *память*, *Предтеча*, *Царство*, *Богородица*, *Пречиста* — сокращались и в глаголических, и в кириллических рукописях³⁴.

Как видим, древние знаки препинания, по верному замечанию М. Феррана, были «не собственно “пунктуацией” в нашем современном понимании, имеющей целью обозначить границы синтаксических сегментов [текста], в первую очередь независимых предложений, а практикой чисто ритмического назначения, и то непоследовательной»³⁵. Поэтому перед современным исследователем встает непростая задача: учитывая их, верно расставить нынешние знаки пунктуации, которые прояснили бы — и не исказили! — текст изучаемого источника.

Поэтому уже на начальных этапах научного издания древнерусских источников публикаторам предлагалось «знаки препинания ставить точно против подлинников, как бы сия расстановка не казалась бестолковой, предоставляя остроумным критикам и толкователям <...> оные расставить по приличью, с надлежащими на то доказательствами; ныне же избегать должно всякого могущего быть нареkania в каком-либо существенном отступлении от подлинников <...>. Непременно издать каждую рукопись <...> с самую строжайшею точностию, не только в правописании, но даже и в препинаниях, ибо хотя сии последние в древности совсем не кстати употреблялись, но как произвольная перемена препинаний может иногда совсем переменить смысл написанного Автором, то гораздо надежнее и в сем случае строго держаться подлинника»³⁶.

Целый ряд недоразумений такого рода привел А.И. Ермолаев, который вместе с А.Н. Олениным предложил план издания русских летописей: «1) При издании Кёнигсбергского списка позволено было издателю перемещать препинания по своему усмотрению. На 4 стр. печатного Кёнигсбергского списка находим: *“реку Тигр, текущую межи Миды (т.е. Мидиею) и Вавилоном до Понтийского (т.е. Черного) моря”*, но где слыхано, чтоб Тигр впадал в Черное море? Надлежало бы так, как Шлёцер и сделал, кончить период словом: *Вавилоном*, слова же: *до Понтийского моря*, принадлежат к

³⁴ Гранстрем Е.Э. Сокращения древнейших славяно-русских рукописей // ТОДРЛ. Т. 10. С. 429, 431.

³⁵ Ферран М. Монументальная фраза древнерусских писателей. М., 1999. С. 34.

³⁶ Оленин А.Н. Краткое рассуждение об издании полного собрания дееписателей. С. 12–13, 14–15.

последующей речи. 2) Нестор называет Мефодия, бывшего епископом в Моравии, настояльником, т.е. приемником св. Андроника, одного из 70 учеников апостола Павла; далее он же говорит, что Мефодий поручил двум священникам перевести все священные книги с греческого на славенский язык. — *“Окончав же, — продолжает Нестор, — достойно хвалу и славу Богу воздаст, дающему таку благодать епископу Мефодию, настояльнику Андронику. Тем же славеньску языку учитель есть Андроник апостол: в Моравы бо ходил и апостол Павел, учил ту, ту бо есть Илюрик его же доходил и апостол Павул”*. Здесь препинания поставлены так, как оные находятся в первом издании Владимирского или Лаврентьевского летописца, которое не dokonчено и ныне уже прекращено. Но следующим образом сделанное препинание, кажется, было бы гораздо естественнее: *“Тем же славеньску языку учил есть Андроник апостол: во Моравы бо ходил. И апостол Павел учил ту: ту бо есть Илюрик, его же доходил и апостол Павул”*. Смысл будет такой: апостол Андроник должен почитаться учителем славенского народа: ибо он ходил (проповедывал) в Моравии. И апостол Павел там учил и проч., а не так, как в первом издании сказано, что Андроник потому почитаться должен учителем славян, что апостол Павел там учил и проповедывал слово Божие³⁷.

Насколько важна верная расстановка современных нам знаков пунктуации для понимания смысла текста источника показывает и следующий пример.

В академическом издании «Слова Даниила Заточника» предлагается следующая разбивка текста на фразы: «Имѣю бо сердце — аки лице безъ очю, И бысть умъ мой — аки нощный вранъ на нырици. Забдѣх — и расыпаса животъ мой, аки ханаонский царь, буестию; И *покры* мя нищета, аки Чермное море фараона»³⁸. Соответственно, дается такой перевод этих фраз на современный русский язык: «Ведь сердце мое — как лицо без очей, и был ум мой — как филин на развалинах. Радел я <о твоём благе> — и дерзостью погубил свою жизнь, как хананейские цари; и *покрыла* меня нищета, как Красное море фараона». При этом, выражение: «Имѣю бо сердце — аки лице безъ очю, и бысть умъ мой — аки нощный вранъ на нырици» трактуется так: «Этим выражением Даниил объясняет, почему он не имеет “плода покаяния”. Вероятно, смысл его таков: “имел я бесстрастное сердце и настороженный, бодрствующий, как филин в ночи, ум”, т.е. руководствовался в своих поступках не сердцем, а разумом». И далее: «Смысл данного выражения, вероятно, таков: пребывая в бдении (бдительно, ревностно служа князю), Даниил своей “буестью” (дерзостью, излишней прямоотой) погубил, расстроил свою жизнь, подобно хананейским царям. Говоря о

³⁷ Оленин А.Н. Краткое рассуждение об издании полного собрания дееписателей. С. 15–16.

³⁸ Слово Даниила Заточника / подг. текста, пер. и комм. Л.В. Соколовой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. СПб., 1997. С. 268.

буести хананейских царей, Даниил, очевидно, имел в виду библейский рассказ о том, как они, проявив непокорность, гордыню, встретили войной израильтян, отказались сдать им свои города, предназначенные израильтянам самим Богом, за что все хананейские города были преданы заклятью и полностью истреблены (см.: Нав. 11: 19–20; Пс. 134: 10–12)³⁹. Д.С. Лихачев полагал, что здесь «имеется в виду взятие ханаанского города Иерихона», не поясняя, как это связано с «буестью» ханаанского царя⁴⁰. Трактую выражение «нощный вран на нырищи» как «бодрствующий, как филин в ночи, ум», Л.В. Соколова вполне обоснованно исходила из текста, который цитирует Даниил Заточник. Однако такой перевод вовсе не соответствует ее прочтению текста: остается совершенно непонятным почему «нощный вран» — это именно «бодрствующий в ночи ум», поскольку слово «забдѣх» (буквально — ‘не заснул’⁴¹) Л.В. Соколова оторвала от исходного текста и произвольно присоединила к следующей фразе.

Все становится на свои места, если верно поставить запятую и точку: «Бысть умъ мой аки нощный вранъ на нырищи, забдѣх»⁴². Иначе непонятно, почему свой ум Даниил сравнивает с филином на развалинах башни. Слово же «забдѣх», которое Л.А. Соколова переводит — с неизбежным «авторским» дополнением оригинального текста «<о благе твоём>», без которого оно полностью теряет смысл, — как «радел я», на самом деле, относится к предыдущей фразе, являясь частью цитаты из 101-го псалма. Смысл фразы, которую цитирует Даниил, становится понятным при обращении к источнику: «Быхъ яко нощныи вранъ на нырищи. забдѣх и быхъ яко птица. особащѣася на здѣ весь день поношааху ми врази мои. и хвалащеи ма мною кленахуса. зане пепель яко хлѣбъ ядах. и питие мое с плачемъ растварахъ. ѿ лица гнѣва твоего и ярости твоея. яко възнесъ низврѣже ма»⁴³.

³⁹ Соколова Л.В. Слово Даниила Заточника[: комментарии] // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. СПб., 1997. С. 636.

⁴⁰ Лихачев Д.С. Моление Даниила Заточника[: комментарии] // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 689.

⁴¹ «ЗАБѢДѢТИ... остаться бодрствовать, не спать...: забѣдѣхъ і быхъ ѣко пытіца собищиѣ сы на зѣдѣ» (Старославянский словарь: по рукописям X–XI веков. М., 1994. С. 224); «ЗАБѢДѢТИ. Начать бодрствовать. Быхъ яко нощныи вранъ на нырищи, забдѣх и быхъ яко птица, особащѣася на здѣ (Пс. Сл: 7–9) Библ. Генн. 1499 г.» (Словарь русского языка XI–XVII вв. [далее: СлРЯ XI–XVII вв.]. Вып. 5: Е — Зинутие. М., 1978. С. 132); ср.: «ЗАБѢДѢНИЕ. Отсутствие духовного бдения (?)» — СлДРЯ XI–XIV вв. Т. 3. С. 282). Других значений слова *забѣдѣти* исторические словари русского языка не предлагают.

⁴² В синодальном переводе: «Я стал как филин на развалинах; не сплю» (Пс. 101: 7).

⁴³ Библия 1499 года и Библия в Синодальном переводе. М., 1997. Т. 4. С. 247; в синодальном переводе: «Я стал как филин на развалинах; не сплю и сию, как одинокая птица на кровле. Всякий день поносят меня враги мои, и злобствующие на меня кланут мною. Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами, от гнева Твоего и негодования Твоего, ибо Ты вознес меня и низверг меня» (Пс. 101: 7–11).

По существу, расстановка современных пунктуационных знаков при установлении текста источника является одним из первых шагов в его интерпретации, а потому требует особой осторожности и внимания.

4.2. РЕСТАВРАЦИЯ ТЕКСТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Установление текста конкретного списка исторического источника включает его *реставрацию* (от лат. *restauratio* — восстановление). Под *реставрацией* текста мы имеем в виду действия, которые создают необходимые условия для верного понимания источника и направлены на восстановление первоначальных чтений списка, если он плохо сохранился, был искажен в результате вносившихся в него «поправок» и дошел до нас не в своем изначальном состоянии⁴⁴.

Прежде всего, речь идет о восстановлении «угасших» фрагментов текста, их верном прочтении. Следует помнить уточнение, предложенное в свое время И.Э. Грабарем в понятие реставрации: «Реставрация в современном понимании этого термина есть не восстановление памятника в его первоначальном виде, а только освобождение его от вековых наслоений, или иначе — его раскрытие. Основное требование, предъявляемое современной теорией и практикой, сводится к тому, чтобы памятник только раскрывался, но не восстанавливался»⁴⁵. На практике, однако, дело редко ограничивается «раскрытием памятника». Традиционно историки и литературоведы стремятся восстановить пропуски, утраты текста и исправить ошибки переписчика, предлагая «лучшие чтения», обнаруженные в других списках. Однако такие процедуры выходят за рамки реставрации текста списка как таковой, превращая ее в *реконструкцию*. Между тем главная задача, которая стоит перед исследователем в ходе реставрации, — сохранить текст каждого списка в максимально возможной неприкосновенности, в том виде, в котором он дошел до нашего времени⁴⁶. Главный принцип,

⁴⁴ Ср.: «Реставрация (лат. *restauratio* — восстановление) — комплекс мероприятий, направленный на предотвращение последующих разрушений и достижение оптимальных условий продолжительного сохранения памятников материальной культуры, обеспечение возможности в дальнейшем открыть его новые, неизвестные ранее свойства» (Выгонная А.А., Калнин В.В., Цейтлина М.М. Основы реставрации памятников архитектуры, монументальной и станковой живописи: учеб. пособие для учащихся проф.-тех. учеб. завед. реставрац.-строит. и строит. профилей. Минск, 2000. С. 6–7).

⁴⁵ Грабарь И.Э. Реставрация // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 7-е изд. Т. 36. Ч. 1: Растение — Речь Посполитая. М., 1932. Стб. 559–560.

⁴⁶ Ср.: Бобров Ю.Г. Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия. СПб., 1997.

которым должен руководствоваться историк при реставрации текста источника, как и в медицине, — «не навреди». Любое вмешательство в текст списка при этом недопустимо⁴⁷. Еще А.-Л. Шлёцер требовал от издателя исторического источника точно воспроизводить текст списка, ничего в нем не меняя: «Каждая строка, каждое слово должно быть напечатано так, как стоит в рукописи; ничего не поправлять, ничего не выбрасывать, ничего не дополнять»⁴⁸.

По своей сути, установление текста источника — если, конечно, историк работает с оригиналом, а не с публикацией, — и есть его реставрация.

Итак, при реставрации текста следует обязательно соблюдать следующие правила: стараться свести к минимуму вмешательство в текст списка, воспроизводить только первоначальные чтения, вынося все позднейшие исправления, приписки и собственные соображения в сноски и комментарии, и помнить, что любое вторжение в текст списка (в том числе разбивка текста на слова, расстановка знаков пунктуации и т.п.) уже есть по сути своей его интерпретация.

4.3. РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕКСТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

От *реставрации* текста исторического источника следует отличать его *реконструкцию*. Эти понятия текстологами, к сожалению, чаще всего не дифференцируются, что ведет порой к серьезным ошибкам в изучении исторических источников. Характерно, что в фундаментальном труде Д.С. Лихачева по текстологии термин *реставрация* встречается всего один раз, да и то в цитате. Рассказывая о том, как удалось реконструировать текст утраченной в московском пожаре 1812 г. Троицкой летописи, знаменитый текстолог не обратил внимания на один очень важный нюанс в приведенном им высказывании М.Д. Присёлкова. Тот писал: «Реконструкция не есть реставрация. При наличии наших данных нет никакой сейчас возможности ставить задачу восстановления памятника начала XV в. во всех подробностях его состава, изложений и чтений». В основу своей реконструкции М.Д. Присёлков положил «достоверные куски подлинного текста, в отношении которых могут быть колебания или неуверенности только в смысле орфографии или данных форм языка» (что было связано

⁴⁷ См.: Экскурс 5. Казус Изборника 1076 года.

⁴⁸ Шлёцер А.-Л. Нестор: Русские летописи на Древле-Славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А.-Л. Шлёцером. СПб., 1809–1819. Ч. 1. С. 403 (четвертая пагинация).

с тем, что фрагменты Троицкой летописи сохранились только в выписках Н.М. Карамзина). При этом, «в отношении каждого кусочка текста Троицкой <...>, к подлинным выпискам из Троицкой, в примечаниях к реконструированному тексту дается весь доказательный материал и излагаются все соображения о их подлинности»⁴⁹. Текст этих фрагментов, как отмечал Д.С. Лихачев, «им отнюдь не реставрировался, а сохранялся в подлинном виде»⁵⁰ (однако, по сути, эта часть работы М.Д. Присёлкова как раз и была *реставрацией*). Дополнение же этих фрагментов текстами других летописных списков, привлечение каждого из которых было весьма серьезно обосновано, позволило создать *гипотетическую реконструкцию* текста утраченной летописи. При этом, публикуя ее, исследователь, используя различные шрифты, четко различил тексты самой реконструируемой летописи, сохранившиеся в выписках Н.М. Карамзина, и тексты «посторонних» летописей, привлекавшихся для реконструкции состава Троицкого списка. «Мне думается, — уточнял М.Д. Присёлков, — что в таком виде этот опыт реконструкции утраченного текста Троицкой летописи никого не введет в заблуждение, но может помочь всем тем исследователям, которые трудятся над изучением событий XIV в. или над изучением наших летописных сводов»⁵¹.

В отличие от *реставрации*, *реконструкция текста*, как правило, включает чтения, встреченные в различных списках одного и того же источника (так называемые *лучшие чтения*, которые по тем или иным причинам представляются «реставратору» первоначальными), исправление написаний, которые считаются ошибочными (хотя, естественно, ошибаться может сам исследователь, встретивший незнакомое слово или написание и заменивший его формой, которая ему кажется верной).

Наиболее уязвимыми в реконструкциях являются *конъектуры* — «исправления (точнее — частичные восстановления первоначального текста), предлагаемые исследователем на основании различных соображений, но которые не могут быть подтверждены чтениями других списков». Основанием для их появления служит убеждение, будто текст в данном месте «явно испорчен», либо «н е м о г быть в первоначальном тексте (авторском, редакторском и проч.)»⁵². Опасность конъектуральных исправлений очевидна. Причиной непонимания исследователем смысла прочитанного может быть вовсе не «испорченность» текста, а различия (иногда принципиальные) в мышлении нашего современника и автора текста. При этом призывы «упо-

⁴⁹ Присёлков М.Д. Троицкая летопись: реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002. С. 24–25.

⁵⁰ Лихачев Д.С. Текстология. С. 469.

⁵¹ Присёлков М.Д. Троицкая летопись. С. 25.

⁵² Лихачев Д.С. Текстология. С. 163–164.

добиться автору произведения, проникнуться его духом и манерой»⁵³, которые казались вполне научными в начале прошлого века, сегодня выглядят по меньшей мере наивными. В основе их лежит давно опровергнутое наукой представление о неизменности человеческого мышления во времени. Именно следствием такой иллюзии может стать убеждение в алогичности древних текстов.

Ярким примером в этом отношении являются высказывания по поводу смысла летописных текстов древней Руси одного из современных культурологов. По его мнению, авторы летописей якобы просто сообщали «о всяком событии как таковом, а не в зависимости от его роли в подготовке будущего или в подтверждении былых пророчеств»: «цель летописца не в том, чтобы изложить все последовательно, а изложить *все*, ничем не жертвуя, включая эпизоды легендарные, для истории ничего или малозначащие». При этом «любые картины грядущего, темные либо светлые, воспринимаются [летописцами. — И. Д.] с безразличным доверием». Именно поэтому якобы «летописец внимателен ко всякому событию, коль скоро то произошло. Фиксируются даже годы, когда “ничего не было”: “Бысть тишина”»⁵⁴. Вообще «для летописи <...> исторический процесс темен, непознаваем». Поэтому летописцу присущи «постоянная сосредоточенность на текущем, нелюбовь к провиденциальной расчетливости, пророческой мистике, историософским суждениям». Он «не находит в истории цели, не ставит жизнь народа в некую всемирно-историческую связь, не видит в развитии наперед назначенного плана и не содержит представлений о конце истории». «Летописец не придавал значения <...> логике, организованности, убедительности». Наконец, создатель летописи настолько, мягко говоря, «прост умом», что даже «не пробует понять, что он пишет и переписывает»⁵⁵. Комментарии здесь излишни.

Заявления, подобные только что приведенным, явно свидетельствуют о том, что, исходя из собственного опыта, их авторы оказались не в состоянии уловить логику создателя (редактора) исторического источника. Но вместо того чтобы честно признать это, ответственность за непонимание текста современным исследователем, как правило, перекладывается на того, кто написал текст. В господствующих в отечественных историографии и литературоведении научных школах вопрос о непонимании (в том смысле о котором ведется речь в данном случае) источника практически не ставится. Мало того, высказывания оппонентов, говорящих время от

⁵³ Перетц В.Н. Из лекций по методологии истории русской литературы: История изучения. Методы. Источники. Киев, 1914. С. 276.

⁵⁴ Мильдон В.И. «Земля» и «небо» исторического сознания: Две души европейского человечества // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 90, 92–95.

⁵⁵ Там же. С. 92–95.

времени о некотором «недоразумении» в общении историка с источником, ставятся им в упрек. Нет никаких объективных критериев, опираясь на которые можно установить, насколько исследователю удалось проникнуться «духом» автора источника, уловить его логику. Тем более что человек вообще существо алогичное: чаще всего он действует под влиянием эмоций, а не подчиняясь холодным рассуждениям. Недаром Д.С. Лихачев неоднократно подчеркивал «непоследовательность религиозного мировоззрения»⁵⁶ древнерусских книжников (полагая, видимо, что «нерелигиозное» и, в частности, марксистское мировоззрение всегда последовательно). Так что призыв «как бы стать на место автора» текста вряд ли может быть реализован — по крайней мере в научном источниковедческом исследовании.

Конечно, конъектуральные исправления можно встретить и при реставрации текста. Но там они занимают подобающее им место: в комментариях и подстрочных примечаниях — с подробным объяснением, почему данное чтение представляется ошибочным и как могло выглядеть первоначальное чтение. При этом обязательным условием должно стать строго научное обоснование как предположения об ошибке, так и предлагаемого исправления. Лучшим подтверждением конъектуры считается обнаружение предполагаемого чтения в одном из списков источника, хотя и в этом случае необходимо текстологически доказать, что именно оно присутствовало в исходном тексте. Конъектуры при реставрации никогда не вносятся в основной текст, но являются важной составной частью гипотетической реконструкции. Собственно, включение в реконструируемый текст «лучших чтений», заимствованных из других списков текста произведения (исторического источника), представляет собой, по существу, несколько смягченную форму конъектуры.

Рассуждая о подобных исправлениях текста произведения, Д.С. Лихачев отмечал: «Вообще следует сказать, что общее предубеждение против конъектур у некоторых исследователей не имеет почвы, так как текст подавляющего большинства рукописей полон этими же самыми конъектурами, но конъектурами, сделанными не учеными, а самими древними переписчиками, часть из которых была несомненно невежественна <...>. Очень часто поэтому конъектуры исследователей — это только раскрытие конъектур переписчиков. Оставлять конъектуры переписчиков, не допуская конъектур исследователей, — нелепо. Все дело только в том, что, предлагая ту или иную конъектуру, исследователь обязан объективно оценить степень ее достоверности и не выдавать в издании конъектуру за текст подлинного

⁵⁶ См., например: Лихачев Д.С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк // Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 297; Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 68; Лихачев Д.С. Литература — реальность — литература. Л., 1981; и мн. др.

списка или списков, а строго ее оговаривать (например, в тексте конъектура печатается курсивом, а в сноске отмечается чтение списка)⁵⁷. Признавая определенную резонность этих рассуждений, следует подчеркнуть, что они в большей степени справедливы для издателей источников (хотя при этом, как уже отмечалось, лучше не чтения списка, а сами предлагаемые конъектуры давать в сноске, оставляя текст списка в неприкосновенности). Для источниковеда же основой остаются чтения, сохранившиеся в оригинале источника. Впрочем, приведенные выше слова ведущего текстолога России следует помнить, изучая источники по публикациям, подготовленным согласно этим рекомендациям, — чтобы не принимать опубликованный текст, включающий конъектуральные исправления, за истинный текст конкретного списка. При этом особое внимание необходимо уделять правилам передачи текста в данном издании, а также примечаниям и сноскам, сопровождающим публикацию.

Поскольку реконструкции всегда являются результатом гипотетических рассуждений и выводов публикатора, они не могут становиться основой исторических построений.

Достаточно вспомнить резкую критику А.А. Шахматовым М.Д. Присёлкова за то, что тот использовал в своих конкретно-исторических исследованиях шахматовские реконструкции «Повести временных лет» и предшествующих ей сводов, а не тексты реальных списков летописей⁵⁸. И дело здесь, как совершенно справедливо отмечает В.Г. Вовина-Лебедева, не в научной скромности А.А. Шахматова (как полагал Я.С. Лурье), а в принципиально ином подходе к тексту как к источнику ретроспективной информации⁵⁹.

Между тем, как уже говорилось, используя публикации, историк чаще всего сталкивается именно с реконструкциями, а не с реставрациями текстов исторических источников. Так, в подавляющем большинстве случаев летописи цитируются по «Полному собранию русских летописей», в котором публикуются контаминированные тексты (правда, сопровождаемые подробными археографическими и текстологическими комментариями, позволяющими — при желании — установить, из какого именно списка взято то или иное «лучшее чтение»). Мало того, историки часто цитируют «Повесть временных лет» по публикации в серии «Литературные

⁵⁷ Лихачев Д.С. Текстология. С. 165.

⁵⁸ Магистерский диспут М.Д. Присёлкова в С.-Петербургском университете // Научный исторический журнал, издаваемый под редакцией проф. Н.И. Кареева. 1914. Т. 2. Вып. 1–3. № 3. С. 137; Шахматов А.А. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни // Там же. Т. 2. Вып. 2. № 3. С. 30–32.

⁵⁹ Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011. С. 305.

памятники»⁶⁰. Она «до сих пор постоянно используется в профессиональной научной литературе», — отмечает М.Б. Свердлов⁶¹. И это при том, что, как справедливо отметил А.Г. Бобров, данное издание «носило не столько чисто научный, сколько просветительский характер (“издание для чтения”)»⁶². Характеризуя его, М.Б. Свердлов писал: «Основу подготовки текста составили исследования шахматовского направления в изучении древнерусского летописания. Научно обоснованные конъектуры позволяли приблизиться к первоначальному тексту в многочисленных случаях описок, ошибок и более позднего редактирования, накопившихся в течение многовекового бытования ПВЛ в составе летописных сводов. Эти конъектуры избавляли исследователей от необходимости повторять при цитировании нарушения первоначального текста или самостоятельно исправлять их, если только текстология ПВЛ не являлась предметом специальных разысканий»⁶³. Другими словами, М.Б. Свердлов прямо указывал, что перед нами — гипотетическая реконструкция некоего «первоначального текста», включающая, помимо всего прочего, издательские конъектуры. Сам же Д.С. Лихачев подчеркивал: «Мы печатаем не “сводный текст” “по всем спискам” и не гипотетическую реконструкцию первоначального текста, а *реально дошедший до нас в Лаврентьевской летописи текст*»⁶⁴. Эта декларация смогла ввести в заблуждение даже такого внимательного и скрупулезного исследователя, как В.Г. Вовина-Лебедева, которая, говоря об этой публикации, отметила, что, в отличие от А.А. Шахматова и ученых его школы, стремившихся «реконструировать несохранившиеся древние памятники», «для Д.С. Лихачева главным оказалось изучение того, что реально сохранилось до наших дней от древнерусской культуры, в том числе и в первую очередь — средневековые тексты, такие, какими они дошли до нас»⁶⁵. Действительно, сам Д.С. Лихачев подчеркивал: «Старая текстология XVIII и XIX вв., выясняя происхождение разночтений по отдельности, по отдельности же заменяла в тексте более новое чтение более древним и таким образом “восстанавливала”, как казалось, древнейший текст. В настоящее время мы не можем считать правильным такой метод “восстановления” древнего текста. Создающийся таким

⁶⁰ Повесть временных лет / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч. 1: Текст и перевод / подгот. текста и пер. Д.С. Лихачева, Б.А. Романова. Ч. 2: Прилож. / ст. и комм. Д.С. Лихачева. М.; Л., 1950; Повесть временных лет. Изд. 2-е, испр. и доп. / подгот. текста, пер., ст. и комм. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб., 1996 (далее цитаты приводятся по этому изданию).

⁶¹ Свердлов М.Б. Дополнения // Повесть временных лет. С. 584.

⁶² Бобров А.Г. Принципы издания древнерусских летописей // Лихачев Д.С. Текстология. С. 741.

⁶³ Свердлов М.Б. Дополнения. С. 584.

⁶⁴ Лихачев Д.С. Археографический обзор списков // Повесть временных лет. С. 359–360 (курсив мой. — И. Д.).

⁶⁵ Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования русских летописей. С. 492.

путем лоскутный текст никогда, конечно, не существовал»⁶⁶. Между тем перед нами именно такая «лоскутная» реконструкция, причем местами довольно произвольная.

Приведу лишь один пример предложенной в нем конъектуры, которая существенно исказила смысл исходного текста, но широко используется историками и филологами без всяких оговорок.

После заключения договора с греками в 6415 (907) г. Олег якобы приказал изготовить для своих воинов необычные паруса: «паволочиты Руси, а словеномъ кропиньныя». Как только новые паруса были подняты, их разорвал ветер. «И рѣша словени, — читаем мы в этом издании, — “Имемся своим толстинам, не даны суть словѣном прѣ паволочиты”»⁶⁷. Между тем ни в одном реальном списке летописи такого текста нет. Действительно, в Лаврентьевском списке текст выглядит несколько странно, он как бы не закончен: «и раз^ара а [их; т.е. все паруса. — И. Д.] вѣтрѣ. и рѣша Словени им^аса свои^а то^астина^а. не даны соу^а Словѣно^а прѣ»⁶⁸. В Новгородской I летописи младшего извода (которая, по мнению А.А. Шахматова, сохранила текст, предшествующий «Повести временных лет») встречаем уточнение, казалось бы, несколько проясняющее чтение Лаврентьевского списка: «и раздра вѣтрѣ кропинныя [паруса. — И. Д.]. И рѣша Словенѣ: “имемся своих толѣстинах; не даны суть Словеномѣ прѣ”»⁶⁹; т.е. ветер разорвал только кропинные паруса словен. Однако и это уточнение не вносит окончательной ясности: непонятным остается, почему именно *словенам* «не даны» паруса. В Ипатьевском списке в последней фразе находим еще одно уточнение: «прѣ кропиньныя»⁷⁰. Однако это чтение в упомянутой публикации не приведено. Появление же нового — реконструированного с оборотом «прѣ паволочиты» — текста объясняется просто: «Добавл. по смыслу»⁷¹.

Источником конъектуры стала догадка, что летописец хотел показать «недовольство новгородцев, подчеркнувших свое невидное положение в войске Олега, простоту и суровость своего походного быта»⁷². Комментатор, очевидно, полагал, что летописная *коприна*, из которой сшили паруса словеном (в отличие от паволоки, которая пошла на паруса для «варяжской» руси), — какая-то дешевая ткань. Такого мнения придерживался, в

⁶⁶ Лихачев Д.С. Тестология. С. 181.

⁶⁷ Повесть временных лет. С. 17.

⁶⁸ Лаврентьевская летопись. Стб. 32.

⁶⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 108–109. Текст, выделенный курсивом, написан на полях наверху с выносным знаком, тем же почерком, что и основной текст, но более светлыми чернилами.

⁷⁰ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 23.

⁷¹ Разночтения // Повесть временных лет. С. 132.

⁷² Лихачев Д.С. Комментарии // Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 419.

частности, А.С. Львов, полагавший, что здесь речь идет о парусах, сшитых из *крапивной* (сделанных из волокон крапивы) ткани. Он исходил при этом не столько из собственно филологических оснований, сколько из буквального понимания текста и так называемого здравого смысла: «Едва ли ветер так легко может разодрать шелковую ткань. В самом деле, здесь речь, должно быть, идет о ткани из волокон крапивы — наименее устойчивой, которую ветер легко мог разодрать». При этом, правда, А.С. Львову приходилось делать одно небольшое допущение: «Обычай ткать из крапивной пряжи холст мог существовать и в древней Руси». Такое решение, однако, не снимало формально-логического противоречия: «Правда, немного странно то, что после того, как ветер разодрал *пря кропиныя*, *словъне* взялись за *тълстины*, т.е. за парус из простого и грубого холста. Чем лучше холст из крапивы холста из конопли или льна?»⁷³ Эта догадка не получила поддержки у специалистов. Гораздо более вероятным было предположение И.И. Срезневского, что форма *кропинынь* возникла из *копринынь* ('сделанные из коприны, шелковые')⁷⁴. Современные исторические словари русского языка дают только такое значение этого слова⁷⁵. При таком прочтении вставка «по смыслу» полностью теряет смысл.

Реальный текст источника оказался издателю непонятным — и тот его «исправил», создав сообщение, которого никогда не было. Естественно, такое «прояснение» текста источника закрывает возможность его понимания. Зато дает основания для весьма вольных интерпретаций — и новых, еще менее надежных конкретно-исторических реконструкций⁷⁶.

Требование использовать в качестве исторических источников реальные тексты списков, а не гипотетические реконструкции, в последнее время находит все большую поддержку. В качестве примера приведу два из семи основных принципов научного издания древнерусских летописей, которые сформулировал один из наиболее авторитетных современных специалистов в этой области: «При издании летописных текстов недопустимо исправление текста одной летописи по другой, а также подведение вариантов из текста другого летописного памятника <...>. Публикация реконструкции летописного текста возможна только как результат полностью завершенного исследования, с целью закрепления и иллюстрации полученных текстологических выводов, либо может быть предпринята в популярном

⁷³ Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 79 (курсив мой. — И.Д.).

⁷⁴ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1: А — К. СПб., 1893. Стб. 1330.

⁷⁵ СлДрЯ XI–XIV вв. Т. 4: Изживати — моление. М., 1991. С. 302; СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 8: Крада — Лящина. С. 73.

⁷⁶ См.: Эккурс 8. Казус «Слова о полку Игореве».

издании для чтения, не имеющем чисто научного характера»⁷⁷. Эти принципы распространяются не только на летописные источники.

Итак, проблемы, связанные с подлинностью изучаемого текста (установление времени и условий появления, автора, источников, на которые он опирается и т. п.), решаются уже на этапе определения данного текста как исторического источника вообще.

4.4. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКА

Следующим общим требованием, без соблюдения которого, строго говоря, текст не может использоваться в качестве исторического источника, является его *общая характеристика*. Это положение, давно уже ставшее общим местом в теории источниковедения, нуждается в специальном рассмотрении. Дело в том, что оно по-разному понимается исследователями. Обычно «общая характеристика источника» сводится к установлению его подлинности и достоверности. В частности, один из лучших специалистов в области теории источниковедения, Я.С. Лурье формулирует эту проблему так: «При оценке показаний источника решающее значение имеет его общая характеристика — датировка памятника, определение его происхождения, состава, назначения, степени тенденциозности и осведомленности и т.д.»⁷⁸. Однако эти вопросы при ближайшем рассмотрении оказываются за рамками проблемы общей характеристики текста источника как таковой.

Установление времени и условий появления текста, автора, источников, на которые он опирается, и тому подобные проблемы, связанные с подлинностью изучаемого текста, решаются уже на этапе определения данного текста как исторического источника вообще.

Вопрос же о достоверности информации, хоть и опирается на общую характеристику текста, непосредственно из нее не выводится.

Именно с недоопределенностью понятия «общая характеристика источника» было связано замечание А.А. Зимина, возражавшего Я.С. Лурье, который настаивал на необходимости учета общей характеристики источника при оценке отдельных известий: «В недостоверном в целом источнике могут сохраниться и вполне доброкачественные известия. Для проверки степени правдоподобия конкретного известия недостаточно общей харак-

⁷⁷ Бобров А.Г. Принципы издания древнерусских летописей. С. 744.

⁷⁸ Лурье Я.С. О некоторых принципах критики источников // Лурье Я.С. Избранные статьи и письма. СПб., 2011. С. 57.

теристики источника. Нужно учитывать целую совокупность явлений, в которую входят и разбор исторической обстановки самого события, и его характер, и наличие аналогичных событий в сходной ситуации, чтобы сделать окончательный вывод о достоверности сообщения о нем источника»⁷⁹.

При этом не разъясняются два важных вопроса: что такое «недостоверный в целом» источник? и может ли источник быть «достоверным в целом»?

Я.С. Лурье, в принципе, был согласен с такой постановкой вопроса: «Едва ли можно возразить против этих положений. Разбор отдельных показаний источника, проверка их возможности, сопоставление с показаниями других памятников — важнейшие операции при анализе источника. Более того, общая характеристика памятника вообще невозможна без анализа отдельных известий, на основе внешних данных мы можем в лучшем случае судить о подлинности памятника и о времени его написания (и то не всегда), но уже для решения вопроса об осведомленности и степени пристрастия мы обязательно должны обратиться к его содержанию, т.е. к конкретным известиям. Чаще всего анализ известий и исследование памятника идут параллельно и объединяются в окончательном выводе. Но иногда выводы, полученные из этих аналитических операций, приходят в противоречие друг с другом. В этих-то спорных случаях перед исследователем и встает вопрос о соотношении отдельных этапов источниковедческой критики — о том, что именно служит основой для окончательного вывода: анализ конкретного известия или общая характеристика источника»⁸⁰.

Из этого, очевидно, должен следовать единственно возможный вывод: общая характеристика источника и вопрос о достоверности каждого конкретного известия не связаны напрямую. Другими словами, общая характеристика источника не является его оценкой с точки зрения достоверности. Но тогда что же в нее входит?

В полной мере недоразумения в этом вопросе нашли отражение в работе А.Л. Юрганова. Из замечания Я.С. Лурье о том, что анализ известий и изучение памятника чаще всего идут *параллельно*, он сделал вывод, что «общая характеристика источника *складывается* из двух компонентов: истории памятника (его структуры, истории текста и т.д.) и наблюдений над отдельными известиями». Из этого следовало, что «*суммируя свои наблюдения, исследователь тем самым дает общую характеристику источнику*». Такой вывод тем более неожидан, что несколькими страницами раньше сам А.Л. Юрганов общую характеристику отделял от проверки отдельных известий и установления тенденциозности источника, считая их составными

⁷⁹ Зимин А.А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 448.

⁸⁰ Лурье Я.С. О некоторых принципах критики источников. С. 58.

«...этими «предварительного исследования источника как целостного произведения». Мало того, он определял ее как «необходимое начало предварительных процедур по установлению достоверности источника в целом»⁸¹. По-видимому, «сумма» истории текста источника и оценка его информации с точки зрения достоверности, по мнению А.Л. Юрганова, оказывается началом предварительных процедур по установлению себя самой, поскольку (напомним) «при оценке показаний источника решающее значение имеет его общая характеристика»...

Дифференциация понятий *подлинность*, *достоверность* и *общая характеристика* источника позволяет уточнить каждое из них и вместе с тем выяснить, как общая характеристика влияет на оценку конкретных извещений источника, а анализ конкретных сообщений — на общую характеристику источника.

Скорее всего, под общей характеристикой источника следует понимать то, что О.М. Медушевская называла «телеологическим единством», — цель создания источника, поскольку сам источник «является неким изделием с определенной, целенаправленной структурой»⁸². Действительно, цель, с которой создавался тот или иной текст, в решающей степени определяет все основные качества его как исторического источника: полноту и достоверность заключенной в нем ретроспективной информации, ее источники, способ кодировки информации, структуру текста и тому подобные характеристики — то, что принято называть информационными возможностями источника⁸³.

Впрочем, как подчеркивают некоторые исследователи, представление, что всякое произведение имеет конечную цель, — лишь иллюзия, характерная для традиционной истории литературы: на каждом этапе развития текста «могли происходить и другие встречи, и ростки смысла могли произрастать в самых различных направлениях»⁸⁴. Однако это не отрицает наличие исходного замысла текста, который в ходе его бытования мог корректироваться и подчас даже радикально изменяться.

Однако пути установления замысла произведения, его базовой идеи — задача, которая до сих пор изучена явно недостаточно.

⁸¹ Юрганов А.Л. Источниковедение культуры в контексте развития исторической науки // Россия XXI. 2003. № 3 (курсив мой. — И. Д.).

⁸² Медушевская О.М. Метод источниковедения и междисциплинарные аспекты // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. С. 123.

⁸³ Подробнее см.: Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004; ср.: Лихачев Д.С. Назначение Изборника 1076 г. // ТОДРЛ. Т. 44. Л., 1990. С. 179–184.

⁸⁴ Леваян Ж. Письмо и генезис текста // Генетическая практика во Франции: Антология. М., 1999. С. 132.

Можно вспомнить хотя бы споры по поводу того, для чего создавались древнерусские летописи. Ограниченность прежних гипотез по поводу идей, которые могли, по мнению летописцев, объединять летописное повествование, вполне очевидна. Вряд ли может удовлетворить ответ на этот вопрос, данный Д.С. Лихачевым — одним из лучших знатоков древнерусской литературы. С одной стороны, он настаивал на том, что летописец, «механически соединяя в единой хронологической сети под одним годом разнохарактерные и разнокалиберные события, не связанные между собой единой причинно-следственной зависимостью», просто иллюстрировал «суету суety мира сего». По его мнению, «это механическое соединение в годовой статье различных известий подчеркивало провиденциальную точку зрения летописца, его особую “философию истории”, связанную с его церковными представлениями»⁸⁵. С другой стороны, он же утверждал: «Собрав весь доступный ему материал, иногда многочисленный и разнообразный, иногда всего два-три произведения, летописец соединял его в погодном изложении. <...> Работа эта не была механической»⁸⁶. К тому же в других работах Д.С. Лихачев категорически возражал против существования «особой “философии истории”» и глубокой религиозности самого летописца: «Его конкретные исторические представления очень часто выходят за пределы религиозного мышления и носят чисто прагматический характер <...>, провиденциализм <...> не является для него следствием особенностей его мышления»⁸⁷. Мало того, именно в «непоследовательности летописца», по мнению Д.С. Лихачева, и состояла «ценность летописи, так как только благодаря ей в изложение властно вторгаются опыт, непосредственное наблюдение, элементы реализма, политическая злободневность — все то, чем так богата и благодаря чему так ценна русская летопись»⁸⁸. Не помогает и ссылка на «всепроникающий патриотизм содержания» «Повести»⁸⁹ (тем более, что у Д.С. Лихачева «патриотизм» древнерусского летописца XI в. оказывается гораздо ближе представлению о патриотизме историка середины 50-х годов XX в., нежели «патриотизму» современного летописцу гипотетического «эпического певца», «певца-дружинника»). Трудно вычленить патриотическую идею, скажем, в сообщениях о налетах саранчи («В лѣто 6602. ...В се же лѣто придоша пружи на Русьскую землю, мѣсяца августа въ 26, [и] поѣдоша всяку траву и многа жита. И не бѣ сего слы-

⁸⁵ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. С. 321 (курсив мой. — И. Д.).

⁸⁶ Лихачев Д.С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк. С. 293 (курсив мой. — И. Д.).

⁸⁷ Там же. С. 296–297.

⁸⁸ Там же. С. 297; Лихачев Д.С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1980. С. 78.

⁸⁹ Лихачев Д.С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк. С. 297.

зано в дньехъ первых в земли Русьстѣ, яже видѣста очи наши, за грѣхы
 ѡша»; «В лѣто 6603. ...В се же лѣто придоша пружи, [мѣсяца августа] въ 28,
 и покрывша землю, и бѣ видѣти страшно, идяху к полунощнымъ странамъ,
 ѡуща траву и проса») ⁹⁰, или о смерти никогда более не упоминавшейся в
 летописях Малфредди («В лѣто 6508. Преставися Малѣфрѣдъ») ⁹¹.

Даже признание единства всех жизненных противоречий основой
 целостности летописного текста не решает вопроса о замысле «Повести
 временных лет» и следовавших за ней летописных сводов. Между тем
 Д.С. Лихачев так характеризует летопись как самостоятельное произведе-
 ние: «Единство летописи как исторического и литературного произведе-
 ния <...> в цельности и стройности всей большой летописной постройке
 в целом, в единой мысли, которая оживляет всю композицию. Летопись —
 произведение монументального искусства, она мозаична. Рассмотренная
 вблизи, в упор, она производит впечатление случайного набора кусков дра-
 гоценной смальты, но окинутая взором в ее целом, она поражает нас стро-
 гою продуманностью всей композиции, последовательностью повество-
 вания, единством и грандиозностью идеи» ⁹². Образ летописи как мозаики
 давно уже стал хрестоматийным. Однако до сих пор никому не удалось от-
 ветить на простой, казалось бы, вопрос: что представляет собой идея, при-
 сутствие которой превращает внешне пестрый, сложный, неоднородный
 конгломерат «разновременных кусков», «произведений разных жанров»
 (Д.С. Лихачев) в стройную, законченную на каждом этапе своего развития
 конструкцию? Что это за «единая мысль, которая оживляет всю компози-
 цию»? При таком подходе «куски драгоценной смальты» представляются
 по большей части индифферентными («случайный набор») по отношению
 к тому монументальному образу, который они составляют в своей совокуп-
 ности. Между тем они должны иметь общую основу, которая и позволила
 летописцу отобрать для своего труда именно эти, а не другие «куски», и
 включать их в общую композицию именно здесь, а не в другом месте. Идея,
 которая, по словам Д.С. Лихачева, придает цельность и стройность «всей
 большой летописной постройке», должна так или иначе присутствовать
 в каждом фрагменте, из которых составлено мозаичное полотно летопи-
 си. Замысел должен воплотиться во внутренней форме текста источника
 (и если не каждого, — то подавляющего большинства его фрагментов), а та,
 в свою очередь, — в форме внешней ⁹³. Под внутренней формой источника

⁹⁰ Лаврентьевская летопись. Стб. 226, 229.

⁹¹ Лаврентьевская летопись. Стб. 129.

⁹² Лихачев Д.С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк. С. 297; Лиха-
 чев Д.С. Великое наследие. С. 78.

⁹³ Капитанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 14; ср.: Пушкин Л.Н. Классифика-
 ция русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 107–108, 120 и др.

имеется в виду его структура, «построение»⁹⁴ (так, внутренняя форма документальных источников «состоит из комбинаций устойчивых статей»⁹⁵). Под внешней же формой *текста* источника (а не его *списка*, как полагал Л.Н. Пушкарёв) подразумеваются формы выражения содержания (скажем, для актов — формулирование договорных условий, для законов — формулирование законодательных норм, для челобитных — выражение просьбы или требования и т.п.). Поэтому семантический анализ отдельных сюжетов — необходимая стадия работы по установлению основных мотивов, присутствующих в тексте источника (скажем, в «Повести временных лет»). Выявление во внешне не связанных между собою эпизодах «пересекающихся» смыслов, скрытых прежде от взора исследователей, должно помочь в восстановлении целостного понимания произведения.

Не менее показательно уже упоминавшееся определение цели создания *Хожения в Святую землю игумена Даниила* (см. с. 82–83).

Только верно определенная цель создания источника позволяет уяснить, могут ли его сведения использоваться для конкретно-исторической реконструкции интересующего историка события и если да, то как. При этом, следует помнить, что цель создания (замысел) и социальные функции текста могут существенно расходиться.

Очевидно, что определение цели создания исторического источника, его *общая характеристика* самым тесным образом связаны с пониманием текста, его смысла.

4.5. ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА

Как уже отмечалось, наука XVIII и XIX вв. преимущественно исходила из принципа непосредственности отражения исторической реальности в источнике (в том числе письменном). Однако уже к началу XX в. сформировалось представление о более сложном процессе отображения, разделяющем — и соединяющем — реальность и источник. Признание «чужой одушевленности» с неизбежностью повлекло за собой определение исторического источника как «психического продукта», рассмотрение его как результата «человеческого творчества (в широком смысле)»⁹⁶. Это стало своего рода знаком времени. Скажем, практически одновременно (хотя, и в более конкретном виде) аналогичная мысль была высказана А.А. Шах-

⁹⁴ Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 15.

⁹⁵ Каштанов С.М. Русская дипломатика. С. 13.

⁹⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т. Т. 2. М., 2010. С. 38.

матовым, который пришел к выводу, что «рукой летописца водили не отвлеченные представления об истине, а мирские страсти и политические интересы»⁹⁷.

В связи с изменением задач, которые призвана решать историческая наука, углублением понимания исторического источника как специфического носителя информации о прошлом, а также — начиная с работ А.С. Лаппо-Данилевского и И.И. Лапшина, развивших идеи В. Дильтея о «чужой одушевленности», — признанием существования в исторической науке проблемы «Другого», или «чужого Я», внимание исследователей рано или поздно (но неизбежно) должно было переместиться на изучение истории духовной жизни. Причем оно предполагало не столько объяснение процессов, происходивших в истории культуры, сколько понимание чужой культуры. Однако бурные социальные и политические процессы, связанные с установлением советской власти и, как следствие, жесткого идеологического (а отсюда — и методологического, поскольку методология, по существу, была подменена идеологией) прессинга в России, надолго затормозили этот процесс в нашей стране. Советские историки — вольно или невольно — сосредоточили свое внимание на проблематике экономической, социальной и политической (в том ее виде, как она понималась в рамках официального марксистско-ленинского учения). Даже в специальных трудах, посвященных истории культуры, основное место отводилось материальной культуре (точнее, истории быта). Изучение же собственно духовных процессов носило явно подчиненный характер. Характерным примером в этом отношении является коллективная монография по истории культуры древней Руси⁹⁸, в предисловии к которой специально подчеркивалось: «В отличие от предшествующих попыток дать “очерки истории русской культуры”, неизменно ограничивавшихся узким кругом вопросов и освещавших лишь некоторые, преимущественно надстроечные стороны культуры, “История культуры древней Руси” дает систематическое освещение всех сторон как материальной, так и духовной культуры — от сельского хозяйства и ремесла до изобразительного искусства и музыки»⁹⁹. При этом история того, что авторы монографии именовали духовной культурой, ограничивалась преимущественно перечислением и внешним описанием конкретных памятников. Работы, подобные исследованиям О.М. Фрей-

⁹⁷ Шахматов А.А. Повесть временных лет // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003. С. 538.

⁹⁸ История культуры древней Руси: Домонгольский период / под общ. ред. Б.Д. Грекова и М.И. Артамонова. Т. 1: Материальная культура. Т. 2: Общественный строй и духовная культура. М.; Л., 1948–1951.

⁹⁹ Там же. Т. 1. С. 5.

денберг¹⁰⁰, Б.А. Романова¹⁰¹ и М.М. Бахтина¹⁰², на много десятилетий опередившие свое время и определившие будущие магистральные направления развития гуманитаристики, выглядят на этом фоне редким исключением. Закономерно, что у этих книг — совершенно выбивавшихся из общего ряда — по словам В.М. Панеяха (сказанным о труде Б.А. Романова, но в целом справедливым и по отношению к другим работам такого рода), «путь к читателю был труден, а официальная наука тоталитарного режима встретила ее как посягательство на свои, казалось бы, незыблемые основы ожесточенной травлей и поношением, правда, не сразу, а спустя год после ее издания»¹⁰³ и, добавим, через восемь лет после того как книга была написана. Знаменитой книге М.М. Бахтина повезло еще меньше: оконченная почти одновременно с работой Б.А. Романова (в 1940 г.), она была опубликована на 18 лет позже. Впрочем, это уберегло ее автора от разгромной критики.

Близкие процессы в изучении духовной культуры происходили — причем, следует отметить, с гораздо большей интенсивностью — и за пределами нашей страны. Самым ярким и известным событием мировой историографии стало зарождение во Франции в период между двумя мировыми войнами «новой исторической науки», связанной с именами Марка Блока и Люсьена Февра. Исходная посылка М. Блока — что глубинная природа социальных процессов кроется в их ментальном характере — положила начало разработке исторической антропологии. Переключение внимания на сферу идеального позволило основоположникам «новой исторической науки» существенно расширить репертуар сведений, которые они извлекали из источников для своих исторических конструкций. Изменив отношение к тому, что можно считать достоверным в сообщениях исторических источников, они позволили «сделать предмет исторического исследования то, что прежде относили к области анекдотов»¹⁰⁴. Исторические исследования теперь могли опираться даже на «простые дипломатические формулы» и «пустопорожние размышления», донесенные источниками до нашего времени. Мало того, был сделан вывод, что «историк <...> обязан отнестись к этим пустопорожним рассуждениям как можно более внимательно»: «несмотря на внешнюю незначительность, они проливают свет на

¹⁰⁰ Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936.

¹⁰¹ Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси: Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. Л., 1947.

¹⁰² Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

¹⁰³ Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 213.

¹⁰⁴ Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998. С. 83.

вещи чрезвычайно глубокие». Имелось в виду, что «подобные заявления, предназначенные для широкой публики, неизбежно отвечают особенностям коллективного сознания» своего времени¹⁰⁵. Разрабатывая системы новых вопросов, которые могли быть заданы уже известным источникам, представители историко-антропологического направления увидели многие из них с принципиально иных, нежели прежние поколения историков, точек зрения¹⁰⁶.

При этом, однако, отношение к самому источнику изменилось мало. Он по-прежнему (по большей части, неосознанно) продолжал рассматриваться как пассивное хранилище исторической информации. Стратегической целью исторического познания провозглашалось «не <...> открытие каких-либо универсальных законов и повторяющихся моделей, но <...> выявление индивидуального и неповторимого»¹⁰⁷ (т.е. то, что с конца XIX в. принято называть *идиографией*), ориентация «не столько на генерализацию, сколько на индивидуализацию»¹⁰⁸. Этот принцип настолько глубоко был принят так называемой Школой «Анналов», что сами ее представители неоднократно заявляли о сугубо индивидуальном характере применяемых ими методов и отсутствии единого кредо, объединяющего их. В этом — вместе с развитием полидисциплинарных исследований, — помимо всего прочего, виделся важный инструмент «преодоления закостенелых навыков позитивизма и поисков выходов из тупиков, созданных раздробленностью наук о человеке»¹⁰⁹. Однако развитие такого направления продолжило традицию, которая расценивалась как одно из проявлений кризиса позитивистской истории: нарастание атомизации исторического знания, развитие «эрудитских» исследований. Р.Дж. Коллингвуд писал по этому поводу: «Наследство позитивизма в современной историографии, если брать фактографическую сторону, состоит <...> в комбинации беспрецедентного мастерства в решении маломасштабных проблем с беспрецедентной беспомощностью в решении проблем крупномасштабных»¹¹⁰. Одно из проявлений этого процесса виделось в зарождении в рамках исторической антропологии и росте популярности так называемой *микроистории*, которая, по замечанию М.Ф. Румянцевой, «зачастую остается в рамках “казуса”, несмотря на программные заявления этого направления»¹¹¹.

¹⁰⁵ Блок М. Короли-чудотворцы. С. 81.

¹⁰⁶ Подробнее см.: Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.

¹⁰⁷ Гуревич А.Я. Марк Блок и историческая антропология: Послесловие // Блок М. Короли-чудотворцы. С. 671.

¹⁰⁸ Там же. С. 677.

¹⁰⁹ Там же. С. 675.

¹¹⁰ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 127.

¹¹¹ Румянцева М.Ф. Теория истории: учеб. пособие. М., 2002.

Одновременно стали зарождаться и иные течения исторической мысли, которые, стремясь понять (а не объяснить) исторический процесс, не столько изменяли отношение к ретроспективной информации, сколько сменили точку зрения на ее носители. Решающую роль для этих направлений играло изучение системы отношений: «исторический источник — историк». Базовые позиции таких подходов были сформулированы А.С. Лаппо-Данилевским. В качестве главной задачи он провозгласил установление принципов и методов, «на основании которых историк считает себя вправе утверждать, что факт, известный ему из данных источников, действительно существовал; <...> что именно источники дают для нашего знания об исторической действительности и в какой мере оно доступно нам при данных условиях», критериев, «на основании которых историк считает себя вправе утверждать, что факт, известный ему из данных источников, действительно произошел в настоящем или в прошлом развитии человечества; опираясь на них, он с такой точки зрения изучает объективно-данные источники исторического знания; специальные методы, при помощи которых историк исследует источники, складываются в зависимости от указанной точки зрения и применительно к тем свойствам, которые он приписывает им»¹¹². В рамках этой парадигмы — независимо от того, признавалось ли это советскими историками, — развивалось отечественное источниковедение в XX в.: по определению А.А. Зимина, от источниковедения факта — через источниковедение системы фактов — к источниковедению как своеобразной системе систем (логических, лингвистических, историко-правовых и т.п.)¹¹³.

По мнению А.С. Лаппо-Данилевского, как особая научная дисциплина методология источниковедения началась с того момента, когда «великий представитель религиозного идеализма» Ф. Шлейермахер отделил *герменевтику* (правильное понимание текста, искусство понимать чужую речь) от *критики* (критической оценки свидетельств источника)¹¹⁴. В соответствии с этим делением «Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского включает две главы, посвященные исторической интерпретации исторических источников и их исторической критике. Характерно, однако, что если раздел исторической критики в целом терминологически совпадает с делением, предложенным Шлейермахером, то терминов *герменевтика* и *истолкование* (видимо, в его понимании, тождественных, что следует из высказывания: «В учении о *герменевтике*, т.е. об “искусстве понимать чужую речь”, автор [Шлейермахер. — И. Д.] различает “грамматическое” *истолкование* от “психологического” <...>»¹¹⁵) А.С. Лаппо-Данилевский тщательно

¹¹² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Т. 2. С. 9, 22.

¹¹³ Зимин А.А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси. С. 429–436.

¹¹⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Т. 2. С. 23–26.

¹¹⁵ Там же. С. 25 (курсив мой. — И. Д.).

избегает, систематически заменяя их словом *интерпретация*. Такая замена, судя по всему, не случайна.

Исследователь подчеркивает, что интерпретация «обыкновенно возникает применительно к тем сложным объектам, психическое значение которых не дано в чувственном восприятии наблюдателя, а конструируется им, и сознательно прилагается при какой-либо задержке или сомнении в их понимании; интерпретация вызывается, например, двусмысленностью или недостаточностью целого источника или его частей, форм и выражений, изтишним его многообразием или многословием, употреблением деталей, слов или терминов, сразу не поддающихся пониманию, и т.п.; она также нужна во всех тех случаях, когда источник вызывает разноречивое понимание, что особенно заметно в спорах сторон, обуславливающих возникновение юридической интерпретации того акта, который укрепляет их сделку»¹¹⁶.

Другими словами, по мнению А.С. Лаппо-Данилевского, специальная процедура интерпретации не всегда необходима. В некоторых случаях, «благодаря своему историческому чутью, историк может постигать значение даже нового для него исторического источника инстинктивно: не прибегая к сознательному и систематическому употреблению вышеуказанных принципов и методов, он сразу подыскивает соответствующее психическое содержание тому материальному образу, который он имеет перед глазами»¹¹⁷. Предпосылкой и основой такой — интуитивной — интерпретации было представление ученого «о существовании “чужого я” и его одушевленности, единообразной с его собственной»¹¹⁸. Видимо, поэтому центральное место в теоретических разработках А.С. Лаппо-Данилевского и его последователей заняла именно проблема критики исторических источников, в то время как вопросы интерпретации текстов явно отступили на второе место. Во всяком случае, в фундаментальном труде А.С. Лаппо-Данилевского их анализу посвящено почти втрое меньше места, нежели проблемам исторической критики источников. На эту особенность теории А.С. Лаппо-Данилевского в свое время обратил внимание Г.Г. Шпет. Говоря о конкретных методах интерпретации, предложенных автором «Методологии истории», он отмечал: «Они направляются не на содержание памятника, а на условия его появления». Из этого, по мнению Г.Г. Шпета, следовал вывод: «В целом теперь одно из двух: или основным типом интерпретации является психологическая интерпретация, которая и заменяет собой историческую, тогда раскрытие условий появления памятника с помощью перечисленных методов [технического, типологического и индивидуализирующего. — И. Д.] есть

¹¹⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Т. 2. С. 66.

¹¹⁷ Там же. С. 69.

¹¹⁸ Там же. С. 67 (курсив мой. — И. Д.).

именно подготовительная работа, после которой источник читается и понимается сам собою, или психологическая интерпретация, вопреки Лаппо-Данилевскому, оказывается не основной, а подготовительной, и тогда, может быть, в остальных трех «методах» мы должны иметь дело не только с раскрытием условий этого памятника, а действительно с *исторической интерпретацией*»¹¹⁹.

Завершая рассмотрение проблем исторической критики источников, автор «Методологии истории» подробно остановился также на вопросах «критико-генетического изучения достоверных и недостоверных показаний источника». Основное внимание здесь было уделено выявлению критериев достоверности, исходя из обстоятельств появления показаний источника. В начале раздела, посвященного этим вопросам, А.С. Лаппо-Данилевский обращает внимание на то, что «следует различать <...> генезис свидетельского показания от генезиса известия или того предания, в состав которого оно входит». При этом «генезис свидетельского показания получает особенно важное значение и для выяснения достоверности зависящего от него известия или предания, хотя, разумеется, недостоверность такого показания также отражается в его передаче; генезис известия или предания, напротив, имеет интерес для выяснения не столько достоверности, сколько недостоверности, возникающей при передаче показания»¹²⁰. Тем самым приоритет в источниковедческом исследовании отдавался проблемам происхождения самих свидетельств источника, в то время как проблеме генезиса сохранивших его текстов отводилось подчиненное место.

«Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского на целый век вперед определила основные тенденции развития отечественной методологии источниковедения. При этом важно подчеркнуть: как сильные, так и слабые стороны данного труда в значительной степени обуславливались исходными позициями его автора, в частности, восходящими к В. Дильтею представлениями о принципиальном тождестве психологических механизмов самого исследователя и человека прошлого.

Между тем уже в первые десятилетия XX в. психологи, этнографы и антропологи (прежде всего Л. Леви-Брюль, а также его последователи и даже часть критиков), развивая мысль В. Дильтея о том, что «элементы чужой душевной жизни, разнящиеся от нашей собственной не только количественно <...>, не могут быть восполнены нами»¹²¹, пришли к выводу: «психологические механизмы мышления и поведение <...> человека

¹¹⁹ Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст-1991. М., 1991. С. 246.

¹²⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Т. 2. С. 293.

¹²¹ Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996. С. 98.

представляют собой <...> исторически изменчивую величину»¹²². Причем изменения эти не сводятся к простому накоплению единиц мышления. Речь идет о качественном преобразовании самих мыслительных процессов, трансформации логических ходов, представляющихся нормальными. В частности, была сформулирована гипотеза о том, что индивидуальное мышление, здравый смысл по мере развития общества постепенно освобождается от коллективных представлений, другими словами, мышление индивидуализируется. При этом коллективные представления на ранних этапах развития общества существенно отличаются от современных идей и понятий и не могут отождествляться с ними. Для предшествующих обществ характерна «вера в силы, влияния, действия, неприметные, неосязаемые для чувств, но тем не менее реальные»¹²³. Такая вера может не иметь с современной точки зрения логических оснований, но в своем времени ощущаться вполне естественной и непротиворечивой.

Как известно, с конца 50-х годов прошлого века эта теория подвергалась довольно жесткой критике. Пытаясь доказать логичность того, что Леви-Брюль назвал *пралогическим мышлением*, его оппонент — и последователь — К. Леви-Стросс отмечал: «Интуиция, как таковая, вероятно, побуждает объединять в одну группу лук, чеснок, капусту, репу, редис и горчицу, хотя ботаника отделяет лилейные от крестоцветных. Удостоверяя свидетельства органов чувств, химия доказывает, что эти совершенно разные семейства могут быть объединены в другом плане: они содержат серу»¹²⁴.

При этом, однако, оставалось непонятным, как химия может «удостоверять свидетельства органов чувств»? Можно ли доказать: именно содержание серы — а не какой-либо другой «рациональный», «логичный» признак — явилось основой для объединения столь разных (на взгляд современной ботаники) растений в одну группу? Все ли растения, содержащие серу и известные данному сообществу, попали в эту группу? Быть может, есть еще какие-то признаки, которые могли бы стать основой для объединения этих растений в одну группу (скажем, их запах, цвет, вкус, форма — листьев, цветов, стеблей, корней, плодов; время появления первых листьев весной или, напротив, время увядания осенью, влияние отвара из них на те или иные органы или функции человека и т.д. и т.п.)? Перечень подобных оснований можно продолжать и продолжать, хотя никто не знает, насколько наши представления о допустимых в этом случае признаках совпадают с представлениями изучаемой группы (сообщества) людей, как и то, явля-

¹²² Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1993. С. 70.

¹²³ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С. 8.

¹²⁴ Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 122 (курсив мой. — И. Д.).

ются ли те или иные признаки релевантными для данного сообщества вообще.

Поскольку интуитивные прозрения плохо поддаются вербализации (и вообще формализации), возникает вполне естественный вопрос: можно ли найти надежный — верифицируемый — способ такого доказательства? Даже полный перебор всех возможных признаков, которые могли стать основанием для выделения, скажем, приведенного класса растений, вряд ли позволит понять логику тех, кто его провел. Этот перечень будем составлять мы, а не те, кто выделил данную группу объектов. И где есть (да и есть ли вообще) гарантии, что он будет так или иначе отвечать их перечню потенциальных оснований классификации? К тому же известно, что на определенной стадии развития человеческое сообщество не нуждается в вербальном оформлении собственных (даже самых элементарных) «технологических» процессов¹²⁵. Нельзя к тому же не учитывать, что свои выводы Леви-Стросс основывал на непосредственном общении с носителями описываемой им логики. Между тем ее история была ничуть не менее продолжительной и богатой (хотя, быть может, и менее формализованной), нежели та логика, которой пользовался исследователь, а потому не может дать вполне адекватного представления о логике (точнее, логиках) людей других исторических эпох.

Да и сам К. Леви-Стросс последовательно различает познание с помощью искусства, магии и науки, подчеркивая: «Мы лишились бы всякого средства для понимания магического мышления, если бы стремились свести его к какому-либо моменту или этапу технической и научной эволюции». При этом он считает, что суть их различия кроется не в самих логических операциях, а в тех явлениях, которые с их помощью познаются. «Вместо того чтобы противопоставлять магию и науку, — писал он, — стоило бы расположить их параллельно, как два способа познания, не равных по теоретическим и практическим результатам (ибо при таком подходе верно, что наука достигает больших успехов, чем магия, хотя магия предуготовливает науку в том смысле, что и она иной раз преуспевает), но не роду ментальных операций, которыми обе они располагают и которые отличны не столько по своему характеру, сколько по типу явлений, к каковым они прилагаются». И далее: «Существует два способа научного мышления, являющиеся функциями (конечно, не неравных стадий развития человеческого разума) двух разных стратегических уровней, на которых природа подвергается атаке со стороны научного познания, один приблизительно прилажен к восприятию и воображению, другой расторможен, как если бы необходимые связи, составляющие предмет всякой науки <...>, могли

¹²⁵ Подробнее см.: Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977. С. 231 и др.

достигаться двумя различными путями — весьма близким к чувственной интуиции и другим, более отдаленным от нее»¹²⁶.

В любом случае — чтобы доказать или, напротив, опровергнуть тождество мыслительных процессов, их логики, механизмов и исходных представлений у современного человека и у людей прошлого, — необходимо вступить с ними в диалог. Но историк, как правило, имеет дело с давно ушедшими представителями рода человеческого. Единственная реальность, с которой он может общаться непосредственно, — тексты, в которых, в частности, отобразились особенности мировосприятия их авторов.

Различия с современным мышлением (как в исходных посылках, так и в логических ходах) прослеживаются и у авторов источников (в том числе древнерусских). Язык их в большинстве случаев явно нетерминологичен, хотя и позволяет типологизировать описываемое. При этом способы обобщения в таких описаниях порой принципиально отличаются от тех механизмов и форм анализа происходящего и присваивания его составным частям «правильных» имен, с которыми историк сталкивается в современных, привычных ему текстах.

Следует всегда помнить о том, что не только наш образ мира принципиально отличается от образа мира автора изучаемого исторического источника, но и способы описания их различны. Понимание этого неизбежно ставит проблему соотнесения как самих картин мира, так и того, каким образом, в каких языках культуры они кодируются в источнике. Большая подчиненность индивидуальных представлений его создателей и самого текста коллективным ментальным установкам заставляет в качестве первоочередной, вспомогательной задачи понимания ставить проблему воссоздания «жизненного мира» автора исторического источника в современных нам категориях и понятиях. Такая реконструкция неизбежно предшествует попыткам понять текст источника, а тем более — описаниям исторической реальности, стоящей за ним. Ввиду расхождения понятийно-категориального аппарата, в котором мы фиксируем наши представления о внешнем и внутреннем мире, с теми представлениями, которые бытовали порой несколько столетий назад, воссоздаваемый образ мира автора исследуемого текста может описываться историком лишь метафорически, на конвенциональном уровне. Само описание, опирающееся на двойную рефлексию, будет лишь более или менее приближенным образом, в чем-то обязательно упрощенной моделью, и никогда не сольется с миром изучаемой культуры прошлого.

Все это тем более важно учитывать, что и по сей день в исторической науке достаточно сильны позиции *ассоцианизма* (или *ассоциацианизма*).

¹²⁶ Леви-Стросс К. Неприрученная мысль. С. 124, 125.

Сторонники этого направления вслед за Э. Тайлором и Г. Спенсером полагают: «Законы человеческого духа <...> во все времена и на всем земном шаре одни и те же», «механизм умственной деятельности, самая структура процессов мышления и поведения, не отличается у примитива и культурного человека, и все своеобразие поведения и мышления примитива по сравнению с культурным человеком может быть, согласно этой теории, понято и объяснено из тех условий, в которых живет и мыслит дикарь», а потому «основным законом психологии является закон ассоциации, т.е. связи, устанавливаемой между элементами нашего опыта на основе их смежности или сходства»¹²⁷. Поэтому многие исследователи продолжают пытаться заставить автора источника говорить на незнакомом ему — но зато понятном самому ученому — языке. Из-за такого подхода они теряют (чаще всего просто не замечают) ту информацию, которая им представляется несущественной — чем-то вроде своеобразных орнаментальных заставок или архитектурных излишеств (скажем, большинство ученых, изучающих средневековые и древнерусские источники, таковой считают «церковную риторiku»).

Д.С. Лихачев, чьи труды по праву в значительной мере определяют развитие современного источниковедения Древней Руси, сводил все различия в мышлении древнерусских книжников и современных исследователей лишь к «средневековому “этикету” писательского ремесла», а потому даже «отвлеченные построения христианской мысли», которые встречаются, скажем, в летописных сводах, нельзя толком использовать для изучения мировоззрения автора той или иной записи. Ведь «свой провиденциализм летописец в значительной мере получает в готовом виде, а не доходит до него сам»¹²⁸. Близкую мысль развивал один из лучших специалистов в области теории источниковедения, Я.С. Лурье, прямо писавший о древнерусских авторах: «Их понятийный аппарат, судя по всем источникам, принципиально не отличался от нашего <...>. Исследователь, который предполагал бы существование у людей прошлого “особого мышления”, в сущности закрыл бы для себя возможность понимания сочинений средневековых авторов: ведь сам такой исследователь живет в наше время»¹²⁹. Другими словами, по мнению исследователей, практикующих такой подход, признание принципиальных различий в мышлении современного исследователя и автора изучаемого текста является непреодолимым препятствием для понимания источника вообще. При таких установках совершенно естественно выглядит, то, что, скажем, рассматривая вопрос о неудаче «немецких» про-

¹²⁷ Выготский Л.С. Примитивный человек и его поведение // Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. С. 69.

¹²⁸ Лихачев Д.С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк. С. 297.

¹²⁹ Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 16–17.

поведников на Руси, Г.А. Хабургаев приводит рассказ «Повести временных лет» под 955 г. «с купюрами, касающимися цитат из Библии»¹³⁰. Точно так же поступают и большинство историков, занимающихся историей Древней Руси. Отбрасывая «церковную риторику», они тем самым отказываются рассматривать значительный пласт важной ретроспективной информации, которую сохранили и донесли до нашего времени источники.

Главное, однако, в другом. В результате подобного подхода исследователь порой не вполне адекватно воспринимает даже ту информацию, которую берет из исторического источника. Понимание довольно сложного и многоуровневого текста сплошь и рядом сводится исключительно к буквальным значениям. Сам текст адаптируется (часто — в виде научного перевода или реконструкции) к возможностям понимания современного исследователя. При этом историк попадает подчас в чрезвычайно сложное положение, когда препарированная таким образом информация оказывается явно недостаточной для сколько-нибудь однозначных выводов.

Так, В.К. Зиборов, сетуя на сложность изучения раннего русского летописания, отмечает, что заниматься им «не просто трудно, а чрезвычайно трудно: столь многовариантными и несхожими получаются решения у разных исследователей. Например, некоторые историки считают поход Кия на Царьград действительным фактом, другие же относят его к легендам, а третьи рассматривают его как результат неверного умозаключения одного из летописцев конца XI в.»¹³¹

Выход из подобных кризисных ситуаций был намечен (но, к сожалению, не разработан) еще А.С. Лаппо-Данилевским. С одной стороны, помочь решить указанные проблемы может изучение генезиса самого известия, поставившего в тупик исследователя. Причем речь в данном случае должна идти не только (а может быть, и не столько) об установлении, когда и как в исходное (в целом достоверное, по мнению А.С. Лаппо-Данилевского) свидетельство вкралась недостоверная информация, сколько о выявлении того, на каких ценностных и логических основаниях и как оно формировалось и изменялось в целом. С другой — решение может крыться в поисках новых способов интерпретации текста источника, опирающихся преимущественно не на установки, присущие современному историографическому дискурсу, а на «картину мира» и представления самого автора (или авторов) источника, т.е. на то, что Ф. Шлейермахер называл собственно герменевтикой.

Все это, однако, не отвечает на вопрос: какова роль текстологии в том, что называется общей характеристикой источника.

¹³⁰ Хабургаев Г.А. Первые столетия славянской письменной культуры: Истоки древнерусской письменности. М., 1994. С. 148.

¹³¹ Зиборов В.К. О летописи Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995. С. 22.

ИСТОРИЯ ТЕКСТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

5.1. СЛИЧЕНИЕ ТЕКСТОВ СПИСКОВ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Основным приемом текстологического анализа, если в распоряжении историка есть два или несколько списков исторического источника, является сличение их текстов.

Д.С. Лихачев называет этап сравнения списков самым трудоемким и самым важным в работе текстолога: в ходе его должны быть сопоставлены тексты всех известных списков исторического источника. Особенно сложно сравнивать большие по объему тексты. Но самые большие трудности возникают, если историк располагает большим количеством списков. Тогда возникает вопрос: как сопоставить *все* списки между собой? Единственный возможный путь — «подведение разночтений к одному из текстов по всем остальным»¹. Другими словами, необходимо все списки сравнить с одним из них. При этом самым важным является выбор списка, по которому будет проводиться сличение.

В случае, если тексты списков расходятся незначительно («варианты, главным образом, стилистического и орфографического характера, хотя в некоторых списках встречаются вставки и пропуски фраз и эпизодов»²), за основу сличения рекомендуется брать так называемый *типичный* список, содержащий текст, совпадающий с текстами большинства списков исторического источника³. При этом из всех списков, содержащих типичный текст (если таковые есть), выбирается самый ранний: «полагая в основу <...> старший список с типичным (даже не самым типичным) текстом,

---

¹ Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X-XVII вв. СПб., 2001. С. 174.

² Бугославский С.А. Несколько замечаний к теории и практике критики текста. Чернигов, 1913. С. 1.

³ Там же. С. 2; Лихачев Д.С. Текстология. С. 175–176.

мы не рискуем сделать большой ошибки»⁴. Вообще, список, содержащий типичный текст, по мнению С.А. Бугославского, должен отвечать следующим требованиям: «1) он должен быть самым исправным из списков, передающих типичный текст, т.е. должен иметь мало механических ошибок письма, мало черт фонетики и морфологии последнего; 2) он должен быть старшим из исправных типичных списков; 3) он должен, по возможности, быть близким к старшему тексту»⁵. Естественно, выбор такого списка предполагает предварительное прочтение текстов всех списков. Как отмечает Д.С. Лихачев, «текстолог обязан здесь обладать огромным опытом, памятью и знанием текста»⁶.

Типичный текст не обязательно должен быть самым ранним. С.А. Бугославский объяснял: «Предпочтительнее, нам кажется, полагать в основу текстологического сравнения. — И. Д.] вторичный типичный текст, чем более древний текст, в который внесено много изменений. Полагая последний в основу <...>, мы должны были бы подвести к нему слишком большое число вариантов остальных списков, что затруднило бы и усложнило анализ этих вариантов»⁷. С этой рекомендацией соглашается Д.С. Лихачев, который в то же время отмечает: «Для предварительного изучения текстов мы можем класть в основу подведения разночтений л ю б о й т е к с т: древний или новый, плохой или хороший, типичный или индивидуальный <...>. Как бы ни располагались тексты, куда бы ни попал текст — в основной текст или в разночтения, — во всех этих случаях подведение разночтений к л ю б о м у тексту памятника дает исследователю исходный материал для изучения текстов, для их сравнения»⁸.

Все эти рекомендации тем более справедливы, что окончательные выводы о старшинстве текстов, о разделении списков на редакции и изводы можно сделать лишь после завершения их текстуальной сверки. «Вопрос же о типичном тексте, — подчеркивает С.А. Бугославский, — может быть решен даже после первого чтения списков»⁹.

Использование инструментов, предоставляемых программой Microsoft Word, существенно облегчает техническую сторону сверки текстов списков источников. Сличение удобнее всего производить в таблице. В левую колонку вставляется текст типичного списка. В последующие колонки вставляются тексты сравниваемых с ним списков. Поскольку списки сравниваются попарно, каждый следующий список изначально лучше вставлять

⁴ Бугославский С.А. Несколько замечаний к теории и практике критики текста. С. 3.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Лихачев Д.С. Текстология. С. 176.

⁷ Бугославский С.А. Несколько замечаний к теории и практике критики текста. С. 2–3.

⁸ Лихачев Д.С. Текстология. С. 177.

⁹ Бугославский С.А. Несколько замечаний к теории и практике критики текста. С. 3.

в колонку, расположенную непосредственно рядом с колонкой списка, взятого за основу сличения, поскольку, как показывает опыт, чем дальше друг от друга находятся сопоставляемые тексты, тем труднее их сравнивать. В ячейки верхней строки вписываются условные названия списков. Совпадающие фрагменты располагаются в ячейках одной строки. Для индивидуальных чтений выделяются отдельные строки. Расположение фрагментов сверяемых текстов в ячейки таблицы не позволит им «съезжать» относительно друг друга, что обязательно происходит, если тексты оставить сплошными. Примером такой таблицы может быть сравнение сообщений Воскресенской, Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской I летописей о битве на Калке¹⁰.

Использование функции автоматического сравнения текстов, которым располагает Word, не рекомендуется, поскольку в текстах разных списков практически во всех случаях имеется значительное количество индивидуальных орфографических и морфологических отличий. Существенные для филологов, они далеко не всегда важны историкам.

«Когда все разночтения подведены и изучены, — рекомендует Д.С. Лихачев, — вертикальные колонки переставляются в порядке их наибольшей близости к основному тексту. Первым идет список, более всего близкий к основному тексту, затем списки, группирующиеся вместе с этим близким к основному тексту списком. Затем идет следующая группа списков — вторая по близости к основному тексту, и т.д. Иными словами, если есть возможность заранее установить хотя бы приблизительно не только иерархию близости списков к основному тексту, но и разбить внутри редакции списки на группы, то это в разночтениях должно быть непременно сделано. Тогда в окончательном виде разночтений условные обозначения списков будут определенным образом группироваться, и это очень облегчит их дальнейшее изучение исследователем»¹¹. Выполнить эту рекомендацию в таблице Word очень просто. Для этого следует выделить соответствующую колонку и «перетащить» ее в нужное место.

5.2. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ДАТИРОВКА СПИСКОВ

Все разночтения и совпадающие чтения, выявленные при сличении списков источника, фиксируются и систематизируются.

---

¹⁰ Эскурс 9. Казус битвы на Калке.

¹¹ Лихачев Д.С. Текстология. С. 178.

«Подведя разночтения по всем спискам, можно приступить к их анализу. Каковы цели этого анализа, и в чем он заключается?» — задает вопрос Д.С. Лихачев. Отвечает он на него так: «Цель анализа разночтений — установить историю текста, взаимоотношение дошедших списков, их генеалогическое родство». «Современному текстологу анализ разночтений дает наиболее богатый материал для восстановления истории текста произведения, всех этапов его существования. Разночтения — это результат не только “ошибок” переписчиков, но и сознательной деятельности книжников; анализ текста должен поэтому давать материал для характеристики происхождения целых пластов разночтений, связанных с теми или иными этапами истории текста, — пластов, возникших в результате или бессознательных ошибок, или сознательных изменений (в результате идейного изменения текста, стилистической правки, языковой и орфографической правки и т.д.)»¹².

Изучение разночтений включает два этапа. На первом — происходит сопарный анализ разночтений типичного текста с каждым следующим текстом. На втором — анализируются разночтения всех списков в комплексе.

Первый этап анализа дает основания для установления старшинства текстов и, соответственно, относительной датировки текстов списков. Как правило, он начинается с разделения всех разночтений на ненамеренные («механические изменения», как называет их Б.В. Томашевский: описки, ошибки прочтения и «внутреннего диктанта» и т.п.) и намеренные («авторскую сознательную правку»¹³, а также изменения, внесенные переписчиками, составителями или редакторами). Первый вид разночтений, если они имеют систематический характер, позволяет выделить изводы, второй — редакции текста.

Второй этап анализа разночтений позволяет сгруппировать списки по общим чтениям и получить основания для относительной датировки изводов и редакций. Впрочем, как отмечает Д.С. Лихачев, «группируя списки по ошибкам, следует иметь в виду следующее: во-первых, ошибки бессознательные часто повторяются у разных писцов, поэтому нужно обращать внимание не на отдельную ошибку, а на целую группу ошибок; во-вторых, писцы иногда сами правильно определяют ошибку и восстанавливают первоначальное чтение; в-третьих, переписчики пользуются иногда не одним списком, а несколькими, поправляя основной список по другим, производя своеобразное “текстологическое исследование” <...>. Такой характер переписки делает почти невозможной упрощенную классификацию списков по механическим подсчетам разночтений и вынуждает текстолога

¹² Там же. С. 181, 180.

¹³ Томашевский Б.В. Писатель и книга: Очерк текстологии. М.; Л., 1928. С. 130.

стремиться постоянно представлять себе: как, кем и при каких условиях переписывался текст»¹⁴.

Общие правила, которыми следует руководствоваться при анализе разночтений, предложил Д.С. Лихачев (отмечая, правда, что они, «применяемые механически, вне конкретного рассмотрения самого книжника и его работы имеют только относительную ценность»).

1. Более «трудное» чтение признается первичным, более «легкое» — вторичным.

«Действительно, как правило переписчик “облегчает” текст, непонятное для себя делает понятным, модернизирует его. Однако нельзя признать, что это правило действует во всех случаях неукоснительно. Во-первых, необходимо иметь в виду относительность понятий “легкое чтение” и “трудное чтение”. То чтение, которое кажется наиболее легким для нас, могло быть вовсе не легким для древнерусского книжника. Во-вторых, следует иметь в виду, что некоторые книжники из стилистических или каких-либо иных соображений предпочитают иногда как раз труднейшие чтения». Кроме того, некоторые редакторы намеренно архаизировали текст, делая его более «трудным». Однако, как подчеркивает Д.С. Лихачев, в таких случаях «редкому редактору удастся с полной последовательностью провести свою систему <...>, новые формы нет-нет да и “прорвутся” в текст <...>. По этим “ошибкам” в “улучшении” текста обычно и опознается позднейшая рука».

2. Если в тексте обнаружены фактические ошибки, конкретно-исторические и/или стилистические несоответствия и идеологические противоречия, он, как правило, признается вторичным по отношению к тексту, в котором такие ошибки, несоответствия и противоречия отсутствуют.

«Но и это правило не без исключений», — добавляет Д.С. Лихачев: сначала следует доказать, что эти ошибки и несоответствия не мог допустить автор или предшествующий переписчик. При этом необходимо учитывать контекст, в котором обнаружены такие разночтения. «Доказательную силу, — продолжает Д.С. Лихачев, — может иметь только анализ целой группы разночтений при обязательной проверке “от обратного”, т.е. исследователь должен доказать невозможность обратного предположения и свою мысль о более древнем характере того или иного чтения подтверждать всей системой разночтений в целом. Только анализ целой группы однородных разночтений вскрывает идеологическую или стилистическую их направленность и может убедительно подтвердить мысль о том или ином характере данного частного разночтения».

¹⁴ Лихачев Д.С. Текстология. С. 183.

3. Наличие грамматических ошибок выдает вторичность текста по отношению к тексту, в котором таких ошибок нет.

Впрочем, Д.С. Лихачев и в этом случае вносит уточнение: «Контекст и здесь может подсказать, является ли грамматическая ошибка “авторской” или она возникла в результате позднейшего изменения текста. Дело в том, что переделывая текст, древнерусский книжник не всегда точно исправлял формы слов. В результате в тексте оставались следы прежнего, более правильного текста. Основываясь на этих следах, мы можем прийти к заключению, какой текст из двух или нескольких признать первоначальным».

4. «Особенно трудно, — отмечает Д.С. Лихачев, — строить анализ разночтений, когда два или даже несколько разночтений кажутся одинаково приемлемыми. В этих случаях следует особенно внимательно относиться ко всем оттенкам смысла и стремиться елико возможно расширять анализ, привлекая к нему исторические и стилистические данные». В таких ситуациях собственно текстологические приметы, как правило, не позволяют однозначно определить направленность разночтений.

5. «Наконец, самый сложный случай: разночтений нет, все списки дают только одно чтение, но ошибка, несообразность, логическая или историческая неувязка налицо. Можем ли мы ее признать первоначальной? Такие случаи особенно часты, когда произведение или редакция произведения представлены в одном списке или восходят к архетипу, в котором уже содержалась ошибка. Мы можем, конечно, предположить, что древнее чтение данного места этой ошибки или неувязки не содержало, но, чтобы наше предположение было убедительным, необходимо не только указать — какое же чтение следует считать более первоначальным, но и показать, как могла произойти ошибка. В этом последнем случае необходимо бывает привлечь данные психологии ошибок, палеографические данные, данные языка и т.д. Объяснения происхождения ошибочности того или иного текста могут быть иногда самыми неожиданными»¹⁵.

В дополнение к этим правилам существует целый ряд признаков, позволяющих в случае, если в одном списке источника есть какой-то фрагмент, а в другом нет, определить, что это — вставка или пропуск.

1. Отсутствие фрагментов текста на первом или последнем листах списка, скорее всего, говорит о пропуске, вызванном утратами текста на этих листах (поскольку рукописи хранились плашмя, первые и последние листы ветшали раньше других).

2. Если ряд фрагментов, присутствующих в одном списке и отсутствующих в другом, восходит к одному и тому же произведению, речь, скорее всего, идет о вставке. Логично предположить, что исключить все цита-

¹⁵ Там же. С. 184–196.

ты, заимствованные из одного текста, гораздо сложнее, нежели вставить. К тому же трудно себе представить причины, заставившие произвести подобные сокращения, требовавшие невероятных затрат времени и сил. Традиционно в ранних текстах цитаты не маркировались, и для того чтобы их обнаружить, нужно было пофразно сличить оба текста целиком — и тот, из которого были выбраны цитаты, и тот, в который эти цитаты были вставлены. При этом нет гарантий, что какую-то цитату могли пропустить, что было бы свидетельством такого сокращения.

Именно на таком основании А.А. Шахматов предположил, что Новгородская I летопись содержит текст, предшествовавший «Повести временных лет». По его наблюдению, в начальной части Новгородской I летописи нет ни одной цитаты из славянского перевода греческой Хроники Георгия Амартола, в то время как в текстах Лаврентьевской и Ипатьевской редакций они есть¹⁶. Это предположение принято практически всеми литературоведами и историками. Однако текстологический анализ, проведенный Т.Л. Вилкул, показал, что в Новгородской I летописи, так же как в Лаврентьевском и Ипатьевском списках «Повести временных лет», есть цитаты из полного перевода Хроники Георгия Амартола. Зато в двух последних списках не прослеживаются следы «Хронографа по великому изложению», которые обнаруживаются в Новгородской I летописи. Это позволило украинской исследовательнице сделать вывод, прямо противоположный выводу А.А. Шахматова: в начальной части Новгородской I летописи мы имеем текст вторичный по отношению к тексту «Повести временных лет», сохранившемуся в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях¹⁷.

3. Повтор одной и той же фразы, как правило, обрамляет вставку.

Так, А.А. Шахматов обратил внимание на то, что два сообщения «Повести временных лет» — о договоре 945 г. с греками и об убийстве киевского князя Игоря древлянами — начинается с одного и того же заголовка: «В лѣто 6453». Это дало основание для гипотезы о вставке договора в предшествующий текст Начального свода¹⁸.

А.А. Шахматов тут же останавливается на еще одном подобном совпадении. Летописные сообщения о договорах с греками 6420 и 6453 гг. заканчиваются практически совпадающими текстами: «И живяше Ольгъ, миръ имѣя къ всѣмъ странамъ, къняжа Киевѣ. И приспѣ осень» и «Игорь же

¹⁶ Шахматов А.А. О Начальном Киевском летописном своде // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003. С. 63; Шахматов А.А. Киевский Начальный свод 1095 г. // Там же. С. 458;

¹⁷ Вилкул Т.Л. Літопис і хронограф: Студії з текстології домонгольського київського літописання. Київ, 2015.

¹⁸ Шахматов А.А. Киевский Начальный свод 1095 г. С. 430.

нача кѣняжити Кыевъ, миръ имѣя къ всѣмъ странам. И приспѣ осень». «Нас останавливает на себе не столько первая фраза, — замечает исследователь, — ибо ее можно рассматривать как формулу, как переходное к дальнейшему рассказу замечание, сколько вторая фраза: “И приспѣ осень”. Наличие этой второй фразы наводит на мысль, что некогда, а следовательно в своде предшествующем ПВЛ, обе фразы читались один раз, а не два раза, относясь при этом не к Олегу, а к Игорю. Действительно, слова “И приспѣ осень” вполне уместны именно перед сообщением об Игоре-вом походе в Деревскую землю на осеннее полюдье; напротив, им не место перед рассказом о смерти Олега от укуса змеи, не место уже потому, что договор был помечен в Константинополе 2 сентября 6420 г., причем возвращение оттуда Олеговых послов потребовало, конечно, не меньше месяца, что исключало бы возможность вводить следующий за тем рассказ словами “И приспѣ осень”. Но если слова, читающиеся за договором 6420 г., с одной стороны, и слова, читающиеся за договором 6453 г. — с другой, возводятся к таким словам основного свода: “Игорь же нача кѣняжити Кыевъ, миръ имѣя къ всѣмъ странам. И приспѣ осень”, то вероятным становится, что эти слова раздвоились в силу именно того, что между ними попал ряд статей, отсутствовавших в основном своде, — иначе: вероятным становится, что весь текст ПВЛ, читающийся после договора 6420 г. вплоть до рассказа о походе Игоря за данью в Деревскую землю в 6453 г., вставлен в нее ее составителем из других подсобных источников и не может быть возведен к ее основному источнику, более первоначальному летописному своду <...>. Таким образом, есть все основания думать, что всех этих статей не было в основном летописном своде»¹⁹.

Аналогичную трактовку находит повтор фразы «и приде Кыеву» до и после длинного отрывка, содержащего сравнение Ольги с царицей Ефиопской и благочестивые размышления. «Это повторение, — отмечает А.А. Шахматов, — как мне кажется, что мы имеем дело со вставкой»²⁰.

Еще один пример. Подобный же признак позволяет предположить, что часть «Легенды об апостоле Андрее» в недатированной части «Повести» также имеет вставной характер. Рассказ о том, как апостол предсказал, что на берегу Днепра будет построен город, которому уготовано великое будущее, открывается и завершается одной и той же фразой (выделена курсивом): «Онѣдрѣю учащу в Синопии и пришедшу ему в Корсунь, увидѣ, яко ис Корсуни близъ устьѣ Днѣпрское, [и] въсхотѣ поити в Римъ, и проиде въ вустѣ Днѣпрское, [и] оттоле *поиде по Днѣпру горѣ*. И по приключая

¹⁹ Там же.

²⁰ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2002. С. 93.

приде и ста под горами на березѣ. [И] заутра въставъ и рече к сущим с нимъ ученикомъ: “Видите ли горы сия? — яко на сихъ горахъ восияеть благодать Божья: имать градъ великъ [быти] и церкви многи Богъ въздвигнути имать”. [И] въшедъ на горы сия, благослови я, [и] постави крестъ, и помоливъся Богу и сълѣзъ съ горы сея, идеже послѣже бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горъ»²¹.

4. Если в тексте имеются ссылки на некое отсутствующее сообщение, вполне можно предположить, что какая-то часть текста была случайно утрачена или намеренно изъята при переписке или редактировании.

Так, анализируя сообщение «Повести временных лет» о посольстве византийского императора к княгине Ольге в Киев, А.А. Шахматов обратил внимание на то, что речь послов и ответ им Ольги «содержат указание на такие обстоятельства, о которых умалчивает предшествующий рассказ: во-первых, послы от имени царя требуют исполнения данного Ольгой обещания прислать ему дары и вспомогательное войско; во-вторых, Ольга в ответе послам, отказываясь от исполнения своего обещания, требует, чтобы царь постоял у нее в Почайне столько времени, сколько она стояла в Суду (гавани Константинопольской)». Однако ни о том, ни о другом прежде не упоминалось. Из этого великий исследователь сделал следующий вывод: «Думаю, что, вписывая эту <...> вставку в статью о крещении Ольги, составитель Начального свода знал то, чего не передал нам, т.е. знал, на что намекает Ольга в своем ответе, и знал о том, что Ольга, получая дары от царя, обещала отдарить его по возвращении своем в Русь. Он мог знать это событие со сказочными подробностями, едва ли не сводившимися по существу своему к продолжительной осаде Ольгой Царьграда, который спасся тем, что греческий царь стал ее восприемником у купели. Подобные легенды известны из позднейших летописцев XIV–XVII вв.»²²

5. Особое внимание надо уделять следам исходного текста, сохранившимся после его переделки. Вставки и пропуски текста часто нарушают логику изложения, а иногда и структуру фразы. Поэтому если один текст имеет такие нарушения, в то время как сравниваемый с ним список дает в этом месте связный рассказ или фразу, первый из них — вторичный. Дополнительным аргументом в этом случае являются грамматика и стилистика текста: «например, если вставка или исключение текста нарушают грамматическую связанность изложения и его стилистическую законченность»²³.

Примером может служить вывод А.А. Шахматова, что рассказ «Повести временных лет» о последней мести Ольги древлянам за убийство князя

²¹ Лаврентьевская летопись. Стб. 7–8.

²² Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 92–93.

²³ Лихачев Д.С. Текстология. С. 200.

Игоря является вставкой: «Под 964 г. мы читаем в Начальном своде между прочим: “И побѣдиша Древляны, и возложиша на нихъ дань тяжку”. Та же фраза находится в ПВЛ, но она разбита вставкою рассказа о третьей и последней мести Ольги; действительно, в Лаврентьевском списке после слов “И побѣдиша Деревляны” читаем: “Деревляне же побѣгоша и затворишася в градѣхъ своихъ” и т.д. до слов: “а прокъ ихъ остави платити дань”; только за этим: “И възложиша на ня дань тяжку”. Что место от “Деревляне же побѣгоша” до “а прокъ ихъ остави платити дань” должно быть признано вставкой, видно как из того, что *възложиша* согласовано не с *остави*, а с *победиша* предшествующего отрывка, где дело идет об Ольге, Святославе и их войске, так и из того, что побежденным древлянам нельзя было бы затвориться “в градѣхъ”, а летописцу незачем было два раза повторять об обложении их данью (“а прокъ ихъ остави платити дань. И возложиша на нихъ дань тяжку”). Отсюда ясно, что в Начальном своде сохранилось первоначальное чтение, а в ПВЛ — распространенное вставкой»²⁴.

6. Причины вставки или исключения текста должны получить непротиворечивое объяснение.

Так, А.А. Шахматов подробно объяснил появление уже рассмотренной нами вставки, между фразами: «И живяше Ольгъ, миръ имѣя къ всѣмъ странамъ, къняжа Киевѣ. *И приспѣ осень*» и «Игорь же нача къняжити Киевѣ, миръ имѣя къ всѣмъ странам. *И приспѣ осень*». «Не может подлежать сомнению, — отмечает исследователь, — что, в сущности, мы имеем перед собой одну фразу, дважды повторенную; ей уместно быть именно перед походом Игоря за данью, ибо дань собиралась осенью (осеннее полюдье). Где же, в каком памятнике читалась эта одна фраза и почему в ПВЛ она удвоилась? Допустив, что фраза эта, и притом в том ее виде, как она читается перед походом Игоря, находилась в Начальном своде, из которого произошла ПВЛ, для нас выяснится и судьба ее в ПВЛ. Во-первых, отмечаем, что удвоение ее в ПВЛ доказывает, что составитель ПВЛ, найдя ее в своем основном источнике и отнеся ее не к Игорю, а к Олегу, обратился уже к иным источникам и вернулся к основному своему источнику только там, где повторил приведенную фразу, оставив ее на этот раз в самом соединении, в каком она находилась в основном источнике. Отсюда следует, что весь текст от слов “и помяну Олегъ конь свой” и до этой второй раз повторенной фразы восходит в ПВЛ не к основному источнику (Начальный свод), а к другим вспомогательным источникам; действительно, это заключение оправдывается при ближайшем рассмотрении соответствующего текста, ибо мы находим здесь: а) народное сказание, несомненно, не извест-

²⁴ Шахматов А.А. Начальный Киевский летописный свод и его источники // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. С. 176–177.

ное составителю Начального свода (о смерти Олега в Киеве от укуса змеи), б) заимствования из Амартола, также не известного составителю Начального свода, в) договор Игоря с греками (Начальный свод не знает ни одного договора)²⁵. Во-вторых, удвоение приведенной фразы путем отнесения ее сначала к Олегу, а потом к Игорю вполне согласно с общим характером рассказов ПВЛ об Игоре и Олеге: ПВЛ пришлось в ряде случаев отнести к Олегу то, что Начальный свод приписывал Игорю, и вообще дать двух князей — Олега и Игоря — вместо одного Игоря и воеводы его Олега...»²⁶

В некоторых случаях такие признаки могут помочь в изучении истории текста даже при наличии единственного списка источника.

Этими правилами, впрочем, не исчерпываются особенности текста, позволяющие установить направленность разночтений, генеалогию списков и редакций. «Невозможно предугадать все случаи, по которым текстолог устанавливает “направленность” разночтений. Текстолог должен быть своеобразным следопытом: по следам работы древнего автора, редактора, переписчика он узнает о нем самом и о характере этой работы <...>. При этом чем обширнее тексты, с которыми имеет дело <...> текстолог, тем легче установить их взаимоотношение, ибо тем больше может оказаться следов от древней редакторской работы <...>, тем больше у текстолога шансов определить правильно и доказательно взаимоотношение текстов, восстановить генеалогическую картину списков и редакций», — подчеркивает Д.С. Лихачев. Существенную роль в решении этого вопроса играет правило контекста: «Только контекст произведения и вся сумма разночтений могут дать представление о движении текста в целом и подтвердить правильность анализа отдельного конкретного разночтения»²⁷.

Множество примеров того, как это делается, находим у А.А. Шахматова. Вот один из них. Анализируя общие чтения Радзивилловской и Лаврентьевской летописей, которые отличались от чтений Ипатьевской и Новгородской I летописей заменами, перестановкой, добавлением слов и т.п., он пришел к следующим выводам: «Все такие чтения я возвожу в Радзивилловской летописи не к Лаврентьевской, а к общему источнику обеих этих летописей — к летописи Переяславской: что Лаврентьевская летопись получила

²⁵ «Фразы “Поча княжити Игорь по Ользѣ”, “И Деревляне затворишася отъ Игоря по Олговѣ смерти”, “Иде Игорь на Деревляны, и побѣдивъ а, и возложи на ня дань болши Олговы”, “а Игорь воеваше на Печенѣги” представляются сочиненными составителем ПВЛ. Статья 6452 г. о несостоявшемся походе Игоря на греков представляется также сочиненною: надо было противопоставить поражению 6649 г. (ставшему известным по Амартолу) последующий успех Игоря, его месть грекам; греки, узнав о движении Игоря, умилоствуют его данью и дарами» [примечание А.А. Шахматова. — И. Д.].

²⁶ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 85–86.

²⁷ Лихачев Д.С. Текстология. С. 196.

эти чтения из Переяславской..., я вывожу из того, что в основном источнике Лаврентьевской — Владимирском своде 1185 г. — содержались несомненно чтения, тождественные с Новгородской 1-й и Ипатьевской, ибо ниже будут приведены доказательства того, что в основании Сильвестровской редакции Повести вр. лет был положен текст, близкий к тому, который дошел до нас в Новгородской 1-й летописи. Радзивилловская летопись могла получить эти чтения как из Лаврентьевской, так и из Переяславской, ибо чтения эти были тождественны в обеих названных летописях; но я предпочитаю признать их источником именно Переяславскую летопись, ввиду того что последняя, как это мы покажем ниже, оказала самое решительное влияние на текст Радзивилловской летописи». Далее ученый привел ряд общих чтений Радзивилловской и Лаврентьевской летописей, которые он возводил к летописи Переяславской, а через нее — к Владимирскому своду начала XIII в. и далее — к летописи Переяславля Южного²⁸.

При этом не следует забывать чрезвычайно важного замечания Д.С. Лихачева: «В текстологической работе внешние признаки являются по большей части “наводящими” Установить какие-либо точные, закономерные соответствия между отдельными внешними (формальными) особенностями текста и его историей чрезвычайно трудно»²⁹.

Следует также помнить, что все выводы текстологии относятся к разночтениям, возникшим по воле редактора текста. Ненамеренные разночтения с трудом поддаются относительной датировке. Разные люди, принимавшие участие в переписке или редактировании источника, могли случайно совершить одну и ту же ошибку или опisku. Кроме того, случайная ошибка позже, при переписке данного текста, могла быть верно исправлена кем-либо из редакторов или писцов. Все это существенно затрудняет или вообще делает невозможным отнесение того или иного случайного разночтения к определенному этапу в истории источника. Текстологические признаки могут помочь в относительной датировке этапов развития текста только в том случае, если все разночтения рассматриваются в целом, в комплексе, с учетом контекста источника.

Тем не менее текстологический анализ довольно редко дает достаточные основания для выяснения временных отношений редакций и списков источника. Обычно он позволяет лишь разделить все имеющиеся списки на группы и редакции. Датировка выделенных редакций и групп прово-

²⁸ Шахматов А.А. Обзорение летописей и летописных сводов XI–XVI вв. // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 2: Обзорение летописей и летописных сводов XI–XVI вв. СПб., 2011. С. 65.

²⁹ Лихачев Д.С. Текстология. С. 234.

дится тогда за рамками текстологии, на основании прямых и косвенных временных признаков.

К вопросу о работе с прямо указанными в источнике датами мы еще вернемся. А пока остановимся на косвенных признаках, позволяющих установить, в какой последовательности возникали списки, редакции и изводы изучаемого текста.

Уточнить собственно текстологические выводы помогают, в частности, данные лингвистики. В письменных источниках исторический процесс отражается посредством языка и в языке. Язык с течением времени изменяется. Он имеет свою историю. В настоящее время лингвистика располагает целым рядом твердо установленных данных, время бытования которых известно. Это дает важный временной материал, который можно использовать для относительной, а иногда и абсолютной датировки списков, редакций и изводов исторических источников³⁰.

Язык — явление сложное и многостороннее. Его эволюция связана прямо и опосредованно с материальной жизнью общества и в конечном счете определяется ею. При этом язык обладает определенной устойчивостью, самостоятельностью по отношению к историческому процессу³¹. Каждый из элементов языка — лексика, фонетика, грамматика — подчиняется своим закономерностям и обладает своим временем развития.

Приведем наиболее важные случаи возможного применения данных истории языка как временных ориентиров.

Чаще и плодотворнее всего в исторических и источниковедческих исследованиях используют в качестве временного признака *лексику* источника. Появление новых слов и их развитие, отмирание слов старых непосредственно вызываются условиями жизни народа. Динамика словарного состава наиболее полно отражает динамику общественной жизни. Время бытования слов может служить важным признаком для датировки текстов³². Развитие лексической системы языка выражается в количественном росте словарного состава, а также в качественных изменениях семантики уже известных слов, преобразований в области словоупотребления. Эти стороны развития словарного состава изучает выделившаяся из лексикологии семасиология, а также ономасиология, в свою очередь отпочковавшаяся от семасиологии.

³⁰ Лихачев Д.С. Текстология. С. 118, 290, 414 и др.; Проништейн А.П. Методика исторического источниковедения. Изд. 2-е, доп. и испр. Ростов н/Д., 1976. С. 192–193, 202–203 и др.

³¹ Проништейн А.П., Коваленко Ю.В., Введенская Л.А. История и лингвистика. Ростов н/Д, 1970. С. 16–28; Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983; Будагов Р.А. Язык — реальность — язык. М., 1983 и др.

³² Черных П.Я. Очерки русской исторической лексикологии: Древнерусский период. М., 1956; Будагов Р.А. История слов и история общества. М., 1971 и мн. др.

Семасиология изучает природу, развитие и закономерности изменения употребления слова, устанавливает, какие значения оно имело. Она может помочь историку хотя бы приблизительно установить, когда был создан текст, в котором данное слово употреблено в том или ином значении³³. Например, текст, в котором встречается слово «переводчик», мог быть написан не ранее начала XVI в., когда оно сменяет старое «толмач».

Кроме того, возникновение новых слов или появление новых значений слов старых свидетельствует о новых событиях, предметах и явлениях в жизни общества. Так, замена в конце XVII — начале XVIII в. ручной чеканки монет чеканкой в монетных станах приводит к исчезновению из русских документов слова «чекан». Вместо него появляется термин «штемпать». Одновременно входит в употребление и слово «монета». Его употребляют как одно из значений старого слова «деньги» — слитки металла определенной формы, веса, пробы и достоинства, являющиеся узаконенным средством обращения³⁴.

Время появления нового слова или нового значения уже известного слова, следовательно, может рассматриваться как верхняя дата возникновения явления, которое оно обозначает.

В отличие от семасиологии, ономасиология изучает развитие и изменение наименований различных понятий во времени. Ономасиология идет, так сказать, от понятия к слову. Она также может помочь историку определить дату написания текста либо установить время появления одной из редакций источника на основании того, какое слово употреблено в нем или заменено новым для обозначения данного понятия. Следовательно, данные ономасиологии могут использоваться и для датировки исторических явлений, приведших к изменению терминологии источника. При этом историки могут широко использовать специальные работы по истории терминологии³⁵.

³³ Звезинцев В.А. Семасиология. М., 1957.

³⁴ Строева Т.В. О причинах изменения значения слова // Вестник ЛГУ. Сер.: История, языка и лит.-ры. 1958. № 8. Вып. 2; Дуров В.А. Терминология монетного производства в конце XVII — начале XVIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. 9. С. 17–22.

³⁵ Левковская К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962. С. 25–40; Василевская Е.А. Терминология местничества и родства // Труды Московского ист.-арх. ин-та. М., 1946. Т. 2; Успенский Н.В. К истории русской терминологии речного судоходства // Ученые записки Рыбинского пед. ин-та. Вып. 2. Рыбинск, 1958; Розен С.А. Очерки по истории русской корабельной терминологии Петровской эпохи. Л., 1960; Волков С.С. Об административной терминологии Московской Руси // Из истории слов и словарей. Л., 1963; Трубачев О.Н. Ремесленная терминология пробирного дела и афинажа в Русском языке XVII в. // Процессы формирования лексики русского литературного языка: От Кантемира до Карамзина / под ред. Ю.С. Сорокина. М.; Л., 1966; Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке: XI–XVII вв. Изд. 2-е, доп. М., 2009; Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975 и мн. др.

При датировке источника на основе лексики для историка наибольший интерес представляют устаревшие слова. Среди них необходимо различать слова-историзмы, исчезнувшие в результате утраты самой реалии, и слова-архаизмы, вытесненные в ходе развития языка другими словами. Слова-архаизмы, в свою очередь, подразделяются на лексические архаизмы (слова, которые устарели в целом) и семантические архаизмы (слова, которые ныне употребляются в ином значении).

Смысл слов, вышедших из употребления, забывался. Встречая в письменном памятнике незнакомое, непонятное слово, читатель, переписчик или редактор стремился найти ему аналог в современном языке, перевести, заменить его понятным словом. Так, в распространенной, проложной и минейной редакциях «Жития князя Михаила Черниговского» встречается слово «коць» (название княжеской одежды). По прошествии некоторого времени оно вышло из употребления, что потребовало его замены. Поэтому в поздних списках и редакциях появились вместо него вполне понятные редакторам, хотя в большинстве и неверные в данном случае, слова «мечь», «гривна злата», «венец», «конец», «бармы» и т.п.³⁶ Даже в летописных текстах, составители которых, во всяком случае до XVI в., бережно сохраняли тексты своих источников, можно встретить «переводы» устаревших и потому непонятных слов³⁷.

Иногда летописец сохранял слово, вышедшее из обихода, но не мог точно объяснить, что оно означает. Туманные, неясные толкования каких-либо терминов автором источника могут свидетельствовать о том, что слово это перестало употребляться. Отмирание слова может служить косвенным признаком (нижней границей) даты соответствующего этапа в истории создания текста. Возможность привлечения слова для датировки исторического источника зависит от того, на каком этапе развития текста оно было использовано автором или редактором.

Большой интерес для историков представляет динамика терминов, обозначающих социальные группы населения, государственные должности, титулы и т.д., поскольку все они отражают перемены, происходящие в социальной структуре, государственном аппарате и т.д.³⁸ В датировке

³⁶ Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития: Обзор редакций и тексты. М., 1915. С. 125–127.

³⁷ Лихачев Д.С. О летописном периоде русской историографии // Вопросы истории. 1948. № 9. С. 25–28; Лихачев Д.С. Текстология. С. 352–353; Лихачев Д.С. Человек в литературе древней Руси. 3-е изд. М., 2006. С. 9; см. также: Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов. СПб., 2011. С. 87–88, 98, 124 и др.; Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 86 и др.

³⁸ См., например: Дьяконов М.А. Кто был первый великий князь «всей Руси» // Библиограф. 1889. № 1. С. 11–17; Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909. С. 62, примеч. 2;

текстов источников могут помочь также упоминания единиц измерения длины, площади, объема, веса, денежного счета и налогового обложения. Каждому этапу в развитии этих единиц соответствует своя терминология.

В качестве примера можно привести подтверждение датировки XIII в. архивной грамоты новгородца Климента на основе употребления в ней перекрестного счета двумя денежными системами — северной и южной, что характерно для этого столетия³⁹.

Упоминание в источниках метрологической терминологии позволяет, кроме того, привлечь материалы археологии и нумизматики для подтверждения, уточнения или опровержения датировок исторических фактов.

Важные данные о времени составления списка и его протографов может дать история изменений *фонетики и грамматического строя* русского языка. Фонетические изменения в письменных источниках отражаются изменениями орфографии. В отличие от истории лексического состава, процесс развития новых явлений в фонетике и грамматике был более сложным и длительным.

Синтаксический и морфологический строй языка развивается очень медленно. Это, вероятно, является одной из причин чрезвычайно редкого применения данных исторической морфологии и исторического синтаксиса для датировки текстов исторических источников. Между тем учет временных границ этапов развития составных частей слова, форм склонения и спряжения частей речи, а также предложения, словосочетания, их составных частей и грамматических средств выражения синтаксических связей чрезвычайно важен для проверки и уточнения дат исторических источников.

Так, новгородскую берестяную грамоту № 78 А.В. Арциховский предлагал датировать на основе палеографических и стратиграфических наблюдений XII в. Однако морфологический анализ ее языка выявляет ряд черт, характерных для более позднего времени. Поэтому П.С. Кузнецов склонен относить берестяную грамоту № 78 к XIII в.⁴⁰

Анализ поздних списков «Слова о полку Игореве» позволил А.А. Зализняку утверждать, что знаменитое произведение содержит «морфологические и синтаксические черты XI–XII вв.», которые, правда, «облечены

Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918. С. 109; Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М., 1970. С. 14–33, 67–75 и др.; Каштанов С.М. Интитуляция русских княжеских актов X–XIV вв.: Опыт первичной классификации // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 8. Л., 197 и др.

³⁹ Валк С.Н. Начальная история древнерусского частного акта // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937. Вып. 1. С. 309.

⁴⁰ Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1952 г. М., 1954. С. 78–79, табл. 13; Кузнецов П.С. Морфология // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот / под ред. В.И. Боровского. М., 1955. С. 107, 108, 125–126, 134–135, 140.

<...> в “одежду” фонетики и орфографии (в значительной степени также и морфологии) XV–XVI вв.», что, по мнению лингвиста, безусловно свидетельствует о раннем происхождении текста⁴¹.

Иногда для датировки исторического источника могут привлекаться диалектные особенности, временные рамки существования которых установлены. Так, например, «цоканье» (написание Ц вместо Ч) в новгородских рукописях после конца XV в. не встречается⁴².

В определении относительных и абсолютных дат списков могут помочь палеографические признаки: материал письма, внешний вид рукописи, графика, украшения и др. Дата выделки пергамента может быть установлена естественно-научными методами. Время изготовления бумажного листа определяется обычно по филиграням (с точностью до 10 лет), а также на основе изучения структуры бумаги и формата листа. При использовании временных признаков бумаги для датировки источника следует учитывать время, которое прошло между изготовлением бумажного листа и записью на нем текста (средняя залеженность бумаги составляет 5–10 лет)⁴³.

Датировка по почерку должна основываться на самых «молодых» графических признаках. Точность ее, как правило, не превышает нескольких десятков лет. Для датировки перво- и старопечатных книг могут использоваться книжные шрифты. Графика дает нижнюю дату списка⁴⁴.

Вопросы использования орнамента для установления времени появления рукописей и книг хорошо изучены палеографами. Привлечение орнаментики в качестве датирующего признака облегчается различными пособиями и альбомами.

Важную информацию о времени написания источника и его редакций могут содержать миниатюры, сопровождающие текст. Получить датирующие данные можно на основе сопоставления изображенных предметов с археологическим материалом, а также с датированными миниатюрами⁴⁵.

⁴¹ Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. Изд. 3-е, доп. М., 2008. С. 122.

⁴² Лавровский П. О языке северных русских летописей. СПб., 1852. С. 134.

⁴³ Щепкин В.Н., Щеткина М.В. Палеографическое значение водяных знаков // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 335–342; Клепиков С.А. Филигранология на службе архивиста // Советские архивы. 1967. № 3. С. 56; Клепиков С.А. Использование филиграней в работе с недатированными рукописями и печатными книгами XIII–XVI веков // Советские архивы. 1968. № 6. С. 53–57.

⁴⁴ Лихачев Д.С. Текстология. С. 284; Черепнин Л.В. Русская палеография. 2-е изд. М., 1956; Жуковская Л.П. Развитие славяно-русской палеографии. 2-е изд. М., 1967; и др.

⁴⁵ См., например: Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник; Подобедова О.М. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965; Лихачев Д.С. Текстология. С. 427–428; Юферева Н.Э. Древнерусский иллюстратор житий святых: Нетекстовая текстология. М., 2013; и др.

Для датировки актов широко используется сфрагистический материал. Поскольку большинство вислых печатей является археологическими находками, они позволяют привлекать для датировки документов соответствующие археологические источники. Кроме того, как показали исследования В.Л. Янина, вислые печати имеют самостоятельное значение для установления важнейших дат в истории государственных учреждений⁴⁶.

Берестяные грамоты, будучи археологическими находками, позволяют привлечь для датировки данные стратиграфии, дендрохронологии, археологии⁴⁷.

Кроме того, некоторые временные ориентиры дает анализ чернил и красок, употреблявшихся писцами, а книг — еще и переплет⁴⁸.

Большинство из этих датирующих признаков специально рассматривается в многочисленных работах по палеографии, сфрагистике, геральдике, берестологии, дипломатике, эпиграфике, кодикологии и искусствоведению. Это позволяет здесь лишь перечислить основные временные признаки, не рассматривая каждый из них специально.

5.3. ЛОКАЛИЗАЦИЯ ТЕКСТОВ И ИХ СПИСКОВ

Локализация текста исторического источника, его изводов и редакций, а также списков, их сохранивших, представляет определенный интерес как для установления автора оригинала, редакторов и переписчиков, так и для выяснения истории текста в целом. Установление места, где был создан источник (в случае, если оно прямо не указано), может вызывать затруднения. Тогда историку приходится обращаться к косвенным признакам, указывающим на то, где был создан данный список или текст. При этом следует различать локальные признаки оригинального текста, его редакций и изводов, а также конкретных списков, что представляет особую трудность. Иногда сложности в локализации источника связаны именно с тем, что список, которым пользуется историк, совмещают в себе локальные признаки, связанные с разными этапами бытования текста.

⁴⁶ Янин В.Л. Актовые печати древней Руси; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XII вв. Т. 3. М., 1998.

⁴⁷ Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969; Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М., 1998 и др.

⁴⁸ Симонов Л.П. Переплетное мастерство и искусство украшения переплета. СПб., 1897; Симонов П.К. Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного искусства на Руси. СПб., 1903; Щавинский В.А. Очерки по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси. М.; Л., 1935; Клепиков С.А. К истории русского художественного переплета. М., 1948; и др.

В качестве прозвищ автора (редактора, переписчика) текста в прошлом сравнительно часто употреблялись *катойконимы* (название населения по месту жительства), указывающие на его происхождение: «псковитин», «володимирец», «тферитин» и др. Если катойконим входит в состав личного имени автора источника, он не только дает возможность установить, откуда родом этот человек, но и предоставляет историку основания для «привязки» источника к той или иной территории.

Так, С.К. Шамбинаго и В.Ф. Ржига считали, что «Задонщина» была написана в Рязани, ибо в ее заголовке указано: «Писание Софония старца рязанца»⁴⁹. Между тем трудно представить, чтобы рязанец таким образом отличал себя от жителей своего же города. Более вероятно, что так мог именовать себя рязанец, оказавшийся в другом месте. Поэтому правильно поступают те исследователи, которые в сообщениях такого рода видят свидетельство возникновения источника в каком-нибудь ином центре⁵⁰. Следовательно, употребление катойконима в качестве прозвища является относительно негативным указанием на место создания источника.

Иногда катойконимы приобретают дополнительный собирательный смысл, обозначая этническую группу. В этом значении катойконимы смыкаются с этнонимами. Равнозначность катойконимов собственно этническим терминам подчеркивается, например, разъяснениями, зафиксированными в «Повести временных лет»: «се бо токмо Словѣнскъ языкъ в Руси: Полане, Деревлане, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи Сѣверъ»⁵¹.

Аллоэтнонимы (экзогенные этнонимы), упомянутые в источнике, также могут дать историку информацию о месте составления источника или происхождения его автора. Они представляют собой названия этноса, данные ему другими, обычно соседними, этносами. Использование аллоэтнонимов в целях локализации исторических источников возможно в тех случаях, если они не совпадают с автоэтнонимами (эндогенными этнонимами, самоназваниями этносов). Упоминание в тексте аллоэтнонима позволяет сделать вывод, что памятник создавался за пределами ареала данной этнической группы и ее автоэтноним был неизвестен автору либо непонятен читателям, для которых написан источник.

Автоэтноним в ряде случаев может представлять интерес в качестве локализирующего признака. Дело в том, что самоназвания этнических групп далеко не всегда отражались в источнике в той форме, в которой они ис-

⁴⁹ Шамбинаго С.К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906; Ржига В.Ф. Слово Софония-Рязанца о Куликовской битве («Задонщина») // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1947. Т. 43. С. 29–31.

⁵⁰ Творогов Л.А. Слово о полку Игореве. Новосибирск, 1942. С. 42; Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV–XV веках. М., 1957. С. 257–258; и др.

⁵¹ Лаврентьевская летопись. Стб. 11,

пользовались самими носителями. Так, например, встречающиеся в «Повести временных лет» этнонимы «весь», «сумь» явно передают, хотя и в несколько измененном виде, эндогенные названия *vepsi*, *suomi*. Подобные искажения практически неизбежны при передаче иноязычных слов. Изменение в источнике формы этнических самоназваний свидетельствует о том, что данный текст создавался, переписывался или редактировался представителем другого этноса или, во всяком случае, вне области устойчивых поселений называемой этнической группы.

В ряде случаев в качестве локализующего признака могут рассматриваться антропонимы (имена) авторов, редакторов или переписчиков текста. К их числу относятся упоминания в источниках топоантропонимов, антропотопонимов, диалектных и локальных вариантов личных имен и параллельных антропонимов, а также агионимов и теонимов.

Топоантропонимы, или *оттопонимические антропонимы*, представляют собой личные имена, образованные в результате антропонимизации, перехода географических названий в разряд антропонимов. Чаще всего топоантропонимами являются прозвища и фамилии.

Прозвища, образованные от топонимов, сравнительно широко употребляются в ранних источниках. Обычно они указывают на происхождение человека из той или иной местности, области, города и т.д.

Диалектные формы личных имен также могут использоваться как пространственный указатель. Необходимо отличать диалектные варианты имени, употреблявшиеся самими носителями и людьми, их окружавшими, от вариантных форм антропонимов, использовавшихся автором, редактором или переписчиками источника. Если в первом случае аллоантропоним (вариантное имя) указывает на происхождение участников или место совершения события, зафиксированного в источнике, то во втором он свидетельствует о происхождении автора, редактора или о месте снятия копии с текста источника.

Чрезвычайно важную пространственную информацию в источниках времени несут *агионимы* (имена святых) и *теонимы* (имена божеств), когда они используются не в качестве личных календарных имен или имен персонажей христианской мифологии, а как *экклезионимы* для названий церквей, часовен, монастырей и других культовых объектов. Такие указания позволяют широко использовать данные по истории зодчества, привлекать для обоснования, проверки и доказательства локализации сохранившиеся архитектурные сооружения.

Часто упоминания подобных экклезионимов завуалированы. Это связано с развитием культов местночтимых святых. Их помощи, покровительству приписывались обычно успехи в делах жителей данного города, села или даже отдельных улиц, на них возлагались особые надежды в заступ-

ничестве перед Богом. В честь местных «патронов» в городе, монастыре, селе строились храмы, соборы, церкви, часовни. Поэтому встречающиеся в тексте памятника упоминания местных патрональных святынь можно рассматривать в качестве важного ориентира, указывающего на место создания источника или место жительства его заказчика.

Именно упоминание патрональных святынь в тексте Ипатьевской летописи позволило Б.А. Рыбакову отнести место написания статьи 6674 г. к Владимиру, поскольку в ней упоминается владимирский Успенский собор, построенный Андреем Боголюбским, статью 6677 г. — к Киеву, основанием для чего служит упоминание киевской Богородичной церкви, а описание похода князя Михалко Юрьевича на Владимир под 6683 г. — к Чернигову, патрональным храмом которого был Спасский собор 1036 г., упоминаемый летописцем. В то же время исследователь обратил внимание на отсутствие в статье 6677 г. упоминаний св. Михаила — покровителя Переяславля, что, на его взгляд, противоречит общепринятому мнению о переяславском происхождении этого летописного известия.

Другим примером может служить попытка Б.А. Рыбакова определить место работы летописца князя Святослава Всеволодовича по упоминанию им в связи с победой 1 марта 1185 г. Троицы. «Разгадку упоминания Троицы, — считает автор, — следует искать, быть может, в наименовании той церкви или монастыря, где мог писать летописец. Следует вспомнить, что в Чернигове существовал Троицкий монастырь <...>. Летописец Святослава Черниговского, не порывавшего с Черниговом и в эти годы (он в 1186 г. построил там церковь), мог быть связан с этим Троицким монастырем по своему происхождению»⁵².

Для локализации текстов и списков широко используются данные и методы языкознания, в частности, исторической диалектологии и лингвистической географии. Они изучают территориальное варьирование языка и могут оказать существенную помощь в установлении места создания источника по локальным лингвистическим явлениям, нашедшим отражение в его тексте.

Из всех разделов исторической диалектологии, изучающий историю говоров и наречий данного языка, употреблявшихся более или менее ограниченной группой людей, связанных территориальной, профессиональной или социальной общностью, нас в данном случае интересуют вопросы истории диалектов, имеющих территориальную обусловленность.

Лингвистическая география — раздел диалектологии, изучающий территориальное распространение языковых явлений. Данные и методы лингвистической географии являются основой локализации источника по диалектным признакам, зафиксированным в его тексте.

⁵² Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 21, 22.

К наиболее ярким диалектологическим признакам, имеющим территориальную приуроченность, относятся фонетика (точнее, отражающая ее орфография) и лексика источника. Они наиболее часто и плодотворно используются историками при определении места, где создан источник. Реже для локализации исторических источников могут использоваться диалектные особенности морфологии и стилистики текстов⁵³.

Орфография источника зачастую отражает фонетические особенности говора его автора, редактора или переписчика. Данные, накопленные исторической диалектологией и лингвистической географией, помогают историку выявить в тексте фонетические черты, присущие его автору как жителю данной местности, носителю того или иного диалекта, отделить их от сугубо индивидуальных характеристик его речи и определить область распространения данного фонетического явления⁵⁴. В результате исследователь получает, как правило, достаточно веские основания для вывода о происхождении данного человека и, косвенно, о месте создания источника.

При этом следует учитывать, что проявление местных особенностей говора в тексте всегда рассматривалось как нежелательный провинциализм. Писцы старались избегать их в своей работе. Поэтому особенности местных наречий полнее проявлялись в актовых памятниках, написанных менее грамотными писцами, частными лицами или подьячими. Повествовательные же источники, в том числе летописи, художественные произведения, создавались и переписывались людьми более сведущими в вопросах орфографии. Такие тексты в меньшей степени отразили характерные черты говора той или иной области⁵⁵.

Отличительной чертой письменных памятников, создававшихся в северных русских землях (Новгородской, Псковской, Двинской, Суздальской), является *цоканье* и *чоканье* — смешение согласных Ц и Ч, неразграничение шипящих и свистящих аффрикат (*цветь* вместо *цветь*, *конечь* вместо *конецъ*, *цаша* вместо *чаша*, *доконцяли* вместо *докончали* и т.п.)⁵⁶. Наряду с этим в говорах каждой из перечисленных земель имелись свои особенности, позволяющие уточнить локализацию.

Так, в новгородских источниках начиная с XI в. прослеживаются следующие орфографические особенности:

⁵³ Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972; и др.

⁵⁴ Сидоров В.Н. Из истории звуков русского языка. М., 1966; Сидоров В.Н. Из русской исторической фонетики. М., 1969; и др.

⁵⁵ Соболевский А.И. История русского литературного языка. Л., 1980. С. 39; Тихомиров М.Н., Муравьев А.В. Русская палеография. 2-е изд., 1982. С. 15; Кожин А.Н. Литературный язык Киевской Руси. М., 1981. С. 92–93; Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980. С. 20–21; и мн. др.

⁵⁶ Лавровский П. О языке северных русских летописей. С. 134; Орлов В.Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959. С. 103–140.

- неразличение гласного *И* и гласного, обозначавшегося буквой *Ъ* (вместо *человѣкъ* — *человикъ*, вместо *жельзный* — *железный* и т.п.);

- пропуск согласного *В* перед *Л*⁵⁷.

Псковские памятники XIV–XV вв. отражают особенности северо-западных говоров. Благодаря большому числу письменных памятников псковская разновидность литературно-письменного языка изучена довольно подробно. К числу ее наиболее ярких фонетических черт относятся:

- смещение шипящих и свистящих согласных *Ж* — *З*, *Ш* — *С* (*тержая* вместо *терзая*, *зизнею* вместо *жизнею*, *перши* вместо *перси*, *шизый* вместо *сизый* и т.п.);

- сочетания *КЛ*, *ГЛ* на месте общевосточнославянского *Л*, возникшего на месте праславянских сочетаний **dl*, **tl* (*привегли* вместо *привели*, *сустрекли* вместо *сустрели*);

- так называемое *аканье*: смешение звуков, а соответственно, и букв *О* и *А* в безударной позиции; при этом следует учитывать, что *аканье* с XVI–XVII вв. систематически встречается в рукописных памятниках Московской, Рязанской, Тульской и других областей⁵⁸.

Смоленско-полоцкая разновидность литературно-письменного языка проявлялась в источниках, вышедших с территории Смоленского княжества и Полоцкой земли. Ее, кроме упоминавшегося уже *цоканья* и *чоканья*, характеризует смешение звуков (а соответственно, и букв) *В* и *У* (*у граде* вместо *въ граде* и т.п.).

Эта же черта была характерна и для памятников Двинской земли⁵⁹.

В галицко-волинских памятниках деловой письменности к смешению *В* и *У* (*униде* вместо *вниде*, *услися* вместо *вслися*) прибавляются:

- переход *О* в *У* в закрытых слогах;

- после мягких согласных переход *Е* в *Ю*.

Ряд авторов выделяют особенности языка юго-восточных источников. Однако памятников удельной эпохи, сохранивших особенности литературного языка Черниговской, Северской и Рязанской земель, дошло до нас очень мало. Поэтому юго-восточные диалекты изучены пока слабо⁶⁰.

Владими́ро-суздальская разновидность письменности характеризуется в основном отрицательными данными. Ей присуще отсутствие смешения

⁵⁷ Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия: Очерки из истории звука «ять» в севернорусском наречии // ИОРЯС: 1919. Т. 24. Кн. 1. С. 150–245. Кн. 2. Пг., 1922–1923. С. 188–348; Захарова К.Ф., Орлова В.Г., Сологуб А.И., Строганова Т.Ю. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: По материалам лингвистической географии. М., 1970; и др.

⁵⁸ Овчинникова В.С., Дибров А.А. Древнерусский язык. Ростов н/Д, 1959. С. 55.

⁵⁹ Тихомиров М.Н., Муравьев А.В. Русская палеография. С. 16.

⁶⁰ Блохина Э.Д. Палеографическое и фонетическое описание Рязанской кормчей 1284 г.: матер. науч. конф. аспирантов-филологов: 1966. Л., 1967. С. 23–25.

ния Ц и Ч, И и Ъ, В и У. Несмотря на значительное число текстов, создававшихся на северо-востоке Руси, их диалектные особенности полностью еще не выделены и изучены недостаточно⁶¹.

Анализ памятников московской письменности позволяет утверждать, что первоначально население Москвы, судя по всему, придерживалось оканья произношения. Например, в духовной грамоте Ивана Калиты (1327–1328) мы встречаем написания *Офонасей*, *Остафьево* и др.⁶² В памятниках же более позднего времени уже отражается *аканье*. Впервые оно встречается в записи с похвалой князю Ивану Калите на Сийском Евангелии 1340 г., в которой читаем: «в земли апустевший»⁶³. В XV и особенно XVI в. *аканье* становится господствующей чертой московского произношения.

С конца XV в., по мере включения русских земель и княжеств в состав формирующегося Российского централизованного государства, черты московского говора распространяются по всей великорусской территории. Прочие же диалекты постепенно исчезают с лингвистической карты, хотя отдельные их элементы могли отражаться в источниках и более позднего времени⁶⁴. Ряд перечисленных локализирующих орфографических признаков (*цоканье* и *чоканье*, смешение В и У, *аканье* и др.), как видим, имел более широкое распространение и выходит за границы выделенных регионов. Использование этих признаков в целях определения территории, где создавался источник, должно предусматривать комплексный анализ фонетических (а следовательно, и орфографических) примет, рассмотрение всех диалектных особенностей орфографии памятника. Только тогда выводы историка будут опираться на достаточно надежный фундамент лингвистических фактов.

Так, М.Н. Тихомиров, анализируя тексты Правды Ярославичей, Урока мостникам и Покона вирного, указал на систематическую замену в них Ц на Ч, И на Ъ и обратно. Исходя из этого наблюдения исследователь пришел к заключению, что Краткая Правда имеет новгородское происхождение⁶⁵.

Глубокое знание диалектных особенностей языка позволило А.А. Шахматову решить сложный вопрос о месте возникновения Радзивиловско-

⁶¹ Кузнецов П.С. Русский язык // История культуры XIII–XV вв. М., 1970. Ч. 2. С. 78–110.

⁶² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 7–11.

⁶³ Мещерский Н.А. К изучению ранней московской письменности // Изучение истории русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 95; Мещерский Н.А. История русского литературного языка. Л., 1981. С. 98.

⁶⁴ Подробнее о диалектных зонах древнерусского языка и об отражении их особенностей в письменных источниках см.: Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. 5-е изд. М.; Л., 1935. С. 307–315; Сидоров В.Н. Из русской исторической фонетики; Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка; Русинов Н.Д. Древнерусский язык. М., 1977. С. 171–181; Хабургаев Г.А. Становление русского языка: Пособие по исторической грамматике. М., 1980. С. 116–185; и др.

⁶⁵ Тихомиров М.И. Исследование о Русской Правде. С. 75.

го списка летописи. Он прежде всего обратил внимание на значительное число диалектных признаков, ведущих «к Западу, к белорусской области». В их числе *аканье*, замена *А* на *Е* в безударных слогах, замена *Ѣ* на *Е* даже в ударных слогах, произношение *В* на конце слога как неслогового *У*, отпадение начального *И* и т.п. Все эти признаки дают как будто основание признать Радзивилловский список белорусским памятником. Но, как отметил А.А. Шахматов, этому препятствует наличие большого количества великоруссизмов, в том числе употребление *ОИ* вместо *ЫИ*; восстановление задненебной согласной (*Г, К, Х*); употребление *РО, РЕ* вместо белорусского *РЫ, РИ* и др.; формы *меня, тебя, себя* вместо *мене, тебе, себе*.

А.А. Шахматов пишет, что эти признаки свидетельствуют о переплетении в Радзивилловском списке белорусских особенностей с великорусскими и дают основание считать, что «он составлен в области, пограничной между обоими наречиями». К числу таких областей принадлежит Псковская земля, но связывать создание списка с ней не приходится ввиду отсутствия в памятнике особенностей древнепсковского говора, например, смешения *Ч* и *Ц*. Так, ограничивая на основании диалектных особенностей район возникновения списка, автор приходит к выводу, что он «составлен в Смоленске»⁶⁶.

Одним из наиболее показательных признаков территориального происхождения источника является его лексика. Кроме фонетических особенностей, диалекты в той или иной степени различаются словарным составом. Диалектная лексика, изучаемая с формальной и содержательной сторон исторической лексикологией, зачастую дает важный локализирующий материал, который должен быть использован историком при решении вопроса о месте создания источника или происхождения его автора.

Так, М.Н. Тихомиров широко использовал данные диалектной лексикологии при решении сложного вопроса о месте возникновения Русской Правды. Он указал, в частности, что употребление чисто новгородских терминов — в Правде Ярослава таких, как *видок* (в смысле ‘свидетель’), *поручник* (т.е. ‘поручитель’ и ‘заложник’), *мзда* (‘вознаграждение, оплата’), *скот* (‘деньги’) и ряда других; а в Правде Ярославичей, Уроке мостникам и Покопе вирном таких, как *огнищанин, овен, веверица* и др., — может служить одним из аргументов в пользу признания новгородского происхождения Краткой Правды⁶⁷.

Исследуя «Моление Даниила Заточника», С.П. Обнорский пришел к выводу, что данные языка, в частности, лексика, не подтверждают мнения

⁶⁶ Шахматов А.А. Заметки о месте составления Радзивилловского (Кёнигсбергского) списка летописи: сб. в честь 70-летия Д.Н. Анучина. М., 1913. С. 71–74.

⁶⁷ Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 49–51, 75.

некоторых исследователей о южном происхождении этого памятника. В то же время в нем очень сильны признаки северорусской речи. На этом основании автор признает бесспорным, что памятник возник на Новгородской земле⁶⁸.

Морфологические особенности диалектов значительно реже, чем орфографические и лексические данные, используются для установления места создания источника. Это во многом объясняется слабой изученностью морфологии древнерусских диалектов. Тем не менее отечественная историческая диалектология располагает рядом данных о территориально приуроченных особенностях существования слов как носителей грамматических значений. Так, например, известно, что в новгородских говорах при склонении имен существительных с основой на -а отмечается объединение родительного, дательного и местного падежей в одной форме⁶⁹. Например, родительный: *грамоть* (грамота № 5), *с купнои грамоть* (грамота № 53) / дательный: *по бьсудьнои грамоть* (грамота № 366), *по дьловои грамоть* (грамота № 519), *грамоте* (грамота № 112; маловероятно, родительный)⁷⁰; родительный: *ѡ Фомь* (грамота № 14), *у Фомь* (грамота № 2) / дательный: *Фомь* (грамоты № 1, 122, 129), *ко Ооме* (грамота № 795)⁷¹ и др.

Дальнейшее изучение морфологии древнерусских диалектов позволит историкам расширить сферу ее применения в исторических исследованиях.

В целях локализации исторических источников может использоваться также *метрологическая терминология*, обозначающая местные единицы измерения. В силу хозяйственной замкнутости отдельных земель в удельный период не было общих единиц измерения. В Новгороде, например, земля измерялась *коробьями* и *обжами*, в Вологде — *плугами*, а в Двинской земле — *веревками*. Резко различались между собой и меры сыпучих тел. Так, если основными мерами на Руси в XII–XV вв. по-прежнему считалась *кадь*, или *оков*, *половник*, *четверть*, *осьмина*, то в Новгороде сыпучие тела,

⁶⁸ Обнорский С.П. Очерки истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946. С. 129.

⁶⁹ Кузнецов П.С. Морфология // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. С. 105; Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 95–98.

⁷⁰ Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1951 г. М., 1953. С. 32–34; Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1952 г. С. 56–57; Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1958–1961. М., 1963. С. 61–66; Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1962–1976 гг. М., 1978. С. 112–114; Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1953–1954 гг. М., 1958. С. 42–44; Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. С. 727.

⁷¹ Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1952 г. С. 14; Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1951 г. С. 21–25, 16–20; Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1953–1954 гг. С. 54–55, 64–65; Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиттиус А.А. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1997–2000 гг. М., 2004. Т. 11. С. 26; Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. С. 813.

как правило, измерялись *коробьями* и *четвериками*, в Пскове — *зобницами* и *позобеньями*, а в Двинской земле — *пузами* и т.д.

Если в источниках этого времени встречается такая мера емкости жидких тел, как *насадка*, то их следует отнести к Новгороду, зато только в псковских документах можно встретить иную меру жидкости — *корец*. Употребление в тот же период в документах в качестве меры веса *капи* дает основание отнести их к Новгороду.

В Российском государстве и в XVI–XVII вв. в ряде мест продолжают употребляться особые меры, отличающиеся от мер, общих для всей страны. Так, хлеб в Устюге Великом измеряли *мерами*, в Вятке — *куницами*, в Соли Камской — *сапцой*.

Помочь определить место написания источника могут также *материалы исторической хронологии*.

В целях локализации исторических источников используются также упоминания *астрономических явлений*, которые могут наблюдаться лишь на ограниченной территории. Чаще всего и наиболее плодотворно для локализации источников применяются указания на *солнечные затмения*. Территории, на которых могло наблюдаться каждое из затмений нашего дневного светила в XI — начале XVIII в., были определены Д.О. Святским и нанесены на карту⁷².

В некоторых случаях в локализации исторического источника историку может помочь привлечение *данных гелиобиологии*. Учет порайонных особенностей влияния солнечной активности на урожайность культур, прирост годовых колец деревьев, периодичность засух, заморозков, наводнений и других подобных явлений позволяет использовать соответствующие упоминания для определения места создания источника. В вопросы территориальных различий в биологических проявлениях солнечной активности трудами дендрохронологов, палеоклиматологов и других специалистов заложена серьезная основа, позволяющая надеяться на то, что такие данные найдут широкое применение в источниковедческих исследованиях⁷³.

⁷² Святский Д.О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения: с приложением таблиц для определения исторических затмений, четырех карт в красках и Канона русских солнечных затмений М.А. Вильева. Пг., 1915; Святский Д.О. Астрономия Древней Руси: с Каталогом астрономических известий в Русских летописях, составленным М.Л. Городецким. М., 2007.

⁷³ Дендроклиматохронология и радиоуглерод. Канас, 1972; Колчин Б.А., Черных Н.Б. Дендрохронология Восточной Европы: Абсолютные дендрохронологические шкалы с 788 г. по 1970 г. М., 1977; Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Л., 1983; Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988; и др.

Некоторые основания для того, чтобы попытаться определить место создания источника, дает историку анализ хронологической системы, которая была использована автором источника. При этом должны учитываться эра, стиль, способ записи, степень точности дат.

Так, например, наблюдения над датами летописных известий позволили Б.А. Рыбакову выделить киевские записи в составе так называемого Киевского свода 1198 г., включенного в Ипатьевскую летопись. За период с 1187 по 1197 г. к их числу относятся сообщения, датированные указаниями на сезоны. В частности, слово *лѣто* употребляется в них только в значении 'летнее время', в то время как в известиях, относящихся к Галичу и Суздалю, оно означает 'год'⁷⁴.

Сложность использования такого рода признаков для локализации заключается, во-первых, в приблизительности подобной пространственной информации и, во-вторых, в слабой разработанности истории сложения, развития и употребления летосчислительных систем. Специальных исследований на эту тему, за исключением наблюдений Н.Г. Бережкова над использованием мартовского и ультрамартовского стилей в различных древнерусских летописных центрах⁷⁵, нет.

Формулярный анализ источников в отдельных случаях также помогает историкам определить место возникновения актов. Так, А.С. Лаппо-Данилевский отметил своеобразные черты новгородских частных актов XII–XV вв., отличающихся от подобных актов других земель того же времени. Он указал на отличия древнейших рязанских кабал от позднейших московских и заметил, что среди служилых кабал XVI–XVII вв. «легко различить несколько местных типов — рязанский, новгородский и псковский, московский с несколькими разновидностями и т.п.» Тот же автор и его ученик А.И. Андреев отметили характерные черты северных поморских актов⁷⁶. Л.М. Марасинова выявила характерные черты формуляра псковских актов. Так, в псковских купчих грамотах, в отличие от новгородских, вместо «*се купи*» пишется «*се куписе*» или «*се купише*», нигде не указывается стоимость купленной земли, не называются лица, стоявшие «*у печати*». Свои особенности имеют псковские духовные и данные грамоты⁷⁷.

⁷⁴ Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 23–24.

⁷⁵ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

⁷⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. [Изд. 2-е, испр. и доп.] / подг. текста А.И. Андреева; испр. и доп. Е.А. Ростовцева. СПб., 2007. С. 138, 151–152, 180–181; Лаппо-Данилевский А.С. Служилые кабалы позднейшего типа: сб. статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909. С. 721 и сл.; Андреев А.И. Отступные грамоты: К истории крестьянского землевладения на севере: сб. статей, посвященных А.С. Лаппо-Данилевскому. СПб., 1916. С. 131 и сл.

⁷⁷ Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV вв. М., 1966. С. 37–40.

Выявлены и некоторые другие возможности использования формуляра актов и грамот для решения вопроса о месте их возникновения.

До нас дошли два dokonчания Новгорода с Михаилом Ярославичем Тверским начала XIV в. Казалось бы, в них следует видеть два противня (тождественных экземпляра) одного договора. Но Л.В. Черепнин обратил внимание на то, что, совпадая дословно, оба экземпляра исходили только от одной новгородской стороны. Из этого ученый сделал вывод, что dokonчания представляли собой новгородский проект и там были составлены, а экземпляры, составленные в Твери, должны были находиться в Новгороде, но они, как и весь архив Новгородской республики, до нас не дошли⁷⁸.

Печати и гербовые знаки, поставленные на источнике, также помогают определить место его возникновения. Они используются не только в качестве прямого указания принадлежности их той или иной земле или должностному лицу. Иногда они помогают в решении и более сложных задач. Рассматривая договорные грамоты Великого Новгорода с великими князьями тверскими, Л.В. Черепнин заметил, что одни из них скреплены одновременно и новгородскими, и тверскими печатями, другие — только одной из сторон. На этом основании он заключил, что первая группа грамот была рассмотрена и утверждена представителями обеих сторон. Что же касается другой группы, то они, по мнению Л.В. Черепнина, являются проектами договоров, подписанных стороной, которая их представляла, и составлялись или в Новгороде, или в Твери⁷⁹.

Внешний вид источника может дать некоторые указания на место его создания. При этом историк опирается на данные и методы палеографии, филигранологии, кодикологии, искусствоведения и других смежных дисциплин. Важную роль в процессе локализации исторических источников играют подбор и систематизация сведений о местах происхождения и путях миграции древнерусских рукописных книг — задачи, которые, по мнению Н.Н. Розова, должны стать предметом специальной историко-книжной дисциплины, которую можно назвать «географией книги», или «библиогеографией»⁸⁰.

Материал, на котором написан источник, может дать приметы места создания документа. В одних странах в качестве писчего материала употреблялись глиняные таблички, в других — папирус, пергамен, бумага. Наиболее точные локальные признаки дает, как правило, бумага, имеющая водяные знаки (филигрانی).

⁷⁸ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 231.

⁷⁹ Там же. С. 232.

⁸⁰ Розов Н.Н. Искусство книги древней Руси и библиогеография: По новгородско-псковским материалам // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 24.

Изучение *филиграней* рукописей позволяет установить место изготовления бумаги, на которой написан источник⁸¹. Совпадение вариантов *филиграней* в разных рукописях может свидетельствовать о том, что эти рукописи написаны в одном месте. Бумага для них могла быть взята из одной стопы.

Исходя из этого предположения, Е.М. Шварц удалось выделить из состава писанного собрания Софийско-Новгородской библиотеки комплект служебных миней, написанных в 1475 г. специально для Никольского Гостиницкого монастыря или изготовленных в самом монастыре. Все они написаны на бумаге второй половины XV в., имеющей филигрань «Якорь»⁸².

Территориальные признаки *почерка*, как неоднократно указывалось в литературе, очень незначительны и малочисленны. С этим, разумеется, нельзя не согласиться. Но некоторые основания для решения вопроса о месте возникновения источника почерк все же дает. Так, исследователи давно отметили сходство южнославянского и русского уставного письма на ранних этапах его развития и расхождение его в дальнейшем. Уже в XII в. в южнославянских памятниках, в отличие от древнерусских, *а* и *р* писались с малой головкой, *ѣ*, *ѥ* и *ѧ* помещались вместе с хвостиками в пределах строки, *и* имело высокую середину. В XIII в. в болгарской письменности исчезают знаки юсов йотированных, а в сербской — и знаки простых юсов. В последующие века различия в графике становятся еще большими⁸³. Они помогают установить происхождение многих текстов, написанных уставным письмом.

С появлением в конце XIV в. на Руси полуустава становится заметным отличие в графике между западнорусским и восточнорусским письмом. В этот период в еще большей мере обнаруживаются отличия в текстах, написанных вязью. Здесь можно выделить даже областные приметы: московские, новгородские, псковские, поморские⁸⁴.

Л.В. Черепнин, например, использовал почерк для доказательства того, что сохранившиеся в составе московского великокняжеского архива второй четверти XV в. договорные грамоты галицких князей с великим князем московским «представляют собой наследие архива Галицкого княжества».

⁸¹ Лихачев Н.П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891; Churchill W. Watermarks in Paper in Holland, England, France etc. in the XVII and XVIII Centuries and Their Interconnections. Amsterdam, 1935; Eineder G. The ancient paper-mills of the former Austro-Hungarian Empire and their watermarks // Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia. Vol. 8. Amsterdam, 1960; и мн. др.

⁸² Шварц Е.М. Филигранные XV в. из рукописей Софийско-Новгородской библиотеки // Справочные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 10. С. 131–134.

⁸³ Щепкин В.Н. Русская палеография. 3-е изд. М., 1999. С. 135–136; Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. 2-е изд. М., 1979. С. 170, 177–178.

⁸⁴ Там же. С. 173–176; Чаев Н.С., Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956. С. 377–388 и др.; Тихомиров М.Н., Муравьев А.В. Русская палеография. С. 20–23.

На основе анализа почерка он пришел к выводу, что находившиеся в Московском великокняжеском собрании dokonчания великого князя Василия II с Иваном Андреевичем Можайским подписаны можайским дьяком и сохранялись в архиве этого удельного княжества. Таким образом, изучение почерка помогло автору установить существование во второй четверти XV в. архивов в Галиче, Можайске, Верее и других княжествах⁸⁵.

На почерк писца могла оказать влияние канцелярия, которой он работал. Вместе с тем необходимо отметить, что степень такого влияния и его конкретные проявления в почерке пока изучены слабо⁸⁶.

В орнаменте также можно заметить определенные территориальные различия. Художественные особенности инициалов, орнаментальных заставок и миниатюр, украшающих и иллюстрирующих рукописи, позволяют выделить локальные черты книгописных мастерских и школ. Стилистические особенности древнерусских скрипториев становятся особенно заметными в удельный период. Стремление к политической автономии неизменно проявлялось в подчеркивании местных особенностей в живописи, в том числе в книжной графике. Поэтому в землях и княжествах, где процессы политического дробления протекали интенсивно, выделение новых художественных школ и направлений происходило особенно активно. Орнаментированные рукописи, создававшиеся в этих землях, поддаются довольно точной локализации на основе стилистического, композиционного и технического своеобразия их художественного оформления.

Установлено, например, что в рукописях, украшенных тератологическим орнаментом, цвет фона инициалов в разных областях древней Руси был различен. В Новгороде он делался синим или голубым, в Пскове — зеленым или синим, в Рязани — только зеленым. Встречаются, конечно, и исключения, но они достаточно редки. К числу подобных исключений, в частности, относится употребление зеленого фона в новгородских рукописях⁸⁷.

Известно также, что инициалы псковских рукописей XII–XV вв., как правило, крупнее новгородских; соответственно, несколько иных размеров и детали орнамента. Различаются псковские и новгородские рукописи также по стилю рисунка. Изображения, создававшиеся псковскими мастерами, были более реалистичными и в то же время более примитивными в трактовке формы. При этом стилизация обычно выдерживалась ими не до

⁸⁵ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 95, 97 и др.

⁸⁶ Бузанов В.И., Зимин А.А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин в изучении и издании письменных источников по истории русского средневековья // История СССР. 1980. № 1. С. 125.

⁸⁷ Соболевский А.И. Славяно-русская палеография. 2-е изд. СПб., 1908. С. 65; Щепкин В.Н. Русская палеография. С. 81; Ильина Т.В. Декоративное оформление древнерусских книг: Новгород и Псков. XII–XV вв. Л., 1978. С. 144.

лента. Рядом с условным изображением чудовищ можно, например, встретить реалистически переданного павлина, а среди предельно условных растительных мотивов — почти реальные изображения лилии и ромашки. Что касается изображений человека, то в новгородских рукописях они обычно издавались в профиль, а в псковских — анфас и более реалистично⁸⁸.

Локализующие признаки источника, как правило, рассматриваются в комплексе.

Так, на основании анализа стилистических, композиционных и технических особенностей орнаментики рукописей Г.И. Вздорнов пришел к выводу, что Евангелие из Архангельского собора Московского Кремля (названо XIII в.) и Евангелие первой четверти XIII в., хранящееся в Научной библиотеке МГУ им. М.В. Ломоносова, возникли либо в Ростове, либо в этом крупном городе, поддерживавшем тесные связи с ростовской епископской кафедрой⁸⁹.

Изучение *переплетов книг*, их украшений и схем расположения этих украшений может послужить основанием для установления мастерской, изготовившей данный переплет. При этом обращается внимание на набор инструментов, с помощью которых украшались крышки переплетов, и порядок их применения⁹⁰.

Повторение схем расположения элементов украшений переплетов нескольких рукописей обычно свидетельствует о происхождении их из одной мастерской. Так, анализ переплетов книг Софийско-Новгородской библиотеки, хранящихся ныне в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), позволил выделить 4 группы рукописей, объединенных происхождением: 12 служебных миней, принадлежавших Никольскому Гостинскому монастырю, 10 миней предполагаемого комплекта Валаамского монастыря, комплект миней церкви Сергия Радонежского и комплект из 5 миней, написанных для неизвестного заказчика⁹¹.

Иногда, как писал В.Н. Щепкин, даже «дерево переплетных досок указывает на известную территорию. Например, сосновые доски указывают на север России, переплетным материалом для рукописей, созданных в средней полосе, обычно были доски из дуба, березы и липы»⁹².

⁸⁸ Ильина Т.В. Декоративное оформление древнерусских книг. С. 80.

⁸⁹ Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV века. М., 1980. С. 26–27.

⁹⁰ Клепиков С.А. Описания древних русских обиходных переплетов // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 1. С. 55.

⁹¹ Шварц Е.М. Переплеты XV в. Софийско-Новгородской библиотеки // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1981. Т. 12. С. 242–252.

⁹² Щепкин В.Н. Русская палеография. С. 48.

5.4. ФИКСАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ СЛИЧЕНИЯ ТЕКСТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

5.4.1. *Стеммы*. Результаты проведенного изучения разночтений, как правило, фиксируются в виде так называемых *стемм* — схем генеалогического соотношения списков, изводов и редакций текста исторического источника. Такая визуализация итогов текстологического анализа существенно облегчает их восприятие. Кроме того, стеммы, по словам Д.С. Лихачева, «вносят ясность во взаимоотношение списков и редакций, помогают наглядно представить эти взаимоотношения, в известной мере помогают исследователю включать во взаимоотношения редакций и списков вновь обнаруженные списки и вновь определенные редакции»⁹³.

Так, завершая сопоставление текстов Хроники Георгия Амартола и древнерусских хронографических сводов, «на основании подавляющего большинства необратимых [текстологических] соответствий» О.В. Творогов приходит к следующим выводам: «1. Список, легший в основу Хронографического вида Хр. Амартола, к которому восходят Хр. по ВИ, ЕЛ и Арх. хр., произошел от первооригинала перевода независимо от списка, легшего в основу отдельных списков Хроники. 2. Одна из разновидностей Ам-2, группа А, подверглась вторичному влиянию ЕЛ-2. 3. Первоначальный текст древнерусского перевода Хр. Амартола может быть реконструирован лишь путем выявления первичных (т.е. подтверждаемых греческим оригиналом) чтений, сохранившихся как в *Тр-Ам* и списках Ам-2, с одной стороны, так и в ЕЛ-1, Хр. по ВИ и Арх. хр. — с другой, ибо использование только отдельных списков Хроники (и игнорирование текста в составе компиляций) приведет к реконструкции не первооригинала перевода, а Ам-1»⁹⁴.

В графическом виде эти выводы О.В. Творогов проиллюстрировал стеммой (см. рис. 1).

Еще один пример, показывающий, насколько эффективны стеммы для визуализации результатов текстологического анализа, — стемма происхождения Ермолинской летописи и Сокращенных сводов, предложенная Я.С. Лурье⁹⁵ (рис. 2).

⁹³ Лихачев. Д.С. Текстология. С. 446.

⁹⁴ Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 109–110, где Хр. Амартола — Хроника Георгия Амартола, Хр. по ВИ — Хронограф по великому изложению, ЕЛ — Еллинский летописец (Летописец еллинский и римский), Арх. хр. — Архивский хронограф, Ам-2 — вторая редакция Хроники Георгия Амартола, ЕЛ-2 — Еллинский летописец второй редакции, Тр-Ам — Хроника Георгия Амартола, список ГБЛ, собр. МДА, № 100 («Троицкий»), ЕЛ-1 — Еллинский летописец первой редакции, Ам-1 — первая редакция Хроники Георгия Амартола.

⁹⁵ Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 186.

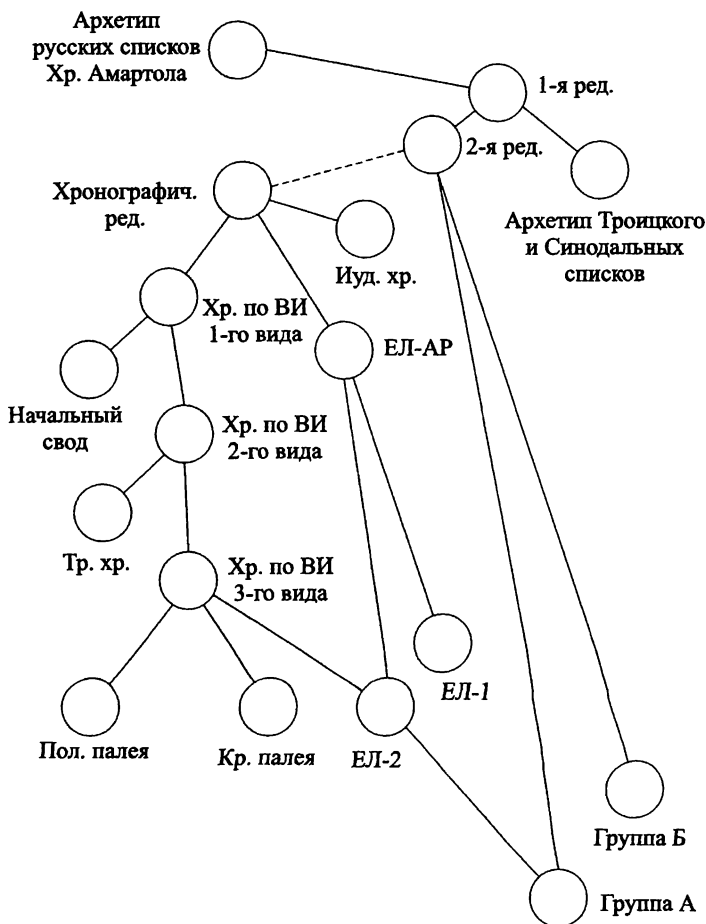

Рис. 1. Стемма соотношения Хроники Георгия Амартола и русских хронографов

В качестве еще одного примера можно привести стемму М.Д. Присёлкова, иллюстрирующую соотношение ранних летописных сводов⁹⁶ (рис. 3).

При составлении стемм приняты следующие правила:

1. Более ранние списки (виды, редакции) располагаются выше, более поздние — ниже. Одновременные списки помещаются на одном уровне. Так визуально демонстрируется относительная датировка списков (редакций).

2. Непосредственную зависимость более поздних списков (расположенных ниже) от более ранних (расположенных выше) обозначают сплошной линией между списками (редакциями).

⁹⁶ Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV веков. С. 83.

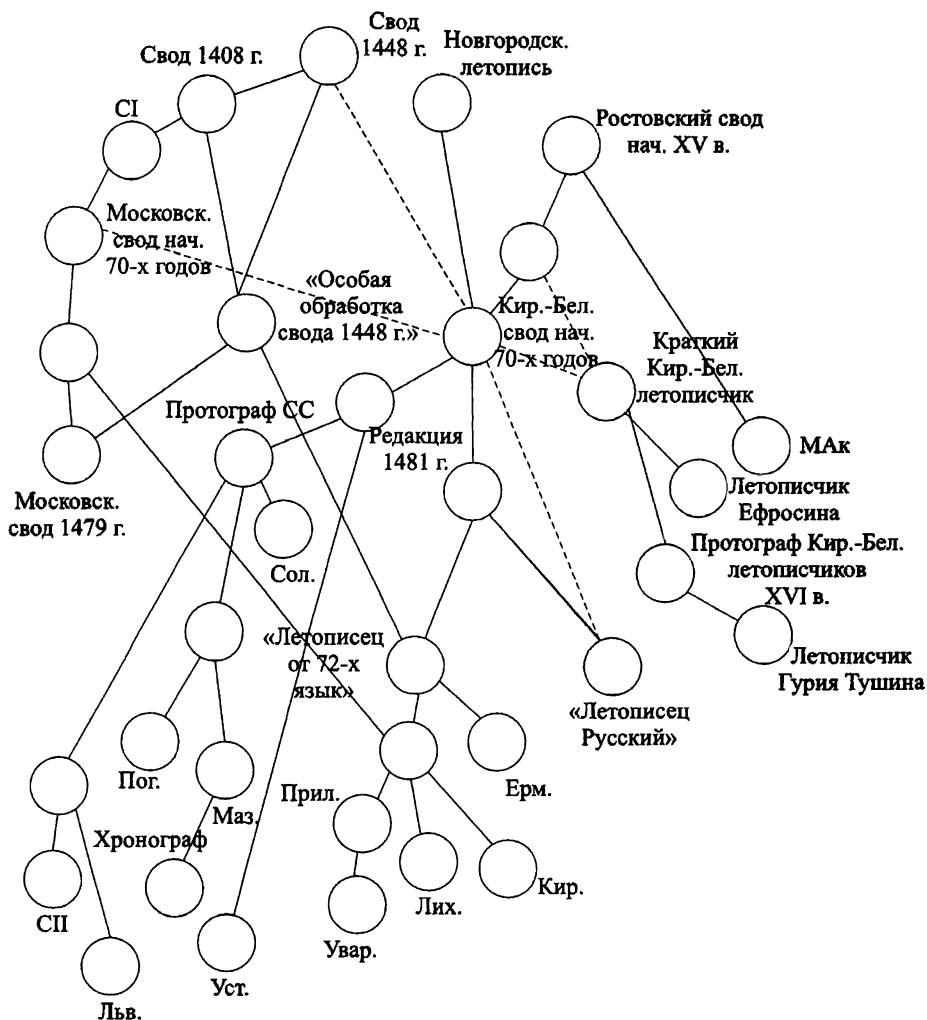
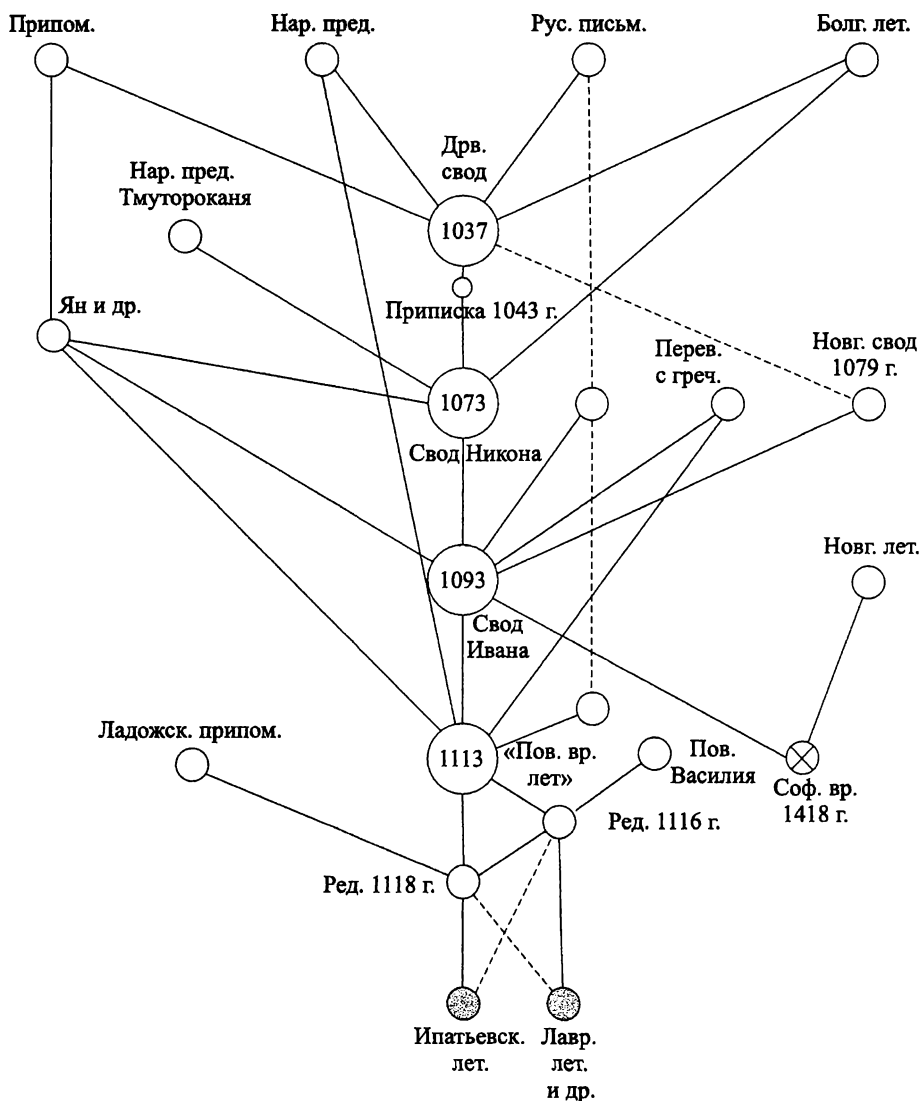

Рис. 2. Стемма происхождения Ермолинской летописи и Сокращенных сводов

3. Возможную зависимость между списками (редакциями) обозначают пунктирной линией.

4. Обоюдную зависимость хронологически одновременных списков обозначают горизонтальной линией между ними.

5. Реальные, дошедшие до нас списки исторических источников и гипотетические этапы развития их текста визуальнo дифференцируются: скажем, гипотетические звенья — обозначаются кружками, а реальные списки — треугольниками; либо реально дошедшие списки источников обозначаются заштрихованными геометрическими фигурами (кружками, треугольниками и т.п.), а предполагаемые звенья истории текста (в частно-

Рис. 3. Стемма начала древнерусского летописания

Важным дополнительным подтверждением (или опровержением) сделанных наблюдений могут становиться научные реконструкции недошедших этапов истории текста. Гипотетические реконструкции Древнейшего и Начального сводов, а также II и III редакций «Повести временных лет», например, завершают текстологические наблюдения А.А. Шахматова по

поводу ранних этапов древнерусского летописания, что существенно подкрепляло его теоретические выкладки, хотя и не служило окончательным доказательством правоты сделанных им выводов. Следует еще раз подчеркнуть: подобные реконструкции могут завершать текстологические исследования, но ни в коем случае не могут становиться основой научных конкретно-исторических построений⁹⁷.

5.4.2. *Генетическое досье*. Более сложной системой фиксации результатов сличения текстов исторических источников является *генетическое досье* (*авантекст*).

Эти термины были введены создателями так называемой *генетической критики* — направления в текстологии, которое зародилось во Франции в середине 70-х годов XX в. В отличие от «классических» текстологов, «генетисты» во главу угла поставили историю текста, которая воплощается во всех его вариантах, доступных современному исследователю⁹⁸.

По определению одного из создателей этого направления, «противостоя текстовой закрытости и неподвижности структурализма, от которого она, однако, унаследовала методы анализа и размышления о текстуальности, вступая в спор с рецептивной эстетикой, которая занимается восприятием текстов, а не их созданием, генетическая критика принесла с собою новый взгляд на литературу. Ее предмет — литературные рукописи, в той мере, в какой они содержат следы развития, становления текста. Ее метод — обнажение плоти и процесса письма, а также построение целой серии гипотез о самой письменной деятельности. Ее цель: описать литературу как делание, деятельность, движение»⁹⁹. Генетисты на основании анализа максимально доступного исследователю числа рукописей произведения («видимых следов действия творческого механизма», «разложенных в определенном порядке») пытаются реконструировать «предысторию» текста.

Генетическая критика основывается на данных и методах классической текстологии, — но не ограничивается ими. Последовательные этапы развития текста, установленные текстологически, становятся основой *гене-*

⁹⁷ См.: Экскурс 8. Казус «Слова о полку Игореве».

⁹⁸ «Генетическая критика. Течение в современной французской науке о литературе; объектом изучения генетической критики является генезис произведения, генезис мыслительной деятельности художника; материальной опорой для генетической критики служат авторские рукописи. Частично совпадая с текстологией, генетическая критика отличается, в частности, от последней своей герменевтической направленностью, сосредоточенностью на теоретических проблемах, не связанных с издательской практикой» (Дмитриева Е.Е. *Словарь // Генетическая критика во Франции*. С. 284).

⁹⁹ Грезийон А. Что такое генетическая критика? // *Генетическая критика во Франции*. С. 33; ср. определение генетической критики у Жерара Женетта: «Более или менее организованный осмотр "кухни" [создания текста] <...>, познание путей и способов, посредством которых текст стал таким, каков он есть» (Genette G. *Seuils*. P. 1989. P. 368).

тического досье: подборки последовательных вариантов, «выписок» цитат, сокращений, дополнений и вообще любой правки «исходного» текста. По словам одного из ведущих генетистов, «досье рукописного свода считается составленным, когда исследователь завершил работу по материальной идентификации входящих в него элементов и когда в его распоряжении оказывается свод рукописей, систематизированный и разбитый на отдельные подмножества»¹⁰⁰. При этом предполагается, что «произведение работает как “жесткий определитель” своего генезиса. Ретроспективно и со всей произвольностью свершившегося факта произведение производит жесткий отбор генетического материала, восстанавливая его порядок на основе следов генезиса, обнаруживаемых в завершенном произведении, или даже кладя в основу материальные характеристики, объединяющие отдельные части генетического досье с произведением (в соответствии с данным принципом в генетической критике осуществляется воссоздание генетического досье на основе имеющихся материалов). В этом смысле можно сказать, что не генезис детерминирует текст, а сам текст определяет свой генезис»¹⁰¹. Это досье всегда будет заведомо неполным, поскольку значительная часть его утрачена по разным причинам (и прежде всего, потому, что никто не собирался хранить его). По словам А. Грезийона, генетическая критика исследует «процессы, не имеющие конца»¹⁰². В этом кроется одна из причин, по которой «исследователь практически не бывает до конца уверен, что располагает всеми письменными следами рождения текста». К тому же, даже «самый полный набор рукописей — не что иное, как видимая часть в тысячу раз более сложного когнитивного процесса; подлинный же исток, зарождение замысла в уме творца, остается нам недоступным»¹⁰³. На основе генетического досье воссоздается «синтетическое» прочтение произведения, «реконструирующее последовательность генезиса»¹⁰⁴.

Другим термином, который иногда рассматривается как синоним генетического досье, является *авантекст*. Впервые предложивший его Жан Бельмен-Ноэль определяет авантекст как «собрание черновиков, рукописей, версток, “вариантов”, которые материально предшествуют произведению, рассматриваемому как текст, и могут образовать с ним единую систему»¹⁰⁵. А. Грезийон уточняет: «Авантекст как таковой [есть] <...> нечто, отличное от литературного произведения, но отличное и от тех “вариантов”, которые

¹⁰⁰ Биази де, П.-М. К науке о литературе: Анализ рукописей и генезис произведения // Генетическая критика во Франции. С. 69.

¹⁰¹ Феррер Д. Шапка Клементиса: Обратная связь и инерционность в генетических процессах. С. 230–231.

¹⁰² Грезийон А. Что такое генетическая критика? С. 33.

¹⁰³ Там же. С. 50.

¹⁰⁴ Биази де, П.-М. К науке о литературе. С. 78.

¹⁰⁵ Belletun-Noël J. Le Texte et l'avant-texte: les brouillons d'un poème de Milosz. P., 1972. P. 15.

творцы академических изданий печатают в приложениях, отрывая их от генетической почвы, отправляя в конец тома, в научный аппарат. Между этими двумя полюсами располагается гетерогенное пространство, заполненное случайными, произвольными фигурами, — пространство, в котором проект, импульс переходят с нейронного уровня на вербальный, где слово ищет свой голос и свой путь, где текстуальность воплощается в изобретение, — пространство, открытое для всех, кто исследует познавательную способность, процесс высказывания и специфику творчества»¹⁰⁶. При этом подчеркивается, что «авантекст (или изучение генезиса) представляет собой реконструкцию тех генетических операций, которые предшествовали созданию текста. Авантекст не есть свод рукописей, но выявление той логической системы, которая организует рукописи. Авантекст не существует вне аналитического дискурса, который, собственно, его и порождает, и потому авантекст зависит в первую очередь от компетенции генетического критика, который занимается его составлением, используя результаты анализа рукописей». Воссоздание же авантекста «заключается прежде всего в выборе конкретной точки зрения, специфического метода, позволяющего реконструировать преемственность между тем, что предшествовало тексту и этим самым текстом в его окончательной данности»¹⁰⁷. По сути, авантекст представляет собой реконструкцию генезиса текста источника. Важным элементом процесса воссоздания логики формирования текста является постоянная проверка того, подтверждается ли рабочая гипотеза исследователя на всем пространстве авантекста или лишь в отдельных его частях.

Принципиальным для разделения филологической и исторической текстологий является уточнение А. Грезийона: «Генетическая критика не поклоняется ни тексту, ни рукописи, но объектом изучения для нее является именно последняя, тогда как филология занимается исследованием первого: филологию интересует текст, его история, его возникновение, его издание, его “истина”. Генетическое изучение литературной рукописи бесспорно подразумевает филологический анализ рукописей для установления их хронологического порядка, но затем наступает пора интерпретации, которая осуществляется не ради наилучшего издания текста, но ради более глубокого понимания процесса письма»¹⁰⁸.

Таким образом, генетическая критика фактически ставит перед собой ту задачу, которую Ф. Шлейермахер называл собственно пониманием: максимально полно реконструировать процесс презентации и последующей репрезентации образов, формулирования мыслей, скрытых в готовом тексте,

¹⁰⁶ Грезийон А. Что такое генетическая критика? С. 45–46.

¹⁰⁷ Биази де, П.-М. К науке о литературе. С. 65, 66.

¹⁰⁸ Грезийон А. Что такое генетическая критика? С. 57.

с которым имеет дело исследователь (здесь уместно вспомнить К. Маркса, который писал: «Процесс угасает в продукте»¹⁰⁹). Тем самым генетическая критика закрывает лауну между классической текстологией (которая идет от списка к тексту, а от него — к произведению) и историческим источниковедением (которое движется параллельно текстологическому анализу, но не совпадает с ним: от того, что иногда называют «внешней» критикой источника, к его «внутренней» критике и, наконец, к пониманию текста источника с последующей научной реконструкцией прошлого). Связующим звеном в этой цепи и оказывается генетическая критика. Основываясь на результатах текстологических наблюдений, она гипотетически реконструирует сам процесс создания текста, двигаясь от его внешней формы к форме внутренней, а от нее (учитывая память контекста тех «выписок» и цитат, которые дополняют и развивают исходный текст, либо его «вычеркнутых» фрагментов) — к реконструкции самого образа события, стоящего «за» текстом источника. Именно на «генетическом» (а не на собственно текстологическом) уровне становится возможной реконструкция «общей характеристики» и замысла произведения, что, как уже говорилось, является обязательным предварительным условием использования его в качестве исторического источника.

Анализ имманентного развития смысловых структур и потенций каждого сюжета или сообщения — наряду с контекстуальным анализом цитат, которые использует (не может не использовать при общем центонно-парафрадном — «компилятивном» — способе «производства» древнерусского текста) автор источника в своих описаниях, — позволяет выявить общий смысл, добиться понимания изучаемого текста. Подобная методика, кажется, ближе всего стоит к тому, что Жак Деррида называет деконструкцией текста (хотя и не полностью с ней совпадает): «разборка концептуальных оппозиций, поиск “апорий”, моментов напряженности между логикой и риторикой, между тем, что текст “хочет сказать”, и тем, что он “принужден говорить”»¹¹⁰.

Работа по созданию и изучению историком генетического досье источника включает несколько этапов (исследовательских операций):

- 1) *составление* (сбор и проверка аутентичности) максимально полного (насколько это возможно) досье рукописей изучаемого текста;
- 2) *систематизация* (исследование, частичная дешифровка и распределение в хронологическом порядке, соответствующем конечной цели исследования) его вариантов и редакций;

¹⁰⁹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М., 1960. С. 191.

¹¹⁰ Автономова Н. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С. 71.

3) анализ каждого этапа развития данного досье;

4) воссоздание авантекста источника¹¹¹.

Такова, по словам де Биизи, «логика операций, которые и составляют суть работы генетического критика и делают возможным изучение генезиса текста»¹¹².

***

Мы рассмотрели общие правила выявления, объяснения и фиксации разночтений в тексте исторического источника. С этого момента пути филологической и исторической текстологии радикально расходятся. Теперь перед историком стоят следующие задачи: 1) выявить в источнике повторяющуюся информацию (прямые или косвенные цитаты, аллюзии и реминисценции), 2) определить верифицируемую ретроспективную информацию, 3) установить уникальные сведения источников о событии, процессе или историческом персонаже, 4) корректно обработать все три вида информации и, наконец, 5) использовать обработанную ретроспективную информацию для создания научно обоснованной реконструкции прошлого.

---

¹¹¹ Пример составления и анализа генетического досье см.: Экскурс 3. Казус Святополка Окаянного.

¹¹² Биизи де, П.-М. К науке о литературе. С. 67.

РАЗДЕЛ 3

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ИСТОРИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

6.1. ИНТУИТИВНАЯ ОЦЕНКА РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Чаще всего работа с историческим источником сводится к интуитивной оценке сохранившейся в нем ретроспективной информации с позиций «здравого смысла»: могло ли такое быть и, если, по мнению историка, могло — при каких условиях. При этом информация источника проверяется по другим источникам (подтверждается она их показаниями или нет). В случае же, если информация о данном событии уникальна, приводятся аргументы, почему *этого не могло быть* (по субъективному мнению историка), либо *если такое, как представляется историк, в принципе могло происходить*) выстраиваются мысленные конструкции, которые позволяют согласиться с реальностью источниковой информации, «доказать» ее «достоверность».

При этом по умолчанию предполагается, что смысл источника почти всегда ясен сам по себе, текст установлен, а исследователь понимает язык, на котором написано анализируемое произведение. Рационалистический подход сводил (и сводит) понимание текста, прежде всего, к максимально точному переводу. Далее следует объяснение того, что историк смог понять из этого перевода. Оно состоит, как правило, в более или менее точном пересказе сообщений источника, сопровождающемся концептуальными рассуждениями автора. Подобный метод до определенного момента вполне себя оправдывал. В значительной степени он не потерял своего значения и по сей день. Именно благодаря ему мы имеем развернутый историографический нарратив.

Вместе с тем уже на начальных этапах развития исторической науки стало ясно, что даже та ретроспективная информация, которая представляется историком вполне надежной, далеко не всегда может непосредственно использоваться в исторических реконструкциях: она то и дело противоречит повседневному опыту исследователя и уже потому нуждается в некотором объяснении и оправдании.

Примером могут служить попытки истолкования первыми отечественными историками совершенно невероятного с точки зрения рационального знания сообщения новгородского летописца о том, что «Славенов сын Волхв» «в сей реке превращался в крокодила и пожирал плавающих». Безусловный рационалист М.В. Ломоносов не отверг «сию басню». Он *просто* предположил, будто «сие разуметь должно, что помянутый князь по Ладожскому озеру и по Волхову, или Мутной реке тогда называемой, разбойничал и по свирепству своему от подобия призван плотоядным оным зверем»¹. Не отверг этого сообщения и М.М. Щербатов. Он лишь высказал догадку, будто корабль Волха, грабившего проходящие суда, мог иметь на своем корабле изображение змея, что и породило «по тогдашним суевериям» столь странный образ у летописца².

Другим примером подобного рода могут быть рассуждения по поводу того, следует ли буквально понимать сообщение «Повести временных лет» о конкретных обстоятельствах визита княгини Ольги в Константинополь и сватовстве к ней византийского императора. В свое время И.П. Елагин отмечал, что это — «Несторова смеха достойная баснь, которою все наши писатели, ему последуя, за вероятную признают, а князь Щербатов и утверждает, говоря: “в рассуждении де остатков прежней красоты, приумноженные великою ее премудростию”»³. При этом исследователь добавлял: «Естьли преподобный Нестор не хотел при сем сказании подражать бытию библейскому, где Сара, жена Авраамова, в подобных Ольге летах прельщает фараона, царя египетского; то, конечно, он запамätовал, что была она тогда на седьмом десятке от рождения своего»⁴. По поводу этого замечания Елагина А.-Л. Шлёцер замечал, будто тот «шутит, что Нестор (или его поддельщик) хотел только подражать истории о престарелой Саре, которая точно так же прельстила фараона (Кн. Бытия. XII, 14)»⁵. Зато «Щерб[атов] <...> от всей души верит этой сказке: “Коль престарела великая княгиня во время своего крещения ни была, но могла еще остатки прежней своей красоты сохранять, которая еще приумножалась ее великою премудростию”»⁶. Из этого делался неутешительный вывод: «Да не упоминает впредь никогда благоразумный русский историк об этой сказке: она глупа до чрезвычайности. Ни насмехался император над великою княгинею (Лом[оносов].) /

¹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 5. М.; Л., 1956. С. 676–677.

² Щербатов М.М. История Российская с древнейших времен. Т. 1. С. 267. Т. 7. СПб., 1901–1904. С. 790.

³ [Елагин И.П.] Опыт повествования о России: Сочинение Ивана Елагина, начатое на 56-м году от его рождения, лета от Р.Х. 1790, двора его императорского величества обер-гофмейстера. М., 1803. С. 268.

⁴ Там же. С. 269.

⁵ Шлёцер А.-Л. Нестор: Русские летописи на Древле-Славянском языке. Сличенные, переведенные и объясненные А.-Л. Шлёцером. СПб., 1809–1819. Ч. 1. С. 373.

⁶ Там же. С. 371.

из в Степ. Кн., 25/, не имел он политических видов жениться на старухе (Серб[атов].) Все это выдуманно каким-нибудь глупцом может быть только в XV столетии. Ибо <...> лета Ольги доказаны; а не то надобно отбросить всю хронологию в русском временнике, к чему однако ж нет ни малейшей причины». Впрочем, добавлял Шлёцер, «есть <...> примеры, что и старухи престестиями своими воспламеняли даже молодых людей. Замечательнейший из сих примеров дает нам известная Нинона де Ланкло, в которую, когда ей было уже за 65 лет, собственный ее сын влюбился до того, что застрелился, когда после узнал, что она его мать». К тому же, «именно во время Ольги скандинавские временники полагают точно такую же сказку. Немецкий император Оттон I (владев. 936–974), — как пишет Свенд Аагезен, доверенный сотоварищ русского поддельщика, — влюбился во вдову датского короля Гарма и сватался за нее (948 г., по др. после 965), когда ей было почти 70 лет: а Оттонова жена была еще в живых!»⁷

Легко заметить, что приведенные — и подобные им — объяснения суть не что иное, как более или менее произвольные построения, основывающиеся на так называемом *здравом смысле*⁸, т.е. на априорных представлениях о том, что может (а чего не может, или не должно) быть. Представления же эти не в последнюю очередь определялись теоретическими взглядами и мировоззрением того или иного ученого.

На алогичность «здравого смысла» обращал внимание еще Н.И. Надеждин. «Если, — риторически спрашивал он, — три брата новгородские были, отчего же три брата киевские не были? Если предание о Вадиме храбрым миф, почему же не миф щит Олега, прибитый к воротам Константинополя? Внешние критические речательства одни и те же. Истина и там, и здесь представляется нам в одинаковом баснословном полусвете»⁹. Принципу Н.И. Надеждин видел в стремлении прагматиков подбирать факты по заранее намеченной ими схеме. Надо «систему выводить из фактов, — считал он. — Иначе история наша будет бесконечным шитьем Пенелопы, которое, вечно разделяваясь, никогда не доделается»¹⁰.

Видимая парадоксальность такого (в принципе, вполне нормального) переживания теорией процесса накопления конкретной информации, пережитой из источников, довольно остро переживалась научным сообществом России. Вместе с тем широко бытовала иллюзия, что, возможно,

⁷ Там же. С. 374. С удовольствием выражаю свою благодарность А.Н. Бачинину, любезно обратившему мое внимание на этот забавный спор.

⁸ Ссылки на «здравый смысл» у современных исследователей напоминают определения археологических находок, назначение которых непонятно, как «культовых предметов»: и в том и в другом случаях речь, очевидно, идет о реалиях, не укладывающихся в наши представления о том, что могло послужить основанием для появления того или иного предмета или рассуждения.

⁹ Надеждин Н.И. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. СПб., 1837. Т. 22. С. 130–133.

¹⁰ Там же. С. 115.

непредвзятое накопление «фактического материала», не зависящее от концептуальной позиции историка. Так, в 1847 г. М.П. Погодин, обращаясь к П.В. Киреевскому, замечал: «Вы ищете в истории подкреплений для Вашей гипотезы, а я учусь у истории и говорю только то, что она мне сказала, приводя оное, разумеется, в сознательный порядок. Вы даете истории систему, а я беру у нее»¹¹. Чуть позже, в 1850 г. он заявлял: «Нас губит система, желание строить систему, прежде чем подготовлены материалы». И добавлял: «Прикладывать историю к готовой теории — то же, что класть ее на прокрустово ложе»¹². Очевидно, для выдающегося русского историка сами выявление и первичная обработка «материалов» представлялись действиями простыми, если не сказать — элементарными.

К концу XIX в. стало ясно, что содержание источниковой информации довольно сложно, а для того чтобы ее извлечь и «очистить», требуются специальные процедуры. Теперь речь шла о необходимости учета и преодоления «авторского» взгляда, его тенденциозности как необходимом условии получения непредвзятой информации о событии. И если В.О. Ключевский утверждал, скажем, будто все летописцы имели единый взгляд на исторические события¹³, то уже А.А. Шахматов прямо писал о том, что их рукой водили «политические страсти и мирские интересы»¹⁴ — в первую очередь. Из этого вывода (который, кстати, сам Шахматов относил прежде всего к позднему летописанию, и в гораздо меньшей степени к его начальным стадиям) вскоре вырос образ летописца-политикана. Под пером одного из последователей Шахматова, М.Д. Присёлкова, он превратился в человека, который занят «весьма искусственным построением». Он «остроумно и осторожно вместо рассказа о действительном ходе дел» «придумывает» заведомо недостоверные факты, не останавливаясь перед «насилием над родным преданием»; «умышленно», в угоду своим политическим играм, замалчивает одни события и переставляет другие, «извращает» их действительный порядок. Короче, он «придворный историограф», который «недешево продал свое перо», «утождая политическим поступкам и видам» князя, за что «получал необходимые средства из княжеских рук»¹⁵. Из этого с необходимостью последовал вывод: «Повесть» — «искусственный и мало надежный» исторический источник¹⁶. Заключение, о котором отечественные

¹¹ Погодин М.П. Ответ на рецензию П.В. Киреевского на статью «Параллель русской истории с историей западноевропейских государств» // Москвитянин. 1845. № 3. С. 86.

¹² Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1895. Кн. 9. С. 107.

¹³ Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 1: Курс русской истории. М., 1987. Ч. 1. С. 91.

¹⁴ Шахматов А.А. Повесть временных лет // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2003. С. 16.

¹⁵ Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 56, 62, 63, 72, 73, 74 и др.

¹⁶ Присёлков М.Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Ученые записки ЛГУ. Сер.: Историч. науки. Л., 1941. Вып. 8. С. 216.

историки стараются не вспоминать: так или иначе, сообщения «Повести временных лет» лежат в основе практических всех исследований по истории Древнерусского государства. Так, М.А. Алпатов отмечал: «По своему реалистическому подходу к историческим явлениям “Повесть” для своего времени стоит на сравнительно высоком уровне <...>. “Повесть временных лет” была и остается не только главным, но и достаточно достоверным источником по древнейшей Руси и по истории русской исторической науки. В этом отношении “Повесть” стоит несомненно выше сочинений Григория Турского <...>. По достоверности материала “Повесть” может стоять рядом с теми западными “Историями”, которые отличаются наибольшей достоверностью. <...> Эйнгард должен быть поставлен ниже “Повести” — ради своего героя он обращается с историческим материалом слишком произвольно»¹⁷, и т.п. и т.д. В то же время Я.С. Лурье отмечал, что вывод, к которому пришел М.Д. Присёлков, «другим историкам казался парадоксальным, но вытекал именно из трезвой оценки источниковедческой базы: для истории IX–X вв. “Повесть временных лет” является недостаточно надежным источником»¹⁸. Тем самым они проявляют удивительную непоследовательность, поскольку принимают все предшествующие высказывания М.Д. Присёлкова о древнерусском летописце; мало того, упрекают ученого в тех случаях, когда он временами пытается смягчить свои оценки¹⁹. Между тем вывод о недостоверности информации «Повести временных лет» — единственное строгое логическое умозаключение, которое должно следовать практически из всех построений советских летописцев, касающихся жизненных ориентаций древнерусского летописца. Лишь в самое последнее время появились попытки написать историю Древней Руси без опоры преимущественно на «Повесть временных лет»²⁰.

Так что традиции отбора и интерпретации достоверной информации с позиций здравого смысла остаются практически неизменными и по сей день. Изменилось лишь представление о том, что следует считать *здоровым*. В свое время, проанализировав многочисленные примеры такого рода в советской историографии 60-х — начала 70-х годов прошлого века, Я.С. Лурье пришел к неутешительному выводу: «Это не случайное явление [когда историки привлекают для своих реконструкций известия неясного происхождения и качества лишь на том основании, что они «по существу весьма вероятны», «согласуются с другими данными» и т.п.], а историографическая традиция, которая встречается не так уж редко». В частности, «эта тенден-

¹⁷ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа: X–XVII вв. М., 1973. С. 105.

¹⁸ Лурье Я.С. О некоторых принципах критики источников. СПб., 2011. С. 93.

¹⁹ См., например: Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. М., 1975. С. 201.

²⁰ Толочко А.П. Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015.

ция постоянно проявляется при использовании древнейших сказаний начального летописания, основанных на фольклорно-эпическом материале». Привлекая подобные известия, «историки тщательно изгоняют из них все то, что противоречит естествознанию и логике, и оставляют остальное»²¹. Этот вывод справедлив и сегодня, спустя почти четверть века.

Перед нами лишь один, хотя и достаточно яркий, пример непоследовательности поведения исследователей, когда они имеют дело с источником, «объектная» информация которого признается недостоверной. Но число их можно было бы умножать и умножать. Главное здесь, однако, в другом: здравый смысл — при нарушении определенных границ его применения — может приводить (и подчас приводит) к совершенно нездоровым выводам.

Поэтому в дальнейшем постараемся воздержаться от общих заключений по принципу «короткого замыкания» (Я.С. Лурье): текст источника — историческая реконструкция. Вместо этого предлагается более сложный, но и, как представляется, более надежный путь, который способен обеспечить повышение «градуса научности» конкретно-исторических построений.

Первым шагом в этом направлении является выделение в тексте источника повторяющейся информации: прямых и косвенных цитат, аллюзий, реминисценций и т.п. Это позволит вычленивать ретроспективную источниковую информацию, которая может стать основой научной реконструкции исторических событий.

6.2. ПОВТОРЯЮЩАЯСЯ РЕТРОСПЕКТИВНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Нарративные источники не так элементарны, как может показаться при первом приближении. Автор текста часто пишет о событии столь «непринужденно», если не сказать «примитивно», что у современного нам читателя может сложиться впечатление (и зачастую складывается), будто его собеседник «умом прост и некнижен» (тем более, что, скажем, древнерусский книжник это то и дело подчеркивает); кажется, мы беседуем с непосредственным очевидцем происходящего, бесхитростно описывающим только что увиденное.

Часто именно на таком ощущении «эффекта присутствия автора» базируются многие датировки этапов развития текстов, делаются далеко идущие выводы об участии в их создании и редактировании тех или иных лиц, строятся предположения о политической ориентации авторов и редакторов²².

²¹ Лурье Я.С. О некоторых принципах критики источников. С. 89, 90–91.

²² Экскурс 7. Казус Кузмища Киянина.

Стоит, однако, взглянуть на описание того или иного события чуть пристальнее — и «очевидец» чаще всего исчезает. Ему на смену приходит весьма начитанный книжник, мастерски подбирающий из множества известных ему произведений «куски драгоценной смальты» (Д.С. Лихачев), которые он складывает в единое по замыслу (а иногда и грандиозное по масштабу) мозаичное полотно произведения.

Примером может служить описание в «Повести временных лет» строительства первых христианских храмов на Руси — в Киеве и Василеве: «Въ лѣто 649[7]. Посемь же Володимерь живяше въ законѣ хрестыанстѣ, помысли создати церковь Пресвятыя Богородица, [и] пославъ приведе я мастера от Грекъ. И наченшю же здати, и яко сконча зижя, украси ю иконами, и поручи ю Настасу Корс[ун]янину, и попы Корсуньскыя пристави служити в ней, вдавъ ту все, еже бѣ възлѣ въ Корсунѣ: иконы, и съсуды, и кресты. <...> Въ лето 6504. Володимерь видѣвъ церковь свершену, вшедъ въ ню и помолися Богу, глаголя: “Господи Боже! “Призри с небесе, и виждь. И посѣти винограда своего. И сверши, яже насади десница твоя”²³, новыя людѣи си, им же обратилъ еси сердце в разум, познати Тебе, Бога истиннаго. И призри на церковь Твою си, юже создах, недостойныи рабъ Твои, въ имя рожышая Тя Матере Приснодевѣя Богородица. Аже кто помолится въ церкви сеи, то услыши молитву его молитвы ради Пречистыя Богородица”. И помолившюся ему, рекъ сице: “Даю церкви сеи святѣи Богородици от имѣнья моего и от градъ моихъ десятую часть”. И положи написавъ клятву въ церкви сеи, рекъ: “Аще кто сего посудить, дѣя будетъ проклятъ”. И вдавъ десятину Настасу Корсунянину. И створи праздникъ великъ въ тѣ день болярюмъ и старцемъ градскимъ людскимъ, и убогимъ раздая имѣнье много. По сихже придоша Печенѣзи к Василеву, [и Володимерь с малою дружиною изыде противу]. И съступившимся, и не могъ стерпѣти противу, подѣбѣгъ ста подѣ мостомъ, одва уккрыся противныхъ. И тогда обѣщася Володимерь поставити церковь Василевѣ святаго Преображенъя, бѣ бо въ тѣ день Преображенъе Господне, егда си бысть сеча. Избывъ же Володимерь сего, постави церковь, и створи праздникъ великъ, варя 300 проваръ меду. И съзываше боляры своя, и посадники, старѣишины по всѣмъ градомъ, и людѣи многы, и раздая убогимъ 300 гривенъ. Праздновавъ князь днии 8, и възвращашеться Киеву на Успенъе святыя Богородица, и ту пакы стваряше праздникъ великъ, съзывая бесчисленное множество народа. Видя же людѣи хрестыанѣи суща, радовашеся душею и тѣломъ”²⁴.

Обе эти записи имеют все признаки «эффекта присутствия автора». Создается полное впечатление, что они составлены человеком, который

²³ Пс. 79: 15.

²⁴ Лаврентьевская летопись. Стб. 121–122, 124–125.

был непосредственным свидетелем происходившего. Единственной цитатой, которая может быть установлена в этом фрагменте на основании классического текстологического анализа, является выделенный 15-й стих из 79-го псалма.

Между тем при более внимательном подходе оказывается, что едва ли не все «подробности», связанные непосредственно с именем Владимира Святославича, заимствованы из библейского описания строительства Соломоном Храма Господня в Иерусалиме:

Повесть временных лет

1. Володимеръ <...> помысли создать церковь пресвятыя Богородица <...> И наченшу же здати, и яко сконча зижа, украси ю иконами...

2. Володимеръ видѣвъ церковь свершену, вшедъ в ню и помолися Богу, глаголя: “Господи Боже! <...> Призри на церковь Твою си, юже создах, недостойнии рабъ Твои, въ имя рожышая Тя Матере Приснодевья Богородица. Аже кто помолиться въ церкви сеи, то услыши молитву его молитвы ради Пречистыя Богородица”.

3. Избывъ же Володимеръ сего, постави церковь, и створи праздник великъ <...> Праздновавъ князь днии 8, и възвращашеться Кыеву <...> и ту паки стваряше праздник великъ, сзывая бесчисленное множество народа. Видя же люди хрестьяны суца, радовашеся душею и тѣлом.

Третья книга Царств

1. И вот, я [Соломон] намерен построить дом имени Господа, Бога моего <...> И построил он храм и кончил его, и обшил храм кедровыми досками²⁵.

2. Так совершена вся работа, которую производил царь Соломон для храма Господа <...> И стал Соломон пред жертвенником Господним <...> и сказал: Господи, Боже Израилев! <...> Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, который я построил имени Твоему. Но призри на молитву раба Твоего <...>, услышь молитву, которую будет молиться раб Твой на месте сем²⁶.

3. И сделал Соломон в это время праздник, и весь Израиль с ним <...> — семь дней и еще семь дней, четырнадцать дней. В восьмой день Соломон отпустил народ. И благословили царя, и пошли в шатры свои, радуясь и веселясь в сердце о всем добром, что сделал Господь²⁷.

²⁵ 3Цар. 5: 5; 6: 9.

²⁶ 3Цар. 7: 51; 8: 22–30.

²⁷ 3Цар. 8: 65–66.

Этого примера достаточно, чтобы убедиться, насколько «современным» и «простым» может стать под пером летописца текст, скомпилированный из фрагментов произведений, созданных за несколько сот лет до того по совершенно другому поводу. Очевидно, читателю, на которого был рассчитан этот текст, вовсе не нужны были прямые ссылки на цитируемый текст, который он и без того знал. При этом отсутствие прямых текстуальных совпадений — вряд ли сколько-нибудь веское основание для отрицания близости приведенных текстов. Здесь, видимо, речь должна идти о принципиально ином уровне текстологических параллелей, доказательство которых должно быть достаточно строгим, хотя и не основывающимся на фактальных повторах. В частности, одним из критериев, указывающих на близость текстов, могли быть повторяющиеся синтаксические конструкции и частичное совпадение лексики оригинального и производного текстов — при сближении сюжетов.

Работая с историческими источниками (прежде всего позднеантичными и средневековыми), трудно не заметить повторяющиеся «элементы» текста: от отдельных словосочетаний до целых связных описаний. На них обратил внимание еще В.О. Ключевский²⁸. Ярким примером такого рода «клише» в летописных текстах являются «точные» сообщения о зверствах, совершаемых отрядами сначала Олега, затем Игоря и, наконец, монголов под стенами осажденных городов:

В лѣто 6415. Иде Олег
на Греки <...>
И прииде къ Царю-
граду; и Греци замко-
ша Суд, а град затво-
риша. И выиде Олег
на брег, и воевати

В лѣто 6449. Иде Игорь
на Греки. <...> Иже
придоша и приплуша,
и почаша воевати Ви-
фаньския страны,
и воеваху по Понту до
Арѣклѣя и до Фафло-

В лѣто 6745. <...>
На зиму придоша
от восточныхъ страны
на Рязаньскую землю
лѣсом безбожнии
Татари, и почаша
воевати Рязаньскую

²⁸ «Рядом с индивидуальными чертами жизни Варлаама нашли место и те общие типичные черты с их неизменным, заученным выражением, которые удобно переносились на всякого святого: “родися отъ верну родителю крестьяну”, “унъ сый на игры съ уными человеки не изволи жити”, в пустыне “не дадыше сна очима своими, борясь съ бесы”, предсмертные слова к братии: “шле, братие, телом отхожу от вас, да духом присно с вами буду” и т.п. Затверженные по чужим литературным образцам, эти черты, здесь еще краткие и неразвитые, очевидно, рассчитаны не на любопытство к делам и деятелям прошлого, а на внимание набожного слушателя в церкви. Это вторая особенность житейного стиля заметно связана с первой: из жизни святого берутся лишь такие черты, к которым можно привязать эти общие, готовые формулы жития» (Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989 [репр. воспр.: М., 1971]. С. 63); и др.

нача, и много уби-
ства сотвори око-
ло града Греком,
и разбиша многы
полаты, и пожго-
ша церкви. А их же
имаху плѣнники,
овѣх посекаху, другиа
же мучаху, иныя же
растреляху, а другыя
в море вметаху, и ина
многа [зла] творяху
Русь Греком, еликоже
ратнии творять²⁹.

гоньски земли, и всю
страну Никомидии-
скую поплѣнивше,
и Судъ весь пожгоша.
Их же емше, овѣхъ
растинаху, другия аки
странъ поставляю-
ще и стрѣляху въ ня,
изимахуть, опаки руцѣ
связывахуть, гвозди
желѣзные посреди
главы въбивахуть имъ.
Много же святыхъ
церкви огнемъ преда-
ша, монастырѣ и села
пожгоша, и имѣнья
немало от обою страну
взяша³⁰.

землю, и плѣноваху
и до Проньска.
Поплѣнивше Рязань
весь и пожгоша,
и князя ихъ оубиша.
Ихже емше овы
растинахуть, дру-
гыя же стрѣлами
растрѣляху в ня,
а ини опаки руцѣ
связывахуть. Много
же святыхъ церкви
огневи предаша,
и монастырѣ и села
пожгоша. Имѣнья
не мало обою страну
взяша³¹.

Аналогичные текстуальные совпадения встречаются не только в нарративных источниках. Они характерны даже для законодательных актов (не говоря уже о систематическом повторении отдельных клаузул в актовых материалах). В качестве образца можно привести несколько статей Русской Правды, которые явно опираются на библейские нормы, хотя и, очевидно, несколько изменяют их, приспособлявая к местным условиям и обстоятельствам:

Краткая Русская Правда

Ст. 20. «Аще же оубьютъ огни-
щанина в разбои, или оубища
не ищють, то вирное платити,
въ неи же вирвѣи голова нач-
нетъ лежати»³².

Библия

«Если в земле, которую Господь
Бог твой, дает тебе во владение,
найден будет убитый, лежащий
на поле, и неизвестно, кто убил
его, то пусть выйдут старейши-
ны твои и судьи твои и измерят
расстояние до городов, которые
вокруг убитого; и старейшины

²⁹ Лаврентьевская летопись. Стб. 29–30.

³⁰ Там же. Стб. 44.

³¹ Там же. Стб. 460.

³² Правда Русская / под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 71.

Ст. 34. «А иже межоу переореть
любо перетесь, то за обиду
12 гривнѣ»³³.

Ст. 38. «Аще оубьютъ тата на
своемъ дворѣ, любо оу клети,
или оу хлѣва, то тои оубить; аще
ли до свѣта держать, то вести
его на княжъ дворъ; а оже ли
оубьютъ, а люди боудутъ видѣли
свазанъ, то платити в немъ»³⁴.

города того, который будет бли-
жайшим к убитому...»³⁵

«Не нарушай межи ближнего
твоего, которую положили предки
в уделе твоём, доставшемся тебе
в земле, которую Господь Бог твой
дает тебе во владение»³⁶.

«Если кто застанет вора подкапы-
вающего и ударит его, так что он
умрет, то кровь не вменится ему;
но если взошло над ним солнце, то
вменится ему кровь»³⁷.

Подобные текстуальные повторы уже давно занимают отечествен-
ных литературоведов³⁸. Как правило, считается, что «особую традицион-
ность литературы, появление устойчивых стилистических формул, пере-
нос целых отрывков одного произведения в другое, устойчивость образов,
символов-метафор, сравнений и т.д.» обуславливал так называемый *лите-
ратурный этикет*³⁹. До появления этой общепринятой ныне формулиров-
ки исследователи по-разному называли подобные устойчивые сочетания:
«стереотипные формулы» (В.И. Мансикка), «стилистические шаблоны»
(Б.А. Ларин), «устойчивые формулы» (И.П. Еремин), «стилистические тра-
фареты» (Д.С. Лихачев), «постоянные формулы» (А.С. Орлов), «стили-
стические формулы» (Н.К. Гудзий, С.А. Бугославский) и т.п.

³³ Втор. 21: 1–4.

³⁴ Правда Русская. Т. 1. С. 72.

³⁵ Втор. 19: 14.

³⁶ Правда Русская. Т. 1. С. 72.

³⁷ Исх. 22: 2–3.

³⁸ См., например: Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кон-
чая XVII в.) // Чтения императорского Общества истории и древностей российских при Мо-
сковском университете. Кн. 4. 1902; Орлов А.С. О некоторых особенностях стиля великорусской
исторической беллетристики XVI–XVIII вв. // Там же. Т. 13. Кн. 4. 1908; Творогов О.В. Тради-
ционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. Т. 18. М.; Л., 1962;
Творогов О.В. Задачи изучения устойчивых литературных формул древней Руси // ТОДРЛ. Т. 20:
Актуальные задачи изучения русской литературы XI–XVII вв. М.; Л., 1964; Лихачев Д.С. Литера-
турный этикет древней Руси: к проблеме изучения // ТОДРЛ. Т. 17. М.; Л., 1961; и др. Наиболее
подробно данный вопрос рассмотрен в монографии: Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской лите-
ратуры. М., 1979. С. 80–102.

³⁹ Там же. С. 91.

К литературному этикету, литературному канону и «к нормативным требованиям» литературного жанра Д.С. Лихачев сводит большинство случаев подобных заимствований (к «средневековому “этикету” писательского ремесла» он склонен относить даже религиозные толкования описываемых событий⁴⁰). При этом, правда, подчеркивается: «Следует стремиться видеть явления литературного этикета и литературных канонов во всей широте, разнообразии, но и не преувеличивать их значения в средневековой литературе. Вместе с тем надо видеть в литературном этикете систему творчества, а не простую его шаблонизацию. Ни в коем случае нельзя отождествлять канон и шаблон. Перед нами своеобразие литературы, а не ее бедность»⁴¹. Впрочем, все эти оговорки не снимают вопроса о том, что само понятие «литературного этикета» в значительной степени ориентирует исследователя на низкую смысловую наполненность «устойчивых формулировок»⁴². Недаром в рассуждениях об «этикетности» Д.С. Лихачеву неоднократно приходится предупреждать своих читателей о том, что речь не идет о шаблонности — а потому о некоторой обесмысленности — древнерусской литературы.

Несмотря на то что Д.С. Лихачев призывал не смешивать канон и шаблон, все же сама близость этих понятий несомненна. Если под каноном (от греч. κανών — буквально: ‘прямая палка, служащая для опоры, измерения, проведения прямой линии’) понимают ‘свод положений, имеющих догматический характер; закон; все, что твердо установлено, стало общепринятым; то шаблоном принято называть ‘образец; приспособление для проверки правильности формы и размеров готовых изделий; общеизвестный образец и, наконец, штамп, которому слепо подражают’. Видимо, Д.С. Лихачев имел в виду именно последнее значение слова шаблон, поскольку все прочие значения канона и шаблона практически совпадают. Да и связь канона с догматикой сближает это понятие со стереотипом (в частности, поведения), шаблоном. Наряду с этими словами, знаменитый литературовед использовал иной термин: *этикет*.

Само слово *этикет* (от греч. ἔθος — ‘обычай’) связано, кроме того, с ритуалом. Если *этикет* — установленный порядок поведения где-либо, то *ритуал* является упорядоченной системой действий (в том числе речевых) в области церемониальных форм общественного поведения и бытовых отношений (гражданская обрядность, повседневный этикет, дипломатический протокол и т.п.). Примечательно в этом отношении убеждение О.В. Тво-

⁴⁰ Лихачев Д.С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк // Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 297.

⁴¹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. С. 102.

⁴² Ср.: уже цитировавшееся высказывание В.О. Ключевского о «затверженных чужих литературных образцах».

рогова в том, что «этикетные приемы изображения действительности по природе своей» противопоставляются «неэтикетным», «реалистическим» (хотя и сочетаются с ними). Причем он отмечает слияние «разных “реалистических” и абстрагирующих, этикетных тенденций даже в пределах порой одного эпизода, рассказа»⁴³.

Таким образом, термин «литературный этикет» имеет вполне определенный смысловой шлейф, сближающий его с ритуальными, *слабо рефлекслируемыми в содержательном плане* действиями и, соответственно, языковыми формами.

Именно такое понимание «литературного этикета», судя по всему, и заставило в свое время В.А. Кучкина заключить, что текстуальные совпадения рассказа Новгородской I летописи о нашествии монголов с так называемым Поучением о казнях Божиих, помещенным составителем «Повести временных лет» под 1096 г., не имеют непосредственного отношения к оценке летописцем самого нашествия⁴⁴.

В определенной степени представление о «литературном этикете» смыкается с понятиями *интертекста* и *интертекстуальности*. Постмодернистское положение, что история и общество являются тем, что может быть «прочитано» как текст, привело к восприятию человеческой культуры как единого «интертекста». В свою очередь, он служит как бы «предтекстом» любого вновь появляющегося текста. Недаром интертекст часто понимается как «своеобразная база знаний, лежащая в основе произведения»⁴⁵. Важным последствием уподобления сознания тексту было «“интертекстуальное” растворение суверенной субъективности человека в текстах-сознаниях, составляющих “великий интертекст” культурной традиции»⁴⁶. По этой причине «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. — все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык»⁴⁷. При этом

⁴³ Творогов О.В. Сюжетное повествование в летописях XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 48.

⁴⁴ Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников: XIII — первая треть XIV в. // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн: X — начало XX в.: сб. науч. тр. М., 1990. Вып. 1. С. 24, 61, примеч. 49.

⁴⁵ Миттеран А. Генетический метатекст в «Набросках» Эмиля Золя // Генетическая критика во Франции. М., 1999. С. 246.

⁴⁶ Ильин И.П. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический справочник. М., 1996. С. 216.

⁴⁷ Barthes R. Texte // Encyclopedia universalis. P., 1973. Vol. 15. P. 78

Ролан Барт особо подчеркивал следующий признак интертекстуальности: «Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, *бессознательных или автоматических цитат*, даваемых без кавычек»⁴⁸.

Как видим, подобно «литературному этикету» (который, в свою очередь, сводится к набору устойчивых готовых формул, использующихся в случаях, когда того требует традиция, — но не описывающих конкретные реалии явления как такового), «интертекст» в значительной степени относится к сфере бессознательного или по крайней мере к не до конца осознанному.

Однако вряд ли приведенные выше совпадения в описаниях наших «иноплеменных» под 6415, 6449 и 6745 гг. можно отнести только на счет того, что просто именно так было принято описывать подобные события. Тем более что для начала неплохо бы выяснить, что есть «подобного» в этих событиях и — одновременно — отличающего их от всех прочих военных походов, в описаниях которых эти «этикетные формулы» не использовались? К тому же приведенные описания «Повести временных лет» не оригинальны. Они являются компиляцией текстов «Жития Василия Нового» (откуда заимствованы почти все подробности пребывания Игоря на греческой земле) и Хроники Георгия Амартола (точнее, продолжателя Амартола)⁴⁹. Значит ли это, что летописец, создававший эту компиляцию, просто использовал первые подвернувшиеся ему под руку тексты? И следует ли учитывать смысл самих использованных им текстов при демистификации текста производного?

Ответы на все эти и подобные им вопросы можно получить лишь в том случае, если принять презумпцию намеренных изменений текста источника, на которой основывал свои построения А.А. Шахматов и на которой, в частности, настаивал Д.С. Лихачев: «Другой принцип, примененный А.А. Шахматовым и его последователями к изучению истории летописных текстов, — это принцип примата сознательных изменений текста над механическими. Исследователь текста во всех случаях должен в первую очередь искать сознательные причины изменения текста и только в случае невозможности более или менее достоверно объяснить изменения текста намерениями переписчиков и переделывателей останавливаться на объяснениях, допускающих простую порчу текста. На первый взгляд, такое предпочтение сознательного бессознательному может показаться про-

⁴⁸ Barthes R. Texte (курсив мой. — И. Д.).

⁴⁹ Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. 4. М.; Л., 1940. С. 54–57, 69–72.

извольным, но на самом деле этот принцип является строго закономерным во всех случаях, когда мы имеем дело с письменным творчеством вообще и с творчеством летописца в особенности»⁵⁰. Такое признание заставляет предполагать, что летописец более или менее осознанно отбирал источники для своего труда (естественно, будучи ограниченным в этом выборе перечнем книг, непосредственно находившихся в его распоряжении) и вполне осознанно отбирал из них «приглянувшиеся» цитаты. Исходя из простого допущения, что не только переписчик или редактор изменял текст сознательно, но и сам автор создавал этот самый текст в здравом уме и твердой памяти, придется согласиться с тем, что подавляющее большинство прямых и косвенных цитат он приводил с определенной целью. Поэтому в последнее время исследователи все чаще предпочитают говорить не о «клишированности» или «этикетности» античных и средневековых текстов, а о *целтонно-парафрадном принципе* их построения.

Поскольку само понятие *целтона* пока еще редко встречается в русскоязычной литературе, остановимся на нем подробнее. Развернутое определение целтона дает С.С. Аверинцев. Анализируя трактат «Пир, или о девстве» Мефодия Патарского, он обращает внимание на то, что тот уже самым названием отсылает читателя к платоновскому диалогу «Пир, или о любви»: «Мефодий, воспроизводя перипетии диалогического процесса, почти без изменений переносит в свой текст из платоновского готовые словечки, словосочетания, выражения и формулы, идущие как строительный материал для выстраивания скреп и переходов между речами. Такое инкорпорирование деталей старого художественного целого в состав нового встречается в самых различных областях позднеантичного и раннесредневекового творчества: так, поэзия знала практику так называемых *целтонов* (*centones*) — мозаик из стихов или полустихий старых поэтов, заново смонтированных для разработки какой-нибудь темы, о которой эти поэты и не думали, изобразительные искусства приучаются работать с разнообразными комбинациями простейших мотивов, а в архитектурные ансамбли христианских церквей входили колонны, извлеченные из развалин языческих храмов»⁵¹.

Целтонный принцип распространялся и на средневековую музыкальную культуру⁵². Так, в основе певческой церковной культуры Древней

⁵⁰ Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. СПб., 2001. С. 379–380.

⁵¹ Аверинцев С.С. Литература // Культура Византии IV — первой половины VII в. М., 1984. С. 281. Ср.: Гаспаров М.Л., Рузина Е.Г. Вергилий и вергилианские целтоны: Поэтика формул и поэтика реминисценций // Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности / отв. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1978.

⁵² Владышевская Т.Ф. Византийская музыкальная эстетика и ее влияние на певческую культуру Древней Руси // Византия и Русь. М., 1989. С. 153.

Руси лежит византийский музыкально-певческий канон, воспринятый вместе с христианством. Древнерусские распевщики пользовались в своей композиторской и исполнительской практике определенным набором отработанных мелодических фраз-формул распева, которые позволяли составлять цельный мелодический фрагмент-период, обнимающий словесное наполнение стихирь или другой структурной единицы песнопения⁵³. Тот же принцип вполне сознательного повторения и копирования образцов составляет основу и средневекового канона древнерусской иконописи (система иконописных подлинников).

Многочисленные переводные и самостоятельно перекомпонованные в Древней Руси «Изборники», «Златоусты» и «Пчелы», «Луга духовные» и «Измарагды», «Торжественники» и «Шестодневы», «Физиологи» и «Бестиарии» с формальной точки зрения представляют по своему составу и композиции несомненно центонные компиляции. Они создавались по «методу пчелы», когда автор был «акы пчела, падая по различным цвѣтомъ... по книгам събирая сладость словесную, съвокупляя мудрость, яко воды морския в мѣх»⁵⁴, хотя и не были лишены того или иного объединяющего тематического замысла.

Центон иногда соседствует с *парафразом* (от др.-греч. *παράφρασις* — ‘пересказ’). Вместе они составляют суть центонно-парафразного способа построения новых литературных произведений. Классическим примером применения центонно-парафразного принципа в древнерусской литературе является «Слово (Моление) Даниила Заточника»: оно состоит практически целиком из прямых и косвенных цитат, являясь в то же время вполне оригинальным произведением, имеющим замысел, сюжет и достаточно четкую структуру.

Этому же принципу следуют и начальные русские летописи, в том числе «Повесть временных лет». Они включают весьма пестрый материал — по большей части, прямые или косвенные цитаты предшествующих текстов: «Легенды и исторические предания чередуются с анекдотами и фрагментами из сочинений явно поэтического характера, отрывки византийских хроник перемежаются с описанием событий местного и общерусского значения. И все это регулярно подвергается оценке и комментированию с позиций христианской морали с привлечением притч и сентенций Священного Писания»⁵⁵. Вообще, по справедливому выражению А.А. Гогешвили, «во всей древнерусской литературе, духовной и светской, неискушенному читателю

⁵³ Владышевская Т.Ф. Музыка Древней Руси // Вагнер Г.К., Владышевская Т.Ф. Искусство Древней Руси. М., 1993. С. 177–180.

⁵⁴ Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / подг. текста Н.Н. Зарубин. Л., 1932. (Памятники древнерусской литературы. Вып. 3). С. 83–84.

⁵⁵ Гогешвили А.А. Три источника «Слова о полку Игореве»: Исследование. М., 1999. С. 14.

Прежде всего бросаются в глаза не жанровые различия, не черты пресловутого “исторического монументализма” или “монументального историзма”, а все то же качество центонности, компилятивности, сборности»⁵⁶.

У центона есть еще одно свойство, которое следует отметить: он очень близок к тому, что К. Леви-Стросс назвал «интеллектуальными самоделками», *бриколажем*⁵⁷. Речь идет о работе при помощи орудий и материалов, которые не предназначались специально для данной работы. Этим «самоделщик» отличается от инженера, который пользуется специально подготовленными материалами и специально для этой работы сделанными орудиями. «Правило самоделок — “всякий раз обходиться подручными средствами” и включать в новую структуру приспособленные к делу остатки старых, не тратя сил на специальное изготовление составляющих и осуществляя вместо этого двойную операцию анализа (извлечение различных элементов из различных уже имеющихся комплексов) и синтеза (создание из этих разнородных элементов нового целого, где, вообще говоря, ни один из реутилизированных элементов может не получить своей исходной функции)». «В такой типично “структуралистской” деятельности, — подчеркивает Ж. Женнет, — некоторый дефицит производства восполняется чрезвычайной изощренностью в перераспределении остатков»⁵⁸.

Сближение центона с бриколажем представляется важным, прежде всего, потому, что, как отмечал К. Леви-Стросс, мир орудий, с которыми работает мастер-самоделщик, — *замкнутый*. Сколь бы ни был обширен их набор, он остается конечным. «Такая конечность отличает мастера-самоделщика от инженера, который в принципе всегда может получать в свое распоряжение инструмент, специально предназначенный для той или иной технической задачи»⁵⁹. Инженер «исследует весь мир, тогда как самоделщик имеет дело с набором остатков человеческих произведений, т.е. с некоторым подмножеством культур»⁶⁰.

Другими словами, в центонно-парафрадном произведении всегда используется (во всяком случае, сознательно) ограниченное число текстов, подавляющее большинство из которых можно установить. Это еще один шаг от «чистой» интертекстуальности к реальному (и, главное в данном случае, — верифицируемому) полю деятельности исследователя, ограниченному определенным кругом чтения автора (и подразумеваемого им читателя), создавшего изучаемый текст.

⁵⁶ Там же. С. 13–14.

⁵⁷ *Леви-Стросс К.* Неприрученная мысль // *Леви-Стросс. К.* Первобытное мышление. М., 1994. С. 126–130.

⁵⁸ *Женнет Ж.* Структурализм и литературная критика // *Женнет Ж.* Фигуры: в 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 159.

⁵⁹ Там же. С. 160.

⁶⁰ *Леви-Стросс К.* Неприрученная мысль. С. 129.

Есть еще одно понятие, чрезвычайно близкое к понятию «литературного этикета» и в той или иной мере приближающееся к представлению о центоне, — давно устоявшееся в научной литературе понятие *топоса*. При всей близости центона к топосу между ними есть существенная разница, которую необходимо подчеркнуть.

Развивая мысль С.С. Аверинцева о том, что «для античного риторического взгляда на вещи *κοινός τόπος* есть нечто абсолютно необходимое, а потому почтенное»⁶¹, А.А. Гогешвили добавляет: «“Общее место”, *loci communes*, описание типичного явления или мотива, разнообразные лексико-фразеологической перманенты, включающие “крылатое слово” или ходячее выражение, пословицы, поговорки, суждения и определения — не только “формальная парадигматика античной литературы”, завещанная вместе с античной риторикой Средневековью, не только вспомогательное мнемоническое и креативное средство, согласно Мильману Перри облегчающее эпическую деятельность устных сказителей и в не меньшей мере, между прочим, письменный труд литераторов, но и некоторая, независимая от способа выражения смысловая ценность, мудрость, гносеологическое и онтологическое достижение, обобщение, архетип, выражающий и закрепляющий типическую жизненную ситуацию, истину, интеллектуальное завоевание, в конце концов, некоторую объективную закономерность окружающего мира, тем более высоко ценимый, бережно сохраняемый и неоднократно используемый, что он облечен в результате труда предшественников в отточенную литературную форму, в стилистическую и ритмическую формулу». И далее: «Этот архетип, это “общее место”, даже если оно сводится к почему-то сильно девальвированному постоянному или тавтологическому эпитету — одновременно некоторый идеал, очень точно отражающий историко-социальные и морально-эстетические представления и устремления эпохи»⁶².

Есть основания полагать, что само представление о средневековой топике в большей мере относится к Западной Европе — с ее университетским образованием, предполагавшим, прежде всего, усвоение студентом определенного круга текстов (с фактическим заучиванием их наизусть): «Поскольку учеба [в средневековом европейском университете] в основном сводилась к комментированию текстов, то статуты указывают на труды, которые включались в университетскую программу. Авторы здесь <...> меняются в зависимости от места и времени. На факультете свободных ис-

⁶¹ Аверинцев С.С. Риторика как подход к обобщению действительности // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 158. Ср.: «Общее место — инструмент абстрагирования, средство упорядочить, систематизировать пестроту явлений действительности, сделать эту пестроту легко обозримой для рассудка» [Там же. С. 159].

⁶² Гогешвили А.А. Три источника «Слова о полку Игореве». С. 223.

искусств преобладают логика и диалектика, по крайней мере в Париже, где комментируется почти весь Аристотель, тогда как в Болонье он представлен только в отрывках, зато программы уделяют большее внимание риторике, в том числе *De Inventione* Цицерона и *Риторике* к Гереннию, а также математическим и астрономическим наукам, включая Эвклида и Птолемея. Для изучавших право основным учебником был *Декрет* Грациана. В Болонье к нему прибавляли *Декреталии* Григория IX, Клементины и *Экстраваганции*. В области гражданского права комментировали Пандекты, разделенные на три части: *Digestum Vetus*, *Infortiatum* и *Digestum Novum*, а также Кодекс и сборник трактатов, именуемый *Volumen* или *Volumen Parvum*, включающий в себя *Institutiones* и *Authentica* (т.е. латинский перевод новелл Юстиниана). В Болонье к этому добавляли свод ломбардских законов — *Liber Feodorum*. Медицинский факультет опирался на *Ars Medicinae*, свод текстов, объединенных в XI в. Константином Африканским, содержащий труды Гиппократа и Галена. Позже к ним были прибавлены великие «Суммы» арабов: *Канон* Авиценны, *Colliget* или *Correctorium* Аверроэса, *Альманзор* Разеса. Богословы прибавляли к Библии в качестве основополагающих текстов *Книги сентенций* Петра Ломбардского и *Historia Scholastica* Петра Едока»⁶³. При этом экзамены на получение степени сводились к подготовке кандидатом комментариев к отрывку, предложенному одним из коллегии докторов. Анализируя средневековые трактаты об искусстве памяти, Ф. Йейтс добавляет: «Каковы же были те предметы, которые аскетическое Средневековье стремилось запомнить прежде всего? Конечно, они относились к спасению, проклятию, предметам веры, путям на небеса под руководством добродетели и в преисподнюю по стезе порока»⁶⁴. Как известно, до середины XVI в. на Руси отсутствовали даже школы для священников. Чему и как учились древнерусские клирики, — вопрос до сих пор крайне слабо исследованный. Конечно, и здесь обучение, скорее всего, сводилось преимущественно к запоминанию текстов. Но какие тексты и в каком объеме заучивались, насколько репертуар запоминаемых текстов зависел от того, где и у кого учился тот или иной будущий автор, — до сих пор остается загадкой. Во всяком случае, можно думать, что в древней Руси перечень и объем запоминаемых текстов были гораздо менее определенными, нежели в имевшей длительную и устойчивую схоластическую традицию Западной Европе. А потому и «топосы» древнерусской литературы в некоторой степени отличаются от топики западноевропейской средневековой литературы, — прежде всего, меньшей механичностью, а потому большей семантической насыщенностью и осознанностью употребления.

⁶³ Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века. Долгопрудный, 1997. С. 99–100.

⁶⁴ Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб., 1997. С. 74.

Рассуждения о степени осознанности применения прямых и косвенных цитат в западноевропейских средневековых и древнерусских источниках выводят на такую особенность центона, как присущая ему «память контекста». Для читателя таких текстов — и на это, несомненно, рассчитывали авторы «оригинальных» текстов — всякая цитата, в том числе и немаркированная, не только легко узнавалась, но и неизбежно отсылала его к «тексту-предшественнику», заставляя вспомнить прежний контекст, из которого она вырывалась. Таким образом, создаваемый текст не только связывался со своими литературными истоками, но и последние приобретали совершенно новые, порой неожиданные связи — как с современными им, так и с предыдущими и последующими произведениями. Чтение же текстов, построенных по центонно-парафразному принципу, превращалось в изощренную интеллектуальную игру. «Игроку»-читателю надлежало не только правильно определить прямую или косвенную цитату, но и уловить новые смысловые нити, связывающие уже знакомые ему образы с лежащим перед ним новым описанием. Тут, собственно, и рождались те смысловые структуры, которые автор транслировал читателям текста. Как писал Л.М. Баткин, «текст — это и есть занимающая нас специфически человеческая реальность, притом не всякий текст и не в качестве очередного подтверждения тотального изоморфизма, но именно “вот этот”, только неповторимый и особенный текст, т.е. увиденный в качестве такового. Сколько бы в нем ни было повторяющихся, заемных, готовых элементов, пусть он на 99% сложен из знакомых (помимо него) кирпичиков, нас-то привлекает, каким образом они пересоздаются — и по ходу высказывания рождается новый смысл. Именно смысл, а не информация»⁶⁵.

Как видим, понятие центона принципиально отличается как от понятия интертекстуальности, так и от литературного этикета, и от топоса. От первого из них его отделяет, прежде всего, осознанность использования цитат. От второго и третьего — его бо́льшая информационная насыщенность (центон дает новому автору не только нужную форму, но и требуемое содержание). Теория центона переносит акцент с формы на исходное содержание цитат, утраченный, но подразумеваемый контекст, из которого они вырваны. Новое же произведение, состоящее из центонов, больше напоминает не мозаику (с которой Д.С. Лихачев сравнивал летопись⁶⁶, и как

⁶⁵ Баткин Л.М. Два способа изучать историю культуры // Вопросы философии. 1986. № 12. С. 107.

⁶⁶ «Летопись — произведение монументального искусства, она мозаична. Рассмотренная вблизи, в упор, она производит впечатление случайного набора кусков драгоценной смальты, но окинутая взором в ее целом, она поражает нас строгой продуманностью всей композиции, последовательностью повествования, единством и грандиозностью идеи, всепроникающим патриотизмом содержания» (Лихачев Д.С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк. С. 297).

определяет центонный текст С.С. Аверинцев), а своего рода коллаж, в котором каждый из используемых для создания нового произведения «микротекстов» сохраняет память прежнего контекста, из которого он заимствуется, что придает новому произведению семантические глубину и объем.

Так, характеризуя творчество Кирилла Туровского, Е.Б. Рогачевская отмечает, что у него «тема, основанная на опорных словах, редко раскрывается на небольшом отрывке текста (в пределах периода...). Он использует на пространстве всего Слова краткие цитаты, идейно связанные между собой <...>. Чаше Кирилл Туровский ставит рядом разнородные (по крайней мере на лексическом уровне) цитаты <...>. Подобранные Кириллом цитаты не являются единым смысловым отрывком, а, скорее, напоминают коллаж — это сравнение, разумеется, не является оценкой мастерства оратора)»⁶⁷. При этом исследовательница считает, что древнерусский проповедник заимствовал «идею цитирования и монтирования стихов Псалтири друг с другом» у Иоанна Златоуста, на труды которого он опирался⁶⁸.

Каждая составляющая нового оригинального произведения продолжает невидимо пребывать в прежнем — знакомом читателю и узнаваемом им — тексте и одновременно включается в новые семантические связи, образуя принципиально новый текст. Естественно, это не исключает присутствия в источнике того, что называется литературным этикетом или топосами. Но и они, как представляется, начинают выполнять еще одну функцию — указательную. Помимо идеального обозначения того, к какому классу явлений общественной жизни относится описываемое явление (вспомним Д.С. Лихачева: «Этикет <...> становится формой и существом идеализации»⁶⁹), он еще и отсылает к текстам, в которых описывается существо и сущность происходящего. Этикетная формула становится своеобразным «знаком дорожного движения», помогая читателю ориентироваться не только в данном тексте, но и в том текстовом поле, интертексте, которые его породили, окружают и, в значительной степени, раскрывают (проясняют).

Произведение, основанное на центонном принципе, помимо буквального имеет несколько скрытых смысловых уровней, каждый из которых может быть восстановлен посредством специального анализа. При этом особое значение приобретает выявление цитат, формирующих текст, выяснение их происхождения и исходного контекста. Принципиально важным представляется то, что такая реконструкция смыслов произведения — собственно, его понимание — верифицируема. Этим она существенно отличается от постмодернистских «интерпретаций интерпретаций», ничем не

⁶⁷ Рогачевская Е.Б. Библиейские тексты в произведениях древнейших русских проповедников: К постановке проблемы. М., 1992. Сб. 3. С. 192–193.

⁶⁸ Там же. С. 194.

⁶⁹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. С. 89.

ограниченных и подчиненных чаще всего не столько логике самого анализируемого произведения, сколько потребностям концепции, которую исповедует интерпретатор. Между тем «глубинное требование герменевтики: всякая интерпретация имеет целью преодолеть расстояние, дистанцию между минувшей культурной эпохой, которой принадлежит текст, и самим интерпретатором. Преодолевая это расстояние, становясь современником текста, интерпретатор может присвоить себе смысл: из чужого текста он хочет сделать его своим, собственным; расширение самопонимания он намеревается достичь через понимание другого. Таким образом, явно или неявно, всякая герменевтика выступает пониманием самого себя через понимание другого»⁷⁰.

Так, именно учет центонно-парафразного принципа построения анализируемого текста позволил в свое время Ж. Дюби несколько неожиданно взглянуть на хрестоматийное положение о трехчленной структуре средневекового общества: «Сочинитель — Адальберон, безымянный каноник из Камбре, Герард, водивший его рукой, — стремился блеснуть, превзойти других литературной изощренностью. Эти тексты, эта поэма, это историческое повествование, все это — школьные упражнения, и все эти интеллектуалы — школьники, и сам епископ Ланский тоже, несмотря на свой преклонный возраст. Задача была в том, чтобы непринужденно ввести в изысканные ритмы стихов и прозы ряд отсылок к книгам, которые все просвещенные читали, которые теснились в их памяти; игра с текстом, наслаждение от него состояли в том, чтобы опознать по ходу дела эти цитаты, по-новому и более искусно связанные между собой. В определенной точке двух таких утонченных сочинений появляется высказывание о трифункциональном принципе. Повторю: там его и следует оставить, остерегаясь сдвинуть с места слова, которые его окружают, которые вместе с ним образуют необходимое, все проясняющее созвучие. Ведь только структура всей системы может объяснить, почему в это время, в этом месте возникла тема трех функций»⁷¹.

Учет и использование этого принципа в источниковедческом и собственно историческом исследовании существенно повышает информационную отдачу источника, позволяет выявить смысловые пласты текста, прежде казавшиеся (и оказывавшиеся потому на самом деле) недоступными.

И дело не в том, что прежние исследователи оказывались менее «зоркими». Просто речь идет о радикальной смене точки зрения, о принципиально ином взгляде на текст. По определению М.М. Бахтина, при работе с

⁷⁰ Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995. С. 25.

⁷¹ Дюби Ж. Трехчастная модель, или представления средневекового общества о себе самом. М., 2000. С. 28.

текстами возможны два подхода к ним: как к «вещи» и как к «личности». В первом случае текст изучается «на уровне системы», во втором — «на уровне органического единства»⁷². Причем «обе точки зрения оправданы, но в определенных методологических границах и без смешения...»⁷³, поскольку «с текстом “как живым” (личностным) можно вступить лишь в диалогические отношения, но тогда недоступно исследование текста как информационной структуры»⁷⁴, и наоборот, изучение его как структуры исключает возможность «диалога» с ним.

Каждый из упомянутых подходов тяготеет к своему полюсу гуманитарных наук. Первый — к «научности», второй — к «гуманитарности».

Первый предполагает накопление верифицируемого знания, которое постепенно вытесняет *не-знание*. Для него текст — источник, «пассивное зместилище информации, ее готовые блоки, нуждающиеся, впрочем, в изобретательной и трудной расшифровке»: «для чего требуется его раззть, вышелушить значимые для исследователя мотивы и затем обрабатывать их, группировать, сопоставлять с аналогичными мотивами из других источников, имея уже дело, собственно, с препарированными вытяжками ментальной ткани, а не с целостными произведениями, не с авторами». Такой подход при всех достоинствах имеет существенный недостаток: «то, что высказано в них [текстах] непосредственно, оказывается отчасти полезным, но еще более — затемняющим суть, подобно жалобам пациента на приеме у лекаря»⁷⁵.

Второй — стремится к *пониманию*, которое «не столько растет, сколько меняется (рядом возникает не столько большее или меньшее, сколько иное понимание)». Причем «понимание никак не отделено от непонимания, ибо оно всегда есть одновременно непонимание (со стороны иного понимания — но и саморефлексивно, по мере того, как мы проникаемся глубиной чужого и, следовательно, не поддающегося нашему присвоению сознания). То есть чем больше понимания, тем его, в известном смысле, меньше (тем оно менее агрессивно, уверено в себе). Ведь понимание потому и понимает, что сохраняет надлежащую скромность, выявляет непонятность Иного»⁷⁶. По эту сторону методологической границы текст предстает как сама «занимающая нас специфически человеческая реальность»⁷⁷.

На данном этапе текстологического анализа эта сторона текста исторического источника и будет интересоваться нас в первую очередь.

⁷² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986. С. 339.

⁷³ Там же. С. 343.

⁷⁴ Там же. С. 108.

⁷⁵ Там же. С. 106.

⁷⁶ Там же. С. 111.

⁷⁷ Там же. С. 107.

6.3. КРУГ ЧТЕНИЯ АВТОРА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Для того чтобы верно определить в тексте источника прямые или косвенные цитаты, исследователь должен иметь достаточно полное представление о круге чтения автора текста и критериях отбора им цитируемых произведений из числа тех, которые ему были доступны.

6.3.1. *Библеизмы в исторических источниках.* Одним из основных поставщиков прямых и косвенных цитат, которым пользовались и пользуются авторы исторических источников, начиная со средневековья, безусловно, является Библия. Присутствие заимствований из Библии в нарративных текстах давно и хорошо известно. Однако чаще всего они не учитываются в конкретно-исторических построениях. Напротив, чаще всего (обычно по умолчанию, но иногда и открыто) исследователи предпочитают «очищать» от них исследуемый текст. Действительно, с позитивистской точки зрения «в библеизме как раз кроется то типичное, лишь по выделении которого мы можем получить действительно индивидуальное и оригинальное. Лишь после “проверки на Библию”, в которой <...> нуждается любой средневековый исторический памятник, мы можем действительно поставить вопрос о самостоятельности и ценности его данных»⁷⁸. Поэтому «церковную риторику» историки, пытающиеся реконструировать прошлое, рассматривают как некие своеобразные орнаментальные заставки или архитектурные излишества. Так, Д.С. Лихачев, чьи труды по праву в значительной мере определяют развитие современного источниковедения Древней Руси, считает, что «летописец <...> только внешне присоединял свои религиозные толкования тех или иных событий к деловому и в общем довольно реалистическому рассказу», в этом просто «сказывался <...> средневековый “этикет” писательского ремесла». Поскольку же, по словам Д.С. Лихачева, «провиденциализм <...> не является для него [летописца] следствием особенностей его мышления», становится очевидным, что «отвлеченные построения христианской мысли», которые встречаются в летописных сводах, нельзя толком использовать даже для изучения мировоззрения автора той или иной записи. Ведь «свой провиденциализм летописец в значительной мере получает в готовом виде, а не доходит до него сам»⁷⁹.

Одним из первых, кто не просто выявил библейские цитаты в средневековых исторических текстах, но обратил внимание на то, что многие недостоверные сведения в этих источниках восходят к библейским образам

⁷⁸ Егоров Д.Н. Славяно-германские отношения в средние века: Колонизация Макленбурга в XIII в. Т. 1. М., 1915. С. 114.

⁷⁹ Лихачев Д.С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк. С. 297.

и фразеологии, был немецкий источниковед Х. Бреслау⁸⁰. Его ученик, Т. Рудольф, развил эту идею, изучая одну из глав Хроники Гельмольда⁸¹. Однако обе эти работы не привлекли внимания современных им историков и источниковедов. Следующий — и очень важный — шаг в этом направлении сделал Д.Н. Егоров⁸². Однако и его чрезвычайно интересное во многих отношениях исследование, по существу, оставалось забытым до самого последнего времени. Между тем практически все его наблюдения не потеряли своего значения и сегодня.

Д.Н. Егоров, в частности, писал: «Выявление степени влияния церковного элемента позволяет подойти к средневековому писателю с совершенно новой и, мне кажется, весьма плодотворной стороны: возникает цепь новых вопросов, выясняются многие незамеченные подробности не только стиля, но и метода его работы. Специально для рассмотрения средневекового историка выяснится ряд новых критических задач, в значительной степени меняющих благосклонное, в общем, и доверчивое к нему отношение»⁸³.

В целом, исследователь точно и емко охарактеризовал влияние Библии на тексты средневековых (и не только) источников: «Вопрос о степени влияния церковного элемента на все проявления средневековой литературы удобно и ненасильственно можно свести к вопросу о влиянии Писания, о чем, странным образом, до сих пор нет ни одного исследования. Влияние Библии на все средневековые ни с чем не сравнимо и стоит в теснейшей зависимости от общей церковности всей культуры. Писание — единственная основа всякого знания и для великого богослова, и для начинающего школьника; изучение его — единственная и конечная цель: все остальные дисциплины имеют лишь прикладное значение, являются лишь “instrumentum”, и недаром иногда scriptura и theologia синонимизируются. Писание — богооткровенно, а посему, и в целом, и в малейших своих крупичках, дает знание совершенное, абсолютное; библейские слово или фраза — auctoritas [лат. — ‘образец’] неоспоримой ценности. И вот, часто Библия в средние века представляется в виде бесконечной сокровищницы аргументов, убедительнейших цитат, одинаково пригодных и одинаково доказательных для всякого спора, богословского или политического. Полемисты времен Генриха IV, Филиппа Красивого, Людовика Баварца, вплоть до “монархома-

⁸⁰ Breslau H. Aufgaben mittelalterlichen Quellenforschung. Strassburg, 1904.

⁸¹ Rudolph Th. Die Niederlandischen Kolinien Der Altmark Im XII Jahrhundert: Eine Quellenkritische Untersuchung. Berlin, 1889.

⁸² Егоров Д.Н. Новый источник по истории прибалтийских славян: сб. статей, посвященных памяти Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню 30-летия его профессорской деятельности в Московском Университете (5 декабря 1879 — 5 декабря 1909 года). М., 1909. С. 332–346; Егоров Д.Н. Славяно-германские отношения в средние века. Т. 1–2. М., 1915.

⁸³ Там же. Т. 1. С. 105.

хов” и Мильтона, опираются не столько на факт, сколько на “слово”. Умение цитировать равносильно умению диспутировать. Качество ссылок-цитат отступает перед их количеством, чем и объясняется, на мой взгляд, то странное и давно подмеченное явление, что цитат ветхозаветных больше, нежели новозаветных; иного распределения цитат в вопросах общественных и церковно-политических не могло и быть, и отсюда нельзя делать вывода об особой принципиальной предилекции⁸⁴ средних веков к Ветхому Завету, а Реформации, напр., к Завету Новому; при проверке, хотя бы на Лютере, оказывается, что статистика цитат и у него остается “средневековой”, раз вопрос касается не интимного морального поведения отдельного человека, а явлений общественных. Но, конечно, значение Библии не исчерпывалось и в средние века буквальным значением ее слов, вырываемых иногда чрезвычайно произвольно из общего контекста, чем и объясняется бесконечность и бесплодность большинства средневековых споров. Библия не только непревзойденный арсенал словесных аргументов, но и великая божественная энциклопедия примеров, целостных фактов, поучительных событий. Раскрыть все богатство фактических примеров может лишь толкование, экзегеза, и, поэтому, способы толкования, а в связи с ними и емкость божественной энциклопедии, ее безграничная приложимость ко всяческим явлениям современности, все увеличиваются: кроме “литерального”, буквального значения постепенно все расширяется круг иносказательного толкования — находят смысл моральный, тропологический, анагогический, типический. Таково научное значение Библии для средневековья»⁸⁵.

«Церковная риторика», на самом деле, несет очень важную ретроспективную информацию. С ее помощью авторы исторических источников (прежде всего, средневековых и древнерусских) давали оценки и характеристики описываемым персонажам, событиям и процессам. «Писание в средние века, — отмечал Д.Н. Егоров, — действительно *знали* — до точности, до малейшего стиха, наизусть, вдоль и поперек. Вульгата имела бесконечно большее значение, нежели теперь; это была поистине — “книга”, βιβλίον, единственная, нередко, книга, как явствует из описей скудных средневековых “библиотек”. Ее не “читали” просто, и не “изучали” даже; ею — *проникались*, она входила в плоть и кровь: ее образы, ее лексикон, ее факты — вот общая сокровищница тогдашних грамотеев. К тому же на этой Книге почиет особая благодать — боговдохновенность; она не только нравоучительно повествует, но и беспредельно авторитетно поучает, она открывает сущность и бывшего, и <...> будущего; она своего рода бого-

⁸⁴ Предилекция (от фр. — *prédilection*) — устар. предпочтение, предрасположение к чему-либо.

⁸⁵ Егоров Д.Н. Славяно-германские отношения в средние века. Т. I. С. 105–107.

откровенная социология: в ней предвосхищен весь смысл бывших и будущих событий, и недаром же среди тогдашних начетников не раз выступает мысль о круговращении истории, об ее повторяемости настолько закономерной, что по библейским фактам можно предсказать грядущие события XIII и XIV вв. — Все проникнуто Библией, ибо емкость ее неизреченна; она — раз навсегда законченная энциклопедия; из нее, и *только* из нее, берутся поэтому аргументы в любом споре, богословском или политическом, исключительно библейские сюжеты изображает и искусство, и поэзия в течение многих столетий, ибо она — “prima doctrix”, “ultima ratio”. Библиократизм — вот удачное, недавно лишь пущенное в оборот слово; библиократизм — вот знамение не одних средних веков, но и последующих столетий Реформация — Troeltsch), вплоть до дерзостного “исторического” изучения Книги книг “тюбингенской школой”. — Поэтому, говоря о “языке средних веков”, будь то язык клирика, бюргера, канцелярского “скрибы”, нельзя упускать из виду всепроникающего влияния Библии, *ее* языка. — Вот эта сторона и не разработана еще; критическая поправка средневековых источников на “язык” ждет пока своей очереди. А между тем такая критика более чем необходима: появляются же еврейские “сикли серебра” на Нижнем Рейне; живописуются же битвы XIII в. деталями библейских сражений, и современный ученый после исчерпывающего изучения, и памятников, и топографии поля сражения, все же нередко стоял перед “неразрешимыми загадками”, ибо детали и топографию он искал не там, где нужно, они — на страницах Библии! — Таким образом и фактическая сторона все время проплетается библейскими узорами и реминисценциями; и трудно даже сказать — вольная ли или невольная тут фальсификация; зачастую писавший, быть может, и не замечал чудовищного плагиата. Так, под влиянием библиократизма, писали все люди средневековья; и чем учение, начитаннее был человек, тем чаще и больше было у него невольных цитат и библейских фрагментов. Так писали грамоту, эпистолу, анналы; и в этом смысле, действительно, нет разницы между летописью и якобы сухо-деловой грамотой; и там и здесь самый язык (формулы — не в счет) — литературный, т.е. библейский⁸⁶. Так что «Библия, действительно, всепроникающее начало, α и ω»⁸⁷.

К аналогичному заключению — уже на древнерусском материале — через восемь десятилетий пришел А.А. Алексеев: «Находясь за пределами тех литературных жанров, в рамках которых осуществлялось оригинальное писательское творчество, библейские тексты являлись источниками сюжетов, аллюзий, цитат, фразеологии и лексической семантики, оказывая тем самым влияние на сюжетостроение и стилистическое своеобра-

⁸⁶ Егоров Д.Н. Новый источник по истории прибалтийских славян. С. 336–338.

⁸⁷ Егоров Д.Н. Славяно-германские отношения в средние века. Т. 1. С. 108.

зие всей литературы». При этом следует учитывать своеобразие способов копирования и распространения Священного Писания на Руси, а также разработку и применение здесь специальных средства надзора за стабильностью библейского текста. «К стабилизации текста, — как отмечает А.А. Алексеев, — вело и массовое производство литургических книг для нужд церковных приходов, эта деятельность производилась в монастырских и епископских скрипториях. Распространение этих принципов копирования за пределы Священного Писания производилось лишь случайно. По этим причинам именно библейские рукописи дают наиболее значимый материал для изучения филологической культуры и переводческого дела у славян». Это тем более справедливо, «что язык библейских текстов должен был восприниматься как воплощение языковой нормы, которой стремились следовать сочинители оригинальных произведений. При отсутствии грамматик и словарей, обеспечивающих возможности прямой кодификации письменной речи, роль стабилизатора языковой нормы играли нормативные образцы, т.е. тексты Священного Писания». Именно «благодаря этому литературный язык средневековья сохранял принципиальную тождественность в течение многих столетий, он обслуживал литературные и церковные потребности православных славян от Адриатики до Белого моря с IX по XVIII в. Поэтому изучение языка библейских текстов прокладывает прямой путь к выяснению характера языковой нормы всей эпохи. На фоне языка библейских текстов возможна относительная оценка языка других произведений»⁸⁸. И, «возможно, <...> книга Бытия воспринималась как архетипический образец исторического жанра», а потому «изучение Священного Писания может иметь пропедевтическое значение при исследовании оригинальной письменности»⁸⁹.

В связи с этим в последние десятилетия вопросы использования библейских текстов в западноевропейской средневековой и древнерусской литературе исследуются довольно интенсивно⁹⁰.

⁸⁸ Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 8–9 (курсив мой. — И. Д.).

⁸⁹ Там же. С. 8–9.

⁹⁰ См., например: Picchio R. Storia della letteratura russa antica. Milano, 1959 [рус. изд.: Пиккио Р. История древнерусской литературы. М., 2002]; Пиккио Р. Slavia orthodoxa: Литература и язык: сб. тр. М., 2003; Podskalsky G. Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus': 988–1237. München, 1982 [рус. изд.: Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси: 988–1237 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. для рус. пер. СПб., 1996]; Frye N. The Great Code: The Bible and Literature. 1982 [укр. изд.: Фрай Н. Великий код: Біблія і література. Львів, 2010]; Hill Ch. The English Bible and the Seventeenth-Century Revolution. N.Y., 1993 [рус. изд.: Хилл К. Английская Библия и революция XVII века. М., 1998]; Данилевский И.Н. Библиизмы Повести временных лет // Герменевтика древнерусской литературы XI–XVI вв. М., 1992. Сб. 3. С. 75–103; Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004; Левашин Л.В. О слове преображенном и слове преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. Минск, 2009; и др.

Однако для того чтобы установить, какие именно библейские тексты и как использовались авторами исторических источников, необходимо прежде всего представлять себе репертуар библейских книг, которыми они располагали.

6.3.2. *Репертуар библейских книг древней Руси.* Поскольку до 1499 г. славянской Библии в едином кодексе не существовало, остается только догадываться, в каком виде могли использовать летописцы тексты Ветхого и Нового Заветов. По мнению А.А. Шахматова, в основном это были паремийные чтения (фрагменты Священного Писания, читающиеся в православной церкви на вечернем богослужении, чаще всего накануне праздников)⁹¹.

Доказать это утверждение текстологически невозможно, поскольку «варьирование по спискам затрагивало <...> библейские цитаты, их форма в разных рукописях одного текста подвержена большим колебаниям»⁹². При этом, подчеркивает исследователь, «на пути применения [библейских] цитат в целях текстологии стоит отсутствие стремления строго и точно цитировать тексты, неизбежное в рукописную эпоху»⁹³. Следовательно, «изолированный список не является надежным источником»⁹⁴. Кроме того, богослужебные книги сохранились в сравнительно поздних списках, что делает их текстологическое сличение с ранними древнерусскими источниками спорным.

Вообще, история славянских переводов Библии, бытовавших на Руси до конца XV в., до сих пор разработана слабо⁹⁵. Работы Н.А. Мещерского⁹⁶ и А.А. Алексеева⁹⁷ существенно дополнили немногочисленные доре-

⁹¹ «В Киевской Руси были, конечно, известны списки Пятикнижия, а также других книг Ветхого Завета, но указаний на наличие полной Библии в древнем Киеве мы не имеем. Можно поэтому думать, что ряд книг Ветхого Завета был известен древним нашим книжникам и писателям только из выборочных чтений, вошедших в Паримейник» (Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники. С. 38).

⁹² Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. С. 70.

⁹³ Там же. С. 70.

⁹⁴ Там же. С. 71.

⁹⁵ См.: Евсеев И.Е. Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе. Ч. 1. СПб., 1987; Евсеев И.Е. Рукописное предание славянской Библии. СПб., 1911; Брандт Р. Григоровичев паремейник. Вып. 1–4. М., 1893–1901; Михайлов А.В. К вопросу о литературном наследии свв. Кирилла и Мефодия в глаголических хорватских миссалах и бревиариях: Из истории древнеславянского перевода книги Бытия пророка Моисея. Варшава, 1904; Михайлов А.В. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Ч. 1: Паримейный текст. Варшава, 1912; Дурново Н.К. К вопросу о древнейших переводах на старославянский язык библейских текстов // ИОРЯС. 1925. Т. 25. С. 353–429.

⁹⁶ Мещерский Н.А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков. Л., 1978; Мещерский Н.А. К вопросу об изучении переводной письменности киевского периода // Ученые записки Карело-Финского педагогического института. Т. 2. Вып. 1. Сер.: Обществ. наук. Петрозаводск, 1956; Мещерский Н.А. Искусство перевода Киевской Руси // ТОДРЛ. Т. 15. Л., 1958; и др.

⁹⁷ Алексеев А.А. Текстологическое значение Геннадиевской Библии 1499 года // Тысячелетие Крещения Руси. М., 1989. С. 325–329; Алексеев А.А. Переводы с древнееврейских оригиналов

волюционные исследования, но так и не смогли закрыть все имеющиеся в данной теме лакуны⁹⁸. До сих пор сведения по текстологической истории славянской Библии «лишь в малой степени основаны на полном изучении всего сохранившегося объема рукописного материала»; собственно текстология древнерусских переводов библейских текстов «начинается лишь сегодня»⁹⁹.

Существовали ли на Руси до Геннадиевской Библии 1499 г. полные систематические подборки древнерусских (славянских) переводов канонических библейских книг, неизвестно. Ясно лишь, что когда новгородский архиепископ Геннадий поставил задачу собрать все книги Библии в славянском переводе, некоторые из них разыскать не удалось. Во всяком случае. 1-я и 2-я книги Паралипоменон, 1-я, 2-я и 3-я Ездры, книги Неемии, Товита, Иудифи, Премудрости Соломона, 1-я и 2-я Маккавейские, 10–14-я главы книги Есфири, а также 1–25-я и 46–51-я главы книги пророка Иеремии были переведены с латинского оригинала Вульгаты специально для Геннадия монахом-доминиканцем Вениамином. Все остальные книги Ветхого и Нового Заветов (за исключением Песни Песней, переведенной в середине XII в.) были даны в ранних переводах, хронологически примерно совпадающих со временем создания первых древнерусских летописей¹⁰⁰.

Вместе с тем уже в Изборнике 1073 г. есть три статьи («От апостольских уставов» — л. 203–204, «Слово Иоанна о верочитных книгах» — л. 252–253; «Богословца от словес» — л. 253–254), которые содержат индексы рекомендованных и запрещенных для чтения религиозных книг, в том числе книг Ветхого и Нового Заветов. Среди них упомянуто и большинство текстов Писания, не обнаруженных Геннадием. Из книг, включаемых ныне в состав Библии, в перечнях Изборника отсутствуют только 3-я книга Ездры, а также книги Неемии и Варуха. Это, на наш взгляд, дает некоторые основания, чтобы предположить, что в распоряжении уже первых древнерусских книжников в том или ином виде имелись славянские тексты практически всего Священного Писания.

Самым сильным контраргументом может быть переводной характер указанных статей Изборника 1073 г.: их текст в части, касающейся рекомендованных для чтения книг Писания, точно соответствует греческому

Древней Руси // *Russian Linguistics*. 1987. Vol. 11. No. 1; и др. К числу наиболее серьезных работ последнего времени относится его фундаментальная монография: *Алексеев А.А. Текстология славянской Библии*.

⁹⁸ Подробнее см.: *Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык*. СПб., 1873 (2-е изд. СПб., 1899); *Астафьев Н.А. Опыт истории Библии в России*. СПб., 1889; *Рижский М.И. История переводов Библии в России*. Новосибирск, 1978; *Цуркан Р.К. Славянский перевод Библии: Происхождение, история текста и важнейшие издания*. СПб., 2001; и мн. др.

⁹⁹ *Алексеев А.А. Текстология славянской Библии*. С. 131.

¹⁰⁰ *Алексеев А.А. Текстологическое значение Геннадиевской Библии 1499 года*. С. 328–329.

оригиналу. М.В. Бибииков отмечает: «Как известно, Изборник 1073 г. — второй по древности (после Остромирова Евангелия) датированный памятник древнерусской книжности — восходит к древнеболгарскому протографу: несохранившемуся Изборнику царя Симеона, который в свою очередь представлял собой перевод, созданный на рубеже IX–X в., с византийского греческого прототипа памятника»¹⁰¹. На это же обращает внимание Н.А. Мещерский: «По составу Изборник 1073 г. может быть целиком (или почти весь) возведен к византийско-греческому архетипу, сборнику выдержек из различных, преимущественно патристических, произведений»¹⁰². Полностью греческие тексты, лежащие в основе Изборника, были изданы в Болгарии¹⁰³.

Тем не менее предложенный в Изборнике репертуар верочитных библейских книг, видимо, достаточно точно отражал реальную для читателя Древней Руси ситуацию. Об этом можно судить по тому, что перечень отечественных книг, включенных в те же статьи, был переработан на древнерусской почве¹⁰⁴. Вместо книг, с которыми древнерусские писатели и читатели не были знакомы, в него были включены апокрифические произведения, описывавшие хождение на Руси, что само по себе показательно, поскольку даже языковая правка Изборника была, по определению Н.А. Мещерского, «откровенно неглубокой»¹⁰⁵.

Обращает на себя внимание плохая сохранность ветхозаветных книг: из полутора тысяч рукописей, зафиксированных в Предварительном списке славяно-русских рукописей XI–XIV вв., ветхозаветные тексты имеются только в двух¹⁰⁶. Причем одна из них (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 2, рубеж XIV–XV вв.) включает книги Иисуса Навина, Судей, Руфь и Есфирь. В так называемый Иудейский хронограф (который был составлен не позднее середины XIII в.) входили фрагменты из Книги Бытия, полный текст книг Исход, Левит, Числа, Второзаконие, Иисуса Навина, Судей, Есфирь, а также фрагменты из Книги Руфь и из Книги пророка Иеремии. Кроме исторические библейские книги (Пятикнижие, книги Иисуса На-

Бибииков М.В. Византийский прототип древнейшей славянской книги: Изборник Святослава 1073 г. М., 1996. С. 246.

Мещерский Н.А. Взаимоотношения Изборника 1073 г. с Изборником 1076 г. // Изборник Святослава 1073 г. С. 91.

Симеонов сборник: по Светославовия препис от 1073 г. Т. 3: Гръцки извори / гръцки текст и изследване П. Янева; слав. текст, преглед., и свер. допълнит. А. Минчева, Ц. Ралева, П. Янева. П. Янева. София, 2015.

Лыпин А. Для объяснения статьи о ложных книгах // Летопись занятий Археографического института за 1861 год. СПб., 1862. Вып. 1. С. 1–55. Ср.: Сапунов Б.В. «Богословца от словес» в Изборнике 1073 г. и проблема читателя на Руси в XI в. // Изборник Святослава 1073 г. С. 236.

Мещерский Н.А. Взаимоотношения Изборника 1073 г. с Изборником 1076 г. С. 94.

Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в Российской библиотеке. Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 177–272.

вина, Судей, Царств, Есфирь) нередко переписывались в одних сборниках с хронографами (тем самым, по мнению О.В. Творогова, как бы выступая не только в функции Священного Писания, но и в функции исторического повествования). Дословный текст 3-й и 4-й книг Царств входил в состав так называемого Еллинского летописца первой (или архетипной) редакции, а во вторую редакцию Еллинского летописца и в Троицкий хронограф входили Книга Даниила с толкованиями Ипполита и Книга Иеремии¹⁰⁷. Эта традиция была продолжена в более поздних хронографах. Так, в Хронографе 1512 г. пересказывалось историческое содержание Пятикнижия, книг Иисуса Навина и Судей, четырех книг Царств, книг Руфь, Товит и Есфирь. Всего в этом Хронографе библейская история занимает около трети всего объема текста¹⁰⁸.

Кроме того, библейские цитаты пронизывают все переводные тексты, которыми пользовался древнерусский автор. Порой невозможно даже определить, был ли в его распоряжении неизвестный славянский перевод либо оригинальный греческий текст¹⁰⁹. Сличались ли при переводе такие цитаты с древнерусскими текстами Писания, нам не известно. Во всяком случае, А.А. Алексеев считает, что ситуация, «когда бы переписчики и редакторы исправляли в рукописях форму цитат согласно какому-либо внешнему источнику», маловероятна¹¹⁰. Кроме того, поскольку библейские тексты и сопутствующая им патристика были переводного происхождения, «вместе с патристическим текстом переводчики переводили заново и цитаты из Священного Писания, не заботясь о том, чтобы согласовать перевод цитат с наличными славянскими переводами Священного Писания»¹¹¹.

Даже для прямых цитат невозможно установить, лежал ли текст Священного Писания непосредственно перед автором, когда тот обращался к библейской тематике, или же он помнил его наизусть, либо близко к тексту. Впрочем, даже когда древнерусский книжник цитировал Библию по памяти, он, как уже было показано на примере Кирилла Туровского, довольно точно воспроизводил текст. При этом, правда, следует ориентироваться не на современный синодальный перевод, а, по возможности, обращаться к древнерусским спискам Писания.

Вообще, во всем античном и средневековом мире (в том числе в древней Руси) память играла гораздо большую роль, чем в последующее время. Специально изучавшая этот вопрос Ф. Йейтс подчеркивала: «В эпоху, предшествовавшую изобретению книгопечатания, хорошо развитая память имела жизненно важное значение, и манипуляции с памятными образами

¹⁰⁷ Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 23–27.

¹⁰⁸ Там же. С. 35

¹⁰⁹ Там же. С. 71–72.

¹¹⁰ Там же. С. 72.

¹¹¹ Там же. С. 70.

должны были так или иначе захватывать всю душу целиком»¹¹². Д.Н. Егоров также отмечал: «Целые места из Библии всегда были наготове; емкость средневековой памяти, результат долгой и мучительной школьной тренировки, прямо поразительна»¹¹³.

Помимо общих соображений и предположений в нашем распоряжении есть и отдельные упоминания, подтверждающие особую роль памяти в развитии книжной культуры. Достаточно вспомнить некоего Никиту Затворника: как пишет составитель Киево-Печерского патерика, «не можаше же никто же с ним истязатися книгами Ветхаго закона, весь бо изоусть чмѣяше: Бытие, Исход, Левиты, Числа, Судьи, Царства и вся Пророчества по чину, и вся книги жидовския добръ свѣдѣяше»¹¹⁴. В этом сообщении обращает на себя внимание, в частности, то, что «истязания» в знании Книг Священного Писания, видимо, не были редкостью среди монахов. Автора удивлял лишь объем текстов, которые Никита знал наизусть.

Значительная часть библейских текстов была у средневекового книжника, что называется, на слуху. Это подтверждают случаи, когда цитата из Библии обрывается на самом важном для цитирующего и его читателей месте. Такое «сокращение, — по мнению А.А. Алексеева, — наносит вред изложению, но возможно, что содержание стиха было столь памятно переводчику и предполагаемым читателям, что такое сокращение не казалось вносящим затруднения для восприятия мысли»¹¹⁵. Впрочем, «переводчик не всегда мог опознать невыделенную цитату»¹¹⁶. К тому же, «известны случаи, когда эта задача явно не входила в его намерения»¹¹⁷.

То, что «актуальному» читателю, на которого был рассчитан текст, не требовалось дополнительных подсказок, подтверждает наблюдение А.И. Филюшкина. Он обратил внимание на слова А.М. Курбского, обращенные к Ивану Грозному: «Прочие же последующие стихи умолчаю, возлагающе их царьской совести твоей, ведуще тя Священного Писания искуснаго»¹¹⁸. Это замечание свидетельствует о том, что «авторам не требовалось даже приводить полных цитат, достаточно было намекающей отсылки на тот или иной фрагмент [Священного Писания]»¹¹⁹. В таких слу-

¹¹² Йейтс Ф. Искусство памяти. С. 6.

¹¹³ Егоров Д.Н. Славяно-германские отношения в средние века. Т. 1. С. 111.

¹¹⁴ Киево-Печерский патерик. М., 1999. С. 37.

¹¹⁵ Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. С. 71.

¹¹⁶ Там же. С. 70; ср.: Михайлов А.В. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. С. СС1-СС1V.

¹¹⁷ Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. С. 70.

¹¹⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 114.

¹¹⁹ Филюшкин А.И. Герменевтика экзегетических цитат в Третьем послании Курбского // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: доклады и тезисы XIV науч. конф. (Москва, 18–19 апреля 2002 г.). М., 2002. С. 481.

чаях срабатывало то, что генетисты назвали *памятью контекста*: верно идентифицировавшему ее читателю не представляло труда продолжить цитируемый текст. Судя по всему, необязательными были и прямые отсылки к той или иной книге Священного Писания. Даже при косвенном цитировании в большинстве случаев читатель не должен был испытывать затруднений в определении, откуда позаимствован тот или иной сюжет. Впрочем, встречаются и исключения.

Так, приведя совершенно легендарный рассказ о визите княгини Ольги к константинопольскому императору, летописец прямо указывает, на что намекает описываемый сюжет: «Се же бысть, яко же и при Соломанѣ приде царица Ефиопская к Соломану <...>, тако же и си блаженная Ольга искаше доброѣ мудрости Божьи...»¹²⁰. Прямое сопоставление княгини Ольги с «царицей Ефиопской» обнаруживает в нем скрытый библейский мотив — хотя и в карнавальном виде. Такой травестированный вариант вполне соответствует смыслу пророчества из Евангелия от Матфея: «Царица южная восстанет на суд с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона»¹²¹. Именно к этому стиху отсылается читатель и в Хронике Георгия Амартола: «О неи же Господь глагола: “цесарица Ужска приде от конецъ земли, да видить премудрость Соломоню”»¹²². Все это заставляет отказаться от мысли о фольклорной основе данного летописного рассказа, на чем настаивал Д.С. Лихачев¹²³.

Современные исследователи, которые хуже средневековых авторов и читателей ориентируются в библейских текстах, могут испытывать определенные затруднения при установлении и точной идентификации подобных цитат.

Так, современный издатель и переводчик «Толковой Палеи», блестящий лингвист А.М. Камчатнов допустил ошибку в установлении текста, который процитировал автор Палеи. Текст «како оубо взможемъ приступльше испытати, еже Творецъ Своею областью положи, яко же и Самъ ѿвѣща Своимъ ученикомъ, егда въпрашахуть Его: “Господи, аще въ лѣто се оустрояеши царство Израилево?”, къ нимъ же ѿвѣща Исусъ: “Нѣсть вамъ разумѣти временныхъ лѣтъ, яже Отецъ Своею властью положи”»¹²⁴ исследователь вос-

¹²⁰ Лаврентьевская летопись. Стб. 62.

¹²¹ Мф. 12: 42.

¹²² Истрин В.М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. 1: Текст. Пг., 1920. С. 146.

¹²³ Лихачев Д.С. Комментарии // Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 440–441.

¹²⁴ Палея Толковая / подг. древнерусск. текста и пер. на совр. рус. яз. А.М. Камчатнова. М., 2002. С. 106; ср.: Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г.: Труд учеников Н.С. Тихонравова. М., 1892. Л. 35–35 об. С. 69. Стб. 138–139.

принял как цитаты из Евангелия от Матфея (Мф. 24: 3, 36). Текст Евангелия, однако, отличается от процитированных библейских фрагментов: «Когда же сидел Он на горе Елеонской, то приступили к Нему ученики наедине и спросили: скажи нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века?» (Мф. 24: 3) и «Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как все сие будет; небо и земля пройдут, но слова Мои не пройдут. О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один» (Мф. 24: 34–36). Судя по всему, в данном случае были воспроизведены не они, а первые стихи из Деяний Апостолов: «Они, сойдясь, спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израилю? Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти» (Деян. 1: 6–7). Впрочем, соответствующие фрагменты Евангелия от Матфея и Книги Деяний Апостолов чрезвычайно близки (если не идентичны) по смыслу (это совпадение, кстати, не зафиксировано в канонических параллельных местах Библии). Верное определение приведенной цитаты служит ключом к пониманию начальных строк «Повести временных лет», в которых под «временными лѣтами» подразумевались не 'минувшие, прошедшие или преходящие годы' (как обычно предлагалось переводить этот оборот¹²⁵), а 'последние времена' или 'времена и лета' (как этот оборот переводится в синодальном тексте Библии). Такой вывод — но на других основаниях — в целом подтверждается наблюдениями А.А. Гиппиуса¹²⁶ и Г. Ланта¹²⁷.

¹²⁵ «Временных» значит "минувших", "прошедших". Именно в таком значении это слово неоднократно употребляется в переводе Хроники Георгия Амартола. Ср.: "Начало временныхъ царствъ" (в названии одного из разделов). Учитывая значение греческого текста, который лежит в основе этого места, выражение это следует перевести — "Начало прошлыхъ царствъ" <...>. Показание перевода Хроники Георгия Амартола особенно важно, так как исследованиями В.М. Истрина показана принадлежность этого перевода древнерусскому (а не болгарскому, как думали раньше) переводчику XI в. <...> Так же точно понял значение слова "временныхъ" в XVI в. и составитель так называемого Тверского сборника, переведший название "Повести временныхъ летъ" следующим образом: "Повести д р е в н и х л е т". Название "Се повѣсти временныхъ лѣтъ" дал своему труду летописец, перерабатывавший собранный им исторический материал за прошлые годы. Составитель "Повести временныхъ летъ" неоднократно подчеркивает и в самом тексте своего труда, что он пишет о п р о ш л о м (Лихачев Д.С. Комментарии // Повесть временныхъ лет. С. 379). Согласно историческим словарям русского языка, «врѣмянной» значит 'непостоянный, преходящий', 'не всегда, не вечно существующее', 'все земное, не вечное', а во множественном числе — еще и противопоставляемое небесному 'земное' (Словарь древнерусского языка: XI–XIV вв. [далее: СлДрЯ XI–XIV вв.] Т. 1: а — възаконатисл. М., 1988. С. 492; Словарь русского языка XI–XVII вв. [далее: СлРЯ XI–XVII вв.] Вып. 3: Володѣнье — Вящышина. М., 1976. С. 107).

¹²⁶ Гиппиус А.А. «Повесть временных лет»: о возможном происхождении и значении названия // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000. С. 448–460.

¹²⁷ Lant H. Повѣсть врѣмянныхъ лѣтъ от Повѣсть врѣмень и лѣтъ // Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. 1997. Vol. 5. P. 317–326.

Отдельные трудности при определении библейских цитат и памяти их контекста создают параллельные тексты Библии. Скажем, непонятно, почему Василий, автор помещенной под 6605/1097 г. повести об ослеплении Василька Теребовльского, осуждая Василька за убийство Василия и Лазаря (советников Давыда), цитирует 41-й и 43-й стихи 32-й главы Второзакония («И вздам мечь врагом, и ненавиждающим мя вздам, яко кровь сыновъ своихъ мщаеть и мститъ, и въздасть мечь врагом и ненавиждающим его»¹²⁸), а не 35-й стих той же главы («У Меня отмщение и воздаяние, когда поколеблется нога их; ибо близок день погибели их, скоро наступит уготованное для них»), или основанные на нем послания к Римлянам («Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию, ибо написано: “Мне отмщение, Аз въздам”»¹²⁹), либо к Евреям («Мы знаем Того, Кто сказал: у Меня отмщение, Я въздам, говорит Господь. И еще: Господь будет судить народ Свой»¹³⁰)? Одно дело, если он просто приводит текст, который только и знает, или помнит, или имеет под рукой, и совсем другое, если он сознательно выбирает одну из множества аналогичных цитат. Каждый такой случай нуждается в специальном рассмотрении. При этом решающую роль в прояснении подобных ситуаций будет, несомненно, играть текстология.

***

Привлечение текстов Священного Писания (как в «четьем», так и в богослужебном виде) существенно расширяет источниковую базу, на которую могут опираться историки-медиевисты. Это относится как к Западной Европе, так и к Древней Руси. Ведь «от ранних периодов русской истории непосредственно сохранились именно литургические памятники, которые для XI–XII вв. составляют 90% всех дошедших до нашего времени рукописей, для XIII–XIV вв. — не менее трех четвертых и даже для XV в. более половины всех имеющихся в распоряжении историков подлинных текстов. Они давно являются предметом изучения лингвистов, исследователей истории церковного устава на Руси, археографов, книговедов, но фактически никогда не исследовались как ценнейший, а для ряда проблем и незаменимый

¹²⁸ Лаврентьевская летопись. Стб. 268–269; ср. в синодальном переводе: «Когда изостру сверкающий меч Мой, и рука Моя примет суд, то отмщу врагам Моим и ненавиждающим Меня въздам; упою стрелы Мои кровью, и меч Мой насытится плотью, кровью убитых и пленных, головами начальников врага. [Веселитесь, небеса, вместе с Ним, и поклонитесь Ему, все Ангелы Божии.] Веселитесь, язычники, с народом Его [и да укрепятся все сыны Божии]! ибо Он отмстит за кровь рабов Своих, и въздаст мщение врагам Своим, [и ненавиждающим Его въздаст,] и очистит [Господь] землю Свою и народ Свой!» (Втор. 32: 41–43).

¹²⁹ Рим. 12: 19.

¹³⁰ Евр. 10: 30.

источник»¹³¹. Действительно, основная часть дошедших до нашего времени книг — сборники богодухновенных, богослужебных и (в меньшей степени) богословских текстов (скажем, из 190 учтенных — на 1966 г.¹³² — древнерусских рукописей домонгольского времени, хранящихся в библиотеках и архивах России, только богослужебные книги составляют 145 единиц). Казалось бы, каждая из них должна была бы цениться — не только как исторический материальный объект, но и как источник, донесший информацию о прошлом нашей страны, о людях, его создавших, — буквально на вес золота. Парадокс, однако, заключается в том, что тексты подавляющего большинства из них историками не изучаются. С точки зрения «здорового смысла» отсутствие к ним интереса со стороны позитивистски настроенных историков вполне оправдано: что может дать для изучения истории древней Руси якобы заведомо известное содержание стандартного (к тому же, чужого — перевод!) текста, определенного каноном? Наверное, поэтому (отбрасывая хорошо известные идеологические ограничения, действовавшие в советской историографии) практически ни одна из библейских книг в качестве источника по истории Древней Руси ни в одном из крупных исторических исследований не использовалась и, по большому счету, не используется до сих пор. Характерно и то, что ни в одном учебнике или пособии по источниковедению российской истории до самого последнего времени не было даже упоминания сакральных канонических или апокрифических произведений. «Повезло» лишь агиографическим сочинениям, наиболее «приближенным к реальной жизни». Впрочем, здесь общим местом стало отмеченное еще В.О. Ключевским упоминание клишированности, шаблонности житийных текстов, что не позволяет использовать их для конкретно-исторических реконструкций. Действительно, как отмечают современные исследователи агиографии, «историки часто черпают из агиографических источников, но потом не знают, что делать с почерпнутыми сведениями, если они не перепроверяются через источники привычного типа, вроде хроник и летописей. Попытки использовать уникальную агиографическую информацию для исторических выводов бывают сродни попыткам использовать для приготовления пищи морскую воду. Обычно вину за такие трудности историки возлагают не на самих себя, а на средневековых агиографов: мол, пишут недостоверно. Но агиографы не виноваты.

¹³¹ Поздеева И.В. Литургический текст как исторический источник // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 112.

¹³² По современным уточненным данным, от XI–XIII вв. сохранилось 262 пергаменных кодекса, из которых 97 являются отрывками объемом от 1 до 80 листов (Столярова Л.В. О записях писцов на древнерусских пергаменных кодексах XI–XIV вв. // *Russia Medievalis*. T. 7 (1). München, 1992. P. 19–22).

<...>. Агиография пользуется своеобразным символическим языком, который требует специального изучения»¹³³.

Конечно, есть и такие исторические исследования (или их разделы), которые не обходятся без упоминаний переводов книг Священного Писания, богословских произведений и проч., — это специальные и обобщающе-обзорные работы по истории древнерусской культуры вообще, общественной мысли и книжного дела в частности. Здесь интересующие нас тексты в основном привлекаются для определения и характеристики противоборствующих сил, а также восстановления круга стран, с которыми Древняя Русь имела «книжные» культурные контакты.

Несколько шире переводные сакральные тексты привлекаются лингвистами. Именно сопоставление исходных (чаще всего греческих) текстов церковно-канонической, агиографической и проповеднической литературы (Священного Писания, других богодухновенных, апокрифических и богословских книг) с соответствующими древнеболгарскими и древнерусскими переводами позволяет восстановить точные значения отдельных слов и фразеологических единиц — тот «понятийно-категориальный аппарат», которым пользовались древнерусские книжники, через который и с помощью которого они видели и описывали окружающий их мир и происходящие события.

К сожалению, историки в основном потребительски относятся к лингвистическим словарям, ограничиваясь считыванием основных определений, связанных с тем или иным словом, и как бы забывая, что в конкретных произведениях слова, в зависимости от контекста, не только обозначали какую-то часть реальности, но и наделяли ее дополнительными смыслами, которые далеко не всегда могут быть отслежены лингвистами. Подойти к этим смыслам можно лишь через сопоставительный анализ исторического источника и параллельных ему текстов, откуда (осознанно или нет) конкретный автор почерпнул используемый им в данном случае тезаурус, а вместе с ним и образную систему — с ее правилами расчленения и наименования природной и социальной реальности, иерархией составляющих элементов по их существенности, ценностными характеристиками и т.д.

Поскольку образ мира, в котором (и которым) жил человек Древней Руси, определялся именно сакральными христианскими (или воспринимаемыми тогда в качестве таковых; например, «Иудейская война» и «Иудейские древности» Иосифа Флавия и т.п.) текстами, исключение их историками из источниковедческой практики существенно затрудняет, а то и вовсе делает невозможным, верное понимание смыслов древнерусских произведений. Подмена исходных образов, на которые опирался древнерусский

¹³³ Лурье В.М. Введение в критическую агиографию. СПб., 2009. С. 9–10.

автор, системой представлений, почерпнутых из текстов, современных исследований, ведет к недопустимой модернизации содержания источника, неизбежно создает ситуацию, когда историк «вчитывает» актуальные для него смыслы в изучаемый текст.

6.3.3. *Проблемы идентификации библеизмов.* Из-за отсутствия полных ранних славянских переводов книг Ветхого Завета невозможно хотя бы приблизительно установить, где и когда они были сделаны, могли ли ими пользоваться древнерусские книжники и, если могли, то в каком объеме, не говоря уже о том, чтобы пытаться определить конкретные списки Священного Писания, легшие в основу тех или иных текстов.

Поэтому на практике историкам приходится на начальной стадии работы с выявлением в тексте источника библеизмов ориентироваться на современные переводы текстов Писания. На помощь им приходят современные поисковые системы, во множестве имеющиеся в Интернете. Поиск можно проводить от отдельным характерным выражениям и словам. Обязательным требованием при этом является проверка найденных потенциальных соответствий в ранних списках библейских текстов.

К примеру, прочитав в «Слове Даниила Заточника» фразу: «Бысть языкъ мой трость книжника скорописца», исследователь, скорее всего, ошибется, если сделает заключение, что «учившийся у скоморохов», но сам скоморохом не бывший¹³⁴ Даниил с ее помощью хотел просто сказать, что он стал высококвалифицированным профессиональным писцом. Обращение к синодальному переводу Библии показывает, что в данном случае мы, скорее всего, имеем дело с неочевидной (для нас!) цитатой: «Язык мой — трость скорописца» (Пс. 44: 2). Это наблюдение полностью подтверждается более ранними переводами 44-го псалма. Так, в Геннадиевской Библии 1499 г. эта фраза выглядит точно так же, как и у Даниила: «Языкъ мой трѣсть книжника скорописца»¹³⁵.

Однако даже современные изучаемому источнику списки Писания не могут уберечь от серьезных ошибок в идентификации текстов.

Одним из самых показательных в этом отношении является анализ цитаты из Книги Иисуса, сына Сирахова в хрестоматийном высказывании Владимира в защиту «питья»: «Руси есть веселье питье — не можемъ бес того быти»¹³⁶. Как правило, эта фраза современными интерпретаторами толкуется весьма вольно. Между тем смысл ее становится ясен только через библейский текст. Тут, однако, не все просто. В синодальном переводе Библии «протограф» высказывания киевского князя выглядит таким об-

¹³⁴ Лихачев Д. С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1980. С. 256.

¹³⁵ Библия 1499 года и Библия в Синодальном переводе. М., 1997. Т. 4. С. 129.

¹³⁶ Лаврентьевская летопись. Стб. 85.

разом: «Что за жизнь без вина? оно сотворено на веселие людям»¹³⁷. В Изборнике 1076 г. — списке, практически современном «Повести», — дается такой перевод: «Медъ въ веселие дано бысть Богъмъ, а не на пиянство: сътворено бысть»¹³⁸. В таком виде фраза почти неузнаваема. О том, что речь идет о вине, можно догадаться, лишь если учесть, что в Изборнике в текстах Премудрости Иисуса, сына Сирахова, как отмечал еще А.Х. Востоков, слово «вино» регулярно заменялось названием хмельного напитка более привычного для жителей Древней Руси, — существительным «медъ». Это наблюдение подтвердил Н.А. Мещерский, который обратил внимание на то, что «отсутствие согласования в роде между подлежащим муж. рода “медъ” и сказуемыми (краткими страдательными причастиями) в среднем роде, как нам кажется, позволяет установить, что слово “медъ” в данном контексте вторично и внесено редактором на место первоначально стоявшего там существительного средн. рода “вино”, на структуру же предложения редактор при перестройке текста не обратил внимания, благодаря чему и возникла эта несогласованность в роде»¹⁴⁰. Такое рассогласование в роде по мнению Н.А. Мещерского, могло возникнуть только в том случае, если у редактора текста в руках были «древнеславянские переводные тексты, а не их греческие архетипы». Этот вывод практически совпадает с заключением М.Н. Сперанского о том, что создатель Изборника 1076 г. адаптировал имевшийся в его распоряжении болгарский перевод Книги Иисуса, сына Сирахова X в.¹⁴¹ Однако даже с учетом такой поправки мы не получаем точного текстуального соответствия заинтересовавшему нас высказыванию. В привычном же нам библейском тексте отсутствует вторая часть фразы, почерпнутой из Изборника. К тому же там есть прямая отсылка: «Апостола Паула»¹⁴². Правильно идентифицировал ее только Ж. Леписье, которому удалось найти точное соответствие ей в одном из латинских переводов Книги Иисуса, сына Сирахова: «Vinum in iucunditatem creatum est... et non in ebrietatem»¹⁴³. Соответственно, именно «сквозь» соответствующую главу Книги Иисуса, сына Сирахова можно выйти на тот семантический ряд, в который встроено летописцем высказывание Владимира.

Однако истинный смысл реплики, приписанной летописцем Владимиру, в летописном контексте становится ясным только при обращении к

¹³⁷ Сир. 31: 32.

¹³⁸ Изборник 1076 года. Изд. 2-е, перераб. и доп. Т. 1. М., 2009. С. 692 (Л. 268 об.).

¹³⁹ Востоков А.Х. Словарь церковнославянского языка. Т. 1. СПб., 1858.

¹⁴⁰ Мещерский Н.А. Взаимоотношения Изборника 1073 г. с Изборником 1076 г. С. 96–97.

¹⁴¹ Сперанский М.Н. Переводные сборники изречений в славянорусской письменности. М., 1904. С. 1–67.

¹⁴² Изборник 1076 года. С. 684 (л. 267 об.).

¹⁴³ Lepissier J. Quelques passages de l'Isbornik de 1076 avec leur source grecque // Byzantinoslavica. T. 34: S. 1. Praha, 1973. S. 28–32.

«Толковой Палее»: «А еже рече “веселѣ очи его от вина”, — вино бо есть кровь Христова, иже преда намъ, рекъ: “пиите, се есть кровь Моя, изливаема за вы”; пострада бо Богъ плотию, возвеселися божествомъ»¹⁴⁴. Другими словами, ответ Владимира прообразует принятие им христианства.

Данный пример еще раз показывает, насколько трудно бывает найти точное соответствие изучаемого текста источнику-протографу. При этом остается только догадываться, как могут выглядеть привычные библейские фразы при подобной их адаптации к потребностям автора нового произведения.

Приведенный случай наглядно показывает: обращение даже к самым близким по времени к изучаемому источнику спискам Священного Писания вовсе не является гарантией отыскания текстуальных соответствий. Напротив, привлечение синодального перевода, как это ни парадоксально, может оказаться гораздо ближе к демистифицируемым текстам.

На практике встречаются и более сложные случаи.

Так, в летописном сказании о нашествии Едигея встречается прямая отсылка к тексту «пророка», найти которую в синодальном переводе Библии не удастся: «Свѣтригаилъ же, Лях гордый, никоеяже пути сътвори таковѣи велечюднѣи церкви Пречистыа Богоматери, тѣмже и бѣды многы постигоша нас, храбри паче женѣ явишася и страшливѣе дѣтищѣ обрѣтошася, отъя бо ся крѣпкаго крѣпость, по пророку, и стрѣлы младенецъ язвы быша им, и лысты мужественныя на бѣгъ токмо силу показаша»¹⁴⁵. Публикатор этого текста в «Библиотеке литературы Древней Руси» предположила, что в данном случае цитируется пророк Даниил (Дан. 10: 8)¹⁴⁶. Однако предложенный текст существенно отличается от текста Сказания: «И остался я один и смотрел на это великое видение, но во мне не осталось крепости, и вид лица моего чрезвычайно изменился, не стало во мне бодрости». Проблема заключается в том, что в синодальном переводе Библии словосочетание «стрелы младенцев» вообще не встречается. Поскольку невозможно просмотреть все имеющиеся ранние переводы книг всех библейских пророков нет, в таких случаях историку приходится прибегать к помощи исторических словарей. Особенно полезны при этом словари полного типа¹⁴⁷, в которых учтены все случаи упоминания всех слов и их значений,

¹⁴⁴ Палея Толковая. С. 248 (внутренняя цитата отсылает читателя «Палею» к тексту: Мф 26 27–28). Это, кстати, служит еще одним основанием, чтобы принять «Толковую Палею» в качестве источника текста «Повести временных лет».

¹⁴⁵ Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. 18: Симеоновская летопись. М., 2007. С. 157.

¹⁴⁶ Дробленкова Н.Ф. Комментарии // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6: XIV — середина XV века. / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб., 1999. С. 554.

¹⁴⁷ «В научных классификациях словарей термином “полный” обозначают тип издания, содержащий исчерпывающий состав тех слоев и разрядов лексики, которые служат объектом описания данного справочника» (<<http://rus-gos.spbu.ru/index.php/dictionary/type>>).

установленных лексикографами, в памятниках данного периода. К числу таких словарей, в частности, относятся уже упоминавшиеся «Старославянский словарь» и «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.» Обращение к ним позволяет без труда найти необходимое соответствие: «И възнесетсѧ Бѣ · стрѣлы младенецъ быша язвы ихъ»¹⁴⁸ (Пс. 63: 8). В синодальном переводе данная фраза выглядит совсем иначе: «Но поразит их Бог стрелою: внезапно будут они уязвлены», что и создает, казалось бы, непреодолимые трудности для ее идентификации.

Еще сложнее установить в источнике библейскую цитату и найти ей соответствие в тех случаях, когда сама цитата не маркирована автором текста. Указанием на то, что в источнике приведена цитата из какого-то предшествующего текста, может служить повтор того или иного оборота в нескольких независимых друг от друга источниках.

С подобной ситуации исследователь встречается, скажем, в «Сказании о Мамаевом побоище». Здесь ничто, кажется, не указывает на то, что в предложении: «Начаша же погании половци съ многым студом омрачати о погибели живота своего, понеже убо умре нечестивый, и погыбе память их с шумом»¹⁴⁹ используется библейский текст. На мысль о том, что это так, наводит повторяющийся в нескольких древнерусских источниках оборот: «погыбе память... с шумом». Так, в «Повести временных лет» читаем: «Рече бо Давыдъ работаите Господеви съ страхом, и радуйтеся Ему с трепетом. мы же възопьемъ к Господу Богу нашему глаголюще. Благословень Господь, иже не дасть нас в ловитву зубомъ ихъ. сътъ скрушися. и мы избавлени быхом. ѿ прельсти дьяволя. и погыбе память его с шумом. и Господь в вѣкы пребываетъ»¹⁵⁰. Такое же словосочетание встречается в летописном рассказе о казни Федорца, которого Андрей Боголюбский хотел поставить владимирским митрополитом: «Тако же и сии бес покоя пребысть и до послѣдняго издыхания, уподобився злымъ еретиком не кающимся, погуби дшю свою и с тѣломъ. И погыбе память его с шумом»¹⁵¹. Такие повторы, скорее всего, говорят о том, что они восходят к какому-то общему тексту. И в этом случае попытки найти соответствующее выражение в синодальном переводе Библии не приносят результата. Зато обращение к историческим словарям позволяет установить источник этого устойчивого выражения. Им оказывается следующий текст: «Ты вознегодовал на народы, погубил нечестивого, имя их изгладил на веки и веки. У врага совсем не стало оружия, и города Ты разрушил; погибла память их с ними»

¹⁴⁸ Библия 1499 года и Библия в Синодальном переводе. Т. 4. С. 163.

¹⁴⁹ Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб., 1999. С. 166.

¹⁵⁰ Лаврентьевская летопись. Стб. 120.

¹⁵¹ Ипатьевская летопись // ПСРП. Т. 2. М., 1998. Стб. 553.

. Пс. 9: 6–7). Эта цитата неочевидна, поскольку синодальный перевод существенно отличается от церковнославянского, в котором он выглядит иначе: «И погыбе нечестивый, има его потребилъ еси въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка. Врагу wskудѣша оружїа вконецъ, и грады раздрушилъ еси; погыбе памать его съ шумомъ¹⁵². И Гѣ пребываетъ въ вѣкы»¹⁵² (ср.: «И погыбе нечѣтивый, і има егw потребилъ еси въ вѣ^к и в вѣ^к вѣка. Врагж wskудѣша wrж^жa вконецъ, и грады раз^ржшилъ еси; погыбе памать его с шумомъ^м. И Гѣ пребываетъ въ вѣкы»¹⁵³; «И погыбе нечѣстївыи, има его потрѣбилъ юси въ вѣкы и въ вѣкы вѣка. Врагж wskудѣша оружїа въконецъ, и грады раздрушилъ еси; погыбе пама^т его съ шумомъ^м. И Гѣ въ вѣкы пребываетъ^т»¹⁵⁴; «И погыбе нечестивый, има его потребилъ еси въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка. Врагу wskудѣша оружїа вконецъ, и грады разрушилъ еси. Погыбе памать его съ шумомъ. И Гѣ въ вѣки пребываетъ»¹⁵⁵; «И погыбе нечестивый: има егw потребилъ еси въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка. Врагу wskудѣша оружїа въ конецъ, и грады разрушилъ еси: погыбе памать егw съ шумомъ»¹⁵⁶).

Следует также учитывать, что автор источника мог косвенно цитировать текст Писания, излагать его своими словами, причем порой достаточно вольно.

Примером может служить летописный рассказ о так называемой первой религиозной реформе Владимира: «[И] жряху имъ, наричюще я б[ог]ы, [и] привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, [и] оскверняху землю теребами своими. И осквернися кровьюми земля Руска и холмо-тъ. Но преблагии Богъ не хотя смерти грѣшникомъ. На томъ холмѣ нынѣ церкви стоить, святаго Василья есть, якоже послѣди скажемъ»¹⁵⁷. Перед нами — парафраз 105-го псалма: «Не потребиша языки, яже рече Господь имъ, и смѣсишася бо с языцѣх и навывоша дѣла ихъ; и поработаша истуканнымъ ихъ, и бысть имъ в соблазнъ, и и пожроша сыны своя и дъщеря своя бѣсовом, и пролиаша кровь невинную, кровь сыновъ своих и дщери, яже пожроша истуканнымъ Ханаанским, — и убиена бысть земля ихъ кровьюми, и осквернися в дѣлех ихъ, и съблудиша в начинаниихъ своихъ. И разгнѣвася яростию Господь на люди Своя, и омрази достоиние Свое, и предасть ихъ в руки врагомъ, и обладаша ими ненавидящеи ихъ. И стужиша имъ врази ихъ, и смѣришася под руками ихъ. И множицею избави ихъ. Ти же разгнѣваша И съвѣтомъ своимъ, и

¹⁵² Геннадиевская Библия 1499 года. Л. 379 об. // Библия 1499 года и Библия в Синодальном переводе. Т. 4. С. 32.

¹⁵³ Псалтирь: XVI в. РГБ. Ф. 37. № 432. Л. 11 об. // Там же. С. 34.

¹⁵⁴ Библиейские книги: 1502–1507 гг. БАН, 24.4.28. Л. 175 об. // Там же. С. 36.

¹⁵⁵ Острожская Библия. Острог, 1581.

¹⁵⁶ Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами [Елизаветинская Библия 1751 г.]. М., 1993 [репр. воспр.: 2-е изд., СПб., 1900]. С. 690.

¹⁵⁷ Лаврентьевская летопись. Стб. 79.

смѣришася в безаконіихъ своихъ. И видѣ Господь внегда скръбѣти им, внегда слышаше моление их»¹⁵⁸. Поэтому рассматривать данное летописное сообщение как буквальное описание того, «как это было на самом деле», опасно.

К сожалению, соответствие подобных пересказов исходным библейским текстам никто систематически не проверял. Следовательно, и причины их искажения, если таковые обнаруживаются в источниках, не выяснялись. Вообще вольный пересказ Библии авторами источников изучен гораздо хуже, нежели буквальное цитирование Писания. И это понятно. Ведь, кроме постановки вопроса как такового, его решение требует соответствующего знания библейских текстов и сюжетов, что само по себе является проблемой для подавляющего большинства наших современников.

Справедливости ради следует отметить определенный вклад Г.М. Бараца в решение этого комплекса вопросов. Несмотря на неудовлетворительный в целом уровень построений, некоторые его наблюдения, касающиеся косвенных цитат ветхозаветных текстов в древнерусских источниках, заслуживают самого серьезного внимания, тем более что часть из них подтверждается новейшими исследованиями.

Одним из возможных признаков присутствия цитат в нарративных источниках является прямая речь персонажей. Как показывает практика, во многих случаях это не «стенограмма» речи того или иного исторического лица, а более или менее точное воспроизведение постороннего (чаще всего, авторитетного, в том числе библейского) текста.

***

Кроме библейских текстов, естественно, средневековые и древнерусские книжники использовали в своих произведениях и другие источники. Определить круг чтения автора источника — одна из насущных задач, которая стоит перед историком на стадии историко-текстологического анализа изучаемого текста.

6.3.4. Устные источники текста. Одной из возможных групп таких источников являлись устные предания (фольклор). Выявление его следов в письменных источниках представляет особую трудность. Она, прежде все-

¹⁵⁸ Библия 1499 года и Библия в Синодальном переводе. Т. 4. С. 264; ср. в синодальном переводе: «Не истребили народов, о которых сказал им Господь, но смешались с язычниками и научились делам их; служили истуканам их, которые были для них сетью, и приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам; проливали кровь невинную, кровь сыновей своих и дочерей своих, которых приносили в жертву идолам Ханаанским, — и осквернилась земля кровью; оскверняли себя делами своими, блудодействовали поступками своими. И воспылал гнев Господа на народ Его, и возгнушался Он наследием Своим и предал их в руки язычников, и ненавидящие их стали обладать ими. Враги их утешали их, и они смирялись под рукою их. Много раз Он избавлял их; они же раздражали [Его] упорством своим, и были унижаемы за беззаконие свое. Но Он призирал на скорбь их, когда слышал вопль их» (Пс. 105: 35–44).

го, связана с тем, что фольклорный материал с трудом поддается датировке. Привлечение поздних записей опасно, поскольку сами такие предания могли сформироваться под влиянием письменных текстов, в том числе тех источников, с которыми они сопоставляются. Исключение составляют эпические произведения, записанные одновременно или раньше источников, с которыми они сравниваются. Таковой, например, является англосаксонская поэма «Беовульф», созданная в самом конце VII — первой половине VIII в. и сохранившаяся в единственном списке XI в. В то же время возможность использования в качестве устного источника такого текста, как «Калевала», вызывает серьезные сомнения, поскольку это — искусственное произведение, которое возникло как единое целое только в XIX в. под пером знаменитого собирателя карело-финского фольклора (рун, песен, пословиц и поговорок) Элиаса Лённрота.

До нашего времени не сохранилось каких-либо устных источников Древней Руси, которые безусловно могут датироваться ранним временем. Широкое использование былин в исследованиях, посвященных истории Древней Руси¹⁵⁹, вряд ли оправдано, поскольку остается открытым вопрос: на каком основании тексты, повествующие о *богатырях* и *богатырских заставах*, можно отнести к истории Руси X–XI вв. Ведь сами эти слова появляются в источниках не ранее XIII в. «Богатыри», о которых идет речь в былинах, — довольно позднее заимствование из тюркских языков. Самые ранние упоминания этого слова зафиксированы в южнорусском своде конца XIII в. (сохранившемся в составе Ипатьевской летописи) под 1240, 1243 и 1262 гг.¹⁶⁰ Характерно, что в первых статьях с упоминанием «богатырей» речь идет об ордынском нашествии (в частности, под 1240 г. оно присутствует в сочетании «Боуроунъдаи багатырь»). Слово же «застава» впервые упоминается в той же Ипатьевской летописи под 1205 г. в значении 'засада'¹⁶¹, а в значении 'отряд, оставленный для охраны каких-л. путей', 'пограничная застава' — еще позже: только в XVII в.¹⁶² Не менее сложной проблемой является и то, что все персонажи былин имеют христианские (крестильные) календарные имена и отчества, которые становятся основными только с конца XV в. Единственным исключением является Добрыня. Но, судя по отчеству Никитич, его отец уже был христианином и тоже жил не ранее конца XV в. (не говоря уже о деде — Тимофее, поскольку материю Добрыни называется Амелфа Тимофеевна). Следовательно, если восточнославянские фольклорные источники используются для реконструкции

¹⁵⁹ Наболее яркими примерами в этом отношении являются работы: Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история: Работы разных лет. СПб., 1997; и др.

¹⁶⁰ СлДрЯ XI–XIV вв. Т. 1. С. 250.

¹⁶¹ СлДрЯ XI–XIV вв. Т. 3. С. 345.

¹⁶² СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 5. С. 300.

ранней истории Руси-России, то их привлечение должно иметь очень мощное теоретическое обоснование. Оно должно объяснить, в частности, что, собственно, позволяет датировать эти тексты временем более ранним, нежели слова, из которых они состоят? Как случилось, что лексические замены базового словаря устных произведений (о чем еще рассказывают наиболее ранние русские былины, как не о богатырях и богатырских заставках?) не повлияли на содержание «старин»? И, наконец, на каком основании восстанавливаемые «реалии» датируются не временем бытования (и записи) данных фольклорных произведений, а временем их гипотетического зарождения?

Неоднократно предпринимались попытки вычленив ранние устные предания и в тексте «Повести временных лет». Еще А.А. Шахматов обратил внимание на то, что сам летописец в качестве одного из своих источников называет устные предания. Так, под 6604/1096 г. он упоминает новгородца Гюряту Роговича, рассказавшего ему югорскую легенду о народах, живущих на краю земли, в «полунощных странах»¹⁶³. Известие о кончине 90-летнего «старца доброго» Яня (под 6614/1106 г.) летописец сопровождал следующим упоминанием: «От негоже и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь, от негоже слышах»¹⁶⁴. Подобные отсылки вместе с обоснованным представлением о том, что первоначальный летописный текст мог быть составлен не ранее 30-х годов XI в., с неизбежностью привели к мысли: основу письменной летописи должны составлять устные предания¹⁶⁵.

Упоминание о «многих словесах», услышанных летописцем от «старца доброго» Яня, послужило основанием для разработки гипотезы о существовании «устных летописей» в составе «Повести временных лет». Опираясь на предположение А.А. Шахматова «о сказочных предках Владимира»¹⁶⁶, Д.С. Лихачев сопоставил ряд летописных упоминаний, связанных с ними¹⁶⁷. В результате такого сопоставления был сделан вывод о том, что по меньшей мере два поколения киевских летописцев получали информацию от двух представителей рода новгородских посадников: «Такое же значение, какое имели для Никона рассказы Вышаты, — для составителя Начального сво-

¹⁶³ Лаврентьевская летопись. Стб. 234–236.

¹⁶⁴ Там же. Стб. 281.

¹⁶⁵ «...Мы видим на пространстве первых страниц Начального свода сплетение преданий киевских и новгородских» (Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. С. 211 и далее). Симптоматично, что «образование летописной формы» Д.С. Лихачев связывает исключительно с устными источниками. Соответствующая глава давно уже ставшей классической монографии целиком посвящена именно им (Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 100–144).

¹⁶⁶ Именно так называется глава в шахматовских «Разысканиях...»: «Мстиша Свенельди и сказочные предки Владимира Святославича» (Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 234–257).

¹⁶⁷ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 102–114.

да имели рассказы сына Вышаты — Яна»¹⁶⁸. Гипотеза об «устных летописях» вызвала справедливую критику Б.А. Рыбакова. Он обратил внимание на то, что Д.С. Лихачев опирался в своих построениях на ряд смелых, но крайне слабо обоснованных допущений А.А. Шахматова. Их критическая проверка лишала гипотезу об «устной летописи семи поколений» новгородских посадников очень важных начальных звеньев. Следует также обратить внимание на то, что и отождествление информатора летописца Яня с Янем Вышатичем также не выдерживает критики. Непосредственно перед записью о смерти «добраго старца», под тем же 6614/1096 г. упоминается, что Янь Вышатич был послан во главе военного отряда на половцев и одержал над ними победу¹⁶⁹. Для 90-летнего старика такие подвиги вряд ли возможны. Впрочем, это противоречие «легко» снималось Д.С. Лихачевым, полагавшим, что летописец просто ошибся «в определении возраста Яна <...>. Число 90 обычно употреблялось в качестве эпического определения преклонного возраста <...>. Естественно, что летописец, записавший от Яня Вышатича ряд рассказов о весьма отдаленных временах, несколько преувеличил возраст своего корреспондента и прибег к обычному определению старости». Впрочем, исследователю тут же приходится оговориться: «Если же признать указанный летописцем возраст Яна правильным, то мы должны были бы притти к заключению, что в 50 лет Ян пользовался еще очень малой известностью, состоя дружинником черниговского князя; в 70 лет Ян достиг поста тысяцкого в Киеве; в 80 лет был в зените своей деятельности и вел чрезвычайно энергичную политику и только после был отстранен от политической деятельности «уными» дружинниками Всеволода, а затем и Святополка по политическим соображениям, хотя и после стремился по-прежнему вступить в политическую борьбу своего времени, а накануне своей смерти участвовал в походе против половцев, победил их и преследовал на огромном расстоянии от Заречьска до самого Дуная»¹⁷⁰. Другими словами, признание верности летописного указания возраста «старца добраго Яня» приводит к полному опровержению его тождества с Янем Вышатичем¹⁷¹, на котором настаивает — вопреки показаниям источника — Д.С. Лихачев¹⁷².

¹⁶⁸ Там же. С. 97.

¹⁶⁹ Лаврентьевская летопись. Стб. 281.

¹⁷⁰ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 102–103, при-

¹⁷¹ Чумаченко А.Ю. О погребении в Успенском соборе Киево-Печерской лавры Яня Вышаты — потомка новгородского посадника Остромира: Попытка анализа одной генеалогической проблемы // Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти. Матер. конф. памяти член.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто (Москва, 13–14 апреля 2001 г.). М., 2001. С. 199–204.

¹⁷² Лихачев Д.С. «Устные летописи» в составе Повести временных лет // Исторические записки. М., 1945. Т. 17. С. 201–224.

Впрочем, сам Б.А. Рыбаков столь же слабо обосновывал собственные гипотезы о том, будто создатель «Остромировой летописи» пользовался «каким-то варяжским устным рассказом» (или «устным скандинавским рассказом» — Д.С. Лихачев с тем же основанием называл его «новгородско-изборско-белозерским преданием»¹⁷³) о призвании Рюрика, Трувора и Синеуса, «циклом рассказов об Олеге», «пересказом южнорусских сведений об Игоре и его жене псковитянке Ольге», а последующие летописцы опирались на «былины о жестокой мести Ольги»¹⁷⁴.

Не менее сомнительна попытка Д.С. Лихачева выделить из состава «Повести временных лет» — кстати, вслед за А.А. Шахматовым¹⁷⁵ — «церковные сказания о первых русских христианах» и «народные предания о первых русских князьях-язычниках» (которые повествуют «о мудрости-хитрости» Вещего Олега, Игоря и язычницы Ольги), которые якобы составляли уже упоминавшееся «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси»¹⁷⁶.

Столь же дискуссионна идея о фольклорных источниках, на которые, по мнению Д.С. Лихачева, опирался Никон Печерский: «Никон же воспользовался в Тмутаракани <...> местным преданием: какими-то фольклорными данными о поединке тмутараканского князя Мстислава Владимировича с косоожским князем Редедеем¹⁷⁷ (эпизод этот помнил впоследствии и автор Слова о полку Игореве), затем каким-то местным рассказом о том, как хозары собрали с полян дань мечами и как старцы хозарские увидели в этом недобрый знак: предвестие того, что когда-нибудь русские сами будут собирать дань с хозар¹⁷⁸ <...>. Соединив устные предания — киевские, киево-печерские, северночерноморские, новгородские — с данными «Сказания о первых русских христианах», Никон создал первую систематическую историю русского народа»¹⁷⁹.

¹⁷³ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 92.

¹⁷⁴ Рыбаков Б.А. «Остромирова летопись» // Вопросы истории. 1956. № 10. С. 52–53.

¹⁷⁵ Так, рассматривая статью 6463 г., А.А. Шахматов выделил в ней два слоя: духовный (клерикальный, церковный) и народный (сказочный) (Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 86).

¹⁷⁶ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 62–66. Любопытно отметить, что выделяемая Д.С. Лихачевым «народная» традиция косвенно цитирует «библейские и другие христианские тексты» (Баловнев Д.А. «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси»: Опыт критического анализа. М., 2000. С. 41).

¹⁷⁷ Испанская исследовательница Инес Гарсиа де ла Пуенте текстологически доказала, что это «народное предание» основывается на библейском рассказе о поединке Давида с Голиафом (Puente, de la I.G. Single Combats in the PVL: An Indo-European Comparative Analysis // Studi Slavistici. 2006. No. 3. P. 19–30).

¹⁷⁸ И этот рассказ выводит на библейские аллюзии (Данилевский И.Н. Библия и Повесть временных лет: К проблеме интерпретации летописных текстов // Отечественная история. 1993. № 1. С. 78–94).

¹⁷⁹ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 87, 90 и др.

Ненадежные основания, не опирающиеся непосредственно на текстологические наблюдения, имеют и другие предположения о ранних циклах преданий, послуживших отправной точкой летописцам для создания первых сводов. Так, развивая гипотезы К.Н. Бестужева-Рюмина, И.И. Срезневского и Н.К. Никольского, М.Н. Тихомиров пришел к заключению о существовании некоей «Повести о начале Руси»¹⁸⁰ (или «Сказания о начале Русской земли»¹⁸¹) конца X — начала XI в., а также высказал предположение о появлении еще в X в. «Сказания о русских князьях»¹⁸², которые наряду с легендой о призвании варягов¹⁸³ легли в основу известных летописных сообщений о Руси IX–X вв.

Тем не менее летописец наверняка пользовался какими-то устными источниками, состав и объем которых пока надежно не установлены. До тех пор пока не будут строго определены и сформулированы критерии, позволяющие отличать тексты, восходящие к фольклорным преданиям, от тех, в основе которых лежат письменные произведения, решение этой проблемы будет оставаться в области интуитивных догадок. До сих пор не разработана методика, позволяющая вычленив в известных текстах информацию, восходящую к устным источникам. Решение всех этих проблем до сих пор не найдено.

6.3.5. Письменные источники текста. С помощью текстологии (а иногда — и благодаря прямым указаниям) легче определить письменные источники, на которые опирался автор исследуемого текста (естественно, переводные). Они устанавливаются на основании текстологических параллелей (буквальных совпадений), которые удается выявить.

Такая работа, например, была проведена А.А. Шахматовым для начального древнерусского летописания¹⁸⁴. Ему удалось доказать, что значительную часть источников «Повести временных лет» и предшествующих ей летописных сводов составляют зарубежные хроники, прежде всего гре-

¹⁸⁰ Тихомиров М.Н. Городская письменность в древней Руси XI–XIII вв. // ТОДРЛ. Т. 9. М., 1953. С. 63 и сл.

¹⁸¹ Оно начиналось рассказом о Кие и доходило до начала княжения Игоря (Тихомиров М.Н. Начало русской историографии // Вопросы истории. 1960. № 5. С. 51–57). Эта гипотеза поддержана Л.В. Черепнинным (Черепнин Л.В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. Т. 25. М., 1948. С. 293–333) и Б.А. Рыбаковым (Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963).

¹⁸² Тихомиров М.Н. Начало русской историографии // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 61–66; Тихомиров М.Н. Русский летописец в «Истории Польши» Яна Длугоша // Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 226–237. По мнению М.Н. Тихомирова, «Сказание» начиналось «фразой о княжении Игоря Бестужева и оканчивалось словами о вокняжении Владимира» (Тихомиров М.Н. Начало русской историографии. С. 62).

¹⁸³ Она, как считал М.Н. Тихомиров, «была записана примерно в первой половине XI в.» (Тих. же. С. 65).

¹⁸⁴ Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники. С. 11–150.

ческие. Из них заимствовался не только фактический материал, но и ряд основополагающих для летописания идей, в частности, то, что условно можно назвать идеей исторического процесса.

Особенно многочисленны заимствования из так называемого болгарского перевода Хроники Георгия Амартола и его продолжателя. Сама Хроника была создана около 867 г. и охватывала всемирную историю от Адама до смерти византийского императора Феофила (812). В тексте, которым пользовался составитель «Повести временных лет» (составитель «Начального свода» ее еще не знал), изложение было доведено до смерти императора Романа (948). Из Хроники Амартола в «Повесть» были включены сведения, так или иначе связанные с историей славян и, прежде всего, с первыми походами руси на Константинополь. Хроника Георгия Амартола также послужила источником для ряда хронологических определений событий ранней истории, которые не были продатированы Никоном. В ряде случаев летописец взял из Амартола характеристики исторических персонажей, которые были перенесены на действующих лиц древнерусской истории.

Другим важным источником стал Летописец константинопольского патриарха Никифора (806–815), в котором содержался хронологический перечень важнейших событий всемирной истории, доведенный до года смерти автора. Составитель первой редакции «Повести временных лет», видимо, опирался на его вторую редакцию, известную в болгарском переводе, при проведении хронологических вычислений. В частности, Летописец Никифора стал одним из источников хронологического расчета, помещенного под 6360/852 г.

Важным источником «Повести», по мнению А.А. Шахматова (поддержанному рядом исследователей), стал какой-то не дошедший до нашего времени Хронограф особого состава. В него входили фрагменты уже упоминавшейся Хроники Георгия Амартола, а также греческих хроник Иоанна Малалы и, возможно, Георгия Синкелла, а также Пасхальной хроники.

При составлении летописей широко привлекалась также апокрифическая литература, которая в XI–XII вв. бытовала наряду с богослужебными книгами. Помимо хорошо известных и очень популярных древнерусских переводов «Иудейской войны» и «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, к ней можно отнести также «Толковую Палею» (комментированный неканонический Ветхий Завет). Правда, А.А. Шахматов полагал, что, скорее, древнерусская «Толковая Палея» опиралась на «Повесть временных лет», но этот тезис не был строго доказан. Мало того, так называемая Речь Философа возводилась А.А. Шахматовым к «Толковой Палее»¹⁸⁵. Возможно,

¹⁸⁵ Ср.: Шахматов А.А. Толковая Палея и русская летопись. СПб, 1904 (Отдельный оттиск из «Сборника по славяноведению»). С. 51.

менно в составе «Палеи» летописец познакомился и со Сказанием Епифания Кипрского о 12 камнях на ризе Иерусалимского первосвященника. Единственным основанием для такого вывода послужило выражение «Белая Скуфь», дважды встречающееся в «Повести» (в недатированном введении и в статье 6415/907 г.). Впрочем, сам А.А. Шахматов подчеркивал, что этот текст летописец мог найти «в нескольких переводных памятниках византийской литературы», однако отдавал предпочтение Сказанию о 12 камнях, с которым создатель летописного текста мог быть знаком по Истринику 1073 г., в состав которого оно входит, либо по некоему хронографу, которым руководствовалась Толковая Палея»¹⁸⁶.

Использовалось составителем «Повести» и «Житие Василия Нового» — греческое агиографическое произведение, известное в славянском переводе. Из него, в частности, был позаимствован образный ряд при описании походов Олега и Игоря на Константинополь 6415/907 и 6449/941 гг.

Кроме того, в «Повесть» были вставлены тексты договоров Руси с Византией, помещенные под 6415/907, 6420/911, 6453/945 и 6479/971 гг. Они послужили основанием для переработки текстов «Начального свода», касающихся походов князей Олега, Игоря и Святослава на Константинополь.

Особое место в «Повести» заняли переработка западнославянского «Сказания о предложении книг на Словенский язык» (реконструированного самим А.А. Шахматовым), так называемое «Откровение Мефодия Патарского» (дважды упоминаемое под 6604/1096 г.)¹⁸⁷ и обширное «Поучение о казнях Божиих», включенное в статью 6576/1068 г. и представляющее собой, как доказал еще И.И. Срезневский, переработку «Слова о ведре и о казнях Божиих» из Златоструя, составленного в Болгарии при царе Симеоне¹⁸⁸.

Впоследствии удалось выявить следы еще некоторых источников иностранного происхождения. В частности, Г.М. Барац обратил внимание на текстуальную близость «Повести» (в статье под 6618/1110 г.) с еврейским

¹⁸⁶ Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники. С. 80.

¹⁸⁷ Ср.: Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. М., 1897. Истрин указывал на существование двух славянских переводов «Откровения», сделанных в Болгарии: начала XII в. (которым и воспользовался автор Повести) и XIII–XIV вв. При этом, однако, он же обратил внимание на близость ряда чтений, встречающихся в Повести, именно ко второму, а не к первому, переводу. Разрешая это противоречие, П.И. Потапов высказал предположение о существовании древнейшего русского перевода «Откровения», не сохранившегося в поздних списках, которыми пользовался В.М. Истрин (Потапов П.И. К вопросу о литературном составе летописи // Русский филологический вестник. 1911. № 1. С. 81 и сл.).

¹⁸⁸ Ср.: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 125–127; Грешников А.С. К истории Начального летописного свода: О составителе и времени составления «Поучения о казнях божиих» // Труды Московского гос. ист.-арх. ин-та. М., 1961. Т. 16. С. 481 и сл.

хронографом «Книга Иосиппон»¹⁸⁹, составленным в южной Италии в середине X в. В основу его был положен латинский перевод «Иудейских древностей» и пересказ «Иудейской войны» Иосифа Флавия (откуда, видимо, и произошло название самой книги).

В отличие от прочих библейско-агадических параллелей, предложенных Г.М. Барацем¹⁹⁰, вставка фрагмента из «Иосиппона» в текст «Повести» под 1110 г. впоследствии была подтверждена Н.А. Мещерским¹⁹¹. Причем, как показал лингвистический анализ, проведенный Н.А. Мещерским, перевод «Иосиппона» с еврейского на древнерусский язык был сделан непосредственно в Киеве. В последние годы В.Я. Петрухин обнаружил следы использования «Иосиппона», а также апокрифа «Малое Бытие» («Книга Юбилеев») и во вводной части «Повести временных лет», при описании начальной истории славян¹⁹².

Кроме того, недавно была высказана хорошо аргументированная гипотеза, согласно которой некоторые сведения «этнографического» и географического характера, попавшие в недатированное введение «Повести», были заимствованы из источника типа Хроники Ипполита Римского¹⁹³.

Таковы основные переводные источники, использование которых древнерусскими летописцами удалось доказать с помощью классических методов текстологии. Однако на самом деле этот список может быть про-

¹⁸⁹ Барац Г.М. О составителях «Повести временных лет» и ее источниках, преимущественно еврейских // Барац Г.М. Собрание трудов о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. Т. 2. Берлин, 1924. С. 248–255.

¹⁹⁰ Барац Г.М. О библейско-агадическом элементе в повестях и сказаниях начальной русской летописи. К., 1907 (Отдельный оттиск из журнала «Украина»); Барац Г.М. Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святom. К., 1908; Барац Г.М. Собрание трудов о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. Т. 1. Кн. 1; Т. 1. Кн. 2; Т. 2. Берлин; Париж, 1924–1927; и др.

¹⁹¹ Мещерский Н.А. Отрывок из книги Иосиппон в Повести временных лет // Палестинский сборник. М., 1956. Вып. 2. С. 58–68; Мещерский Н.А. К вопросу об источниках Повести временных лет // ТОДРЛ. Т. 13. М.; Л., 1957; Мещерский Н.А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков, и др. Однако Н.А. Мещерский, по мнению Л.С. Чекина, скорее всего, сделал данное наблюдение самостоятельно, не будучи знаком с работами Г.М. Бараца (*Chekin L. The Role of Jews in Early Russian Civilization in the Light of a New Discovery and New Controversies // Russian History. 1990. Winter. Vol. 17. No. 4. P. 382*).

¹⁹² Петрухин В.Я. Славяне и Русь в «Иосиппоне» и «Повести временных лет»: К вопросу об источниках начального русского летописания (с публикацией источника) // Славяне и их соседи. Вып. 5: Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе: Средние века — новое время. М., 1994. С. 44–56; Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М.; Смоленск, 1995. С. 25–35; Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000. С. 62–63; Петрухин В.Я. «Русь и все языки»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011. С. 14–16; и др.

¹⁹³ Ведюшкина И.В. «Нарцы еже суть словене» // Восточная Европа в древности и средневековье: X чтения к 80-летию чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 1998. С. 13–16.

должен. Дело в том, что помимо прямых цитат из зарубежных текстов, в «Известии» есть целый ряд фрагментов, которые косвенно могут восходить к текстам иноязычного происхождения. Причем исчерпывающий перечень таких текстов — по крайней мере сегодня — вряд ли возможен, тем более что «интеллектуальная элита», судя по всему, могла знакомиться с иноязычными текстами, поскольку говорила и читала не только на древнерусском языке¹⁹⁴.

***

Подобная работа по определению круга чтения автора изучаемого текста и установления прямых и косвенных цитат, которые он использует в своем тексте, обязательна при работе с любым источником. Чем полнее будут представления историка о круге чтения автора источника, чем точнее будут выявлены и определены в нем повторяющиеся фрагменты предшествующих произведений, тем надежнее впоследствии будет основа для точной реконструкции событий прошлого¹⁹⁵.

Выделенная на этом этапе историко-текстологического исследования ретроспективная информация ничего не говорит о том, «как это было на самом деле». Однако она принципиально важна на этапе создания научной реконструкции прошлого, поскольку несет вполне адекватную информацию о том, как события, процессы и личности, интересующие историка, воспринимались и оценивались автором источника (либо — как он хотел бы, чтобы их воспринимали читатели).

Выявление прямых и скрытых цитат в исследуемом тексте — первый шаг в структуризации ретроспективной информации исторического источника. Это позволяет перейти к анализу верифицируемой и уникальной исторической информации, которая в первую очередь и интересует историка.

До этого текст источника рассматривается изолированно, как условно единственный носитель информации об интересующем историка событии. На следующих стадиях исследования сопоставляются тексты всех источников, которые донесли сведения о том, что именно и как происходило в изучаемом прошлом.

¹⁹⁴ См.: Экскурс 2. Казус древнерусских князей: «свои» или «чужие»?

¹⁹⁵ См.: Экскурс 10. Казус Невской битвы.

ВЫЯВЛЕНИЕ И ОБРАБОТКА ВЕРИФИЦИРУЕМОЙ И УНИКАЛЬНОЙ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

На данном этапе историко-текстологического исследования сличаются все источники, рассказывающие об интересующем историка событии и «очищенные» от повторяющейся информации, выделенной на предыдущем этапе анализа. Цель такого сличения — выявление верифицируемой ретроспективной информации (т.е. той информации, которая может быть проверена хотя бы по двум независимым друг от друга источникам).

Процедура сопоставления ретроспективной информации при этом внешне напоминает текстологический анализ. Однако если в первом случае тексты сравнивались на формальном уровне (в буквальном смысле этого слова), то теперь сравнивается их содержательная составляющая: конкретные информационные блоки.

Для начала необходимо доказать, что в двух или нескольких источниках речь идет об одном и том же событии прошлого, процессе или историческом лице. Как правило, такая идентификация проводится на интуитивном уровне и опирается на сходство дат, упоминаний конкретных участников события и места его совершения, совпадающих ситуаций и обстоятельств. Однако порой такого сходства бывает недостаточно. С одной стороны, это может привести к ложным отождествлениям, когда описание двух или нескольких событий внешне напоминают друг друга (что немудрено при центонно-парафрадном принципе построения текстов) и воспринимаются не слишком внимательным исследователем как описание одного и того же события. Такое часто бывает, когда люди, не имеющие необходимой квалификации в работе с историческими источниками, обращают внимание на внешнее сходство описаний событий и обстоятельств, пренебрегают серьезным анализом и с позиций своего «здравого смысла» (чаще всего руководствуясь собственными априорными «концепциями») тут же заявляют о тождестве описываемых в источниках событий. Худшим из примеров

подобного рода могут служить чудовищные по нелепости идентификации, которые предлагает команда А.Т. Фоменко.

Но бывает и так, что два, казалось бы, разных описания на самом деле относятся к одному и тому же событию.

Причиной подобных сложностей чаще всего становится совпадение (или, напротив, расхождение) дат, имен и топонимов, упоминаемых авторами источников.

Остановимся на некоторых, наиболее важных случаях подобных совпадений и расхождений.

7.1. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Важнейшим основанием для идентификации событий, описываемых в различных источниках, является прямая временная информация. Она складывается из указаний, выраженных в единицах одной из систем летоисчисления, и может включать хронографическую и календарную части. В отличие от хронографической (указания года в одной из систем счета лет), календарная часть ежегодно повторяется и может быть представлена упоминаниями месяца, числа и дня недели¹.

Такие указания часто (на Руси — все прямые временные данные вплоть до начала XVIII в.) нуждаются в переводе (редукции) в ныне общепринятую систему летоисчисления (эра от Рождества Христова, предложенная Дионисием Малым; календарь юлианский; стиль январский). Поскольку теорией и практикой перевода прямых временных указаний занимается историческая хронология, полученные при переводе даты принято называть *хронологическими*. Без такого перевода временные данные источников невозможно сравнивать и сопоставлять между собой.

Следует помнить, что простого перевода прямых временных указаний источника с помощью данных и методов исторической хронологии недостаточно, чтобы говорить о научной *датировке* события. Историческая хронология занимается лишь *переводом* таких указаний. Что же касается научно обоснованного установления времени совершения события или появления исторического источника, то это — сложная научная проблема, выходящая далеко за рамки исторической хронологии. Она решается в ходе конкретно-исторического исследования, в котором хронологические

¹ О календарной и хронографической частях даты подробнее см.: Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. С. 57–58.

данные являются лишь формальной основой и могут существенно корректироваться.

Тем не менее на текстологическом этапе исторического исследования используются только собственно хронологические данные различных источников, которые и сравниваются между собой.

Совпадение таких данных (прежде всего, хронографических), наряду с прочими деталями описания, как правило, считается достаточным условием для идентификации событий.

Впрочем, такие совпадения подчас могут носить сугубо внешний характер и приводить к ложным заключениям о тождестве описываемых событий или исторических лиц.

Ярким примером такого ложного заключения является идентификация летописного Рюрика. В 1836 г. появилась статья, автор которой высказал догадку, что он — не кто иной как Рёрик Фрисландский (или Ютландский)¹. Известный по западноевропейским источникам². Основанием для такого предположения послужили, во-первых, сходство имен отождествляемых персонажей, а во-вторых, близость летописных дат, под которыми упоминается Рюрик, и времени жизни и деятельности Рёрика Фрисландского. Эта догадка вскоре подверглась серьезной критике. Так, М.П. Погодин скептически замечал: «...Профессор Крузе предоставляет Рюрику слишком много действий из немецких и русских летописей! В продолжение целых пятидесяти лет он пускает его по всем морям — в Пизе, Дорештаде, Бирке. Новгороде, по Роне, в Англии, в Франции, — и дает ему владения, хотя временные, в самых отдаленных между собою странах». К тому же, «что делать нам с хронологиєю?» — задавался вопросом Погодин: если сводить то, что известно о Рёрике Фрисландском, с летописными упоминаниями «наш» Рюрик окажется не только весьма изрядного возраста, но и обзаведется сыном Игорем только лет в 80. Из всего этого следовал вывод: «Наш Рюрик не германский Крузев Рюрик»³. К аналогичным выводам — но на гораздо более серьезных основаниях — пришел через 100 с лишним лет советский историк В.Т. Пашуто. Ссылаясь на исследования Х. Ловмянского, он подчеркивал: «Само предание о Рюрике лишено прочных исторических корней. <...> В пору жизни реального Рорика Фрисландского прямых связей ни Фрисландии, ни Дании с Русью не было, и вся деятельность этого викинга времен Лотаря и Карла Лысого в 40–70-х годах IX в. протекала в кругу датских и германских интересов. В IX в. фризы не ходили на восток дальше датского Шлезвига и шведской Бирки, откуда жители ездили в

² Крузе. О происхождении Рюрика: Преимущественно по французским и немецким летописям // Журн. Мин. нар. просв. 1836. Ч. 9. С. 43–73.

³ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 3: Норманский период. М., 1846. С. 35, 37.

Дорештадт <...>. Экспансия самой Дании еще не простиралась восточнее реки Куршей; датско-новгородские торговые отношения впервые зафиксированы в XI в.» Что же касается появления в «Повести временных лет» такого «англосаксонского мотива о трех братьях (переработанного в духе договора о приглашении на княжение), его «следует, видимо, связывать с женитьбой Владимира Мономаха на дочери англосаксонского короля Гите, которая со своей свитой до отъезда на Русь укрывалась в Дании»⁴. Тем не менее догадка о тождестве Рюрика и Рёрика популярна и по сей день.

Ранние прямые хронографические указания древнерусских летописей вообще представляют большую проблему, поскольку неизвестно, на каких основаниях летописцы датировали события до конца 60-х годов XI в., когда в летописание была внесена так называемая годовая сетка (которая большинству неспециалистов представляется изначальным атрибутом летописных текстов). Неизвестно и то, насколько хорошо летописцы разбирались в хронологических системах переводных источников, которыми они пользовались.

Например, во многом загадочной остается первая дата «Повести временных лет»: 6360 г. Вопрос о том, почему именно она была избрана летописцем, исследователями долгое время не рассматривался, ее признавали случайной. Принято считать, что летописец исходил из необходимости установления начала правления византийского императора Михаила III, при котором, как следует из пояснения, Русь впервые совершила поход на Константинополь. В летописи прямо указано: «Въ лѣто 6360, индикта 15 день, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо увѣдохом, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгород, ꙗкоже пишется в лѣтописаньи Гречьстѣмь»⁵. Тем не менее некоторые специалисты полагали (вопреки тексту источника), что в данном случае представлена дата именно первого нападения руси на греков, а не восшествия Михаила на престол: «Начальную дату — 842 г. мы должны решительно отвергнуть, так как тогда поход Руси [совершенный, согласно “Повести” в 14-й год правления Михаила] придется на 856 г., а нам известно, что в этот год никакого нападения на Константинополь не было <...>. В отношении возможной исходной точки — 856 г. — возникают следующие сомнения: поход русов должен прийти в этом случае на 870 г., т.е. уже на царствование Василия, и очень странно было бы, чтобы хронист отсчитывал события его царствования от воцарения его предшественника <...>. Я думаю, что единственным выходом из этой путаницы может быть допущение, что какой-то древний летописец отсчитывал не от воцарения и не от единодержавия Ми-

⁴ Пауцто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 23–24.

⁵ Лаврентьевская летопись. Стб. 17.

хаила, а от какой-то другой даты времен Михаила, особенно отметной для Руси <...>. Главным [для летописца] является “начало Русской земли”, т.е. тот первый год, которым можно было открыть счет годам русской истории на фоне точного летописания мировой (в понимании IX–X вв. — византийской) истории. Таким годом был признан 860 г. (6360 [по аннианской — или, как называет ее Б.А. Рыбаков, александрийской эре. — И. Д.]) — год победоносного вторжения огромной русской эскадры в Константинопольский залив. Он приходился на эпоху царствования Михаила III»⁶. Между тем, очевидно, именно от 6360 г. летописец, работавший в конце 60-х — начале 70-х годов XI в., рассчитал вставленную им в монотематический рассказ абсолютную дату похода Аскольда и Дира на Константинополь: 6374 г. При этом он исходил из относительного временного показания своего предшественника: «в 14 [лѣто⁷] Михаила цесаря иде Аскольд и Дир на Греки»⁸. Проблема, однако, заключалась в том, что летописцу, проставившему это абсолютное хронографическое указание, видимо, было не известно, что датой восшествия византийского императора Михаила III на престол могли считаться и 842 г. (когда он стал императором лишь номинально, поскольку ему исполнилось всего два года), и 856 г. (когда он достиг совершеннолетия, но его мать императрица Феодора не сложила с себя регентских полномочий), и 865 г. (когда Михаил, наконец, стал единоличным правителем). В источнике, который использовал летописец, 6360 г. от Сотворения мира соответствовал 856 г. в нашей системе летосчисления. Но от него невозможно было отсчитывать 14 лет правления Михаила III, поскольку в 867 г. тот был убит. Очевидно, под «14 лѣтом Михаила» мог подразумеваться только 856 г. (842 + 14). Не подозревавший об этом летописец обозначил его 6360 г. от Сотворения мира, создав тем самым искусственную, никогда до него не существовавшую эру в 5518 лет от Сотворения мира до Рождества Христова. И это, видимо, не единственный такой случай.

С другой стороны, расхождение дат описаний событий также может становиться основанием для спорных или даже неверных заключений.

Так, в «Повести временных лет» встречается два сообщения о «снечах» (съездах) князей Владимира Всеволодовича (Мономаха) и Святополка Изяславича: под 6611 (1103) и 6619 (1111) гг. Текстуальная близость их не вызывает сомнения:

⁶ Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 163–164.

⁷ Добавлено из Троицкого списка.

⁸ Лаврентьевская летопись. Стб. 21.

*Повесть временных лет
под 6611 г.*

«Вложи Богъ оу сердце
Русьскимъ княземъ мысль
ѣзугу, Святополку и Воло-
димеру, и снастася думати
на Долобьскѣ; и сѣде Свято-
полкъ съ своею дружиною,
а Володимеръ съ своею, а въ
единомъ шатрѣ. И поча дума-
ти, и начаша глаголати дру-
жина Святополча: “не верема
зеснѣ воевати, хотимъ погу-
бити смърды и ролю имъ”.
И рече Володимеръ: “дивно
мѧ, дружино, вже лошади
кто жалуеъ, еюже вретъ кто;
а сего чему не рассмотрите,
уже начтен смердъ врати, и
Половчинъ приѣха, вдарить
смерда стрѣлоу, а кобылу его
пойметъ, а въ село вѣхавъ,
пойметъ жену его и дѣти и
все имѣние его возьметъ? То
тошади его жалуеъ, а само-
го чему не жалуеъ?” И не
могоса противу ему ѡвѣщати
дружина Святополча. И рече
Святополкъ: “брате, се, азъ
готовъ оуже”. И вѣста Свя-
тополкъ, и рече ему Володи-
меръ: “то ти, брате, велико
добро створиши Русьской
земли”. И посласта къ Давы-
дови и къ Олгови, глаголюща:
“пойдита на Половци; а любо
будемъ живи, любо мертви...”
Володимеръ же, цѣловавъ
брата своего, поиде...”⁷⁸¹

*Повесть временных лет
под 6619 г.*

«Въложи Богъ Володимеру въ сердце,
и нача глаголати брату своему Свя-
тополку, понужая его на поганя на
весну. Святополкъ же повѣда дружини
своеи рѣчь Володимерю; они же рекоша:
“не верема нынѣ погубити смърды ѡ
рольи”. И посла Святополкъ к Володи-
мерю глагола: “да быхови са снаяла, и
въ томъ подумалѣ быхомъ съ дружиною”.
Послании же приидоша к Володими-
ру, и повѣдаша всю рѣчь Святополчу.
И прииде Володимеръ, и срѣтостася
на Долобьскѣ. И сѣдоша въ единомъ
шатрѣ: Святополкъ съ своею дружи-
ною, а Володимеръ съ своею. И бывшу
молчанью, и рече Володимеръ: “брате,
ты еси старѣи, почни глаголати, како
быхомъ промыслили въ Русьской земли”.
И рече Святополкъ: “брате, ты почни”.
И рече Володимеръ: “како я хочу мол-
вити, а на мѧ хотѣть молвити твоя дру-
жина и моя, рекуще: хотимъ погубити
смерды и ролью смердомъ. Но се дивно
мѧ, брате, вже смердовъ жалуеъ и ихъ
конии, а сего не промышляюще, вже
на весну начнетъ смердъ тотъ врати
лошадью тою, и приѣхавъ Половчинъ,
ударить смерда стрѣлоу, и пойметъ
лошадьку и жону его и дѣти его, и гумно
его зажжетъ; то въ сѣмъ чему не мысли-
те?” И рекоша всѧ дружина: “право, во
истину тако естъ”. И рече Святополкъ:
“са, язъ, брате, готовъ есмь с тобою”.
И посласта ко Давидови Святославичю,
велѣча ему съ собою. И вѣста Володи-
меръ и Святополкъ, и цѣловастася,
и поидоста на Половцѣ...”⁷⁸²

⁹ Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 252–253; ср.: Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 277.

¹⁰ Ипатьевская летопись. Стб. 264–265.

Сравнивая статьи 6611 и 6619 гг., А.А. Шахматов пришел к следующим выводам. В статье 6611 г., в которой он увидел «руку игумена Сильвестра», «читаем, что благая мысль была вложена Богом в сердце Святополку и Володимеру. Они съехались на совещание в Долобске; здесь дружина Святополка представила свои возражения против весеннего похода, но речь Владимира устранила колебания и Святополк присоединился к мнению Владимира; засим сообщается о присоединении к Святополку и Владимиру других князей и описывается поход, окончившийся страшным поражением половцев 4 апреля. Имеем основания думать, что начало статьи 6611 г. было изложено Нестором иначе: инициатива похода приписывалась им, очевидно, Святополку. Основания следующие. Под 6619 (1111) г. читается такое же описание начала славного похода на половцев, как под 6611 (1103) г.; оба описания почти тождественны, а следовательно, находятся в какой-то литературной зависимости одно от другого <...>. Сравнивая обе статьи, мы приходим к неопровержимому заключению, что вторая составлена на основании первой <...>. Заключение наше представляется естественным еще и потому, что само по себе вероятно, что статья 6619 г. составлена позже статьи 6611 г., так как часть ПВЛ [Повести временных лет] (третьей редакции), обнимающая 6619–6625 гг., написана позже Сильвестровой редакции, где читается статья 6611 г. Можно думать, что составитель статьи 6619 г. подражал Сильвестровскому описанию 6611 г., подобно тому как Сильвестр под 6610 г. сообщал о чудесных явлениях в январе и феврале, предзнаменовавших счастливый поход 6611 г., так же точно составитель третьей редакции связал счастливый поход 6619 г. с явлением огненного столпа над Печерским монастырем. Такое заключение, вероятное само по себе, встречается, однако, со следующим затруднением: мог ли составитель третьей редакции (писавший в 1118 г.) говорить о княжеском съезде в Долобске весной 1111 г., если такого съезда на самом деле не было, если Долобский съезд имел на самом деле место в 1103 г.? Перенести позднейшее событие в рассказ о более старом времени естественно; это обычный прием и непосредственного, и литературного творчества; обратно — перенесение старшего события в рассказ о новейшем времени прием редкий и для автора небезопасный: правдивость рассказчика может быть заподозрена: рассказ может быть опровергнут участниками события. Ввиду этого, задаваясь вопросом, когда же именно произошел княжеский съезд в Долобске, предшествовавший походу на половцев, я с уверенностью отвечаю, что именно в 1111 г.; весьма вероятно, что съезд состоялся около 11 февраля, ибо 11 февраля Владимир, как мы знаем <...>, был в Городце на Радосыни, очевидно отправляясь в Долобск или из Долобска в Переяславль. Что же следует отсюда? А то, что Сильвестр, слышавший про этот поход и про выступление на нем за правое дело Владимира Мономаха, решил воспользоваться этим

сводом для своего свода; о 1111 г. ему говорить не предстояло, поэтому в 1111 г. он перенес в рассказ о 1103 г. Здесь он заменил им другое название статьи 6611 г., — начало, читавшееся у Нестора, который прославил рассказе о 6611 г., как и ниже под 6615 (1107) г., Святополка. И тем не менее предложенное выше заключение остается в силе: когда составителю этой редакции пришлось описывать под 6619 г. княжеский съезд в Доростол, он обратился к описанию этого съезда у Сильвестра и перенес его (или только изказив) в свой свод»¹¹.

Очевидно, основанием для такой цепи умозаключений, послужили два момента. Во-первых, расхождение в летописных датах (6611 и 6619 гг.) во-вторых, уверенность А.А. Шахматова, что в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях мы находим две последовательные редакции «Повести временных лет»: 2-ю и 3-ю.

Что касается второго основания, то оно уже давно было подвергнуто сомнению. Большинство исследователей сегодня сходится на том, что в этих летописных сводах мы имеем дело с одной и той же редакцией «Повести». Просто в Лаврентьевском списке статья 6602 г. была искусственно перенесена (возможно, из-за дефекта его протографа). Что же касается прямых временных указаний, то вполне возможно, что 6611 г. дан по так называемой аннианской эре, насчитывавшей от Сотворения мира до Рождества Христова 5500, а не 5508 лет. В таком случае и 6611-й, и 6619-й годы в нашей системе летосчисления будут соответствовать одному и тому же 1111 г., и называя разными хронографическими указаниями исследователь, скорее всего, имеет дело с описанием одного и того же княжеского съезда и последующего за ним похода против половцев (как мы увидим в дальнейшем, это предположение имеет достаточно веские основания).

Подобные расхождения в прямых хронографических указаниях исторических источников встречаются довольно часто. В целом ряде случаев они остаются незамеченными, поскольку конкретная история летосчисительных систем до сих пор изучена слабо. Если работы обобщающего характера по исторической хронологии появляются более или менее регулярно¹², то исследований, касающихся использования тех или иных систем летосчисления на тех или иных территориях, в определенные периоды и в отдельных видах письменных источников, явно недостаточно. Так, например, классическим считается исследование Н.Г. Бережкова по систе-

¹¹ Шахматов А.А. Повесть временных лет // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2003. С. 545–547.

¹² Бикерман Э. Хронология древнего мира; Цибульский В.В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря: с 1 по 2019 г. н.э. М., 1987; Кузенков П.В. Христианские хронологические системы: История летосчисления в святоотеческой и восточнохристианской традиции. М., 2014; и мн. др.

мам летосчисления древнерусского летописания¹³. Однако в нем детально рассмотрена лишь одна из историко-хронологических проблем: доказана гипотеза Н.В. Степанова об использовании в Древней Руси одновременных мартовского и ультрамартовского стилей¹⁴. При этом методика обработки прямых временных указаний, используемая Н.Г. Бережковым, не позволяла вычленив в исследуемых текстах сентябрьские и так называемые цирка-мартовские датировки¹⁵. Не затрагивал Н.Г. Бережков и проблему использования на Руси лунно-солнечного календаря, следы которого прослеживаются в различных видах древнерусских письменных источников¹⁶. В последние десятилетия С.В. Цыбом была проведена большая работа по изучению летосчислительных систем — в том числе различных эр, по которым приводились хронографические указания, на что в свое время обращали внимание Б.А. Рыбаков¹⁷ и А.Г. Кузьмин¹⁸, — раннего древнерусского летописания. Наблюдения Н.Г. Бережкова о системах летосчисления, использовавшихся в «Повести временных лет», до сих пор не опубликованы. Пока нерешенных вопросов здесь больше, чем решенных²⁰. Практически совсем неизученными остаются проблемы древнерусской актовой хронологии.

Таким образом, прямые временные указания источников являются важнейшим, но далеко не бесспорным основанием для идентификации похожих описаний событий в независимых друг от друга источниках²¹.

¹³ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

¹⁴ Степанов Н.В. Единицы счета времени (до XIII в.) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям // Чтения в имп. Общества истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4 (231). М., 1909. С. 1–74.

¹⁵ Данилевский И.Н. Потерянный сентябрьский стиль // Казус: индивидуальное и универсальное в истории: 2010–2013. Вып. 10. М., 2015. С. 239–246; Данилевский И.Н. Невидимый сентябрьский стиль // Древняя Русь: Пространство книжного слова. Историко-филологические исследования. М., 2015. С. 222–239.

¹⁶ Данилевский И.Н. Лунно-солнечный календарь древней Руси // Архив русской истории. Вып. 1. М., 1992. С. 122–132; Данилевский И.Н. Общие характеристики древнерусского лунно-солнечного календаря: Хронология и компаративистика // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тезисы докладов и сообщений научной конференции (Москва, 29–31 января 1996 г.). М., 1996. С. 329–332; Журавель А.В. Лунно-солнечный календарь на Руси: новый подход к изучению // Астрономия древних обществ. М., 2002. С. 209–214; Симонов Е.В. Календарь Палея Толковой // Проблемы источниковедения истории книги: межведомственный сборник научных трудов. Вып. 3. М., 2000. С. 39–52; и др.

¹⁷ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 163–165 и др.

¹⁸ Кузьмин А.Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1977. С. 72–90; Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 248–277; и др.

¹⁹ Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб., 2014.

²⁰ См.: Данилевский И.Н. Нерешенные проблемы древнерусского летописания // Всеобщая история исторических дисциплин. Вып. 15. Л., 1986. С. 62–71.

²¹ Естественно, все перечисленные процедуры обработки временных указаний (если таковые имеются) могут и должны использоваться при установлении дат создания текста, его редакций и изводов.

7.2. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ОБРАБОТКА ВЕРИФИЦИРУЕМОЙ И УНИКАЛЬНОЙ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Вторым по важности основанием для заключения, что два (и более) исторических источника описывают одно и то же событие, является упоминание участия в нем одних и тех же исторических лиц.

Важнейшим основанием для установления тождества личности является прямое указание собственного имени человека — *антропонима*.

Так, в только что приведенных описаниях княжеских съездов летописец (или летописцы) называют три совпадающих имени: князей Владимира Всеволодовича, Святополка Изяславича и Давида Святославича.

Однако и здесь историка могут подстергать определенные трудности.

Проблема заключается в том, что в исторических источниках один и тот же человек может именоваться по-разному. Он должен был иметь личное имя (которых, кстати, могло быть несколько), помимо которого современники еще могли знать его прозвище, кличку, отчество и фамилию.

Личные имена присваиваются людям при рождении. Личное имя исторического лица может содержаться в тексте источника, стоять в качестве подписи, называться в заголовке или в конце памятника. Оно несет богатую и разнообразную информацию. При установлении личного имени следует различать канонические и неканонические имена.

Каноническое имя — «истинное», «настоящее» имя человека, закрепленное в большинстве европейских стран традициями христианской религии. В древнерусских источниках к числу канонических обычно относятся православные имена, взятые из церковного календаря, в котором имена канонизированных святых перечислены по месяцам и дням их празднования (так называемые *календарные*, или *агиографические имена*). В Древней Руси каноническими были, как правило, только *крестные* (*крестильные*, *церковные*), *монашеские* (*иноческие*) и *схимнические имена*.

Крестное имя давалось человеку при крещении. Оно обычно выбиралось из церковного календаря в соответствии с именем святого, память которого праздновалась в день рождения или крещения человека. Однако могут встречаться и иные мотивы присвоения человеку того или иного имени.

Крестильное имя в ранних источниках упоминается редко, обычно лишь в сообщениях о смерти данного лица или в текстах, написанных после его кончины. Возможно, это было связано с суеверными представлениями о необходимости скрывать «подлинное» имя, связывающее челове-

ка с небесным «покровителем», «патроном», «ангелом-хранителем», чтобы уберечь его носителя от «порчи», «сглаза». Поэтому историку часто приходится восстанавливать крестильное имя по косвенным признакам, привлекая данные сфрагистики, искусствоведения, генеалогии, геортологии (эортологии) и нумизматики.

Так, в Древней Руси было популярно обозначение крестильных имен и отчеств заказчиков икон, произведений мелкой пластики и ювелирных изделий, владельцев вислых печатей (вплоть до XV в.) путем изображения на этих предметах святых, имеющих прямое отношение к семейному патронату. Благодаря изображениям патрональных святых, путем их сопоставления с данными генеалогии могут быть восстановлены крестильные имена и отчества владельцев древнерусских печатей и атрибутированы многие художественные произведения Древней Руси²².

Косвенным основанием для восстановления крестильного имени князя может явиться свидетельство о строительстве церкви или монастыря. поскольку в княжеской среде существовал обычай сооружения церковных построек во имя своих святых патронов. Так, строительство князем Всеволодом Ярославичем церкви св. Андрея, при котором его дочь Янькой был основан монастырь, рассматривается В.Л. Яниным как косвенное подтверждение принадлежности этому князю крестильного имени Андрей²³. А сообщение «Повести временных лет» под 6390 (882) г. о том, что на могиле Аскольда была поставлена церковь св. Николы²⁴, дало основания некоторым ученым предполагать, что Аскольд был христианином и носил крестильное имя Никола²⁵. По аналогичным причинам Ярославу Мудрому приписывается основание Юрьева, или Георгиевского, монастыря в трех верстах от Новгорода²⁶.

Следует также помнить, что на Руси существовал обычай давать детям имена (как языческие, так и крестильные) в честь деда или бабки, что также может рассматриваться в качестве косвенного указания на принад-

²² Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М., 1970. С. 87–192; Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. С. 182–192; Янин В.Л. О первоначальной принадлежности так называемого шлема Ярослава Всеволодовича // Советская археология. 1958. № 3. С. 54–60; Янин В.Л. Еще раз об атрибуции шлема Ярослава Всеволодовича // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 235–244; Янин В.Л. Патрональные сюжеты и атрибуция древнерусских художественных произведений // Византия. Южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973; и др.

²³ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 15–16.

²⁴ Лаврентьевская летопись. Стб. 23.

²⁵ Петров Н.И. Историко-географические очерки древнего Киева: с планом Киева 1638 : Киев, 1897. С. 67.

²⁶ Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв.: по «житиям святых». М., 1966. С. 48.

связность данному лицу имени, совпадающего, например, с именем деда²⁷. Подля из этого обычая В.А. Кучкин предположил, что сестру Владимира Всеволодовича звали не Екатериной, как записано в Лаврентьевской летописи²⁸, а Ириной (чтение, сохранившееся в Ипатьевской летописи²⁹). Свой выбор исследователь объяснил тем, что имя дочери Всеволода Ярославича, скорее всего, повторяло имя матери Всеволода — княгини Ирины-Ингигерды, второй жены Ярослава Мудрого³⁰.

Иногда у членов одного рода прослеживается определенная связь между традиционными языческими и крестильными именами. Так, например, для новгородских князей характерно сочетание чрезвычайно редкого для княжеской среды христианского имени Никола с языческим именем Святослав³¹.

До второй половины XV в. крестильные имена в подавляющем большинстве случаев удается установить только для представителей социальной верхушки — князей, членов их семей и бояр. Основная масса населения того времени — крестьяне, ремесленники, торговцы — обычно употребляли некалендарное, языческое имя. Следовательно, упоминание в источнике крестильного имени можно рассматривать еще и в качестве признака, косвенно указывающего на социальную принадлежность человека.

Монашеское имя было вторым каноническим именем, которое человек получал при постриге в монахи. Оно заменяло его прежнее мирское имя. Поэтому один и тот же человек в миру должен был носить имя, отличающееся от его иноческого имени. Так, в «Житии Феодосия Печерского» имеется прямое указание, что именем Феодосий тот был наречен родителями сразу после рождения: «Родиста же блаженнаго дѣтища сего, таче въ осмый день принесоста ѥ къ святителю Божию, якоже обычай есть крѣстияномъ, да имя дѣтищу нарекутъ. Прозвутерь же, видѣвъ дѣтища и срьдъчьными речима прозьря, еже о немь, яко хоцетъ измлада Богу датися, Феодосиємъ того нарицають»³². Эта информация, скорее всего, не может соответство-

²⁷ Подробнее о принципах имянаречения в древнерусской княжеской среде см. фундаментальную монографию: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропониимики. М., 2006.

²⁸ «В се же лѣто престависа Катерина, Всеволожа дщи» (Лаврентьевская летопись. Стб. 283).

²⁹ «В се же лѣто прѣстависа Ерина, Всеволожа дщерь» (Ипатьевская летопись. Стб. 260). Не исключено, однако, что в данном случае переписчик пользовался дефектным списком, в котором первые три буквы имени были утрачены.

³⁰ Кучкин В.А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII — первой трети XIII в. // Историческая география России: XII — начало XX в.: сб. статей к 70-летию профессора Любомира Григорьевича Бескровного. М., 1975. С. 34, примеч. 20.

³¹ Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточнославянском культе Николаи Мирликийского. М., 1982. С. 36–37.

³² Житие преподобнаго отца нашего Феодосия, игумена Печерскаго // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 354.

вать действительности. Имя, которое Феодосий носил до принятия монашеского пострига, нам неизвестно.

Обычно постригаемому давали имя того святого, память которого отмечалась в день пострижения, либо календарное имя, которое начиналось на ту же букву, что и мирское имя монаха. Так, например, Новгородская I летопись упоминает боярина Прокшу Малышевича — в монашестве Порфирия; инока Варлаама — в миру боярина Вячеслава Прокшинича; новгородца Махалко, который постригся под именем Митрофана, и др.³³

Схимническое имя давалось монаху при «третьем крещении» — принятии большой схимы — вместо его монашеского имени. Оно давалось также князьям (начиная с Александра Невского), московским царям и боярам, многие из которых по традиции принимали схиму перед смертью. Часто схимникам (реже — монахам) давали календарные имена, редко употреблявшиеся в миру в качестве крестильных: Мелхиседек, Акакий, Секлетей, Голендуха и т.п. Это облегчает идентификацию лиц, их носивших, а также может служить дополнительным основанием для определения их социального положения³⁴. Все это требует от историка достаточных познаний в области геортологии и агиографии. Определить необходимую дату празднования памяти христианского святого можно с помощью святцев, месяцесловов, кандакариев, прологов и календарных помет, а также обобщающих работ по геортологии³⁵.

С течением времени канонические имена постепенно вытеснили в быту неканонические и стали употребляться как единственное имя человека. При этом они зачастую принимали в написании неканоническую форму, что может затруднять идентификацию упоминаемых в источниках лиц. В то же время целый ряд языческих, некалендарных имен светских и религиозных деятелей Древней Руси, канонизированных православной церковью, перешел в разряд имен календарных (например, Глеб, Борис, Владимир, Ольга и др.). Правда, использование их в качестве имен канонических могло иметь место только после канонизации данного святого³⁶.

³³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 50, 79; и др.

³⁴ Подробнее об истории монашеских именований и переименований см.: Успенский Б.А., Успенский Ф.Б. Иноческие имена на Руси. СПб., 2017.

³⁵ Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. М., 1990 [репр. воспр.: СПб., 1836]; Полный месяцеслов всех празднуемых православною католическою восточною церковью святых, собранной из московских и киевских святцев, из Пролога и Четьи-Минеи, с приобщением к нему на конце толкования имен по алфавиту. СПб., 1848; Протопопов Д.И. Жития святых, чтимых православною Российской церковью, а также чтимых греческою церковью, южнославянских, грузинских и местночтимых в России. М., 1884; и мн. др.

³⁶ См.: Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1998 [репр. воспр.: Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1903].

В некоторых случаях каноническое имя может помочь в определении происхождения данного лица (что немаловажно при идентификации личности), так как многие календарные имена православной, католической и протестантской христианских церквей отличаются друг от друга (скажем, Феодор и Теодор, Фома и Томас, Иоанн и Джон и т.п.), а дни памяти одних и тех же святых зачастую отмечаются в разные дни.

При работе с каноническими именами следует помнить, что с именами некоторых святых было связано два или даже несколько праздников в году. Например, Николин день отмечался 9 мая и 6 декабря, день св. ап. Фомы — 20 июня и 6 октября, а с именем Иоанна Предтечи связан был целый ряд праздников: рождество Иоанна (Иван-Купала) — 24 июня, усекновение главы Иоанна (Иван сухой, или постный) — 29 августа, первое и второе обретение главы Иоанна — 24 февраля, третье обретение главы — 25 мая и др.

Кроме того, в церковных календарях встречаются святые-тезки. Так, например, кроме праздников, связанных с именем Иоанна Предтечи, отмечались также день Иоанна Лествичника (30 марта), день Иоанна Златоуста (13 ноября) и т.д. Всего в году отмечалось 62 праздника, так или иначе связанных с именем Иоанна. День преподобной Параскевы праздновался 14 октября, а через 14 дней отмечался день ее тезки — св. мученицы Параскевы.

Наконец, день чествования некоторых святых был в свое время перенесен. Так, память св. Дорофея, епископа Тирского, отмечалась на Руси 5 июня, а св. Илариона — 5-го числа того же месяца. С XV в. в русских календарных пометах наблюдается перемещение этих праздников: они меняются местами. День св. Дорофея перешел на 5 июня, а св. Илариона — на 6-е. Окончательное утверждение новых дат А.В. Поппэ связывает с проведением никоновской реформы³⁷. Поэтому если религиозный праздник, связанный с именем данного святого, был когда-то перенесен, то следует узнать, к какому времени относится данное указание, а затем — в какой день он тогда праздновался.

Неканоническое (мирское) имя обычно не было связано с религиозными традициями. Оно являлось вторым, необязательным именем светского человека. В Древней Руси мирское имя, как правило, было основным: более известным и употребительным, чем крестное имя. Сначала в этом качестве использовались некалендарные, дохристианские имена, не связанные с именем какого-либо святого. Позднее наряду с языческими стали употребляться христианские имена, обычно, как уже отмечалось, в их народной, разговорной, неканонической форме. Например, Микола и Микула вме-

³⁷ Поппэ А.В. К методике проверки летописных дат // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 371.

сто канонической формы Николай, Микита вместо Никита, Гюрги вместо Георгий или Юрий, Нефед вместо Мефодий, Нерон вместо Мирон, Уполон вместо Аполлон, Федосия вместо Феодосия, Офимия вместо Евфимия, Овдокия вместо Евдокия и др. Особенно активно процесс замены языческих имен христианскими протекал в княжеской и боярской среде.

Использование мирских имен при идентификации личности может осложняться рядом обстоятельств. Часто в источниках употребляются уменьшительные и пренебрежительно-уничижительные формы неканонических имен, что затрудняет восстановление полного имени. Наиболее сложными являются случаи, когда историк встречается омонимические (совпадающие в произношении и написании) формы различных имен, когда, например, неполное имя могло соответствовать двум или нескольким полным. Так, имя Елька могло быть образовано от имен Елисей, Елпидифор или Елизар а также являться производным от некалендарного имени Ель: Зинька — от имени Зиновий или Зенон; сокращенное Алеша могло соответствовать и Алексею, и Александру; Митька — Дмитрию и Никите и т.п.

В то же время в источниках могут встречаться различные вариантные формы одного имени (*аллонимы*). Например, имена Стехно, Стенша, Степша являются неканоническими вариантными формами одного имени — Степан³⁸.

Прозвища, в отличие от имен, всегда отражают свойства или качества. территориальное или этническое происхождение, место проживания их носителей. Прозвища могли даваться людям в разные периоды их жизни и были известны довольно узкому кругу знакомых³⁹. В связи с этим историку, как правило, редко приходится иметь с ними дело. В то же время это обстоятельство (а также то, что прозвище являлось характеристикой, и обычно довольно меткой, лиц, их носивших) повышает роль прозвищ в установлении тождества личности.

Прозвища следует отличать от языческих древнерусских имен. Однако такое различие не всегда просто установить. Это связано, в частности, с обычаем давать детям имена, образованные от этнонимов, названий животных, растений, тканей и других предметов, «защитные» имена. Судя по всему, именно о таких именах-прозвищах писал Ричард Джемс в своем словаре-дневнике: «(Прозвишше), прозвище, даваемое матерью наряду с крестным именем, и этим прозвищем они обычно и называются»⁴⁰. Мно-

³⁸ Орфографические, фонетические, фонологические, морфологические, синтаксические и лексические варианты русских омофоничных антропонимов подробно рассмотрены в кн.: С.-перанская А.В. Структура имени собственного: Фонология и морфология. М., 1969. Гл. 5.

³⁹ Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959. С. 15.

⁴⁰ Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса: 1618–1619 гг. М., 2012 [репр. воспр.: Л., 1959]. С. 102.

не из таких имен звучат оскорбительно и поэтому могут восприниматься современными исследователями как прозвища. Так, среди дворян XVI в. встречаются имена Чудин, Козарин, Русин, Черемисин, Кобыла, Шевляга (Кляча), Жеребец, Кошка, Козел, Зверь, Корова, Дятел, Трава, Осока, Редька, Бито, Капуста, Бархат, Аксамит, Измарагд, Лопата, Чобот, Ветошка, Неужда. Неустрой, Нехороший, Злоба, Незван, Нелюб, Тать, Возгriвая Рожа и др. В этом случае историку могут оказать существенную помощь данные генеалогии: существование подобных имен у членов одной семьи на протяжении нескольких поколений можно рассматривать как подтверждение того, что исследователь имеет дело с именами⁴¹. Так, у боярина Кошки сыновей звали Конь, Кобыла и Шевляга (Кляча), а у боярина Капусты были сыновья Вязень и Осока. Косвенным доказательством этого может также служить употребление их наряду с некалендарными именами в официальных документах. Скорее всего, подобные имена возникли из прозвищ, и рассматриваются как *прозвищные имена*.

Важной уточняющей частью имени человека является *отчество* (патронимическое прозвище), употребляемое обычно вместе с личными именами и образованное от имени отца. Отчество указывало на происхождение и родственные связи данного лица. Упоминание в источнике отчества позволяет историку широко применять для идентификации личности данные генеалогии и связанных с ней геральдики, нумизматики и сфрагистики.

В то же время в старину на Руси отчество косвенно указывало и на социальную принадлежность данного человека, поскольку было почетным наименованием. В то время как представители высшей аристократии именовались так называемым полным отчеством, оканчивающимся на *-вич*, средние сословия пользовались менее почетными формами патронимических прозвищ — полуотчествами, оканчивающимися на *-ов*, *-ев*, *-ин*, а низшие вообще обходились без отчеств. С конца XVI в. имена с отчеством на *-вич* стали символом особой награды, которой удостоивал сам государь. До второй половины XVIII в. составлялись поименные списки лиц, обладавших правом носить отчество «с-вичем». Следует, однако, помнить, что в делопроизводственной практике эти требования иногда нарушались.

Если имена, отчества и прозвища были известны с древнейших времен, то *фамилии* появляются на Руси довольно поздно. Фамилиями называются наследуемые официальные наименования, указывающие на принадлежность человека к определенной семье. Их возникновение относится

⁴¹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подг. текста А.А. Зимина. М.; Л., 1950. С. 9, 115, 130, 137, 186, 189, 192, 193, 197, 200, 226, 240, 245 и др.

⁴² Кобрин В.Б. Генеалогия и антропонимика: по русским материалам XV–XVI вв. // История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований / под ред. Н.И. Павленко. М., 1977. С. 84–92.

к XV–XVI вв. и связано, скорее всего, с появлением местничества, которое предполагало точную фиксацию родственных связей служилых людей. Причем на первых порах фамильные прозвища, как отмечает В.Л. Янин, во многих случаях «эфемерны, будучи лишь синонимами отчеств, в лучшем случае, — имени деда, т.е. дают возможность проследить происхождение интересующего историка лица не дальше третьего колена»⁴³. Действительно, большинство русских фамилий развилось из отчеств и «дедичеств» и носит патронимический характер. Реже фамилии происходили от топонимов — по названию местности, владельцами которой или выходцами из которой были их носители. Поэтому при анализе фамилий большую роль играют данные генеалогии, топонимики и связанных с ними дисциплин. По определению специалистов, фамилией можно считать патронимические прозвища, которыми пользовались потомки лица, носившего личное имя или прозвище, ставшее основой фамилии, не менее, чем в третьем поколении⁴⁴.

При анализе фамилий следует учитывать, что в XV–XVII вв. они нестабильны и могут варьировать при наименовании одного и того же лица. Это довольно часто ведет к путанице. Кроме того, нельзя забывать, что для русских княжеских, боярских и дворянских фамилий XV–XVI вв. характерно разветвление: почти каждая крупная фамилия с течением времени распадалась на ряд новых. Такой процесс прослеживается по родословным книгам и изучается генеалогией⁴⁵. Отношение разных ветвей потомства к одному родоначальнику могло определяться сложной, двойной фамилией. Например: Тучко-Морозовы и Брюхо-Морозовы были потомками боярина Мороза; Бобрищевы-Пушкины и Мусины-Пушкины — потомками Ивана Александровича Бобрище и Михаила Тимофеевича Мусы Улитина, род которых восходит к Григорию Александровичу Пушке Морхинину.

Кроме личных имен к числу прямых данных, помогающих идентифицировать персонажей, упоминаемых в разных исторических источниках, относятся также указания его пола, возраста, происхождения, чина, сана, должности, социальной принадлежности и т.п. признаки. Такие указания, как правило, представляются самоочевидными и не нуждающимися в специальном рассмотрении.

⁴³ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981. С. 3.

⁴⁴ Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974. С. 176–177; Кобрин В.Б. Генеалогия и антропология. С. 93.

⁴⁵ См., например: Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975; Бычкова М.Е. Генеалогия в советской исторической литературе // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 7. Л., 1976; Аксенов А.И. Генеалогия // Вопросы истории. 1972. № 10; Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. сост. Ю.М. Эскин, А.Л. Юрганов. М., 1995; Янин В.Л. Новгородские посадники. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2003; Кузьмин А.В. На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XII — середине XV в. Т. 1–2. М., 2014–2015; и мн. др.

Однако и здесь историка порой могут подстергать неожиданные трудности.

Определение пола идентифицируемого лица, как правило, не представляет сложности: в русском языке, как и в большинстве языков других народов мира, существуют категории имен, традиционно присваиваемых только мужчинам или только женщинам. Данные антропонимики в подавляющем большинстве случаев предоставляют для установления пола вполне достаточные основания. В то же время иногда вопрос о том, является данное имя мужским или женским, может вызвать серьезные затруднения.

Так, до сих пор недостаточно изучены древнерусские неканонические женские имена. Показательна в этом отношении дискуссия об имени Гостыа, встреченном в новгородской берестяной грамоте № 9 (XIV в.). Часть исследователей (А.В. Арциховский, В.И. Борковский, Р. Якобсон, Л.В. Черепнин) считают, что Гостыа — мужчина. Другие (М.Н. Тихомиров, Ф.Ф. Кузьмин, Э.К. Чичагов, М.В. Щепкина, Л.А. Булаховский, Н.А. Мещерский), напротив, придерживаются мнения, что это женское имя. Аналогичные разногласия существуют по поводу имен Омросия (автор новгородской берестяной грамоты № 59, первая половина XIV в.) и Дядята (автор граффито № 8 в Новгородской Софии)⁴⁶. В таких случаях историк должен привлечь дополнительный материал для установления пола лица, упомянутого в источнике.

Важной вехой в процессе идентификации личности может стать возраст индивида в момент совершения события. В древнерусском обществе возраст не рассматривался в качестве существенной характеристики человека⁴⁷. Поэтому в источниках он фиксировался редко, и историку зачастую приходится его восстанавливать по косвенным признакам.

В жизни людей в средневековом (в том числе древнерусском) обществе имелся целый ряд возрастных рубежей, перешагивая через которые человек приобретал новые социальные права. Правда, источники позволяют более или менее точно воссоздать, особенно для ранних этапов, возрастные вехи лишь в жизни представителей социальной верхушки.

Например, первым важным этапом в жизни князя являлись связанные между собой обряды «пострига» (возможно, связанного с наречением ребенку имени⁴⁸) и «посага», носившие, судя по всему, языческий харак-

⁴⁶ Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1951 г. М., 1953. С. 40–42; Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 256–257; Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1952 г. М., 1954. С. 60–61; Мединцева А.А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора: XI–XVI века. М., 1978. С. 28–29.

⁴⁷ Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 2006. С. 33 и др.

⁴⁸ Никонов В.А. Личное имя — социальный знак // Глазами этнографов [сб. статей]. М., 1982. С. 42–43.

тер. Суть их заключалась в первом острижении волос и первом посадении юного князя на коня. Вероятно, эти обряды бытовали на Руси с древнейших времен до первого десятилетия XIV в. Мнения исследователей относительно того, во сколько лет совершались «постриги» и «посаги», существенно расходятся. Скорее всего, это происходило в 5–8 лет⁴⁹.

Следующим важным моментом в жизни князя являлось его *совершеннолетие*. До этого он находился на попечении родителей, «кормящих сына своего до мужества и до възраста его». Князь считался совершеннолетним, судя по всему, с 12–15 лет⁵⁰. В этом же возрасте он начинал участвовать в государственном управлении. Дети дворян, детей борских и городских казаков в XVI–XVII вв. с 15 лет поступали «новиками» на военную службу, а дети знати получали низшие придворные чины.

В некоторых случаях возможно использовать указания источника на получение тем или иным лицом *должностей, званий или прав*, которые это лицо могло получить при достижении определенного возраста. Игуменом, например, мог быть избран лишь человек, достигший 30-летнего возраста. Не ранее этого возраста служитель церкви мог быть рукоположен и в сан священника (второй степени священства), а монах называться *старцем*.

Дополнительные ориентиры дает также знание юридически или обычаем определенных норм, связанных с получением очередного звания, должности, сана и т.д.

Еще одним возрастным признаком является *вступление в брак*. Нормальным для этого в Древней Руси, судя по летописным упоминаниям, считалось достижение юношами 14, а девушками — 12 лет. Но обручение могло состояться и раньше, после наступления 7 лет. Некоторые источники позволяют думать, что в XVII в. в земледельческих областях России девушек обычно выдавали замуж в 15–16 лет, в то время как на русском Севере были приняты более поздние браки: в 20–27 лет.

При установлении тождества личностей, упоминаемых в разных источниках, иногда бывает важно выяснить родственные связи идентифицируемого лица, откуда оно родом, какова его этническая принадлежность. И в этих случаях многие важные ориентиры могут дать вспомогательные исторические дисциплины: антропонирика, этнонирика, топонимика, историческая диалектология, геортология, просопография и др.

Ближайшие *родственные связи* изучаемого лица обычно устанавливаются на основании анализа отчества и фамилии. Иногда само личное имя (Одинец, Первой, Другой, Третьяк, Пятой, Шестак, Семей, Осьмой, Девятый

⁴⁹ Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // ТОДРЛ. Т. 16. М.: Л. 1960. С. 89–90; Строков А.А. О возникновении и начальных этапах развития русского военного искусства // О начальных этапах развития русского военного искусства: сб. статей. М., 1951. С. 170; Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. С. 33; и др.

⁵⁰ Лихачев Д.С. Комментарии // Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 520–521.

называло, каким по счету был данный человек в семье. Следует, однако, помнить, что по наблюдениям В.Б. Кобрин, имена-числительные давались не столько преимущественно третьему, пятому и шестому ребенку в семье, то ли просто имена Третьяк, Пятой и Шестак оторвались к концу XV в. от своей этимологической основы. Во всяком случае, они встречаются в источниках гораздо чаще других имен-числительных⁵¹. В некоторых случаях косвенным подтверждением родственных связей между людьми служат так называемые связанные имена, соотнесенные между собой по какому-либо принципу (например, одинаковая начальная буква в именах братьев и сестер; имена почитаемых личностей, связанных между собой различными узами: Борис и Глеб; Роман и Давид; Вера, Надежда, Любовь и Софья и т.п.; традиционное для данной семьи имя, даваемое в честь отца или деда и т.д.).

Так, восстанавливая родословие новгородских бояр Мишиничей-Онцифоровичей, В.Л. Янин обратил внимание на имена сыновей Варфоломея Юрьевича. Кроме Луки и Матфея Варфоломеевичей, известных по ряду берестяных грамот и летописных известий, у него был еще сын Иван, о существовании которого историкам стало известно из владельческой надписи на деревянной богато орнаментированной ложке, найденной в 1961 г. на территории усадьбы «Д» Неревского раскопа в слоях начала XIV в. Следовательно, все известные Варфоломеевичи названы именами евангелистов: Матфей, Лука, Иоанн. Известно, однако, четыре канонических Евангелия. Причем вторая из евангельских книг связывается с именем Марка, отсутствующим в перечне. Исходя из этого, исследователь предположил, что у Варфоломея Юрьевича был еще один сын — Марк. Возможно, это тот самый землевладелец Марк, который упоминается в берестяных грамотах № 140 и 142, найденных в усадьбе «Б» того же Неревского раскопа в слоях 1299–1340 гг.⁵²

Некоторые основания для восстановления степени родства для нескольких членов одной семьи могут дать знание «лествичной» системы восхождения древнерусских князей на престолы, а также местнической системы занятия должностей боярами и дворянами XV–XVII вв. (до 1682 г., когда местничество было окончательно отменено).

Так, представление о порядке занятия уделов, а также летописные указания, восстанавливающие последовательность, в которой получали княжения сыновья Владимира Мономаха, позволили В.Л. Янину установить их старшинство. Старшим был Мстислав Владимирович. За ним следовали Изяслав, Ярополк, Святослав, Вячеслав, Юрий, Роман и, наконец, самый младший, Андрей⁵³.

⁵¹ Кобрин В.Б. Генеалогия и антропонимика. С. 85–86.

⁵² Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 46.

⁵³ Янин В. Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождения игумена Даниила» // ТОДРЛ. Т. 16. М.; Л., 1960. С. 120.

Родословию в известной степени тождественна «генеалогия» семейного земельного владения. Раздел между родственниками вотчины, ставшей объектом наследования, фиксировался в писцовых книгах. Результаты такого раздела в целом адекватно отражали структуру семьи, внутрисемейные родственные связи. Исключение составляли лишь дети — члены семьи, которые юридически не являлись землевладельцами, поскольку были несовершеннолетними. В.Л. Янин предложил использовать данные о наследуемых земельных участках в качестве источника генеалогических построений. Методической основой восстановления родственных связей землевладельцев является разработанное этим исследователем комплексное рассмотрение актовых данных и показаний писцовых книг о вотчинах — родовых владениях. Такая методика генеалогических исследований оказывается достаточно эффективной в тех случаях, когда в источниках перечисляются совладельцы «вопчих» сел и погостов. Это дает основание видеть в совладельцах возможных родственников, а повторение в нескольких погостах владений определенной группы лиц позволяет предполагать наличие родственных связей между соседями⁵⁴.

При прямом указании в источнике территориального происхождения интересующего исследователя лица на помощь историку приходят данные исторической географии и топонимики. Место, где родился или жил данный человек, могло отразиться и в его *прозвище*. Тогда историк опирается и на данные антропонимики. Однако такие указания обычно встречаются, когда идентифицируемое лицо находится вдали от родных мест. Например, автор «Задонщины» — Софоний *Рязанец* — вряд ли мог получить такое прозвище в Рязани, а упоминаемый в летописной повести об убиении Андрея Боголюбского Кузмище *Киянин* — в Киеве.

Иногда косвенным основанием для определения территориального происхождения личности служит *диалектная форма имени*, сохраненная автором источника. Например, имена Гавша (от Гавриил), Павша (от Павел), Парамша (от Парамон), Данша (от Даниил), Прохно и Прошка (Прокофий), Перша (Порфирий), Алехно (Александр), Ратша (Ратибор) и подобные им были характерны для Западной и особенно для Северо-Западной Руси. А передача христианского имени посланца князя Ярослава Мудрого в форме «Никола» (при обычной для новгородцев форме «Микула») в надписи, оставленной им на стене новгородского храма Софии (граффито № 182), позволяет видеть в нем уроженца или жителя Киевской земли⁵⁵.

Иногда идентифицировать личность помогает ее этническое происхождение. Чаще всего при этом опираются на упоминание прозвища человека. Важно лишь установить, что в данном конкретном случае это именно про-

⁵⁴ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 5, 111–112 и др.

⁵⁵ Веселовский С.Б. Топонимика на службе у историка // Исторические записки. Т. 17. М., 1945. С. 35, 38; Мединцева А.А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора: XI–XVI века. С. 120.

звук, а не личное имя, образованное от этнонима (например, уже упомянутые Козарин, Чудин и т.п. имена).

Положение человека в традиционном обществе, прежде всего, определяется тем, какую ступеньку социальной иерархической лестницы он занимал. Поэтому указания чина, сана и должности данного лица сопровождают большинство имен в источниках, имевших официальный характер. Такие уточнения являются важными ориентирами при идентификации личности. В то же время в личных письмах, записках, надписях подобные сведения обычно опускались. Восстановить необходимые для идентификации характеристики помогают косвенные данные, предоставляемые историками специальными историческими дисциплинами и различными отраслями исторической науки: историей государственных учреждений, сфрагистикой, нумизматикой и др.

По источникам XV–XVII вв., зная родственные связи данного лица, удается ориентировочно восстановить должности, которые оно могло занимать, согласно местническим правилам, если известны послужные списки его ближайших родственников. При установлении должностного положения человека, помимо всего прочего, следует учитывать его возраст и срок службы на других должностях, поскольку эти факторы ограничивали возможности его продвижения по служебной лестнице.

Для низших социальных групп доиндустриального общества важно установить, было ли данное лицо лично зависимым или нет, к какой категории зависимого населения оно относилось, а также какова его профессия. При этом историк должен опираться на данные истории духовной и материальной культуры, в частности, знать историю ремесла и сельского хозяйства, правовые нормы, действовавшие в изучаемое время. Важную роль в данном случае может сыграть анализ профессиональных навыков идентифицируемого лица.

Так, рассмотрение граффито новгородского Софийского собора, написанных глаголицей и относящихся ко второй половине XI — началу XII в., позволило А.А. Медынцевой утверждать, что их авторам были известны и кириллическая и глаголическая азбуки, причем знакомство с обоими видами славянской письменности не было для них случайным. Это позволило исследовательнице с достаточным основанием предположить, что большинство глаголических надписей было выполнено профессиональными писцами, «книжными писателями», для которых знание обеих азбук было обязательным⁵⁶.

Одной из важнейших характеристик личности является ее социальное происхождение (так, скажем, автор источника интересует историка пре-

⁵⁶ Медынцева А.А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора: XI–XVII века. С. 25–32.

жде всего как носитель определенных социальных отношений и взглядов. Обычно данные о родственных связях человека, должностях, которые он занимает, его титул и сан предоставляют достаточные основания, чтобы определить, к какому сословию и классу он принадлежал.

Важно, однако, помнить, что социальное происхождение, сословная принадлежность того или иного исторического деятеля вовсе не обязательно должны были совпадать с его общественной позицией. Конечно, отношения родственной социальной среды, в которой он воспитывался и жил, играли важную роль в формировании мировоззрения человека, в выборе его взглядов и убеждений. Но в определенных условиях он мог переходить на позиции иной социальной группы или сословия. Поэтому для историка важно не только определить социальное происхождение изучаемого исторического деятеля, но и выяснить его, так сказать, общественное лицо, установить, чьи интересы он выражает. Основанием для этого может послужить вся история деятельности данного лица, анализ идейной и политической направленности его творчества.

При идентификации личности на основании анализа социальных позиций и направленности деятельности нельзя ограничиваться установлением сходства во взглядах по отдельным вопросам или по совпадению отдельных поступков отождествляемых людей. В противном случае могут быть допущены серьезные просчеты. Особую роль здесь играет выявление различий во взглядах. Причем, как показывает практика, чем эти расхождения незначительнее, тем очевиднее они обнаруживают различные точки зрения на одни и те же события и вопросы.

В то же время не следует упускать из виду, что человек в зависимости от условий, в которых он находится, собственных целей, от того, к кому и когда он обращается, может давать не только несовпадающие, но и прямо противоположные оценки одного и того же события, явления, личности.

Ярким примером такого рода могут быть сочинения Иосифа Волоцкого. Во время конфликта с Иваном III он писал, что, хотя всякая власть и от Бога, попасть она может в недостойные руки, а потому государь должен отвечать не только перед Господом, но и перед своими подданными. Те же, если правитель «безбожный», могут и должны оказывать ему сопротивление. Однако после того как сразу после смерти отца Василий III взял Волоколамский монастырь под свое покровительство, Иосиф Волоцкий резко изменил свои взгляды на центральную власть. Бог сам знает, кому Он дал властные полномочия, а потому отчитываться за то, как правитель распорядился этой властью, он должен только перед Богом⁵⁷.

⁵⁷ Будовниц И.У. Русская публицистика XVI в. М., 1947. С. 93–99.

Есть в источнике сохранились изображения родовых знаков и личных гербов (а для людей Западной Европы еще и личных гербов, которых на Руси до XVIII в. не было) в целях идентификации личности могут использоваться также данные и методы геральдики⁵⁸.

Все перечисленные особенности характеристик человека должны учитываться при установлении тождества лиц, упоминаемых в различных источниках. Они могут стать важным дополнительным основанием для установления того, что в независимых текстах описывается одно и то же событие⁵⁹.

7.3. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ УКАЗАНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОПИСЫВАЕМЫХ СОБЫТИЙ

Наконец, третьим важным ориентиром, позволяющим установить тождество событий, описанных в разных источниках, является пространственная информация, содержащаяся в исследуемых текстах.

При этом возникает необходимость предварительной идентификации географических объектов, с которыми она связана, и собственно локализации (установлению места совершения) происходивших событий.

Важнейшим прямым указанием места совершения исторического события (в том числе появления письменного памятника) являются *топонимы* — собственные имена географических объектов. Основная функция географического названия — адресная, назывная. Оно является идентифицирующим знаком называемого участка географического пространства и представляет собой своеобразное связующее звено, в языковой форме соединяющее данную географическую реалию с историей общества. Поэтому указания в источнике наименования места совершения события в большинстве случаев достаточно для того, чтобы дать возможность идентифицировать его с географическим объектом, местонахождение которого известно.

Так, не представляет труда установить место возникновения Псковской судной грамоты, в заголовке которой сказано, что она принята «всею

⁵⁸ Егоров Д.Н. Славяно-германские отношения в средние века: Колонизация Макленбурга в XIII в. Т. 1. М., 1915. С. 374–446, 489–490; Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. 2-е изд. М., 1974; Свердлов М.Б. Геральдика // Советское источниковедение Киевской Руси: Историографический очерк. Л., 1979. С. 178–182; и мн. др.

⁵⁹ Аналогичные процедуры проводятся и на начальном этапе работы с текстом: при установлении его автора, редактора или переписчика.

Псковом на вечи»⁶⁰. Столь же легко найти на исторической карте место составления челобитной украинской шляхты королю Стефану Баторию в 1576 г. о том, чтобы королевские указы писались на украинском, а не на польском языке (на челобитной помета: «Составлена в Браславле»⁶¹), или грамоты короля Сигизмунда Августа киевским мещанам, отправленной в 1567 г. с указанием: «Писан у Петрыкове»⁶².

Несложно идентифицировать место совершения исторического события или процесса, когда в источниках приводятся полные топонимические указания по существовавшему в изучаемый период административно-территориальному делению. К сожалению, авторы или составители документов, адресуя их определенным лицам, очень часто ограничивались сокращенными (эллиптированными) указаниями, достаточными для современников, но неясными для потомков.

Так, составитель одной из редакций «Повести временных лет», Сильвестр, отметил, что написал «книгы си Лѣтописецъ», когда был игуменом «оу святого Михайла»⁶³. Сильвестру и его современникам, разумеется, было понятно, о каком монастыре здесь идет речь, но исследователю это надо установить. В росписи пашенных земель Богородицкого села, принадлежавшего боярину Б.И. Морозову, сказано, что составил ее в 1650 г. «села Богородицкого земской дьячок Нестерко Абросимов»⁶⁴. Однако остается неясным, в какой волости, стане, уезде находилось это село.

Во многих документах, особенно в частных актах, в качестве места их создания указывались зачастую такие мелкие географические пункты, которые, как правило, на карте не фиксировались. Составители таких актов, как писал А.С. Лаппо-Данилевский, сплошь да рядом ограничивались «упоминаниями вроде следующих: река Малая Юра, Кочком-озеро, Наль остров, Круглица гора, Глухой погост и т.п.»⁶⁵ В данном случае, отмечает А.С. Лаппо-Данилевский, пришлось затратить немало труда, чтобы установить, что все эти названия относятся к бассейну реки Двины, и нанести их на карту.

Обычно в речи топонимы как бы не имеют смыслового значения, обладают лишь номинативной (назывной) функцией. В отличие от нарицательных слов, которые максимально понятийны, топонимы, как и всякие имена собственные, максимально номинативны.

⁶⁰ Памятники русского права. Вып. 3. М., 1953. С. 286.

⁶¹ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 3. СПб., 1848. С. 188.

⁶² Архив Юго-Западной России. Ч. 8. Т. 5. Киев, 1907. С. 163.

⁶³ Лаврентьевская летопись. Стб. 286.

⁶⁴ Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова. Ч. 1. М.; Л., 1940. С. 117.

⁶⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб., 2007. С. 136

Вместе с тем историк не должен упускать из виду, что всякое географическое название несет смысловую нагрузку. Правда, содержательная сторона топонимов зачастую скрыта и нуждается в выявлении. Зато она может оказаться полезной при пространственной идентификации событий, описанных в исторических источниках.

Всякий топоним дает возможность для выделения называемого объекта из окружающего пространства, отличия его от прочих объектов, в том числе подобных ему, и в то же время сопоставляя его с рядом аналогичных географических реалий: рек, озер, гор, поселений и проч.

Географическая номенклатура всякой территории создавалась постепенно и представляет собой многослойное образование. Она всегда состоит из разновременных и разноязычных элементов. Каждый из них изменялся в процессе развития языка, искажался переосмыслением носителей других языков, пришедших на смену прежнему населению данной территории. Кроме того, топонимы претерпевали и своеобразную пространственную эволюцию. Одно и то же название в разное время могло относиться к различным географическим объектам, переходить с одной географической реалии на другую, обозначать различные участки географического пространства. Как правило, это было вызвано миграцией населения, являлось результатом войн, происходило в ходе культурного, экономического и, естественно, языкового общения народов.

Нельзя упускать из виду, что тождественные по произношению и написанию топонимы могут относиться к совершенно разным местностям и различным географическим объектам. Зачастую это связано с явлением *транстопонимизации*: перенесении географического названия с одного объекта на другой.

Еще в начале прошлого века было установлено, что *гидронимы* (наименования водных объектов) обычно дублируются. Так, каждое название реки повторяется не менее двух-трех раз. Например, существуют 11 рек, название которых Печенга⁶⁶. При этом даже дополнительные топонимические привязки в ряде случаев оказываются бесполезными. В школьных учебниках истории России для 6-го класса, например, неоднократно повторялась фраза: «Это тот самый Переяславль, который стоит на реке Трубеж». Действительно, в Древней Руси было несколько городов, носивших название Переяславль: Переяславль Южный (ныне — Переяслав Хмельницкий), Переяславль Рязанский (ныне — Рязань) и, наконец, Переяславль Залес-

⁶⁶ Орлов А. Ф. Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей. Вельск, 1907; *Europeus Д. П.* Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии, до прибытия туда нынешних ее жителей СПб., 1874. С. 2; Туркин А. И. Топонимика северной России в трудах финно-угроведов XIV — начала XX в. // История топонимики в СССР. М., 1967.

ский. Дело, однако, в том, что все три Переяславля стоят на реках, называющихся... Трубеж.

Множественно повторяются и названия населенных пунктов — *ойконимы*. Помимо только что упомянутых Переяславлей, можно вспомнить хотя бы Новгород Великий, Новгород Северский и Нижний Новгород. Иногда встречаются целые комплексы повторяющихся географических названий. Совпадает, к примеру, целый ряд топонимов в районе Чернигова и в Подонье: Чернигов, Елец, Воргол, Усмань, Рамонь, Лубны, Девица, Свишня. Снова, Ведуга, Козар, Воронеж⁶⁷.

С явлением транstopонимизации связаны также случаи, когда названия населенных пунктов происходили от наименований озер, рек и других водоемов, на берегах которых они были расположены, и повторяли их в неизменном или слегка измененном виде: р. Москва — г. Москва, оз. Белое — г. Белоозеро, р. Альта — урочище Альта (Льто), р. Полота — г. Полоцк. р. Голтава (Гольта) — г. Голтав, р. Здвига — г. Звиздонь, ручей Клов — урочище Клов, р. Красна — г. Красн, р. Одер — г. Одреск, р. Оронт — г. Оронтий, р. Случь — г. Случеск, р. Сновь — г. Сновьск, р. Судомирь — г. Судомир, р. Тверь — г. Тверь и мн. др.

И наоборот, некоторые водные объекты получали названия по крупным населенным местам, расположенным на их берегах. Примерами гидронимов, образованных от ойконимов, по мнению отдельных исследователей, могут служить названия оз. Долобское (от г. Долобска), р. Воронеж (от г. Воронеж) и др.

При анализе топонимов следует помнить, что многие названия географических объектов употреблялись в нескольких вариантах, а ряд географических пунктов носил несколько названий. Так, например, в писцовых книгах XVI в. в Московском уезде зафиксирован целый ряд названий населенных мест, известных в нескольких равнозначных и равноправных формах: деревня Гридина, или Гридюшкина; пустошь Родионцова, или Родионов; сельцо Рахманцово, или Рахманово; деревня Степанова, или Степково; пустошь Юрина, или Юрьево; пустошь Бортная, или Бортнича; «пустошь, что была деревня Дияконова, Дияково тож» и др. Встречаются и более существенные расхождения: д. Жаворонки вместо более раннего Жаворонкова; с. Светлозары вместо Светлозарово; д. Юшино или Юрово; с. Рыбаки или Рыбацкая (Рыбная) Слобода; с. Борис-Городок или Борисов Городок; с. Курганье или Курганы; д. Берег или Набережная; с. Бережное или Берег; с. Верхняя Грязь или Верхогрязье и др.

⁶⁷ Загоровский В.В. О древнем Воронеже и слове «Воронеж». 2-е изд. Воронеж, 1977. С. 57-67.

Наконец, встречаются географические пункты с несколькими названиями, различающимися этиологией и этимологией (происхождением и содержанием). Появление второго, а иногда и третьего названия обычно связано со сменой владельца земель, на которых располагался объект: «село Вешняковское, а Кушневское тож», «деревня Ондреево, Лосево, а Истров тож», село Пономарево или Брехово), с параллельным сосуществованием официального названия (обычно по церкви или по владельцу) и народного: «деревня Ендовище, а Павлово тоже», «пустошь Хохлова, а Пележе тоже», «село Никольское, а по крестьянскому званию Собакино», «село Никольское, что слово Пустой Вторник», село Покровское или Городня, село Никольское или Коровий Враг, Спасское или Котово, Знаменское или Садки, Воскресенское или Грибки и мн. др.⁶⁸

Вариативность топонимов, а также возможность существования нескольких названий у одного географического объекта должны учитываться при идентификации пространственных упоминаний. Вместе с тем в каждом конкретном случае видоизменение названия или наличие топонимического глоссы должно быть доказано и подтверждено свидетельствами источников. В противном случае историк рискует либо «создать» несуществующий географический объект, либо отождествить самостоятельные и независимые друг от друга объекты.

И все-таки чаще всего в основе идентификации пространственной информации лежит тождество или близость топонимов, упомянутых в источниках. Однако транскрипция, написание названия географического объекта могли более или менее существенно изменяться даже в одном и том же списке источника, не говоря уже о разных списках, изводах, редакциях и тем более различных, независимых друг от друга памятниках. Так, например, в Ипатьевском списке летописи встречаются такие варианты графической передачи одного и того же топонима: Браньскъ, Бранескъ, Добраньскъ, Добранескъ⁶⁹; в Хлебниковском и Погодинском списках к ним добавляются транскрипции: Брянскъ, Добрянскъ, Дебрянескъ⁷⁰. Другим примером, взятым из той же летописи, могут служить формы: Сѹбловъ, Блевъ (Ипатьевский список), Бловъ (Хлебниковский список)⁷¹.

Кроме того, географические названия подвержены своеобразной временной эрозии. Их первоначальные форма и звучание со временем могли изменяться — как в связи с развитием языка, их породившего, так

⁶⁸ Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965. С. 147–152.

⁶⁹ В данном случа, впрочем, возможна неверная разбивка текста на слова: «иде заемъ вси Ватици и до Бранескъ и до Воробиниъ Подеснье...»

⁷⁰ Ипатьевская летопись. Стб. 338, 342, 862.

⁷¹ Ипатьевская летопись. Стб. 342, 502.

и в результате миграции населения, приходом на данную территорию носителей других языков, «приспособивших» старые наименования к привычному звучанию слов или давших новые названия, часто дословно переводя исчезнувшие топонимы на свой язык. Поэтому даже один источник, имеющий сложный состав, различные части которого создавались в разное время и на разных территориях, может отражать сразу несколько стадий в развитии одного топонима.

В то же время устойчивость топонимов во времени различна. Чем крупнее называемый объект, тем меньше изменялось его название. Различаются названия различных географических объектов и по скорости изменения. Скажем, гидронимы лучше сохраняют первоначальную форму, чем ойконимы, и т.д.

Расхождения в транскрипции топонима у различных авторов, редакторов и переписчиков могут быть вызваны диалектными особенностями, вариантами его произношения в той или иной местности. В этом случае на помощь историку приходят данные и методы исторической диалектологии.

Некоторая трансформация топонима могла быть связана с отсутствием в древности единых жестких норм графической передачи имен собственных. При записи топонимов автору, редактору или переписчику текста обычно приходилось руководствоваться традицией, аналогиями и собственным вкусом. В этом случае историк, как правило, имеет дело с омофоничными топонимами, которые при различном написании произносились одинаково.

Наконец, причиной расхождений в письменной передаче топонимов могла быть и простая ошибка автора, редактора или переписчика в прочтении или написании данного названия. В таком случае историк должен не только указать наличие в источнике ошибки, но и объяснить ее. Естественно, подобные искажения названий чаще появлялись под рукой переписчика, незнакомого с топонимией данного района.

Поэтому историк, работающий с топонимическим материалом, должен прежде всего восстановить первоначальный вид географического названия и объяснить все его изменения и варианты, которые сохранились в исторических источниках. Без этого проблема идентификации топонимов не может быть решена, так как одним из важнейших признаков тождества географических реалий, о которых идет речь в источниках, служит близость или полное совпадение их наименований.

Если игнорировать восстановление промежуточных, переходных форм от того вида, в котором топоним зафиксирован в источнике, до ныне существующих его вариантов, и идентифицировать наименования географических пунктов только на основании их созвучия (так называемый *ориентировочный топонимический метод*), можно допустить серьезные ошибки.

Так, при определении местоположения Игнача Креста — самой северной точки Руси, до которой дошли в 1238 г. ордынские отряды под командованием Субедея и Бурундая, — многие исследователи пытались использовать именно этот метод. Они отыскивали на позднейших картах топонимы, напоминающие по звучанию слова «крест» (г. Крестцы на р. Холове, в 80 км к юго-востоку от Новгорода⁷²) или «Игнач» (д. Игнатицы на р. Полы, в 120 км от Новгорода⁷³; д. Игнашовка в верховьях р. Щеберихи, в 150 км от Новгорода⁷⁴). При этом, однако, авторы пренебрегали как данными этимологии, так и метрологическими указаниями источников. Между тем топоним Крестцы происходит от слова «крестец» (пересечение дорог или улиц), что ставит под сомнение точку зрения В.Н. Татищева и С.М. Соловьева. Указания Новгородской летописи на то, что после падения Торжка «ганяшася окаяньнии безбожници от Торжку Серегерьским путем оли и до Игнача Креста, а все люди секуще, акы траву, за 100 верст до Новгорода»⁷⁵, не только подкрепляют эти сомнения, но заставляют отказаться и от предположений М. Иванина, М. Голицына и С. Ильина⁷⁶.

Другим примером такого рода может служить традиционная идентификация города Домагоща, единственный раз упомянутого в Ипатьевской летописи под 6655 г.⁷⁷, с современной д. Маговка (в 38 км к югу от г. Карачева Брянской области). Основанием для их идентификации послужило созвучие названий Домагощ/Маговка. Ученым, однако, не удалось доказать преемственность этих топонимов. Поэтому на карте, составленной А.Н. Насоновым, Домагощ показан на месте Маговки со знаком вопроса⁷⁸. Позже А.К. Зайцеву, опиравшемуся на сравнительный анализ археологических материалов, данных лингвистики и информацию письменных источников, удалось доказать справедливость сомнений А.Н. Насонова⁷⁹.

⁷² Татищев В.Н. История Российская. Т. 3. М., 1774. С. 465; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 2: Т. 3–4. М., 1960. С. 332, примеч. 276.

⁷³ Иванин М. О военном искусстве и завоеваниях монголов. СПб., 1846; Голицын Н. Русская военная история. Т. 1. СПб., 1877. С. 115.

⁷⁴ Ильин С. Селигерский путь Батыя к Новгороду в 1238 г. // Исторический журнал. 1944. № 4. С. 96–100.

⁷⁵ Новгородская первая летопись. С. 76, 228.

⁷⁶ Янин В.Л. К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 146–158.

⁷⁷ Ипатьевская летопись. Стб. 342.

⁷⁸ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование // Насонов А.Н. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. Изд. 2-е, стереотип. СПб., 2006. С. 80–81, карта: «Киевская земля (включая волости Берестейскую и Турово-Пинскую), Черниговская земля и Перяславская земля. Граница до середины XII в.»

⁷⁹ Зайцев А.К. Домагощ и границы «Вятичей» // Историческая география России: XII — начало XX в. М., 1975. С. 21–23.

Первоначальный вид топонима (так называемый *первичный топоним*), преемственность его существования вплоть до нашего времени, подтвержденная указанием промежуточных звеньев, могут быть установлены и доказаны лишь тогда, когда историк в достаточной мере владеет данными и методами таких дисциплин, имеющих вспомогательное для истории значение, как этимология, историческая фонетика и др. Вместе с ними значительную помощь в обработке и объяснении топонимического материала оказывает текстология, в «ведении» которой находятся история и структура текстов письменных памятников.

Однако даже полное тождество топонима, обнаруженного в источнике, и названия известного географического пункта не всегда является безусловным доказательством идентичности географических реалий, обозначенных ими. Помимо уже упоминавшегося явления транstopонимизации, в ряде случаев это вызвано омографией (одинаковым написанием) имен при различном их произношении (например, при различном ударении). Выявить такие случаи помогают данные и методы лингвистики, в частности, исторической акцентологии и др. Кроме того, как уже отмечалось, существует множество топонимов-тезок, относящихся как к однородным, так и к разнородным географическим объектам. Поэтому при идентификации пространственной информации на основании тождественных или близких по написанию географических названий историк должен особое внимание уделить восстановлению дополнительных определителей-ориентиров, входящих в их состав или параллельных названий искомого географического пункта.

Следует учитывать не только орфографическое тождество, но и тот географический «контекст», в котором существует данный топоним, и который, соответственно, нашел отображение в источнике. При этом желательно выявить и использовать возможно большее число различных по своему характеру географических названий, в ряду которых упоминается искомый пункт, а также все возможные климатические, фенологические, топографические ориентиры, облегчающие идентификацию. Привлечение таких данных помогает выбрать из ряда омонимичных (одинаково звучащих, но соотношенных с различными объектами) и омографичных названий искомый топоним. Например, только дополнительные данные (расстояние от Прилук до Белой Вежи в один дневной переход) позволяют установить, что в Поучении Владимира Мономаха упоминается Остерская Белая Вежа на реке Остре, а не Донская Белая Вежа — Саркел⁸⁰.

Недостаточное внимание к мелочам, помогающим различать омонимичные топонимы, может привести к недоразумениям даже в самых, казалось бы, простых случаях. Целый ряд исследователей смешивает, напри-

⁸⁰ Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины: с древнейших времен до второй половины XIV века. [2-е изд.] СПб., 2002 [репр. воспр.: Л., 1940]. С. 248.

сведения, относящиеся к двум разным монастырям, расположенным в пригороде Новгорода: Успенскому Коломому и Троицкому Коломецкому. Созданием для ложной идентификации наименований «Коломецкий» и «Коломов» и, следовательно, ошибочного отнесения информации о Коломове Троицком монастыре к Успенскому монастырю в Коломове послужили: 1) созвучность топонимов; 2) их территориальная близость; 3) существование в обоих пунктах монастырей; 4) наличие в обоих монастырях двух одноименных церквей: Троицкой и Успенской. Между тем внимательный анализ всей информации, относящейся к окружающему монастыри ландшафту, позволяет достаточно четко разграничивать известия о них. Дело в том, что Коломово — местность на левом берегу Волхова, ниже города, примыкает к Неревскому концу. Коломцы же — урочище на правом берегу Волхова, у самого его истока, значительно выше города по течению. Кроме того, в Коломовом монастыре Успенская церковь — соборная, а Троицкая — трапезная, в то время как в Коломецком — наоборот: соборной является Троицкая церковь, а трапезной — Успенская⁸¹.

Значительную помощь в идентификации объектов по существующим топонимам оказывают специальные разъяснения и уточнения авторов источника. Это могут быть, в частности, *этнонимы* и производные от них *этнотопонимы*, а также *топоэтнонимы* (часто, *этнокатойконимы*), связанные с определяемым местом совершения события.

Этнонимы (названия племен, народов и т.д.) несут пространственную информацию и могут рассматриваться в качестве важных, хотя и приближенных локализирующих указаний. Поскольку этнические группы в то или иное время занимали определенную территорию, упоминание их можно рассматривать как косвенное пространственное указание. Соответственно, этнонимы могут использоваться для установления места совершения исторических событий. При этом, однако, следует выяснить источники этнонимии, которой пользуется автор исследуемого текста, и насколько эти источники заслуживают доверия. Для этого необходимо привлечь другие источники — как письменные, так и вещественные (археологические материалы)⁸².

Более показательны в пространственном отношении *отэтнические топонимы* — *этнотопонимы* и *оттопонимические этнонимы* — *топоэтнонимы*.

Этнотопонимы возникали в результате топонимизации этнонимов — переноса названия народа на географический объект: область, заселенную данной этнической группой, город, поселок, образованные ею, и т.п. Анализ этнотопонимов представляет особый интерес при работе с летописными

⁸¹ *Передольский В.С.* Новгородские древности: Записки из местных изысканий. Новгород, 1998. С. 91–92; *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 16–17, и др.

⁸² См.: Экскурс 1. Казус восточнославянских «племенных союзов».

материалами, так как летописная этнонимия тесно связана с географической номенклатурой. Древнерусские летописцы широко употребляли этнические наименования в качестве пространственных ориентиров: «бѣ путь изъ Варагъ въ Греки», «держати почаша родъ ихъ княженъ в Полахъ, а в Деревлахъ свое», «бѣжа Святополкъ в Печенѣгы», «прибѣжа в пустыню межю Лахы и Чехы», «иде въ Югру», «въ Ватичи ходихомъ по двѣ зимѣ» и мн. др.⁸³ Используемые в качестве названия единицы административно-территориального деления, этнонимы нередко были устойчивее самих этнических групп, давших им названия. Новое население получало от этнического наименования занятой территории (*топонимы*) уже в готовом виде и чаще всего не имело отношения к ее прежним жителям. Как указывает Г.А. Хабургаев, связь названия такой области и ее нового населения с древними этнонимами — чисто историческая, а не лингвоэтническая⁸⁴. Так, например, *пруссак* — пришлое население *Пруссии*, территории, коренные жители которой — *пруссы* — были ими полностью истреблены или ассимилированы.

Использование этнопонимов в качестве локализирующего признака предполагает проведение значительной работы по определению границ территории, за которой закрепилось данное этнонимическое географическое название. Ограничение сферы действия этнопонима проводится обычно на основании сравнительного анализа археологических материалов, данных лингвистики и свидетельств письменных источников⁸⁵. Полученные результаты дают приблизительные ориентиры для локализации исторических фактов.

Идентификация объектов, с которыми связана территориальная информация источников, позволяет перейти к сопоставлению накопленных данных, их обобщению. В ряде случаев, когда в основе идентификации лежит достаточно известный малораспространенный топоним, связанный с крупным объектом, сохранившимся до наших дней (например, города Киев, Псков, Чернигов и др.), проделанной работы оказывается достаточно для «привязки» изучаемого события к исторической карте и идентификации прямых пространственных указаний, приведенных в разных источниках, описывающих его.

Однако чем дальше в глубь веков продвигается исследователь и чем незначительнее географический объект, наименование которого обнаружено в источниках, тем меньше вероятность отыскать на карте топоним, полностью совпадающий или созвучный с ним.

Географические названия исчезали вместе с носившими их населенными пунктами, покинутыми жителями, пересохшими реками и озерами, за-

⁸³ Лаврентьевская летопись. Стб. 7, 10, 144, 145, 235, 248.

⁸⁴ Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. Л., 1979. С. 166–167.

⁸⁵ См., например: Зайцев А.К. Домагощ и границы «Вятичей».

топонимами дорогами и т.п. Топонимы стирались из памяти людей вместе с объектами, которые они называли. Нередко географическая реальность переставала существовать, а умирало лишь ее старое имя, данное народом, который ушел из этих мест. Его сменяло новое название, принесенное людьми, говорившими на другом языке. Во всех подобных случаях старые, забытые названия географических объектов в большей или меньшей степени теряют свою адресную функцию, а вместе с ней и «привязку» к определенному месту. Потеря адресной функции наблюдается и у тезоименных объектов, в названиях которых нет дополнительных ориентиров. При работе с такими топонимами перед историком встает задача их локализации, т.е. отнесения к определенному месту на исторической карте, установления, к какому из известных географическому пункту относится данный топоним.

Процедура локализации необходима и в том случае, когда вообще отсутствуют прямые указания на место совершения событий. Она обычно включает два этапа: ориентировочный и уточняющий. На первом из них исследователь, насколько это возможно, ограничивает территорию, на которой могло происходить изучаемое событие. На втором — уточняет его местонахождение в установленных пределах. Затем следует проверка полученных результатов.

Рассмотрим эти этапы подробнее.

7.3.1. *Ориентировочная локализация* должна начинаться с систематизации пространственной информации.

Локализация событий облегчается, прежде всего, местом создания источника, описывающего их.

Затем обычно устанавливается тип и вид объекта, где происходит интересующее историка событие: город, село, деревня, река, озеро и т.д. Часто в источнике прямо указывается *географический (номенклатурный) термин*⁸⁶ (в ряде случаев — *местный географический термин*⁸⁷), который

⁸⁶ *Географический термин* (ГТ) относит географический объект к ряду аналогичных реалий земной поверхности (река, озеро, болото, долина, степь, город, деревня, село, дубрава, лядина, мушкет, сухмень, чернолесье и т.п.). Первоначально такой термин входил в состав каждого или, во всяком случае, подавляющего большинства топонимов: Новгород, Белгород, Звенигород, Вышгород, Белая Вежа, Городец, Городно, Острог, Городок, Погост, Кукуева гора, Волдоутов Погост, Погост Волок на Мши, Новый Торг, Ольгов Новый Городок, Волок Ламский, Игорево Село, Село Рогнедино, Лукомльское Городище, Новая Деревня и др. Однако со временем ГТ зачастую отсекался. В результате получались так называемые эллиптированные (сокращенные) названия: р. Дунай вместо Дунай-река, р. Великая вместо Великая река, г. Архангельск вместо Архангельский городок или Архангелогородск, с. Рогнедино вместо Рогнедино село и т.д. Своеобразие данного объекта выражает *слово-определитель*. Путь от ГТ к названию объекта — наиболее правильный и плодотворный, так как именно номенклатурные термины определяют смысловое содержание топонима. ГТ помогает историку понять, какой географический объект в данном случае локализуется.

⁸⁷ *Местные (народные) географические термины* (МГТ) — диалектные слова, обозначающие разновидности географических реалий.

определяет, что именно, какую географическую реалию характеризуют полученные историком сведения. При отсутствии прямых указаний такого рода исследователь обращается к прямой неосознанной пространственной информации: *топоформантам*⁸⁸ и личным окончаниям топонимов, называющих данные пункты.

Так, древнерусские топонимы, состоящие из прилагательного женского рода, предполагают в качестве номенклатурного термина существительное *деревня* или, реже, *слобода*. К их числу относятся географические названия, оканчивающиеся на *-ская, -ова, -ина, -ая, -ка*. В народной среде их иногда заменяют имена, оканчивающиеся на *-иха*. Названия сел обычно имеют окончания среднего рода, а погосты и города — мужского. Сравнительно часто для образования имен городов использовался суффикс *-ск*: Торческ, Шумск, Курск, Смоленск, Клеческ, Случеск, Мичск, Голотическ, Дрютеск, Менск, Пинск и мн. др. Изредка он встречается и в названиях негородских поселений. Обычно это обусловлено тем, что прежде эти пункты имели значение города, городища или погоста. Со временем названия негородских пунктов на *-ск* изменяют форму на обычную для прилагательных на *-ский (-ской), -ское, -ская*. Для ряда городов характерно окончание названий на *-ань*: Шарукань, Рязань, Выхань и др. Характерно, что в XI–XII вв. эти названия, обозначая город, склонялись как существительные мужского рода: «иде Рязаню», «поиде к Рязаню», «выбѣже из Рязанѣ»⁸⁹ и т.д.

Следует, однако, помнить, что в результате транstopонимизации содержание неосознанной информации может не соответствовать непосредственно называемому объекту. Поэтому, восстанавливая тип или вид географического объекта по «вторичным» признакам, необходимо учитывать и использовать всю совокупность такого рода информации. В случае противоречий в прямой пространственной информации, как осознанной, так и ненамеренной, необходимо выяснить, не относятся ли противоречивые сведения к различным моментам существования данной реалии; не связаны ли они с различными географическими объектами или же, наконец, не допущена ли ошибка в каком-либо источнике, и, если да, — в каком именно тексте, в каком его месте и почему.

⁸⁸ *Топоформанты* — аффиксальные элементы топонимов, которые образовались из ГТ (как правило, из МГТ), потерявших смысловую нагрузку. Чаще всего переход ГТ или МГТ в категорию топоформантов происходил при смене народов и языков на данной территории. Поскольку иноязычные (субстратные) названия обычно не воспринимались носителями новых языков с содержательной стороны. Суффиксальные (выполняющие в названии функции суффиксов) топоформанты со временем претерпевали меньшие изменения, чем корневая часть топонима. Высокая устойчивость, стабильность формантов, в том числе тех, в основе которых лежат утратившие семантическую нагрузку ГТ, предоставляют дополнительные возможности для определения характера локализуемого объекта, его идентификации.

⁸⁹ Лаврентьевская летопись. Стб. 240.

Далее следует определить границы территории, на которой располагался изучаемый объект. Для этого могут быть использованы имена владельцев земель, от которых образованы посессивные *антропотопонимы*⁹⁰ (если известно, где располагались владения данных лиц), этнонимы, входящие в состав этнотопонимов, и другие косвенные пространственные указания.

Особое внимание следует уделить относительно негативным пространственным указаниям: *контрастирующим определителям* в составе топонимов⁹¹, отойконимическим (образованным от названий населенных пунктов) прозвищам участников событий и т.п. Они, как правило, позволяют существенно сузить возможные границы определяемой территории.

Если в источнике вообще не называется пункт или место, где произошло событие, приблизительно локализовать его помогают упоминания этнических групп, населяющих данную территорию, имена участников событий (при условии, что известно, где они могли находиться в то время, когда происходили изучаемые события).

Дополнительные основания для локализации могут предоставить историку описания растительного и животного мира (данные исторической геоботаники и исторической биогеографии), топографических особенностей местности, на которой происходили события. Особый интерес для исследователей, занимающихся локализацией исторического события, прямые сведения о месте совершения которого отсутствуют, представляют упоминания о наблюдении его участниками некоторых астрономических явлений, в частности солнечных затмений. С каждым годом все более широко могут использоваться в подобных целях данные гелиобиологии и гелиоклиматологии.

7.3.2. Приблизительно установив территорию, на которой происходили изучаемые события, историк получает дополнительные основания для окончательной локализации топонимического материала, утратившего по различным причинам свою адресность, а также для выбора наиболее вероятных пунктов, где могли состояться события, прямую пространственную информацию о которых не донесли до нас источники.

⁹⁰ *Антропотопонимы* (отантропонимические названия) — топонимы, образованные от имен людей. Различают патронимические и посессивные антропотопонимы: первые чаще всего связаны с именами предков и основателей населенных пунктов; вторые — с именем владельца данной территории.

⁹¹ *Контрастирующими* называют топонимы, определяющие объект по резко выраженной противоположности с окружающей его средой: скажем, названия, связанные с лесом (Дубки, Залесье, Березняки), чаще встречаются в безлесных степных районах; топонимы, включающие ГТ, связанные с водными объектами (Белый Ключ, Семь Колодезей), характерны в основном для мест, где ощущается нехватка воды, и т.п. Топонимисты даже сформулировали закон относительной негативности географических названий (Никонов В.А. Закон ряда в географических названиях // *Onomastika*. Ч. 4. Вып. 1. Вроцлав; Краков, 1958.).

Краеугольным камнем решения большинства историко-географических вопросов по косвенным данным является локализация безадресных ойконимов. Административные и владельческие границы определяются по городам и селам: между населенными пунктами пролегали торговые и военные пути. Более или менее точная пространственная «привязка» наименований к конкретным поселениям в приблизительно известных границах обычно связана с изучением истории населенных пунктов данного района. Уточнение вопросов, относящихся к появлению селения, его первоначальной владельческой принадлежности и переходам от одного владельца к другому, нередко дает информацию, без которой невозможно решить, с каким именно пунктом связан топоним, сохраненный источником.

Восстановить историю древнерусских селений помогает наблюдение С.Б. Веселовского: «Древнейшими названиями являются производные от собственных имен, вроде: Михайловское, Ивановское, Вельяминово. Микульское и т.п. С XIV в. входят в обиход прозвища, и второй по времени слой названий данной местности составляют названия селений. производные от прозвищ <...>. Названия, данные по храмам, все более позднего происхождения. Следует еще заметить, что замена одних названий другими наблюдается чаще всего в XIV и XV вв. С конца XV в. правительство начинает производить периодические описания: названия селений фиксируются в официальных документах, и случаи замены старого названия новым становятся крайне редкими»⁹².

В качестве примера использования данных по истории селения для установления его местонахождения приведем локализацию С.Б. Веселовским села Козодавлева (Козодавля). Ему соответствует с. Успенское-Траханеево на р. Клязьме в 20 км от Москвы. Во второй половине XV в. оно принадлежало Якову Козодавлю и именовалось по владельцу. В конце того же столетия оно перешло к великому князю Ивану III, а от него — к грекам Траханиотам. По новым владельцам село стало называться Траханеевым, а по церкви, в нем расположенной, Успенским. Без изучения истории этого села локализация топонима «Козодавлево» была бы невозможна⁹³.

При локализации топонимов, не попавших на современные карты, необходимо обращать внимание на близкие по звучанию топонимы, относящиеся к географическим объектам другого рода, нежели реалья, интересующая историка. Эти названия могли возникнуть в результате переноса их со старого исчезнувшего впоследствии пункта. В писцовых книгах XV в. упоминается село Караминское, располагавшееся недалеко от Сергиева По-

⁹² Веселовский С.Б. Топонимика на службе у историка. С. 39.

⁹³ Веселовский С.Б. Село и деревни в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1957. С. 74.

Позже, в конце XVI в., оно именовалось уже Копнинным (Марьинским-Копнинным) — по имени владелицы, вдовы радонежского боярина Марии Копниной. В XVII в. селение прекратило свое существование. Местонахождение его оставалось бы неизвестным, если бы пруд на окраине современного Радонежа не назывался Копнинным. Это, по утверждению С.Б. Веселовского, — единственный след селения, исчезнувшего три века назад⁹⁴.

При отсутствии в источниках указаний наименования искомого пункта историку приходится довольствоваться вероятностным результатом, основанным на выборе наиболее подходящего, по мнению исследователя, места, где могло совершиться изучаемое событие. Точность произведенного выбора зависит от опыта исследователя, знаний исторического фона, на котором разворачиваются события, той *внеисточниковой информации*, которой располагает ученый. Подобный выбор должен опираться на возможно большее число косвенных данных. Особое внимание должно быть обращено на поиск и анализ сведений, позволяющих отбросить прочие варианты.

Каждый вывод относительно места совершения события желательно еще раз проверить. Подтверждение полученных результатов должно опираться на конкретный анализ исходного (или предполагаемого) топонима, географического контекста, в котором он фигурирует в источнике, в сопоставлении с историческими и географическими условиями рождения и эволюции отождествляемого с ним объекта и его названия. Тем самым на заключительном этапе локализации историк выполняет основное правило топонимического анализа: уточняет свои выводы о причине выбора данного названия, его этиологии, смысловом содержании и этимологии, имея перед собой называемый географический объект⁹⁵. При локализации топонимов, связанных с объектами (прежде всего, поселениями), прекратившими свое существование, лучшим подтверждением надежности полученных результатов является археологическое обследование местности⁹⁶.

***

Порой историки идентифицируют описания событий, сохранившиеся в разных источниках, которые не имеют непосредственных совпадений в прямых временных указаниях, именах участников и географических названиях. Такие идентификации, как правило, имеют гораздо более низкую степень вероятности, и потому не принимаются многими исследователями.

⁹⁴ Веселовский С.Б. Топонимика на службе у историка. С. 31.

⁹⁵ См.: Мурзаев Э.М. География в названиях. 2-е изд. М., 1985. С. 116.

⁹⁶ Все перечисленные действия с пространственной информацией могут иметь место также при установлении места создания текста, его редакций и изводов, а также при проверке уникальной ретроспективной информации источника.

Ярким примером такого рода идентификации является отождествление летописного описания убийства Бориса Владимировича Святополком Окаянным и рассказа о том, как расправился с Бурислейфом герой Эймундовой саги, предложенное Н.Н. Ильиным. Большинство исследователей исходят из предположения, высказанного первым переводчиком саги на русский язык О.И. Сенковским, что под именем Бурислейф имелся в виду Святополк Окаянный⁹⁷. Н.Н. Ильин решил отказаться от этой презумпции: «Спорным представляется <...> положение, принятое А.И. Лященко, а именно — будто Бурислейф, об умерщвлении которого Эймундом рассказывает сага, — Святополк⁹⁸. Дело в том, что описание в саге этого события в ряде существенных подробностей совпадает с убиением Бориса, как о нем повествуют “Сказания”, а за ним и летопись. Сходство обнаруживается начиная с данных о месте убийства Бориса и Бурислейфа. Исландцы в поисках своей жертвы “вступили в какой-то лес” и вторично за телом убитого “поехали тем же путем”; на обратном пути убийцы Бориса проезжали через “бор”. Норманны ехали до места, где остановился станом Бурислейф, “весь этот день” с раннего утра; расстояние от Киева до Альты равнялось дневному пути. Умерщвление Бурислейфа произошло “на прекрасной поляне”, окруженной лесом; в описании Альтской битвы, происшедшей на месте, “идеже бѣ убиенъ святыи Борисъ», упоминается какое-то поле: “покрыша поле летское множеством вой”. Лес, из которого исландцы наблюдали приближение Бурислейфа, мог быть лесом, в древности окаймлявшим Альту, как и другие наши реки. Самая обстановка убийства Бориса, как она передается преданием, напоминает умерщвление Бурислейфа. И то и другое событие происходило глубокою ночью. Бурислейф подобно Борису, расположившись для ночлега станом, находился в шатре, когда напали на него убийцы. Само число убийц Борисовых “Путьша. Тальць, Слович, Люшко” почти совпадает с группой из шести переодетых в купеческое платье норманнов, которые приняли непосредственное участие в нападении на Бурислейфа, тогда как остальные шестеро оставались в стороне у лошадей. Убийцы в обоих случаях ворвались в шатер и сопротивления не встретили. Избиение ограничилось княжеской палаткой: Эймунд “двинулся туда и быстрыми ударами нанес смерть ему (Бурислейфу) и многим”; Альтское предание: “избиша же и отроки многи”. После этого норманны поспешили скрыться; то же самое, вероятно, должны были сделать и немногочисленные убийцы Бориса. Тревога в княжеской палатке не могла пройти совсем незамеченной для окружающих. Какая же картина

⁹⁷ Сенковский О.И. Собр. соч. Т. 5. СПб., 1858. С. 420–510.

⁹⁸ Лященко А.И. Эймундова сага и русская летопись // Известия АН СССР. 1926. № 12. С. 1069–1071.

открылась их глазам? Все находившиеся в княжеской палатке перебиты, и среди трупов один обезглавленный. В саге рассказывается, что голова его была увезена удалыми норманнами; в “Сказании” говорится о Георгии⁹⁹: “отсѣкоша главу отъвѣргоша и кромѣ”. Так или иначе — головы не было. В паническом ужасе дружина разбежалась. Сага устами Эймунда передает те настроения, которые вызвали этот уход: “Я полагаю, что они соберутся на вече и будут друг друга подозревать в этом деле, потому что нас они не заметили. Поссорившись, они разойдутся, не станут более доверять одни другим и побредут толпами во свояси”. На фоне таких настроений на отражившийся в “Сказании” и сохранившийся только в Тверской летописи отрывок местных киевских преданий о попытке убийц, везших тело Борисово в ладье по Днепру, пристать к Киеву находит свое реальное объяснение и значение: “И привезше (тело Борисово) на Днѣпръ, вложиша его въ лодію, и приплувше съ нимъ подъ Кіевъ; Кіане же не пріаша его, но отпнухуша прочь”¹⁰⁰. Самый уход дружины от Бориса, расположившегося лагерем на берегу Альты, причина которого в “Сказании” кажется натянутой и искусственной, — объясняется сагой вполне правдоподобно. Подобное же совпадение можно проследить и далее. Что можно было найти на месте умерщвления Бурислейфа “послѣдь”, когда страх понемногу рассеялся? Обезглавленный труп исчез: его увезли возвращавшиеся за ним норманны. Альтское предание гласит: “И послѣдь не могоша познати тела его” (Георгия Утрина). Что могли видеть встретившиеся¹⁰¹ “на бору” норманнов с трупом Бурислейфа? Небольшой отряд варягов, везущих чье-то закутанное в палатку тело. Подобно Борису, Бурислейф был привезен “домой”, и “о погребении его” также “стало известно многим людям”. Нетрудно установить, как из элементов обоих преданий — Альтского и “на бору” — выделилось и образовалось особое предание о Георгии Утрине, самоотверженном отроке Бориса, на которого князь в знак любви “възложил гривну злату”. Альтское предание не содержит показаний очевидцев самого убийства Бориса: оно фиксирует наблюдение лиц, заставших следы происшедшего, когда убийцы уже скрылись. А здесь можно различить два последовательных слоя наблюдений: во-первых, в ближайший после нападения момент и, во-вторых, “послѣдь”, спустя некоторое время, когда можно было внимательнее и спокойнее рассмотреть, что случилось. Наблюдения первой категории не могли быть точными и отчетливыми. Среди ночного мрака охваченные паническим ужасом дружинники заметили в шатре среди убитых чей-то обезглавленный труп. Труп Георгия не видели, и “последь” он

⁹⁹ Имеется в виду Георгий Угрин, слуга Бориса.

¹⁰⁰ Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // ПСРЛ. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 128.

¹⁰¹ Так в тексте; очевидно, следует читать: «встретившие».

не был опознан. Неизвестный труп, обнаруженный по свежим следам преступления, есть первый элемент, из которого сложилось предание о Георгии Угрине. Версия “на бору” косвенно отрицает обезглавливание Бориса: “Начать въскланяти святую главу свою... и прободаша и мечемъ въ сердце”. Русские предания вовсе не знали об обезглавливании Бориса — это второй момент, способствовавший образованию легенды о Георгии. Если не Борису, то кому же принадлежал обезглавленный труп? Ответ на это дали преданию наблюдения категории “послѣдь”: они не находят Георгия ни среди живых, ни среди убитых: “не познаша тѣла его”. Георгий исчез, а одновременно с тем не стало и трупа. Вывод ясен: исчезнувший труп принадлежал Георгию. Любопытно, что Георгий был, кажется, реальной личностью: сага в другом, правда, контексте сообщает, что Эймунд с своими мужами “убили Бурислейфова хоругвеносца”. Сравнительный анализ обстановки убийства Бориса на Альте и умерщвления Бурислейфа эймундовскими варягами вскрывает совпадение наиболее характерных подробностей и наводит на мысль, что “Сказание” и сага описывают одно и то же событие. Сближение может быть проведено и дальше»¹⁰².

Как видим, в идентификации, предложенной Н.Н. Ильиным, нет прямых оснований для отождествления событий, описанных в древнерусских источниках и Эймундовой саге. Тем не менее это предположение было принято М.Х. Алешковским¹⁰³, В.Л. Яниным¹⁰⁴ и рядом других исследователей. Основанием для такой поддержки стал целый ряд деталей в упомянутых описаниях, напоминающих друг друга. Чем больше подобных совпадающих, на первый взгляд, элементов описаний, тем более надежной будет представляться подобное отождествление. Но оно все-таки будет оставаться предположением, догадкой, но не научно обоснованной гипотезой.

7.4. Дифференциация и обработка верифицируемой и уникальной ретроспективной информации.

После идентификации описываемого несколькими источниками события необходимо провести сличение их текстов для выявления верифицируемой (совпадающей) информации.

¹⁰² Ильин Н.Н. Летописная статья 6523 года и ее источник: опыт анализа. М., 1957. С. 161–163

¹⁰³ «Эймунд был дружинником Ярислейфа (Ярослава). <...> Ярислейф сражается не со Святополком, а <...> с Бурислейфом (т.е. Борисом). И убивают Бурислейфа не посланцы Святополка, а сам Эймунд, посланный Ярославом. Убийство происходит накануне той битвы, которая под именем Алтской впервые была описана автором Повести временных лет без единой живой подробности, что заставляет вообще не верить в ее реальность. По саге, она не состоялась из-за убийства Бурислейфа. При этом мы не можем усомниться в точности описаний саги, так как многие из них проверяются перекрестным способом данными других наших источников (Алешковский М.Х. Повесть временных лет: судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 130).

¹⁰⁴ Янин В.Л. Таинственный XI век // Знание-сила. 1969. №. 3. С. 25–27.

Для этого текст каждого источника (напомним, предварительно «очищенный» от информации повторяющейся) разбивается на информационные блоки. Чем меньше каждый из них, тем проще (легче) будет проводить сравнение ретроспективной информации исторических источников. Затем составляется сводная таблица — практически такая же, как при текстологическом анализе. Но теперь сравнивается не форма текстов, а их содержание. Желательно при этом проводить сравнение информационных блоков сразу всех изучаемых источников. Попарное сравнение с «типическим» текстом (как это предлагается делать в традиционном текстологическом исследовании) здесь уже не подходит, поскольку историку в данном случае необходимо отобрать сразу *все* совпадающие сведения *всех* источников.

Совпадение сведений хотя бы в двух независимых друг от друга и не имеющих общего источника текстов дает вполне надежные основания, для того чтобы данная информация были признана верифицируемой.

Впрочем, и такая информация нуждается в дополнительной проверке. Порой может оказаться, что, казалось бы, самые надежные сведения были почерпнуты из описания другого события. Так, например, в ростовском и новгородском описаниях Ледового побоища совпадает информация о том, что заключительным этапом сражения на Чудском озере стало преследование противника по льду 7 верст; при этом в Новгородской I летописи уточняется: «Биша ихъ на 7-ми верстѣ по льду до Суболичьскаго берега». Однако в предполагаемом месте сражения («на Узмени») от одного берега Чудского озера до другого всего 2 км, и гнать противника «по льду» целых 7 верст не представляется возможным. Эта деталь заставляет усомниться в том, что данное указание можно считать верифицируемым. Такие сомнения подкрепляются совпадением описания в данном пункте с описанием Раковорской битвы 1268 г.: «Пособи Богъ князю Дмитрию и новгородцемъ, мѣсяца ферваря 18, на память святого отца Лва, в субботу сыропустную; и зониша ихъ, бьюче, и до города, въ 3 пути, на семи верстѣ, якоже не мочи ни коневи ступити трупиемъ»¹⁰⁵.

Одна из задач, которые решаются попутно на этом этапе историко-текстологического анализа, — вычленение уникальной информации о событии (историческом процессе, личности). Она представляет собой «сухой остаток», который не имеет текстуальных параллелей — ни в виде прямых или косвенных цитат, ни в качестве сведений о событии, совпадающих в независимых друг от друга источниках, и содержится в одном-единственном тексте.

Работа с уникальной информацией представляет специфические трудности. Связаны они, прежде всего, с тем, что сами по себе такие сведения

¹⁰⁵ Новгородская первая летопись. С. 87.

представляют для историка особый интерес, поскольку (по крайней мере на первый взгляд) дополняют и расширяют (порой весьма существенно) более или менее скудную верифицируемую основу исторических реконструкций. Сблaзн в максимальной степени использовать каждое дополнительное «свидетельство» для «оживления» картины воссоздаваемого прошлого вполне понятен. Однако некритичное использование таких ярких дополнений представляет серьезную опасность для реконструкций прошлого, претендующих на научность.

Важно доказать, что уникальные сведения *в принципе* могли соответствовать действительности: могли ли подобные детали иметь место в то время и в том месте. Поэтому такие упоминания следует подвергать жесткой негативной критике (тому, что К. Поппер называет фальсификацией). Практика, однако, показывает, что именно уникальные сведения, в силу их «красочности», «жизненности» и «вероятности», часто становятся основой историографического нарратива, что неизбежно ведет к снижению «градуса» научности реконструкций, основанных на подобной информации.

Начинать работу с уникальной информацией следует с выяснения ее происхождения. Здесь приходится вернуться к вопросу об условиях появления текста. Если не удастся найти непосредственный источник этой информации, то желательно установить хотя бы, когда она появилась в изучаемом тексте.

7.4.1. Обработка уникальной информации о времени. Уникальная информация источников о времени неоднородна. По форме она делится на прямую и косвенную, а также на намеренную и ненамеренную. Чаще всего подвергается сознательному искажению прямая намеренная информация. В отличие от нее, косвенные ненамеренные сведения слабо рефлексированы автором источника и потому, как правило, не деформируются. Это позволяет привлекать их для проверки намеренной информации.

Остановимся на нескольких основных направлениях проверки уникальных сведений источников. По сути, они являются продолжением тех процедур, которые были частично описаны в разделе, посвященном идентификации описаний события в разных источниках.

Данные для проверки уникальных прямых временных указаний историк предоставляет историческая хронология и связанные с ней дисциплины.

Перечислим основные методы проверки хронографических сведений источника, к которым могут относиться: порядковый номер года, эра и стиль летосчисления, номер года в индиктовом цикле, круг Солнца и круг Луны, а также указание места года в пасхальном цикле.

Указание порядкового номера года совершения события может быть правильно переведено в нашу систему летосчисления и проверено только в том случае, если известна эра, по которой указан год, и стиль летосчисления.

Эра, по которой авторы источников датировали события, как правило, не указывалась. Она разумелась сама собой. При работе с эрами от Сотворения мира следует помнить, что исходная точка этой эры рассчитывалась по-разному. Разночтения в канонических евангельских текстах привели к тому, что и дата Рождества Христова с абсолютной точностью восстановлена быть не может. Всего насчитывают свыше 150 различных соотношений от Сотворения мира и Рождества Христова.

До недавнего времени считалось, что на Руси употребляли только так называемую византийскую (точнее, константинопольскую) эру, насчитываемую 5508 лет от Сотворения мира до Рождества Христова. Исследования последних лет, как уже отмечалось, позволяют говорить об употреблении в Древней Руси нескольких эр от Сотворения мира¹⁰⁶. Поэтому даже «простые» годовые указания не могут приниматься на веру без специальной проверки.

Стиль летосчисления определяет календарное начало года. В странах, где исповедовалось христианство, оно могло быть отнесено к 1 января, 1 или 11 марта, 1 сентября, 25 декабря и т.д. До 1700 г. на Руси год начинался 1 марта или 1 сентября. Не исключено, что на Руси применялись и иные стили летосчисления. Прямые указания стиля встречаются крайне редко, поскольку авторы источников полагали, что всем известно, с какого числа какого месяца начинается год. Между тем без знания стиля летосчисления точный перевод годового указания, обнаруженного в источнике, невозможен.

Циклы. Кроме отсчета лет по линейной шкале, на Руси и в других христианских странах довольно широко был распространен счет времени циклами: индиктовым, солнечным и лунным. Порядковый номер цикла никогда не указывался, поскольку они, как правило, использовались в сочетании с другими системами хронографических обозначений.

Индикт. Наиболее часто указание года сопровождается индиктом. Самостоятельно индиктный счет не может использоваться для датировки, поскольку номера года в нем повторяются через каждые 15 лет. Тем не менее указание индикта дает историку важную хронографическую информацию. Известен год нашей эры, на который приходится первый год первого индиктового цикла, — 312-й. Отсюда можно легко рассчитать, каким годам нашей эры может соответствовать любой индикт. Однако, если в распоряжении историка имеется только индикт, получить однозначный ответ невозможно. С помощью индикта исследователь сможет лишь установить ряд годов, в один из которых произошло датируемое событие. Чтобы про-

¹⁰⁶ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 163–165 и др.; Кузьмин А.Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. С. 72–90; Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 248–277; Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». СПб., 2014. С. 179–197; и др.

известить верный выбор, необходимо найти дополнительные временные ориентиры.

Практически все сказанное об индиктном счете *mutatis mutandis* справедливо также для счета лет так называемыми кругами Солнца и кругами Луны.

Круг Солнца указывает порядковое место, которое занимает данный год в 28-летнем солнечном цикле (через 28 лет те же числа месяцев приходятся на те же дни недели в том же самом порядке). Счет солнечными циклами велся от Сотворения мира. Известно, однако, что один из этих циклов, 210-й по счету, начинался в 344 г. н.э. Это позволяет по указанию круга Солнца рассчитать все годы нашей эры, которые ему соответствовали. До XIII в., а может быть и несколько дольше, солнечные круги начинались 1 октября. Позднее смена их была перенесена на 1 марта¹⁰⁷.

Круг Луны указывает порядковое число данного года в текущем 19-летнем лунном цикле (так называемый Метонов цикл: через 19 лет одни и те же фазы Луны приходятся на те же числа месяцев). Лунные циклы, как и солнечные, отсчитывались от Сотворения мира. Но и здесь известно, что 308-й цикл оканчивался, а 309-й начинался в 344 г. н.э. Поэтому указание круга Луны позволяет рассчитать годы нашей эры, на которые он выпадал. Сначала круги Луны считались, как в Византии, с 1 января. Не ранее чем с XIII в. их начали считать с 1 марта¹⁰⁸.

Великий индиктион. Солнечный и лунный циклы лежали в основе расчета Пасхи и связанных с ней подвижных христианских праздников. На их основе был рассчитан великий пасхальный круг — великий индиктион (индиктион): 532-летний цикл (28 x 19), по истечении которого Пасха приходилась на одни и те же числа месяцев в том же порядке. Указания индиктиона являются чрезвычайно важными хронографическими ориентирами, так как продолжительность цикла столь значительна, что возможность ложной датировки по достоверному указанию номера индиктиона практически исключена. Началом первого «великого круга» (11-го от «сотворения мира») явился 344 г. н.э. Индиктион начинается четвергом 1 марта и кончается через 532 года, в среду 29 февраля.

Каждое из перечисленных указаний, взятое само по себе в отдельности, не дает достаточно надежного ориентира на годовой шкале времени. Все они цикличны по своей сути, хотя и могут быть перенесены на линейную шкалу времени. При этом историк получит лишь ряд годов нашей эры соответствующих исходным хронографическим указаниям. Не спасает по-

¹⁰⁷ Степанов Н.В. Заметка о хронологической статье Кирика (XII в.) // ИОРЯС. 1910. Т. 15. Кн. 3. С. 138.

¹⁰⁸ Там же. С. 139.

даже присутствие в источнике так называемых полных календарных указаний числа месяца и дня недели).

В «Повести временных лет», например, указано, что полоцкий князь Брячиславич умер в среду, 14 апреля 6609 летописного года¹⁰⁹. 14 апреля приходилось на среду в ...1081, 1087, 1092, 1098, 1109, 1115, 1120, 1126 г. Интересно, что ни один из найденных годов не является традиционным переводом 6609 года (1101 г. н.э.). Выбрать из этого ряда искомую дату можно только на основе косвенных временных указаний.

Аналогами полной календарной даты являются различные сочетания числа, дня недели и церковных праздников: упоминания непременных церковных праздников равнозначны указанию числа месяца, упоминания о переходящих (подвижных) праздниках, связанных с Пасхой — указанию дней недели. К прямым указаниям дня недели могут быть сравнены также упоминания событий, которые обычно совершались в строго установленные дни. Так, например, в первые века существования монастырей на Руси монашеские пострижения совершались по воскресеньям, а постригаемый получал имя того святого, память которого тогда отмечалась¹¹⁰. Церкви обычно освящались также по воскресным дням¹¹¹, хотя это условие не всегда соблюдалось¹¹²: освящение могло быть приурочено к какому-либо или одному из ближайших церковных праздников¹¹³. Поскольку все подобные упоминания не осознавались автором источника в качестве прямого временного указания, степень их точности и достоверности обычно велика. Таким сведениям, имевшим, помимо всего прочего, сакральное значение, следует уделять особое внимание.

Приведем характерный пример.

Привычная всем дата смерти Ярослава Мудрого — 20 февраля 1054 г. — представляет собой условный перевод гипотетический контаминации нескольких уникальных летописных и внелетописных указаний. Важная роль в ее правильном переводе — упоминание переходящего праздника. В Лаврентьевской летописи дата кончины Ярослава выглядит следующим обра-

¹⁰⁹ Лаврентьевская летопись. Стб. 274.

¹¹⁰ Присёлков М.Д. Митрополит Илларион, в схиме Никон, как борец за независимую русскую церковь // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 194.

¹¹¹ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 38; Алешковский М.Х. К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории: 1975. М., 1976. С. 148.

¹¹² Попиз А.В. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии // Византийский временник. Вып. 28. М., 1968. С. 93.

¹¹³ Брюсов В.Г. О времени освящения Новгородской Софии // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 112; Раппопорт. П.А. Ориентация древнерусских церквей // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 139: Славяно-русская археология. М., 1974. С. 44. Подробнее см.: Климишин А.И. Календарь и хронология. 2-е изд. М., 1985. С. 263–281.

зом: «В лѣто 6562. Преставися великий князь Русьскыи Ярославъ... Ярославу же приспѣ конецъ житъя, и предасть душу свою Богу в субботу 1 поста святаго Феодора»¹¹⁴. В Ипатьевской летописи прямое временное указание этого события записано несколько иначе: «В лѣто 6562. Преставися князь Руский Ярославъ... Ярославу же приспѣ конѣць житъя, и предасть душу свою мѣсяца февраля въ 20, в субботу 1 недѣли поста, въ святаго Федора день»¹¹⁵. Из этого следует, что кончина Ярослава пришлось на 20 февраля 6562 г., в субботу первой недели Великого поста, когда отмечалась память св. мч. Феодора¹¹⁶. Как известно, Великий пост начинается за семь недель до Пасхи. В 1054 г. Пасха праздновалась 3 апреля. Соответственно, суббота первой недели Великого поста приходилась не на 20, а на 19 февраля. На это противоречие обратил внимание еще В.Н. Татищев. Чтобы разрешить его, автор «Истории России» высказал догадку, что Ярослав «в ночи субботы на неделю скончался»¹¹⁷. Это якобы и позволило летописцу упомянуть и субботу, приходившуюся в 1054 г. на 19 февраля, и 20 февраля, выпавшее в этом году на воскресенье. Н.М. Карамзин с большим доверием отнесся к совпадающей части календарной даты, сочтя указание на 20 февраля вставкой: «Ярослав умер *семидесяти шести лет* в 6562 году, в первую Субботу поста св. Феодора: т.е. в Федорову Субботу (так в харат. *Пушкинск. списке*): следственно 19 Февраля (а не 20, как прибавлено в других списках: ибо Пасха была тогда 3 Апреля), и в 1054 году по нынешнему счислению с Генваря, а по древнему в 6561: ибо Нестор *начинает год с Марта, а не с Сентября*»¹¹⁸. Подобной точки зрения придерживались Н.П. Ламбин¹¹⁹ и М.П. Погодин¹²⁰. Н.П. Шляков, основываясь на целой серии умозаключений, предложил остановиться на дне 4 марта 1055 г.¹²¹ Эту дату поддержал Н.В. Степанов¹²². А.А. Куник же пришел к выводу, что данных для установления точного времени смерти Ярослава недостаточно: «Несмотря на дошедшие до нас подробные известия о болезни и кончине великого князя

¹¹⁴ Лаврентьевская летопись. Стб. 161, 162.

¹¹⁵ Ипатьевская летопись. Стб. 149, 150.

¹¹⁶ Ср.: «Суббота 1 святаго поста, въ неже бываетъ память святаго мученика Феодора» (Остромирово Евангелие. Л. 127).

¹¹⁷ Татищев В.Н. История России. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 245, примеч. 261.

¹¹⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988. Кн. 1. Т. 1–4 [репр. воспроизв. 5-е изд. СПб., 1842]. Примеч. ко 2 т. С. 23, примеч. 50. О том, что указания числа и месяца были вставлены здесь «задним числом», см. также: Степанов Н.В. Таблицы для решения летописных задач на время // ИОРЯС. 1905. Т. 13. Кн. 2. С. 97–98, 113–117; Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». С. 81–82.

¹¹⁹ Ламбин Н.П. О годе смерти Святослава Игоревича, великого князя Киевского // Записки Импер. Академии Наук. Т. 28. Кн. 2. СПб., 1876. С. 155–156.

¹²⁰ Погодин М.П. Русская история до монгольского ига. М., 1872. Т. 1. С. 324.

¹²¹ Шляков В.Н. 850 лет со дня кончины великого князя Ярослава I Мудрого // Журн. Минер. пров. 1907. Ч. 9. № 6. С. 362–400.

¹²² Степанов Н.В. Единицы счета времени. С. 54.

Ярослава Владимировича, все-таки нельзя с полной уверенностью установить год и день смерти его, и, по-видимому, мы всегда должны будем довольствоваться двумя различными числами года и месяца»¹²³ (заметив, البته, что сомнение в истинности общепринятой даты кончины Ярослава является «чуть ли не дерзостью»¹²⁴).

По мнению Б.А. Рыбакова, в этой дискуссии «последнее слово осталось за Н.П. Шляковым»¹²⁵. Между тем интерес к дате смерти Ярослава вновь пробудился после находки С.А. Высоцким на стене центрального нефа, на третьем от алтаря южном крещатом столбе Софии Киевской, рядом с фреской, изображающей св. Пантелеимона, граффито: «Въ 6560 мѣсяца фѣввари 20 усьпене царя нашего въ въ... [далее 2 строки не читаются] Феодора»¹²⁶. Совпадение номера года, календарной части даты и упоминание имени Феодора дало основания считать, что это еще одно — тоже нелетописное — свидетельство о дате кончины Ярослава Владимировича¹²⁷. Впоследствии Б.А. Рыбаков, «восстановив» утраченные строки («въ въскрсьенье, в недѣлю мученика»), казалось бы окончательно доказал верность чтения записи о смерти киевского князя в Ипатьевской летописи и ошибочность догадки Н.П. Шлякова, который «доверился только расчетам пасхалии и слишком смело отверг точное летописное число — 10 февраля»¹²⁸. Точку зрения Б.А. Рыбакова поддержали С.А. Высоцкий¹²⁹, А.Г. Кузьмин¹³⁰, А.В. Назаренко¹³¹ и др.

Однако далеко не все исследователи приняли эту догадку. Так, В.К. Зиборов предложил свое прочтение граффито Софии Киевской и, соответственно, свою дату смерти Ярослава: 17 февраля 6560 (1051) г.¹³², отметив,

¹²³ Куник А.А. Известны ли нам год и день смерти великого князя Ярослава Владимировича? СПб., 1896. С. 27.

¹²⁴ Куник А.А. О годах смерти великих князей Святослава Игоревича и Ярослава Владимировича // Записки имп. Академии наук. Т. 28. Кн. 2. СПб., 1876. С. 156.

¹²⁵ Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964. С. 14.

¹²⁶ Высоцкий С.А. Датированные граффити XI в. Софии Киевской // Советская археология. 1959. № 4. С. 243.

¹²⁷ Рыбаков Б.А. Запись о смерти Ярослава Мудрого // Там же. С. 245.

¹²⁸ Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи. С. 14–16.

¹²⁹ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966. С. 39–41.

¹³⁰ Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 235.

¹³¹ Назаренко А.В. Древняя Русь на международном путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей. М., 2001. С. 368, примеч. 11.

¹³² Зиборов В.К. Киевские граффити и дата смерти Ярослава Мудрого // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы истории города (Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 11). Л., 1988. С. 80–94; Зиборов В.К. О летописи Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995. С. 11–22. Реконструкция В.К. Зиборова была оспорена С.А. Высоцким (Высоцкий С.О. Напис про смерть Ярослава Мудрого у Софійському соборі в Києві та деякі питання його вивчення // Археологія. 1991. № 2. С. 42–47).

однако, что «ни одна дата не позволяет решить вопрос о дате смерти Ярослава Мудрого»¹³³. Развернутую критику и мнения Б.А. Рыбакова, и мнения В.К. Зиборова дал С.В. Цыб, полагающий, что «смерть Ярослава Мудрого <...> произошла в феврале 1054 г.»¹³⁴ Помимо общих возражений, которые уже высказывали оппоненты Б.А. Рыбакова (например, о том, что словес «воскресенье» в XI в. не использовалось для обозначения «рядового» дня недели, а царская титулатура в ранних источниках придавалась только давно умершим князьям, отличившимся на церковном поприще), С.В. Цыб обратил внимание на принципиальную, как он считает, причину, по которой софийско-киевское граффито не может использоваться при датировке смерти Ярослава Мудрого: «Софийскую надпись вообще следует исключить из хронологического анализа интересующего нас события, потому что она уступает по древности первоначальным летописным сообщениям и повторяет позднейшие их переработки: храмовые граффиты некрологического содержания в Древней Руси были связаны не с ритуалом погребения, а с посмертным поминальным культом»¹³⁵.

Помимо всего прочего, прямые доказательства связи данной надписи именно с Ярославом отсутствуют. Это лишь предположение: в тексте граффито нет имени князя. Предлагаемые конъектуры: «въ въскрьсеньѣ в недѣлю мученика» (Б.А. Рыбаков) или «въ Вышгороде» (В.К. Зиборов) — лишь следствие не вполне осознанного стремления «привязать» надпись к Ярославу. Однако посылка, будто она говорит именно о киевском князе, может быть как истинной, так и ложной. То, что в граффито упоминаются 6562 г., титул «царь» и имя «Феодор», вполне возможно, связано с другой личностью: сами интерпретаторы не раз писали о том, что в том же году скончался и византийский император Константин Мономах: «Чью смерть отметила эта запись? Кого назвал своим царем киевлянин XI в. и к кому применил он торжественное слово “успение”? В 6562 г. скончался цесарь Византии Константин IX Мономах, и под этим же 6562 г. русская летопись отметила смерть великого князя киевского Ярослава Владимировича»¹³⁶. Кстати, его соправительницей, а затем и преемницей была Феодора. Все это лишь усугубляет сомнения в правомерности привлечения данной надписи для установления подлинной даты кончины Ярослава Владимировича.

Кажется, остается лишь согласиться с пессимистическими выводами А.А. Куника и В.К. Зиборова относительно самой возможности однозначной датировки смерти Ярослава...

¹³³ Зиборов В.К. О летописи Нестора. С. 21.

¹³⁴ Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». С. 80.

¹³⁵ Там же. С. 82.

¹³⁶ Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи. С. 14.

Однако можно попытаться решить данный вопрос, подойдя к нему с другой стороны. Для этого надо лишь отказаться от представления, что в Руси использовалась только константинопольская эра от Сотворения мира насчитывавшая 5508 лет до н.э. Что, если календарная часть летописной даты, включая месяц, число и упоминание переходящего праздника, верна, и в год смерти Ярослава 20 февраля действительно приходилось на субботу Федоровой недели? Ближайшими к 1054 г. датами, когда Пасха праздновалась 4 апреля, были 986, 1059 и 1070 гг. Из них лишь 1059 г. может рассматриваться как потенциально подходящий. Но тогда придется согласиться с тем, что Ярослав скончался на пять лет позже, чем принято думать в современной историографии. Без дополнительной временной информации решить эту проблему невозможно¹³⁷.

Как видим, прямые хронографические указания не так просты и однозначны, как это может показаться на первый взгляд.

Дело, однако, меняется, если сравнивать попарно циклические хронографические указания, отнесенные автором источника к данному событию. Правда, такая операция имеет смысл только в том случае, если достоверно известно, что данные, с которыми сопоставляется номер года, не являются производными от него.

Совпадение данного номера индикта и круга Солнца возможно лишь раз в 420 лет, индикта и круга Луны — однажды в 285 лет; сочетания кругов Солнца и Луны дают уже упоминавшийся 532-летний пасхальный цикл. Таким образом, попарное сравнение циклических хронографических данных позволяет практически сразу получить искомую дату. Конечно, и в этом случае «право решающего голоса» остается за косвенной временной информацией. Но здесь достаточно даже самых приблизительных ориентиров, чтобы выбрать единственно необходимую дату.

Например, в Псалтири с воследованием под 25 декабря стоит запись, важная для решения вопроса об эре, по которой даются здесь даты. В этой записи Рождество Христа отнесено к «лету от сотворения мира 5500, индикта 10, круга Солнца 12, Луны 9, в среду»¹³⁸. 10-й индикт совпадает с 12-м кругом Солнца в ...842, 429 и 9 гг. до н.э., а также в 412, 832, 1252 гг. н.э. и т.д. С 9-м кругом Луны этот же индикт совпадал в ...864, 579, 294 и 9 гг. до н.э., а также в 277, 562, 847... гг. н.э. 12-й круг Солнца совпадал с 9-м кругом Луны в ...1073, 541, 9 гг. до н.э. и в 524, 1056... гг. н.э. Как видим, единственной датой, соответствующей одновременно и указанию индикта, и указанию круга Солнца и круга Луны, является 9 г. до н.э. Им, очевидно, и следу-

¹³⁷ См.: Экскурс 4. Казус Остромирова Евангелия.

¹³⁸ Цит. по: Хаевский П.В. Взгляд на хронологию еврейскую, христианскую вообще и русскую в особенности. СПб., 1849. С. 9.

ет переводить указанный 5500 г. от Сотворения мира. Хотя данная эра и не является константинопольской, 1 г. н.э. будет соответствовать ее 5509 г.

Не меньшие трудности может представлять и *установление календарного стиля* (новогодия), которым пользовался автор исторического источника. Как уже отмечалось, до самого последнего времени считалось, что на Руси до XV в. использовались только мартовское и ультрамартовское начала года, в то время как с конца того же столетия стал использоваться сентябрьский стиль. Однако такая установка в ряде случаев порождает серьезные трудности¹³⁹.

Хорошим подспорьем для проверки прямых хронографических указаний является упоминание в источнике *циклических природных явлений*. Множество, если не большинство, явлений живой и неживой природы периодически повторяется. Это относится, во-первых, к процессам, охватывающим околоземное космическое пространство, во-вторых, к циклам затрагивающим Землю в целом, и, наконец, в-третьих, к ежегодным сезонным изменениям, происходящим в данном районе земной поверхности. Сведения о подобных явлениях можно рассматривать как особую категорию прямой неосознанной временной информации.

Одними из наиболее важных и широко используемых сведений о времени совершения события являются сообщения о различных *астрономических явлениях*, наблюдавшихся на данной территории: солнечных и лунных затмениях, кометах, полярных сияниях и т.п. Значительный вклад в изучение летописных упоминаний астрономических явлений был внесен Н.В. Степановым¹⁴⁰. Но, несомненно, самой авторитетной работой в этой области является фундаментальный труд Д.О. Святского¹⁴¹.

Даты наблюдения любых периодически повторяющихся астрономических процессов могут быть рассчитаны независимо от временной информации источника, что во многом определяет их роль в процессе датировки исторических событий¹⁴². Всякое упоминание солнечного или лунного затмения, появления кометы является надежным временным ориентиром. Оно предоставляет историку большой объем информации о времени. С ее помощью можно определить и уточнить систему летосчисления, использо-

¹³⁹ См.: Экскурс 4. Казус Остромирова Евангелия.

¹⁴⁰ Степанов Н.В. Календарно-хронологический справочник. М., 1917. С. 36–46, 140–255; табл. 37–41.

¹⁴¹ Святский Д.О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения: с приложением таблиц для определения исторических затмений, четырех карт в красках и Канонах русских солнечных затмений М.А. Вильева. Пг., 1915; Святский Д.О. Астрономия Древней Руси: с Каталогом астрономических известий в Русских летописях, составленным М.Л. Городецким. М., 2007.

¹⁴² Бикерман Э. Хронология древнего мира. С. 80.

занную для фиксации прямой намеренной информации, и даже установить точную дату события, случайно совпавшего с упомянутым явлением.

Например, кольцообразное затмение Солнца, которое можно было наблюдать на территории Древней Руси 21 мая 1091 г., отмечено во многих летописях. В Лаврентьевской и Ипатьевской оно стоит под 6599 г., в Новгородской III — под 6587-м, в Воскресенской — под 6596-м, а в Никоновской — под 6601 г.¹⁴³ Это позволяет думать, что в протографах одних летописей дата затмения была записана в различных эрах, а в других — была искажена переписчиками. Следует, однако, учитывать, что ежегодно происходит от двух до пяти солнечных затмений, хотя в одном и том же месте их можно наблюдать лишь по прошествии в среднем 54 лет и 33 суток. Лунные затмения повторяются в среднем 1–2 раза в год¹⁴⁴.

Периодичны и появления комет вблизи Солнца. Одну и ту же комету можно наблюдать через определенные промежутки времени. Поэтому сведения о наблюдении той или иной кометы в источнике позволяют установить сравнительно узкий круг возможных дат. Выбрать из них единственную необходимую историк может с помощью косвенных временных указаний.

К важнейшим астрономическим явлениям относится периодическая солнечная активность, проявляющаяся в возникновении протуберанцев, солнечных пятен, флоккул и факелов на поверхности Солнца. Известно множество циклов солнцедельности, начиная с 27-дневного и кончая 500- и 900-летними. Из них наиболее важным является период в 11 лет¹⁴⁵.

Непосредственным отображением возрастания активности нашего дневного светила являются упоминания древними авторами появления пятен на Солнце, галосов и венцов вокруг него, а также наблюдений солнечных сияний.

Под 6610 г. в «Повести временных лет», например, читаем следующую запись: «В то же лѣто бысть знаменье на небеси, мѣсяца генваря в 29 день, по 3 дъни акы пожарная заря ѿ вѣстока и оуга и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю ночь, акы ѿ Луны полны свѣтащѣся. В то же лѣто бысть знаменье в Лунѣ, мѣсяца ѳеврала въ 5 день. Того же мѣсяца въ 7 день бысть

¹⁴³ Лаврентьевская летопись. Т. 1. Стб. 214; Ипатьевская летопись. Т. 2. Стб. 205; Новгородская третья летопись // ПСРЛ. Т. 3: Новгородские летописи. СПб. 1841. С. 124; Воскресенская летопись // ПСРЛ. 2-е изд. Т. 8: Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001 [репр. воспр. СПб., 1859]. С. 4; Никоновская летопись // ПСРЛ. 3-е изд. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 118.

¹⁴⁴ Ванилин П.И., Кононович Э.В., Мороз В.И. Курс общей астрономии. 4-е изд. М., 1977. С. 147–153; Дагаев М.М. Солнечные и лунные затмения. М., 1978. С. 95–101.

¹⁴⁵ Рубашев М.Б. Проблемы солнечной активности. М., 1964; Витинский Ю.И. Цикличность и прогнозы солнечной активности. Л., 1973; Наблюдение и прогнозы солнечной активности. М., 1975; и мн. др.

знаменье в Солънцы: втородилося баше Слънце в три дугы, и быша другыя дугъ хребты к собѣ»¹⁴⁶.

Расчет солнечной активности и ее предсказание затруднены. 11 лет — средняя продолжительность цикла. В реальности он колеблется в пределах от 6 до 17 лет. Тем не менее ученым удалось в целом довольно точно и полно восстановить ряд оценок активности Солнца в прошлом. Обобщающей работой этого плана явился труд Д. Шова¹⁴⁷. В основу его расчетов легли многочисленные записи о наблюдениях солнечных пятен и полярных сияний. Кроме того, он использовал данные дендрохронологии и сведения о землетрясениях. В 1962 г. Шов несколько уточнил свои выводы¹⁴⁸. В результате он получил ряд оценок уровня солнечной активности, охватывающий период с 648 г. до н.э. по наши дни. Ряд Шова является достаточно надежной основой для проведения расчетов, связанных с солнечной активностью.

В качестве примера использования подобных упоминаний для датировки исторических фактов попытаемся определить дату «знамений», описанных в «Повести временных лет» под 6610 г. Максимумы солнечной активности в интересующий нас период приходились на 1098, 1110 и 1118 гг. Следует учитывать, что наиболее интенсивные полярные сияния могут не совпадать с пиком активности солнцедятельности. Установлено, что максимальной интенсивности полярные сияния достигают в период от -2 до +3 лет относительно наибольшего числа солнечных пятен¹⁴⁹. Поэтому наиболее вероятными периодами наблюдения полярного сияния и гало, отмеченных в летописи под 6610 г., следует считать 1096–1101, 1108–1113 и 1117–1121 гг. Сюда, как видим, не попадает 1102/3 г. которым обычно переводится летописный 6610-й, что само по себе уже позволяет говорить об использовании здесь летописцем какой-то неконстантинопольской эры. Наиболее вероятной датой описанного явления следует считать 1110 г., тем более что статья, озаглавленная следующим, 6611-й, повествует о совместном походе русских князей на половцев в 1111 г. н.э. Обе статьи «Повести» (и 6610, и 6611 гг.), судя по всему, датированы по одной и той же эре. В ней же, вероятно, указан и год смерти князя Всеслава Полоцкого — 6609-й. Как мы видели, полная календарная дата этого события позволяет думать, что кончина князя пришлась на 1109 г. Сопоставление дат событий, поме-

¹⁴⁶ Лаврентьевская летопись. Стб. 276.

¹⁴⁷ Schove D.J. The Sunspot Cycle: 649, B. C. to A. D. 2000 // Journal of Geophysical Research. The continuation of: Terrestrial Magnetism and Atmospheric Electricity. 1955. Vol. 60. June. No. 2. P. 127–146.

¹⁴⁸ Schove D.J. Auroral Numbers since 500 B. C. // The Journal of British Astronomical Association. 1962. Vol. 72. No. 1. P. 30–35; Schove D.J. Sunspot cycles. Stroudsburg, 1983. (Benchmark Paper in Geology. Vol. 68).

¹⁴⁹ Витинский Ю.И. Цикличность и прогнозы солнечной активности. С. 70–71; Витинский Ю.И. Солнечная активность. 2-е изд. М., 1983; и др.

данных в «Повести временных лет» под 6609, 6610 и 6611 гг., наводит на мысль, что для этой части древнерусской летописи основанием послужил источник, применявший эру в 5500 лет от Сотворения мира до нашей эры (этиохийскую)¹⁵⁰.

Итак, упоминания солнечных пятен, венцов вокруг Солнца и Луны и прочие подобные известия могут и должны использоваться в качестве ненамеренной хронографической информации. Существующие показатели солнечной активности в прошлом позволяют с достаточной степенью точности определять вероятные периоды наблюдения явлений такого рода. Более точный выбор года во многом облегчается косвенной временной информацией, а также данными по истории развития систем летосчисления.

Сфера применения ритмов солнечной активности для проверки годовых дат, встречающихся в исторических источниках, не исчерпывается упомянутыми свидетельствами. Солнечная активность находит отражение в атмосферных и биосферных явлениях Земли. Сведения о таких явлениях могут также рассматриваться в качестве прямой неосознанной временной информации. Это могут быть упоминания вспышек эпидемий, неурожая, засух, сильных морозов, налетов саранчи, землетрясений и т.п. Все эти стихийные бедствия цикличны и связаны с периодами солнечной активности¹⁵¹.

Исследования последних лет подтвердили прямую связь периодичности земных и солнечных процессов. В настоящее время продолжают разрабатываться вопросы выявления и предсказания биологических, атмосферных и климатических циклов¹⁵².

Эти работы не привлекали до последнего времени внимания историков. Между тем выводы гелиобиологии и гелиоклиматологии могут дать надежные критерии для проверки прямых хронографических указаний источников.

Использование данных, связанных с ритмикой пятнообразовательных процессов на Солнце, в целях датировки облегчается тем, что в распоряже-

¹⁵⁰ Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 248.

¹⁵¹ Паушто В.Т. Голодные годы древней Руси // Аграрный ежегодник Восточной Европы. Минск, 1964; Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Л., 1983; Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетия летопись необычайных явлений природы. М., 1988; Бараш С.И. История неурожая и погоды в Европе: по XVI в. н.э. Л., 1989; и др.

¹⁵² Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976. См. также: Дружинин И.П., Хамьянова Н.В. Солнечная активность и переломы хода природных процессов на Земле. М., 1969; Земля во Вселенной: сб. статей. М., 1964; Влияние солнечной активности на атмосферу и биосферу Земли. М., 1971; Солнце, электричество, жизнь: матер. чтений Московского общества испытателей природы памяти Л.Л. Чижевского. М., 1969; 1972; Голованов А.В. Созвучье полное в природе. М., 1979; и др.

нии историков имеется надежный контрольный материал в виде дендрохронологических шкал¹⁵³.

К прямой осознанной информации о времени относятся также указания сколько лет, месяцев и дней прошло между событиями. Такие расчеты чрезвычайно важны, но при всей их кажущейся очевидности также должны проверяться.

Чтобы использовать прямые указания источников на то, сколько лет разделяет какие-то события, историк должен знать: 1) как отсчитывались годы, и 2) от какого события ведется счет в данном случае.

На первый вопрос для Древней Руси дал ответ А.И. Соболевский. Он на ряде примеров показал, что при расчетах лет использовался так называемый византийский, или включительный, метод счета¹⁵⁴. Суть его в том, что в число целых лет, прошедших между событиями, включались также и два неполных года: конец года первого события и начало года второго. Итог такого расчета на один год превышает результат, полученный путем привычного для нас вычитания меньшего значения года из большего.

Второй вопрос решается в каждом случае по-своему. От его решения зависит верность полученной даты. Нередко он оказывается довольно сложным.

Например, одним из исходных пунктов для внесения годовой сетки в прежде монотематический рассказ, предшествовавший «Повести временных лет», судя по всему, стала дата начала правления византийского императора Михаила III, найденная в греческих источниках: «Въ лѣто 636 Индикта 15 день. Наченшю Михаилу царствовати»¹⁵⁵. Однако, как уже упоминалось, летописец явно не подозревал, что началом правления Михаила мог считаться и 842 г. (когда он в двухлетнем возрасте номинально взошел на престол), и 856 г. (когда император достиг совершеннолетия, но его мать-императрица Феодора не сложила с себя регентских полномочий), и 865 г. (когда Михаил, наконец, стал самостоятельным правителем).

Иногда в источниках даются расчеты «до наших дней» (или указания на то, что некоторые явления продолжают существовать «до нашего времени»). Порой таких расчетов бывает несколько, и полученные на их основе даты, на первый взгляд, противоречат друг другу. На самом деле они обычно просто относятся к различным этапам развития текста.

¹⁵³ Колчин Б.А. Дендрохронология Восточной Европы // Археология и естественные науки / под ред. Б.А. Колчина. М., 1965; Черных Н.Б. Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы // Проблемы абсолютного датирования в археологии / под ред. Б.А. Колчина. М., 1972; Колчин Б.А., Черных Н.Б. Дендрохронология Восточной Европы: Абсолютные дендрохронологические шкалы с 788 г. по 1970 г. М., 1977; и мн. др.

¹⁵⁴ Соболевский А.И. В каком году крестился Владимир? // Журн. Мин. нар. просв. 1888. Ч. 257. № 6. С. 398–399.

¹⁵⁵ Лаврентьевская летопись. Стб. 17.

Уточнить перевод прямых дат, встречающихся в источнике, позволяет расчет времени, необходимого для совершения определенной работы. Подобные выкладки оказываются полезными и при определении времени, требуемого для переписки рукописи, и для преодоления некоторого расстояния, и для других подобных действий, требующих временных затрат.

Так, авторы источников редко обращают внимание на то, сколько времени требовалось человеку или группе лиц, для того чтобы пройти или проехать от одного географического пункта до другого. Однако буквально каждое упоминание источника о любом действии людей несет временную информацию, а потому подобные перемещения поддаются приблизительным подсчетам и являются важным аргументом при проверке уникальных сведений источников, связанных с передвижением участников событий.

Скоростью движения определялась и скорость распространения известий. Расчет времени, потребовавшегося для того, чтобы сведения о каком-либо событии достигли данного населенного пункта к известному времени, позволяет восстановить дату самого события или дату написания какого-либо источника (например, отсылки или получения письма). И наоборот, если известно, когда совершилось событие, то можно приблизительно установить срок, когда о нем узнали в том или ином населенном пункте. Такие расчеты часто используются для установления и проверки датировок исторических событий.

Следует учитывать, что поездки и перевозки на дальние расстояния, как правило, носили сезонный характер. Они совершались либо летом, либо зимой. Военные походы часто совершались в летнее время. Зимой их проведение было затруднено глубокими снегами и отсутствием корма для коней. Тем не менее, по свидетельству Константина Багрянородного, в полюдь князя ходили именно зимой — с ноября по март¹⁵⁶. Зимой же предпочитали выступать в походы новгородцы, так как летом продвижение на северо-западе страны было затруднено многочисленными болотами и реками. К концу марта в средней полосе Европейской части России оканчивался санный путь. Во время разлива рек поездки прекращались: путешествия на санях или в телегах становились невозможными. Наименее благоприятным для дальних переездов было время с середины марта по конец апреля.

Конечно, расчеты времени по косвенным признакам весьма приближены. Поэтому чаще всего они используются для проверки дат исторических событий.

¹⁵⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей: текст, перевод, комментарий. Изд. 2-е, испр. М., 1991. С. 51.

Для установления времени, затраченного на передвижение, требуются исходные данные: необходимо знать, какое расстояние было преодолено, в каких условиях и с какой скоростью. Если путешествие проходило не по обычному, устоявшемуся пути, историк должен уметь приблизительно определить его маршрут. В летнее время движение посуху обычно совершалось по водоразделам, в зимнее — по замерзшим рекам, представлявшим прекрасный санный путь. Если передвижение осуществлялось водным путем, маршрут определить легче: достаточно установить, по каким рекам и озерам плыли путешественники. Вспомогательными ориентирами при этом могут служить упоминания населенных пунктов, которые проезжали, проходили или проплывали участники передвижений, а также поселения, названия которых связаны с волоками.

Прямые указания источников о расстояниях, преодоленных участниками события, переводятся в метрическую систему мер. Правда, метреологам удалось лишь приблизительно установить величину верст и поприщ, употреблявшихся для измерения больших расстояний в древнерусских источниках XI–XV вв. А при переводе в километры верст, упоминающихся в документах XVI–XVII вв., необходимо помнить, что речь могла идти как о верстах межевых, тысячесаженных, так и о путевых (в 500 саженой). В еще более трудном положении оказывается историк, если автор исследуемого текста пользовался неопределенными мерами расстояний, например, «днями пути».

В тех случаях, когда расстояние не указано в источнике прямо, историку приходится прибегать к приблизительным расчетам. Для измерения пути в несколько сот километров обычно бывает достаточно измерить по карте кратчайшее расстояние между крайними точками, а затем увеличить его на треть. Полученное число будет приблизительно равно протяженности дороги. В целом такой расчет дает удовлетворительные результаты. Но при измерении небольших расстояний этот метод допускает значительные погрешности. Поэтому в подобных случаях лучше измерять расстояние по среднемасштабной карте (1 или 2 км в 1 см), наметив предварительно возможный маршрут.

Определить преодоленное расстояние по карте историку помогают данные и методы картографии (науки о географических картах), в частности ее раздела, посвященного разработке методов анализа картографических источников и способов использования карт, — картоведения. Без знания этих дисциплин историк может допускать существенные погрешности, смешивая, к примеру, кратчайший путь между двумя географическими точками (*ортодромия*) с прямой, проведенной между ними по карте (*локсодромия*). Произвести точный расчет расстояния по карте помогает картометрия — другой раздел картографии, изучающий способы измерения по карте.

В случаях, когда в источниках расстояния указаны в *днях пути*, исследователь должен учитывать не только маршрут, но и скорость движения. По-лучше она зависела от времени совершения похода или путешествия, способа передвижения, погодных условий, рельефа местности и сложности маршрута. Величины пути, численности совершающих передвижение лиц, организации передвижения и тому подобных факторов. Чем полнее они будут учтены, тем точнее окажутся расчеты. Поскольку в большинстве случаев все эти факторы установить по источникам не представляется возможным, историки чаще всего приходится основываться на средних цифрах.

Мнения специалистов о средней величине суточного перехода существенно расходятся. Одни исследователи (их большинство) считают, что он составлял 25–30 км¹⁵⁷. Другие принимают день пути равным 40–45 км. В то же время известно, что форсированный односуточный пеший переход мог достигать 75–80 км¹⁵⁸.

Расходятся данные и о среднем расстоянии, преодолеваемом за день всадником: от 50–60 до 75–85 км. В исключительных случаях конные войска могли преодолеть до 100–125 км за сутки¹⁵⁹.

Скорость передвижения по рекам зависела от направления движения (вверх или вниз по течению), скорости течения реки, а также собственной скорости судна. Известно, что при спуске вниз по течению таких рек, как Днепр и Дон, суда в среднем проходили в день от 70 до 90 км. Корабли, двигавшиеся вверх по реке, проходили приблизительно по 30 км в день. Средняя скорость передвижения по морю, по расчетам И. Е. Забелина, составляла от 35 до 60 км в день. Галеры, появившиеся на Руси в конце XVII в., в день могли пройти до 100–150 км. Скорость передвижения крупных кораблей (шхун, бригантин и баркентин), оснащенных так называемым ко-сым или смешанным парусным вооружением, которое позволяло идти под углом менее 90° между направлением ветра и направлением движения судна (брейдевинд), при попутном ветре достигала 300 км в сутки.

Под 6523 г. в «Повести временных лет» записано сообщение о выступлении новгородцев против варягов, нанятых Ярославом Владимировичем для борьбы с отцом. Перелом в новгородских событиях летопись связывает с получением им известия о кончине киевского князя Владимира Свято-славича (умер 15 июля 1015 г.) и убийстве Святополком Окаянным Бориса

¹⁵⁷ Афанасьев В.А. Вероятный путь князя Игоря Северского на половцев в 1185 г. // Исторический журнал. 1939. № 6. С. 47; Строчков А.А. История военного искусства: в 5 т. Т. 1. М., 1955. С. 16, 191, 295; Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., 1948. С. 50–51, 117; и мн. др.

¹⁵⁸ Федоров В.Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. М., 1956. С. 33–34, 40–41, 172.

¹⁵⁹ Кудряшов К.В. Половецкая степь. С. 117; Рыбаков Б.А. Военное дело // История культуры Древней Руси: Домонгольский период. Т. 1: Материальная культура. М.; Л., 1948. С. 407; Федоров В.Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве»... С. 41; и др.

Владимировича (убит 24 июля). Расстояние от Киева до Новгорода составляет по дорогам около 1190 км (по прямой — 894 км). На путь из Киева в Новгород всаднику требовалось не менее 20 дней. Если же гонец Предславъ добирался до Новгорода речным путем, то ему на это потребовалось бы не менее 40 дней (ок. 750 км вверх по Днепру и ок. 655 км вниз по Каспле, Ловати, через Ильмень и далее по Волхову). Следовательно, Ярослав мог узнать о переменах, происшедших на киевском столе, не ранее чем через 20 дней после гибели Бориса. Значит, примирение с новгородцами произошло примерно в конце августа, а скорее — в первых числах сентября. Н.Н. Ильин не уточняет срока получения известия о киевских событиях в Новгороде, отмечая лишь, что новость дошла до Новгорода довольно быстро¹⁶⁰.

Еще один пример. За неделю до того, как отряд Василия Уса выступил из Воронежа на Москву, его предводитель отправил к царю посла, своего сподвижника Якимова. От того, до или после возвращения посла Василий Ус принял решение идти на Москву, во многом зависит характеристика действий его отряда. От Воронежа до Москвы более 550 верст (ок. 600 км). На дорогу туда и обратно требовалось не менее двух недель (при скорости 80 км в день). Расчет доказывает, что Василий Ус повел отряд на Москву, не дожидаясь посланного¹⁶¹.

Важную временную информацию несут упоминания сезонных явлений природы. Из года в год на данной территории приблизительно в одни и то же время совершаются осенние и весенние миграции птиц, зацветают растения, начинаются ледостав и ледоход. Ритм производственных процессов во многом зависит от сезонных явлений, происходящих в природе. Для крестьянина или ремесленника зачастую начало или завершение какого-либо природного цикла было гораздо более важным временным ориентиром, чем абстрактная календарная дата. Такие упоминания следует рассматривать как прямую календарную информацию. Перевести ее на язык месяцев и чисел помогают работы по фенологии, гидрологии, синоптической метеорологии, краеведческие очерки¹⁶².

В некоторых случаях упоминание сезонных изменений носит ненамеренный характер.

Например, Н.В. Шарлемань обратил внимание на упоминание в «Слове о полку Игореве» соловьиного пения. В лесостепной полосе Украины со-

¹⁶⁰ Ильин Н.Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. С. 134.

¹⁶¹ Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д, 1983. С. 90–102.

¹⁶² Щербиновский Н.С. Сезонные явления в природе. 4-е изд. М., 1966; Шигелев А.А. Шиманюк А.П. Сезонное развитие природы: Европейская часть СССР. М., 1949; Шнелле Ф. Фенология растений. Л., 1961; Вопросы индикационной фенологии и фенологического прогнозирования. Л., 1972; и мн. др.

певцы начинают петь в начале второй декады апреля. А на вторую декаду мая приходится «разгар их пения». Шарлемань находит в этом упоминании дополнительное подтверждение установленной им даты бегства Игоря из плена (конец мая — начало июня 1186 г.)¹⁶³.

Понятно, что даты, основанные на упоминании сезонных явлений природы, будут страдать некоторой усредненностью. Уточнить их можно с помощью данных дендрохронологии, а также расчетов, основанных на циклах солнечной активности и косвенных временных данных.

Сезонные природные изменения непосредственно связаны с упоминанием сезонных работ. Это другая форма только что рассмотренных временных данных.

Наиболее тесно связаны с природными годовыми циклами сельскохозяйственные работы. Народный, неофициальный календарь хозяйственной деятельности находил самое широкое применение в крестьянской среде. Этот календарь имел свои праздники и обряды, которые под влиянием христианства претерпели изменения. Многие народные праздники совпали с праздниками церковными или были искусственно соединены с ними. В свою очередь, некоторую трансформацию претерпели и христианские праздники. Религиозный календарь был соотнесен с календарем хозяйственным¹⁶⁴.

С сезонными изменениями были связаны также охота и собирательство, целый ряд ремесел и промыслов. Например, добыча и плавка железной руды обычно приходились на осень и зиму, а строительство велось чаще всего с мая по ноябрь¹⁶⁵ и т.д.

С сезонными работами было, как правило, связано заключение браков. Свадьбы играли чаще всего весной, до начала полевых работ, или осенью, после сбора урожая. Наиболее подходящим временем для вступления в брак считался праздник Красной горки, который отмечался сразу после Пасхи¹⁶⁶. Часто браки между крестьянами совершались в храмовые праздники. Это избавляло от лишних расходов на угощение гостей.

¹⁶³ Шарлемань Н.В. Природа в «Слове о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: сб. исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 216–217; Шарлемань Н.В. Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 8. М.; Л., 1951. С. 54–57; Шарлемань Н.В. Соловьи в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 16. М.; Л., 1960. С. 81; Шарлемань Н.В. Природа и люди Киевской Руси: материалы по краеведению Киевской Руси // Шарлемань Н.В. Воспоминания. Автобиография. Переписка. Киев, 2015. С. 129–239.

¹⁶⁴ Селиванов В.В. Год русского земледельца // Селиванов В.В. Соч. Т. 2. Владимир, 1902; Максимович М.А. Дни и месяцы украинского селянина // Максимович М.А. Собр. соч. Т. 2. Киев, 1877; Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков. М., 1957; Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963; Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001; и мн. др.

¹⁶⁵ Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 125–126, 408, 708–710 и др.

¹⁶⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 1. С. 11.

Возможность использования некоторых конкретных деталей исторических событий в качестве временных вех осознавалась авторами источников. Подтверждением служит применение летописцами, дьяками и подьячими, редакторами, переписчиками косвенных данных о времени в своей повседневной работе, а также случаи намеренного подчеркивания именно этих признаков как временных ориентиров. Это, конечно, не исключало возможности ненамеренного, неосознанного упоминания подобных сведений в тех или иных источниках. Историк должен особо пристрастно рассматривать эти виды временной информации, поскольку именно они могли в первую очередь подвергнуться искажению в случае намеренной фальсификации даты события автором источника.

Относительные даты являются самым распространенным видом намеренной косвенной временной информации. Они лежат на стыке прямых и косвенных данных. Время указано, но указание это опосредовано. Известно лишь, что изучаемое событие произошло до или после какого-то другого события, либо одновременно с ним. Подобного рода сведения позволяют датировать событие с большой степенью вероятности. Нельзя в то же время забывать, что они во многом зависят от субъективных особенностей отражения реальной действительности автором источника, а потому нуждаются в дополнительной проверке.

По сообщению Новгородской I летописи, восстание новгородцев, направленное против посадника Дмитра Мирошкинича, началось в 1207 г. сразу же по возвращении жителей Новгорода из похода на Рязань, предпринятого в помощь Всеволоду III. Поход этот завершился после сдачи Пронска 18 октября 1207 г. Начало восстания можно отнести поэтому к последним числам октября или, что гораздо вероятнее, к ноябрю 1207 г. Поскольку новый князь Святослав Всеволодович, сменивший своего брата Константина, пришел в Новгород уже после этого восстания на мясопустной неделе (в 1208 г. она приходилась на 4–10 февраля), закончилось оно вероятно, в январе 1208 г.¹⁶⁷

Иногда относительные даты сопровождаются хронологическими расчетами.

Последовательность изложения событий в источнике также может рассматриваться в качестве косвенной информации о времени. Здесь историк опирается не на прямое указание автора, как в приведенном выше примере, а на формальные признаки. Порядок изложения может отражать реальную последовательность событий, либо последовательность получе-

¹⁶⁷ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. С. 255; Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 162–164. М.Н. Тихомиров ошибочно отнес это восстание к февралю 1209 г. Он не только перевел прямые указания Новгородской I летописи, относящиеся к выступлению новгородцев (Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М, 1955. С. 240).

или автором источника известий о них, либо очередность использования в данном тексте его источников, протографов. В зависимости от того, что определило порядок, в котором автор источника описал или перечислил события, данный вид информации о времени может использоваться либо для датировки событий, отображенных в источнике, либо для датировки этапов создания текста.

Точность датировки, основанной на порядке изложения событий в источнике, будет во многом зависеть от того, насколько точно датированы события, с которыми соотносится во времени событие изучаемое, а также от числа событий, с которыми оно сопоставляется, от их временной соизмеримости.

Дата появления источника также является намеренной информацией о времени совершения зафиксированных в нем исторических событий. Автор источника понимал, что дата написания источника ограничивает «сверху» промежуток времени, в пределах которого произошло событие, описанное в данном тексте. Но если дата создания источника для описанного в нем события является «верхней» временной границей (*terminus ante quem*), то дата совершения исторического события, в свою очередь, ограничивает возможное время создания источника «снизу» (*terminus post quem*) — и наоборот, если встречаются в виду источники, «опережающие» события.

Дело в том, что необходимым условием совершения целого ряда действий является предварительное составление соответствующих документов. Скажем, права наследников на получение той или иной части имущества умершего главы семьи определяются завещанием усопшего. Духовная отражала «последнюю волю» завещателя и служила своеобразным руководством к разделу наследства после его смерти. Подобным свойством предшествовать описываемым событиям кроме духовных обладали многие договорные, купчие, меновые грамоты, различные проекты и планы.

Еще одним видом косвенных временных признаков являются упоминания имен и титулов исторических лиц¹⁶⁸. Одним из древнейших способов фиксации времени совершения событий являлась датировка по эпонимам от др.-греч. ἐπώνυμος — букв. 'давший имя') — по годам правления царствующих особ. Судя по наиболее ранним летописным известиям, в первые десятилетия существования Киевского государства счет времени по годам княжений употреблялся и на Руси¹⁶⁹.

¹⁶⁸ Дмитриевский А. Способы определения времени написания рукописей без определенных дат вообще и богослужебных рукописей в частности // Православный собеседник. 1884. № 1. С. 81–84; Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. СПб., 2001. С. 286–287, 331–333; Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения. Ростов н/Д, 1976. С. 187–189; и мн. др.

¹⁶⁹ Бикерман Э. Хронология древнего мира. С. 65; ср.: Лаврентьевская летопись. Стб. 18, 21 и др.

Упоминание современников или участников события позволяет уточнить его временные границы. Они, правда, довольно широки и обычно охватывают десятки лет. Однако упоминание нескольких участников события существенно уточняет получаемую дату.

Наиболее важным ориентиром чаще всего является дата смерти того или иного лица (даты рождения, как правило, в ранних источниках отсутствуют). Она обычно и используется в качестве основы при переводе косвенных дат в прямые.

Для авторов средневековых (в том числе древнерусских текстов) был важен не столько возраст человека, сколько его социальное положение, какую ступеньку иерархической лестницы он занимал. Поэтому в источниках чаще уделяется внимание чинам, постам, должностям и званиям данного лица. Поскольку положение человека в обществе в течение жизни несколько раз меняется, такие упоминания являются важным дополнительным ориентиром во времени, уточняющим датировку по именам.

Так, С.О. Шмидт, исходя из предположения о том, что в конце 40-х — начале 50-х годов XVI в. собиралось несколько так называемых соборов примирения, приблизительно датирует один из них (судя по всему, второй) на основании упоминания в Хронографической летописи имен князей П.М. Щенятева и А.Б. Горбатого в числе бояр, к которым в присутствии архиепископа Макария и всего освященного собора обращался Иван IV. Известно, что П.М. Щенятев получил боярский чин между декабрем 1548-го и сентябрем 1550 г., а А.Б. Горбатый покинул Москву в марте 1549 г. Из этого С.О. Шмидт заключает, что собор мог состояться между концом декабря 1548 — январем 1549 г. и концом февраля 1549 г.¹⁷⁰

В некоторых случаях, как уже упоминалось, в целях датировки можно использовать указание источника на получение тем или иным лицом должности или звания, для которого существовал определенный возрастной ценз.

Дополнительные временные ориентиры позволяют выделить также знание юридически или обычаем определенных норм, связанных с получением очередного звания, должности, сана и т.д. Тогда, если известно, когда было получено последнее звание, можно установить нижнюю дату получения следующего, либо верхнюю — предшествующего звания (должности, сана).

Косвенные признаки времени совершения события или написания текста, судя по всему, не осознавались авторами источников как носители информации о времени, а потому являются важным проверочным материалом.

Время, ранее которого не могло произойти изучаемое событие, можно определить по первому датированному известию не об изучаемом явлении

¹⁷⁰ Шмидт С.О. Становление Российского самодержавства. М., 1973. С. 138–140, 152–153.

таким, а об одном из его характерных проявлений. Степень достоверности даты, полученной в этом случае, будет во многом зависеть от того, насколько необходимо и достаточно упоминание в источнике, чтобы говорить о явлении в целом. Об известной длительности предшествующего развития явлений и процессов, существование которых измеряется десятилетиями и сотнями лет, свидетельствуют первые упоминания о них как о явлениях обыденных, повседневных.

Иногда при датировке биографических моментов определенную помощь может оказать первое упоминание прозвища исторического лица. Так М.Н. Тихомиров полагает, что князь Иван Ростиславич, лишившийся галицкого княжения зимой 1144/45 г., в 1146 г. после долгих скитаний находит город Берладь к западу от Прута: именно тогда бывший галицкий князь впервые упоминается с прозвищем Берладник¹⁷¹.

Использование упоминания какого-либо общественного явления или процесса в качестве косвенного датирующего признака тесно связано с рассмотрением в этом же аспекте умолчаний источника. Иногда в документе отсутствуют данные, которые, по мнению исследователя, должны были или могли содержаться в этом документе. Нередко такое отсутствие сведений о чем-либо или о чем-либо рассматривается как косвенное временное свидетельство, относящееся или к неупомянутому событию, или к источнику, не содержащему соответствующих сведений (*argumentum ex silentio*). Часто использование отсутствия информации как датирующего признака ведет к установлению нескольких взаимоисключающих дат. За примерами обратимся к сфере, где особенно широко используются такого рода временные сведения к датировке духовных и договорных грамот.

Духовная грамота вдовы князя Владимира Андреевича серпуховского и воровского, инокини Евпраксии (в миру — княгини Елены Ольгердовны), лишена прямой даты. Это заставило ее исследователей обратиться к косвенным датирующим данным. В тексте завещания отсутствует имя одной из внучек княгини, Марии Ярославны. Она, очевидно, не попала в число наследников. Это, как предположил Л.В. Черепнин, свидетельствует о том, что духовная составлялась до замужества Марии Ярославны. В противном случае она якобы обязательно должна была получить часть наследства. Известно, что Мария Ярославна была выдана за Василия II в развале 1433 г. Эта дата и дается в публикации грамоты № 28 в качестве верхней временной границы¹⁷².

¹⁷¹ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания. С. 202.

¹⁷² Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 156–157; Духовные и договорные грамоты... № 28. С. 71–73.

А.А. Зимин попытался уточнить дату, предложенную Л.В. Черепнинным. Для этого он также воспользовался отсутствием имени Марии Ярославны в тексте духовной. Однако он дал этому факту в корне иную, нежели Л.В. Черепнин, интерпретацию. А.А. Зимин предположил, что завещательница могла ничего не оставить внучке, только если та уже была выдана замуж. 3 февраля 1433 г. является, следовательно, не верхней, а нижней датой данной грамоты, утверждает А.А. Зимин¹⁷³.

Невольно возникает вопрос: можно ли вообще использовать умолчания источников в качестве косвенной датирующей информации? Опыт накопленный исторической наукой, позволяет положительно ответить на него. Отсутствие определенного рода сведений в тексте памятника можно использовать для датировки исторических события и источников. Правда применение таких материалов в качестве датирующих данных допустимо лишь при выполнении следующих требований:

- наличие намеренного умолчания источника должно быть доказано: при этом надо исключить возможность случайного пропуска соответствующей части текста;
- следует рассмотреть все возможные причины, по которым соответствующее сведение было опущено автором источника;
- если умолчание источника допускает взаимоисключающие объяснения (как это произошло с датировкой завещания Елены-Евпраксии) историк должен проверить эти противоречивые данные, привлекая другие источники.

Важную роль в проверке уникальных сведений источника играет соотношение события историческому фону и целям, которые преследуют его участники. Как косвенный временной ориентир оно может использоваться в тех случаях, когда требуется определить наиболее вероятную дату в предварительно установленных хронологических рамках.

Дата составления первой духовной грамоты Дмитрия Донского четко определяется по упоминанию в ней Василия Дмитриевича (родился 31 декабря 1371 г.) и отсутствию имени второго сына, великого князя Юрия (родился 26 ноября 1374 г.)¹⁷⁴. Грамота, следовательно, была написана между 30 декабря 1371 г. и 26 ноября 1374 г. Духовные обычно составлялись во время болезни или перед началом военных походов. За указанный промежуток времени летописи упоминают лишь один подходящий случай для ее составления: поход Дмитрия против литовского князя Ольгерда. Логично предположить, что данная грамота появилась непосредственно

¹⁷³ Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XVI вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 296–297.

¹⁷⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1955. С. 24–25.

после выступления против Ольгерда 12 июля 1373 г. Предложив такую версию составления первого завещания Дмитрия Донского, А.А. Зимин в то же время справедливо подчеркнул, что это лишь более или менее удачная гипотеза¹⁷⁵.

***

Итак, для проверки прямой временной информации историк должен привлекать данные и методы возможно большего числа специальных исторических и вспомогательных для истории дисциплин. При этом всякий временной признак должен рассматриваться в нескольких аспектах. Каждая дисциплина изучает его со своей точки зрения. Всесторонний анализ временных ориентиров — залог создания достоверных научных реконструкций событий прошлого.

7.4.2. Обработка уникальной информации об исторических личностях. Не менее серьезно следует подходить к проверке уникальных сведений, относящихся к той или иной исторической личности.

Процесс идентификации исторических личностей, в описании которых содержится уникальная информация, включает два основных этапа. Сначала историк проводит групповое, а затем индивидуальное отождествление личности.

Групповая идентификация устанавливает круг лиц, в число которых входит человек, интересующий историка. Этот круг определяется путем анализа всех данных, которые могут содержать сведения об изучаемой личности: времени, к которому относится источник, процесс или событие; имени искомого лица; его пола; возраста; происхождения; вероисповедания; должности или сана; классовой, сословной и политической принадлежности.

Индивидуальная идентификация личности включает сбор сведений о жизни и деятельности лиц, отобранных в ходе группового отождествления; сравнение накопленных о каждом из них данных с исходными материалами и максимально возможное сокращение на его основе числа лиц, подходящих для отождествления с искомым человеком; выбор из их числа наиболее подходящих кандидатур и, наконец, поиски доказательства полученных результатов.

При атрибуции источника важно прежде всего определить роль данного лица в создании текста. Для этого надо знать структуру памятника, его историю.

Атрибуцию приписок к двум последним томам Лицевого летописного свода — Синодальному списку и «Царственной книге» — Д.Н. Альшиц на-

¹⁷⁵ Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот... С. 285–286.

чал с того, что попытался восстановить историю поправок и дополнений к указанным летописям, опираясь на их содержание. Исследователь пришел к заключению, что Синодальный список после окончания работы над ним писцов и художников был отредактирован чьей-то безжалостной рукой, обрекшей создателей бесценной рукописи на переделку всей работы заново. Все до единой поправки были учтены при подготовке копии с отредактированного Синодального списка, известной под названием «Царственная книга». Это, однако, не удовлетворило придирчивого редактора. Текст летописи, касающийся периода с 1535 по 1567 г., был вновь подвергнут поправке. Причем различных приписок и дополнений сделано в 10 раз больше, чем при редактировании Синодального списка. По утверждению Д.Н. Альшица, теперь редактор перечеркнул многое из того, что раньше написал сам, и заменил зачеркнутое новыми приписками. Некоторые из них противоречили его же поправкам на полях Синодального списка. Поверглись правке и те сообщения, которые не привлекли внимания редактора при первом чтении (например, сообщение о боярском мятеже 1553 г. Появилось множество новых дополнений, замечаний, вымарок. Редактирование Синодального списка Д.Н. Альшиц относил к периоду до 1564 г. а «Царственной книги» — между 1564-м и июлем 1570 г.¹⁷⁶

Последующие исследования показали, однако, что эти выводы, основанные на внутренней критике приписок, не согласуются с результатами палеографического и кодикологического анализа последних двух томов Лицевого свода и не могут быть приняты. Во-первых, было установлено, что «Царственная книга» написана на бумаге (Б.М. Клосс называет ее «бумагой третьего типа»), филигрانی которой отличны от водяных знаков бумаги которая была использована для подготовки Синодального списка. Вместе с тем в составе «Царственной книги» ряд листов (л. 220–221, 237–247, 259–362 и др.), судя по филиграням, совпадает по происхождению с бумагой Синодального списка («бумага второго типа», по терминологии Б.М. Клосса. Во-вторых, приписки и редакционная правка текста в «Царственной книге» размещаются исключительно на листах «бумаги второго типа». В-третьих, текст, подвергшийся правке в «Царственной книге», отсутствует в Синодальном списке и, следовательно, сравнивать статьи обоих списков, как это делает Д.Н. Альшиц, не представляется возможным. В-четвертых, тексты Синодальной летописи и «Царственной книги», написанные на «бумаге второго типа», взаимно дополняют друг друга и при соединении образуют почти непрерывное изложение событий с 7043 до 7075 г.

¹⁷⁶ Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. М., 1947. Т. 23. С. 262 и др.; Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников повествующих о боярском мятеже 1553 г. // Исторические записки. М., 1949. Т. 25. С. 266–292.

Все эти наблюдения позволили Б.М. Клоссу сделать вывод, что «Царственная книга» представляет собой частично перебеленный вариант отредактированного текста Синодальной летописи, дополненный листами из самого Синодального списка. Соответственно, заключительная часть Лицевого свода редактировалась лишь однажды, в 1575–1576 гг.¹⁷⁷ Выводы Б.М. Клосса о составе и истории Синодального списка и «Царственной книги» не могли, естественно, не сказаться на результатах атрибуции приписок к Лицевому своду.

Решающее значение в выяснении подобных вопросов принадлежит не только текстологии, но также палеографии и кодикологии. Данные и методы этих дисциплин помогают исследователю установить, идет ли речь об авторе какой-либо части (и какой именно) или всего источника в целом; о компиляторе, который свел воедино тексты своих предшественников, или редакторе текста; о человеке, не принимавшем непосредственного участия в написании документа, но устные указания которого подчиненным определили его главное содержание и направленность, или об исполнителе чужой воли, либо о простом переписчике. При идентификации каждого из участников события прежде всего следует установить, насколько достоверно сообщение источника, не является ли упоминание данного имени позднейшей вставкой. В этом случае историк должен опираться на данные текстологии.

Время, к которому относятся появление источника или заключенного в нем сообщения, а также сам отраженный в нем процесс, явление или событие, связанные с определяемым лицом, является первым важным признаком, ограничивающим круг поисков историка.

Так, важное место в решении вопроса о роли новгородских аристократических фамилий в формировании московского боярства традиционно отводилось потомству новгородского боярина Ивана Морозова, от которого, согласно родословным книгам, произошли роды Шейных, Салтыковых, Щекрябиных, Тучковых и родственный им род Вешняковых. Между тем деятельность московского Ивана Морозова относится к середине XIV в., тогда как новгородский Иван Морозов, по свидетельству Новгородской I летописи, занимался строительной деятельностью во втором десятилетии XV в. Сравнение этих временных указаний позволило В.Л. Янину утверждать, что погребенный в новгородской Вознесенской церкви Иван Морозов и московский боярин Иван Морозов — не одно и то же лицо. По мнению исследователя, в родословных книгах было предпринято неправомерное соединение сведений, относящихся к двум различным боярским родам, причиной чему послужило отождествление двух разных лиц, носивших одинаковые имена и прозвища, без учета разницы во времени их жизни и деятельности¹⁷⁸.

¹⁷⁷ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 215–216.

¹⁷⁸ Янин В.Л. К вопросу о происхождении Морозовых // История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 195; Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. С. 212.

Иногда в идентификации личности помогают прозвища, в качестве которых употреблялись катойконимы, оканчивающиеся на *-ыц (-ец)*, *-ич*, *-як*: Микитка Казанец — туринский стрелец (1622); Дмитряк Тверитин — крестьянин из Новгородских земель (1495); Павел Зиновьев сын Каргопонец — послух (1568); Кузьма Алексеев сын Москвитина — торговый человек в Новгороде (1614); Ивашка Новгородец, Перфиренко Вынежатин — гулящие люди в Иркутске (XVII в.) и т.п. Подобные прозвища могут использоваться для установления родины или по крайней мере места постоянного жительства данного исторического лица. На пространственные ориентиры могут указывать также фамилии исторических лиц. Таковыми являются оттопонимические фамилии землевладельцев, происходящие от названий земель, которые им принадлежали, а также фамилии представителей других общественных групп, образованные от наименования местности и города, к которым имел отношение родоначальник фамилии. Выделение топонимической основы владельческих фамилий позволяет, в свою очередь, приблизительно установить границы земель, принадлежащих данной семье, и, таким образом, выявить наиболее вероятную территорию их повседневной деятельности. Обычно такие фамилии оканчивались на *-ский (-ской)*: Елецкий (Елецкой), Звенигородский (Звенигородской), Мосальский и др. Причем потомки могли получать оттопонимические фамилии, уточнявшие, какую часть земельных владений родоначальника получила данная ветвь рода. Вместе с тем следует помнить, что ряд владельческих фамилий, оканчивавшихся на *-ский*, указывал не на область владения, а на местность, откуда он родом: Мещерский, Сибирский, Тюменский и др. С фамилий родов землевладельцев, указывающих на принадлежность им территории, следует отличать оттопонимические фамилии служилых, торговых и промышленных людей, а также изредка крестьян, осевших в новых местах жительства. Они, как правило, образовались от катойконимов с помощью суффиксов принадлежности *-ов*, *-ев*, *-ин*: Казанец — Казанцев, Муромец — Муромцев, Ростовец — Ростовцев, Мезенец — Мезенцев, Тверитин — Тверитянинов, Пермь — Пермьков и др. Подобные фамилии прямо указывают, откуда, с какой территории ведет происхождение данная семья. Немаловажно знать, где происходило изучаемое событие. Наряду с точной датой место действия также является существенным для определения того, кто из исторических лиц мог принимать участие в происходившем тогда и там. От точности определения даты и места совершения отображенных в источнике событий, явлений, процессов во многом будут зависеть результаты установления лиц, участвовавших в них.

Опираясь на эти важнейшие координаты, историк составляет перечень признаков, характеризующих искомое лицо: его имя, происхождение, социальное положение, взгляды, язык и т.д. Итоги идентификации будут

во многом определяться тем, насколько полон этот список, бесспорны, однозначны и непротиворечивы данные, включенные в него.

В качестве примера рассмотрим перечень признаков, которыми обладал, по мнению Д.Н. Альшица, редактор Лицевого свода:

1. Он должен был находиться при дворе после 1564 г., поскольку считается установленным, что приписки, внесенные после этой даты в «Царственную книгу», сделаны тем же почерком.

2. Он был влиятельным лицом, весьма полномочным; в редактировании Свода ему принадлежало последнее слово.

3. Его политические взгляды совпадали с политическими взглядами Ивана Грозного.

4. Царю он был предан исключительно.

5. Кроме того, автор приписок обладал широким политическим кругозором (он в курсе всех важных событий, очевидец взятия Казани, подробно знаком с рядом секретных дел, связанных с государственными преступлениями).

Наблюдения, сделанные Б.М. Клоссом, позволяют внести в этот перечень существенные коррективы:

1. Редактор должен был находиться при дворе в 1574–1575 гг., когда был отредактирован Синодальный список.

2. Он был ответственным лицом; во всяком случае, ему было доверено редактирование летописных известий, касающихся современных ему событий. Вместе с тем последнее слово в редактировании Свода могло принадлежать и не ему. Он мог просто добросовестно исполнять чужую волю. Что же касается вывода о его влиятельности и полномочности, основанном на том, что он, нимало не беспокоясь, испортил роскошную рукопись, то следует заметить, что сам характер производимой работы давал ему право не стесняться: рукопись все равно надо было переписывать. Поэтому редактору вовсе не обязательно было, как считает Д.Н. Альшиц, излагать свои замечания на отдельных листах.

3. Политические взгляды редактора не могли не совпадать со взглядами царя, поскольку летопись создавалась по заказу, под непосредственным руководством и контролем Ивана Грозного.

4. Этим же объясняется и преданность редактора царю — судя по всему, Иван сам подбирал подходящую кандидатуру.

5. Редактор обладал широким правом доступа к архивным документам, в том числе секретным, и библиотеке царя, пользуясь, вероятно, расположением и доверием Грозного.

Как видим, перечень личных признаков редактора Свода, составленный Д.Н. Альшицем, не обладает одним очень важным качеством — одно-

значностью каждого из них. Все они имеют вероятностный, но необязательный характер.

На основе анализа всех данных, бесспорно относящихся к идентифицируемому лицу, историк определяет круг людей, в число которых входит интересующий его человек. На стадии индивидуальной идентификации исследователь выбирает из этого круга личность, которая в полной мере обладает признаками, выявленными в ходе групповой идентификации.

Для проведения такого отбора исследователь собирает и анализирует аналогичные данные по каждой из возможных кандидатур. Он выявляет все источники, содержащие необходимые сведения о подходящих лицах. и изучает все прямые и косвенные указания на этих людей. При этом следует опираться на справочные материалы: именные указатели, сопровождающие большинство публикаций древнерусских источников XI–XVII вв хронологические и родословные таблицы, геральдические словари, списки приказных судей и других чиновных людей государственного аппарата: перечни церковных иерархов и настоятелей монастырей¹⁷⁹ и т.п.

Сопоставление накопленных данных со сведениями об определяемом лице позволяет, как правило, значительно сузить круг людей, отождествляемых с данным человеком. Особую роль при атрибуции источников играет работа по отрицанию участия других лиц в создании данного произведения, которая называется *аттезой*.

Из оставленных кандидатур путем повторного углубленного анализа просопографических данных выбирается личность, в наибольшей степени подходящая для индивидуальной идентификации.

На заключительной стадии идентификации историк должен избегать субъективных построений. Основания для отождествления людей следует искать во всем комплексе накопленной и обработанной ретроспективной информации, а не в своих личных вкусах, симпатиях и антипатиях¹⁸⁰.

Наиболее частой ошибкой является идентификация личности по одному какому-либо признаку, обычно по совпадению личных имен, отчеств, фамилий отождествляемых людей. Как неоднократно отмечалось, такой путь слишком часто ведет к ложным результатам. Вот что писал А.В. Арциховский о причинах неудачных идентификаций по именам: «Будущий ученый, которому попадут в руки письма наших современников, сделает много ошибок, если будет отождествлять авторов и адресатов с государственными деятелями».

¹⁷⁹ Например: Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902; Богоявленский С.К. Приказные списки XVII века. М.; Л., 1949; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975; Панова В.И. Митрополиты и епископы Руси в XII в. по материалам Ипатьевской летописи. Воронеж, 2016; и мн. др.

¹⁸⁰ См.: Экскурс 8. Казус «Слова о полку Игореве».

и руководствуясь лишь совпадениями личных имен. Подавляющее большинство писем адресовано людям, которые в историю не вошли»¹⁸¹.

Идентификации, основанные исключительно на именах, могут быть в какой-то степени оправданы лишь в тех случаях, когда историк сталкивается с достаточно редкими антропонимами при отсутствии или скудости прочей информации о данной личности. Так, например, В.Л. Янин отождествляет Максима Онцифоровича и Лукьяна Онцифоровича, упоминаемых в летописях, с сыновьями Онцифора Лукинича и называет их братьями Юрия Онцифоровича, ссылаясь на их редкое отчество¹⁸². Но и в таких случаях нужны дополнительные данные для признания истинности проведенного отождествления.

Ярким примером ошибочной идентификации исторических лиц на основании совпадения личных имен и фамилий является отождествление Ивана Сулешова Болотникова, сведения о котором дошли в «Следственном розыске о поступках Ивана Болотникова» (датирован 23 августа 1618 г.), и Иова Николо-Шартомского монастыря Иова Болотникова, упоминаемого в челобитной архимандрита названного монастыря Тихона от 20 июля 1621 г. с предводителем «первой крестьянской войны» в России Иваном Исаевичем Болотниковым. По гипотезе В.А. Борисова, основанной на такой идентификации, Иван Исаевич Болотников не погиб в 1608 г. в Каргополе, а спасся и в течение трех лет (с 1615 по 1618 г.) действовал во главе отряда крестьян и казаков в Шуйском и Суздальском уездах. После поимки в 1618 г. он был якобы пострижен в монахи под именем Иова и вновь бежал в 1621 г. с деньгами монастырских вотчин, сбор которых был ему доверен. Однако сопоставление данных о социальном положении идентифицируемых лиц, фактов из их биографий, почерпнутых из других документов, анализ действий отряда, возглавлявшегося Иваном Сулешовым, и т.д. позволили Ю.А. Иванову опровергнуть гипотезу В.А. Борисова и доказать, что «ничего общего, кроме сходства фамилий, Иван Сулешов ни с Иваном Исаевичем Болотниковым, ни с беглым старцем Иовом Болотниковым не имел»¹⁸³. Кстати, к этому же времени относится деятельность еще одного Болотникова — Ивана Ивановича, дьяка¹⁸⁴.

Довольно распространенной ошибкой окончательной идентификации является стремление отождествить изучаемое лицо с наиболее значительным или известным историческим деятелем из числа возможных кандида-

¹⁸¹ Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1955 г. М., 1958. С. 8 (разрядка моя. — И. Д.).

¹⁸² Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 10.

¹⁸³ Подробнее см.: Иванов Ю.А. Ошибка историка-краеведа // Советские архивы. 1982. № 6. С. 56–57.

¹⁸⁴ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие. С. 61–62.

тур. Еще раз обратимся к примеру с атрибуцией приписок и исправлений в заключительном томе Лицевого свода. По мнению Д.Н. Альшица, всем признакам, которыми обладал редактор, отвечал только один человек — сам Иван Грозный. Кроме соображений общего порядка этот вывод подкреплялся сходством между приписками к Лицевому своду и посланиями Грозного к Андрею Курбскому: «Изложение часто совпадает дословно, а там, где нет дословного сходства, ясно видны одни и те же краски, одни и те же мысли, одни и те же образы, одни и те же выводы». Правда, это заключение не могло не прийти в противоречие с принятой Д.Н. Альшицем версией о двух редакциях заключительного тома Лицевого свода и их датами.

То, что в «Царственной книге» не были упомянуты высмеянные Курбским два примера боярских бесчинств в период малолетства Ивана Грозного, свидетельствовало о том, что царю в момент второго редактирования должно уже было быть известно содержание «Краткого отвещения» Курбского «на зело широкую епистолию великого князя Московского». Между тем написано «отвещение» позднее установленной исследователем даты редактирования «Царственной книги». Поэтому ему пришлось усложнять свои выводы рассуждениями о том, что царь знал содержание ответного письма Курбского еще до того, как оно было официально послано ему.

Вместе с тем была выявлена прямая взаимосвязь между посланием Грозного к Курбскому и приписками как к Синодальному списку, так и «Царственной книге». Вывод о повторном редактировании Свода повлек за собой следующее неверное заключение: автор приписок и послания к Курбскому — одно и то же лицо. Иначе, по мнению Д.Н. Альшица, пришлось бы предположить, что Грозный списывал текст у редактора Синодального списка, а тот, в свою очередь, редактируя «Царственную книгу», — у самого Ивана Грозного. Правда, был и еще один вариант, не рассмотренный Д.Н. Альшицем: Грозный в ответе Курбскому и редактор Синодального списка могли пользоваться каким-либо общим, независимым от них источником (как оно, скорее всего, и было на самом деле).

Ошибочно и мнение Д.Н. Альшица о стилистическом и языковом тождестве приписок к Лицевому своду и посланий Ивана Грозного. Как доказал Б.М. Клосс, эти источники написаны людьми с различной, хотя и близкой литературной манерой, использующими в аналогичных ситуациях различную лексику и т.п. Они дают несовпадающие (иногда в мелочах — что очень показательно) характеристики и оценки людям и событиям. Все это заставило Б.М. Клосса отказаться от общепринятого в то время мнения о том, что Лицевой свод непосредственно редактировался Иваном Грозным. Исполнителем воли и указаний царя был, скорее всего, какой-то монах Чудовского монастыря, что подтверждается, в частности, рядом оценок политических

заставителей, пришедших к власти осенью 1575 г. и подвергших репрессиям Чудов монастырь¹⁸⁵.

Как уже отмечалось, идентификация со второстепенной личностью обычно бывает менее ошибочной, чем с «генералом».

В заключение рассмотрим еще один пример идентификации исторического лица, основанной на комплексе разнообразных вещественных и письменных источников. Речь идет о человеке, жившем и, вероятно, владевшем усадьбой «А» Троицкого раскопа в Новгороде во второй половине XII — начале XIII в. Характер находок, сделанных на территории усадьбы, позволил археологам вполне определенно утверждать, что в указанный период в усадьбе жил священник (или несколько сменявших друг друга священников). Принадлежность усадьбы священникам подтвердило и содержание найденных здесь берестяных грамот, относящихся в основном к 1172–1209 гг. 17 из 29 обнаруженных на территории усадьбы «А» грамот ограничиваются лишь перечислением имен (преимущественно женских), что позволяет определить их как церковные поминания, составленные призывами тех священников, которые здесь жили. Анализ имен, вписанных в эти поминания, и сопоставление их с летописными данными позволяют установить, что, судя по всему, священник, живший в усадьбе «А» в конце XII — начале XIII в., был связан с новгородским Варвариным монастырем. Поскольку черницы монастыря относились к нему как к своему духовнику, Б.П. Янин высказал предположение, что идентифицируемый священствовавший в монастырском соборе.

Мастерская живописца, обнаруженная в северо-восточном углу усадьбы «А» и относящаяся к 1196–1209 гг., позволила предположить, что работавший в ней художник и священник, проживавший в усадьбе, — одно и то же лицо. В двух грамотах из усадьбы «А», датируемых интересующим нас временем, речь идет о заказе на изготовление неким Олисеем Гречином храмовых икон. Следовательно, адресат их проживал в усадьбе. Художник Олисей Гречин скорее всего тождествен художнику-священнику, жившему в усадьбе в конце XII — начале XIII в.

Еще одна грамота, адресованная Олисею (№ 502), связана с судебным разбирательством. Из нее следует, что Олисей Гречин был членом суда. Поскольку в Новгороде в рассматриваемое время существовал только смесной суд князя и посадника, в который могли входить лишь лица, принадлежавшие к светской или духовной верхушке, Олисей Гречин должен был относиться к числу высших духовных иерархов Новгорода. Высокое положение Олисея характеризует его, скорее всего, как хозяина усадьбы «А».

¹⁸⁵ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. С. 252–265.

Таким образом, перед нами вырисовывается фигура Олисея Гречина — художника, занимающего высокое положение, члена смешного новгородского суда, хозяина усадьбы, священника, связанного с Варвариным монастырем Людина конца и, возможно, священствовавшего в монастырском соборе. Все это дало основания В.Л. Янину предположительно атрибутировать Олисею ряд погибших фресок Спасской Нередицкой церкви в Новгороде и общее руководство по ее росписи¹⁸⁶.

***

В случае, если уникальная информация источника не проходит проверки на вероятность, она не может использоваться для научной реконструкции исторического события. Однако это не избавляет историка от необходимости объяснить, что заставило автора источника вносить заведомо недостоверные сведения в свое описание.

Одной из причин может стать стремление изменить акценты, либо просто вставить тексты, которые оправдывали или, напротив, осуждали бы тех или иных участников события. Для выяснения этих причин следует обратиться к истории текста, выяснению обстоятельств его появления и соотнесения его с теми условиями, в которых он был создан¹⁸⁷.

Другой причиной появления недостоверной уникальной информации о событии может стать изменение отношения к происходившему когда-то. При этом уникальные сведения, не находящие подтверждения с точки зрения «здорового смысла», скорее всего отсылают читателя к иным, чаще всего сакральным, текстам. Тем самым на неявном для современного исследователя уровне описание события приобретает символический характер, который становится понятным при обнаружении скрытых цитат и их «памяти контекста»¹⁸⁸.

Итак, только после тщательной проверки уникальная ретроспективная информация исторического источника может использоваться в конкретно-исторических построениях. При этом обязательно следует указывать, из какого именно источника эти сведения получены, а также то, что точно неизвестно, было ли это на самом деле.

¹⁸⁶ Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1951.

¹⁸⁷ См.: Экскурс 13. Казус Сергия Радонежского.

¹⁸⁸ См.: Экскурс 12. Казус Куликовской битвы.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В НАУЧНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОШЛОГО (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

На этом, собственно, завершается историко-текстологическое исследование. Результаты, полученные в его ходе, становятся основанием для создания научных реконструкций прошлого.

Итак, текстологический анализ исторического источника является обязательным предварительным условием работы с ретроспективной информацией, которую историк использует в научных реконструкциях прошлого. Роль текстологии в историческом исследовании определяется, прежде всего, тем, что она дает возможность:

- во-первых, доказать, что данный текст может использоваться в качестве источника информации для изучения события (или ряда событий), которое изучает историк;
- во-вторых, вычленив из этого текста повторяющуюся информацию (прямые и косвенные цитаты из других текстов) и профессионально обработать ее;
- в-третьих, оставшуюся ретроспективную информацию разделить на верифицируемую и уникальную, а затем проверить ее.

Обработанный таким образом текст на следующем этапе исследования становится основой научной исторической реконструкции, которая, в свою очередь, изучается историком как более или менее адекватное описание прошлого.

Совпадающую ретроспективную информацию двух и более независимых друг от друга источников, не имеющих к тому же общего происхождения от того или иного текста, не связанного с событиями, изучаемыми в данном случае, следует признать проверенной (верифицированной) и поэтому заслуживающей доверия. Именно она должна составлять основу научной реконструкции прошлого¹.

На заключительном этапе выявления верифицируемой ретроспективной информации желательно ее еще раз проверить на внутреннюю непротиворечивость и соответствие общим условиям, историческому контексту совершения события. В случае неуверенности ее следует повторно сопоставить с другими текстами. Порой, казалось бы, самые «реалистичные» и не вызывающие сомнения детали при этом могут оказаться скрытыми ци-

---

¹ См.: Экскурс 11. Казус Ледового побоища.

татами из предшествующих текстов, которые не удалось выявить на стадии установления повторяющейся информации.

Это, однако, не может отменить базового положения: **только верифицируемая информация может быть надежной основой научной исторической реконструкции.**

Эта основа дополняется сведениями, которые относятся к разряду уникальной ретроспективной информации, прошедшей самую тщательную проверку. Основным отличием таких сведений от верифицируемой информации является более низкая степень ее вероятности. Поэтому **при использовании уникальных сведений в реконструкции событий историк, стремящийся к максимально достоверному результату, должен обязательно пометать ее** (подобно тому как реставраторы помечают восстановленные детали своих реконструкций, чтобы отличить их от тех частей реконструируемых объектов, которые реально сохранились). Представляется, что было бы целесообразно в таких случаях прямо указывать, что **так могло быть** (но было ли на самом деле, неизвестно). При этом следует **обязательно давать ссылку на источник, такую информацию сохранивший.**

Наконец, обработанная надлежащим образом повторяющаяся ретроспективная информация источника дает историку **незаменимый материал, для того чтобы правильно понять автора, выяснить, как тот (и его «актуальные» читатели, на которых был рассчитан текст) оценивал и характеризовал то или иное событие, явление, личность.**

Исследователь должен ясно осознавать, что его «картина мира» и представления, которые зафиксированы в исследуемых текстах, не совпадают. Это первый и необходимый шаг к преодолению культурно-исторической дистанции, которая всегда разделяет автора источника и современного исследователя. Верно понять семантику образов, дошедших из прошлого возможно, но лишь в том случае, если нам удастся найти тексты, которые в явном виде раскрывают смыслы, скрытые в источниках. От точности найденных связей непосредственно зависят результаты сопоставлений и соответственно, степень научности реконструкций идей, которые были заложены в основу тех или иных носителей ретроспективной информации их создателями. Интуитивные озарения, конечно, могут помочь — и порой помогают, — но могут и вводить в заблуждение. Чтобы догадка превратилась в научную гипотезу, необходимы доказательства, приведенные в некую систему. Некорректность в обосновании догадки, невнимание к «мелочам», к «деталям», в лучшем случае заставляют сомневаться в исходной идее, в худшем — дискредитируют ее в глазах специалистов² (как

² См.: Экскурс 14. Казус Опричного дворца Ивана Грозного.

то, скажем, произошло с мыслью о присутствии «библейско-агадического элемента» в произведениях древнерусской литературы, высказанной Барановым, — и, в силу небрежности ее обоснования, на много десятилетий «забывшей» изучение библеизмов в источниках Древней Руси).

Только при соблюдении перечисленных условий все детали создаваемой историком реконструкции получают достаточные основания, максимальной степени приближают исследователя к тому прошлому, а которое направлена его познавательная деятельность. Только точное становление связей между текстами источников может стать залогом верификации выводов, к которым пришел историк.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЭКСКУРС 1. КАЗУС ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ «ПЛЕМЕННЫХ СОЮЗОВ»

Практически любое историко-географическое построение, касающееся ранней истории восточных славян, опирается на текст «Повести временных лет», следующий за рассказом о разделении после Потопа земли между сыновьями Ноя и расселении славян: «...Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зане сѣдоша в лѣсѣх; а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи; инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новѣгородъ. А друзии сѣдоша по Деснѣ, и по Сѣми, по Сулѣ, и нарекошася Сѣверь»¹. При этом, как правило, не подвергается сомнению, что перед нами — достоверное свидетельство. Но так ли это?

Традиционно летописное сообщение рассматривается как точное указание на то, где обосновались те или иные «племена»² (или, согласно другой точке зрения, «племенные союзы»³) восточных славян. Так, в фундаментальном труде украинских историков «История Украины», в полном соответствии с летописным текстом, указывается: «Племя полян заселяло Киевщину и Каневщину на Днепровском Правобережье, древлян — Восточную Волинь, северян — Днепровское Левобережье. Кроме них на территории современной Украины проживали уличи (Южное Поднепровье и Побужье), хорваты (Прикарпатье и Закарпатье), а также воляняне, или, как их еще называли, бужане (Западная Волинь)»⁴. Другими словами, автор приведенного текста полагает, что летописные поляне, древляне, северяне,

---

¹ Лаврентьевская летопись. Стб. 6.

² См., например: *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины: с древнейших времен до второй половины XIV века. СПб., 2002. С. 7–14; *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. СПб., 2006. С. 32–34; *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2004. С. 166–172; и мн. др.

³ «Племена» «Повести временных лет» — это не небольшие племенные коллективы, а крупные объединения, союзы племен, занимавшие значительные территории и имевшие относительно высокий уровень этнической общности» (*Толочко П.П.* Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб., 2005. С. 66).

⁴ История Украины: научно-популярные очерки / под ред. В.А. Смолия. М., 2008. С. 47.

корваты и воляняне (бужане) — реально существовавшие племена общности восточных славян.

Более осторожнее подходит к использованию летописного сообщения П.П. Толочко. Он совершенно справедливо отмечает: «Если бы мы попытались представить этническую картину восточного славянства накануне образования в них государства как сформированную основу трех нынешних народов — украинского, русского и белорусского (как это имеет место в некоторых новейших работах, преимущественно украинских авторов), то реалистического мы бы не получили. На территории, где сформировался украинский народ, в VII–IX вв. было фактически три группы племен, различавшихся своим субстратным этническим компонентом, и какую из них считать прайукраинской, сказать сложно»⁵. При этом специально подчеркивается, что перечисленные «племена» занимали территорию не только современной Украины, но также России (северяне, кривичи) и Беларуси (древляне, волыняне и кривичи), Польши, Словакии и Венгрии (корваты). Причем, судя по антропологическим и археологическим материалам, в этногенетических процессах, происходивших в то время в Восточной Европе, принимали участие не только восточные славяне, но и их западные родственники, а также балты, финны (в западном и северо-западном регионах), скандинавы и тюркоязычные племена (на юге и юго-западе)⁶.

Так что представляется весьма опасным безусловно доверять единственному известию «Повести временных лет» о том, какие «племена» составляли восточнославянскую общность. Опасения усугубляются, если вспомнить, что по мнению А.А. Шахматова, опиравшегося на разночтения Новгородской I и Лаврентьевской летописей, оно появилось только собственно в «Повести», но отсутствовало как в «Древнейшем своде», так и в «Начальном своде»⁷. Очевидно, данное предание было записано спустя несколько столетий устного бытования. Сведения об этих «племенах» вообще прерываются на событиях, произошедших задолго до того, как они попали в летопись. Так, последнее упоминание полян датировано 942 (944) г.⁸, древлян — 6485 (977)⁹, северян — 6532 (1024)¹⁰, уличей —

⁵ Очерки истории Украины / под общ. ред. П.П. Толочко. К., 2010. С. 60.

⁶ Там же. С. 59.

⁷ Шахматов А.А. Повесть временных лет // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2003. С. 587–594.

⁸ «В лѣто 6452. Игорь же, совокупивъ вои мнози: Варяги, Русь и Поляны, Словѣни и Кривичи и Тѣверьцѣ, и Печенѣги на я и тали у нихъ поя, поиде на Греки въ лодяхъ и на конихъ, хотя събити себе» (Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 45).

⁹ «И въшедь Ярополкъ въ градъ Ольговъ, перея власть его. И посла искать брата своего. И искавши, его не обрѣтоша. И рече единъ Деревлянинъ: “Азъ видѣхъ, яко вчера спехнуша сѣверяне”» (Лаврентьевская летопись. Стб. 74–75).

¹⁰ «Мъстиславъ же с вечера исполчивъ дружину. И постави Сѣверъ в чело, противу Ярополку... И сступиша чело Сѣверъ съ Варягы, и трудишася Варязи, секуще Сѣверъ... Мъстис-

6393 (885)¹¹, хорватов — 6500 (992) г.¹², а волыняне (бужане) вообще отсутствуют в датированной части «Повести временных лет»¹³. К тому же следует помнить, что все упомянутые даты сугубо условны, поскольку они были проставлены «задним числом», на рубеже 60-х — 70-х годов. XI в. Так что вся информация об этих «племенах» носит легендарный характер. Соответственно, установить, насколько точна в летописи их локализация на карте Восточной Европы, трудно (если вообще возможно).

Столь же сомнителен и рассказ об обычаях этих «племен». Обычно историки опираются на следующее сообщение «Повести временных лет»: «Поляномъ же жиущемъ особѣ... суще от рода Словѣнска, и нарекошася Поляне, а Древляне же от Словѣнъ же, и нарекошася Древляне; Радимичи бо и Вятичи от Ляховъ. Бяста бо 2 брата в Лясѣх: Радимъ, а другому Вятко, — и пришедъша, сѣдоста Радимъ на Съжю, и прозвашася Радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, от негоже прозвашася Вятичи. Иже бяху в мирѣ Поляне, и Деревляне, и Сѣверъ, и Радимичъ, и Вятичи, и Хрвате. Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне Велыняне, а Улучи Тиверьци сѣдяху бо по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви. Бѣ множество ихъ; сѣдяху бо по Днѣстру или до моря. И суть гради их и до сего дѣне. Да то ся зваху от Грекъ Великая Скуфь. Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, кождо свои нравъ. Поляне бо своих отецъ обычаи имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнне къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и к родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнне имѣху; брачныи обычаи имяху: не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завѣтра приношаху по неи что вдадуче. А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, жиуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху уводы девицы. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычаи имяху: живяху в лѣсѣ, якоже и всякии звѣрь, ядуще все нечисто, и срамословье в нихъ предъ отъци и предъ снохами, и браци не бываху въ нихъ, и игрища межю селы: схожахуся на игрища на плясанье и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. И аще кто умряше, творяху трызно надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложашуть и на кладу, мертвеца сожъжаху, и посемь, собравше кости, вложашу в судину малу, и поставяху

лавъ же о светѣ заутра видѣвъ лежачиѣ сѣчены от своихъ Сѣверъ и Варягы Ярославль и рече: “Кто сему не радъ: се лежить Сѣверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя цѣла”» (Лаврентьевская летопись. Стб. 148–149).

¹¹ «В лѣто 6393. Посла къ Радимичемъ, рѣка: “Камо дань даете?” Они же рѣша: “Козаромъ” И рече имъ Олегъ: “Не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте”» (Лаврентьевская летопись. Стб. 24).

¹² «В лѣто 6500. Иде Володимиръ на Хорваты. Пришедшю бо ему с воины Хорватскыя, и се Печенѣзи придоша» (Лаврентьевская летопись. Стб. 122).

¹³ «Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же Велыняне... Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне Велыняне» (Лаврентьевская летопись. Стб. 11, 12).

и толпе на путех, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кри-
сти и прочии погани, не ведуще закона Божия, но творяще сами собѣ
законъ. Поголеть Георгии в летописаньи... [далее в «Повести временных
лет» следует обширная цитата из Хроники Георгия Амартола об обычаях
разных народов]. Якоже се и при насъ нынѣ Половци законъ держать отецъ
своихъ: кровь проливати, а хваляще о сих, и ядуше мерьтвечину и всю не-
чистоту: хомѣки и сусолы, и понимаютъ мачехи своя и ятрови, и ины обы-
чаи отецъ своихъ творять. Мы же хрестияне, елико земля, иже вѣрують въ
святую Троицу, и въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имамъ единъ,
яко во Христа крестихомся и во Христа облекхомся»¹⁴.

Однако здесь внимание летописца сконцентрировано на противопоставлении не столько полян и их соседей (как обычно отмечается комментаторами), сколько языческих («поганных») традиций восточных славян имеющих «обычаи свои, и закон отец своих»), с одной стороны, и веры в Христа, христианских норм, — с другой. Отсюда, видимо, здесь такое обилие рассказов о тех, кто «имяху бо обычаи свои, и закон отец своих и преда-
ху кождо свои нравъ», «своих отецъ обычаи имуть кротокъ и тихъ», «закон имать отецъ своихъ обычаи», «закон же... от прадед показаньемъ и благочестьемъ», «безаконная яко законъ отецъ творять независисто ни въздержанья». «якоже се и при насъ ныне... закон держать отецъ своих». «Язычникам» противопоставляются «хрестияне, елико земля, иже верують въ святую Троицу, и въ едино крещенье, в едину веру» «мы», которые «законъ имамъ единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекхомся».

Трудно сказать, насколько точен летописец в описании языческих обычаев восточных славян и их соседей. Тем более что в предшествующем Начальном своде, как считал А.А. Шахматов, дело вообще ограничивалось законичным упоминанием, будто поляне «бяху... погани, “жъруще озеромъ и кладяземъ и рощениемъ”¹⁵, якоже прочии погани»¹⁶, т.е. вообще никакие обычаи не описывались. Откуда были почерпнуты все детали, касающиеся пищи, браков, «срамословья», погребения и прочих «особенностей» того или иного «племени», остается только догадываться. При этом, естественно, нельзя исключать, что перед нами действительно упоминания неких дохристианских традиций, сохранившихся в том или ином регионе.

Во всяком случае, летописные свидетельства о расселении и обычаях племен, живших на территории Восточной Европы, крайне приблизительны. Единственным надежным источником по этим вопросам являются археологические материалы. К собственно восточнославянским относят

¹⁴ Лаврентьевская летопись. Стб. 12–16.

¹⁵ По мнению А.А. Шахматова, вставка из Речи Философа.

¹⁶ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2002. С. 359.

находки, связанные в V–VII вв. с так называемыми корчакской (Житомирская область) и пеньковской (лесостепная зона от Северского Донца до Правобережья Днестра, включая Среднее Поднепровье, бассейн Южного Буга и Среднее Поднестровье) археологическими культурами, а в более поздний период (VIII–IX вв.) — с лукой-райковецкой (Среднее Поднепровье, Правобережье Днепра; традиционно идентифицируется с культурой предков волынян, дреговичей, древлян и полян) и волынцевско-роменской (Днепровское Левобережье; обычно связывается с северянами) археологическими культурами.

Однако ареалы распространения археологических культур не соответствуют летописным сведениям о территориях расселения тех или иных восточнославянских «племен». Достаточные основания для установления более или менее жестких связей между носителями конкретной археологической культуры и «племенем» отсутствуют. Из этого может следовать только одно логичное умозаключение: летописные упоминания о более или менее компактно проживающих «полянах», «северянах», «древлянах» и прочих «племенах» — скорее летописная легенда, нежели описание реальных восточнославянских сообществ. А упорное стремление опираться на столь ненадежную информацию в конкретно-исторических реконструкциях — следствие, с одной стороны, нежелания отказываться от давно сложившейся и продолжающей безраздельно бытовать историографической традиции, в основе которой лежит «наивный историзм» в работе с летописной информацией. С другой стороны, как отмечают археологи, без «летописных историко-географических ориентиров», «пользуясь только данными археологии, определить совокупность специфических проявлений культуры того или иного «племени» намного сложнее»¹⁷. Вопрос, однако, в том, существуют ли реально эти «специфические проявления культуры» в археологических источниках, либо попытки выявить их — следствие ложной исходной посылки, что они *должны быть* на той или иной конкретной территории?

Обращение к трудам археологов заставляет склониться ко второй точке зрения.

Попытки привязать археологический материал к летописным свидетельствам вряд ли можно признать удачными.

Так, А.А. Спицын, изучавший находки на территории, которую, по данным «Повести временных лет», занимали поляне, заключил, что обряд погребения и вещи, найденные там, «указывают на полную аналогию полянских курганов с одновременными волинскими и древлянскими»¹⁸. Если

¹⁷ Толочко П.П. Древнерусская народность. С. 68.

¹⁸ Спицын А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журн. Мин. нар. просв. 1899. № 8. С. 323.

† Э. Готье приписывал полянам исключительно погребения с трупосожжением¹⁹, то Б.А. Рыбаков²⁰, Е.И. Тимофеев²¹ и И.П. Русанова²², напротив, — с трупоположением в подкурганных ямах, тогда как В.В. Седов полагает, что «нельзя считать курганы с захоронениями в ямах этноопределяющим признаком полян», подобным «этноопределяющим височным украшениям кришчей, вятичей, радимичей и других племен». «Для определения границ ареала полян необходимо использовать иные особенности их курганов, — отмечает исследователь. — Такой деталью, свойственной исключительно полянским погребальным насыпям, является глиняная подмазка, на которой разжигали костер и помещали остатки трупосожжения». И тут же неожиданно добавляет: «Курганные захоронения VI–VIII вв. в ареале полян *полностью отсутствуют*. По-видимому, в то время славянское население Киевского правобережья хоронило умерших в бескурганных могильниках по обряду трупосожжения». Последнее предположение, впрочем, ничем не подкрепляется, поскольку «подобные могильники здесь до настоящего времени не найдены». Остается только догадываться, как В.В. Седову удавалось выделять полянские курганы по глиняной подмазке для костра, если полянские погребения были, по его же мнению, *грунтовыми*. Что же касается последующего периода, то для полян IX–X вв. характерны были как кремация, так и ингумация²³. Таким образом, оказывается, что для полян трупосожжение вообще не может являться определяющим признаком.

Так что прав П.П. Толочко, обобщивший результаты многолетних попыток установления корреляции между конкретным археологическим материалом и летописными свидетельствами о полянах и вынужденный в конце концов признать «особенные трудности» в определении «этноопределяющих материальных черт материальной культуры полян». Впрочем, продолжает историк, «аналогичные трудности возникают перед исследователями при определении археологической специфики ряда других регионов». Оказывается, однако, что «даже такой универсальный этноопредетитель, как височные кольца, и тот не всегда гарантирует правильность распределения “племенной” принадлежности территории. На его основании очень сложно размежевать хорватов и тиверцев, волынян и древлян, древлян и дреговичей»²⁴. Стоит отметить и то, что, скажем, «характерные для

¹⁹ Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930. С. 239–240.

²⁰ Рыбаков Б.А. Поляне и северяне // Советская этнография. 1947. № 6–7. С. 95–105.

²¹ Тимофеев Е.И. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X–XIII вв. // Советская археология. 1961. № 3. С. 67–72.

²² Русанова И.П. Курганы полян X–XII вв. // Свод археологических источников. М., 1966. Вып. Е1–24.

²³ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 107–108 (курсив мой. — И. Д.).

²⁴ Толочко П.П. Древнерусская народность. С. 68–69.

вятичей семилопастные височные кольца» датируются XII–XIV вв.²⁵, временем, которое на несколько столетий отстоит как от «вятичей», упоминаемых летописцем, так и от времени создания самой «Повести временных лет». Причем если для владельцев семилопастных колец были характерны погребения с труположением, то для летописных «вятичей» — с трупосожжением (хотя и не по тому обряду, который описан летописцем)²⁶. Так что и такой специфичный, по мнению В.В. Седова, «этноопределитель», как височные кольца, на поверку оказывается не вполне надежным.

Оказывается, археологические культуры, которые в рамках существующей традиции должны принадлежать одному и тому же «племени», на самом деле неодинаковы. Так, скажем, материальные источники, оставленные полоцкими и псковскими «кривичами», различны. Зато на этой же, «кривичской», территории они местами «бытуют вперемешку с радимичскими курганными древностями»²⁷, а по всему периметру летописного «расселения» дреговичей археологические находки, приписываемые им, перемежаются «кривичскими», «радимичскими» и «словенскими» (на севере)²⁸ «древлянскими» (на юге) и «полянскими» (в междуречье Днепра и Припяти) древностями. В то же время «дреговичские» материалы оказываются на «древлянской» территории. «Волынские» земли были населены носителями сразу двух археологических культур: корчакской и луки-райковецкой²⁹, а «северянские» — носителями роменской, боршевской и волынцевской археологических культур³⁰. Наконец, здесь же, среди археологических культур, связанных, как считает подавляющее большинство исследователей, с восточными славянами, прослеживаются следы расселения и неславянских племен: балтских и финно-угорских. Кстати, как отмечает В.В. Седов, «племенное название северян (в летописи часто “север”) по происхождению явно неславянское. Наиболее вероятным представляется мнение об иранском происхождении этого этнонима... По-видимому, северянами первоначально именовалась племенная группа ираноязычного населения, обитавшая в днепровском лесостепном левобережье»³¹.

Поэтому весьма убедительно выглядит следующее заключение: «Ни на региональном, ни на общевосточнославянском уровне этноконсолидационные процессы этого времени не обрели четких и завершенных форм. Летописные “племена” не представляли собой вполне определившихся эт-

²⁵ Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930. С. 49–55, 136–137.

²⁶ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. С. 143–148.

²⁷ Толочко П.П. Древнерусская народность. С. 70.

²⁸ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. С. 116.

²⁹ Толочко П.П. Древнерусская народность. С. 69–70, 72, 77.

³⁰ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. С. 133–138.

³¹ Там же. С. 138.

территориальных и социальных образований. Этого нельзя сказать даже о группах племен, культурные особенности которых были едва различимы, а границы достаточно размыты и подвижны <...>. Практически ни одно «племя» не вписывается в позднейшую этнотерриториальную структуру»³². Тем не менее и историки, и археологи продолжают с завидным упорством опираться на летописные рассказы о расселении восточнославянских «племен».

Ситуация усугубляется еще и тем, что большинство упоминаемых в древнерусском летописании «племен» оказывается связанным не только с восточными славянами.

Еще в середине позапрошлого века П.И. Шафарик обратил внимание на то, что упоминаемые в «Повести временных лет» названия восточнославянских племен имеют параллели у других славянских народов: «Так, в этот период встречаем мы Славянских народов, называющихся одним и тем же именем, в разных, довольно отдаленных, краях, напр. Полян на Висле и Днепре, Славян на Ильмене, под Татрами, в Мизии, и Хорутании, Бодричей на Одре, верхней Тисе и нижнем Дунае, Хорватов в Галиции, Кърковцах, Германии, Хорутании и Далматии, Древлян на Руси и Лабе, Дулебов на Руси, в Чехии и Панонии, Дреговичей на Руси и Македонии и т.д. Судя по тождеству их названий, можно полагать, что они были одного и того же рода; но в самом ли деле были, этого, по недостатку в исторических свидетельствах и памятниках языка, нельзя никак утверждать, потому что очень возможно, что многие из этих названий, как местные, напр. Древляне (Sylvani), Поляне (Campani), Хърваты (Montani), и др., кажутся только случайно сходными»³³.

Это замечание было развито М.П. Погодиным, который писал: «В сочинении Шафарика вы найдете комментарии на слова Несторовы, и увидите, что многие племена наши, по крайней мере своими именами, представляют единство с племенами, рассеянными в прочих частях Европы; наши имена встречаются там, или тамошние у нас: *Словене* на Ильмене, и в Словении, близ Адриатического моря. *Хорваты* в Галиции и в области Краковской, в Исполинских горах, в Полабье, в Штирии и Иллирии. *Дреговичи* между Припетью и Западной Двиной, и в Булгарии, в Германии. *Дулебы* по Бугу и в Чехии, Паннонии. *Древляне* в Волинии и Полабье. *Северяне* по Десне, Семи, Дуле и в Польше, по Дунаю. *Поляне* на Днепре и Висле. Имена сих и прочих племен встречаются также в разных собственных именах по всем Славянским странам. Рассматривая эти имена на Славянской ландкарте, ясно видишь, что было когда-то время всеобщего движения Славянских племен,

³² Толочко П.П. Древнерусская народность. С. 81.

³³ Шафарик П.И. Славянские древности. Сочинение П.И. Шафарика. Часть историческая. Т. 2. Кн. 1 / пер. с чеш. О. Бодянского. М., 1847. С. 77–78.

подобное Немецкой переставке, и невольно сравниваешь их с перетасованною колодою карт, — из коей, прибавим, все масти в обилии достались на долю России»³⁴.

К сожалению, подобным наблюдениям не придали серьезного значения, и они не получили продолжения в последующей историографии. Летописные сведения о восточнославянских «племенах» и их расположении на карте Восточной Европы подавляющим большинством исследователей воспринимаются как вполне достоверные и, как это уже было показано, кладутся в основу практически всех историко-географических построений. Между тем проблема остается. Рассмотренные выше несоответствия и параллели заставляют задуматься над тем, имеем ли мы в данном случае дело с некими реалиями (и тогда следовало бы проследить соответствия в археологических материалах, связанных с «этнонимами», повторяющимися в разных странах), либо с неким пластом общеславянских преданий отголоски которых прослеживаются в ранней письменной истории славянских народов (на что, в частности, могут указывать некоторые детали «этимологии» этих названий, приведенные летописцем). Ответ на этот вопрос требует специального исследования, без которого некритичное использование летописного сообщения о расселении восточнославянских племен представляется некорректным.

ЭКСКУРС 2. КАЗУС ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ: «СВОИ» ИЛИ «ЧУЖИЕ»?

Дата, от которой принято отсчитывать начало древнерусской государственности, неразрывно связана с именем легендарного Рюрика, который согласно начальной летописи, якобы отозвался на призыв новгородцев «княжить и володети» ими «по праву». И вот уже на протяжении двух с половиной веков ученые мужи из всех сил пытаются выяснить, откуда родом был герой легенды и какова его этническая принадлежность.

Еще в 1749 г. Г.Ф. Миллер доказывал, что Рюрик с братьями прибыл из Швеции, в то время как его оппонент М.В. Ломоносов считал их балтскими славянами. В ходе разгоревшейся впоследствии дискуссии пришедших в Новгород князей-варягов называли то скандинавами, то финнами

³⁴ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории. Изданы Императорским Московским Обществом Истории и Древностей Российских. Т. 2: Происхождение Варягов-Руси. О Славянах. М., 1846. С. 386–387 (ср.: Погодин А.Л. Из истории славянских переселений. СПб., 1901. С. 143).

то славянами — выходцами из южной Руси, то литовцами, то мадьярами, то хазарами, то готами, то грузинами, то иранцами, то яфетидами, то кельтами, то евреями...

И тут незаметно для нас возникает новая тема — куда более реальная и серьезная, чем поиски исторических корней мифического Рюрика: кем вообще были по происхождению древнерусские князья? Насколько они были «нашими», «своими»? И как происхождение князей сказывалось на развитии русских земель?

Если «воссоздание» генеалогии самого Рюрика — задача малопродуктивная, то анализ этнического происхождения правящей элиты Древнерусского государства и княжеств, возникших на его обломках, может привести к нетривиальным выводам. Естественно, речь идет не только и даже не столько об «этнографическом составе крови» (как выразился В.О. Ключевский) первых поколений древнерусских князей. Но начать надо именно с нее.

Авторы школьных учебников по истории России всегда с удовольствием и гордостью сообщают о том, как древнерусские князья выдавали своих дочерей за представителей правящих династий Западной Европы. На память, естественно, сразу приходит Анна Ярославна — «королева Франции» (тогда — Парижа с ближайшими пригородами, Иль-де-Франс). Можно также вспомнить, что сестра Анны, Елизавета, вышла замуж за короля Норвегии. Сестры их отца, Ярослава Мудрого, были выданы за норманнского маркграфа Бернгарда, за кузена венгерского короля Иштвана I Ласло Сара и за польского короля Казимира I Пяста (Добронег-Мария), а дочери Владимира Мономаха — за венгерского короля Коломана (Евфимия), за византийского царевича Леона (Мария) и за венгерского короля Белу II (София). Но вот о том, кем были матери древнерусских князей, авторы учебников обычно не упоминают.

Кем же были «наши» князья по материнской линии?

Начнем с первого вполне исторического киевского князя Игоря. От его брака с Ольгой (судя по имени, скандинавкой) родился сын Святослав, одной из жен которого была некая Малуша. Была ли она славянкой, сказать трудно. Следует, однако, отметить, что ее имя совпадает с именем библейской царицы Савской — как оно дается в древнерусских переводах Библии (Малката, Малкатошва, Малка); характеристика же Малуши как рабыни-ключницы княгини Ольги, скорее всего, — результат переосмысления неверно понятых слов, якобы произнесенных Рогнедой в ответ на предложение Владимира Святославича: «Не хочу разути робичича...»³⁵, где слово

³⁵ Лаврентьевская летопись. Стб. 76.

«робичич» значило «нехристь»³⁶. Согласно летописной легенде, своего старшего сына Ярополка Святослав женил на монахини-гречанке, которую привез из балканского похода, «красоты ради лица ея»³⁷. Младший же Святославич, Владимир, имел несколько жен: летописец упоминает, в частности, Рогнеду, отец которой, полоцкий князь Рогволод «пришел и-заморья» (т.е. был скандинавом), «чехиню» и «болгарыню», а также византийскую принцессу Анну.

От первой жены у Владимира родились будущие князья полоцкий Изяслав, тмутараканский Мстислав, а также новгородский и киевский Ярослав (которого мы обычно — вслед за историками XIX в. — называем Мудрым). Все они, соответственно, по материнской линии были скандинавами. От «чехини» был рожден будущий новгородский князь Вышеслав (судя по всему, самый старший из Владимировичей), а от «болгарыни» — Борис и Глеб, которые вскоре будут убиты своим сводным братом Святополком (сыном Ярополка Святославича и монахини-гречанки), женатого, кстати, на дочери польского князя Болеслава Храброго.

В результате кровопролитной братоубийственной усобицы, начавшейся сразу после смерти Владимира, единственным правителем на Руси останется Ярослав. От брака со шведской принцессой Ириной-Ингигердой, дочерью шведского короля Олафа Шётконунга родятся все сыновья Ярослава. Старший из них, Изяслав, унаследовавший от отца новгородский и киевский престолы, женится на Гертруде, дочери польского князя Мешко II. Сменивший брата на киевском княжении Святослав Ярославич будет женат на дочери немецкого графа Леопольда фон Штаде, а младший Ярославич, Всеволод, также ставший киевским князем, — на дочери византийского императора Константина Мономаха.

Потомки Всеволода закрепятся на киевском престоле. Владимир Мономах женится на Гите, дочери англосаксонского короля Гарольда II. Их сыновья также вступят в брак с иноплеменницами: Мстислав-Гарольд — с дочерью шведского короля Инга Стейнкельса Христиной, Ярополк — с осетинской княжной Оленой, а Юрий Долгорукий и Андрей с дочерьми половецких ханов.

Сыновья Изяслава Ярославича свяжут свои судьбы: один с дочерью немецкого графа Оттона фон Орламюнде (Ярополк, князь туровский), другой — Святополк, князь киевский — сначала с половецкой хатунь, дочкой Тугорхана, а затем с представительницей византийской династии Комнинов Варварой. Сын Святополка Изяславича, волынский князь Ярослав также будет женат дважды: первый раз на дочери венгерского короля Ласло, а второй — на дочери польского короля Владислава Германа.

³⁶ Подробнее см.: Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 169.

³⁷ Лаврентьевская летопись. Стб. 75.

Святослав Ярославич женит своего сына Олега, князя черниговского, киевского и северского, сначала на византийской аристократке Феофано Физалон, а затем на половецкой хатунь, дочери хана Осулука. Внуки же его возьмут в супруги дочерей польского князя Болеслава III (Всеволод, князь черномский) и половецкого хана Аепы (князь черниговский Святослав). От последнего брака, кстати, родится главный герой «Слова о полку Игореве», который, сам будучи внуком и правнуком половецких ханов, сына своего Владимира (князя галицкого), также женит на половчанке, дочери хана Кончака...

Список жен-инозенок древнерусских князей можно продолжить. Здесь мы найдем и дочь чешского оломоуцкого князя Оттона II Евфимию (жену новгородского князя Святополка Мстиславича), и дочь хорватского князя Белуша (жену дорогобужского князя Владимира Мстиславича), и немецкую принцессу, и грузинскую царевну Русудан (жены великого князя киевского Изяслава Мстиславича), и дочь польского великого князя Болеслава III Агнешку (жену великого князя киевского Мстислава Изяславича), и дочь литовского князя Довспрунка (жену великого князя киевского Даниила Романовича), и дочь польского князя Казимира III (жену великого князя киевского Всеволода Чермного), и дочерей половецких ханов Белгука (жену великого князя киевского Рюрика Ростиславича), Тоглыя (жену новгородского князя Мстислава Давыдовича), Котяна (жену князя Мстислава Удатного) и Юрия Кончаковича (жена Ярослава Всеволодовича), и осетинскую княжну Марию (жену князя Всеволода Большое Гнездо), и грузинскую царицу Тамар (жену сына Андрея Боголюбского Юрия)...

Дело не в том, что в подавляющем большинстве древнерусские князья (если не все они) не имели восточнославянских «кровей» и уже потому были если не «чужими», то не вполне «своими».

Учет семейно-брачных связей древнерусских князей домонгольского времени существенно проясняет многие вопросы, связанные, скажем, с участием иностранных отрядов в борьбе «Рюриковичей» за престолы на севере и на юге русских земель. Становится, скажем, понятным, почему в борьбе за киевский, галицкий или волынский престолы такое активное участие принимают отряды из Польши, Венгрии, Германии, половцы. Становится ясно и то, что отношения с соседями и на Западе, и на Востоке (в частности, отношения со Степью) — это не только противостояние и постоянная борьба с внешней агрессией. Это еще и решение, так сказать, внутрисемейных вопросов.

Так, знаменитый поход новгород-северского князя Игоря Святославича, учитывая происхождение этого князя, уже не выглядит бесславной авантюрой, направленной на предотвращение половецких набегов на русские земли. Князь сам, по большей части, половец и, судя по всему, прини-

мает участие в каких-то не вполне понятных нам выяснениях отношений между различными половецкими кочевьями. Недаром к нему с таким вниманием и почетом относится Кончак (который после бегства Игоря из плена нанесет удар по княжествам, враждовавшим с Новгород-Северским).

Эти родственные связи сыграют, в частности, роковую роль в событиях на Калке в 1224 г., когда южнорусские князья, откликнувшись на призыв о помощи своих половецких родственников, потерпят сокрушительное поражение от передовых монгольских отрядов...

Однако для нас в данном случае важнее то, что иноземные «принцессы» приносили на Русь свою культуру, свои языки и обычаи. Они приезжали не одни, а с двором (пусть небольшим). Христианки прибывали ко дворам своих супругов со своими духовниками (на этот счет есть важное свидетельство Титмара Мерзебургского, что дочь Болеслава Храброго приехала в Туров со своим духовным отцом, колобжегским епископом Рейнберном³⁸). Священники же, очевидно, привозили с собой книги.

До сих пор практически даже не поставлен вопрос о том, на каком языке (точнее, на каких языках) разговаривали при княжеских дворах. Владимир Мономах писал, что его отец, Всеволод Ярославич, «отец мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ, въ томъ бо честь есть от инѣхъ земель»³⁹. Пять языков (ученые, кстати, до сих пор спорят, что это были за языки: обычно называют латинский, немецкий, венгерский, половецкий, литовский. торческий, косожский, абезский, «скандинавский», язык волжских болгар и др.; единственно, в чем сходятся все, — Всеволод, безусловно, владел греческим языком) — это, конечно, много. Но, судя по матримониальным связям, каждый князь должен был достаточно свободно владеть не меньше чем тремя языками: чтобы беседовать со своей матерью (у которой он воспитывался лет до 6-8), отцом, женой и подданными. Древнерусский язык должен был, судя по всему, выполнять функции языка-посредника, языка межнационального общения в окружении князя.

Следует ли после этого удивляться довольно обширным познаниям древнерусских книжников в области античной и даже древнеегипетской мифологии, включению в круг их чтения не только греческих хроник, иудейских апокрифов, но и «Повести о Варлааме и Иоасафе», представляющей собой христианизированный вариант истории Гаутамы-Будды, или переводы с арабского или с сирийского языка ассиро-вавилонской повести VII в. до н.э. об Акире Премудром?

Показательно, что знаменитое Поучение Владимира Мономаха обнаруживает близость к западноевропейским наставлениям детям, к творени-

³⁸ Титмар Мерзебургский. Хроника: в 8 кн. Изд. 2-е, испр. М., 2009. С. 162.

³⁹ Лаврентьевская летопись. Стб. 246.

отцов церкви (в частности, Василия Великого), поучениям из «Пролога», произведениям византийской, латинской и англосаксонской литературы⁴⁰. По мнению В.В. Данилова, князь косвенно использует в Поучении трактат нехристианского римского автора III в. Минуция Феликса «Октавий»⁴¹.

Рассказ о четвертой мести Ольги в «Повести временных лет» (о том, как по приказу княгини была сожжена столица древлян Искоростень с поимкой птиц, к которым был привязан горящий трут) находит параллели не только в скандинавской Саге о Харальде Суровом, но и в уэльском романе «*Eut Tysilio*», восходящем к «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского, а также у Саксона Грамматика, который приводит два рассказа «о взятии города по искоростенскому способу» датским эпическим героем Хаддингом: в Восточной Европе (где-то на Западной Двине) и в Ирландии⁴². Почти такие же рассказы содержит ближневосточное предание об Александре Македонском и об эмире багдадском ибн Хосрове, записанное армянским историком XI в. Стефаном Таронским (Асохик). Причем, по мнению В.Г. Васильевского, «все это рассказывалось в Армении современно с пребыванием там и вблизи русского корпуса, почти современно с зимовками Варягов в Халдии, и тогда мы будем, по всей вероятности, гораздо ближе к родословной Гаральдовых птиц и Ольгиных воробьев и голубей»⁴³.

Есть основания утверждать, что на Руси делались (хотя бы в исключительном порядке) переводы с латинского и древнееврейского. Разыскания А.А. Гогешвили, проводившиеся в последнее десятилетие XX в., позволяют предположительно говорить о том, что древнерусским авторам домонгольского времени были в подлинниках знакомы многие произведения античной литературы и западноевропейский рыцарский роман, откуда они заимствовали не только отдельные образы и тропы, но и поэтическую технику⁴⁴. Существовали также культурно-литературные контакты и со странами Ближнего Востока.

И не последнюю очередь в обеспечении столь широкого контекста, в котором формировалась древнерусская культура, играли матримониаль-

⁴⁰ Лихачев Д.С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1980. С. 153. Ср.: Алексеев М.П. Англосаксонская параллель к «Поучению» Владимира Мономаха // ТОДРЛ. Т. 2. М.; Л., 1935. С. 39–80; Будовниц И.У. «Изборник» Святослава 1076 года и «Поучение» Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли // ТОДРЛ. Т. 10. М.; Л., 1954. С. 44–75.

⁴¹ Данилов В.В. «Октавий» Минуция Феликса и «Поучение» Владимира Мономаха // ТОДРЛ. Т. 5. М.; Л., 1947. С. 97–107.

⁴² Рыдзевская Е.А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв.: матер. и исслед. М., 1978. С. 200.

⁴³ Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Васильевский В.Г. Труды. Т. 1. СПб., 1908. С. 235.

⁴⁴ Гогешвили А.А. Акростих в «Слове о полку Игореве» и других памятниках русской письменности XI–XIII веков. М., 1991; Гогешвили А.А. Три источника «Слова о полку Игореве»: Исследование. М., 1999.

ные связи древнерусских князей. Оставаясь для основной массы населения Руси чужими (иноземное имя легендарного Рюрика — лучшее тому подтверждение), они, сами того не подозревая, закладывали фундамент древнерусской культуры.

Во всяком случае, учет материнской линии в родословных древнерусских князей может внести новые, порой неожиданные, ноты в понимание культурной истории нашей страны домонгольского времени.

ЭКСКУРС 3. КАЗУС СВЯТОПОЛКА ОКАЯННОГО

Создание и анализ генетического досье позволяет не только проследить историю источника, но и понять логику развития содержания сообщения, выявить основные идеи текста.

В качестве примера рассмотрим генетическое досье небольшого летописного фрагмента из «Повести временных лет» и связанных с ним текстов описывающих бегство Святополка Окаянного после битвы на Альте.

В 1019 г. (если следовать летописной хронологии) завершилась кровавая распря между наследниками Владимира Святославича. В ходе ее были убиты братья Ярослава Владимировича, свв. Борис и Глеб. В сражении с Ярославом только что потерпел поражение их убийца, Святополк Окаянный. Он бежит с поля боя.

Вот как описывает это автор «Повести временных лет»: «К вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа. И бѣжащю ему, нападе на нь бѣс, и раслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти на кони, и несяхуть и на носилѣхъ. Принесоша и къ Берестю, бѣгающе с нимъ. Онъ же глаголаше: “Побѣгнѣте со мною, женуть по насъ”. Отроки же его всылаху противу: “Еда кто женеть по насъ?” И не бѣ никогоже вслѣдъ гонящаго, и бѣжаху с нимъ. Онъ же в немощи лежа и въсхопивъся глаголаше: “Осе женуть, о женуть, побѣгнѣте”. не можаше терпѣти на едином мѣстѣ. И пробѣжа Лядскую землю, гонимъ Божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свои в томъ мѣсте. Его же по правдѣ, яко неправедну, суду нашедшу на нь, по отшествии сего свѣта прияша муки оканьнаго. Показоваше явѣ посланая пагубная рана в смерть немилостивно вогна. И по смерти вѣчно мучимъ есть связанъ. Есть же могила его в пустыни и до сего дне. Исходить же от нея смядъ золь»⁴⁵.

Это — итоговый текст, результат развития некоей идеи, системы образов, которую несколько поколений летописцев пытались (насколько это

⁴⁵ Лаврентьевская летопись. Стб. 144–145.

это им доступно) корректно выразить в вербальной форме. Можно ли проследить некоторые (желательно, основные) стадии развития этого образа? Для ответа на данный вопрос следует обратиться к реконструкциям ранних этапов древнерусского летописания. В основе их лежат текстологические исследования, проводившиеся в прошлом веке и опирающиеся на реально существующие тексты.

Наиболее ранней формой анализируемого образа является, видимо, текст, сохранившийся в составе Новгородской I летописи старшего извода. Начальный свод, по определению А.А. Шахматова, либо первая редакция «Повести временных лет», по определению М.Х. Алешковского). Там это описание крайне лапидарно: «И бѣжа Святопѣлк въ Печѣнѣгы, а Ярослав иде къ Киеву»⁴⁶.

В чуть более поздней редакции (Новгородская I летопись младшего извода) появляются новые детали: «И бѣжа Святополк в Печенѣгы, и бысть жежи Чахы и Ляхы, никим же гоним, пропаде оканныи, и тако злѣ живот зли сконча; яже дым и до сего дни есть, а Ярослав иде къ Киеву»⁴⁷.

Развернутое описание бегства Святополка появилось, видимо, только пером составителя житийного «Сказания и страсти и похвалы святому мученику Бориса и Глеба»: «И уже къ вечеру одолѣ Ярослав, а съ оканныи и Святопѣлк побѣже; и нападе на нь бѣс, и раслабѣша кости его, яко не могли ни на кони сѣдѣти; и несяхуть его на носилѣх. И прибѣгоша Берестию съ нимъ. Он же рече: “Побѣгнѣте, осе женуть по нас!” И посылахуть противу, и не бѣ ни гонящаа, ни женущааго въ слѣд его. И лежа въ немощи, възхопив ся, глаголааше: “Побѣгнѣмы еще: женуть! Ох мнѣ!” И не можааще тѣрпѣти на единомъ мѣстѣ. И пробѣже Лядску землю, гоним гнѣвъмъ Божиємъ. И прибѣже въ пустыню межю Чехы и Ляхы. И ту испроврьже живот свои злѣ. И прият възмъздие от Господа, яко же показа ся посылаемая на нь пагубная рана. И по сѣмърти муку вѣчную и тако обою животу ликован бысть: и съде — не тѣкъмо княжения, нѣ и живота гонезе, и тамо — не тѣкъмо царствія небеснааго и еже съ ангелы житія порѣши, нѣ и муце огню предастъ ся. И есть могила его и до сего дъне, и исходитъ отъ неѣ смрад злыи на показание человекомъ»⁴⁸. Этот текст был составлен, по мнению Н.Н. Ильина, перед канонизацией первых русских святых в самом конце XI в., за несколько лет до появления на свет «Повести временных лет»⁴⁹. Здесь есть уже все (точнее, почти все) то, что мы читаем в «Пове-

⁴⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 15.

⁴⁷ Там же. С. 175.

⁴⁸ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 54–55. Ср.: Revelli G. Monumenti litterari su Boris e Gleb: Литературные памятники о Борисе и Глебе. Genova, 1993. S. 360–370.

⁴⁹ Ильин Н.Н. Летописная статья 6523 года и ее источник: опыт анализа. М., 1957. С. 56.

сти»: и «расслабленные кости» Святополка, и путешествие его на носилках и вопли о гонящихся за ним, и «пустыня межю Чехы и Ляхы», и могила пребывающая «до сего дне». Только «дым» заменен «смадом», да отсутствует уж совсем, казалось бы, незначительная деталь — не упоминается, что Святополк принимает посмертные муки в пустыне связанным.

В целом представляется следующая картина развития текста:

<i>Новгородская I летопись стар- шего извода</i>	<i>Новгородская I летопись млад- шего извода</i>	<i>Сказание и страсть и по- хвала</i>	<i>Лаврентьевская летопись</i>
И бѣжа Свя- топѣлк въ Печѣнѣгы, а Ярослав иде Кыеву	И бѣжа Свя- тополк в Печенѣгы, и бысть межи Чахы и Ляхы, ним же го- ним, пропаде оканныи, и тако злѣ живот свои сконча; яже дым и до сего дни есть, а Ярослав иде къ Кыеву	И уже къ вечеру одолѣ Ярослав, а съ оканьными и Святопѣлк побѣже; и на- паде на нь бѣс, и расслабѣша кости его, яко не мощи ни на кони сѣдѣти; и несяхуть его на носилѣх. И прибѣгоша Берестию съ нимь. Он же рече: «Побѣгнѣте, осе- женуть по нас!» И посылахуть противу, и не бѣ ни гонящаа, ни женущааго въ слѣд его. И лежа въ не- мощи, въсхопив ся, глаголаше: «Побѣгнѣмы еще: женуть! Ох мнѣ!» И не можааше	К вечеру же одоле Ярослав, а Святополк бежа. И бежа- щю ему, нападе на нь бес, и рас- лабеша кости его, не можааше седети на кони, и несяхуть и на носилех. Принесоша и к Берестю, бегающе с нимь. Он же глагола- ше: «Побегнете со мною, же- нуть по нас». О- троци же его всылаху про- тиву: «Еда кто женеть по нас?» И не бе никого же вслед гоня- щаго, и бежаху с нимь. Он же в немощи лежа и въсхопивъся глаголаше: «Осе- женуть,

търпѣти на
единомъ мѣстѣ.
И пробѣже
Лядьску землю,
гоним гнѣвъмъ
Божиемъ. И
прибѣже въ
пустыню межю
Чехы и Ляхы.
И ту испровръ-
же живот свои
зълѣ. И прият
възмъздіе от
Господа, яко
же показа ся
посъланая на нь
пагубная рана.
И по съмърти
муку вѣчнѹю
и тако обою
животу лихован
бысть: и съде —
не тъкъмо
княжения, нь и
живота гонезе,
и тамо — не
тъкъмо цар-
ствия небес-
нааго и еже съ
ангелы жития
порѣши, нь и
муце и огню
предасть ся.
И есть могила
его и до сего
дѣне, и ис-
ходитъ отъ неѣ
смад злыи
на показание
человекомъ.

о женуть, по-
бегнете», не
можаше терпе-
ти на единомъ
месте. И про-
бежа Лядьскую
землю, гонимъ
Божьимъ гне-
вомъ, прибежа въ
пустыню межю
Ляхы и Чехы,
исповерже зле
живот свои въ
томъ месте. Его
же по правде,
яко неправедна,
суду нашедшу
на нь, по от-
шествии сего
света прияша
мукы оканьна-
го. Показоваше
яве посланая
пагубная рана
въ смерть неми-
лостиво вогна.
И по смерти
вечно мучимъ
есть связанъ.
Есть же могила
его въ пустыни
и до сего дне.
Исходитъ же отъ
нея смрадъ золъ.

Это — текстологическая основа генетического досье. Ее анализ составляет основную часть работы по воссозданию авантекста⁵⁰. При этом преследуется цель, которую де Биаззи обозначил следующим образом: «Работа исследователя, приступающего к анализу свода рукописей того или иного произведения, должна состоять прежде всего в выявлении мощного импульса, благодаря которому все более отчетливо начинает вырисовываться то, что станет затем окончательным текстом»⁵¹. При этом он обращает внимание на отличие предлагаемого им подхода от классической текстологии: «Большая часть этих исследований сводилась к поиску текстов, о которых можно было с уверенностью сказать, что они “повлияли” на автора рассматриваемого произведения (так называемые “источники” произведения. Однако в рамках данной “филологии источников” очень мало исследований действительно опиралось на серьезную обработку библиографических и документальных данных, которые можно было извлечь непосредственно из рукописей писателей. Даже в тех случаях, когда рукописные материалы были вполне доступны, “досье” произведения (в которое, в частности, могли входить выписки из прочитанных книг, заметки, комментарии) лишь в исключительных случаях использовалось как необходимый элемент исследования: в лучшем случае к нему обращались фрагментарно и по ассоциации. Что же касается самой мысли о том, чтобы попытаться найти в черновиках и вариантах возможный след источника, который автору удалось скрыть в окончательном тексте, то никто или почти никто об этом и не думал»⁵². Нам же предлагается пройти путь от этих «следов источника» к смысловым конструкциям, которые стоят за текстом: «В генетической критике сами по себе критерии анализа текста отсутствуют, ее двойная задача состоит, с одной стороны, в том, чтобы сделать технически читаемым и открытым для возможного анализа *предтекст* (*l'antérieur-du-texte*), его эволюцию, ту внутреннюю работу, которая в нем совершается вплоть до придания ему окончательной формы, и, с другой стороны, воспроизвести саму логику этого процесса»⁵³.

В традиционных исследованиях остается неясным, откуда создатель «Повести временных лет» мог получить детали описания бегства Святополка, которых — заметим — становится все больше по мере удаления описания во времени от самого описываемого события. Попытаемся восполнить пробелы в генетическом досье путем обращения к литературным произведениям, которые, как установлено текстологами, летописец использовал в

⁵⁰ Биаззи де, П.-М. К науке о литературе: Анализ рукописей и генезис произведения // Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999. С. 66.

⁵¹ Там же. С. 59.

⁵² Там же. С. 62.

⁵³ Там же. С. 65.

своих источников или с которыми по крайней мере мог быть знаком. Для удобства разобьем генетическое досье этого описания на части, каждая из которой соответствует определенному этапу развития текста.

На первом этапе мы имеем всего одну фразу, которая, правда, довольно быстро набирает «вес»:

Новгородская летопись старшего извода	Возможные источники следующего описания			Новгородская летопись млад- шего извода
И бѣжа Свя- топѣлк въ Печѣнѣгы, а Ярослав иде къ Киеву	«В архан. поныне между чахи и ляхи знчт. так и сѣ, ни то ни сѣ, середка на половине. День ушел между чахи и ляхи, не знаю куда» ⁵⁴ .	«Нечести- вый бежит, когда никто не гонится за ним...» ⁵⁵	«...и дым мучения их [тех, «кто поклоняет- ся зверю и образу его и принимает начертание на чело свое, или на руку свою»] будет восходить во веки веков» ⁵⁶ .	И бѣжа Святополк въ Печенѣгы, и бысть межи Чахы и Ляхы, никим же го- ним, пропаде оканныи, и тако злѣ живот свои сконча; яже дым и до сего дни есть, а Ярослав иде къ Киеву

На первом этапе переработки текста в рассказ о бегстве Святополка составляется, во-первых, упоминание о том, что он «бысть межи Чахы и Ляхы». Это «уточнение» часто рассматривалось как реальная географическая деталь, указывающая, куда именно бежал Святополк. В XIX в. появилось даже несколько историко-географических работ, авторы которых пытались установить это место. Буквальное истолкование данной фразы принималось многими историками вплоть до XX в. Так, В.В. Мавродин в числе «досужих измышлений монаха» и «фантастических подробностей», которыми снабдил летописец свое в целом точное описание событий, упоминает и «какую-то мифическую пустыню между Чехией и Польшей»⁵⁷. Однако уже в XIX в. было установлено, что это выражение — фразеологизм,

⁵⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1995. [репр. воспр.: СПб.; М., 1882] Т. 4: Н–V. С. 584.

⁵⁵ Притч. 28: 1, 17.

⁵⁶ Откр. 14: 9–11.

⁵⁷ Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 355.

который «обозначает вообще понятие о неопределенности, неизвестности <...>. Святополк побегал в Печенеги и там пропал без вести, исчез, как дым, неизвестно где; и до сего дня неизвестно как пропал. Вот настоящий смысл выражения: Бысть меж Чахы и Ляхы»⁵⁸. Итак, это поговорка, буквально означающая 'неизвестно где'. Возможно, это своеобразное воплощение «обещания», что «беззаконные», нарушающие Божественные установления, Его завет, должны погибнуть «между народами», и «пожрет» их земля врагов⁵⁹. Правда, текстологический анализ не позволяет пока настаивать на такой трактовке данной детали. В то же время нельзя ее и полностью исключить из рассмотрения, поскольку в дальнейшем упомянутый мотив может получить развитие в тексте.

Во-вторых, «нечестивость» Святополка подчеркивается указанием позаимствованным, скорее всего, из библейской Книги Притч Соломоновых, что тот бежит, «ником же гоним». Здесь же появляется и эпитет, превратившийся позднее в прозвище Святополка, — «окаянный».

В-третьих, в свой рассказ летописец вставляет упоминание дыма, который якобы появляется после «злой» смерти Святополка. Он явно восходит к апокалиптическому «дыму мучений», который «будет восходить все веки веков» от грешников, поклонившихся Антихристу.

Другими словами, появившиеся детали должны были заклеить Святополка как богоотступника и пособника Антихриста.

На следующем этапе развития текста изложение заметно расширилось:

Новгородская I летопись младшего извода	Возможные источники следующего описания		Сказание и страсть и похва- ла святию мучени- ку Борису и Глебу
И бѣжа Святополк в Печенѣгы, и бысть меж Чахы и Ляхы, ником же гоним, пропа- де оканный, и тако злѣ живот свои	«Около того же времени Анти- ох [IV Епифан] с бесславием возвращался из пределов Персии. <...> Воспылав гневом, он ...приказал	«Оставшимся из вас пошлю в сердца ро- бость в земле врагов их, и шум коле- блющегося листа погонит их, и побегут, как от меча,	И уже къ вечеру одолѣ Ярослав, а съ оканьными и Свя- топѣлк побѣже; и нападе на нь бѣс, и раслабѣша кости его, яко не мощи ни на кони сѣдѣти; и несяхуть его на носилѣх.

⁵⁸ Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 2. М., 1879. С. 451–452.

⁵⁹ Лев. 26: 36–38.

<p>хонча; яже ым и до сего ни есть, а ѣрослав иде къ Киеву</p>	<p>правлящему ко- лесницею непре- станно погонять и уско- рять путеше- ствие, тогда как небесный суд уже следовал за ним <...>. Тог- да случилось, что он упал с колес- ницы, которая неслась быстро, и тяжким падением по- вредил все члены тела. И <...> не- сен был на носил- ках, показуя всем явную силу Бо- жию <...>; смрад же зловония от него невыно- сим был в целом войске. <...>. ...Пришел уже на него праведный суд Божий <...> Так этот чело- векоубийца и богохульник, претерпев тяжкие страдания,</p>	<p>и падут, когда никто не преследует... И не будет у вас силы противосто- ять врагам вашим. И погибнете между на- родами, и пожрет вас земля врагов ваших»⁶⁰.</p>	<p>И прибѣгоша Берестию съ нимъ. Он же рече: «Побѣгнѣте, осе женуть по нас!» И посылахуть противу, и не бѣ ни гонящаа, ни женущааго въ слѣд его. И лежа въ немощи, въско- пив ся, глаголаа- ше: «Побѣгнѣмы еще: женуть! Ох мнѣ!» И не мо- жааше тѣрпѣти на единомѣ мѣстѣ. И пробѣже Лядь- ску землю, гоним гнѣвъмъ Божиємъ. И прибѣже въ пустыню межю Чехы и Ляхы. И ту испровръже живот свои зълѣ. И при- ят възмъздіе от Господа, яко же по- каза ся посъланая на нь пагубная рана. И по съмърти муку вѣчную и тако обою живо- ту лихован бысть: и съде —</p>
--	---	--	--

⁶⁰ 2Мак. 9: 1–2, 4–18, 28. Один из упреков в привлечении этого текста в качестве потенциального источника «Сказания и страсти и похвалы...» заключается в том, что до конца XV в. на Руси не было полного перевода Книг Маккавейских. «Сведения о Маккавеях были между тем известны на Руси по памятникам, переведенным с греческого, прямо или через южнославянское посредничество, начиная с древнейших времен» (Ромодановская В.А. Приложение 3: Маккавей в русской традиции // Четыре Книги Маккавеев / под общ. ред. Н.В. Брагинской. М., 2014. С. 529).

какие причинял
другим, кончил
жизнь на чужой
стороне в горах
самою жалкою
смертью»⁶¹.

не тѣкъмо княже-
ния, нѣ и живота
гонезе, и тамо —
не тѣкъмо цар-
ствия небеснааго
и еже съ ангелы
жития порѣши,
нѣ и муце и огню
предастъ ся. И есть
могыла его и до
сего дѣне, и исхо-
дить отъ неѣ смрад
зѣлыи на показа-
ние челоуком

На этом этапе развивается идея, заложенная в описание при предыдущей переработке текста.

Во-первых, описание бегства Святополка дополняется деталями, входящими к уже упоминавшейся Книге Левит (но теперь апелляция к ней приобретает вполне выраженный вид).

Во-вторых, появляется целый комплекс деталей, которые совпадают с библейским описанием бегства Антиоха IV Епифана из Персии («расслабленность» Святополка, результатом чего становится его передвижение на носилках, постоянное стремление беглеца ускорить свое путешествие и, наконец, «смрад зловония», сменивший в предыдущем описании «дым мучений»)⁶².

⁶¹ Лев. 26: 36–38.

⁶² Сюжет о кончине Антиоха присутствует и в Хронике Георгия Амартола, которой, как известно, пользовался автор «Повести временных лет» (на это, в частности, в свое время обратил внимание А.А. Гippiус: *Гippiус А.А. Библейские парадигмы Новгородской летописи: О книге U. Schweier. Paradigmatische Aspekte der Textstruktur. Textlinguistische Untersuchungen zu der intra- und der intertextuellen funktionalen Belastung von Strukturelementen der frühen ostslavischen Chroniken*, München 1995, 322 стр. // *Russian Linguistics*. 1998. No. 22. P. 233–256). Однако там отсутствует целый ряд деталей библейского рассказа, что отличает его от летописного описания кончины Святополка и не дает возможности предположить, что летописец в данном случае опирался именно на Хронику Георгия Амартола. Ср.: «Антиохъ де нелѣпо побѣженъ отъ Перьскыя земля наопяте запованіе створивъ, отъ многа оныния разболеся и глагола вельможамъ своимъ: “Отступишь естъ сонъ отъ очию моею, и низъпадохъ печалью мноюю. И нынѣ убо поямнухъ злая, еже створилъ въ Иерусалимѣ, и разумѣю, яко тѣхъ ради обреѣтохъ злая си, и се погыбаю въ земли чужей”. Повесть оружику своему беспрестани поганяти мановениемъ шествование, разумѣвая явѣ, яко съ вышняго суда мука естъ. Одержавши его беспрестани болѣзнь въ утробѣ и люты муки внутрь ключицъ емоу низъ пасти съ колесница, зане скоро везомъ, и въ злое паданіе падеся, и вся телесная удеса емоу раслабишася, и недугъ толма провлече и, яко и червемъ въскипѣти и болѣзными велиими рас-

В-третьих, фразеологизм «межи Чахы и Ляхы» уже на данной стадии изменения текста теряет свою «поговорочность». В «Сказании и страсти и похвале...» он приобретает вид: «Чехы и Ляхы», а в лаврентьевском варианте: «Ляхы и Чехы». Судя по этим изменениям, для автора этого текста оно с течением времени превратилось в буквальное топографическое указание (с уточнением, что Святополк попадает туда «пробежа Лядскую землю»). На это в свое время обратил внимание И.Е. Забелин, отметивший, что «южный летописец, зная, где живут Чехи и Лехи, растолковал [“народную пословицу”] топографически, как показание местности, для чего и прибавил в пояснение, что Святополк пробежал Ляшскую землю»⁶³.

Наконец, на завершающем этапе развития текст претерпел дополнительные изменения:

Сказание и страсть	Возможные источники следую- щего описания	Лаврентьевская летопись
и похвала святыю мученику Борису и Глебу		
И уже къ вечеру одолѣ Ярослав, а съ оканьными и Свя- топѣлк побѣже; и нападе на нь бѣс, и раслабѣша кости его, яко не мощи ни на кони сѣдѣти; и несяхуть его на носилѣх. И прибѣгоша Берестию съ нимъ. Он же рече: «Побѣгнѣте, осе- женуть по нас!»		К вечеру же одоле Ярослав, а Святополк бежа. И бежа- щу ему, нападе на нь бес, и рас- лабеша кости его, не можаше седети на кони, и несяхуть и на носилах. Прине- соша и к Бере- стью, бегающе с нимъ. Он же глаголаше:

сидатися плѣти его, еще же от смрада оканьнаго и сквернаго оногѣ тѣла и всѣмъ во емъ тяжко
бысть и по велику, много похвалившись и много зла створивъ, и тако негѣло уродьствомъ житие
въ чужои странѣ испроверже, сдѣ же по правдѣ неправедныи мученъ бысть, умеръ похуѣ и тамо
гаче вѣчно мучимъ естъ» (Истрин В.М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника
Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Пг., 1920.
С. 202–203). Практически тождественный текст имеется и в Летописце Еллинском и Римском (Ле-
тописец Еллинский и Римский. Т. 1: Текст. СПб., 1999. С. 185–186).

⁶³ Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. С. 452.

И посылахуть
противу, и не бѣ
ни гонящаа, ни
женущааго въ
слѣд его. И лежа
въ немощи, вѣсхо-
пив ся, глаголаа-
ше: «Побѣгнѣмы
еще: женуть! Ох
мнѣ!» И не мо-
жааше тѣрпѣти на
единомѣ мѣстѣ.
И пробѣже Лядь-
ску землю, гоним
гнѣвъмъ Божиємъ.
И прибѣже въ
пустыню межю
Чехы и Ляхы. И ту
исповрѣже жи-
вот свои зълѣ. И
прият вѣзмъздие
от Господа, яко
же показа ся
послѣланая на нь
пагубная рана.
И по сѣмърти
муку вѣчнѣную и
такѡ обою животу
лихован бысть: и
сѣде — не тѣкъмо
княжения, нѣ и
живота гонезе, и
тамо — не тѣкъмо
царствія небесна-
аго и еже съ анге-
лы житія порѣши,
нѣ и муце и огню
предасть ся. И
есть могила его и
до сего днѣ,

«Оканьными
же Иродѣ
за неколико
днѣми тляемъ
и червьми
растачаемъ
злѣ житѣ си
разори, якоже
и нечестивыи
отецъ его, ибо
то на Хри-
ста начатъ
сверстѣники
его дерзнувъ
услѣкну сведе-
ну, еще сы въ
житиѣ нелѣпо
и хулно,
житѣ си ис-
поврѣже. Его
же по правдѣ,
яко непра-
веднаго, суду
нашедшю, по
отшествіи
сего свѣта
пріяша муки
оканьнаго.
Показавше
яве образъ,
абые пріятъ
сего от Бога
послана рана
пагубная въ
смерть

«И сказал...
Господь Ру-
фаилу: "Свяжи
Азazelа по
рука и ногам
и положи его
въ пустыне;
сделай отвер-
стие въ пустыне,
которая нахо-
дится въ Ду-
даеле, и опусти
его туда. <...>
И въ великій
день суда он
будет брошен

«Побегнете со
мною, женуть
по нас». Отроки
же его всылаху
противу: «Еда
кто женеть по
нас?» И не бе
никого же вслѣд
гонящааго, и
бежаху с нимъ.
Он же въ немощи
лежа и вѣсхо-
пивъ ся глагола-
ше: «Осе же-
нуть, о женуть,
побегнете», не
можааше терпе-
ти на единомъ
мѣсте. И про-
бежа Лядскую
землю, гонимъ
божѣимъ гнѣ-
вомъ, прибежа въ
пустыню межю
Ляхы и Чехы,
исповрѣже зле
живот свой въ
томъ мѣсте. Его
же по правде,
яко неправедна,
суду нашедшю
на нь, по от-
шествіи сего
свѣта пріяша
муки оканьна-
аго. Показоваше
яве послѣланая
пагубная рана въ
смерть немилѡ-
стиво вогна.

и исходить отъ неѣ смрад зѣлыи на показание чело- веком	немилоостиво въгна» ⁶⁴ .	в жар (геен- ну). <...> Ему припиши все грехи!» ⁶⁵	И по смерти вечно мучим есть связан. Есть же могила его в пустыни и до сего дне. Исходить же от нея смрад зол
--	--	--	--

Теперь текст, повествующий о бегстве Святополка после битвы на Альте, дополняется прямой цитатой из Хроники Георгия Амартола, отсылающей читателя к рассказу о кончине Ирода Окаянного, который, подобно отцу своему, «дерзнул против Христа».

Кроме того, в этом рассказе появляется столь любопытная деталь, как упоминание мучений, которые Святополк должен принять после смерти, связанный в пустыне. Смысл этого уточнения не вполне ясен. Возможно, он может быть установлен при обращении к апокрифической Книге Еноха. На славянский язык она была переведена еще в X–XI вв.⁶⁶ В ней, в частности, упоминается Азазиэль, который связанным должен быть заключен или прогнан в пустыню Дудаэль — «для отпущения», чтобы в судный день «он понес на себе их беззакония»⁶⁷. С этим-то козлом отпущения и

⁶⁴ Истрин В.М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. С. 215–216.

⁶⁵ Эфиопская версия книг Еноха // Тантиевский И.Р. Книги Еноха: Арамейские фрагменты из Кумрана. Еврейская книга Еноха или Книга Небесных Дворцов. Сефер Йецира — Книга Созидания. Приложение: Эфиопская версия Книги Еноха. М.; Иерусалим, 2000. С. 325 (текст публикуется по изд.: Смирнов А.В. Книга Еноха: Историко-критическое исследование, русский перевод и объяснение апокрифической Книги Еноха. Казань, 1888). Ср.: «Потом Господь сказал Рафаилу: «Свяжи Азазиэля и брось его во тьму и заключи (прогони) в пустыню, которая находится в Дудаэль..., и когда настанет день суда, прикажи ввергнуть его в огонь»» (Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872. С. 256).

⁶⁶ Подробнее см.: Соколов М.И. Славянская книга Еноха Праведного: Тексты, латинский перевод и исследования // Чтения императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. 1910. Кн. 4. Отд. 2; Мецкерский Н.А. Следы памятников Кумрана в старославянской и древнерусской литературе: К изучению славянских версий Книги Еноха // ГОДРЛ. 1963. Т. 19. С. 130–147; Мецкерский Н.А. К истории текста славянской книги Еноха: Следы памятников Кумрана в византийской и старославянской литературе // Византийский временник. 1964. Т. 24. С. 91–108; Мецкерский Н.А. К вопросу об источниках славянской «Книги Еноха» // Краткие сообщения Института народов Азии и Африки. Т. 86: История и филология Ближнего Востока: Семитология. М., 1965. С. 72–78; Мецкерский Н.А. Апокрифы в древней славяно-русской письменности: Ветхозаветные апокрифы // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога русских рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 1. С. 181–210. В качестве любопытной подробности можно упомянуть, что вторая из трех Книг Еноха сохранилась только в древнерусском переводе и была впоследствии переведена с древнерусского на древнееврейский.

⁶⁷ Ср.: Лев. 16: 6–10.

мог сравниваться Святополк. Однако не исключено, что в данном случае он отождествляется с лжепророком, который будет мучиться вместе с дьяволом, который на заключительном этапе истории человечества будет скован на тысячу лет: «Он [Ангел] взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет. И низверг его в бездну, и заключил его на тысячу лет <...>. Диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков»⁶⁸.

Как видим, практически для всех деталей летописного описания удастся найти литературные прообразы.

Теперь мы можем проанализировать генезис образов, которые использовали авторы для описания бегства Святополка.

Итоговый «перевод» смыслов рассматриваемого отрывка мог бы выглядеть приблизительно так: «Нечестивый Святополк, повинный в пролитии крови человеческой, бежал от Ярослава как злодей и богохульник Антиох IV из Персии. И не было ему спасения. И умер он неведя где, подобно Ироду Окаянному, приняв муки за свое неверие. И после смерти вечно мучим, подобно козлу отпущения (или лжепророку)».

Однако на этом работа по демистификации текста не закончена. Напротив, по существу, она только начинается. Теперь предстоит проанализировать каждый из выявленных образов, с которым так или иначе идентифицируется в «Повести» Святополк. Принципиально важным при этом становится прояснение логики автора, привлечшего для описания «подробностей» данного события именно эти, а не другие образы. Выявление логических связей между ними, пожалуй, самая сложная, хотя и наиболее интересная часть процедуры демистификации. Она же — в силу своей принципиальной гипотетичности — является и наименее верифицируемой, все больше сдвигаясь от полюса «научности» к полюсу «гуманитарности».

Кроме того, предлагаемое понимание текста с описанием кончины Святополка Окаянного может (и должно) быть проверено другими летописными текстами. Возможно, это позволит понять, что заставило летописца косвенно отождествить Святополка именно с этими персонажами.

Скажем, что могло сблизить для создателя летописи Святополка с Антиохом IV Епифаном (175–164 гг. до н.э.)? С одной стороны, это могло быть вызвано некоторым сходством обстоятельств гибели Святополка и библейского персонажа. Однако никому еще не удалось обнаружить каких-либо «свидетельских показаний», на которые летописец мог опираться в этом случае. С другой стороны, такое отождествление могло исходить из какого-то семантического сходства — в глазах летописца — этих персонажей. В таком случае, не исключено, что приписывание Святополку сходства с

⁶⁸ Откр. 20: 2–3, 10.

Антиохом объясняется особым отношением к последнему в христианской традиции.

Привлечение образа Антиоха для развития косвенной характеристики Святополка станет ясным, если учесть, что именно Антиох IV, «представленный в Книге Даниила как противник Бога, жестокий тиран и притеснитель праведной веры <...>, стал непосредственным прообразом христианского анти-Мессии, Антихриста»⁶⁹. Автор Книги Даниила ожидал непосредственно после смерти Антиоха — «царя презренного», который «придет без шума, и лестью овладеет царством»⁷⁰ — установления «вечного царства» «святых Всевышнего» и крушения государства Селевкидов⁷¹. Однако когда этого не произошло, пророчество о Царстве Христовом было отнесено на будущее время.

Помимо всего прочего, обращает на себя внимание то, что, по словам Иеронима, Антиох «за отступничество наделит их [Иудеев] именами и будет раздавать дары. Так же и Антихрист будет раздавать обольщенным многие дары и наделять свое войско землей, и кого будет не в состоянии [покорить] посредством страха, тех покорит через корыстолюбие»⁷². Это еще одна черта, «роднящая» Святополка с Антиохом (если не с самим Антихристом): «О убьеныи Борисовѣ. Святополкъ же съде Киевѣ по отци своемъ, и съзва Кыяны, и нача даяти имъ имѣнье. Они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ с нимъ...»⁷³

Еще одна черта, обращающая на себя внимание, — бытовавшее в христианской традиции представление, что Антиох «восстал против служения Богу»⁷⁴. Вполне естественно вспоминается здесь вывод Г.М. Филиста о том, что Святополк «противостоял насильственному насаждению христианства»⁷⁵.

Ко всем этим параллелям «тянут» и косвенное (в списке Владимировичей под 6488 г.) отождествление Святополка с библейским Даном (от «колена» которого должен родиться Антихрист), и указанный летописцем срок его правления в Киеве (с июля 6523-го по 6527 г., т.е. три с половиной года — срок правления Антихриста в последние времена⁷⁶), и, наконец, его проис-

⁶⁹ Учение об Антихристе в древности и Средневековье. СПб., 2000. С. 508.

⁷⁰ Дан. 11: 21. Ср.: «Антихрист у Иоанна — персонаж, «венчающий» собой исторический регресс, подобно «презренному царю» у пророка Даниила, т.е. Антиоху Епифану» (Витковская М.Г., Витковский В.Е. Иудейская и христианская апокалиптика // Апокрифические апокалипсисы / пер., сост., вступ. ст. М.Г. Витковской, В.Е. Витковского. СПб., 2001. С. 28).

⁷¹ См.: Дан. 7.

⁷² Учение об Антихристе в древности и Средневековье. СПб., 2000. С. 337.

⁷³ Лаврентьевская летопись. Стб. 132.

⁷⁴ Учение об Антихристе в древности и Средневековье. СПб., 2000. С. 335.

⁷⁵ Филист Г.М. История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск, 1990. С. 93.

⁷⁶ Ср.: «И сделают его [Антихриста] царем, и венчается он через 3,5 дня, а царствовать будет 3,5 года» (Псевдо-Даниил. Codex Canonicianus // Учение об Антихристе в древности и

хождение. На последнем, видимо, следует остановиться особо. Напомню, как о нем повествует летописец: «Володимеръ же залеже жену братьню Грекиню, и бѣ непраздна, от неяже родися Святополкъ. От грѣховнаго бо корени золь плодъ бываетъ⁷⁷: понеже бѣ была мати его черницею, а второе, — Володимеръ залеже ю не по браку, прелюбодѣи бысть убо. Тѣмъ и отецъ его не любяще, бѣ бо от двою отцю, от Ярополка и от Володимера»⁷⁸. Как правило, это указание рассматривается только в буквальном смысле. Между тем в древнерусском переводе «Откровения Мефодия Патарского» упомянуто, что Антихрист родится от «черницы»⁷⁹. То, что мать Святополка была монахиней, столь важно для летописца, что он сообщает об этом дважды: «У Ярополка же жена Грекини бѣ и бяше была черницею: бѣ бо привель [ю] отецъ его, Святослав и вда ю за Ярополка красоты ради лица ея»⁸⁰. Даже само упоминание о том, что Святополк «ся бѣ родиль от прелюбодѣянна», сближало его с Антихристом⁸¹. Так что дополнение в «Страсти и сказании и похвале...» характеристики Святополка — «советника всему злу» и «начальника всеи неправде» — упоминанием о его происхождении⁸², скорее

Средневековье. СПб., 2000. С. 464; в самом кодексе это произведение называется: «Святого отца нашего Мефодия епископа слово о конце дней и об Антихристе», однако В.М. Истрин обратил внимание на то, что оно отличается от известного «Слова» или «Откровения Мефодия Патарского», и отнес его к апокрифическому циклу «Видений Даниила» — Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. М., 1897. С. 294).

⁷⁷ Ср.: «Плод добрых трудов славеи, и корень мудрости неподвижен. Дети прелюбодеев будут несовершенны, и семья беззаконного ложа исчезнет. Если и будут они долгожизненны, но будут почитаться за ничто, и поздняя старость их будет без почета. А если скоро умрут, не будут иметь надежды и утешения в день суда; ибо ужасен конец несправедливого рода» (Прем. 3: 15–19); «из корня змеиного выйдет аспид, и плодом его будет летучий дракон» (Ис. 14: 29). Надо ли напоминать, что «Дан будет змею на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня» (Быт. 49:17)?

⁷⁸ Лаврентьевская летопись. Стб. 78.

⁷⁹ Тихонравов Н.С. Памятники отреченной литературы. Т. 2. СПб., 1863. С. 266 (в оригинальном греческом тексте речь идет просто о «юной девице по имени „Нечестивая“, потому что от нее должно родиться нечестивому сыну, прозвище которого „Отступник“» — Учение об Антихристе... С. 463–464; ср.: значение слова окаянии в Пандектах Никона Черногорца: «Окаяня же иже не съхранитъ заповѣди Господень»: Словарь древнерусского языка: XI–XIV вв. [далее: СлДрЯ XI–XIV вв.]. Т. 6: оवादъ — покласти. М., 2000. С. 105).

⁸⁰ Лаврентьевская летопись. Стб. 75.

⁸¹ Ср., например: «Слышах от священных писаний, хотящая от дьявола пущенна быти на род крѣстьянский прогубителя, от блуда зачатого богоборнаго Антихриста» (Первое послание Курбского Ивану Грозному // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 9, 1: (курсив мой. — И. Д.).

⁸² «Сего [Святополка] мати преже бѣ чърницею, грѣкыни соущи. И поялъ ю бѣ Яропѣлъкъ братъ Володимиръ, и ростригъ ю красоты дѣла лица ея, и зача отъ нея сего Святопѣлъка окаянаго. Володимиръ же, поганѣи еще, оубивъ Яропѣлъка и поялъ женоу его, непраздню соущу. Отъ нея же роди ся сии окаянии Святопѣлъкъ и бысть отъ дѣвою отцю и братоу соущу» (Re-velli G. Monumenti litterari su Boris e Glebъ S. 116–123).

этого, имело вполне определенный метафорический смысл (независимо от того, насколько оно соответствовало действительности).

Итак, судя по всему, подбор библейского «аналога» Святополку был обусловлен не столько историческими реалиями (хотя, безусловно, и ими тоже), сколько тем прообразом, на который должен был выводиться этот персонаж читателя летописи.

Проведенный анализ существенно дополняет и развивает традиционные интерпретации данного текста. При использовании такого подхода «искушение измышления монаха» оказываются наполненными смыслами, которые до этого времени ускользали от внимания историков.

ЭКСКУРС 4. КАЗУС ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛИЯ

Многие «загадки» Остромирова Евангелия возникли из-за убеждения историков и литературоведов, что до конца XV в. на Руси использовались только мартовские новогодия. Эта точка зрения настолько прижилась в специальных работах по древнерусской исторической хронологии, что возможность появления до 1492 г. сентябрьских датировок даже не рассматривается. Между тем есть все основания думать, что сентябрьский стиль бытовал в практике древнерусских книжников (особенно в церковной среде) еще с конца X — начала XI в.

Судя по приписке, завершающей Евангелие, оно было написано для новгородского посадника Остромира дьяконом Григорием. Эта рукопись отличается оформлением, поражающим воображение: она украшена 19 разноцветными заставками в старовизантийском стиле и 524 буквицами (инициалами), орнаментальный рисунок которых ни разу не повторяется. Каждый из 28 цветов в заставках и буквицах отделен от другого тонкой золотой линией. Рукопись имеет большой формат (36 x 29 см). Текст написан крупным уставом в два столбца.

Датировка Остромирова Евангелия, кажется, не может вызывать сомнений. Приписка дьякона Григория не оставляет для них места: днем начала создания памятника указано 21 октября 6564 г., днем окончания — 12 мая 6565 г.: «Слава Тебѣ, Господи, Царю небесный, яко съподоби мя написати Евангелие се. Почахъ же е писати въ лѣто 6564. А оконъчахъ е въ лѣто 6565. Написахъ же Евангелие се рабоу Божию нареченоу сущоу въ крещении Иосифъ, а мирьскы Остромиръ, близокоу сущоу Изяславоу кѣнязоу. Изяславоу же кѣнязоу тогда прѣдържящоу обѣ власти: и отьца своего Ярослава, и брата своего Володимира. Самъ же Изяславъ кѣнязь правляше столъ отьца своего Ярослава Киевѣ, а брата своего стол поручи правити

близокоу своему Остромироу Новѣгородѣ... Азѣ Григории дияконѣ написахъ Евангеліе е. Да иже гознѣ сего напише, то не мози зазърѣти мнѣ, грѣшникуу. Почахъ же писати мѣсяца октября 21, на память Илариона. А оконъчахъ мѣсяца маія въ 12, на память Епифана»⁸³. Традиционно даты, указанные Григорием, переводятся по мартовскому стилю: 21 октября 1056 г. — 12 мая 1057 г. Из этого следует, что переписка всего текста заняла 203 (а за вычетом воскресений, когда монаху не положено было работать, 174) дня: «С.Ф.ѠД.» = 6564 год, за вычетом 5508 есть 1056 год по Р.Х. и С.Ф.Ѡе = 6565 = 1057 г. Начато октября 21-го, а окончено 12-го мая, следовательно написано в продолжение 6 месяцев и 3 недель с небольшим: всего 203 дня, т.е. по 10 листов в неделю, с небольшим по 100 строк в день»⁸⁴.

Дело, однако, не так просто, как может показаться на первый взгляд. Кодекс подобного качества, с таким тонким и богатым украшением и тщательной проработкой каждой буквы, вряд ли мог быть создан за столь короткий срок. Привлечение для проверки традиционной датировки Остромирова Евангелия косвенных данных — средних темпов написания рукописей и времени, которое потребовалось бы, для того чтобы создать подобное произведение книжного искусства, — заставляет усомниться в ней.

Е.Ф. Карский полагал, что в среднем рукописи in folio крупным почерком древнерусские книжники переписывали по 1,5 листа в день. Проблема заключается лишь в том, что основанием для таких расчетов и было Остромирово Евангелие. «Впрочем, — отмечал Е.Ф. Карский, — указанные нами числа только приблизительные, так как в праздники писец мог и не писать; равным образом, если ему приходилось разрисовывать заставки или заглавные буквы, то тогда нельзя было написать столько же, как в другие дни»⁸⁵. Такие же темпы работы переписчиков книг дает и Л.В. Черепнин⁸⁶. На несколько иные временные сроки указывает анализ «дневниковых» помет псковского писца Саввы на полях Изборного Октоиха («Псковского Шестоднева», или, как его еще называют, «Шестоднева 1374 г.»): пятеро писцов переписали 117 листов Октоиха примерно за 10 месяцев. Соответственно, «в день переписывалось не более 1–2 страниц». При этом, отмечает Л.В. Столярова, «многие из этих страниц из-за различных дефектов оказывались очень небольшого размера, и, следовательно, чтобы заполнить их текстом, требовалось значительно меньше времени, чем для письма по

⁸³ Остромирово Евангелие 1056–1057: Факсимильное воспроизведение. Л.; М., 1988. Л. 294–294 об.; ср.: Остромирово Евангелие 1056–1057 года по изданию А.Х. Востокова. М., 2007. С. 294–295.

⁸⁴ Срезневский И.И. Славяно-русская палеография XI–XIV вв.: Лекции, читанные в Императорском С.-Петербургском университете в 1865–1880 гг. СПб., 1885. С. 107.

⁸⁵ Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. 2-е изд. М., 1979. С. 271.

⁸⁶ Черепнин Л.В. Русская палеография. 2-е изд. М., 1956. С. 149.

более или менее неиспорченным листам и страницам»⁸⁷. По мнению исследовательницы, «за один присест писцы переписывали довольно незначительные по объему части текста (от 0,5 л. в одиночку до 4,5 л. совместными усилиями [в последнем случае — со ссылкой на Е.Ф. Карского — И. Д.])». К тому же, «“ночное бдение” древнерусских книжников следует объяснить, прежде всего, их работой в свободное от иных обязанностей время». «Вероятно, — добавляет автор, — в XI–XIV вв. книгописание было своеобразным духовным обетом, дополнительной обязанностью специально обученных священников, дьяков [очевидно, имеются в виду диаконы — И. Д.], а позднее монахов»⁸⁸.

Темп работы в том или ином конкретном случае зависел от размера книги, почерка, которым она была написана, профессиональных навыков писца, организации и условий его работы. Чем больше оказывался формат рукописи, чем крупнее, четче и торжественнее было написание букв, тем больше времени тратил писец на каждый лист текста. Медленнее всего создавались кодексы «в десть» (размером приблизительно в газетный лист), написанные крупным уставом. Более быстрый полуустав позволял переписывать в день 1–1,5 листа книги «в полдесть» или 2,5 листа «в четверть»⁸⁹. Приблизительно с такой же скоростью переписывались литургические тексты и в Западной Европе⁹⁰.

⁸⁷ Столярова Л.В. Из истории книжной культуры русского средневекового города (XI–XVII вв.). М., 1999. С. 118.

⁸⁸ Столярова Л.В., Каиштанов С.М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2010. С. 151. Ср.: «Писец видит в своем деле некий благочестивый подвиг. Значение этого подвига окружило легендами память о знаменитых писцах, вроде как о том ирландском монахе, которому вместо забытой лампады светили сияющие пальцы левой руки, или о грешном иноке-артисте, к загробному суду над которым ангел принес переписанный им фолиант, и красивые буквы священной книги покрывали одна за другой грехи умершего скриптора, пока не осталась одна избыточная буква, силою которой он был возвращен на землю для нового покаяния» (Добиаш-Рождественская О.А. История письма в средние века: Руководство к изучению латинской палеографии. Изд. 3-е, доп. М., 1987. С. 157).

⁸⁹ «Переписка рукописей в XVI в. полууставом осуществлялась из расчета 1 или 1,5 листа в день, если книга была в полдесть [то есть, лист почти в два раза меньше, чем Остромирово Евангелие], и 2,5 листа в день, если рукопись была в 8°» (Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII вв. Л., 1977. С. 49–50); ср.: Сапунов Б.В. Книга в России в XI–XIII вв. Л., 1978. С. 101–103.

⁹⁰ Ср.: «Работе по переписке книг монахи могли уделять только часть своего времени, поскольку у них были и другие занятия, предусмотренные монастырским уставом. Много времени занимали обязательные для монахов церковные службы. Поэтому переписка книг длилась очень долго, иногда затягиваясь на годы. Если не считать праздников и воскресений, писец, работающий над литургической книгой переписывал в среднем 2–3 листа в день, а иногда и меньше [Подсчет сделан М.-Т. д'Альверни на основании помет писцов о сроках работы... К сожалению, данные, которыми располагала д'Альверни, относятся в основном к XV в. В монастырях XII в., где лишь ежедневные церковные службы занимали по восемь и более часов, сроки переписки книг могли быть еще больше. — примеч. В.Л. Романовой]» (Романова В.Л. Рукописная книга и

Итак, обычный темп создания рукописей большого формата крупным уставным почерком (а именно таким является Остромирово Евангелие) составлял около 1 листа в день. Между тем само Евангелие занимает 294 листа⁹¹. Три из них заняты изображениями евангелистов: Иоанна, Луки и Марка. Еще один (он, видимо, предназначался для образа евангелиста Матфея) остался чистым (Л. 57), но почему не была исполнена эта миниатюра — загадка. Следует также отметить, что имеющиеся в наличии иллюстрации выполнены в разных манерах. Две из них, вероятно, созданы по заказу на стороне (возможно, в Греции) — они расположены на вшитых листах; третья написана на Руси (в Киеве или Новгороде; точное место изготовления ее неизвестно). Сам текст расположен в два столбца прекрасно выполненными кириллическими уставными буквами. Остромирово Евангелие исполнено с таким вкусом и столь богато украшено, что по праву считается непревзойденным образцом книгописного искусства. Неясно, впрочем, насколько точно оно повторяло по оформлению болгарский оригинал⁹².

Тщательный палеографический анализ позволил Н.М. Каринскому утверждать, что первые 24 листа Евангелия отличаются от остальных особой тщательностью и каллиграфичностью. Их, видимо, писал какой-то иной человек⁹³. Следовательно, из расчета могут быть исключены 28 листов. Остается 266 листов, бесспорно написанных почерком дьякона Григория⁹⁴.

Возможно при этом, что другой рукой написаны лишь многоцветные заглавия чтений и инициалы, представляющие, по словам Н.Н. Розова, еще одну загадку Остромирова Евангелия⁹⁵. Однако они столь органично включены в текст, что невозможно предположить, будто для них (как было обычно принято делать) переписчиком специально оставались пустые места. Трудно также представить, что буквы и заставки были прорисованы

готическое письмо во Франции в XIII–XIV вв. М., 1975. С. 49–50). В то же время, как отмечает А.Д. Люблинская, «писцы обычно работали шесть часов; они освобождались как от других работ, так и от посещения некоторых церковных служб» (Люблинская А.Д. Латинская палеография. М., 1969. С. 66–67). К сожалению, информации о том, как распределялось время работы писцов в древнерусских монастырях, не сохранилось.

⁹¹ По подсчетам Л.В. Столяровой, для него потребовалось не менее 147 шкур молочных телят (Столярова Л.В., Кашистанов С.М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). С. 56, 59).

⁹² Остромирово Евангелие (как и многие другие самые ранние древнерусские книги, например, Изборник 1073 г.) было переписано с болгарского оригинала. Протограф его не сохранился. Принято думать, что он был вывезен из Болгарии в Киев и погиб во время монгольского нашествия (или, возможно, ранее, при разграблении Киева войсками Андрея Боголюбского).

⁹³ Каринский Н.М. Письмо Остромирова Евангелия // Сборник Российской Публичной библиотеки. Пг., 1920. Т. 1. Вып. 1. С. 168–192.

⁹⁴ Л.В. Столярова выделяет в Остромировом Евангелии четыре почерка. Неясно, впрочем, считает ли она, что это были четыре разных писца (Столярова Л.В., Кашистанов С.М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). С. 387).

⁹⁵ Розов Н.Н. Русская рукописная книга: Этюды и характеристики. Л., 1971. С. 24.

и раскрашены до того, как был написан основной текст. Остается думать, что они писались одновременно — либо художником, сидевшим рядом с писцом и занимавшим его место, когда дело доходило до примыкающих к нему строк, либо это делал сам Григорий по ходу работы над книгой. Он-то, следовательно, все 266 листов Евангелия полностью и создавал.

Такая работа (с учетом воскресений) должна была занять не менее 304 дней (если принять за основу темп письма Григория равным 1 листу в день). Не следует также забывать, что переписывалось Евангелие в те месяцы, на которые приходятся самые продолжительные церковные праздники — рождественский и пасхальный циклы, в которые работать над рукописью диакон не мог. Это должно было замедлить работу, и сроки переписки рукописи сокращались таким образом еще дней на 28. Между тем Григорию и без того следовало значительно превышать средние темпы письма, чтобы уложиться в срок, получающийся при традиционном переводе даты Остромирова Евангелия более 1,5 листов в день. Если же принять в расчет праздничные дни, скорость переписки должна была возрасти до 1,8 листа в день. Кроме того, на темпе работы должно было негативно сказаться и время года, когда создавалась рукопись: в октябре–марте продолжительность светового дня — наименьшая. Все эти соображения, при учете чрезвычайно высоких художественных качеств рукописи, заставляют сомневаться в точности принятой в историографии датировки источника.

Ситуация радикально меняется, если предположить, что годы даны Григорием не по мартовскому, а по сентябрьскому стилю. Если это так, то прямые даты, указанные в послесловии Евангелия, дадут не семь месяцев (как обычно считается), а полуторагодовой период, которого вполне должно было хватить, чтобы выполнить заказ новгородского посадника на столь высоком уровне.

Использование сентябрьского стиля новгородским диаконом XI в. — как, впрочем, и любым другим служителем церкви — вполне логично. Это тем более вероятно, что месяцеслов в Остромировом Евангелии — так же, как и в других древнейших Евангелиях, переписанных на Руси: Архангельском (1092), Мстиславовом (1106 или 1117), Галичском (1144), апракосном Евангелии конца XII — начала XIII в. (ГТГ) и др. — начинает год именно с 1 сентября: «Съборьникъ църкъвьныхъ начинается отъ мѣсяца септябра до мѣсяца августа, рекомааго зарева. Мѣсяца септябра, память святааго Симеона Стлѣпника и святыхъ 40 женъ чръницъ, и святааго Амона, и святааго мученика Италѣ, и покои Иисуса Навгина, и новоумоу лѣтоу, и начатъкъ инѣдиктоу»⁹⁶. На сентябрьское новогодие указывает и заглавие на 89-м листе Евангелия: «Суббота 1. Начатъкъ новууму лѣту». Речь идет о субботе

⁹⁶ Остромирово Евангелие. Л. 210 об. (курсив мой — И. Д.).

17-й недели после Пятидесятницы (Троицы). И.И. Срезневский уточняет: «То есть, начиная от сентября: 17-е воскресенье по пятидесятнице приходится между 13-м сентября и 17-м октября»⁹⁷. Далее в Евангелии следуют субботние и воскресные чтения, отсчитывающиеся от этого новолетия⁹⁸. Тем самым мы получаем дополнительный аргумент, позволяющий предполагать использование Григорием в датировке своего произведения сентябрьский стиль. Следовательно, традиционная дата создания древнейшего датированного славянского Евангелия должна быть пересмотрена: если использовать «сентябрьские» правила перевода дат с древнерусской системы летосчисления на современную, Григорий начал переписывать Остромирово Евангелие 21 октября 1055 г., а закончил работу 12 мая 1057 г.

ЭКСКУРС 5. КАЗУС ИЗБОРНИКА 1076 ГОДА

Ярким образцом реставрации текста исторического источника является подготовка изданий рукописи Изборника 1076 г. Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Институтом русского языка АН СССР).

Единственный список Изборника сохранился в очень плохом состоянии. Помимо плачевного внешнего вида (перепутанные тетради, местами порванный, покоробленный и затертый, со следами сырости пергамен, выцветшие чернила слабой концентрации и т.п.), сам список в прошлом был неоднократно «отреставрирован», письмо его было несколько раз поновлено: «Целые страницы, листы и тетради текста поверх поблекшего письма XI в. наведены грубо и местами грязно письмом XIV–XV вв. Анализ рукописи показал, что поблекший, выцветший и местами пострадавший от сырости текст XI в. наводили вновь подчас не менее двух-трех раз, в разное время, выборочно, без четкого соблюдения последовательности и границ работы». Причем «в большинстве случаев последнее поновление полностью скрывает предшествующую “реставрацию” текста», не говоря уже об оригинальных написаниях XI в. «Поновление древнего письма само по себе не явилось бы столь отрицательным фактом, если бы не состав поздних чернил, оказавших губительное воздействие на письмо XI в. и даже на самый пергамен». Так, липкие красновато-коричневые чернила отпечатывались на соседней странице, из-за чего текст становился трудночитаемым: «Создается впечатление, что текст на таких листах написан словно

⁹⁷ Срезневский И.И. Словяно-русская палеография XI–XIV вв. С. 105.

⁹⁸ «Недѣля 1 новоуоумоу лѣтоу», «Субота 2 новоуоумоу лѣтоу», «Недѣля 2 новоуоумоу лѣтоу» и т.д. (Остромирово Евангелие. Л. 89 об., 90 об., 91 об. и далее).

по смытому, так как строки текста отпечатались со страницы на страницу, не совпав». Еще большие повреждения рукописи вызвало использование одним из «реставраторов» темных чернил, содержавших высокий процент какой-то кислоты: «Нанесенные густым слоем на угасший текст XI в. высококислотные чернила не только погубили текст, но также и разрушили, прожгли пергамен <...>. Он стал ломким и выкрошился вместе с текстом по контурам наведенных букв, а контуры покрылись темной накипью спекшихся чернил и сожженного пергамена. В лучшем случае на тексте, покрытом этими чернилами, образовались темные пятна, в размере от буквы до строки, которые необыкновенно затрудняют прочтение написанного <...>. Наличие в рукописи трудночитаемых и совсем не поддающихся прочтению мест обусловлено и действием чернил этого состава». К тому же «поновление не только изменило древний облик письма XI в., но исказило местами содержание, затемнило смысл отдельных частей текста». Дополнительные потери текст понес в XIX в.: «Желание если не сохранить почти угасший текст рукописи, то хотя бы прочесть его, привело к употреблению кем-то в начале XIX в. реактивов для проявления угасшего письма. В качестве такого восстановителя был использован горячий настой дубового орешка. Пергамен, покрытый этим раствором, приобрел густой коричневый цвет, в котором впоследствии старый текст почти утратился и местами даже совсем исчез»⁹⁹.

Тем не менее использование современных методов оптического и оптико-фотографического анализа (включая наблюдение и фотографирование рукописи в лучах собственной люминисценции, возбуждаемой средним и ближним ультрафиолетом, а также красной люминисценции) позволило точнее восстановить первоначальные чтения, обнаружить плохо различимые или совсем невидимые записи и элементы письма (часть из которых выцвела, часть была умышленно стерта или зачеркнута, а часть — просто сильно загрязнена). Фотографии рукописи дали возможность зарегистрировать кратковременные оптические эффекты, обнаруженные в невидимых лучах спектра, изображения с низким уровнем яркости, а также увеличить линейные размеры элементов письма, что существенно облегчило их изучение. Благодаря этому были восстановлены многие правильные чтения не только отдельных букв, но и целых слов, исправлены ошибки, уточнены сомнительные чтения и восстановлены пропуски, допущенные прежними издателями Изборника.

⁹⁹ [Гольищенко В.С.] Палеографическое описание // Изборник 1076 года / под ред. С.И. Коткова. М., 1965. С. 34–36, 40, 41; Гольищенко В.С. Палеографическое описание // Изборник 1076 года. Изд. 2-е, перераб. и доп. Т. 1 / под ред. А.М. Молдована. М., 2009. С. 82–83, 85.

В тех случаях, когда текст был утрачен безвозвратно (например, при выпадении фрагментов пергамента под воздействием чернил, которыми пользовались «реставраторы» XIV–XV вв.), либо когда из-за неоднократной позднейшей наводки слово искажалось так, «что по его виду нельзя не только установить первоначальное значение этого слова, но иногда вообще и прочесть его», издатели прибегали к восстановлению искаженного слова с помощью греческих параллелей к тексту. Греческие параллели привлекались и для верификации чтений, установленных с помощью фотоанализа¹⁰⁰. Использование новых внешних источников реконструкции текста (других списков, имеющих тот же текст, неизвестных издателям 1965 г.), дополненное новой сверкой с греческими оригиналами и палеографическим анализом рукописи, позволил в публикации 2006 г. уточнить 115 прочтений испорченных мест¹⁰¹.

В результате кропотливой работы исследователям удалось максимально полно реставрировать текст Изборника 1076 г., что нашло отражение в его публикациях 1965 и 2009 гг.¹⁰² В основу их были положены жесткие принципы передачи реставрированного текста: «За основу издания принимается письмо XI в., которое представлено в рукописи подлинным письмом того времени и письмом XI в., поновленным без изменения, буква в букву. В том случае, когда первоначальное написание в процессе поновления было изменено, но написание XI в. еще можно установить под измененным поздним написанием, в основном тексте воспроизводится первоначальное написание, а позднее приводится в подстрочном примечании. Однако вследствие неоднократного поновления письма XI в. не всегда можно утверждать, что написание XI в. при поновлении изменено или сохранено без изменения. Если написание XI в. уже нельзя прочесть под наводкой и в то же время ясно, что существующее написание непервоначально, в основном тексте приводится существующее написание, а в подстрочном примечании указывается вероятность позднего изменения написания XI в. Подлинные написания XIV–XV вв. в основной текст не вносятся. О таких написаниях сообщается лишь в подстрочных примечаниях, где эти написания и приводятся <...>. Текст передается с делением на слова строка в строку, буква в букву. Все буквы, стоящие над строкой (выносные, а также, по-видимому, пропущенные при переписывании и вставленные), передаются над стро-

¹⁰⁰ [Голыщенко В.С.] Палеографическое описание. С. 39; Голыщенко В.С. Палеографическое описание. С. 86.

¹⁰¹ Новые прочтения и интерпретации в публикуемом тексте Изборника 1076 года // Изборник 1076 года. Т. 1. С. 138–142.

¹⁰² Изборник 1076 года / под ред. С.И. Коткова; подг. текста В.С. Голыщенко, В.Ф. Дубровиной, В.Г. Демьянова, Г.Ф. Нефедова. М., 1965; Изборник 1076 года. Изд. 2-е, перераб. и доп. Т. 1–2. М., 2009. (Памятники славяно-русской письменности. Новая серия).

кой. Лигатуры раскрываются, используется знак переноса слов. Инициалы передаются прописными буквами. Заглавия статей, инициалы, слова <...>, написанные киноварью, передаются шрифтом большего размера, чем остальной текст <...>. Из находящихся в междустрочии знаков передается титло <...> и покрытие над выносными буквами <...>. В угловые скобки < > заключается текст, читаемый с трудом (или вовсе не читаемый невооруженным глазом), чтение которого, однако проверено или восстановлено при помощи специальных технических средств; квадратные скобки [ ] ограничивают дефектные места текста, чтение которых затруднено вследствие того, что под действием высококислотных чернил пергамен выпал по контуру букв полностью или частично. Утрата текста или нечитаемые места текста обозначаются нижним подчеркиванием _ _ _ , число черточек, как правило, соответствует количеству не поддающихся прочтению букв. В том случае, когда количество букв точно установить нельзя, ставятся три черточки. В примечании в этом случае может быть указано предполагаемое количество букв. Знаки пропуска, заключенные в квадратные скобки [_ _ _], указывают на то, что буквы не читаются вследствие выпадения пергамена по контуру букв. Реконструкция текста в издании не допускается, за исключением небольшой группы букв на месте киноварных инициалов, не проставленных писцом XI в., восстановленные инициалы заключаются в косые скобки / /. Ошибки и даже явные опiski в тексте не исправляются, но комментируются в примечаниях. Исправления, принадлежащие самим писцам, вносятся в основной текст и оговариваются в примечаниях <...>. Пропущенный текст, написанный писцом на поле со знаком вставки, вносится в текст в указанное с помощью аналогичного знака вставки место и сопровождается примечанием. Разуры, образовавшиеся на месте выскобленных букв¹⁰³, передаются в тексте только в том случае, когда есть основания считать, что текст XI в. был выскоблен при поновлении»¹⁰⁴.

Точное следование этим принципам позволило подготовить строго научное издание Изборника 1076 г., «раскрыть» его (пользуясь терминологией И.Э. Грабаря), не допуская никакого произвольного вторжения в его текст. Такое издание оказывается для исследователя в чем-то даже более полезным, чем непосредственное обращение к оригиналу, поскольку, как уже говорилось, современное состояние рукописи не позволяет верно воспроизвести текст без специального оборудования и привлечения внешних источников.

¹⁰³ «Под разурой разумеется пробел в строке, образовавшийся на месте выскобленных букв и не записанный вновь» (Воспроизведение текста // Изборник 1076 года. С. 143, примеч. 2).

¹⁰⁴ Принципы воспроизведения и комментирования текста // Изборник 1076 года. Т. 1. С. 143–145; ср.: Воспроизведение текста // Изборник 1076 года. С. 137–145.

ЭКСКУРС 6. КАЗУС ТРУБАЧЕЙ

Наиболее яркими образцами произвольного толкования визуальных источников являются работы Д.С. Лихачева и Б.А. Рыбакова. Эти исследователи при анализе одних и тех же миниатюр и их элементов пришли к заключениям, которые, несмотря на всю их видимую близость, существенно расходились. При этом становилось ясно, что противоречия в выводах проистекали прежде всего из произвольности предлагаемых интерпретаций визуального текста.

Характерным примером является интерпретация изображений трубачей, сопровождающих целый ряд миниатюр в Радзивилловской летописи.

Так, Д.С. Лихачев пришел к выводу, что в Радзивилловской летописи «обозначением мира служат трубачи, трубящие в трубы». При этом он, судя по всему, опирался на текст, предворяющий изображение двух трубачей, стоящих по разные стороны реки (Л. 207): «И иде Глѣбъ к Переяславским половцем на снемъ, а другим половцем Корсуньским посла река: “Пождите мене ту. Иду к Переяславлю, и умиряся с тѣми половци, и прииду к вам на миръ”»¹⁰⁵. В то же время Д.С. Лихачев отметил: «Если трубят *только один трубач* — это символ сдачи города»¹⁰⁶. Это утверждение никак не аргументируется. Мало того, буквально на той же странице сам исследователь пишет, что на обороте л. 129 Радзивилловской летописи изображено, как «с башни *два трубача* трубят в трубы, знаменуя сдачу»¹⁰⁷. Судя по всему, автор «Поэтики древнерусской литературы» даже не заметил противоречия в собственных определениях символического смысла анализируемых миниатюр.

Между тем ни содержание миниатюр, ни сопровождающие их тексты не позволяют полностью согласиться с первоначально предложенной Д.С. Лихачевым символической трактовкой образа трубачей. Так, на л. 169 Радзивилловской летописи изображение трубача сопровождает сообщение о походе Ярополка Владимировича во главе объединенного войска на Чернигов в 1138 г.¹⁰⁸ Другим примером такого рода может быть миниатюра на л. 196 об. (н.). На ней трубач сопровождает изображение совещания галицкого князя Ярослава Владимировича со своими боярами в связи с наступлением киевского князя Изяслава Мстиславича и его братьев на Галич. Согласно статье 6661/1153 г., которую она «иллюстрирует», галичане вовсе не собирались сдаваться. Напротив, речь шла о том, кто должен участво-

¹⁰⁵ Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Л., 1989. С. 133.

¹⁰⁶ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 41 (курсив мой. — И. Д.).

¹⁰⁷ Там же. С. 41 (курсив мой. — И. Д.).

¹⁰⁸ Радзивилловская летопись. С. 109.

вать в предстоящем сражении¹⁰⁹. Любопытно, что Б.А. Рыбаков произвольно трактует эту миниатюру как изображение приема боярина Петра Бориславича князем Ярославом Осмомыслом¹¹⁰.

В отличие от Д.С. Лихачева, Б.А. Рыбаков считает, что изображения трубачей связаны не с установлением мира или сдачей города, а являются своего рода пояснениями, «своим» или «чужим» досталась победа в том или ином сражении. Соответственно, в Радзивилловской летописи изображения трубачей дифференцированы. Так, по его мнению, на л. 169 «не без иронии пририсован трубач на миниатюре, изображающей поход Ярополка на Всеволода Ольговича в 1136 г.: Чернигов, где закрепился Ольгович, был обложен буквально со всех сторон, как красный зверь на облавной охоте»: «художник, остроумно оценив ситуацию, изобразил не обычного трубача-«герольда», а юношу-загонщика, трубящего в огромный турий охотничий рог»¹¹¹. Эта интерпретация, связанная с заменой на миниатюре «традиционной» трубы «охотничьим рогом», казалось бы, вполне логична. Однако она теряет значительную часть своей убедительности, если обратить внимание на то, что это не единственное изображение «рога»: он присутствует также на л. 194 и 234 об. и связан в первом случае с возвращением Изяслава в Киев после заключения мира с польским королем в 1152 г. (трубач изображен, судя по всему, на киевской стене)¹¹², а во втором — с бегством Игоря Святославича из половецкого плена в 1186 г.; причем, в рог трубит вовсе не «загонщик»-половец, а один из спутников Игоря¹¹³.

При победах «Володимеричей над Ольговичами» трубачи на полях миниатюр якобы всегда «трубят горделиво, подбоченясь, подняв трубу вверх»¹¹⁴. Вообще, считает Б.А. Рыбаков, трубачи «всегда символизируют победу великого князя Ярополка над «заратившимися» Ольговичами или над их союзниками половцами»¹¹⁵. Однако при обращении к миниатюрам оказывается, что в ряде случаев так изображается трубач как раз при победе Ольговичей (например, на л. 167)¹¹⁶, когда, если следовать предложенной Б.А. Рыбаковым трактовке, «труба [должна быть] опущена к земле»¹¹⁷. Для

¹⁰⁹ Там же. С. 125.

¹¹⁰ Рыбаков Б.А. Миниатюры Радзивилловской летописи и русские лицевые рукописи X–XII веков // Рыбаков Б.А. Из истории культуры древней Руси: Исследования и заметки. М., 1984. С. 221–222; Рыбаков Б.А. Петр Бориславич: Поиск автора Слова о полку Игореве. М., 1991. С. 162–163.

Рыбаков Б.А. Миниатюры Радзивилловской летописи... С. 217.

¹¹¹ Радзивилловская летопись. С. 124.

¹¹² Там же. С. 152.

¹¹³ Рыбаков Б.А. Петр Бориславич. С. 191.

¹¹⁴ Рыбаков Б.А. Миниатюры Радзивилловской летописи... С. 217.

¹¹⁵ Радзивилловская летопись. С. 108.

¹¹⁶ Рыбаков Б.А. Петр Бориславич. С. 191.

того чтобы связать (как это делает Б.А. Рыбаков) данное символическое изображение (и всю миниатюру) со *следующим за ним* текстом, в котором действительно речь идет о победе Владимировичей, необходимо специально доказать наличие отступления миниатюриста от общепринятого порядка связи изображения с текстом. Однако практически во всех случаях (так считают все без исключения исследователи и публикаторы Радзивилловской летописи) оно *следует за* «иллюстрируемым» текстом, а не предваряет его.

К тому же и сам Б.А. Рыбаков когда-то придерживался прямо противоположного мнения. Тогда он полагал, что «трубачи как бы символизируют фанфаронство Ольговичей». Так, комментируя только что упоминавшуюся миниатюру с трубачом на л. 167 (н.), исследователь отмечает, что на ней «трубач трубит в горделивой позе, подбоченясь». Затем он обращает внимание на то, что после летописного сообщения о взятии Ольговичами и половцами Треполя и Халепа и прихода их к Киеву, следует миниатюра (Л. 168), на которой «трубач трубит под деревом», прославляя победы Ольговичей¹¹⁸. Через 45 лет настроение этого трубача под пером Б.А. Рыбакова резко изменится: «Ярополк уклонился от боя. Художник тонко осудил его — трубач понуро трубит, опустив трубу». Точно такой же трубач на л. 169 (в.) получил совершенно иную характеристику: он «дудит в землю; рука скорбно поддерживает лицо»¹¹⁹ — прежде он просто «закрывал рот рукой»¹²⁰. Для того чтобы и на этот раз изменить настроение трубача, Б.А. Рыбакову пришлось связать его с текстом, повествующем о том, что Ольговичи еще «болши поча воевати... и приведоша половци множество, и взяша Прилукъ, хотя поити х Киеву». При этом исследователь не обратил внимания на то, что миниатюра следует не за этим текстом, а за его продолжением, сообщающим о крушении планов Ольговичей: «Оже Ярополкъ доспѣлъ со братьею своею и идоша опять к Чернигову»¹²¹.

Впрочем, изменение «принадлежности» символического трубача той или иной из борющихся сторон не всегда вело к изменению трактовки его «настроения». Так, на л. 169 об. «трубач приветственно [в более поздней версии — «торжественно»] трубит над сидящим князем» — независимо от того, как трактовать этот сюжет: то ли «Всеволод Ольгович под давлением черниговцев оставил свое “высокоумие” и “сотвориша мир” с Ярополком»¹²², то ли

¹¹⁸ Рыбаков Б.А. Окна в исчезнувший мир: по поводу книги А.В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник» // Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры... С. 327.

¹¹⁹ Рыбаков Б.А. Петр Бориславич. С. 192.

¹²⁰ Рыбаков Б.А. Окна в исчезнувший мир. С. 327.

¹²¹ Радзивилловская летопись. С. 109.

¹²² Рыбаков Б.А. Окна в исчезнувший мир. С. 327.

«Ярополк победил Всеволода Ольговича “и сотвориша мир”»¹²³. Речь в данном случае, видимо, идет лишь о том, какое имя присвоить изображению князя, над которым трубят трубач.

О сложности осмысления тех или иных визуальных деталей свидетельствуют случаи, когда исследователь «связывает» их (естественно, только в собственном воображении) с «чужими» миниатюрами (т.е. как бы «дополняет» ясную ему миниатюру фрагментами другой, менее понятной). К примеру, рассуждая о «политической символике» «человеческих фигур-символов», Б.А. Рыбаков утверждает, что «рисунок плачущего голого человека» (Л. 160 (н.)) «дополняет миниатюру, изображающую зверства старшего из Ольговичей — князя Всеволода». «Первый же маргинальный рисунок подчеркивает разбойничьи действия Всеволода», — заключает исследователь¹²⁴. Однако не представляет труда убедиться, что фигурка «плачущего голого человека» изображена на полях вовсе не нижней, а *верхней* миниатюры и, очевидно, должна рассматриваться в одном «контексте» с нею и летописной статьей, которую она сопровождает (сообщение об удачном походе Ярополка против половцев в 1125 г.)¹²⁵.

Приведенные примеры свидетельствуют, что авторы, приступающие к символическому истолкованию миниатюр Радзивилловской летописи, чаще всего исходят из собственных априорных представлений о том, что может и должно изображаться на миниатюре. При этом реальные принципы и механизмы перекодировки вербального текста в визуальный ряд, которые, безусловно, необходимо учитывать при «дешифровке» миниатюр, подменяются «здравым смыслом» современного исследователя. Это, в частности, объясняется неизученностью самого вопроса о том, что именно в тексте подлежало изображению и как *это* изображалось. Символическая интерпретация визуальных источников не может опираться на удачно найденную трактовку одного сюжета, одной миниатюры. Лишь систематическое изучение всего визуального ряда может дать достаточно надежные основания, для того чтобы понять смысловые связи между вербальными и визуальными текстами, уловить и обосновать символическое наполнение зрительных образов. К сожалению, до сих пор нет не то что ответов на подобные вопросы — не разработан сам вопросник, который позволил бы подойти к выявлению и пониманию таких связей.

Грандиозная работа, проделанная предшествующими поколениями историков, искусствоведов и культурологов по анализу древнерусских книжных миниатюр, позволяет наметить некоторые требования, которые следует соблюдать при «вербализации» визуальных источников.

¹²³ Рыбаков Б.А. Петр Бориславич. С. 192.

¹²⁴ Там же. С. 188.

¹²⁵ Радзивилловская летопись. С. 105.

Прежде всего, необходимо при интерпретации отдельных сюжетов или деталей изображения учитывать все без исключения подобные случаи. Только это может обеспечить надежность и верифицируемость полученных результатов: найденное решение должно быть справедливо (или возможно) для всех учтенных эпизодов. Так, Б.А. Рыбаков, предлагая свое толкование символическим изображениям трубачей, исходит из того, что трубачей в Радзивилловской летописи всего пять: «один <...> мальчик, трубящий в турий рог» и четыре «герольда» — «трубача с длинной трубой, с саблей и в короткой одежде», которые «изображаются только там, где описываются действия Всеволода Ольговича и его братьев»¹²⁶. Все эти изображения приходятся на период с 1136 по 1139 г.: «они исчезают со времени вокняжения в Киеве Всеволода Ольговича»¹²⁷. «Трубачи, — утверждает впоследствии Б.А. Рыбаков, — впервые появляются только на 167-м листе (1136 г.) и встречаются на нескольких миниатюрах подряд (л. 167 (н.); 168 (в.); 169 (в.); 169 (в.) [? видимо, ошибочно вместо «н.»]; 169 о[б].).»¹²⁸. Отсюда, собственно, и следует вывод о связи изображений трубачей с победами Ярополка над Ольговичами.

На самом деле трубачи появляются на страницах Радзивилловской летописи гораздо раньше, начиная с миниатюры, связанной с сообщением 6410/902 г. о походе императора Леона на Болгарию. Да и исчезают они лишь в самом конце летописи, под 6706/1198 г., на изображении возвращения великого князя во Владимир после победы над половцами. Всего же в Радзивилловской летописи 26 миниатюр с изображениями трубачей (л. 14 (н.); 15 (н.); 35 об. (в.); 37 об.; 43 об.; 129 об. (в.); 134; 144 об.; 145 (в.); 167 (н.); 168 (в.); 169 (в., н.); 169 об.; 173 об. (н.); 185 (н.); 194 (н.); 196 об. (н.); 203 об. (н.); 207 об. (в.); 225 об.; 227 об. (в.); 234 об. (н.); 236 об. (в.); 243; 243 об. (в.)). И только учет всех случаев, когда текст сопровождается изображениями трубачей, может дать основания для верифицируемого символического истолкования (если, конечно, таковое имеется).

Кроме того, как совершенно справедливо подчеркивает Д.С. Лихачев, «зрительно представленное повествование требовало некоторого однообразия в «обозначениях»»¹²⁹. Другими словами, если какой-то визуальный образ на одной миниатюре является символическим изображением, то он должен иметь тот же смысл на всех прочих миниатюрах, где он появлялся. Несоблюдение этого правила самим Д.С. Лихачевым при интерпретации символического смысла, которым миниатюрист якобы наделял фигуры трубачей, лишает его предположения достаточных оснований.

¹²⁶ Рыбаков Б.А. Окна в исчезнувший мир. С. 326.

¹²⁷ Там же. С. 325.

¹²⁸ Рыбаков Б.А. Миниатюры Радзивилловской летописи и русские лицевые рукописи X–XII веков. С. 217.

¹²⁹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. С. 42.

Неверно и утверждение Б.А. Рыбакова, что автор миниатюр «отступает от стандарта» в изображении городов, с которыми он связан. В одном из примеров изображение «небывалого города со сложной крепостной архитектурой» (л. 172 об. (в.)), судя по сопровождающему тексту, соответствует не Переяславлю, как полагает исследователь, а Новгороду. В другом (л. 168 (н.)) изображение города, дополненное нетрадиционными башней и колонной, соответствует не Киеву, как утверждает Б.А. Рыбаков, а Чернигову. Аналогичное изображение (л. 161 об.) соответствует Логожску.

ЭКСКУРС 7. КАЗУС КУЗМИЩА КИЯНИНА

Характерными примерами искусственного «создания» авторов древнерусских произведений являются попытки приписать «Слово о полку Игореве» некоему Петру Бориславичу, а «Сказание об убиении Андрея Боголюбского» Кузмищу Киянину, который упоминается в самом «Сказании». Рассмотрим их подробнее.

О Петре Бориславиче упоминает только Ипатьевская летопись: в 1152 г. он был послом князя Изяслава Мстиславича¹³⁰, а под 1170 г. сообщается о том, что Петр вместе со своим братом Нестором Бориславичем украли у киевского князя Мстислава Изяславича коней и перепятнали («пятны своѣ въсклалѣ, рознаменываюче») их¹³¹. Этим исчерпываются надежные сведения, которыми располагает историк. Приписывая Петру Бориславичу ряд летописных известий, оригиналы ранних миниатюр Радзивилловской летописи и «Слово о полку Игореве», Б.А. Рыбаков «восстанавливает» биографию этого человека. Тот, оказывается, был не только киевским боярином и тысяцким, но также летописцем, историком, прекрасно разбирающимся в античной истории, художником. «Петр Бориславич сопровождал князя в походах, записывал его приказы полководцам, вел протоколы военных советов и боярской думы, фиксировал допросы пленных, писал дневник похода, отмечая маршрут, дневки, ночные марши, где давался «опочив конем»»¹³². Кроме того, он исполняет дипломатические миссии, поет в церковном хоре с Андреем Боголюбским и, наконец, создает «Слово о полку Игореве». По мнению создателя столь яркой биографии, Петр Бориславич, «в отличие от большинства летописцев того времени <...>, был далек от церкви. В его ясном и точном языке не было церковной витиеватости, в

¹³⁰ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 452, 461–465.

¹³¹ Ипатьевская летопись. Стб. 541.

¹³² Рыбаков Б.А. Петр Бориславич. С. 230.

его философии отсутствовал провиденциализм. Светский писатель, полководец и дипломат, он обладал еще одной чертой, выгодно выделявшей его из общей массы средневековых летописцев, — он выражал свои, а не княжеские мысли, он не был придворным подневольным летописцем и мог временами, не нарушая феодальной верности, подняться до мудрого осуждения торопливых и необдуманных действий своего князя». Он — «один из замечательнейших людей XII столетия, патриот, всегда призывавший к борьбе с половцами, сторонник мира, враг усобиц, талантливый историк и публицист»¹³³. Однако все эти характеристики в основе имеют лишь упомянутые сведения, почерпнутые из Ипатьевской летописи, и... ряд летописных текстов, приписанных Б.А. Рыбаковым Петру Бориславичу (так называемая летопись «Мстиславова племени»). Впрочем, это не реальные тексты, а довольно произвольные реконструкции, опирающиеся на фрагменты из той же Ипатьевской летописи («очищенные», к слову, Б.А. Рыбаковым от «церковной риторики», поскольку летопись, которую вел якобы Петр Бориславич, была «чисто светская <...>, полностью лишенная христианского провиденциализма и всегда несколько слащавой церковной фразеологии»¹³⁴), тексты «Истории Российской с самых древнейших времен» В.Н. Татищева, не находящие подтверждения в дошедших до нашего времени летописях, а также на часть миниатюр Радзивилловской летописи, восходящих, по мнению Б.А. Рыбакова, к оригиналам, созданным если не самим Петром Бориславичем, то под его руководством.

Наконец, автор порой прибегает к контаминации текстов сразу нескольких источников, что с похвальной прямоотой отмечает сам: «Описание [Петром Бориславичем. — И. Д.] похода 1168 г. подправлялись разными летописцами. В основу [реконструкции «оригинального» текста Петра Бориславича. — И. Д.] положен текст Киевского свода 1198 г. (Ипатьевская летопись), очищенный от церковных вставок, сделанных каким-то редактором середины XIII в. <...>. Дополнения даны по Татищеву (строки 8–9) и по летописному своду 1475 г. (вторая половина строки 6 и строки 10–12). При сведении воедино фраз из разновременных списков сказывается различие языка XII в. (основной текст), XV в. (свод 1479 г.) и XVIII в. (Татищев), что ослабляет общее впечатление и должно быть учтено читателем»¹³⁵.

Серьезной проверкой принадлежности этих текстов одному автору (в нашем случае — Петру Бориславичу) мог бы стать их лингвистический анализ. Попытка подобного исследования была предпринята В.Ю. Франчук¹³⁶.

¹³³ Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 307, 392.

¹³⁴ Рыбаков Б.А. Петр Бориславич. С. 232.

¹³⁵ Там же. С. 237.

¹³⁶ Франчук В.Ю. Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»? Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1976. С. 77–92; Франчук В.Ю. Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986.

Полученные ею результаты, по мнению автора «Петра Бориславича», оказались настолько обнадеживающими, что он даже посчитал возможным «убрать» в последней работе, посвященной атрибуции «Слова о полку Игореве», «несколько неуверенный тон по поводу авторства Петра Бориславича в отношении киевской летописи 1190 г.»¹³⁷. Работа В.Ю. Франчук, действительно, довольно любопытна, но, к сожалению, не может рассматриваться в качестве доказательства не только авторства Петра Бориславича, но и точности выделения Б.А. Рыбаковым известий, восходящих к летописи «Мстиславова племени». Строго говоря, Франчук подтвердила вывод А.А. Шахматова о том, что в основе Ипатьевской летописи лежит киевский свод 1198 г., составленный из летописи, близкой Святославу Всеволодичу, и летописи Рюрика Ростиславича. Отобранные ею лингвистические аргументы подтверждают сходство лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» и Ипатьевской летописи на всем протяжении XII в. Этого, однако, недостаточно, чтобы говорить о тождестве их авторов. Тем более что подобное сходство можно проследить и в более поздних летописных текстах. Достаточно вспомнить хотя бы знаменитое предание о траве евшан, связанное с отцом Кончака, ханом Отроком. Оно записано под 1201 г., но относится к еще более позднему времени (по мнению В.Л. Янина, автор «Слова» пользовался редакцией Ипатьевской летописи, возникшей не ранее последней трети XIII в.¹³⁸). Среди прочих параллелей здесь, в частности, присутствует лексическая форма, присущая, по мнению В.Ю. Франчук, только Петру Бориславичу: «шолом»¹³⁹. Есть в выделенных лексических параллелях и черты, которые, скорее говорят о различии сравниваемых текстов, нежели об их общем происхождении. Так, в качестве одной из особенностей языка «предполагаемого» Петра Бориславича (термин Б.А. Рыбакова¹⁴⁰) приводится слово «комони», действительно, редкое в древнерусских памятниках, но употребляемое и летописцем, и автором «Слова». Однако в Ипатьевской летописи, как и в «Повести временных лет» (под 6477 г.), это термин, который связывается исключительно с уграми (венграми). В «Слове» же он (по мнению Б.А. Рыбакова, с которым вполне можно согласиться) означает половецких или древнерусских боевых коней¹⁴¹. От «комоней» автор поэмы отличает «угорских иноходцев», что, очевидно, является точным значением данного термина Ипатьевской летописи. Другим примером может служить использование автором Киевской летописи слов «русь» ис-

¹³⁷ Рыбаков Б.А. Петр Бориславич. С. 282.

¹³⁸ История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: матер. дискуссии 1960-х годов / вступ. ст., сост., подг. текстов и комм. Л.В. Соколовой. СПб., 2010. С. 488–491.

¹³⁹ ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 716.

¹⁴⁰ Рыбаков Б.А. Петр Бориславич. С. 231.

¹⁴¹ Там же. С. 59.

ключительно в значении «русские воины»¹⁴². В «Слове» же в этом смысле используется другое слово — «русичи». По мнению Л.В. Милова, данная форма возникла из более ранней — *рус/с/ци*, что сближает «Слово» с Ипатьевской летописью, часть списков которой «сохранила древнейшую орфографию определения *русский (рус/с/ции)*»¹⁴³. Однако, как видим, и в рамках этой гипотезы прямого совпадения лексики «Слова» и Ипатьевской летописи не наблюдается. Кроме того, как отмечает Л.В. Милов, форма *русьции* встречается в Ипатьевской летописи в основном в текстах второй половины XIII в.¹⁴⁴ Следовательно, употребление ее не может связываться с творчеством «предполагаемого Петра Бориславича». Такие семасиологические и ономасиологические нюансы весьма показательны именно как различие авторских «почерков», а не основание для их отождествления. Что же касается лингвистического доказательства гипотезы Б.А. Рыбакова о едином авторстве ряда записей XII в. в составе Ипатьевской летописи, то для него, вероятно, необходим более полный и тонкий анализ. Простые совпадения в лексике и фразеологии здесь вряд ли помогут. Они могут объясняться взаимовлиянием сравниваемых текстов друг на друга, либо общим источником, на который они опираются, а не только тем, что были написаны одним автором.

Для доказательства последнего тезиса требуется установить сугубо индивидуальные черты, присущие данному летописцу и одновременно отделяющие его от всех прочих собратьев по перу («лингвистический спектр» автора). Такая попытка была предпринята Л.В. Миловым, И.В. Полянской (Гогойной) и Н.В. Романковой¹⁴⁵. Результат, который получили исследователи, вряд ли можно назвать однозначным (особенно учитывая центонный принцип построения древнерусских литературных произведений — в том числе и «Слова о полку Игореве»): «Концепция академика Б.А. Рыбакова, развиваемая им на протяжении последних двух десятилетий, о том, что автором “Слова о полку Игореве” является создатель “Мстиславовой летописи”, которая в большой своей части дошла до нас в составе свода 1200 г. в Ипатьевской летописи, не может быть отвергнута. Полученные нами коэффициенты близости (*q*), не доказывая с абсолютной уверенностью это авторство, вполне допускают возможность такого толкования. Прodelанный

¹⁴² Франчук В. Ю. Киевская летопись. С. 85–87.

¹⁴³ Милов Л.В. О «Слове о полку Игореве»: палеография и археография рукописи, чтение «русичи» // История СССР. 1983. № 5. С. 94–102.

¹⁴⁴ Там же. С. 101; ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 872, 876, 888, 897.

¹⁴⁵ [Милов Л.В., Полянская И.В., Романкова Н.В.] Был ли боярин Петр Бориславич автором «Слова о полку Игореве»? // От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства / отв. ред. Л.В. Милов. М., 1994. С. 104–125.

нами эксперимент, несомненно, следует продолжить, прежде всего, расширяя базу данных»¹⁴⁶.

И еще один филологический момент, на который стоит обратить внимание. Примеров, когда автор древнерусского письменного произведения говорит о себе в третьем лице, называя себя исключительно по имени и отчеству, вероятно, найдется немного. В связи с этим представляется сомнительным основательность подтверждения авторства Петра Бориславича фрагментами летописи, где он упоминается «со стороны».

Впрочем, эта черта роднит *предполагаемого* Петра Бориславича с другим древнерусским автором, созданным Б.А. Рыбаковым — с *предполагаемым* Кузьмищей Киянином.

Этот *предполагаемый* автор также говорит о себе только в третьем лице, упоминая себя с прозвищем, которое обычно давалось жителю или выходцу территории, отличной от места его нынешнего пребывания. И здесь одним из исходных пунктов отождествления персонажа повествования и автора текста служит «эффект присутствия», который исследователь обнаруживает в повествовании.

Сохранилось всего *шесть* упоминаний имени Кузмище в ипатьевском варианте рассказа об убиении Андрея Боголюбского. Кузмище в этом тексте появляется внезапно и так же внезапно исчезает. Впервые он упоминается сразу после повествования об убийстве князя и начале грабежей во Владимире: «И тече на место Кузмище Киянинъ, оли нетуть князя — убьень. И почаша прошати Кузмище: “Кде есть убить господинъ?” И рекоша: “Лежить ти выволочень в огородъ. Но не мози имати его. Тако ти молвять вси: ‘Хочемы и выверечи псом. Оже ся кто прииметь по нь, тотъ нашъ есть — ворожьбить есть. А и того убьемъ’ ”. И нача плакати над нимъ Кузмище...» Тут на «сцене» появляется один из заговорщиков, ключник Амбал. Между ним и Кузмищем происходит разговор, в результате которого Кузмище приносит завернутое в плащ и ковер тело князя к церкви: «И рече: “Отомъ-кнете ми божницу!” И рекоша: “Порини и ту, въ притворе”. Печаль ти имъ уже: бо пьяни бяхуть. И рече Кузмище: “Уже бо тебе, госопдине, паробыци твои тебе не знаютъ...” И тако положивы и въ притворе, у божници, прикрывы и корьзномъ»¹⁴⁷.

Вот, собственно, и все, что известно нам о Кузмище из исторических источников. В Лаврентьевской летописи Кузмище вообще не упоминается; согласно лаврентьевскому варианту «Повести», тело Андрея из Боголюбова во Владимир перевез игумен Феодул «с клирошаны»¹⁴⁸. Б.А. Рыбаков

¹⁴⁶ Там же. С. 122.

¹⁴⁷ Ипатьевская летопись. Стб. 590–591.

¹⁴⁸ Лаврентьевская летопись. Стб. 370. (Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 104).

считает, что эти упоминания в ипатьевской «Повести» предоставляют исследователю вполне «достаточно сведений о своеобразном облике ее автора». На их основе он «воссоздает» образ, который может поразить полнотой и объемом (при этом, правда, автор вскользь оговаривается: «Оставим для удобства за этим автором его условное имя — Кузьмище Киянин»¹⁴⁹; и здесь, как видим, речь идет о *предполагаемом* образе). Кузьмище «прежде всего не церковник, несмотря на знание им основной обиходной церковной книжности»¹⁵⁰. «Не мог он быть и простым монахом»¹⁵¹. «Кузьмище не был и боярином», но «принадлежал все же к каким-то видным дворцовым людям, долго прожившим при дворце (он помнил, что Амбал был в бедной одежде, а теперь одет в бархат) и пользовавшимся весом и влиянием»¹⁵². «Он был прекрасно осведомлен обо всем, что делалось в замке и во Владимире», причем «знал не только внешнюю сторону событий, но и их внутренний смысл (переговоры заговорщиков с владимирцами)»¹⁵³. «Возможно, что Кузьмище был одним из “милостников” князя Андрея», причем «место Кузьмище на этой лестнице определяется его образованностью и книжностью»: «Кузьмище Киянин ничем не проявил знания ратного дела, но показал себя явно “крепким в словесах”»¹⁵⁴.

Существенные дополнения в характеристику Кузьмища, по мнению Б.А. Рыбакова, вносят «особенности описания дворцовой церкви»¹⁵⁵. Правда, именно в тексты этих описаний предварительно вносится (как и в случае с Петром Бориславичем) ряд «поправок»: некоторые описания архитектурных памятников не соответствуют собственным представлениям создателя *предполагаемого* киевлянина Кузьмы о том, как древнерусскому автору следовало их выстраивать. Например, историк полагает, что после сравнения Успенского собора во Владимире с ветхозаветным храмом, построенным Соломоном, «нельзя возвращаться к таким мелочам, как флюгера и позолота на кровле; поэтому оказавшиеся лишними строки *должны* найти свое место за пределами описания Успенского собора»¹⁵⁶. После такого «оперативного» вмешательства в текст, можно, по мнению Б.А. Рыбакова, выявить «полное

¹⁴⁹ Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» С. 78–130 (курсив мой. — И. Д.).

¹⁵⁰ Там же. С. 90.

¹⁵¹ Там же. С. 90.

¹⁵² Там же. С. 90.

¹⁵³ Там же. С. 90. Добавлю: все это может иметь отношение к Кузьмищу лишь при условии, что тот действительно был автором «Повести», поскольку все выводы Б.А. Рыбакова строятся на том, что и как описывается в тексте «Повести».

¹⁵⁴ Там же. С. 91. Заметим, и это утверждение опирается на приписываемом ему авторстве «Повести».

¹⁵⁵ Там же. С. 98.

¹⁵⁶ Там же. С. 93 (курсив мой. — И. Д.).

равнодушие Кузьмы к архитектурным формам как таковым, к скульптуре, украшавшей замок, к фресковой росписи, к майоликовой декорации, известной по археологическим данным». Попутно заметим, что перечень того, на чем *не* сосредоточивалось внимание автора «Повести», можно продолжать до бесконечности: любое описание не может охватить *всё* явление целиком, во *всем* его многообразии. Представляется непродуктивным в подобных случаях делать какие бы то ни было выводы из фигуры умолчания.

«Все его внимание, — продолжает Б.А. Рыбаков, — сосредоточено на двух видах изделий златокузнецов: на золотом узорочье с дорогими камнями и великом жемчугом, во-первых, и на всех решительно формах применения оковки, позолоченной медью, во-вторых»¹⁵⁷. Из этого следует вывод: все упоминания в Ипатьевской летописи золота, серебра, драгоценных камней и жемчуга в качестве церковного убранства, а также все упоминания закладки и отделки (но не строительства!) церквей на Северо-Востоке Руси принадлежат перу Кузмища Киянина¹⁵⁸. «Первую заметку», которая якобы принадлежит перу Кузьмы, Б.А. Рыбаков находит под 1155 г.: «И вко-ва в ню [в икону Владимирской Богоматери. — И. Д.] *боле тридесят гри-зен золота, кроме серебра и камня драгого и женчюга и украсив ю, постави ю в церкви своей Володимери*»¹⁵⁹. Следует, правда, отметить, что в данном случае Б.А. Рыбаков без всяких оговорок цитирует (к тому же не совсем точно) не Ипатьевскую, а Лаврентьевскую летопись, в которой имя Кузмище вообще не упоминается¹⁶⁰. Еще один пример — и вновь из Лаврентьевской летописи¹⁶¹, и вновь не совсем точно: «Создана бысть церкы святая Богородица в Володимери благоверным и боголюбивым князем Андреемъ. И украси ю дивно многоразличными иконами и драгим каменьем бес числа и сосуды церковными. И верх ея позлати»¹⁶². Однако столь неопределенные стилистические приметы» автора не дают возможности сколько-нибудь надежно атрибутировать текст. Иначе Кузмище пришлось бы, пожалуй, написать и сравнение великого священника Симона, сына Онии, который «в дни жизни своей исправил дом и во дни свои укрепил храм», с «кованым золотым сосудом, украшенным всякими драгоценными камнями»¹⁶³, или, наоборот, описание «великой блудницы», Вавилона в Апокалипсисе: «Жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными

¹⁵⁷ Там же. С. 98.

¹⁵⁸ Там же. С. 104–109.

¹⁵⁹ Там же. С. 105 (курсив Б.А. Рыбакова).

¹⁶⁰ Лаврентьевская летопись. Стб. 346.

¹⁶¹ Там же. Стб. 351.

¹⁶² Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» С. 106 (курсив Рыбакова).

¹⁶³ Там же. 50: 1, 10.

камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей»¹⁶⁴, «великий город, одетый в виссон и порфиру и багряницу, украшенный золотом и камнями драгоценными и жемчугом»¹⁶⁵.

При этом одной из важнейших исходных посылок является догадка, будто все оставленные Кузмищем «описания предназначались для современников, которые хорошо знали, мог или не мог он говорить в таких тонах с одним из главарей дворцового переворота», — т.е. только для ближайшего окружения Андрея Боголюбского, что само по себе странно. Во-первых, непонятно, зачем тогда потребовалось подробно описывать обстоятельства убийства Андрея тем, кто и без того прекрасно был осведомлен об этом? Во-вторых, если это действительно был «локальный» текст, предназначавшийся только для «внутреннего употребления», зачем его потребовалось вставлять в летопись? Если же учесть, что чуть позже Б.А. Рыбаков прямо называет Кузмище летописцем, оказывается, что вся летопись представляет собой такой «приватный» текст, потенциальными читателями которого должны были стать лишь ближайшее окружение князя.

Тем не менее именно столь зыбкие основания использует Б.А. Рыбаков для конструкции «биографии» Кузьмы Киевлянина. Опираясь на якобы присущий своему герою особый интерес к «узорочью», исследователь выдвигает «смелую» мысль о том, что тот был «главным декоратором златокованных храмов Андрея». Он прибыл во Владимир в числе мастеров, приглашенных князем из Киева и Чернигова. С начала 60-х годов XII в. он, как убежден Б.А. Рыбаков, начал вести «краткие годовые записи, преимущественно о строительных делах князя». «После победоносного похода на “поганных Болгар”» у Кузмища неожиданно «возникла идея создания летописи, прославляющей князя»¹⁶⁶, чем он и занялся, так сказать, в свободное от основной работы время. В 1164 г. в создании этой «краткой хроники» наступает перерыв, который продолжался, как считает Б.А. Рыбаков, примерно до 1172 г. Основанием для атрибуции текстов и здесь выступает «стиль Кузмища», который, в свою очередь, определяется по текстам, приписываемым Кузмищу на основании... стилистических особенностей, присущих этому предполагаемому автору.

Однако на этом Б.А. Рыбаков не остановился. Для объяснения гипотетического перерыва Кузмища в его гипотетической работе над летописью была высказана догадка, «что летописец-“хытрец” около 1165 г. уехал из Владимира в связи со строительством Боголюбовского замка и его двух храмов». В 1165–1168 гг. он якобы занят строительством в Боголюбове, а

¹⁶⁴ Откр. 17: 4.

¹⁶⁵ Откр. 18: 16.

¹⁶⁶ Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слово о полку Игореве». С. 110.

в 1169–1170 гг. наносит визит в Киев, чтобы «делать Золотые ворота <...> и украшать золотом какую-то церковь внутри города на Ярославовом великом дворе»¹⁶⁷. «Возвращение» же «Кузьмища к летописному делу, возможно, связано с завершением всех строительных работ Андрея вне Владимира: в Боголюбове, а может быть, и в Киеве, куда посылались мастера создавать “золотую” церковь»¹⁶⁸. В 1174–1175 гг. Б.А. Рыбаков отправляет «клеветра Андрея» в Чернигов, поскольку «было бы совершенно естественным, если бы придворный летописец Андрея Юрьевича <...> покинул опасный для него город вместе с уцелевшими Юрьевичами и прибыл с ними к давнему другу и союзнику Андрея Святославу Черниговскому». При этом уточняется, что «князю Михалку Кузьмище мог быть нужен в качестве грамотного свидетеля (!) событий в Боголюбовском замке с 29 июня по 3 июля 1174 г.»¹⁶⁹ Далее уже без всяких сомнений Б.А. Рыбаков пишет: «Оказавшись в Чернигове, Кузьмище прославлял своим пером как брата Андрея Михалка, так и самого Святослава Всеволодича и его сына Владимира. Это тем более естественно, что спустя некоторое время княжич Владимир женился на дочери Михалка Юрьевича, скрепив этим политический союз отцов. Кузьмище описал два похода из Чернигова, в которых Владимир Святославич успешно помогал своему будущему тестю». Наконец, «в последний раз знакомый нам стиль Кузьмища Киянина, восхваляющего золотое узорочье, встречается в летописи под 1184 г.»¹⁷⁰

Остается лишь добавить, что, по мнению Б.А. Рыбакова, Кузьмище мог выполнять еще и дипломатические функции (на том основании, что человек с таким же прозвищем, служивший у новгород-северского князя Святослава Всеволодича, в 1159 г. был направлен в Киев для решения вопроса о судьбе Ивана Берладника — с многозначительным добавлением: «другие князья посылали с той же целью видных бояр»¹⁷¹), а также занимался книжной миниатюрой (во всяком случае, ему приписывается если не авторство, то руководство «иллюстрированием летописи»¹⁷²).

Так, из краткого разговора, который якобы произошел между ключником Андрея Боголюбского и неким Кузьмой, который, скорее всего, был уроженцем г. Киева, «воссоздается» «двадцатичетырехлетняя летописательская деятельность Кузьмища Киянина».

¹⁶⁷ Там же. С. 126.

¹⁶⁸ Там же. С. 112.

¹⁶⁹ Там же. С. 119.

¹⁷⁰ Там же. С. 122 (курсив мой. — И. Д.).

¹⁷¹ Там же. С. 124.

¹⁷² Там же. С. 126.

ЭКСКУРС 8. КАЗУС «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Использование реконструированных текстов исторических источников в качестве основы конкретно-исторического исследования нашло законченное выражение в трудах Б.А. Рыбакова, посвященных «Слову о полку Игореве»¹⁷³. Обычно считается, что Б.А. Рыбаков опирается на реальные тексты. Так, Д.С. Лихачев отмечал: «Б.А. Рыбаков строит свою гипотезу на фактическом материале — на возможности сопоставления *реально существующих текстов* — летописного текста, приписываемого Петру Бориславичу, и текста «Слова». Именно сравнение текстов позволяет Б.А. Рыбакову сделать ряд сопоставлений <...>. Важно принципиальное отличие этой гипотезы от <...> догадок об авторе «Слова» — перед нами разноаспектное сопоставление, основанное на *реально существующих текстах*»¹⁷⁴. Эту же оценку повторил О.В. Творогов: «...Гипотеза [Б.А. Рыбакова о принадлежности «Слова о полку Игореве» перу Петра Бориславича. — И. Д.] отличается от иных догадок об авторстве «Слова» тем неоспоримым преимуществом, что мы имеем в этом случае возможность сравнить *реальные тексты* — текст «Слова» с текстом летописных статей, автором которых считается Петр Бориславич...»¹⁷⁵. Показательно, что процитированные строки принадлежат двум ведущим советским текстологам «шахматовского» направления, что подтверждает наблюдение В.Г. Вовиной-Лебедевой о том, что последователи А.А. Шахматова вполне лояльно относились и относятся к реконструкциям текстов как к источнику ретроспективной информации¹⁷⁶. Однако при ближайшем рассмотрении такое мнение оказывается не вполне справедливым.

Еще в 1971 г. Б.А. Рыбаков в довольно осторожной форме высказал гипотезу о том, что «Слово» сохранилось в первоначальном виде. Развивая наблюдения А.И. Соболевского, В.А. Яковлева и др., автор «Петра Бориславича» предположил, что в привычном для современного читателя тексте отразились многочисленные перестановки отдельных его фрагментов. Там же была предложена ориентировочная реконструкция первоначальной структуры текста «Слова», причем сам памятник был дан в пере-

¹⁷³ Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве»; Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; Рыбаков Б.А. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве».

¹⁷⁴ Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. СПб., 2001. С. 333 (курсив мой. — И. Д.).

¹⁷⁵ Творогов О.В. Некоторые принципиальные вопросы изучения «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1977. № 4. С. 98 (курсив мой. — И. Д.).

¹⁷⁶ Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011. С. 318, 460, 476, 490–492, 744, 806 и др.

воде¹⁷⁷. В 1985 г. вниманию научной общественности была предложена реконструкция, составленная уже из фрагментов самого текста. За основу ее принят вариант разделения «Слова» на строки, предложенный самым, пожалуй, стойким и последовательным противником каких бы то ни было перестановок в тексте этого памятника, В.И. Стеллецким¹⁷⁸. Возможность предложенных Б.А. Рыбаковым перемещений проверила Л.П. Жуковская — крупнейший специалист в области палеографии и кодикологии. Она подтвердила внутреннюю непротиворечивость реконструкции Б.А. Рыбакова. При этом, однако, подчеркивалось, что данная гипотеза имеет право на существование только в том случае, если она будет базироваться на серии предположений. Во-первых, листы не могли быть перепутаны «в один прием». Последовательных перестановок должно было быть не менее трех. Во-вторых, перестановки осуществлялись в списках, имевших различный «объем» листа. В-третьих, один из промежуточных списков «Слова» должен был быть написан на листах бересты разного формата, либо его текст «перемежался небольшими миниатюрами, места расположения которых и занимаемая высота на листе и его обороте были неодинаковы». Наконец, в-четвертых, один из переставленных отрывков (№5, стрк. 285–295) должен был располагаться на последнем листе тетради, из-за чего на последней странице уместился текст, приблизительно на 16% меньший, чем на других страницах¹⁷⁹.

Однако чтобы подобные перестановки стали возможными (но не обязательными!), был необходим целый ряд принципиально невыполнимых условий. Во-первых, «Слово» в течении всей истории должно было переписываться в отдельных списках. Для ранних произведений такие случаи крайне редки. Д.С. Лихачев подчеркивал: «В средневековой письменности редко можно найти произведение одного автора или одно произведение, выделенное в отдельную самостоятельную книгу. Нельзя представить себе, что на книжной полке средневекового любителя чтения стояли рядом з отдельных переплетах “Слово о полку Игореве”, “Моление Даниила Заточника”, “Поучение Владимира Мономаха” и т.д. Средневековая русская книга <...> была чаще всего с б о р н и к о м»¹⁸⁰. Во-вторых, все переставляемые фрагменты должны были быть орфографически, грамматически и ло-

¹⁷⁷ Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники.

¹⁷⁸ «Слово о полку Игореве»: Попытка восстановления первоначального композиционного строя поэмы. Реконструкция Б.А. Рыбакова // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 7–24.

¹⁷⁹ Жуковская Л.П. О редакциях, издании 1800 г. и датировке списка «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. С. 68–79.

¹⁸⁰ Лихачев Д.С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк // Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 290.

гически законченными, что просто невероятно. Мало того, все они должны были совпадать с условным (и искусственным) делением текста на ритмические строки, предложенным В.И. Стеллецким, что невозможно в принципе. В-третьих, ни в тех местах, откуда они извлекались, ни в тех местах, куда они перемещались, не должно было быть переносов. Для сравнения, в Изборнике 1076 г., послужившем основой для расчетов Л.П. Жуковской, на каждые четыре листа приходится в среднем по три переноса слов с листа на лист или со страницы на страницу (не говоря уже о нарушениях структуры предложения или логики изложения). Соответственно, в исходном гипотетическом списке «Слова», первом из тех, в которых было допущено перемещение листов, должно было быть не менее 30 переносов слов со страницы на страницу или с листа на лист (при объеме рукописи около 41 листа). Вероятность того, что при перемещении шести листов на новое место (часть из которых к тому же были перевернуты на 180°) не встретилось ни одного из таких переносов, ничтожно мала. А ведь переносы должны были отсутствовать и на тех местах, между которыми они попадали. Неясно, как могли поменяться местами строки 255, 259...

Второй «опорной точкой» Б.А. Рыбакова были летописные тексты, приписываемые им Петру Бориславичу. И здесь речь шла не о реальных текстах, а о довольно произвольных реконструкциях, опиравшихся на фрагменты Ипатьевской летописи, тексты «Истории Российской с самых древнейших времен» В.Н. Татищева, не находящие подтверждения в дошедших до нашего времени летописях, а также на часть миниатюр Радзивилловской летописи, восходящих, по мнению Б.А. Рыбакова, к оригиналам, созданным если не самим Петром Бориславичем, то под его руководством.

Естественно, было бы неразумно возражать против предположения о том, что история литературных произведений конца XII в., сохранившихся только в поздних списках, могла включать несколько последовательных редакционных переработок. Есть блестящие примеры выявления подобных этапов, сопровождающиеся текстуальными реконструкциями утраченных текстов (прежде всего, уже упоминавшиеся работы А.А. Шахматова, посвященные изучению летописания Древней Руси). Однако в данном случае имелись существенные отличия. Реконструкции Б.А. Рыбакова не объясняли разночтений между реальными текстами, а стали следствием расхождения между логикой источника и тем, каковой, по мнению читателя конца XX в., *должна была быть* эта логика. Более плодотворным и перспективным представляется иной путь разрешения подобного противоречия: не изменяя текст источника, попытаться понять его таким, каким он дошел до нашего времени. Конечно, этот путь не отвергает полностью возможности предположений о том, что исследуемый текст мог претерпевать за время своего бытования определенные изменения. И лучшей иллюстрацией вы-

двинутых гипотез и предположений будет при этом гипотетическая реконструкция утраченных текстов. Но она должна завершать исследование, а не предварять его.

Возникает вопрос, насколько обоснован отбор текстов, на которых строится реконструкция «летописи Мстиславова племени». Селекция собственно летописных текстов проводится по целому ряду признаков (политические взгляды автора, светский характер записей, эффект присутствия пишущего, обилие частных деталей, стремление включать в летопись тексты документов и т.п.). Однако при конкретном анализе летописных статей оказывается, что ни один из этих признаков не является постоянным, да и сам набор их периодически изменяется. В связи с этим возникают вполне обоснованные сомнения в том, что все они принадлежат перу одного и того же человека, меняющего то политическую ориентацию, то стиль изложения, то степень полноты отображения происходящих событий, то свое местопребывание. Изменяются даже диалектные черты авторского языка, что заставляет предположить привлечение Петром Бориславичем на последней стадии работы над летописью какого-то галичанина¹⁸¹.

Все эти изменения точек зрения тем более трудно связывать с одним человеком, что конкретных данных о Петре Бориславиче у нас почти нет. Вся его биография, за исключением известия о посольстве к Ярославу Осмомыслу, строится именно на летописных статьях, выделенных по косвенным признакам, присущим якобы самому Петру Бориславичу.

Наряду с собственно летописными текстами для воссоздания «летописи Мстиславова племени» автор «Петра Бориславича» привлек также избыточные тексты В.Н. Татищева. Споры о правомерности их использования хорошо известны. Вероятно, следует согласиться с тем, что рассмотрение любого из них в качестве источника возможно лишь после доказательства его происхождения из списков летописей, утраченных после написания «Истории Российской». Методика для этого разработана и дает достаточно надежные результаты¹⁸². К сожалению, в «Петре Бориславиче» цитаты из труда В.Н. Татищева используются без соответствующей проверки.

Примером может послужить комплекс посмертных портретов-характеристик великих князей, созданных якобы Петром Бориславичем и сохранившихся только благодаря выпискам В.Н. Татищева. Как известно, эти портреты в I и II редакциях татищевской «Истории» существенно различаются. Речь идет не просто о сокращении или, наоборот, расширении описания, что могло бы объясниться повторным обращением к одному и тому же источнику или просто редактированием текста. Изменяется (и за-

¹⁸¹ Рыбаков Б.А. Петр Бориславич. С. 170–171, 245.

¹⁸² Добрушкин Е.М. О методике изучения «татищевских известий». М., 1977. С. 76–96; Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005; и др.

частую радикально) само содержание характеристики князя. Это уже давно привело исследователей к выводу, что портреты-характеристики вышли из-под пера самого Татищева¹⁸³. Впрочем, Л.В. Милов считает, что ему удалось найти свидетельство документальности княжеских характеристик и портретов «Истории Российской». Он выдвинул догадку, что эти сведения В.Н. Татищев извлек из некоей «Симоновой летописи» («манускрипта А.П. Волынского»), которую тот привлек для работы над второй редакцией своей «Истории»¹⁸⁴. Правда, как показали последние исследования, сама «летопись» — не более чем «фантом», порожденный «воззрениями самого Татищева на историю древнего летописания», а ее «автор» Симон — «собирательное понятие для летописания начала XIII в.»¹⁸⁵

У нас есть возможность проверить точность описания внешности по крайней мере одного из портретируемых. В распоряжении историков имеются результаты обследования костных останков Андрея Боголюбского сотрудниками Ленинградского рентгенологического института и документальная портретная реконструкция князя, осуществленная М.М. Герасимовым. Оказывается, татищевский портрет Андрея Боголюбского («ростом был невелик <...>, власы чермные¹⁸⁶, кудрявы, лоб высокий, очи велики и светлы»¹⁸⁷) серьезно расходится с наблюдениями антропологов. Установлено, что князь был несколько выше среднего роста, имел очень покатый лоб, глубоко посаженные глаза с явно монголоидным разрезом и слегка волнистые волосы¹⁸⁸. Следовательно, автор литературного описания, скорее всего, никогда самого Андрея Юрьевича не видел и мог судить о внешности его, в лучшем случае, по миниатюрам. «Предполагаемый» же Петр Бориславич, по мнению Б.А. Рыбакова, знал князя лично, видел его и беседовал с ним, а потому должен был хорошо знать Андрея Юрьевича «в лицо»¹⁸⁹. Следовательно, по крайней мере этот портрет не принадлежит руке Петра Бориславича. Наиболее вероятным претендентом на авторство этого портрета является сам В.Н. Татищев.

¹⁸³ Добрушкин Е.М., Лурье Я.С. Историк-писатель или издатель источников? К выходу в свет академического издания «Истории российской» В.Н. Татищева // Русская литература. 1970. № 2. С. 221–222.

¹⁸⁴ Милов Л.В. Татищевские портреты-характеристики и «Симонова летопись» // История СССР. 1978. № 6. С. 76–94.

¹⁸⁵ Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева. С. 84–89.

¹⁸⁶ В данном случае — «рыжие».

¹⁸⁷ Татищев В.Н. История Российская. Т. 3. М.; Л., 1964. С. 105.

¹⁸⁸ Рохлин Д.Г., Майкова-Строганова В.С. Рентгено-антропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 9–10. М.: Л., 1935. С. 158; Гинзбург В.В. Андрей Боголюбский // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 2. М., 1945. С. 88; Герасимов М.М. Андрей Боголюбский // Там же. С. 90.

¹⁸⁹ Рыбаков Б.А. Петр Бориславич. С. 252.

Кстати, «этикетные» портретные некрологические характеристики князей, аналогичные татищевским, в обилии встречаются в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях в XIII в. Так что подобные описания внешности князей вообще не могут рассматриваться как индивидуализирующий признак стиля того или иного автора (в нашем случае Петра Бориславича). Скорее всего, они-то и послужили поводом для создания рассматриваемых портретов.

Как бы то ни было, из фрагментов Ипатьевской летописи, а также избыточных татищевских известий и воссоздается первичный состав летописи, созданной «предполагаемым Петром Бориславичем». Причем и текст летописи, и выдержки из «Истории» Татищева подвергаются предварительной обработке и произвольной «корректировке». В частности, из летописных известий изымаются религиозные оценки¹⁹⁰, одни татищевские портреты восполняются за счет других¹⁹¹ и т.п.

Каким образом осуществляется реконструкция «первоначального вида летописи Петра Бориславича», хорошо показывает «восстановление» описания похода 1168 г. Начинается оно пятью с половиной условными строками (приблизительно по 45 знаков в каждой), заимствованными из Ипатьевской летописи и «очищенными от церковных вставок, сделанных каким-то редактором середины XII в.» За ними следует половина строки из свода 1475 г. Затем идет еще одна строка из Ипатьевской летописи и две строки из труда В.Н. Татищева. Завершается описание еще тремя строками из свода 1475 г.¹⁹² Очевидно, перед нами не реально существовавший когда-то текст, а произвольная контаминация, представляющая собой текстологически необоснованную догадку, которую даже нельзя признать *гипотетической* реконструкцией.

Необходимо остановиться также еще на одном виде источников «Петра Бориславича». Речь идет о ряде миниатюр Радзивилловской летописи. Они не только существенно дополняют письменную информацию о предполагаемом авторе «Слова о полку Игореве», но и являются связующим звеном в источниковедческих наблюдениях Б.А. Рыбакова, ликвидируя хронологические разрывы в летописных текстах.

Работа создателя «Петра Бориславича» с миниатюрами представляет особый интерес. Целый ряд тонких наблюдений, в частности, касающихся символической стороны изображений, несомненно, является серьезным вкладом в методику изучения изобразительных исторических источников. Тем более важно обратить внимание на ряд спорных мест в истолковании миниатюр автором «Петра Бориславича».

¹⁹⁰ Там же. С. 238.

¹⁹¹ Там же. С. 172–173.

¹⁹² Там же. С. 237–238.

Прежде всего, встает вопрос, насколько корректно отказываться от вполне обоснованного представления о том, что миниатюра следует за иллюстрируемым текстом, а не предшествует ему. Между тем интерпретация ряда миниатюр Б.А. Рыбаковым основывается на связи миниатюры именно со следующим за ней текстом.

Примером такого рода может служить миниатюра¹⁹³, на которой, по мнению автора, изображен Петр Бориславич, возглавляющий посольство великого князя к Ярославу Осмомыслу¹⁹⁴. Она отнесена к миниатюрам, которые при перенесении из Киевской летописи утратили сопровождающий их текст¹⁹⁵. Между тем содержание миниатюры вполне соответствует тексту, который непосредственно ей *предшествует* и рассказывает о совещании Ярослава Осмомысла со *своими боярами*¹⁹⁶. Подобных примеров довольно много¹⁹⁷. Это сплошь и рядом приводит к неточному раскрытию символических фигур, которые использует миниатюрист для характеристики происходящих событий.

В связи с миниатюрами и их атрибуцией возникает и ряд других вопросов. Так, неясно: следует ли все изображения с соответствующими символическими дополнениями либо отклонениями от стереотипа приписывать одному автору? является ли изменение символического языка (замена звериных фигур человеческими и т.п.) признаком смены миниатюриста или заказчика? следует ли из этого, что все нормальные миниатюры принадлежат руке другого автора (или авторов)? К сожалению, по вполне понятным причинам эти и подобные им проблемы не стали в рассматриваемой работе объектом специального изучения, хотя она вплотную подводит к необходимости их постановки и серьезной разработки.

Итак, все конкретно-исторические построения Б.А. Рыбакова в «Петре Бориславиче» основываются на догадках и гипотетических реконструкциях. Это не может не повлиять на оценку самого исследования и его результатов. Ведь именно разноаспектное сопоставление, основанное на реально существующих текстах, должно было *принципиально* отличать его от всех прочих догадок об авторе «Слова» и составлять неоспоримое преимущество перед ними.

Анализ источниковой базы, на которой строится «Петр Бориславич», показывает, что в ней отсутствуют реальные тексты; в лучшем случае, ее составляют слабо обоснованные гипотезы, в худшем — произвольные догадки.

¹⁹³ Радзивилловская летопись, л. 196 об., низ.

¹⁹⁴ Рыбаков Б.А. Петр Бориславич. С. 162, 165.

¹⁹⁵ Там же. С. 183, 184.

¹⁹⁶ Радзивилловская летопись. С. 125.

¹⁹⁷ Рыбаков Б.А. Петр Бориславич. С. 178, 179, 194, 195 и др.

Вообще, роль догадки в данной работе очень велика. Само по себе это, вероятно, неизбежно при любом достаточно сложном построении. Вспомним хотя бы так называемый метод «больших скобок», к которому приходилось прибегать А.А. Шахматову: «Вовлекая в изучение все сохранившиеся летописные тексты, определяя в них сплетение в большинстве случаев прямо до нас не сохранившихся летописных сводов, А.А. Шахматову приходилось прибегать, так сказать, к методу больших скобок, какими пользуются при решении сложного алгебраического выражения, чтобы потом, позднее, приступить к раскрытию этих скобок, т.е. к уточнению анализа текста. Этот прием вносил некоторую видимую неустойчивость в выводы, сменявшиеся на новые, более взвешенные»¹⁹⁸. Главный вопрос заключается в том, где лежат пределы его использования. Накопление и систематическое расширение «скобок» снижает вероятность дальнейших построений в геометрической прогрессии. Метод «больших скобок» имеет тенденцию при неумеренном его использовании превращаться в метод «больших ошибок» («говорящая» техническая опечатка в цитате из труда М.Д. Присёлкова¹⁹⁹). Если же «скобки» лежат в основе исследования, простое сомнение в них приводит к разрушению всей концепции в целом. Поэтому путь признания ряда проблем *условно* решенными допустим лишь в исключительных случаях и, как правило, только на завершающей стадии исследования. Но он не может становиться *нормой* исследования, а тем более его основой.

ЭКСКУРС 9. КАЗУС БИТВЫ НА КАЛКЕ

Легко убедиться, что описание битвы на Калке С.М. Соловьева основывается на сообщении Воскресенской летописи. Точнее, его рассказ, по существу, является дословным переводом этого сообщения (с небольшими и несущественными сокращениями и дополнениями):

*С.М. Соловьев*²⁰⁰

В 1224 году

*Воскресенская летопись*²⁰¹

Въ лѣто 6731.

По грѣхомъ по нашимъ, приидоша
языци незнаемии, при великомъ
князи Киевскомъ Мстиславе

¹⁹⁸ Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 45.

¹⁹⁹ Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV в. С. 12.

²⁰⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 2. М., 1960. Гл. 6.

²⁰¹ Воскресенская летопись. С. 129–132.

Романовичи, внуцѣ Ростиславлѣ Мстиславича. Придоша бо неслыхании, безбожнии Моавитяне, рекомии Татарове, ихъ же добрѣ ясно никто же совѣсть, кто суть и откуда приидоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вѣра ихъ; зовуть же я Татары, а инии глаголють Таурмены, а друзии Печенѣзи, инии же глаголють, яко сии суть, о нихъ же Мефодей, епископъ Патаромский, свѣдѣтельствуеть, яко сии суть вышли изъ пустыня Етривьска, сущии межи востокомъ и сѣверомъ, ко скончанию времени явитися имъ, ихъ же загна Гедеонъ, и поплѣнять всю землю отъ востока и до Ефранта и отъ Тигрь до Понтъского моря, кромѣ Ефиопия [см.: ниже]. Богъ единъ вѣсть ихъ; но здѣ вписахомъ о нихъ памяти ради князей Рускихъ и бѣды, яже суть имъ отъ нихъ.

Про сихъ же слышахомъ, яко многы страны

двое полководцевъ Чингисхановыхъ, Джебе и Субут, прошли обычные ворота кочевниковъ между Каспийскимъ моремъ и Уральскими горами, попленили ясов, обезовъ и вошли въ землю Половецкую.

Половцы вышли к нимъ навстречу съ сильнейшимъ ханомъ своимъ Юриемъ Кончаковичемъ, но были поражены и принуждены бежать къ русскимъ границамъ, къ Днепру.

поплѣниша: Ясы, Обезы и Касогы; приидоша же на землю Половецкую, и Половцемъ ставшимъ, а Юрьи Кончаковичъ бѣ болии всѣхъ Половецъ, и не може стати противу лицу ихъ, но бѣгающу ему; а Половцы не возмогше противитися имъ, побѣгоша, и мнози избиени быша, и гониша ихъ до рѣки Днепра,

а иныхъ загнаша по Дону и въ лукоморя, и тамо изомроша и убиваеми гнѣвомъ Божиимъ и Пречистыа Его Матери. Много бо ти Половци зла створиша Руской земли; Богъ же отмщение створи надъ безбожными Куманы, сынами Измаиловыми, победиша ихъ Татари и инѣхъ языкъ. Приидоша всю страну Куманьску, и приидоша близъ Руси, а Котякъ Половецкий князь со инѣми князи и со останкомъ Половецъ прибѣгоша, идѣже зовется валъ Половецкий, а Данилъ Кобяковичъ, Юрьи Кончаковичъ убиена быста, а инии мнози Половци прибѣгоша въ Рускую землю.

Хан их Котян, тестъ Мстислава галицкого, стал умолять зятя своего и других князей русских о помощи, не жалея даров им, роздал много коней, верблюдов, буйволов, невольниц; он говорил князьям: “Нашу землю нынче отняли татары, а вашу — завтра возьмут, защитите нас; если же не поможете нам, то мы будем перебиты нынче, а вы — завтра”.

Сей же Котякъ бысть тестъ князю Мстиславу Мстиславичю Галичскому, и прииде съ поклономъ съ князи Половецкими къ зятю Мстиславу, въ Галичъ, и ко всѣмъ княземъ Рускимъ, дары принесе многы: кони, и вельбуды, буйволы, девкы, и одари всѣ князи Руския, глаголаша же къ нимъ сице: “нашу землю днесъ одолели Татари, а ваша завтра возмуть пришедъ, то побороните насъ; аще ли не поможете намъ, то мы нынѣ иссечени будемъ, а вы наутреи иссечени будете”.

И нача молитися Котякъ зятю своему о пособии,

Князья съехались в Киеве на совет; здесь было трое старших: Мстислав Романович киевский, Мстислав Святославич черниговский, Мстислав Мстиславич

галицкий, из младших были Даниил Романович волынский, Всеволод Мстиславич, сын князя киевского, Михаил Всеволодович — племянник черниговского.

Мстислав галицкий стал упрашивать братью помочь половцам, он говорил: “Если мы, братья, не поможем им, то они предадутся татарам, и тогда у них будет еще больше силы”. После долгих совещаний князья наконец согласились идти на татар; они говорили: “Лучше нам принять их на чужой земле, чем на своей”.

а Мстиславъ нача молитися братии своей, княземъ Рускымъ, река: “аще мы, братие, симъ не поможемъ, то предатся имъ же, да болши будетъ сила ихъ”; и тако думавше много, и яшася пособити Котяню, слушающе моления Половецкихъ князей. Бывшу же совету всѣхъ князей во градѣ Киевѣ, сотвориша сице совѣтъ “лучше бы намъ срести ихъ на чюжей земли, нежели на своей”;

и начаша вои строити, кийждо свою власть.

Тогда бѣ въ Киевѣ князь Мстиславъ, сынъ Романовъ Ростиславича, а въ Чръниговѣ Мстиславъ Святославичъ Козельский, а въ Галиче Мстиславъ Мстиславичъ, ти бо бяху старѣиши въ Руской земли, князя же великого Юрья Всеволодича Суздальскаго въ томъ совѣтѣ ее было; съ ними же князи молодии: князь Данило Романовичъ сынъ Мстиславича, князь Михайло Всеволодичъ Чръниговский внукъ Святослава Олговича, князь Всеволодъ сынъ Мстислава Киевскаго, и инии князи мнози; тогда князь великий Половецкий крестися Басты, а Василка же не бѣ, въ Володимери младъ. И съвокупиша землю Рускую всю противу Татаромъ, и приидоша къ рѣцѣ Днепру на Зарубъ ко острову Варяжьскому.

Татары, узнавши о походе русских князей, прислали сказать им: “Слышали мы, что вы идете против нас, послушавшись половцев, а мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел, на вас не приходили; пришли мы попущением Божиим на холопей своих и конюхов, на поганных половцев, а с вами нам нет войны; если половцы бегут к вам, то вы бейте их оттуда и добро их себе берите; слышали мы, что они и вам много зла делают, потому же и мы их отсюда бьем”. В ответ русские князья велели перебить татарских послов и шли дальше; когда они стояли на Днепре, не доходя Олешья, пришли к ним новые послы от татар и сказали: “Если вы послушались половцев, послов наших перебили и все идете против нас, то ступайте, пусть нас бог рассудит, а мы вас ничем не трогаем”. На этот раз князья отпустили послов живыми.

Когда собрались все полки русские и половецкие,

то Мстислав Удалой с 1000 человек перешел Днепр, ударил на татарских сторожей и обратил их в бегство; татары хотели скрыться в половецком кургане, но и тут им

Увѣдаша же Татарове, яко идуть князи Рустии противу имъ, и послаша послы ко княземъ Рускымъ, ркуще: “се слышимъ, оже противу насъ идете, послушавше Половецъ, а мы вашей земли не заяхомъ, ни городовъ вашихъ, ни селъ, ни на васъ приидохомъ; но приидохомъ, Богомъ попущени, на холопы наша и на конюси своя, на поганья Половци, а вы возьмите съ нами миръ, зане рати съ вами намъ нѣтъ; а аще побѣжать къ вамъ Половци, и вы ихъ бейте отъ себе, а товаръ емлите себѣ, слышахомъ бо яко много зла и вамъ творять, того дѣля мы ихъ отъ себе бьемъ”. Князи же Рустии того не послушаше, но и послы Татарьскіа избиша, а сами поидоша противу; и не дошедше Ошеля, стаха на Днѣпрѣ. И послаша Татарове другыя послы, глаголюще: “аще есте послушали Половецъ и послы есте наши избили, а идете противу намъ, то вы поидите; а мы васъ не замали ничемъ, а всѣмъ намъ Богъ”; и отпустиша послы ихъ.

И прииде же ту вся земля Половецкаа и вси князи, а изъ Киева князь Мстиславъ со всею силою, а Володимѣръ Рюриковичъ со Смолняны, и вси князи Рустии, и вси князи Чръниговъстии, и Смолняне и инии страны.

Тогда же князь Мстиславъ Галичскій перебродися Днѣпръ въ тысящи вой на сторожи Татарьскіа, и победи а, а останокъ ихъ побѣже съ воеводою съ Гемебякомъ, и ту

не было помощи, не удалось им спрятать и воеводу своего Гемябека; русские нашли его и выдали половцам на смерть. Услыхав о разбитии неприятельских сторожей, все русские князья переправились за Днепр,

и вот им дали знать, что пришли татары осматривать русские лодки; Даниил Романович с другими князьями и воеводами сел тотчас на коня и поскакал посмотреть новых врагов; каждый судил о них по-своему: одни говорили, что они — хорошие стрельцы, другие, что хуже и половцев, но галицкий воевода Юрий Домамерич утверждал, что татары — добрые ратники. Когда Даниил с товарищами возвратились с этими вестями о татарах, то молодые князья стали говорить старым: “Нечего здесь стоять, пойдем на них”. Старшие послушались, и все полки русские перешли Днепр; стрельцы русские встретили татар на половецком поле, победили их, гнали далеко в степи, отняли стада, с которыми

имъ не бѣ помощи; погребоша же воеводу своего Гемебѣяка живаго въ землю, хотяще живаго ублюсти, и ту найдоша его; испросивше же Половци, убиша его. Слышавше же то князи Рустии, поидоша вси вкупѣ за Днѣпръ

на множество лодий, а Галичане и Волынци кииждо со своими князи, а Куряне, и Трупчане и Путивльцы приидоша кииждо со своими князи; приидоша же и выгонци Галичѣские въ лодьяхъ по Днестру, и выидоша въ море, бѣ бо лодий 1000, и войдоша въ рѣку Днѣпръ, и возведоша пороги, и стаха у рѣки Хортици на бродѣ на протолчѣи; бѣ же съ ними Домарѣвичъ Юрьи и Дрѣжикрай Володиславичъ.

Пришедши же вѣсти во станы, яко пришли суть подсмотрити олядии Руския, слышавше Даниль Романовичъ, и всѣдъ на конь гна, и сущии конници и инии мнози князи съ нимъ гнаша, видѣти рати; онѣмъ же шедшимъ, Юрьи же имъ сказаха, яко стрѣлци суть, пуще и Половецъ; инии же млѣваху, яко прости людие суть; Юрьи же Домарѣвичъ млѣвяхе: “ратници суть и добраа воя”. И приѣхавше сказаха Мстиславу, Юрьи же все сказа, и рекшимъ молодымъ княземъ: “Мстиславе и другий Мстиславе! не стойте, поидемъ противу имъ”. Преидоша же вси князи рѣку Днѣпръ, и поидоша на конихъ въ поле Половецкое, и усрѣтоша Татарове полкы Руския; стрѣлци же Русския победиша ихъ и гнаша

и возвратились назад к полкам своим.

Отсюда восемь дней шло войско до реки Калки, где было новое дело с татарскими сторожами,

после которого татары отъехали прочь,

а Мстислав галицкий велел Даниилу Романовичу с некоторыми полками перейти реку, за ними перешло и остальное войско

и расположилось станом,

пославши в сторожах Яруна с половцами. Удалой выехал также из стана, посмотрел на татар, возвратившись, велел поскорее вооружаться своим полкам, тогда как другие два Мстислава сидели спокойно в стане, ничего не зная: Удалой не сказал им ни слова из зависти, потому что, говорит летописец, между ними была большая распря.

Битва началась 16 июня;

Даниил Романович выехал наперед, первый схватился с татарами,

въ поле далече, секуще ихъ, и взяша скоты ихъ, а со стады утекоша, яко всѣмъ воемъ наплѣнитися скота.

Оттуду же идоша по нихъ 8 дний до рѣкы Калкы, и ту срѣтоша сторожеве Татарьстии, и удариша на пѣлци Рустии, сторожеве же бишася съ полкы Рускыми, и убиенъ бысть ту Иоанъ Дмитреевичъ и ина два съ нимъ; Татаромъ же отѣхавшимъ,

и на прежереченней рѣцѣ Калцѣ усрѣтоша Татарове Половецкая полкы и Руския.

Князь же Мстиславъ Мстиславичъ повеле преди переити рѣку Калку Данилови съ полкы и инѣмъ полкомъ съ нимъ, а самъ по нихъ переиде;

и зашедше за рѣку за Калку, и послаша во сторожехъ Яруна съ полки и съ Половци, а сами станомъ сташа ту, а князь Мстиславъ ѣха вборзѣ послѣ. Видѣвшу же ему полки Татарьския, и приѣхавъ вооружитися повеле вборзѣ; а княземъ Мстиславу и другому Мстиславу, сидящимъ во стану, а не вѣдущимъ того, не повѣда бо има Мстиславъ Мстиславичъ зависти ради, бѣ бо котора межи има велика.

[Си же сключися отъ Татаръ мѣсяца июня 16. — См. ниже. — И. Д.]

Сшедшимъ же ся полкомъ въ мѣсто, Данилъ же выѣха напередъ,

получил рану в грудь, но не чувствовал ее по молодости и пылу: ему было тогда 18 лет; и был он очень силен, смел и храбр, от головы до ног не было на нем порока. Увидавши Даниила в опасности, дядя его Мстислав Немой луцкий бросился к нему на выручку;

уже татары обратили тыл перед Даниилом с одной стороны и пред Олегом курским — с другой,

когда половцы и здесь, как почти везде, побежали пред врагами и потоптали станы русских князей, которые по милости Мстислава Удалого не успели еще ополчиться.

Это решило дело в пользу татар:

Даниил, видя, что последние одолевают, оборотил коня, прискакал к реке, стал пить и тут только почувствовал на себе рану.

и Семень Олюевичъ и Василко Гавриловичъ, и разыдошася въ полкы Татарьскіа. Василкови же сбодену бывшу,

а Данилу бодену бывшу въ перси, не чюяше же раны младенства ради и буести, бывшей на тѣлеси его; бѣ бо лѣтъ 18, но крѣпокъ бѣ на брань. Избивающу же ему Татары мужественѣ, видѣвъ же то Мстиславъ Нѣмый, мнѣвъ яко Данило прободенъ бысть, и потече тѣмъ на нихъ;

бѣ бо той мужъ крѣпокъ, понеже ужика сы Роману, отъ племени Володимеря Манамаша: бѣ бо велику любовь имѣя ко отцю его, яко по смерти своей власть свою дая князю Данилови.

Татаромъ же бѣгающимъ, Данилови же избивающимъ ихъ своимъ полкомъ, и Олгови Курьскому крепко бьющуся съ ними,

тогда же Ярунъ и инии полци Половечьстии съступишася съ ними, хотяще битися;

паки же воскорѣ побѣгоша Половци, и потопташа бѣжаще станы Рускихъ князь, а князи не успѣша оплѣчитися противу ихъ,

и смятошася вси полци Рустии, и бысть сѣча зла и люта,

грѣхъ ради нашихъ Рускимъ полкомъ побѣжденномъ бывшимъ.

Данилъ же видѣвъ, яко крѣпчае брань Татарьскаа належитъ, обрати конь свои и побѣже отъ устремления противныхъ, и вжада воды

Между тем русские потерпели повсюду совершенное поражение, какого, по словам летописца, не бывало от начала Русской земли.

Мстислав Киевский с зятем своим Андреем и Александром дубровицким, видя беду, не двинулся с места, стоял он на горе над рекою Калкою; место было каменистое, русские огородили его кольем и три дня отбивались из этого укрепления от татар, которых оставалось тут два отряда с воеводами Чегирканом и Ташуканом, потому что другие татары бросились в погоню к Днепру за оставшимися русскими князьями.

Половцы дали победу татарам, другая варварская сбродная толпа dokonчила их дело, погубив Мстислава киевского: с татарами были бродники с воеводою своим Пlosкинею; последний поцеловал крест Мстиславу и другим князьям, что если они сдадутся, то татары не убьют их, но отпустят на выкуп;

и пий, и почюти рану на тѣлеси своемъ,
во брани же не позна ея крепости ради мужества возраста своего; бѣ бо дрѣзь и храборъ, и не бѣ ни въ чемъ же ему зарока.

И бысть побѣда на вси князи Русские, ака же не бывала отъ начала Руской земли никогда же.

Видѣвъ же се великий князь Киевский бывшее зло, и не движесе никамо же съ мѣста; сталъ бѣ на горѣ надъ рѣкою Калкою, бѣ бо мѣсто каменисто, и ту учиниша городокъ съ кольемъ, и бися съ ними изъ города по 3 дни. А инии Татарове поидоша послѣ Рускихъ князей, бѣюще ихъ и до Днѣпра, а у города осташихся два воеводы, Чегырканы и Тешуканы,

на князя Мстислава, и на зятя его на Андреа, на Александра Дубровского; бѣста бо ту 2 князя со княземъ Мстиславомъ.

Ту же и Бродники быша старыи, и воевода ихъ Плоския, и ту окааннии даша роту ко князю Мстиславу и обѣма князема, яко не избити ихъ, но пустити ихъ на искупъ, и солгавъ окааннии предасть ихъ, связавъ, Татаромъ, а городъ взяша, людей же изсекоша,

князья поверили, сдались и были
задавлены — татары подложили
их под доски, на которые сели
обедать. Шестеро других князей
погибло в бегстве к Днепру,

и между ними — князь Мстислав
черниговский с сыном;

кроме князей погиб знаменитый
богатырь Александр Попович с
семьюдесятью собратьями.

Василько ростовский, посланный
дядею Юрием на помощь к южным
князьям, услышал в Чернигове о
Калкской битве и возвратился на-
зад.

Мстиславу галицкому с осталь-
ными князьями удалось пере-
правиться за Днепр, после чего он
велел жечь и рубить лодки, оттал-
кивать их от берега, боясь татар-
ской погони;

но татары,

а князей подкладоша подъ дски, и
сѣдоша врѣху ихъ обѣдати, и тако
ту скончаша князи животъ свой.
А инѣхъ князей гонячи до Днепра
6 убиша:

князя Святослава Каневьского,
Изяслава Инговорьского, Святос-
лава Шумьского,

Мстислава Чръниговьского со
сыномъ,

Юрья Несвѣжьскаго, а вои толико
10-й прииде;

и Александръ Поповичъ ту же
убиенъ бысть со инѣми 70-ю хра-
брыхъ.

Князь же Мстиславъ Мстисла-
вичъ тогда преже всѣхъ пребѣже
Днѣпръ и перевезся за нь, повеле
ладии жещи, а иные сѣщи и от-
ринуту отъ брега, боясь по себѣ
погони отъ Татаръ,

а самъ едва убѣже отъ Татаръ въ
Галичъ; а молодии князи прибежа-
ли въ малелюдии, а князь Воло-
димеръ Рюриковичъ прибѣгъ въ
Киевъ, всѣдъ на столъ.

Си же склучися отъ Татаръ мѣсяца
июня 16 [см. выше. — И. Д.].

Татаромъ же
побѣдившимъ Рускиа князи, за
прегрѣшение христианское, и

дошедши до Новгорода Свято-полчского, возвратились назад к востоку; жители городов и сел русских, лежавших на пути, выходили к ним навстречу со крестами, но были все убиваемы;

погибло бесчисленное множество людей, говорит летописец, вопли и вздохи раздавались по всем городам и волостям.

дошедшимъ имъ до Новагорода Святоплѣчскаго, Русь же, не вѣдяху злобы и лъсти Татарьскіе и ненависти на христіанъ, исхождаху противу имъ со кресты, они же избиваху всѣхъ.

Милостивый челоувѣколюбецъ Богъ, ожидая покаянія христіанскаго, обрати Татаръ воспятъ отъ рѣкы Днѣпра на землю восточную, и повоеваша землю Таногутскую и ины страны; тогда же и Чаногизъ канъ убиенъ бысть. Се же бысть намъ за грѣхы наша, Богъ вложи недоумѣніе въ насъ,

и погипе множество людий, и бысть вопль и воздыханіе и печаль по всѣмъ градомъ и по волостемъ;

и глаголаху же сице, яко единѣхъ Кианъ изгипе тогда 10000.

Егда же почаша князи съвокупляти полкы своя противу безбожныхъ Татаръ, тогда же и въ Володимерь послашася ко князю Юрью Всеволодичю помощи просяще; онъ же посла къ нимъ сыновца своего Василька Константиновича съ Ростовци и съ прочими вои. Василко же поиде воскорѣ, но не успѣ приити къ нимъ, но бывшу ему у Чрънигова и слыша зло, створившееся надъ Рускыми князи, и возвратися воспятъ, сохраненъ Богомъ и силою креста честнаго, и прииде во свой Ростовъ, славя Бога и святую Богородицю.

Не знаем, продолжает летописец, откуда приходили на нас эти злые татары Таурмени и куда опять делись?

Некоторые толковали, что это, должно быть, те нечистые народы, которых некогда Гедеон загнал в пустыню и которые пред концом мира должны явиться и поплнить все страны.

Сихъ же злыхъ Татаръ Таурмень не свѣдаемъ откуду быша пришли на насъ и камо ся дѣли опять.

[о нихъ же Мефодей, епископъ Патаромский, свѣдѣтельствуеъ, яко сии суть вышли изъ пустыня Етривьския, сущии межи востокомъ и сѣверомъ, ко скончанию времени явитися имъ, ихъ же загна Гедеонъ, и поплнѣнъ всю землю отъ востока и до Ефранта и отъ Тигрь до Понтъского моря, кромѣ Ефиопия. — См. выше. — И. Д.]

Очевидно, С.М. Соловьев нашел самое подробное летописное сообщение о битве на Калке и воспользовался им, для того чтобы поместить его в своей «Истории России». Однако описание этого сражения, сохранившееся в Воскресенской летописи, не является историческим источником. Дело в том, что оно, в свою очередь, является контаминацией трех самых ранних, независимых друг от друга сообщений, в чем можно убедиться, проведя текстологическое сравнение всех четырех рассказов:

<i>Воскресенская летопись</i> ²⁰²	<i>Лаврентьевская летопись</i> ²⁰³	<i>Новгородская первая летопись</i> ²⁰⁴	<i>Ипатьевская летопись</i> ²⁰⁵
Въ лѣто 6731.	Въ лѣто 6731.	Въ лѣто 6732.	Въ лѣто 6732 ²⁰⁶ .
По грѣхомъ по нашимъ, приидо- ша языци незнае- мии,	Того же лѣта. Явишася языци.	Том же лѣтѣ, по грѣхомъ на- шимъ, придоша языци незнае- ми,	

²⁰² Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. 7. М., 2006. С. 129–132.

²⁰³ Лаврентьевская летопись. Стб. 445–447.

²⁰⁴ Новгородская первая летопись. С. 61–63.

²⁰⁵ Ипатьевская летопись. Стб. 740–745.

²⁰⁶ В Хлебниковском и Погодинском списках Ипатьевской летописи — «В то же лѣто», т.е. в 6731 г. (Ипатьевская летопись. Стб. 740, примеч. 60_60).

при великомъ
князи Киевъ-
скомъ Мстис-
лаве Романо-
вичи, внуцѣ
Ростиславѣ
Мстиславича.

Придоша бо
неслыхании, без-
божнии Моави-
тяне, рекомии
Татарове,

ихъ же добрѣ
ясно никто же
совѣсть, кто суть
и откуда приидо-
ша, и что языкъ
ихъ, и которого
племени суть, и
что вѣра ихъ; зо-
вуть же я Татары,
а инии глаголють
Таурмены, а дру-
зии Печенѣзи,
инии же глаго-
лють, яко сии
суть, о нихъ
же Мефодей,
епископъ Пата-
ромский, свѣдѣ-
тельствуетъ, яко
сии суть вышли
изъ пустыня
Етривьския,
сущии межи
востокомъ и
сѣверомъ, ко
скончанию вре-
мени явитсяя

ихже никтоже
добрѣ ясно не
вестъ кто суть и
отколѣ изидо-
ша. и что языкъ
ихъ. и которого
племени суть.
и что вѣра
ихъ. и зовуть я
Татары. а инии
глаголють Тау-
мены. а друзии
Печенѣзи. инии
глаголють яко
се суть о нихъ-
же Мефодии
Патомьскыи
епископъ
свѣдѣтельств-
вует. яко си
суть ишли ис
пустыня Етри-
евьскы суще
межю востоком
и сѣвером. тако
бо Мефодии
рече. яко

их же добрѣ
никто же не
вѣсть, кто суть
и отколе изидо-
ша, и что языкъ
ихъ, и котораго
племени суть, и
что вѣра ихъ; а
зовуть я Татары,
а инии глаго-
лють Таурме-
ны, а друзии
Печенѣзи; инии
же глаголють,
яко се суть, о
них же Мефо-
дии, Патомь-
скыи епископъ,
свѣдѣтельств-
вуетъ, яко си
суть ишли
ис пустыня
Етриевьскыя,
сущи межи
въостокомъ и
сѣверомъ. Тако
бо Мефодии

Приде неслы-
ханая рать.
безбожнии
Моавитяне.
рекомыи Та-
таръве.

имъ, ихъ же загна Гедеонъ, и поплѣнять всю землю отъ востока и до Ефранта и отъ Тигръ до Понтъскаго моря, кромѣ Ефиопія. Богъ единъ вѣсть ихъ;

но здѣ вписахомъ о нихъ памяти ради князей Рускихъ и бѣды, яже суть имъ отъ нихъ.

Про сихъ же слышахомъ, яко многы страны поплѣниша: Ясы, Обезы и Касогы;

къ скончанью временъ явится темъ. яже загна Гедеонъ. и поплѣнять всю землю. отъ востока до Ефранта. и отъ Тигръ до Понетъскаго моря. кромѣ Ефиопы. Богъ же единъ вѣсть ихъ

кто суть и отколѣ изидоша. премудрии мужи вѣдять я добръ кто книги разумно умѣть. мы же ихъ не вѣмы кто суть.

но сдѣ вписахомъ о нихъ памяти ради. Русскихъ князии бѣды. яже бысть отъ нихъ.

и мы слышахомъ, яко многы страны поплѣниша. Ясы. Обезы. Касогы.

глаголетъ, яко скончанию врѣменъ явится тѣмъ, яже загна Гедеонъ, и поплѣнять всю землю отъ вѣстокъ до Ефранта и отъ Тигръ до Поньскаго моря, кромѣ Ефиопія. Богъ единъ вѣсть,

кто суть и отколѣ изидоша; прѣмудрии мужи вѣдять я добръ, кто книги разумѣть; мы же ихъ не вѣмы, кто суть;

нъ сдѣ вписахомъ о нихъ памяти ради русскихъ князь и бѣды, яже бысть отъ нихъ имъ.

Слышахомъ бо, яко многы страны поплѣниша, Ясы, Обезы, Касогы, и Половьчъ безбожныхъ множество избиша, а инѣхъ загнаша, и тако измроша убиваемы гнѣвомъ Божиимъ

и Пречистыя
Его Матере;
много бо зла
створиша ти
оканьнии По-
ловчи Русьской
земли, того
ради всемило-
стивый Богъ
хотя погубити
безбожный
сыны Измаило-
вы Куманы, яко
да отмъстятъ
кръвь кре-
стьяньску, еже и
бысть над ними
безаконными.

приидоша же на
землю Половет-
скую, и Полов-
цемъ ставшимъ,
а Юрьи Конча-
ковичъ бѣ болии
всѣхъ Половецъ,
и не може стати
противу лицу
ихъ, но бѣгающу
ему;

а Половци не
возмогше про-
тивитися имъ,
побѣгоша,
и мнози избиени
быша,
и гониша ихъ

придоша на
землю По-
ловецкоюю.
Половцемъ
же ставшимъ.
Юрьгии
Кончакович
бѣ болиише
всѣхъ Поло-
вецъ. не може
стати. проти-
воу лицу их
бегаючи же
емоу.

и мнози избѣе-
ни быша.

до рѣки Днепра,

до рѣкы Дне-
пра

Татаром же
возвратив-
шись идоша
в вежа своя.

и Половецъ без-
божных мно-
ство избиша.

а иныхъ загнаша

а инѣхъ загна-
ша.

по Дону и въ
лукоморя,

и тамо изомро-
ша и убиваемы
гнѣвомъ Божи-
имъ и Пречистыа
Его Матери.
Много бо ти
Половци зла
створиша Руской
земли; Богъ же
отмщение створи
надъ безбож-
ными Куманы,
сынми Измаило-
выми,

и тако измро-
ша оубиваемы
гнѣвомъ Бо-
жымъ и Пре-
чистыа Его
Матере. много
бо зла створи-
ша ти оканнии
Половци Рускои
земли. того
ради всемило-
стивый Богъ,
хотя погубити.
и наказати без-
божныя сыны
Измаиловы
Куманы.

победиша ихъ
Татари и инѣхъ
языкъ.

яко да отмѣ-
стятъ кровь хре-
стѣаньску. еже и
бысть над ними
безаконными.

Приидоша

проидоша

бо ти Таурме-
нию

всю страну
Куманьску, и
приидоша близъ
Руси,

всю страну
Куманьску. и
придоша близъ
Руси.

Проидоша бо ти
Таурмени всю
страну Кумань-
ску и придоша
близъ Руси, идеже
зоветься валь
Половьчъскы [см.
ниже. — И. Д.].

а Котякъ Поло-
вецкий князь со
инѣми князи и со
останкомъ Поло-
вецъ прибѣгоша,

И прибегоша
оканънии По-
ловчи, избе-
ныхъ избытъкъ,
Котянь с ынѣми
князи,

идѣже зовется
валь Половец-
цкий,
а Даниль Кобя-
ковичъ, Юрьи
Кончаковичъ
убиена быста, а
инии мнози По-
ловци прибѣгоша
въ Рускую землю.

идеже зовется
валь Половечъ-
ский.

идеже зоветься
валь Половьчъ-
скы [см. выше].
а Даниль Кобя-
ковичъ и Гюрги
убъена быста, с
нимъ множество
Половьчъ;

Сей же Котякъ
бысть тестъ
князю Мстиславу
Мстиславичю
Галичскому, и
прииде съ покло-
номъ съ князи
Половецкими къ
зятю Мстиславу,
въ Галичъ, и ко
всѣмъ княземъ
Рускимъ, дары
принесе многы:

съ же Котянь бѣ
тъсть Мьстис-
лаву Галичско-
му. И приде съ
поклономъ съ
князи Половьчъ-
скими къ зяти
въ Галичъ къ
Мьстиславу и къ
всѣмъ княземъ
русьскимъ, и
дары принесе
многы:

кони, и вельбуды,
буйволы, девкы,
и одари всѣ кня-
зи Рускиа, глаго-
лаша же къ нимъ
сице: “нашую зем-
лю днесъ одолели
Татари, а ваша
заутра возмутъ

пришедъ, то по-
бороните насъ;

аще ли не по-
можете намъ, то
мы нынѣ иссече-
ни будемъ, а вы
наутреи иссечени
будете”.

И нача молити-
ся Котякъ зятю
своему
о пособии,
а Мстиславъ нача
молитися братии
своей, княземъ
Рускымъ, река:
“аще мы, братие,
симъ не помо-
жемъ, то предатъ
ся имъ же,

кони и вельблуды
и буйволы и дѣвкы,
и одариша князь русь-
скихъ, а рекуче
такъ: “нашую
землю днесъ
отъяли, а ваша
заутро възята
будеть”;

прибѣгшимъ
же Половцемъ
в Роускою
землю. глаго-
лющимъ же
имъ. Роускимъ
княземъ.

аще не помо-
жета намъ. мы
нынѣ исѣчени
быхомъ. а
вы наоутрѣ
исѣчени боу-
дете.

и възмолися
Котянь зяти
своему.

Мьстиславъ же
поця молитися
княземъ русь-
скимъ, братии
своей, река
такъ: “оже мы,
братѣ, симъ не
поможемъ, тѣ

да болши будетъ
сила ихъ”; и тако
думавше много,

и яшася пособи-
ти Котяню, слу-
шающе моления
Половецкихъ
князей.

Бывшу же сове-
ту всѣхъ князей
во градъ Киевѣ,
сотвориша сице
совѣтъ “лучше
бы намъ срести
ихъ на чюжей
земли, нежели на
своей”;

и начаша вои
строити, кийждо
свою власть.

си имуть прида-
тися к нимъ, тѣ
онѣмъ больши
будетъ сила”.

И тако думавъ-
ше много
о себе, яшася по
путь, и поклоне
дѣля и молбы
князь половьчъ-
скихъ.

бывшую же
свѣтоу. всих
князѣи. во
градъ Киевѣ.
створиша
свѣтъ сице.
лоуче ны бы
есть прияти
я на чюжеи
землѣ. нежели
на своей.

И начаша вое
пристраивати,
кождо свою
власть;
и поидоша,
сѣвъкупивъ-
ше землю всю
Русскую про-
тиву Татаромъ,
и быша на
Днѣпрѣ на За-
рубе.

Тогда бѣ въ
Киевѣ князь
Мстиславъ,
сынъ Романовъ
Ростиславича,
а въ Чръниговѣ
Мстиславъ
Святославичъ
Козельскій, а въ
Галиче Мстис-
лавъ Мстисла-
вичъ, ти бо бяху
старѣишии въ
Руской земли,
князя же ве-
ликого Юрья
Всеволодича
Суздальскаго въ
томъ совѣтѣ ее
было; съ ними же
князи молодии:
князь Данило Ро-
мановичъ сынъ
Мстиславича,
князь Михайло
Всеволодичъ
Чръниговскій
внукъ Святос-
лава Олговича,
князь Всеволодъ
сынъ Мстислава
Киевскаго, и
инии князи мно-
зи; тогда князь
великий Поло-
вецкій крестися
Басты, а Василка
же не бѣ, въ Во-
лодимери младъ.
И съвокупиша
землю Рускую

Тогда бо
бѣахоуть.
Мѣстиславъ
Романовичъ
въ Киевѣ. а
Мѣстиславъ в
Козельскѣ и
въ Черниговѣ.
а Мѣстиславъ
Мѣстиславичъ.
въ Галичѣ. то
бо бѣахоу
старѣишины в
Роуской земли.
Юрья же князя
великого
Соуждаль-
скаго. не бы в
томъ свѣте. се
же паки млади
князи. Данилъ
Романовичъ.
Михаилъ
Всеволодичъ
Всеволодъ
Мѣстиславичъ.
Киевскыи.
инии мнозии
князи. тогда
же великыи
князь Поло-
вецкыи кре-
стися Басты.
Василка же
не бѣ. бѣ бо в
Володимерѣ
млад. оттоудоу
же придоша
мѣсяца апри-
ля. и придо к
рѣцѣ

Днѣпроу. ко
острову Ва-
ряжьскомуу.

и противу
и
къ
на
ко остро-
ва Варяжьскому.
же
яко
князи
противу
и послаша
къ княземъ
русьмъ, ркуще:
«се слышимъ,
аже противу насъ
идете. послушав-
ше Половецъ, а
вы вашей земли
не заяхомъ, ни
городовъ ва-
шихъ, ни селъ, ни
на васъ приидо-
хомъ; но приидо-
хомъ, Богомъ
пущени, на
холопы наша и на
конюси своя, на
поганья Полов-
ци, а вы возмите
съ нами миръ,
зане рати съ вами
намъ нѣтъ; а аще
побѣжать къ
вамъ Половци,
и вы ихъ бейте
отъ себе, а товаръ
емлите себѣ, слы-
шахомъ бо яко
много зла и вамъ
творятъ,

Тогда же
увѣдавшие
Татары, оже
идуть русстии
князи противу
имъ, и при-
слаша послы,
къ русскимъ
княземъ: «се
слышимъ оже
идете противу
насъ, послушав-
ше Половцы; а
мы вашей земли
не заяхомъ, ни
городъ вашихъ,
ни селъ вашихъ,
ни на васъ
придохомъ,
нѣ придохомъ
Богомъ пущени
на холопы и на
конюси свое на
поганья Полов-
че; а вы възмите
с нами миръ;
аже выбежать
къ вамъ, а биите
ихъ оттолѣ, а
товары емлите
к собе: занеже
слышахомъ, яко
и вамъ много
зла створиша;

того дѣля мы ихъ
отъ себе бьемъ”.
Князи же Рустии
того не послу-
шаше, но и по-
слы Татарьския
избиша, а сами
поидоша проти-
ву; и не дошедше
Ошелья, сташа
на Днѣпрѣ. И по-
слаша Татарове
другыя послы,
глаголюще: “аще
есте послушали
Половецъ и по-
слы есте наши
избили, а идете
противу намъ, то
вы поидите; а мы
васъ не замали
ничемъ, а всѣмъ
намъ Богъ”; и
отпустиша послы
ихъ.

И прииде же ту
вся земля По-
ловецкаа и вси
князи,
а изъ Киева
князь Мстиславъ
со всею силою,
а Володимеръ
Рюриковичъ со
Смолняны, и вси
князи Рустии,
и вси князи
Черъниговъстии,

того же дѣля
и мы биемъ”.
Того же русстии
князи не по-
слушаша, нѣ
послы избиша,
а сами поидоша
противу имъ;
и не дошѣдъше
Ольшья, и ста-
ша на Днѣпрѣ.
И прислаша к
нимъ второе
послы Татари,
рекуще тако: “а
есте послушали
Половчъ, а по-
слы наша есте
избили, а идете
противу нас,
тѣ вы поидите;
а мы васъ не
заяли, да всѣмъ
Богъ”; и от-
пустиша прочь
послы ихъ.

и приѣха тоу
к нимъ. вся
земля Поло-
вецкая.

и Черънигов-
цемъ

и Смолняне и
иции страны.

приѣхавшимъ.
и Кияномъ и
Смолняномъ.
инѣмъ стра-
намъ. всянамъ

Тогда же князь
Мстиславъ Га-
личьскій пере-
бродися Днѣпръ
въ тысящи вой
на сторожи
Татарьския, и
победи а, а оста-
нокъ ихъ побѣже
съ воеводою
съ Гемебкомъ,
и ту имъ не бѣ
помощи; погрѣ-
боша же воеводу
своего Гемебика
живаго въ землю,
хотяще живаго
ублюсти, и ту
наидоша его;
испросивше же
Половци, убиша
его. Слышав-
ше же то князи
Рустии, поидо-
ша вси вкупѣ за
Днѣпръ

Тѣгда же
Мстиславъ
перебродися
Днѣпръ, прѣиде
въ 1000 вой на
сторожи татарь-
скыя, и побѣди
я, а прокъ ихъ
въбѣже съ
воеводою сво-
имъ Гемѣбгомъ
въ курганъ
Половьчъ-
скыи, и ту имъ
не бы мочи,
и погрѣбоша
воеводу свое-
го Гемѣбега
жива въ земли,
хотяще животь
его ублюсти; и
ту и налезоша,
испросивше
Половци у
Мстислава, и
убиша и. Слы-
шавъше же
то князи рус-
стии, поидоша
за Днѣпръ и
поидоша вси
вкупѣ,
по нихъ же идо-
ша 9 днии,

на множество лодий, а Галичане и Волынцы кииждо со своими князи, а Куряне, и Трупчане и Путивльцы приидоша кииждо со своими князи; приидоша же и выгонцы Галичские въ лодяхъ по Днестру, и выидоша въ море, бѣ бо лодий 1000, и войдоша въ рѣку Днѣпръ, и возведоша пороги, и сташа у рѣки Хортицы на бродѣ на протолчы; бѣ же съ ними Домарѣчичъ Юрьи и Дръжикрай Володиславичъ. Пришедши же вѣсти во станы, яко пришли суть подсмортити олядии Руския, слышавше Данилъ Романовичъ, и всѣдъ на конь гна, и сущии конници

по соуху же Днѣпръ перешедшимъ. яко же покрыти водѣ быти от множества людий. а Галичане и Вол(ы)нцы. кииждо со своими князьми. а Коуряне и Троубчане и Путивлицы. и кииждо со своими князьми придоша коньми а выгонцы Галичскыя придоша по Днѣпроу. и воидоша в море. бѣ бо лодей тысяща. и воидоша во Днѣпръ. и возведоша пороги и сташа оу рѣкы Хорьтицѣ. на бродоу оу Протолчи. бѣ бо с ними Домамѣричъ Юрьи и Держикрай. Володиславичъ пришедши же вѣсти во станы яко пришли соуть

и ~~и~~ мнози
~~и~~ съ нимъ
~~и~~ видѣти
~~и~~: онѣмъ же
~~и~~шимъ, Юрьи
~~и~~ имъ сказа-
~~и~~а. яко стрѣлци
~~и~~ть, пуще и
Половецъ; инии
же мльвяху, яко
прости людие
суть; Юрьи же
Домарѣичъ
мльвляше: “рат-
ници суть и
добраа воя”. И
приѣхавше ска-
заша Мстиславу,
Юрьи же все
сказа, и рекшимъ
молодымъ кня-
земъ: “Мстиславе
и другий Мстис-
лаве! не стойте,
пойдемъ противу
имъ”. Преидоша
же вси князи

видѣть оля-
дии Роускихъ.
слышавъ же
Данилъ Ро-
мановичъ. и
гна всѣдъ на
конь. видѣти
невиданъ-
ная рати. и
соущии с ними
коньници. и
инии мнозии
князи с нимъ
гнаша. види-
ти невидѣное
рати онемъ же
отшедшимъ
Юрьи же имъ
сказываше.
яко стрѣлци
суть. инии же
молвяхоуть
яко прости
людье со-
уть поущей
Половецъ.
Юрьи же
Домамиричъ.
молвляшетъ
ратници соуть.
и добрая вои.
приѣхавъше
же сказаша
Мьстиславоу
Юрьи же все
сказа. и рек-
шимъ моло-
дымъ княземъ.
Мьстиславе. и
дрюгии

рѣку Днѣпръ,

и поидоша на
конихъ въ поле
Половецкое,

и усрѣтоша Тата-
рове полкы Ру-
ския; стрѣлци же
Русския победи-
ша ихъ и гнаша
въ поле далече,
секуще ихъ, и
взяша скоты ихъ,
а со стады уте-
коша, яко всѣмъ
воемъ наплѣни-
тися скота. От-
туду же идоша по
нихъ 8 дний до
рѣкы Калкы, и ту
срѣтоша сторо-
жеве Татарьстии,

Мьстиславе не
стоита. пои-
демъ противоу
имъ. переидо-
ша же вси
князи.

Мьстиславъ
и другии
Мьстиславъ.
Черниговъ-
скыи

рѣкоу Днѣпръ.

инии князи
придоша.

и поидоша в
поле Половец-
кое.

переидоша
же Днѣпръ во
день во втор-
никъ.

и оусрѣтоша
Татареве.
полкы Роу-
ския. стрѣлци
же Роускыи
побѣдиша и.
и гнаша в поле
далече се-
коуще. и взяша
скоты ихъ. а со
стады оутеко-
ша. яко всимъ
воемъ напол-
нитися скота.
оттоуду же
идоша 8 дни до
рѣкы Калкы.

стрѣтоша и
сторожьеве
Татарьскыи

и удариша на
тълци Рустии,
сторожеве же
бишася съ пол-
кы Рускыми, и
убиенъ бысть
ту Иоанъ Дми-
треевичъ и ина
два съ нимъ;
Татаромъ же
отѣхавшимъ, и
на прежеречен-
ней рѣцѣ Калцѣ
усрѣтоша Тата-
рове Половецкая
полкы и Руския.
Князь же Мстис-
лавъ Мстисла-
вичъ повеле пре-
ди переити рѣку
Калку Данилови
съ полкы и
инѣмъ полкомъ
съ нимъ, а самъ
по нихъ переиде;

сторожемъ
же бившимъ-
ся с ними.
и оубьенъ
бысть Иванъ
Дмитрѣевичъ.
иная два с
нимъ. Та-
таромъ же
отѣхавшимъ.
на прочьне
рѣцѣ Калкъ.
оустрѣтоша и
Тотарове По-
ловецкыя пол-
кы Роускыя
Мьстиславъ
же Мьстислав-
личъ. повелѣ
впередъ
переити рѣкоу
Калкоу Дани-
лови с полкы
инемъ пол-
комъ с нимъ. а
самъ по немъ
переиде

и зашедше за
рѣку за Калку,
и послаша во
сторожихъ Яруна
съ полки и съ
Половци, а сами
станомъ сташа
ту,

и заидоша за
Калакъ рѣку, и
послаша въ сто-
рожихъ Яруна
с Половци, а
сами станомъ
сташа ту.

а князь Мстиславъ ѣха вборзѣ послѣ. Видѣвшу же ему полки Татарьския, и приѣхавъ вооружитися повеле вборзѣ; а княземъ Мстиславу и другому Мстиславу, сидящимъ во стану, а не вѣдущимъ того, не повѣда бо има Мстиславъ Мстиславичъ зависти ради, бѣ бо котора межи има велика. Сшедшимъ же ся полкомъ въ мѣсто, Данилъ же выѣха напередъ, и Семень Олюевичъ и Василко Гавриловичъ, и разыдошася въ полки Татарьския. Василкови же сбодену бывшу, а Данилу бодену бывшу въ перси, не чюяше же раны младенства ради и боуести, бывшей на тѣлеси его; бѣ бо лѣтъ 18, но крѣпокъ бѣ на брань. Избивающу же ему Тата

еха же самъ во сторожѣ. видившоу же емоу полкъ Татарьския. приѣхавъ рече вооружитися. Мьстиславоу же и друтому Мьстиславоу сѣдѣща во стану не вѣдоущема. Мьстиславъ же не повѣда има зависти ради. бѣ бо котора велика межю има. съразившимся полкомъ на мѣсто. Данилъ же выѣха на передъ. и Семьюнъ. Олюевичъ. и Василко Гавриловичъ. поткоша. в полки Тотарьския. Василкови же сбодену бывшю. а самомоу Данилоу бодену бывшю в перси младства ради и боуести. не чюяше ранъ бывшихъ на телеси его.

тѣмъ же то
 Мстиславъ
 Нѣмъ, мнѣвъ
 въ Данило про-
 ходенъ бысть,
 и потече тѣмъ на
 бѣхъ; бѣ бо той
 крѣпко,
 понеже ужица
 сы Роману, отъ
 племени Володи-
 меря Манамаша:
 бѣ бо велику
 любовь имѣа ко
 отцю его, яко по
 смерти своей
 власть свою дая
 князю Данило-
 ви. Татаромъ
 же бѣгающимъ,
 Данилови же
 избивающи ихъ
 своимъ полкомъ,
 и Олгови Курь-
 скому крепко
 бьющуся съ
 ними,

бѣ бо возрас-
 томъ 18 лѣтъ
 бѣ бо силенъ.
 Данилови же
 крѣпко борю-
 щися. изби-
 вающи Тотары.
 видивъ то
 Мстиславъ.
 Нѣмъ мнѣвъ
 яко Даниль
 сбоденъ бысть
 потче и сам в
 нѣ бѣ бо моужь
 и тѣ крѣпко.
 понеже оужика
 сын Роману.
 от племени
 Володимеря
 прирокомъ.
 Маномаха. бѣ
 бо великоу
 любовь имѣа
 ко отцю его.
 Емоу же по-
 роучивше по
 смерти свою
 волость. дая
 князю Данило-
 ви. Татаромъ
 же бѣгающимъ.
 Данилови же
 избивающи
 ихъ своимъ
 полкомъ. и
 Олгови Коурь-
 скому крѣпко
 бившимся.
 инемъ пол-
 комъ. сразив-
 шимся с ними

тогда же Ярунъ
и инии полци
Половечьстии
съступишася съ
ними, хотяще
битися; пакы
же воскорѣ
побѣгоша Полов-
ци, и потопташа
бѣжаще станы
Рускихъ князь, а
князи не успѣша
оплѣчитися
противу ихъ, и
смятошася вси
полци Рустии, и
бысть съча зла и
люта,

грѣхъ ради
нашихъ Ру-
скимъ полкомъ
побѣжденомъ
бывшимъ. Да-
нилъ же видѣвъ,
яко крѣпчае
брань Татарьскаа
належить,

обрати конь
свой и побѣже
отъ устремления
противныхъ,
и вжада воды
и пий, и почюти

Тѣгда же Ярунъ
съступиися с
ними, хотя би-
тися, и побего-
ша не успѣвъше
ничтоже По-
ловци назадъ,
и потѣпташа
бежаще станы
русскихъ князь,
не успѣша бо
исполчитися
противу имъ;
и смятошася
вса, и бысть
сѣця зла и люта.

грѣхъ ради
нашихъ.
Роускимъ
полкомъ
побѣженнымъ
бывшимъ.
Данилъ ви-
дивъ яко
крѣпцѣиши
брань нале-
жить.
в ратныхъ.
стрѣльцѣмъ
ихъ
стрѣляющимъ
крѣпцѣ
обрати конь
свой на бѣгъ.
оустрѣмления
ради против-
ныхъ бѣжащую
же емоу.

на тѣлеси
земь. во брани
не позна ея
крѣпости ради
моужьства возрас-
та своего; бѣ бо
дерзь и храборъ,
и не бѣ ни въ
земь же ему
порока. И бысть
побѣда на вси
князи Руские, ака
же не бывала отъ
начала Руской
земли никогда
же.

Видѣвъ же се
великий князь
Киевский
бывшее зло, и не
движется ника-
мо же съ мѣста;
сталъ бѣ на горѣ
надъ рѣкою Кал-
кою, бѣ бо мѣсто
каменисто, и ту
учиниша горо-
докъ съ кольемъ,
и бися съ ними
изъ города по 3
дни. А инии Та-

тари Рускихъ
князей, бьюще
ихъ и до Днѣпра,
а у города оста-
шася два воево-
ды, Чегырганъ

и вжада воды.
пивъ почюти
раноу на телеси
своемъ. во бра-
ни не позна ея.
крѣпости ради
моужьства воз-
раста своего.
бѣ бо дерзь
и храборъ.
от главы и до
ногоу его. не бѣ
на немъ порока.
бысть побѣда
на вси князи
Роускыя. тако
же не бывало
никогда же.

Мьстиславъ
же, Киевський
князь, видя се
зло, не дви-
жеся съ мѣста
никамо же;
сталъ бо бѣ
на горѣ надъ
рѣкою надъ
Калкомъ, бѣ бо
мѣсто то ка-
мянисто, и ту
угоши городъ
около себе
въ колѣхъ, и

Слѣдующее

изъ города того
по 3 дни. Ини
же Татари
поидоша по
русскихъ кня-
зихъ, бьюче

рану на тѣлеси
 зємь, во брани
 не позна ея
 крепости ради
 мужества возрас-
 та своего; бѣ бо
 дерзъ и храборъ,
 и не бѣ ни въ
 чемъ же ему
 зорока. И бысть
 побѣда на вси
 князи Руские, ака
 же не бывала отъ
 начала Руской
 земли никогда
 же.

Видѣвъ же се
 великий князь
 Киевский
 бывшее зло, и не
 движесе ника-
 мо же съ мѣста;
 сталъ бѣ на горѣ
 надъ рѣкою Кал-
 кою, бѣ бо мѣсто
 каменисто, и ту
 учиниша горо-
 докъ съ кольемъ,
 и бися съ ними
 изъ города по 3
 дни. А инии Та-
 тарове поидоша
 послѣ Рускихъ
 князей, бьюще
 ихъ и до Днѣпра,
 а у города оста-
 шася два воево-
 ды, Чегырканы

и вжада воды.
 пивъ почюти
 рану на телеси
 своемъ. во бра-
 ни не позна ея.
 крѣпости ради
 моужества воз-
 раста своего.
 бѣ бо дерзъ
 и храборъ.
 от главы и до
 ногоу его. не бѣ
 на немъ порока.
 бысть побѣда
 на вси князи
 Роускыя. тако
 же не бывало
 никогда же.

Мьстиславъ
 же, Киевьскыи
 князь, видя се
 зло, не дви-
 жесе съ мѣста
 никамо же;
 сталъ бо бѣ
 на горѣ надъ
 рѣкою надъ
 Калкомъ, бѣ бо
 мѣсто то ка-
 мянисто, и ту
 угоши городъ
 около себе
 въ колѣхъ, и
 бися с ними
 из города того
 по 3 дни. Ини
 же Татари
 поидоша по
 русскыхъ кня-
 зихъ, бьюче

и Тешуканъ, на князя Мстислава, и на зятя его на Андреа, на Александра Дубровьского; бѣста бо ту 2 князя со княземъ Мстиславомъ. Ту же и Бродници быша старыи, и воевода ихъ Плоския, и ту окааннии даша роту ко князю Мстиславу и обѣма князема, яко не избити ихъ, но пустити ихъ на искупъ, и солгавъ окааннии предасть ихъ, связавъ, Татаромъ, а городъ взяша, людей же изсекоша, а князей подкладоша подъ дски, и сѣдоша врѣху ихъ обѣдати, и тако ту скончаша князи животъ свой. А инѣхъ князей гонячи до Днепра 6 убиша: князя Святослава Каневьского, Изяслава Инговрьского, Святослава Шумьскаго, Мстислава Чръниговьского

до Днѣпрѣ; а у города того оста 2 воеводѣ Цыгирканъ и Тешуканъ на Мьстислава и на зяти его на Андрѣя и на Ольксандра Дубровьскаго: беста бо 2 князя съ Мьстиславомъ. Ту же и бродници съ Татары быша, и воевода Плоския, и тѣ оканьныи воевода цѣловавъ крестъ честиныи къ Мьстиславу и къ обѣма князема, око ихъ не избити, нѣ пустити ихъ на искупъ, и сълга оканьныи: прѣда ихъ, извязавъ, Татаромъ; а городъ възъишъ, и люди исѣкоша, и ту костью падоша; а князи имѣше, издавиша, подкладѣше подъ дѣски, а сами врѣху сѣдоша обѣдати, и тако животъ ихъ кончаша.

со сыномъ, Юрья
Несвѣжьскаго,

а вои толико 10-й
прииде;

и Александръ
Поповичъ ту же
убиенъ бысть со
инѣми 70-ю хра-
брыхъ.

Князь же Мстис-
лавъ Мстиславичъ
тогда преже всѣхъ
пребѣже Днѣпръ и
перевезся за нь, по-
веле ладии жещи,
а иные същи и от-
ринуты отъ берега,
бояся по себѣ по-
гони отъ Татаръ, а
самъ едва убѣже

А иныхъ князь
до Днѣпрѣ
гоняче, убиша
б: Святослава
Яневьскаго,
Изяслава Ингво-
ровиця, Святос-
лава Шюмьскаго,
Мьстислава
Церниговьскаго
съ сыномъ, Гюргя
Невѣжьскаго.
[а прочии вои
десятый при-
де кождо въ
свояси. — См.
ниже — И. Д.]

Тѣгда же
Мьстислав
Мьстислалицъ,
переже перебегъ
Днѣпръ отрѣя от
берега лодье, да
не идутъ Татари
по нихъ, а самъ
одва убежа;

а прочии вои
десятый приде
кождо въ свояси;
[см. выше. —
И. Д.]
а иныхъ Половци
побиша ис

коня, а иного ис
порта.

отъ Татаръ въ Га-
личъ; а молодии
князи прибежали
въ малелюдии,
а князь Володи-
меръ Рюрико-
вичъ прибѣгъ въ
Киевъ, всѣдъ на
столъ.

Си же склучи-
ся отъ Татаръ
мѣсяца июня 16.

Татаромъ же
побѣдившимъ
Рускиа князи,
за прегрѣшение
христианское,

и дошедшимъ
имъ до Новаго-
рода Святоплѣ-
чскаго, Русь же,
не вѣдяху злобы
и льсти Татарь-
ские и ненависти
на христианъ,
исхождаху про-
тиву имъ со
кресты, они же
избиваху всѣхъ.
Милостивый
человѣколюбецъ
Богъ, ожидая по-
каяния христи-
анскаго, обрати
Татаръ воспать

Татаромъ же
побѣдившимъ
Роусьскыа
князя. за пре-
грешение кре-
стьянское
Пришедшимъ.
и дошедшимъ
до Новаго-
рода. Свято-
полчскаго. не
вѣдающимъ же
Роуси льсти
ихъ. исходяхоу
противоу имъ
со кресты. они
же избиша ихъ
всехъ. Ожидая
Богъ покаяния
крестьянска-
го и обрати
и воспать на
землю восточ-
ную и воева-
ша землю

отъ рѣкы Днѣпра
на землю восточ-
ную, и повоева-
ша землю Тано-
гутскую и ины
страны; тогда же
и Чаногизъ канъ
убиенъ бысть.

Таногоусть-
скоу и на ины
страны. тогда
же и Чаногизъ
кано ихъ Тано-
гоуты оубьенъ
бысть.

ихъ же прель-
стивше и
послѣди же
льстию по-
гоубиша. иные
же страны
ратми. наипаче
лестью погоу-
биша.

Се же бысть
намъ за грѣхы
наша, Богъ вло-
жи недоумѣние
въ насъ, и по-
гибе множество
людии, и бысть
воплъ и воздыха-
ние и печаль по
всѣмъ градомъ и
по волостемъ;

И тако за грѣхы
наша Богъ вло-
жи недоумение
въ нас, и погыбе
много бещисла
людии; и бысть
въплъ и плачь
и печаль по
городомъ и по
селомъ.

И слышавше
я Русстии князи.
Мстиславъ
Киевський. и
Мстиславъ Торо-
пичський. и Чер-
ниговський и
прочии князи.
здумаша итии на
ня. мняще яко ти
пойдутъ к ним.

и послашася в
Володимеръ к
великому князю
Юргю. сыну
Всеволожю.
прося помочи
у него он же
посла к ним
благочестиваго
князя Василька
сыновца своего.
Костянтинови-
ча с Ростовци.
и не оутяну
Василко прити
к ним в Русь.
А князи Рус-
стии идоша и
бишася с ними.
и побѣжени
быша от них. и
мало ихъ избы
от смерти [см.
ниже. — И. Д.].
ихже остави
судъ жити. то
ти оубѣжаша. а
прочии избѣени
быша. Мъстис-
лавъ старыи
добрыи князь
ту оубьень
бысть. и другыи
Мстиславъ. и
инех князии 7
избѣено бысть.
а боляръ и про-
чих вои много
множество.

нимъ, но бывшу
ему у Чръниго-
ва и слыша зло,
створившееся
надъ Рускими
князи, и воз-
вратися вос-
пять, сохраненъ
Богомъ и силою
креста честнаго,
и прииде во свой
Ростовъ, славя
Бога и святую
Богородицю.

князя Василька
сыновца своего.
Костянтинови-
ча с Ростовци.
и не оутяну
Василко прити
к ним в Русь.
А князи Русстии
идоша и би-
шася с ними.
и побѣжени
быша от них.
и мало ихъ избы
от смерти. — См.
выше — И.Д.]
Се же слышавъ
Василко. при-
ключышееся в
Руси. възвратися
от Чернигова
схраненъ Богомъ
и силою креста
честнаго. и мо-
литвою отца
своего Костян-
тина. и стрья
своего Георгия.
и вниде в свои
Ростовъ славя
Бога и святую
Богородицю.

Сихъ же злыхъ
Татаръ Таурменъ
не свѣдаемъ отку-
ду быша пришли
на насъ и камо ся
дѣли опять.

и не съвѣдаемъ,
откуда суть
пришли и кдѣ
ся дѣша опять:
Богъ вѣсть,
отколе приде
на нас за грѣхы
наша.

Как видим, создатель Воскресенской летописи буквально воспроизводит свои источники, лишь иногда немного редактируя исходные тексты. Те же, во-первых, не повторяют друг друга и, очевидно, не связаны между собой. Единственным исключением оказывается «поразительное тождество»²⁰⁷ начальной части сообщений Лаврентьевской и Новгородской I летописей (от слов «их же никто же добре ясно не весть...» / «их же добре никто же не весть...» до упоминания: «слышахом, яко многы страны поплениша: Ясы, Обезы, Касогы»). Во-вторых, информация о первом сражении с передовыми ордынскими отрядами в каждом из них уникальна. В-третьих, уникальны и смыслы этих сообщений. Вставки, сделанные составителем Воскресенской летописи, судя по всему, имеют довольно позднее происхождение. Это, в частности, касается упоминания 16 июня как даты сражения, а также о гибели Александра Поповича и 70 «храбрых», которое появляется в летописных сводах не ранее XV в. Однако никакими другими текстами, восходящими к самому интересующему нас событию, ее составитель не пользовался. Как отмечал Д.С. Лихачев, «никаких других описаний Калкской битвы в позднейших сводах (XV и XVI вв.), которые могли бы восходить к XIII в., не сохранилось, и предполагать их нет оснований, так как новый летописный источник, если бы отразился в рассказе о Калкской битве, неизбежно должен был бы дать себя почувствовать и в других частях летописи»²⁰⁸.

Следовательно, в качестве исторического источника о битве на Калке Воскресенская летопись привлекаться не может. Она, хоть и восходит к свидетельствам современников этого события, передает лишь ту ретроспективную информацию, которая непосредственно транслируется другими доступными нам летописями, лежащими в ее основе. Именно они — Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская I летописи — могут (и должны) использоваться в качестве исторических источников при изучении битвы на Калке. Все прочие сообщения так или иначе опираются на их информацию.

ЭКСКУРС 10. КАЗУС НЕВСКОЙ БИТВЫ

Научная реконструкция Невской битвы 1240 г. представляет серьезные трудности. В настоящее время считается, что существует два «различных,

²⁰⁷ Лихачев Д.С. Летописные известия об Александре Поповиче // ТОДРЛ. Т. 7. М.; Л., 1949.

²⁰⁸ Там же. С. 25.

не зависящих друг от друга» описания этого сражения: в Новгородской I летописи старшего извода и в «Житии св. князя Александра Ярославича»²⁰⁹. Причем «рассказ Синодального списка [Новгородской I летописи] под 1240 г. является достаточно цельным, современным событиям и аутентичным источником, опирающимся на устные рассказы участников Невской битвы»²¹⁰. К этому тексту, по мнению Ю.К. Бегунова, восходят все прочие рассказы о битве на Неве: псковских летописей, Новгородской I летописи младшего извода, «Рукописания Магнуша». Такой же точки зрения, видимо, придерживаются И.П. Шаскольский²¹¹ и А.Н. Кирпичников²¹². В отличие от них, датский исследователь Д. Линд считает, что сообщение Новгородской I летописи — производное от текста первой редакции «Жития Александра Невского», в то время как информация Псковской I летописи является независимой²¹³, однако его точка зрения не нашла поддержки у специалистов.

Проанализируем информацию этих источников о знаменитом сражении на Неве.

Новгородская I летопись старшего извода сообщает следующее:

«В лѣто 6748. Придоша Свѣи в силѣ велицѣ, и Мурмане, и Сумѣ, и Ъмь в кораблехъ множество много зѣло; Свѣи съ княземъ и съ пискупы своими; и стаха в Невѣ устье Ижеры, хотяче восприяти Ладогу, просто же реку и Новѣгородъ и всю область Новгородскую. Но еще преблагии, премилостивии челоувѣколюбець Богъ ублюде ны и заштити от иноплемьеникъ, яко всуе трудишася без Божия повелѣния: приде бо вѣсть в Новѣгородъ, яко Свѣи идуть къ Ладозѣ. Князь же Олександръ не умедли ни мало с новгородци и с ладожаны приде на ня, и побѣди я силою святыя Софѣи и молитвами Владычица наша Богородица и Приснодѣвица Марія, мѣсяца июля въ 15, на память святого Кюрика и Улиты, в недѣлю на Сборъ святыхъ отецъ 360, иже в Халкидонѣ; и ту бысть велика сѣча Свѣемъ. И ту убиенъ бысть воевода ихъ, именемъ Спиридонъ; а инии творяху, яко и пискупъ убьенъ бысть ту же; и множество много ихъ паде; и накладше корабля два вятшихъ мужъ, преже себе пустиша и к морю; а прокъ ихъ, ископавше яму, вметаха в ню бесчисла; а инии мнози язвѣни быша; и в ту ночь, не дождавшѣ свѣта понедѣльника, посрамлени отъидоша. Новгородець же ту паде: Ко-

²⁰⁹ Бегунов Ю.К. Русские источники о Невской битве: Несколько замечаний по поводу доклада Джона Линда // Князь Александр Невский и его эпоха: исслед. и матер. / под ред. Ю.К. Бегунова, А.Н. Кирпичникова. СПб., 1995. С. 57.

²¹⁰ Там же. С. 56.

²¹¹ Шаскольский И.П. Невская битва 1240 г. в свете данных современной науки // Там же. С. 15–16.

²¹² Кирпичников А.Н. Невская битва 1240 г. и ее тактические особенности // Там же. С. 24.

²¹³ Линд Д.Г. Некоторые соображения о Невской битве и ее значении // Там же. С. 45–49.

стянтинъ Луготиниць, Гюрята Пинециниць, Намѣсть, Дрочилю Нездыловъ сынъ кожевника, а всѣхъ 20 мужъ с ладожаны, или мне, богъ вѣсть. Князь же Олександръ съ новгородци и с ладожаны придоша вси здрави въ своя си, сохранени богомъ и святою Софьею и молитвами всѣхъ святыхъ»²¹⁴.

Из этого рассказа следует:

- 1) в 1240 г. в устье Ижоры пришли шведы на кораблях «в силѣ велицѣ», со «множество много зѣло» «мурман», «суми» и «еми»;
- 2) во главе их был «князь» и епископы;
- 3) они встали лагерем и хотели «всприяти» Ладогу, а также Новгород и всю «область Новгородскую»;
- 4) в Новгород пришло известие, что шведы идут к Ладоге;
- 5) князь Александр немедленно выступил против них с «новгородци и с ладожаны» и победил;
- 6) сражение произошло 15 июля, в день памяти св. Кирика и Улиты, в воскресенье седьмой недели после Пасхи;
- 7) шведы потерпели поражение (им «бысть велика сѣча»);
- 8) был убит шведский воевода Спиридон, а некоторые говорили, что и епископ; пало также «множество много» простых воинов;
- 9) шведы погрузили павших «вѣтшихъ мужъ» в два корабля, которые отправили «преже себе» в море;
- 10) простых воинов похоронили в выкопанной яме; многие шведы были ранены;
- 11) в ту же ночь, с воскресенья на понедельник, шведы отступили;
- 12) в сражении погибло 20 (а может, и менее) новгородцев и ладожан, в том числе новгородцы: Костянтинъ Луготиниць, Гюрята Пинециниць, Намѣсть, Дрочилю Нездыловъ, сын кожевника;
- 13) князь Александр с новгородцами и ладожанами вернулись в Новгород «вси здрави».

Более пространный рассказ Жития, впрочем, почти не дает новой фактической информации:

«Король части Римьскыя от Полунощныя страны <...> помысли в собѣ: “Поиду и плѣню землю Александрову”. И събра силу велику и наполни корабля многы полковъ своих, подвижеса в силѣ тяжцѣ, пыхая духомъ ратным. И прииде в Неву, шатаяся безумиємъ, и посла слы своя, загордѣвша, в Новгородъ къ князю Александру, глаголя: “Аще можеша противитися мнѣ, то се есмь уже zde, плѣняя землю твою”. Александръ же, слышав словеса сии, разгорѣся сердцемъ, и вниде в церковь святыя Софиа, и, пад на колѣну пред олѣтаремъ, нача молитися съ слезами <...>. И, скончавъ молитву, вѣставъ, поклонися архиепископу. Епископъ же бѣ тогда Спиридонъ, благослови его

²¹⁴ Новгородская первая летопись. С. 77.

и отпусти. Он же, изшед ис церкви, утеръ слезы, нача крѣпити дружину свою, глаголя: “Не в силахъ Богъ, но въ правдѣ”. Помянемъ Пѣснотворца, иже рече: “Сии въ оружии, а си на конѣ, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ, тии спяти быша и падоша, мы же стахом и прости быхом”. Си рѣкъ, поиде на нихъ в малѣ дружинѣ, не съждався съ многою силою своею, но уповая на Святую Троицу. Жалостно же бѣ слышати, яко отецъ его, князь великий Ярославъ, не бѣ вѣдалъ такового вѣстанія на сына своего, милаго Александра, ни оному бысть когда послати вѣсть къ отцю своему, уже бо ратнии приближишася. Тѣмъ же и мнози новгородци не совокупились бѣшя, понеже ускори князь поити. И прииде на ны въ недѣлю на память святыхъ отецъ 630, бывша збора въ Халкидонѣ, на память святыхъ мученикъ Кирика и Улиты, и святаго князя Володимира, крестившаго Рускую землю, имѣя велику вѣру ко святымъ мученикомъ къ Борису и Глѣбу. И бѣ нѣкто мужъ старѣйшина в земли Ижерстей, именемъ Пелугий, поручено же бысть ему стража ношная морская. Въсприя же святое крѣщение и живяше посреди рода своего, погана суща, наречено же бысть имя его въ святѣмъ крѣщении Филипъ, и живяше богоугодно, в среду и в пятокъ пребываше въ алчбѣ, тѣмъ же сподоби его Богъ видѣти видѣние страшно в тѣй день. Скажемъ вкратцѣ. Увѣдавъ силу ратныхъ, иде противу князя Александра, да скажетъ ему станы. Стоящу же ему при краи моря и стрежаше обою пути, и пребысть всю ночь въ бдѣнии. И яко же нача въсходити солнце, слышашюмъ страшень по морю и видѣ насадъ единъ гребущъ по морю, и посреди насада стояща святая мученика Бориса и Глѣбъ въ одеждахъ чрѣвленныхъ, и бѣста руки дръжаща на рамѣхъ. Гребци же сѣдяху, акы мглою одѣани. Рече Борисъ: “Брате Глѣбе, вели грести, да поможемъ сроднику своему князю Александру”. Видѣвъ же таковое видѣние и слышавъ таковой гласъ от мученику, стояше трепетенъ, дондеже насадъ отиде от очию его. Потомъ скоро поеде Александръ, он же, видѣвъ князя Александра радостныма очима, исповѣда ему единому видѣние. Князь же рече ему: “Сего не рци никому же”. Оттолѣ потщався наеха на ня въ 6 часъ дне, и бысть сѣча велика над римляны, и изби ихъ множество бесчислено, и самому королю възложи печать на лице острымъ своимъ копиемъ.

Здѣ же явишася 6 мужъ храбрыхъ с самѣмъ с нимъ ис полку его. Единъ именемъ Гаврило Олексичъ. Се наѣхъ на шнеку видѣвъ королевича, мча подѣ руку, и възѣхъ по досцѣ и до самого корабля, по ней же хожяху с королевичемъ, иже текоша передѣ нимъ, а самого, емше, свергоша и с конемъ в воду з доски. И Божьею 2 — именемъ Сбыславъ Якуновичъ, новгородецъ. Се наѣхъ многожды на полкъ ихъ и бѣяшется единѣмъ топоромъ, не имѣя страха въ души своей, и паде нѣколько отъ руку его, и подивившася силѣ и храбрѣству его. 3-и — Яковъ, родомъ полочанинъ, ловчий бѣ у князя. Се наѣхъ на полкъ с мечемъ, и похвали его князь. 4 — новгородецъ, именемъ Мѣша. Се пѣшъ

натече на корабли и погуби 3 корабли з дружиною своею. 5-и — от молодых его, именем Сава. Се въѣха в шатеръ великий королевъ золототерхъ и подѣстче столпъ шатерный. Полци Олександрови, видѣвши шатра паденье, върадовашася. 6-и — от слугъ его, именем Ратмѣръ. Се бися пѣшь, и отсупиша и мнози. Он же от многих ранъ паде и тако скончася. Си же вся слышах от господина своего великого князя Олександра и от инѣхъ, иже в то время обрѣтошася в той стѣчи. Бысть же в то время чудо дивно, яко же во древняя дни при Езекии цесари. Еда приде Санахиримъ, асурийскый цесарь, на Иерусалимъ, хотя плѣнвити градъ святой Ерусалимъ, внезапно изиде ангелъ Господень, изби и от полка асурийска 100 и 80 и 5 тысящъ, и, вставше утро, обрѣтошася трупья мертвы вся. Тако же бысть при побѣдѣ Александровѣ, егда побѣди короля, об онъ полъ рѣкы Ижжеры, иде же не бѣ проходно полку Олександрову, здѣ обрѣтоша много множество избѣенных от ангела Господня²¹⁵.

Остановъ же их побѣже, и трупья мертвых своих наметаша 3 корабля и потопиша в мори. Князь же Александръ возвратися с побѣдою, хваля и славя имя своего Творца»²¹⁶.

Из этого рассказа следует:

- 1) «король части Римския» решил захватить землю князя Александра;
- 2) с большим войском на кораблях он пришел в Неву;
- 3) в Новгород был отправлен посол, сообщивший Александру о том, что «король» захватывает его землю;
- 4) помолившись и получив благословение от архиепископа Спиридона, князь выступил на врага «въ малѣ дружинѣ», так как торопился: «уже бо ратнии приближишася»;
- 5) поэтому многие новгородцы не успели подойти, а Александр не успел послать сообщения о нападении своему отцу, князю Ярославу Всеволодовичу;
- 6) Александр напал на шведов в воскресенье, «на память святыхъ отецъ 360, бывша збора въ Халкидонѣ», в день памяти св. мучеников Кирика и Улиты и св. Владимира;
- 7) назначенному в морскую стражу старейшине земли Ижорской Пелгусию (в крещении Филиппу) было видение, в котором св. Борис и Глеб обещали помочь «сроднику своему»; Александр запретил ему рассказывать об этом видении;
- 8) в 6-й час дня началось сражение;

²¹⁵ Выделенный абзац отсутствует в наиболее ранних списках Жития и восстанавливается по тексту Лаврентьевского списка (Лаврентьевская летопись. Стб. 479–480).

²¹⁶ Повѣсти о житии и о храбрости благовѣрнаго и великаго князя Александра // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век. СПб., 1997. С. 360, 362.

- 9) «бысть съча велика надъ Римляны», было убито «их множество бесчисленно»;
- 10) Александр «самому королю възложи печать на лице острымъ своимъ копиемъ»;
- 11) в сражении отличились шесть «храбрыхъ»;
- 12) все это рассказчик узнал от самого князя Александра и других участников битвы;
- 13) после сражения, на противоположном берегу Ижоры, *«иде же не бѣ проходно полку Олександрову»*, было обнаружено множество трупов противника;
- 14) уцелевшие шведы бежали;
- 15) трупы погрузили на три корабля, которые утопили в море;
- 16) князь Александр вернулся с победой в Новгород.

Однако еще в XIX в. литературоведы установили, что значительная часть информации Жития о деталях Невской битвы, знакомых даже школьникам, представляет собой прямые или косвенные цитаты. Первым обратил внимание на близость «Жития Александра Ярославича» к «Повести о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия Е.В. Барсов. Он отметил, что «в первичной редакции “Жития Александра Невского” <...> автор сравнивает своего героя с царем Римским “Еуспесіаномъ” и при этом рассказывает случай, где последний явил свое мужество». «Вообще, — добавляет Е. Барсов, — литературная сторона этого Жития стоит в тесной внутренней связи с повестью Флавия и с характеристикой ее героев»²¹⁷. Именно влиянием Иосифа Флавия объясняется появление в житийной повести «короля части Римския» и «римлян».

Эти наблюдения впоследствии развил В.Й. Мансикка: «В войсках Веспасиана “я в и ш а с я х р а б р ы е”. Ш е с т и из них посвящаются отдельные описания. При взятии “Гамалы”, когда Римляне потеряли 11 тысяч убитых, пал вместе с другими и Е в у т и й с о т н и к, “мужъ иже преже, крѣпокъ и храбръ ся яви весде и тогда мужьство свое показа и множество зла сътвори Іудеомъ”. “Д р у г и й же сотникъ”, продолжает Флавий, “именемъ Галъ и десять воинъ съ нимъ при томъ мятежи внидоша въ нѣкую х р а м и н у и ухранишася подъ лавицами”... “Нѣкто Л о г и н ъ к о н н и к ъ”, говорится в другом месте, “от римскаго плѣка въѣха посреди Іудеи и разби плѣкъ и два крѣплъшая уби единѣмъ удареніемъ копейнымъ и к своимъ пригна, его же доблести мнози п о р е в н о в а ш а”. Подробнее описывается мужество чевертого: “Нѣкій

²¹⁷ Барсов Е.В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 1. М., 1887. С. 217.

мужъ именем Савинъ, родом сѣрянинъ и рукама крѣпокъ и душою явися... сѣи прѣвѣ вѣставъ глагола къ Титу: О кесарю, се днесъ предаваю главу свою тебѣ бодро и прѣвый азъ вѣсхожу на стѣны и молюся да вѣслѣдуетъ ми твоя вазнь моей силѣ и воли... и тако рекъ вѣзня щитъ над главу лѣвою рукою и десною обнаже мечъ идяше къ стѣнамъ въ б часъ дне и вѣслѣдоваша ему отъ иныхъ мужъ¹¹ поревновавше мужѣству его... Савинъ же противляся пуцаемымъ и погружаяся стрѣлами не вѣздержася отъ стремленія, дондеже въ з лѣ з е на в е р х ъ и снемся съ стражи побѣдѣа, и вси Юдеи ужасошася силы его и крѣпости его... Юдеи о б с т у п и ш а и и всюда бодяхуть и, сѣи же едва ста на колѣну и покрься щитомъ и много отъ нихъ прободѣ и инѣхъ много уязви и всей крови истекши изъ него изнеможе и руцѣ обѣси, прѣжъ даже не испусти души, покрьтъ бысть стрѣлами и копїи и мечи". "Іуліанъ же", читаемъ далее, "нѣкто сотникъ отъ Вифинїа, мужъ нарочитъ, его же азъ въ то время познахъ крѣплыша всѣхъ оружнымъ искушеніемъ и силою телесною и душевною хытростію, се сѣидя Римляны уклонившася... вѣскочи на конь и одолѣвшемъ уже Юдеомъ сѣи е д и н ъ п р и г н а в ъ н а н ѣ и п о б ѣ д и а и г н а д о угла внутрѣняго святаго и сѣбѣгошася вси Юдеи на купъ, мняще силу его нечеловѣчскую, онъ же посрѣди ихъ гоня, сѣчаше я постигаа. Емуже и кесарь дивяшется, а инїи вси устрашишася, но послѣди и сѣи судомъ постиженъ бысть... убодену же бывшу коню его, сѣи же творяше пѣшь якоже и на кони скача яко и дѣмонъ... и тека по каменому мосту поплѣзесви п а д е... Іуліанъ же мало обѣстоящихъ его остави невредны и потомъ люту смерть прїагъ... и прїа велику славу на токмо от Римлянъ, но и отъ иноплеменникъ". Наконецъ, о шестомъ храбреце: "И тогда нѣкто конникъ именемъ Педанїй... вѣбокъ гоня на кони вѣсхыти нѣкоего уношу... Емуже удивишася вси, колма сѣ прѣклони коню рыщущю и колику силу десничную показа и тѣлесную и конную борзость и хытрость всадника. Титъ же удиви сѣ пленившему силы ради". «Мы постарались подчеркнуть все то, — добавляетъ В.И. Мансикка, — что, на нашъ взглядъ, имеетъ какое-нибудь сходство съ рассказомъ о шести мужахъ Александра. Общій выводъ здѣсь <...> сводится къ тому, что знакомство автора съ Повѣстью Флавія дало ему идею, схему и некоторый матеріалъ для описанія того, что произошло при другихъ условїяхъ, и для чего не хватало деталей изъ живой действительности. Изъ подробностей, поражающихъ своимъ сходствомъ, назовемъ слѣдующіе: Логин у Флавія и первый герой Александра, оба сражаются посреди непрїятеля и возвращаются къ своимъ. Савина и Ратмира окружаютъ многочисленныя непрїатели, и оба умираютъ послѣ ожесточенной борьбы, изнемогши отъ многого кровотоечения. Іулиан и

Збыслав бесстрашно сражались верхом и обратили на себя внимание удивляющегося кесаря и князя»²¹⁸.

Одновременно В.Й. Мансикка обратил внимание на то, что житийный рассказ о шести героях Невской битвы напоминает библейское повествование: «Вот имена храбрых у Давида: Исбосеф Ахаманитянин, главный из трех; он поднял копье свое на восемьсот человек и поразил их в один раз. По нем Елеазар, сын Додо, сына Ахохи, из трех храбрых, бывших с Давидом, когда они порицанием вызывали Филистимлян, собравшихся на войну; израильтяне вышли против них, и он стал и поражал Филистимлян до того, что рука его утомилась и прилипла к мечу. И даровал Господь в тот день великую победу, и народ последовал за ним для того только, чтоб обирать убитых. За ним Шамма, сын Аге, Гараритянин. Когда Филистимляне собрались в Фирию, где было поле, засеянное чечевицею, и народ побежал от Филистимлян, то он стал среди поля и сберег его и поразил Филистимлян. И даровал тогда Господь великую победу. Трое сих главных из тридцати вождей пошли и вошли во время жатвы к Давиду в пещеру Одоллам, когда толпы Филистимлян стояли в долине Рефаимов. Давид был тогда в укрепленном месте, а отряд Филистимлян — в Вифлееме. И захотел Давид пить, и сказал: кто напоит меня водою из колодезя Вифлеемского, что у ворот? Тогда трое этих храбрых пробились сквозь стан Филистимский и почерпнули воды из колодезя Вифлеемского, что у ворот, и взяли и принесли Давиду. Но он не захотел пить ее и вылил ее во славу Господа и сказал: сохрани меня Господь, чтоб я сделал это! не кровь ли это людей, ходивших с опасностью собственной жизни? И не захотел пить ее. Вот что сделали эти трое храбрых! И Авесса, брат Иоава, сын Саруин, был главным из трех; он убил копьем своим триста человек и был в славе у тех троих. Из трех он был знатнейшим и был начальником, но с теми тремя не равнялся. Ванея, сын Иодая, мужа храброго, великий по делам, из Кавцеила; он поразил двух сыновей Ариила Моавитского; он же сошел и убил льва во рве в снежное время; он же убил одного Египтянина человека видного; в руке Египтянина было копье, а он пошел к нему с палкою и отнял копье из руки Египтянина, и убил его собственным его копьем: вот что сделал Ванея, сын Иодаев, и он был в славе у трех храбрых; он был знатнее тридцати, но с теми тремя не равнялся. И поставил его Давид ближайшим исполнителем своих приказаний»²¹⁹. Близость этого рассказа к «Житию Александра Невского», по мнению В.Й. Мансикки, заключается в следующем: «У Давида были тоже свои “сильные, которые крепко подвизались с ним в царстве

²¹⁸ Мансикка В.Й. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. [Б.м.,] 1913. С. 28–30.

²¹⁹ 2Цар. 23: 8–23.

его, вместе со всем Израилем, чтобы воцарить его, по слову Господню, над Израилем” (1Пар. 11: 10). Из числа Давидовых “храбрых” некоторые выделялись особенною знаменитостью. Подобно тому, как и в «Житии Александра Невского», приводятся их имена вместе с обозначением имени отца и родового происхождения, и перечисляются их героические дела. Сперва описываются деяния трех из них, потом вскоре других троих, стало быть, всего шести <...>. Сходство между приведенными эпизодами и рассказом Жития сказывается скорее в общем характере повествования, чем в деталях. Двум из героев Жития приписываются, кроме того, дела, которые должны быть приняты за более или менее верно переданные факты из действительности. Один из них, Гаврило, преследует королевича до самого корабля и после этого вступает в бой с воеводою Шведов. Другой, Савва, разрушает королевский шатер. Относительно остальных автор ограничивается общими фразами, как то: “бьяшеса с едином топором... и паде неколико от руки его” (Збыслав); “наехав на полк с мечом и мужествова” (Яков); “погуби три корабли Римлян” (Миша); “оступиша его мнози и от ран паде и скончася” (Ратмир). То, что сказано об этих трех первых, имеет кое-что общее с тем, что рассказывается о героях Давида, об Исбосефе, который своим копьем поразил восемьсот человек в один раз, или об Елеазаре, который вместе с Израильтянами бил врагов до того, что рука утомилась, или об Авесее, который копьем убил триста человек. Разница заключается в деталях, между тем как общий характер рассказа в обоих случаях поражает своим сходством»²²⁰.

Впоследствии были найдены параллели житийной повести с византийским «Девгениевым деянием» (так, Александр, подобно Дигенису Акриту, «самому королеви возложи печать на лице острымъ своимъ копиемъ», а «шатерьъ великии златоверхи», который подрубают молодой воин Савва, представляет собой полную аналогию шатру «срацынского царя Амира» и т.п.²²¹), средневековой «Александрией» и Троянскими сказаниями²²². Кроме того, житийный рассказ о Невской битве имеет множество сходных черт с повествованием о сражении псковского князя Довмонта с крестоносцами в 1272 г.: «В лѣто 6780. Слышав же местерьъ земля Ризския мужство Домонтово, ополчився в силѣ тяжцѣ без Бога, и прииде ко Пскову в корабляхъ и в лодьяхъ и на конехъ, и с пороки, хотя плѣнити домъ Святыа Троица, а князя Домонта руками яти, а мужъ псковичъ мечи иссѣчи, а иныа люди плесков-

²²⁰ Мансикка В.И. Житие Александра Невского. С. 21–22.

²²¹ См.: Девгениево деяние / подг. текста О.В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 28–65.

²²² Комарович В.Л. Повесть об Александре Невском // История русской литературы: в 10 т. Т. 2. Ч. 1: Литература 1220-х — 1580-х гг. М.; Л., 1945. С. 50–58; Лихачев Д.С. Реплики // ТОДРЛ. Т. 15: К Четвертому международному конгрессу славистов. М.; Л., 1958. С. 499–500; и др.

ския в работу ввѣсти. Слышав же то Домонтъ, ополчающася люди без ума во множествѣ силы, без Бога, и вниде въ церковь Святыя Троица и, положивъ мечъ свой пред олтаремъ Господнимъ, пад, моляся много с плачемъ, сице глаголя: “Господи Боже силъ, мы, людие твои и овца пажити твоя, имя твое призываемъ, призри на кроткия и смиренныя възвыши, и гордыхъ высокия мысли низложи, да не опуститъ пажить овецъ твоихъ”. И взял же игумень Сидоръ мечъ, и всь иерѣйский чинъ, препоясавше мечемъ, и благословивша и отпустиша. Домонт же въ множествѣ ярости мужства своего, не дождавъ полковъ новгородцких, с малою дружиною с мужи съ псковичи выехавъ, Божию силою побѣди и изби полки ихъ, самого же местера раниша по лицу. Они же трупья своя многи учаны [речное судно. — И. Д.] накладоша, вѣзоша в землю свою, а останокъ ихъ устрѣмиша на бѣгъ»²²³.

Некоторые литературоведы восприняли такие параллели как простую компиляцию. «Следовательно.., — писал Н.В. Водовозов, — автор “Повести” [“Жития Александра Невского.” — И. Д.] не просто описывал события так, как они происходили в действительности, но искал сходные случаи в литературных памятниках (переводных) других народов и готовые формулы переносил в свое произведение». Не соглашаясь с этим, автор приведенных строк утверждал: «Неподдельная искренность чувств, которыми пронизана вся “Повесть”, свидетельствует о том, что автор его не заимствовал готовых выражений ни из Александрии, ни из Девгениева деяния, ни из Иосифа Флавия, но как истинный патриот и сын своего народа кровью своего сердца описывал и горестные и славные события русской жизни тех лет. Если Александр Ярославич поразил копьем в лицо Биргера в Невской битве, то об этом знали все современники, и Девгениево деяние тут не при чем. Если шесть русских героев прославили свои имена воинскими подвигами в той же битве, то при чем здесь библейская история или повесть Иосифа Флавия? Ведь имена “храбрых” в “Повести” не вымышлены»²²⁴.

В ответ на это Д.С. Лихачев вполне справедливо заметил: «Не надо быть литературоведом, чтобы знать, что нельзя “просто описывать события” да еще в художественном произведении, не придерживаясь определенного художественного метода, и что литературная традиция в той или иной мере свойственна всем литературным произведениям, а отчасти и нелитературным <...>. Как можно доказывать, что литературное произведение стоит вне литературной традиции тем, что оно описывает действительно имевшие место факты, что и Сбыслав Якунович, и Гаврило Олексич — реальные лица, а последний не только существовал, но был даже “прямым предком”

²²³ Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2: Псковские летописи. М., 2000 [репр. воспр.: М., 1955]. С. 85–86.

²²⁴ Водовозов Н.В. Повесть XIII века об Александре Невском // Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В.П. Потемкина. М., 1957. Вып. 6. С. 37–38.

А.С. Пушкина. Нельзя с помощью реально-исторического комментария к литературному произведению снимать литературность произведения, как и нельзя писать просто чернилами “своего сердца” вне всякой традиции: искренность не отменяет литературного искусства и художественного метода. С другой стороны, надо сказать и обратное в адрес тех, кто, отрицая строгую историчность тех или иных эпизодов какого-либо произведения <...>, пытается доказать их литературность: не к чему уничтожать историчность произведения, чтобы доказать его художественную природу. Действительность чрезвычайно многообразна, фактов много, а художественное обобщение отбирает эти факты в духе своего художественного метода и в духе своей литературной традиции. Литературная традиция и исторические факты не находятся в контрадикции»²²⁵.

После удаления из житийного рассказа фрагментов, так или иначе заимствованных из литературных источников, можно попытаться установить верифицируемую информацию и отделить ее от уникальных сведений о Невской битве. Для этого сопоставим ретроспективную информацию, сохранившуюся в летописном и житийном сообщениях:

Новгородская версия

В 1240 г. пришли шведы

шведы пришли на кораблях «в силѣ велицѣ», со «множество много зѣло» «мурман», «суми» и «еми» во главе шведов был «князь» и епископы

они встали лагерем в устье Ижоры
они встали лагерем и хотели «всприяти» Ладогу, а также Новгород и всю «область Новгородскую»
в Новгород пришло известие, что шведы идут к Ладоге

Житийная версия

«Король части Римския» решил захватить землю князя Александра с большим войском на кораблях он пришел в Неву

в Новгород был отправлен посол, сообщивший Александру о том, что «король» захватывает его землю помолвившись и получив благословение от архиепископа Спиридона, князь выступил на врага «въ малѣ дружинѣ»

²²⁵ Лихачев Д.С. Реплики. С. 499–500.

князь Александр немедленно выступил против них с «новгородци и с ладожаны» и победил

сражение произошло 15 июля, в день памяти св. Кирика и Улиты, в воскресенье седьмой недели после Пасхи («в недѣлю на Сборъ святыхъ отецъ 360, иже в Халкидонѣ»)

«бысть велика сѣча Свѣемъ»

был убит шведский воевода Спиридон, а некоторые говорили, что и епископ

пало также «множество много» простых воинов

шведы погрузили павших «вятшихъ мужъ» в два корабля, которые отправили «преже себе» в море

многие новгородцы не успели присоединиться к войску Александра, а князь не успел сообщить о своем выступлении отцу

князь торопился: «уже бо ратнии приближишася»

Александр напал на шведов в воскресенье, «на память святыхъ отецъ 360, бывша збора въ Халкидонѣ», в день памяти св. мучеников Кирика и Улиты и св. Владимира

назначенному в морскую стражу старейшине земли Ижорской Пелгусию (в крещении Филиппу) было видение, в котором св. Борис и Глеб обещали помочь «сроднику своему»; Александр запретил ему рассказывать об этом видении в 6-й час дня началось сражение «бысть сѣча велика надъ Римляны»

все это рассказчик узнал от самого князя Александра и других участников битвы

было убито «множество бесчисленно» «римлян»

после сражения, на противоположном берегу Ижоры было обнаружено «много множество» трупов противника

уцелевшие шведы бежали

шведы погрузили трупы на три корабля, которые утопили в море

простых воинов похоронили в выкопанной яме, многие шведы были ранены

в ту же ночь, с воскресенья на понедельник, шведы отступили

в сражении погибло 20 (а может, и менее) новгородцев и ладожан, в том числе новгородцы:

Костянтинъ Луготиниць, Гюрята

Пинещиниць, Намѣсть, Дрочило

Нездыловъ, сын кожевника

Князь Александр с новгородцами и ладожанами вернулись в Новгород «все здрави»

Князь Александр с новгородцами вернулись восвояси «все здравы»

Проведенное сопоставление показывает, что вывод о независимости рассказа Новгородской I летописи старшего извода и житийной повести может быть пересмотрен. В тех случаях, когда информация в обоих источниках совпадает по содержанию, она, как правило, имеет и общую форму. Это говорит о том, что оба текста — помимо уникальной информации, которая содержится в каждом из них, — опираются, судя по всему, на общую основу. Независимо от того, который из них является первичным, а какой производным (либо существовал или существует какой-то текст, который использовался обоими авторами), результат сопоставления позволяет сделать вывод: в этих текстах мы располагаем только уникальной информацией (в том числе повторенной дважды). Реконструкция сражения 1240 г., основанная на этой информации, может носить сутубо гипотетический характер.

Таков неутешительный вывод о возможности воссоздания обстоятельств Невской битвы.

ЭКСКУРС 11. КАЗУС ЛЕДОВОГО ПОБОИЩА

Одним из самых известных событий в ранней истории нашей страны является сражение на Чудском озере 5 апреля 1242 г., вошедшее в отечественную историографию как Ледовое побоище. Существует множество реконструкций этой битвы. Однако создатели их практически всегда произвольно используют сведения источников, зачастую перемежая верифи-

цируемую информацию уникальными и повторяющимися известиями, а то и просто дополняя свои построения произвольными догадками и выдумками²²⁶.

Итак, какой же верифицируемой информацией располагают историки, изучающие Ледовое побоище?

В отличие от описания сражения на Неве в 1240 г., сведения о котором в зарубежных источниках отсутствуют, Ледовое побоище 1242 г. описывают не только отечественные письменные источники, но и широкий круг произведений, созданных, так сказать, на стороне противника. Причем и те и другие достаточно хорошо исследованы.

Начнем с наиболее ранних древнерусских письменных известий XIII в., которые легли в основу всех прочих позднейших рассказов о сражении на льду Чудского озера.

Еще почти полвека назад авторы фундаментальной статьи «Письменные источники о Ледовом побоище»²²⁷ подчеркивали, что подавляющее большинство историков, писавших о сражении 1242 г., не обращали внимания на происхождение информации, которую они использовали в своих реконструкциях, другими словами, потребительски подходили к источникам: «При цитировании предпочтение отдавалось тексту Новгородской I летописи, как наиболее обстоятельному и компактному, но, кроме него, охотно цитировались и наиболее яркие отрывки из Софийской I летописи, Воскресенской, Симеоновской и других летописей и из «Жития Александра Невского», дополняющие характеристику Ледового сражения яркими батальными сценами и отдельными реалиями (А.И. Козаченко²²⁸, А.А. Савич²²⁹, А.И. Яковлев²³⁰,

²²⁶ Так, один из апологетов Александра Невского отмечает: «К великому сожалению, в рассказе о св. Александре Невском нам приходится довольствоваться скудными историческими известиями». «Единственное средство сколько-нибудь помочь горю, — полагает он, — это самому автору проникнуться благоговением и любовью к предмету изображения и чутьем сердца угадать то, на что не дают ответа соображения рассудка» (*Хитров М.И.* Александр Невский — Великий князь. [2-е изд.] СПб., 1992. С. 10–11). «Чутье сердца», конечно, не очень надежный источник ретроспективной информации, но, тем не менее, пользуются им многие.

²²⁷ До этого, как отмечают сами авторы, «вопрос о сравнительной ценности и достоверности этих рассказов в научной литературе не обсуждался», а «рассказ о Ледовом побоище в летописях разного происхождения представлялся большинству историков единым и относительно достоверным» (*Бегунов Ю.К., Клейнберг И.Э., Шаскольский И.П.* Письменные источники о Ледовом побоище // *Ледовое побоище 1242 г.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища* / отв. ред. Г.Н. Караев. М.; Л., 1966. С. 173).

²²⁸ *Козаченко А.И.* Ледовое побоище. М., 1938.

²²⁹ *Савич А.А.* Борьба русского народа за свою независимость на северо-западной окраине в середине XIII века: 1240–1242 гг. // Уч. зап. МГПИ им. К. Либкнехта. М., 1939. № 4. Сер.: Истор. Вып. 2.

²³⁰ *Яковлев А.И.* Разгром немецких псов-рыцарей в XIII веке: Александр Невский. Из цикла лекций по истории СССР. М., 1944.

В.Т. Пашуто²³¹, Э.К. Паклар²³², А.А. Строков²³³, Е.А. Разин²³⁴, С.В. Липицкий²³⁵ и многие другие). При этом историки пользовались источниками некритически, т.е. не отделяя исторически достоверные известия от литературного вымысла, не учитывая время и место происхождения цитируемых ими рассказов о Ледовом побоище». К тому же «очень часто исследователи обращались к литературному произведению — “Житию Александра Невского”, считая его свидетельства абсолютно достоверными»²³⁶.

Все эти тексты были проанализированы Ю.К. Бегуновым и разделены по месту происхождения на пять групп: «I — новгородские, отразившиеся в Новгородской 1-й летописи старшего извода; II — псковские, отразившиеся в Псковских 1-й, 2-й и 3-й летописях; III — ростовские, отразившиеся в Суздальской летописи; IV — суздальские, отразившиеся в Лаврентьевской летописи; V — владимирские ранние, отразившиеся в “Житии Александра Невского” первой редакции». Причем каждая из них, по мнению исследователя, «возникла независимо одна от другой, имея своим прямым и непосредственным источником события, происшедшие на льду Чудского озера и начале апреля 1242 г.» Кроме того, Ю.К. Бегунов условно выделил в отдельную, шестую, группу «владимирские поздние известия, отразившиеся во “Владимирском летописце” XVI в.»²³⁷

Воспроизведем (с неизбежными за четыре с половиной десятилетия корректировками и дополнениями) основные выводы, к которым пришел исследователь при анализе фактической информации, сохранившейся в этих текстах. При этом мы исключаем из рассмотрения прямые и косвенные цитаты, общие места, топоры и метафоры²³⁸: поскольку их нельзя использовать для воссоздания фактической стороны событий (но которые, заметим, несут важную информацию для выяснения того, как эти события оценивались и характеризовались авторами источников).

²³¹ Пашуто В.Т. Решающие победы русского народа над шведскими и немецкими захватчиками: 1240–1242 гг. // Очерки истории СССР: Период феодализма IX–XV вв.: в 2 ч. Ч. 1: IX–XIII вв. М., 1953. Гл. 5. § 2.

²³² Паклар Э.К. Где произошло Ледовое побоище? // Исторические записки. Т. 37. М., 1951. Т. 37.

²³³ Строков А.А. История военного искусства: в 5 т. Т. 1: Рабовладельческое и феодальное общества. М., 1955. С. 261–266.

²³⁴ Разин Е.А. История военного искусства: в 3 т. Т. 2: VI–XVI вв. М., 1957. С. 157–161.

²³⁵ Липицкий С.В. Ледовое побоище. М., 1964.

²³⁶ Бегунов Ю.К., Клейнберг И.Э., Шаскольский И.П. Письменные источники о Ледовом побоище. С. 173–174.

²³⁷ Там же. С. 177–178.

²³⁸ Практически все они также были выявлены еще в начале прошлого века (подробнее см.: Мансикка В.И. Житие Александра Невского. С. 11–32; ср.: Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития: Обзор редакций и тексты // Чтения в императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 3 (254). М., 1915. С. 151–153).

Самым ранним является летописный рассказ, судя по всему, середины XIII в., сохранившийся в Новгородской I летописи старшего извода:

«В лѣто 6750. Поиде князь Олександръ с новгородци и с братомъ Андрѣмъ и с низовци на Чюдскую землю на Нѣмци и зая вси пути и до Пльскова; и изгони князь Пльсковъ, изъима Нѣмци и Чюдъ и сковавъ поточи в Новѣгородъ, а самъ поиде на Чюдъ. И яко быша на земли, пусти полкъ всѣ в зажития; а Домашъ Твердиславичъ и Кербетъ быша в розгонѣ, и устрѣтоша я Нѣмци и Чюдъ у моста, и бишася ту; и убиша ту Домаша, брата посадника, мужа честна, и инѣхъ с нимъ избиша, а инѣхъ руками изъимаша, а инии къ князю прибѣгоша в полкъ; князь же въспятися на озеро, Нѣмци же и Чюдъ поидоша по нихъ. Узрѣвъ же князь Олександръ и новгородци, поставиша полкъ на Чюдскомъ озерѣ, на Узмени, у Воронѣя камени; и наѣхаша на полкъ Нѣмци и Чюдъ и прошибошася свиньею сквозѣ полкъ, и бысть съча ту велика Нѣмцемъ и Чюди. Богъ же и святая Софья и святою мученику Бориса и Глѣба, еюже ради новгородци кровь свою прольяха, тѣхъ святыхъ великими молитвами пособи Богъ князю Александру; а Нѣмци ту падоша, а Чюдъ даша плеща; и, гоняче, биша ихъ на 7-ми верстѣ по леду до Суболичьскаго берега; и паде Чюди бещисла, а Нѣмцевъ 400, а 50 руками яша и привелоша в Новѣгородъ. А бишася мѣсяца априля въ 5, на память святого мученика Клавдия, на Похвалу Святыхъ Богородица, в субботу»²³⁹.

Из этого рассказа следует:

- 1) в 1242 г. князь Александр с новгородцами и его брат Андрей с «низовцами» (отрядами из Северо-Восточной Руси) отправились на землю «чуди» (эстов), которая платила дань «немцам»;
- 2) предварительно они заняли все дороги до Пскова и внезапно напали на город²⁴⁰;
- 3) схваченных там «немцев» и чюдъ скованными отправили в Новгород, а сами отправились «на Чудъ»;
- 4) там князь пустил свои отряды в «зажития»²⁴¹, а Домаша Твердиславича

²³⁹ Новгородская первая летопись. С. 78. Ср.: «Наиболее древним летописным свидетельством [о Ледовом побоище. — И. Д.] надо считать запись о битве на Чудском озере в Синодальном харатейном списке XIV века <...>. Заметка новгородской летописи — самая древняя по происхождению и сделана каким-либо новгородцем» (Тихомиров М.Н. О месте Ледового побоища // Известия АН СССР. Сер.: Истор. и филос. М., 1950. Т. 7. № 1. С. 88–89).

²⁴⁰ «ИЗГОНИТИ... 2. Внезапно напасть, ворваться... 3. Разорить, разграбить...» (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 6: Зипунъ — Иянуарий. М., 1979. С. 140).

²⁴¹ «ЗАЖИТИЕ. Место заготовления съестных припасов и фуража для войска...» (СлДрЯ XI–XIV вв. Т. 3. С. 301); «ЗАЖИТИЕ... 2. Место для войск, стан, поселение на период длительных военных операций; места заготовления съестных припасов и фуража...» (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 5. С. 196). Ср.: «По мнению Г.Н. Караева, “в зажитие” означает “на постой” по населенным пунктам на территории противника [Караев Г.Н. Ледовое побоище и его трактовка на основе работ экспедиции // Ледовое побоище 1242 г. С. 155]. Но такому пониманию противоречит сочетание “в зажитие воевать” [имеется в виду сообщение Новгородской I летописи под 6742 (1234) г.: «Идее князь Ярослав съ новгородци и съ всѣю областью и с полкы своими на Нѣмци подѣ Гюр-

и Кербета отправил в «разгон»²⁴² (судя по лексике, которую использовал летописец, речь идет о грабеже поселений эстов, плативших дань «немцам»²⁴³);

5) «у моста»²⁴⁴ отряд Домаша и Кербета был разбит «немцами» и «чудью»²⁴⁵; сам Домаш погиб, часть его отряда уничтожена, часть попала в плен; некоторым воинам удалось вернуться к Александру;

6) после этого Александр отошел на лед Чудского озера, к Узмени, у Вороньего камня;

7) здесь он встретил удар немецкой «свиньи», которая «прошибла» его «полк»; и была «сеча ту велика»: «немцы» были разбиты, а «чудь» бежала;

8) Александр гнал противника по льду 7 верст до Суболичского берега;

гевъ; и ста князь, не дошедъ града, съ полкы, и пусти люди своя въ зажитие воевать» (Новгородская первая летопись. С. 72)]. И.И. Срезневский, не давая точного толкования понятия «зажитие», слово «зажитникъ» объясняет как «заготавливающий съестные припасы или фураж» [Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. М., 1958. С. 913]. Исходя из этого, полагаем, что «в зажитие» следует понимать здесь как «прокорм», а смысл фразы в том, что князь послал вооруженный отряд добывать продукты питания и фураж. Добавление «воевать» соответствовало тому, что такие рейды часто сопровождались столкновениями с рыцарями или местными жителями» ([Назарова Е.Л.] Комментарий // Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь: Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 305).

²⁴² «РАЗГОНЪ... 1. Разъезд войска по территории противника с целью совершения набегов, приобретения добычи... 2. Передовой отряд (?)...» (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 21: Прочный — Разъидати. М., 1995. С. 172). Ср.: «Домаш Твердиславич, брат посадника, и Кербет были отправлены в «розгон», т.е. в конную разведку [Материалы для терминологического словаря древней Руси / сост. Г.Е. Кочин; ред. и авт. предисл. Б.Д. Греков. М.; Л., 1937. С. 295 («Розгон»)], в то время как основные силы были заняты военной операцией с целью сбора продовольствия и фуража у населения вражеской стороны [Там же. С. 118–119 («Зажитье»)]» (Бегунов Ю.К., Клейнберг И.Э., Шаскольский И.П. Письменные источники о Ледовом побоище. С. 178); а также: «Как справедливо полагают исследователи, Домаш и Кербет были посланы с небольшим конным отрядом в разведку [Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость в XIII в. М., 1956. С. 184; Каравз Г.Н. Ледовое побоище и его трактовка на основе работ экспедиции. С. 157]. Цель разведки — выяснить размеры выступившего навстречу русским ливонского войска. Не исключено, что разгром отряда Домаша дал надежду рыцарям на легкую победу над всем войском, тем самым ослабив их боевой настрой. По мнению В.А. Кучкина, это сражение произошло близ р. Лутсу у совр. местечка Моосте [Кучкин В.А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 26]]» ([Назарова Е.Л.] Комментарий. С. 325–326). Так же понимает выражение «разгон» и Е.Л. Конявская: «Отряд, пущенный в разведку, встретил неприятеля и был разбит» (Конявская Е.Л. Образ Александра Невского в ранних летописях // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2009. № 2 (36). С. 58). Легко убедиться, что такая трактовка слова «разгон» не имеет оснований в тексте источника.

²⁴³ Именно так понял этот текст В.Т. Пашуто, писавший: «Освободив Псков, Александр Ярославич повел свое войско в землю эстов, дав право войску воевать «в зажития», т.е. нанося максимальный ущерб врагу» (Очерки истории СССР. Ч. 1. С. 848). Точно так же понимает данное сообщение и В.А. Кучкин: «Вернувшись снова в землю эстов, он [Александр] стал опустошать ее» (Кучкин В.А. Александр Невский... С. 26).

²⁴⁴ Весьма вероятно, что это указание следует рассматривать — вслед за В.А. Кучкиным — как упоминание топонима «Моосте».

²⁴⁵ Ср.: «русская разведка встретила немцев на гати» (Бегунов Ю.К., Клейнберг И.Э., Шаскольский И.П. Письменные источники о Ледовом побоище. С. 180).

9) «чуди» было убито «бещисла», «немцев» пало 400, 50 пленным было приведено в Новгород;

10) все это произошло 5 апреля, в субботу, на похвалу Пресвятой Богородицы²⁴⁶, в день памяти св. мученика Клавдия²⁴⁷.

Чуть более поздними являются летописные записи псковских летописей о Ледовом побоище, которые датируют серединой — второй половиной XIII в.²⁴⁸: «В лѣто 6750. Пришед князь Александръ и изби Нѣмецъ во градѣ Псковѣ, и градъ Псковъ избави от безбожныхъ Нѣмецъ, помощью Святыя Троица. И бишася с ними на леду; и пособи Богъ князю Александру и мужемъ новгородцемъ и псковичамъ; овы изби и овы связавъ босы поведе по леду. Сии бои бысть месяца апрѣля в 1 день; и бысть во градѣ Псковѣ радость велия. И рече князь Александръ: “О муже псковичи, се же вам глаголю: аще кто и напоследѣдъ моихъ племенникъ”²⁴⁹ или прибѣжит кто в печали или тако приидет жити во град Псков, а вы его не примете и не почтете его, и наречетеса вторая Жидова”»²⁵⁰; «В лѣто 6750. Князь Александръ, помощью Святыя Троица, изби Немецъ во Пскове, и тако избави град Псковъ от иноплемненныхъ Немец; и бися с ними на леду и одолѣ, месяца априля 1, овы изби, овы извязавъ поведе босы по леду. И тако клятвою извѣща псковичемъ, глаголя: “Аще кто и напоследѣди моихъ племенникъ прибѣжить кто и печали или так приедет к вамъ пожити, а не примете, ни почъстете его акы князя, то будете окаанни и наречетеса вторая Жидова, распеншеи Христа”»²⁵¹; «В лѣто 750. Александръ князь изби Немецъ въ Псковѣ и град Псковъ избави от безбожныхъ иноплемненникъ Немецъ помощью Святыя Троица. И бися с ними на леду; и пособи Богъ князю Александру и мужемъ новгородцемъ и псковичемъ, овии изби, ови извяза, руками поймав, и повѣде босы по леду, априля 1, и бысть во Пскове радость велика. И рече Александръ псковичемъ: “Се же вамъ глаголю: аще напоследокъ моихъ кто соплѣменникъ или кто прибѣжит в печали или такъ приедет жити к

²⁴⁶ Похвала Пресвятой Богородицы провозглашается в субботу, на пятой неделе Великого поста. В 1242 г. Пасха праздновалась 20 апреля; соответственно, 5 апреля действительно приходилось на субботу пятой недели Великого поста.

²⁴⁷ В Новгородской I летописи младшего извода здесь упомянута «на память святого мученика [в Толстовском списке — *святыхъ мученикъ*] Феодула» (Новгородская первая летопись. С. 296). По поводу этой замены Ю.К. Бегунов замечает: «В святцах, минеях и прологе день памяти Клавдия и Феодула — 5 апреля (см., например: Великие Минеи-Четьи. Апрель. Тетрадь 1. Дни 1–8. М., 1910. Стб. 162)» (Бегунов Ю.К., Клейнберг И.Э., Шаскольский И.П. Письменные источники о Ледовом побоище. С. 188).

²⁴⁸ Насонов А.Н. Из истории псковского летописания // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1: Псковские летописи. М., 2003. [Исторические записки. Т. 18. М., 1946]. С. 37.

²⁴⁹ Исправлено по Псковской 2-й летописи, в рукописи «плѣнникъ».

²⁵⁰ Псковская 1-я летопись // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. М., 2003 [репр. воспр.: М., 1955]. С. 13.

²⁵¹ Псковская 2-я летопись // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 21.

вамъ во Псковъ, а не примѣте его, а не почтете его, и наречетея втораа Жидова»²⁵².

Как видим, все три текста с информационной точки зрения практически идентичны. Из них следует:

1) в 1242 г. князь Александр пришел в Псков и там «избил немцев», чем «избавил» город;

2) после этого князь вместе с новгородцами и псковичами бился с «немцами на льду»;

3) в ходе сражения была одержана победа: часть противников была перебита, часть — взята в плен (прямо об этом говорится только в Псковской III летописи), связана и босиком поведена по льду;

4) все это произошло 1 апреля.

Еще более кратко описано Ледовое побоище в ростовской записи, датируемой 60 — 70-ми годами XIII в.²⁵³: «В лѣто 6750. Ходи Аλεѡандръ Ярославичъ с Новѡгородци на Нѣмци и бися с ними на Чюдѡскомѣ озерѣ, у Ворониа камени, и побѣди Александръ и гони по льду 7 верст, сѣкучи их»²⁵⁴.

Итак, она сообщает, что:

1) в 1242 г. князь Александр Ярославич с новгородцами «ходил на немцев»;

2) сражение с ними произошло на Чудском озере, у Вороньего камня;

3) Александр победил и гнал противника, «секучи его», по льду 7 верст.

Столь же немногословен суздальский рассказ 40-х годов XIII в.²⁵⁵, который сохранился в Лаврентьевском списке: «В лѣто 6750. Великий князь Ярославъ посла сына своего Андрѣа в Новѡгородъ Великий, в помощь Олександрови на Нѣмци; и побѣдиша я за Плесковом на озерѣ, и полонѣ мноѡ плѣнѣиша, и возвратиса Андреи кѡ отцю своему с честию»²⁵⁶.

Таким образом, из него становится известно, что:

1) в 1242 г. великий князь Ярослав отправил своего сына Андрея в Великий Новгород, чтобы тот помог князю Александру в борьбе с «немцами»;

2) братья победили противника на озере «за Псковом»;

²⁵² Псковская 3-я летопись. С. 87–88.

²⁵³ Присѣлков М.Д. История русского летописания. С. 147–150; Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 283; Насонов А.Н. История русского летописания. С. 193–195; Лурье Я.С. Примечания // Присѣлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. С. 269.

²⁵⁴ Продолжение суздальской летописи по Академическому списку // ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 523.

²⁵⁵ Присѣлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. С. 147–151.

²⁵⁶ Лаврентьевская летопись. Стб. 470.

3) в ходе сражения было захвачено большое число пленных;

4) после сражения Андрей вернулся к отцу «с честью».

Самое подробное — и, добавим, самое недостоверное — повествование о Ледовом побоище содержится в первой редакции «Жития св. благоверного князя Александра Ярославича», созданного, как считают, в 80-е годы XIII в.²⁵⁷ В основе его лежат уже приводившиеся летописные известия, прямые и косвенные цитаты из Библии, «Иудейской войны» Иосифа Флавия, Троянских сказаний, паремийного чтения в честь Бориса и Глеба, южнорусского летописания и других текстов²⁵⁸. Поэтому, по справедливому мнению Ю.К. Бегунова, «рассказ “Жития Александра Невского” о Ледовом побоище может быть использован в качестве исторического источника лишь с большими ограничениями»²⁵⁹.

«По побѣдѣ же Александровѣ, яко же побѣди *короля*, в третий год, в зимнее время, поиде на землю немецкую в велицѣ силѣ, да не похвалятся, ркуще: “Укоримъ словеньскый языкъ ниже себе”. Уже бо бяше град Псковъ взят и намѣстники от немецъ посажени. Он же въскорѣ градъ Псковъ изгна и немецъ изсѣче, а инѣх повязал и градъ свободы от безбожныхъ немецъ, а землю ихъ повоевал и пожже и полонъ взя бесчисла, а овѣхъ иссече. Они же, гордии, совокупишася и рекоша: “Поидемъ и побѣдимъ Александра и имемъ его руками”. Егда же приближишася, и очютиша я стражие. Князь же Александръ оплѣчися, и поидоша противу себе, и покриша озеро Чюдское обои от множества вои. Отецъ же его Ярославъ прислалъ бѣ ему брата меньшаго Андрѣя на помощь въ множество дружинѣ. Тако же и у князя Александра множество храбрыхъ, яко же древле у Давыда царя силнии, крѣпции. Тако и мужи Александровы исполнишася духомъ ратнымъ, бяху бо сердца ихъ, акы сердца львомъ, и рѣша: “О княже нашъ честный! Нынѣ приспѣ врѣмя намъ положити главы своя за тя”. Князь же Александръ воздѣвъ руцѣ на небо и рече: “Суди ми, Боже, и разсуди прю мою от языка непреподобна, и помози ми, Господи, яко же древле Моисию на Амалика и прадѣду нашему Ярославу на окааннаго Святополка”. Бѣ же тогда субота, въсходящу солнцю, и съступишася обои. И бысть сѣча зла, и трусь от копий ломления, и звукъ от сѣчения мечнаго, яко же и езеру померзѣшю двигнутися, и не бѣ видѣти леду, покры бо ся кровию. Се же слышахъ от самовидца, иже рече ми, яко видѣхъ полкъ Божий на въздусъ, пришедши на помощь Александрови. И тако побѣди я помощию Божиею, и даша плеча своя, и сѣхачуть

²⁵⁷ Текст Жития приводится по древнейшему списку, сохранившемуся в кратком Владимирском летописце XV в.

²⁵⁸ Мансикка В.И. Житие Александра Невского. С. 31, 43–46.

²⁵⁹ Бегунов Ю.К., Клейненберг И.Э., Шаскольский И.П. Письменные источники о Ледовом побоище. С. 185.

я, гоняще, аки по иаеру, и не бѣ камо утеша. Зде же прослави Богъ Александра предъ всѣми полки, яко же Иисуса Навина у Ерегона. А иже рече, “имемъ Александра руками”, сего дасть ему Богъ в руцѣ его. И не обрѣтесе противникъ ему въ брани никогда же. И возвратися князь Александръ с побѣдою славною, и бяше множество полоненыхъ в полку его, и ведяхут босы подле конии, иже именуютъ себе Божиимъ ритори. И яко же приближися князь къ граду Пскову, игумени же и попове и весь народъ срътоша и пред градомъ съ кресты, подающе хвалу Богови и славу господину князю Александру, поюще пѣснь: “Пособивыи, Господи, кроткому Давиду побѣдити иноплемьники и вѣрному князю нашему оружиемъ крестнымъ и свободи градъ Псков от иноязычникъ рукою Александровою”. И рече Александръ: “О невѣгласи псковичи! Аще сего забудете и до правнучать Александровыхъ, и уподобитесь жидомъ, ихъ же препита Господь в пустыни манною и крастелми печеными, и сихъ всѣхъ забыша и Бога своего, изведшаго я от работы изъ Египта”»²⁶⁰.

Уже давно установлено, что значительная часть этого рассказа представляет собой прямые или косвенные заимствования из литературных источников и летописей²⁶¹. Из этого следует вполне закономерный вывод,

²⁶⁰ Повѣсти о житии... великаго князя Александра. С. 364.

²⁶¹ Ср.: «Рассказ Жития о Ледовом побоище изобилует массой реминисценций и устойчивых формул, взятых из библейских книг, из паремийного чтения в честь Бориса и Глеба, из “Истории иудейской войны” Иосифа Флавия, из южнорусских летописей (типа Галицко-Волынской летописи); «Описание победы и бегства врагов, как заметил еще В.И. Мансикка, сходно с подобным же описанием победы Тита над евреями у Генисаретского озера из третьей книги “Истории иудейской войны” Иосифа Флавия <...>. Автор Жития широко пользуется сравнениями и параллелями из библейской истории (из книги “Царств” и из книги Иисуса Навина): “мужи” Александра сравниваются с “сильными и крепкими” “храбрами” Давида, князь Александр, победивший немцев, — с кротким Давидом, победившим филистимлян; дважды — в уста молящегося на поле битвы князя и в уста встречающих князя-победителя горожан вкладываются вариации на темы псалмов Давида; возвращение князя Александра с Ледового побоища имеет параллель с возвращением Давида после победы над филистимлянами, а слава князя Александра — со славой Иисуса Навина и Давида. Укоризненное обращение автора Жития к псковичам <...> сходно с речью князя Александра в Псковских 1-й и 2-й летописях и, на наш взгляд, либо заимствовано автором Жития из псковской летописи второй половины XIII в., либо восходит к общему с ним источнику (псковскому преданию?)» (Бегунов Ю.К., Клейнбергер И.Э., Шаскольский И.П. Письменные источники о Ледовом побоище. С. 184–185; ср.: Мансикка В.И. Житие Александра Невского. С. 19–26, 31, 43–46 и др.; Комарович В.Л. Повесть об Александре Невском. С. 50–58; Лихачев Д.С. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского // ТОДРЛ. Т. 5. М.; Л., 1947. С. 47; Лихачев Д.С. Реплики. С. 499–500; и др.). Так, скажем, само описание боя («Князь же Александръ опльчися, и поидоша противу себе, и покриша озеро Чюдское обои от множества вои <...>. Бѣ же тогда субота, въсходящу солнцю, и съступишася обои. И бысть съча зла, и трусь от копий ломления, и звукъ от сѣчения мечнаго, яко же и езеру померзѣшу двинутиися, и не бѣ видѣти леду, покры бо ся кровию») практически целиком восходит к рассказам о сражении между Ярославом Мудрым и Святополком Окаянным из паремийного чтения в честь Бориса и Глеба («И прииде Ярославъ в силе велице и ста на Лте поле <...>. И поидоша противу сему, и покрыша поле Лтьское обои отъ множества вои. Бе жь пяткъ тѣгда, въсходящу солнцю <...>».

что «рассказ “Жития Александра Невского” о Ледовом побоище может быть использован в качестве исторического источника лишь с большими ограничениями»²⁶².

Тем не менее из Жития следует, что:

1) Александр пошел в «немецкую землю» на третий год после Невской битвы;

2) Псков был «взят» немцами, и туда были посажены «наместники от немец»;

3) Александр внезапно напал²⁶³ на Псков, часть немцев перебил, а других взял в плен, освободив город от «безбожных немец»;

4) после этого князь «повоевал и пожег» немецкую землю, захватив при этом большой полон и перебив часть врагов;

5) немцы выступили против Александра;

6) стража заметила приближение врага;

7) Александр вооружил свой отряд и отступил на Чудское озеро;

8) отец в помощь Александру прислал его младшего брата с большой дружиной;

9) бой начался в субботу на восходе солнца;

10) Александр победил в сражении и возвратился с большим количеством пленных, ведя рыцарей босыми рядом с конями;

11) псковичи торжественно встретили князя на подъезде к городу.

Правда, большинство сведений заимствовано из новгородских, псковских и суздальских летописей, что накладывает еще большие ограничения на использование Жития в качестве исторического источника, сохранившего сведения о Ледовом побоище.

Все прочие древнерусские тексты так или иначе восходят к уже рассмотренным сообщениям и никаких оригинальных данных об интересующем нас событии не содержат²⁶⁴.

Однако, как уже отмечалось, о сражении на льду Чудского озера есть сведения и со стороны противника, что может существенно увеличить объем верифицируемой информации о Ледовом побоище. Речь идет о «Старшей ливонской Рифмованной хронике», написанной в последнее десятиле-

И съступишася обои, и бысть сеча зла, и по удолием кровь тьчаше») и о победе Тита над евреями у Генисаретского озера из третьей книги «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия («и бысть видѣти ломъ копиинны и скрежтаніе мечное, и щити ископани, и мужи носими землю напоиша крови» — «История иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / подг. текста А.А. Пичхадзе, И.И. Макеевой, Г.С. Баранковой, А.А. Уткина. М., 2004. Т. 1. С. 213).

²⁶² Бегунов Ю.К., Клейненберг И.Э., Шаскольский И.П. Письменные источники о Ледовом побоище. С. 185.

²⁶³ «ИЗГНАТИ (ИЗГЪНАТИ, ИЗЪГНАТИ ИЗОГНАТИ), изжену и изгоню... 3. Неожиданно напасть...» (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 6. С. 136).

²⁶⁴ Подробнее см.: Бегунов Ю.К., Клейненберг И.Э., Шаскольский И.П. Письменные источники о Ледовом побоище. С. 186–193.

тие XIII в. Ее текст лег в основу всех более поздних немецких сообщений об интересующем нас событии, сохранившихся в «Хронике Ливонии» Германа Вартберге XIV в., «Хронике Тевтонского ордена» XV в., «Истории Ливонии» Иоганна Реннера XVI в., а также в «Хронике Ливонии» Бальтазара Руссова XVI в. Предполагают, что в рассказе о Ледовом побоище автор «Рифмованной хроники», прибывший в Ливонию приблизительно на рубеже 70–80-х годов XIII в.²⁶⁵, мог опираться на воспоминания «некоторых оставшихся в живых участников событий». Кроме того, считается возможным, что он использовал некие «официальные документы», «списки должностных лиц ордена и поминальные списки павших в том или ином бою рыцарей», а также гипотетическую, не дошедшую до нас дерптскую епископскую хронику (*Annales Dorpatenses*). При этом подчеркивается, что Хроника — как поэтическое произведение — изобилует штампами, литературными клише, реминисценциями, повторами, художественными сравнениями, метафорами, эпитетами, рифмами, что снижает ее значение как источника для реконструкции реального хода событий (в том числе и Ледового побоища)²⁶⁶.

Вот как в ней описывается интересующее нас сражение:

«Русские [имеются в виду псковичи. — И. Д.] <...> сдались Ордену, там боялись большей беды. О мире повели переговоры. И мир был заключен с русскими на тех условиях, что Герпольт, как звали их короля, согласился оставить замки и плодородную землю в руках немецких братьев, в распоряжении магистра. И отказались от штурма [Пскова]. Когда примирение состоялось, недолго после этого медлили, чтобы собраться в обратный путь <...>. Там оставили двух братьев, которых управлять этой землей назначили, и небольшой отряд немцев. Это позже обернулось им во вред. Их господство продолжалось недолго. Есть город на Руси, Новгородом он называется. Их королю стало об этом известно. Он выступил со многими отрядами против псковичей, это правда. И пришел он с большой силой. Он многих русских привел, чтобы освободить тех, кто в Пскове. Этому обрадовались они сердечно. Увидев немцев, он долго не медлил, обоих братьев он выгнал, покончив с их фогтством, и всех их кнехтов изгнал. Ни одного немца там не осталось. Русским оставили они землю <...>. Король Новгорода ушел в свою землю, недолго было спокойно. Есть город большой и просторный также на Руси. Суздалем он называется. Александром звали того,

²⁶⁵ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. С. 13.

²⁶⁶ Подробнее см.: *Wachtsmuth F. Quellen und Verfasser der livländischen Reimchronik: Programm des Gimnasiums zu Mitau. Mitau, 1878. S. 23; Паушто В.Т. Рифмованная хроника как источник по русской истории // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 103, 108; Бегунов Ю.К., Клейненберг И.Э., Шаскольский И.П. Письменные источники о Ледовом побоище. С. 193, 197–240; Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. С. 38.*

кто в то время там был королем. Своим подданным он велел собираться в поход. Русским их неудачи обидны были. Быстро они собрались. И поехал король Александр, с ним много других русских из Суздаля. У них было луков без числа, очень много блестящих доспехов. Их знамена богато расшиты, их шлемы славились своим сиянием. И отправились они в землю братьев с сильным войском. Тогда братья, быстро вооружившись, оказали им сопротивление. Их, однако, было немного. В Дорпате стало известно, что пришел король Александр с войском в землю братьев, чиня грабежи и пожары. Епископ без внимания этого не оставил. Мужам епископства он срочно велел поспешить к войску братьев, чтобы против русских сражаться. Что он приказал, то было исполнено. Долго не медля, они присоединились к силам братьев. Они слишком мало людей привели. Братьев также было слишком мало. Всё же вместе они решили на русских напасть. Начали с ними сражаться. У русских было много стрелков, они отразили первую атаку, мужественно выстроившись перед войском короля. Видно было, что отряд братьев строй стрелков прорвал, был слышен звон мечей, и видно, как раскалывались шлемы. С обеих сторон убитые падали на траву. Те, кто был в войске братьев, оказались в окружении. У русских было такое войско, что, пожалуй, шестьдесят человек одного немца атаковало. Братья упорно сражались, всё же их одолели. Часть дерптцев вышла из боя, чтобы спастись. Они вынуждены были отступить. Там двадцать братьев осталось убитыми, и шесть попали в плен. Так прошел этот бой. Король Александр был рад тому, что он победу одержал. Он возвратился в свою землю. Однако за это ему пришлось заплатить жизнями многих храбрых мужей, кто никогда больше не отправится в поход»²⁶⁷.

Таким образом, из «Рифмованной хроники» мы узнаем, что:

- 1) после захвата Орденом Изборска псковичи вынуждены были заключить мир с крестоносцами;
- 2) по этому договору в Пскове были оставлены два брата-рыцаря и небольшой отряд немцев;
- 3) известие об этом заставило новгородского князя с большим отрядом отправиться к Пскову;
- 4) в результате этого похода рыцари-фогты и все их слуги были изгнаны из Пскова;
- 5) после этого новгородский князь вернулся в Новгород;
- 6) через некоторое время суздальский князь Александр с большим войском отправился в поход на орденские земли;
- 7) их встретил небольшой отряд рыцарей-крестоносцев;
- 8) в Дерпт пришло известие, что Александр вторгся в земли Ордена, «чиня грабежи и пожары»;

²⁶⁷ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. С. 231–234.

9) дорпатский епископ срочно отправил небольшой отряд на помощь орденским братьям;

10) несмотря на малочисленность, объединенный немецкий отряд решил атаковать русских;

11) на первом этапе отряд крестоносцев разбил передовой отряд русских стрелков;

12) имея численное превосходство (чуть ли не в 60 раз) русские скоро окружили немцев; часть дорпатцев при этом бежала с поля боя;

13) в ходе сражения было убито 20 рыцарей и шесть взято в плен;

14) Александр одержал победу, но его отряд понес тяжелые потери.

Вот, собственно, и все сведения, которыми мы располагаем для реконструкции Ледового побоища. Теперь остается выделить из них те, которые могут быть проверены показаниями хотя бы двух независимых источников. Для того чтобы установить, какие из известий являются верифицируемыми, сравним их.

Новгородская версия	Псковская версия	Ростовская версия	Суздальская версия	Житийная версия	Немецкая версия
в 1242 г. князь Александр с новгородцами и его брат Андрей с «низовцами» отправлялись на землю «чуди», которая платила дань «немцам»	в 1242 г. князь Александр	в 1242 г. князь Александр Ярославич	в 1242 г. великий князь Ярослав отправил своего сына Андрея в Великий Новгород, чтобы тот помог князю Александру в борьбе с «немцами»	Александр пошел в «немецкую землю» на третий год после Невской битвы; отец в помощь Александру прислал его младшего брата с большой дружиной	
новгородский князь с большим отрядом	пришел в Псков и там «избил немцев»,			Александр внезапно напал на Псков	новгородский князь с большим отрядом

предвари-
тельно они
заняли все
дороги до
Пскова и
внезапно
напали на
город

отпра-
виться к
Пскову

схвачен-   чем «изба-
ных там   вил» город
«немцев»
и чудь ско-
ванными
отправили
в Новго-
род

часть   рыцари-
«немцев»   фогты
перебил,   и все их
а дру-   слуги
гих взял   были из-
в плен,   гнаны из
освобо-   Пскова, а
див город   новгород-
от «без-   ский князь
божных   вернулся в
немец»   Новгород

после это-   с новго-
го братья   родцами
отправи-   «ходил на
лись «на   немцев»
Чудь»

через не-
которое
время
суздаль-
ский князь
Александр
с большим
войском
отправил-
ся в поход
на орден-
ские земли

там князь
пустил
свои отря-
ды в «за-
жития»,
а Домаша
Твердис-
лавича
и Кербета

после это-   Александр
го князь   вторгся
«повоевал   в земли
и пожег»   Ордена,
немецкую   «чиня
землю,   грабежи
захватив   и пожары»
при этом
большой

отправил
в «разгон»

«у моста»
отряд
Домаша и
Кербета
был раз-
бит «нем-
цами» и
«чудью»;
сам До-
маш по-
гиб, часть
его отряда
уничтоже-
на, часть
попала в
плен; не-
которым
воинам
удалось
вернуться
к Алексан-
дру

после это-
го Алек-
сандр ото-
шел на лед
Чудского
озера, к
Узмени, у
Вороньего
камня

после это-
го князь
с новго-
родцами и
псковича-
ми бился с
«немцами
на льду»

сражение с
ними про-
изошло на
Чудском
озере, у
Вороньего
камня

полон
и пере-
бив часть
врагов

немцы
выступи-
ли против
Алексан-
дра;
стража
заметила
приближе-
ние врага

их встре-
тил не-
большой
отряд
рыцарей
Ордена;
дорпат-
ский
епископ
срочно
отправил
неболь-
шой отряд
на помощь
орденским
братьям;
несмотря
на мало-
числен-
ность,
объеди-
ненный
немецкий
отряд
решил
атаковать
русских

Александр
воору-
жил свой
отряд и
отступил
на Чудское
озеро

здесь он
встретил
удар не-
мецкой
«свиньи»,
которая
«прошиб-
ла» его
«полк»

«немцы» в ходе
были сражения
разбиты, Александр
а «чудь» одержал
бежала победу

Александр братья
победил победили
противни-
ка на озере
«за Пско-
вом»

на первом
этапе от-
ряд кре-
стоносцев
разбил
передо-
вой отряд
русских
стрелков

имея
численное
превос-
ходство
русские
окружили
немцев;
часть
дорпатцев
бежала с
поля боя

Александр
гнал про-
тивника
по льду
7 верст
до Субо-
личского
берега

и гнал
противни-
ка, «секу-
чи его»,
по льду
7 верст

«чуди» часть
было противни-
убито «бе- ков была
щисла», перебита,
«немцев» часть —
пало 400, взята
50 плен- в плен,
ных было связана и
приведено босыми
в Новго- поведена
род по льду

в ходе	Александр	в ходе
сражения	возвра-	сражения
было за-	тился с	было уби-
хвачено	большим	то 20 ры-
большое	количе-	царей
число	ством	и шесть
пленных	пленных,	взято
	ведя рыца-	в плен
	рей босы-	
	ми рядом	
	с конями	

все это
произо-
шло
5 апреля,
в субботу,
на похвалу
Пресвятой
Богороди-
цы, в день
памяти
св. муче-
ника Клав-
дия

бой на-
чался в
субботу
на восходе
солнца

после сражения Андрей вернулся к отцу «с честью»	псковичи торже- ственно встретили князя на подъезде к городу	Александр одержал победу, но его от- ряд понес тяжелые потери
---	--	---

Итак, верифицируемая информация письменных источников о Ледовом побоище сводится к следующим положениям:

- в 1242 г. князь Александр Ярославич организовал поход новгородцев на земли эстов, плативших дань Ордену;
- ему в подкрепление был прислан отряд «низовцев», во главе которых стоял его младший брат Андрей Ярославич;
- объединенное войско Ярославичей внезапно напало на Псков и изгнало оттуда немецкий отряд, который находился в городе по договору с Орденom;
- пленные, захваченные в Пскове, были отправлены в Новгород;
- после это новгородско-суздальское войско вторглось в земли Ордена, которые непосредственно подчинялись дорпатскому епископу;
- целью этого похода был грабеж местного населения;
- передовой отряд Александра был встречен отрядом Ордена;
- князь отвел свое войско на лед Чудского озера, к Вороньему камню, где и встретил объединенный отряд рыцарей Ордена и дорпатского епископа;
- на первом этапе сражения крестоносцы смогли прорвать передовой полк Александра;

- тем не менее Александру удалось одержать победу: немцы были разбиты, а отряд дорпатцев бежал;
- Александр 7 верст преследовал бежавшего противника²⁶⁸;
- часть противников была перебита, часть — взята в плен;
- сражение произошло в начале апреля²⁶⁹.

Все прочие описания деталей Ледового побоища являются либо уникальными известиями, нуждающимися в крайне осторожном критическом отношении, либо прямыми или косвенными цитатами, метафорами, тропами или общими местами. Последние вряд ли можно использовать для восстановления действительного хода сражения. Зато, как уже говорилось, они несут чрезвычайно важную информацию о том, как оценивали тех или иных личностей или события их современники или ближайшие потомки. К сожалению, чаще в реконструкциях Ледового побоища приходится иметь дело с догадками, основанными на общих рассуждениях, либо субъективных представлениях тех или иных авторов о том, как это сражение *должно* было происходить, а то и с прямым вымыслом.

ЭКСКУРС 12. КАЗУС КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Куликовская битва относится к числу самых значительных событий для исторического сознания и самоидентификации русского человека. Показательно, что в 1980 г. в СССР чрезвычайно пышно отпраздновали 600-летний юбилей победы над Мамаем, в то время как гораздо более «круглая» и, казалось бы, более «важная» дата, приходившаяся на тот же год, — полутысячелетие(!) освобождения Руси от монгольского владычества — осталась практически незамеченной. Естественно, дело не в датах с двумя нулями (не будем забывать, что десятиричная система счета — всего лишь условность). Тем более что все равно никто — за исключением Президиума Академии Наук — не знал, когда же именно исполняется ровно 600 лет со дня знаменитой битвы. Официально празднования прошли 8 сентября (которым Мамаево побоище помечено в летописи), в то время как это — дата

²⁶⁸ Впрочем, это сообщение нуждается в дополнительной проверке. Дело в том, что в летописном рассказе о Раковорской битве мы встречаем точно такое же указание: «пособи Богъ князю Дмитрию и новгородцемъ, мѣсяца февряря 18, на память святого отца Льва, в субботу сыропустную; *и гониша ихъ, бѣюче, и до города, въ 3 пути, на семи верстѣ*, якоже не мочи ни коневи ступити трупиемъ» (Новгородская первая летопись. С. 87; там же есть упоминание и о немецкой «свинье»). Подобные совпадения свидетельствуют о взаимосвязи текстов: либо один из них цитирует другой, либо оба текста опираются на общий источник.

²⁶⁹ Разногласия источников в календарной части даты нуждаются в специальном объяснении. Скажем, псковский летописец мог пользоваться лунно-солнечным календарем.

юлианская, а для того чтобы ее правильно перевести на григорианский календарь, для XIV в. следует прибавлять 8 дней. Другими словами, по всем правилам, юбилей следовало праздновать 16 сентября.

Столь возвышенное отношение к Куликовской битве сформировалось в значительной степени благодаря древнерусским книжникам. На протяжении многих десятилетий они неоднократно возвращались к сражению, произошедшему в 1380 г. на Куликовом поле. При этом описания обрастали все новыми и новыми подробностями, чтобы приблизительно к XVI в. приобрести тот вид, который вполне соответствует современным «средним» представлениям о Мамаевом побоище.

Между тем мы располагаем всего двумя ранними описаниями знаменитого сражения. Речь идет о так называемых Краткой и Пространной летописных повестях. Первая из них сохранилась в составе Симеоновской летописи, Рогожского летописца и Московско-Академического списка Суздальской летописи. Вторая — в Софийской I, Новгородской IV, Новгородской V и Новгородской Карамзинской летописях. Текстологические взаимоотношения между ними сложны и не позволяют прийти к однозначным выводам.

Так, А.А. Шахматов пришел к выводу, что краткий летописный рассказ о Мамаевом побоище имеет «все черты первоначальной записи, а не позднейшего сокращения»²⁷⁰. Соответственно, его появление должно было предшествовать созданию Пространной версии того же повествования. Позже, под влиянием работ С.К. Шамбинаго²⁷¹, А.А. Шахматов пришел к выводу, что «повесть по Симеоновской летописи, которую я одно время был склонен признать древнею записью о Куликовской битве, не больше, как извлечение из обычной повести»²⁷². Дальнейшие исследования, однако, позволили заключить, что первоначально все-таки А.А. Шахматов «был прав, когда оценил рассказ “о великом побоище иже на Дону” как древнейшее сообщение о Куликовской битве»²⁷³. В настоящее время большинство текстологов сходятся на том, что краткая повесть о Куликовской битве восходит к гипотетическому своду 1408 г., ставшему основой сгоревшей в московском пожаре 1812 г. Троицкой летописи, Симеоновской летописи и Рогожского летописца, и не является сокращением Пространного ее варианта²⁷⁴. Следовательно, это,

²⁷⁰ Шахматов А.А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // Журн. Мин. нар. просв. 1901. Ноябрь. С. 65.

²⁷¹ См.: Шамбинаго С.К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 78–83.

²⁷² Шахматов А.А. Отзыв о сочинении С.К. Шамбинаго. «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906. С. 104.

²⁷³ Салмина М.А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла М.; Л., 1966. С. 359.

²⁷⁴ Салмина М.А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 5.

скорее всего, самый ранний источник, отобразивший «побоище на Дону». Абсолютная датировка ее спорна, но, как правило, не выходит за рамки последнего десятилетия XIV — первого десятилетия XV в.

Автор Пространной повести о сражении 1380 г., опиравшийся на ее Краткий вариант, расширил текст, привлекая, в частности, библейские тексты, «Житие Александра Невского», краткую (паремийную) редакцию «Чтения о Борисе и Глебе», а также апокрифическое «Слова на Рождество Христово о пришествии волхвов». Вместе с тем в этой редакции появляется ряд конкретных деталей сражения, которые отсутствуют в Краткой повести «о воинѣ и о побоищѣ иже на Дону». Считается, что Пространное повествование о Мамаевом побоище появилось не ранее середины XV в.

Приведем полностью тексты Краткой и Пространной повестей и сравним ретроспективную информацию о сражении, сохранившуюся в них, предварительно «очистив» ее от прямых и косвенных цитат, которые удалось выявить текстологам.

Краткая повесть приводится по тексту Рогожского летописца середины XV в. (список второй пол. XV в.), Пространная — по Новгородской Карамзинской летописи первой пол. XV в. (список конца XV — начала XVI в.).

Краткая летописная повесть

«О воинѣ и о побоищѣ иже на Вождѣ²⁷⁵. Того же лѣта [6888/1380] безбожнии злочестивии Ординскыи князь Мамаи поганый, собравъ рати многы и всю землю Половечскую и Татарскую и рати понаимовавъ, Фрязы и Черкасы и Ясы, и со всѣми сими поиде на великаго князя Дмитриа Ивановича и на всю землю Русскую. И бысть мѣсяца августа, приидоша отъ Орды вѣсти къ князю къ великому Дмитрию Ивановичю, аже въздвизается рать Татарская на христианы, поганый родъ Измалтескыи, и Мамаи нечестивый лютѣ гнѣвашеся на великаго князя Дмитриа о своихъ друзѣхъ и любовницѣхъ и о князѣхъ, иже побие ни бысть на рѣцѣ на Вождѣ, подвижася силою многою, хотя плѣнити землю Русскую. Се же слышавъ князь великий Дмитрие Ивановичъ, собравъ вой многы, поиде противу ихъ, хотя боронити своя отчины и за святые церкви и за правовѣрную вѣру христианскую и за всю Русскую землю. И переехавъ Оку, прииде ему пакы другыя вѣсти, повѣдаша ему Мамая за Дономъ собравшася, въ полѣ стояща и ждуца къ собѣ Ягаила на помощь, рати Литовскыи. Князь же великий поиде за Донъ и бысть поле чисто и велико зѣло, и ту срѣтошася погании Половци, Татарскыи плѣци, бѣ бо поле чисто на усть Непрядвы. И ту изоплѣчишася обои, и устремишася на бои, и соступишася обои, и бысть на длѣзѣ часѣ брань крѣпка зѣло и сѣча зла. Чресъ весь день сѣчахуся и

²⁷⁵ Ошибочно, вместо верного «на Дону».

падоша мертвыхъ множество бесчислено отъ обоихъ. И поможе Богъ князю великому Дмитрию Ивановичю, а Мамаевы плъци погании побѣгоша, а наши послѣ, биющи, сѣкуще поганныхъ безъ милости. Богъ бо невидимою силою устраши сыны Агаряны, и побѣгоша обратиша плещи свои на язвы, и мнози оружиемъ падоша, а друзии въ рѣцѣ истопоша. И гнаша ихъ до рѣкы до Мечи и тамо множество ихъ избиша, а друзии погрязоша въ водѣ и потопоша. Иноплѣмненници же гоними гнѣвомъ Божиимъ и страхомъ одръжими суще, и *убѣжа Мамаи въ малѣ дружинѣ въ свою землю Татарьскую*. Се бысть побоище мѣсяца сентября въ 8 день, на Рожество святыхъ Богородица, въ субботу до обѣда. И ту оубиени быша на суимѣ князь Феодоръ Романовичъ Бѣлозерскый, сынъ его князь Иванъ Феодоровичъ, Семень Михайловичъ, Микула Василиевичъ, Михаило Ивановичъ Окинфовичъ, Андреи Серкизовъ, Тимофѣи Волуи, Михаиле Бренковъ, Левъ Морозовъ, Семень Меликъ, Александръ Пересвѣтъ и инии мнози. Князь же великий Дмитрие Ивановичъ съ прочими князи Русскими и съ воеводами и съ бояры и съ велможами и со остаточными плѣки Русскими, ставъ на костехъ, благодари Бога и похвали похвалами дружину свою, иже крѣпко бишася съ иноплѣмненники и твердо занъ брашася, и мужьскы храброваша и дръзнуша по Бозѣ за вѣру христианьскую, и возвратися отътуду на Москву въ свою отчину съ побѣдою великою, одолѣ ратнымъ, побѣдивъ врагы своя. И мнози вои его возрадовашася, яко обрѣтающе користь многу, погна бо съ собою многа стада конии, вельблюды и волю, имже нѣсть числа, и dospѣхъ, и порты, и товаръ. Тогда повѣдаша князю великому, что князь Олегъ Рязаньскый послалъ Мамаю на помощь свою силу, а самъ на рѣкахъ мосты перемѣталъ. Князь же великий про то въсхотѣ на Олга послати рать свою. И се внезапно въ то врѣмя приехала къ нему бояре Рязаньстии и повѣдаша ему, что князь Олегъ повергъ свою землю, да самъ побѣжалъ и со княгинею, и з дѣтми, и съ бояры, и з думцами своими. И молиша его о семъ, дабы на нихъ рати не слалъ, а сами биша ему челомъ и рядишася у него въ рядъ. Князь же великий, послушавъ ихъ и примѣ челобитие ихъ, не остави ихъ слова, рати на нихъ не посла, а самъ поиде въ свою землю, а на Рязанскомъ княженѣ посади свои намѣстници. Тогда же Мамаи не во мнозе утече съ Доньского побоища и *прибѣже въ свою землю въ малѣ дружинѣ*²⁷⁶, видя себе бита и бѣжавша и посрамлена и поругана, пакы гнѣвашася, неистомяся, яряся и съмушашася, и собраша останочную свою силу, еще въсхотѣ ити изгономъ пакы на великаго князя Дмитрея Ивановича и на всю Рускую землю. Сице же ему умыслышу и се прииде ему вѣсть, что идетъ на

²⁷⁶ Судя по повтору, текст между фразами, выделенными нами курсивом («и убѣжа Мамаи въ малѣ дружинѣ въ свою землю» и «и прибѣже въ свою землю въ малѣ дружинѣ») является вставкой.

него нѣкий царь со востока, именемъ Токтамышъ изъ Синее Орды. Мамай же, еже уготоваль на ны рать, съ тою ратию готовою поиде противу его, и срѣтошася на Калкахъ. Мамаевы же князи, сшедше съ коней своихъ, и биша челомъ царю Токтамышу и даша ему правду по своей вѣрѣ, и пиша къ нему роту, и яшася за него, а Мамай оставиша, яко поругана, Мамай же, то видѣвъ, и скоро побѣжа со своими думцами и съ единомысленики. Царь же Токтамышъ посла за нимъ въ погоню воя своя и оубиша Мамай, а самъ шедъ взя Орду Мамаеву и царицы его, и казны его, и улусъ весь пойма, и богатство Мамаево раздѣли дружинѣ своей. И отътуду послы своя отъпусти на Русскую землю ко князю великому Дмитрию Ивановичю и ко всѣмъ княземъ Русскимъ, повѣдая имъ свои приходъ, и како въцарися, и како супротивника своего и ихъ врага Мамай побѣди, а самъ шедъ сѣде на царствѣ Волжскомъ. Князи же Руссии пословъ его отъпустиша съ честию и съ дары, а сами на зиму ту и на ту весну за ними отъпустиша коиждо своихъ киличеевъ²⁷⁷ со многими дары ко царю Токтамышю <...>. На ту же осень князь великий отпустилъ въ Орду своихъ киличеевъ Толбугу да Мокшѣя къ новому царю съ дары и съ поминкы»²⁷⁸.

После «очистки» текста от повторяющейся ретроспективной информации в нем можно выделить следующие информационные блоки.

1) в 1380 г. «князь» Мамай с объединенным войском, в которое входили «рати многы и вся земля Половечьская и Татарьская», а также наемники («фрязы и черкасы, и ясы»), выступил против великого князя Дмитрия Ивановича;

2) в августе Дмитрий Иванович получил известие о начале похода Мамай;

3) Дмитрий Иванович с большим войском выступил в поход;

4) Дмитрий Иванович переправился через Оку и получил известие о том, что за Доном уже стоит Мамай и ожидает подкрепления от Ягайло;

5) тогда Дмитрий Иванович форсировал Дон и вышел на поле «чисто и велико зѣло» в устье Непрядвы;

6) здесь и происходит «брань крѣпка зѣло и сеча зла»;

7) сражение шло весь день «до обеда»;

8) обе стороны понесли большие потери.

²⁷⁷ Киличеи — «особого рода послы, послы зависимых князей от Золотой орды, не имевшие никаких прав на ведение переговоров как равные с равными. Посылались с жалобой, или за разрешением на княжение, или просто с подарками хану и его окружению» (Сергеев Ф.П. Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев, 1971. С. 126–127). Поскольку это слово известно лишь с XIV в. и вышло из употребления уже в 70-х годах XV в., оно может рассматриваться как признак, датирующий текст, в котором оно упомянуто.

²⁷⁸ Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 139–142.

9) Дмитрий одержал победу;

10) Мамай бежал;

11) отряды Дмитрия Ивановича преследовали его до р. Мечи;

12) сражение произошло 8 сентября, на Рождество Богородицы, в субботу «до обѣда»;

13) в сражении погибли: «князь Феодоръ Романовичъ Бѣлозерскыи, сынъ его князь Иванъ Феодоровичъ, Семень Михайловичъ, Микула Васи-
лиевичъ, Михаило Ивановичъ Окинфовичъ, Андреи Серкизовъ, Тимофѣи
Волуи, Михаиле Бренковъ, Левъ Морозовъ, Семень Меликъ, Александръ
Пересвѣтъ и инии мнози»;

14) Дмитрий Иванович «съ прочими князи Русскими и съ воеводами,
и съ бояры, и съ велможамы, и со остаточными плѣки Русскими», «ставъ на
костехъ», похвалил своих воинов;

15) у противника были захвачены многочисленные трофеи: «много
стада конии, вельблуды и волы, имже нѣсть числа, и доспѣхъ, и порты, и
товаръ»;

16) Дмитрий получил известие о том, что «князь Олегъ Рязаньскыи по-
слать Мамаю на помощь свою силу, а самъ на рѣкахъ мосты перемѣталъ», и
собирался послать на него «ратъ свою»;

17) неожиданно рязанские бояре перешли на сторону Дмитрия, сооб-
щив, что Олег бежал «и со княгинею, и з дѣтми, и съ бояры, и з думцами
своими»;

18) Дмитрий заключил договор с рязанскими боярами и оставил в Ря-
зани своих наместников;

19) Мамай собирался организовать новый поход на Москву;

20) в это время он получил сообщение, что на него идет «царь» Тохта-
мыш из Синей Орды;

21) встреча отрядов Мамаю и Тохтамыша состоялась на Калке;

22) «князи» Мамаю перешли на сторону Тохтамыша;

23) Мамай бежал «со своими думцами и съ единомысленики»;

24) Тохтамыш послал за ним погоню;

25) воины Тохтамыша убили Мамаю;

26) Тохтамыш захватил «Орду Мамаеву и царици его, и казны его, и
улусть весь пойма, и богатство Мамаево раздѣли дружинѣ своеи»;

27) Тохтамыш «отътуду послы своя отъпусти на Русскую землю ко кня-
зю великому Дмитрию Ивановичю и ко всѣмъ княземъ Русскимъ, повѣдая
имъ свои приходъ, и како въцарися, и како супротивника своего и ихъ вра-
га Мамаю побѣди, а самъ шедъ сѣде на царствѣ Волжьскомъ»;

28) русские князья приветствовали Тохтамыша, отправив к нему «ко-
ждо своихъ киличевъ со многими дары»;

29) той же осенью великий князь отправил в Орду своих киличеев Толбугу и Мокшея «къ новому царю съ дары и съ поминки».

Пространная летописная повесть

«[В лѣто 6888... Того же...] О побоищи иже на Дону и и томъ, что князь великий бился съ Ордою. Прииде ордынский князь Мамаи съ единомысленики своими, и съ всѣми прочими князьми ордынскими, и съ всею силою татарскою и половецкою, еще же к тому рати понаимовав: бесермены, армени, фрязи, черкасы, и ясы, и буртасы; такоже с Мамаемъ вкупѣ, въ единой мысли и въ единой думѣ, и литовский князь Ягаило Олгердович съ всею силою литовскою, с ляхскою, и с ними же въ единачествѣ Олегъ Иванович, князь Рязанский, съ всѣми сими съвѣтники поиде на великого князя Дмитриа Ивановича и на брата его князя Володимера Андреевича. Но хотя человеколюбивый Богъ спасти и свободити род христианский молитвами Пречистыя Его Матере от работы измалтѣския, от поганого Мамаи, и от сонма нечистаго Ягаила, и от велерѣчиваго и худаго Олга Рязанскаго, не снабдѣвшему своего христианства. И приидет ему день великий Господень в суде, аду и ехидну! Окаанныи же Мамаи разгордѣвша, мнѣвъ себе аки царя, нача злыи съвѣтъ творити, темныя своя князи поганыя звати, и рече имъ: “Поидемъ на рускаго князя и на всю землю Рускую, якоже при Батыи было, христианство потеряем, а церкви Божия попалимъ и кровь христианскую прольемъ, а законы их погубимъ”. И сего ради нечестивыи лютѣ гнѣвашеся о своих друзех и любовницѣхъ, о князех, избиненых на рѣцѣ на Вожи, и нача сверѣпо и напрасно силы своя сбирати, съ яростию подвижася и силою многою, хотя пленити христианъ. И тогда двинушася вся колѣна татарская, и нача посылати к Литвѣ, к поганому Ягаилу, и лстивому сътонщику, диаволу съвѣтнику, отлученному Сына Божия, помраченному тмою грѣховною и не въсхотѣ разумѣти, Олгу Рязанскому, поборнику бесерменскому, лукавому сыну, якоже рече Христось: “От нас изыдоша и на ны быша”. И учини собѣ старыи злодѣи Мамаи съвѣтъ нечестивый с поганою Литвою и съ душегубивымъ Олгомъ: стати имъ у Оки у рѣки на Семень день на благовѣрнаго князя. Душегубивый же Олегъ начал зло к злу прикладати: посылаше к Мамаю и къ Ягаилу своего боярина единомысленаго, антихристова предтечу, именемъ Епифана *Кореова*, веля им быти на тотъ же срок, и тѣже съвѣтъ свѣща — стати ему у Оки с треглавными звѣрми сыроддци, а кровь прольати. Враже измѣнниче Олже! Лихоимѣства открываеши образы, а не вѣси, яко меч Божии острится на тя, якоже пророкъ рече: “Оружие извлекоша грѣшници и напругоша лукъ стрѣляти въ мракъ правыа сердцемъ, и оружиа их внидутъ въ сердца их, и луци их съкрушатся”. И бысть мѣсяца августа, приидоша от Орды таковыя вѣсти къ христоролюбивому князю, оже въздвизается на христианы измаилтѣский род.

Олгу же, уже отпадшему сана своего от Бога, иже злыи съвѣтъ створи с погаными, и посла къ князю Дмитрию вѣсть лестную, что Мамаи идет съ вѣмъ своимъ царствомъ “в мою землю Рязанскую на мене и на тебе, а и то ти свѣдомо буди, и литовский идет на тебе Ягаило съ всею силою своею”. Князь же Дмитриеи се слышав, невеселую ту годину, что идуть на него вся царства, творяще безаконие, а ркуще “Еще наша рука высока есть”, иде къ соборной церкви матери Божии Богородици, и прольа слезы, и рече: “Господи, Ты всемогии, всесилный и крѣпкий въ бранех, вѣистину еси Царь Славы, сътворивый небо и землю, помилуй ны Пресвятыя Матере молитвами, не остави нас, егда унываемъ! Ты бо еси Богъ нашъ и мы — людие твои, послѣи руку Твою свыше и помилуй ны, посрами враги наша и оружѣи их притупи! Силен еси, Господи, и кто противится Тебѣ! Помяни, Господи, милость Свою, иже от вѣка имаши на родѣ христианскомъ! О, многоименѣтаа Дево, Госпоже, Царице небесных чинов, Госпоже присно всеа вселенныа и всего живота человечьскаго кормителнице! И въздвигни, Госпоже, руцѣ Свои пречистаа, има же носила еси Бога въплощена, не презри христианъ сѣх, избави нас от сыроядецѣх сѣх и помилуй мя!” Вставъ от молитвы, изыде из церкви и посла по брата своего Володимера, и по всѣх князеи русских, и по великиа воеводы. И рече к брату своему Володимеру, и вѣмъ княземъ и воеводамъ: “Поидемъ противу сего окааннаго, и безбожнаго, и нечестиваго, и темнаго сыроядца Мамаа за правовѣрную вѣру христианскую, за святыа церкви, и за вся младенца и старца, и за вся христианы, сущая и не сущаа. И възмемъ с собою скипетръ Царя Небеснаго — непобѣдимую побѣду, и въсприимемъ Аврамлю доблесть”. И нарек Бога, и рече: “Господи, в помощь мою вѣрни, Боже, на помощь мою потщися! И да постыдяться и посрамляются, и познають, яко имя Тебѣ — Господь, яко Ты еси единъ Вышний по всеи земли!” И съвокупився съ вѣмъ князьми рускими и съ всею силою, и поиде противу их вѣорзѣх с Москвы, хотя боронити своя отчины. И прииде на Коломну, събра вои своих 100 тысящ и 100, опроче князеи и воевод мѣстных. И от начала миру не бывала такова сила рускаа князеи русских, якоже при семь князи бѣаше. А всее силы и все рати числомъ с полтора ста тысящ или с двѣстѣх. Еще же к тому приспѣша въ тѣи чинѣ рагозныи издалеча великие князи Олгердовичи поклонитися и послужити: князь Андреи Полоцкий съ плѣсковичи, брат его, князь Дмитрии Брянский съ вѣмъ своими мужи. В то же время Мамаи ста за Доном, възбуявся, и гордяся, и гнѣвааяся, съ вѣмъ своимъ царствомъ, и стоя 3 недели. И прииде князю Дмитрию паки другаа вѣсть: повѣдаша ему Мамаа за Дономъ събравшася и в полѣ стоаща, ждущѣ к собѣ на помощь Ягаила с литвою, да егда сберутся вкупѣ, и хотят побѣду створити съ одного. И нача Мамаи слати къ князю Дмитрию выхода просити, како было при Чанибѣ-цари, а не по своему докончанию. Христолюбивый же князь, не хотя кровопролитѣа, и

хотѣ ему выход дати по христіанскои силѣ и по своему докончанію, како с ним докончалѣ. Он же не въсхотѣ, высокомысляше, ожидаа своего нечѣстиваго свѣта литовскаго. Олегъ же, отступникъ нашъ, приединився къ зловѣрному и поганому Мамаю и нечѣстивому Ягаилу, нача выход ему давати и силу свою к нему слати на князя Дмитриа. Князь же Дмитрии, увѣдавъ леств лукаваго Олга, кровопивца христіа[н]скаго, новаго Иуду-предателя, на своего владыку бѣсится. И князь же Дмитрии, въздохнув из глубины сердца своего и рече: “Господи, свѣты неправедных разори, а зачинающих рать Ты погуби, но онѣ почаль кровь христіанскую проливати, а не азъ, онѣ Святополькъ новыи! Възда же ему, Господи, седмь седмерицею, яко въ тмѣ ходит и забы благодать Твою! Поострю, яко мльнию, мечъ мои, и приимет суд рука моа, въздамъ мечь врагомъ и ненавидящим мя въздамъ, и упою стрѣлы моа от крови их, да не ркут невѣрнии: “Кто есть Богъ их?” Отврати, Господи, лице Свое от них и покажи им, Господи, вся злаа на послѣдокъ, яко род развращаемъ есть, и нѣсть вѣры в них Твоеа, Господи! На языки незнающаа Тебе, Господи, и имени Твоего святаго не призваша! Кто богъ велеи яко Богъ нашъ! Ты еси Богъ, творяи чюдеса единъ”. И кончав молитву, иде к Пречистѣи и къ епископу Герасиму и рече ему: “Благослови мя, отче, поити противу окааннаго сего сыроядца Мамаа, и нечѣстиваго Ягаила, и отступника нашего Олга, отступившаго от свѣта въ тму”. И святитель Герасим благословилъ князя и воя его вся поити противу нечѣстивых агарянь. И поиде с Коломны с великою силою противу безбожных татаръ мѣсяца августа 20, а упоая на милосердіе Божіе и на Пречистую Его Матерь Богородицю, на Приснодевицю Марию, призываа на помощь честныи крестъ. И прошед свою отчину и великое свое княжение, и ста у Оки на усть Лопастны, переимаа вѣсти о поганыхъ. Ту бо наеха Володимерь, братъ его, и великии его воевода Тимофеи Васильевич, и вси вои останочныи, что были оставлены на Москвѣ. И начаша възитися за Оку за неделю до Семеня дни в день неделныи. И, переехавше за рѣку, внидоша в землю Рязаньскую. А самъ в понедельник перебрѣде своимъ двором. А на Москве остави воевод своих, у великои княгини Евдокеи и у сынов своих — у Васильа, у Юрьа и у Ивана — Федора Андреевича. И слышав в градѣ на Москвѣ, и в Переаславлѣ, и на Костромѣ, и в Володимерьѣ, и въ всѣх градѣх великаго князя и всѣх князеи русских, что пошол князь великый за Оку, и бысть в градѣ Москвѣ туга велика, и по всѣмъ его предѣломъ, и плач горекъ, и глас рыдания. И слышано бысть, сирѣчь высоких, Рахиль же есть, рыдание крѣпко, плачущеся чяд своих и с великимъ рыданием и въздыханиемъ не хотяше ся утѣшити, зане пошли с великимъ княземъ за всю землю Рускую на остраа копыя. Да кто уже не плачется женѣ онѣх рыдания и горкаго их плача, зряще, убо ихъ каяждо к себѣ глаголаше: “Увы мнѣ, убогаа наша чада! Уне бы намъ было, аще бы ся есте не родили, за сиа

злострастные и горкыя печали вашего убиства не подъяли быхом! Почто быхомъ повинни пагубѣ вашей!” Князь же великий прииде к рѣцѣ к Дону за два дни до Рожества Святыя Богородица. И тогда приспѣ грамота от преподобнаго игумена Сергия, от святаго старца, благословенаа. В ней же писано благословение его таково, веля ему битися с татараы: “Что бы еси, господине, тако и пошоль, а поможет ти Богъ и святаа Богородица”. Князь же рече: “Сии на колесницах, а си на коних. Мы же въ имя Господа Бога нашего призовемъ: ‘Побѣды даи ми, Господи, на супостаты и пособи ны оружиемъ крестнымъ, низложи врагы наша; на Тя уповаючи, побѣждаемъ, молящеся прилѣжно къ Пречистой Ти Матери’ ”. И сиа изрек, начя полци ставити, и устрояше въ одежду их местную. Яко великии ратници, и воеводы оплѣчиша своя полки, и приидоша к Дону, и стаха ту, и много думавше. Овии глаголаше: “Поиди, княже, за Донъ”. А друзии рѣша: “Не ходи, понеже зѣло умножишася врази наши, не токмо татарове, но и литва, и рязанци”. Мамаи же, слышав приход княж к Дону и сѣченыя своя видѣв, възъярися зракомъ и смутися умомъ, и распалися лютою яростию, и наплѣнися аки аспида нѣкаа, гнѣвомъ дышуще, и рече: “Двигнетесь, силы моя темныя, и власти, и князи! И поидемъ, станемъ у Дону противу князя Дмитриа, доколѣ приспѣть к намъ сѣвѣтникъ нашъ Ягаило своею силою”. Князю же, слышавшу хвалу Мамаеву, и рече: “Господи, не повелелъ еси в чюжъ предѣлѣ преступати, аз же, Господи, не преступих. Сии же, Господи, приходяще, аки змии к гнѣзду окаанныи Мамаи, нечистыи сыроядець, на христианство дрѣзнулъ и кровь мою хотя прольяти, и всю землю осквернити, и святаыя церкви Божиа разорити”. И рече: “Что есть великое сверѣпство Мамаево? Аки нѣкаа ехидна, прыскаючи, пришед от нѣкиа пустыня, пожрети ны хочет! Не предаи же мене, Господи, сыроядцу сему Мамаю, покажи ми славу Своего божества, Владыко! И где ти ангелстии лица, и где херувимское предстоание, где серафимское шестокрильное служение? Тебе трепещет вся тварь, Тебѣ поклоняются небесныя силы! Ты солнце и луну створи и землю украси всѣми лѣпотами! Яви, Боже, славу Свою и нынѣ, Господи, преложи печаль мою на радость! Помилуй мя, якоже помиловалъ еси слугу Своего Моисеа, в горести душа възпивша к Тебѣ, и столпу огню повелѣлъ еси ити пред нимъ, и морскыя глубины на сушу преложи, яко Владыка сый и Господь, страшное възмущение на тишину преложилъ еси”. И си вся изрекши, брату своему и всемъ княземъ и воеводамъ великимъ, и рече: “Приспѣ, братье, время брани нашея, и прииде Праздникъ Царици Марии, Матере Божии Богородици, и всѣхъ небесныхъ чинов, и Госпожи всея вселенныя и честнаго Ея Рожества. Аще оживемъ — Господеви есмы, аще умремъ за мир сеи — Господеви есмы!” И повелѣ мосты мостити на Дону и бродовъ пытати тое нощи, в канон Пречистыя Божиа Матере. Заутра же в субботу, месяца септемвриа 8 день, в самыи Праздникъ Госпожинъ, всходящу солнцу,

и бысть тма велика по всеи земли, и мгляно было бяше того утра до третиаго часа. И повелѣ Господь тмѣ уступитьи, а свѣту пришествие дарова. Князь же великий исполни полки своа велиции, и вся его князи рустии свои полкы устроивше, и великыа его воеводы облачишася въ одежда местныа. И ключа смертныа растерзахуся, трусь же бѣ страшенъ и ужась събраннымъ чядомъ издалече от востока и до запада. Поидоша за Дон, в дальняа чясти земля, и преидоша Донъ въскорѣ люто и сверѣпо, и напрасно, яко основанию земному подвизатися от великихъ силъ. Князю же перешедшу за Донъ в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы, Господь Богъ единъ вожаще его, и не бѣ с ним Богъ чюждъ. О, крѣпкыа и твердыа дръзости мужъство! О, како не убояся, ни усумнѣся толика множества народа ратныхъ! Се бо всташа на нь три земли: первое — Татарскаа, второе — Литовскаа, третие — Рязанскаа. Но обаче всѣхъ сихъ никакоже убояся, ни устрашися, но еже к Богу вѣроу въоруживъся и креста честнаго силою укрѣпивъся, молитвами святаа Богородица оградивъся, и Богу помолися, глаголя: “Помози ми, Господи Боже мои, спаси мя ради милости Твоеа; виждь — врагы моа яко умножишася на мя. Господи, что ся умножиша стужающей мнѣ? Мнози всташа на мя, мнози борющиеся со мною, мнози гонящей мя, стужающей ми, вси языцы обыдоша мя, именемъ Господнимъ противляхся имъ”. И бысть в шестую годину дни, начаша появливатися погании измаилтяне в полѣ, бѣ бо поле чисто и велико зѣло. И ту исполнишася татарстии полци противу хрестъан, и ту срѣтошася половци. И, великыа силы узрѣвше, поидоша; и земля тутняше, горы и холми трясахуся от множества вои безчисленыхъ. И извлекоша оружия обоюдоостри в рукахъ их. И орли собирахуся, якоже есть писано: “Где будетъ трупие, ту сберутся и орли”. Пришедшимъ рокомъ, прежде бо начашася съездати сторожевыи плѣки рускии с татарскими. Сам же князь великий наеха наперед в сторожевыхъ полцехъ на поганана царя Теляка, нареченаго плотнаго диавола Мамаа. Таче потомъ недолго попустя отѣеха князь в великий полкъ. И се поиде великаа рать Мамаева, вся сила татарская. А отселѣ князь великий Дмитрии Ивановичъ съ всѣми князьми рускими, изрядивъ полкы, поиде противу поганыхъ половець и съ всѣми ратми своими. И възрѣвъ на небо умилныма очима, и въздохнувъ из глубины сердца, рече слово псаломское: “Братие, Богъ намъ прибѣжище и сила”. И абие сступишася обоя силы велиции вмѣсто на длгъ час, и покрыша полкы поле яко на десяти верстѣ от множества вои. И бысть сеча зла и велика, и брань крѣпка, и трусь великъ зѣло, яко от начала миру сѣча такова не бывала великимъ княземъ рускимъ, якоже сему великому князю всея Руси. Бьющимъ же ся имъ от шестаго часа до 9-го, проляся кровь аки дождева тучя, обоихъ, русскихъ сыновъ и поганыхъ, и множество безчислено падоша трупиа мертвыхъ от обоихъ. И много руси побиени быша от татаръ, и от руси татаре. И паде труп на трупѣ, паде тѣло татарское на телеси христи-

анскомъ; индеже видѣти бѣше русинъ за татаринѡмъ ганяшесѣ, а татаринъ русина стигаше. Смятоша бо ся и размѣсиша, кииждо бо своего супротивника искаше побѣдити. И рече к собѣ Мамаи: “Власи наши растрѣзаются, очи наши не могутъ огненныхъ слезъ истачати, языци наши связаются, и гортани пресыхаетъ, и сердце раставаетъ, чресла ми протяжаются, колѣни изнемогаютъ, а руцѣ ми оципаютъ”. Что намъ рещи или глаголати, видѣящи злострѣстную смерть? Инии бо мечемъ пресѣкаеми бываху, а инии сулицами прободаеми, инии же на копия взираеми. Да тѣмъ же рыдания исполънишасѣ москвичи мнози, небывалци. То видѣвше, устрашишасѣ и живота отчаявшесѣ, и на бѣги обратившесѣ, и побѣгоша, а не помянушѣ, яко мученици глаголаху другъ къ другу: “Братие, потерпимъ мало: зима яра, но раи сладокъ; и страстенъ мечъ, но славно вѣнчаніе”. А инии сыны агарѣны на бѣгъ възвратишасѣ отъ клича велика, зряще злаго убиства. И по сихъ же въ 9 часъ дне призрѣ Господь милостивыми очима на вси князи рускіе и на крѣпкіе воеводы, и на вся христиѣны, дрѣзнувшіе за христианство и не устрашишасѣ, яко величїи ратници. Видѣшѣ бо вѣрнии, яко въ 9 часъ бѣюще ангели помогаютъ христианомъ, и святыхъ мученикъ полкъ, и воина Георгїа, и славнаго Дмитрія, и великихъ князей тезоименитыхъ Бориса и Глѣба. В нихъ же бѣ воевода съвършеннаго плѣка небесныхъ вои, архистратигъ Михаилъ. Двоя воеводы видѣша погании полци треслѣнечными плѣкъ и пламенными ихъ стрѣлы, яже идутъ на нихъ; безбожнии же татарове отъ страха Божїа и отъ оружія христианскаго падаху. И възнесе Богъ десницу нашего князя на побѣду иноплеменикъ. А Мамаи, съ страхомъ вѣстрепетавъ и велми вѣстенавъ, и рече: “Великъ Богъ христианскъ, и велика сила Его! Братие измаиловичи, безаконнии агарѣне, побѣдите неготовыми дорогами!” И самъ вдавъ плещи свои и побѣже скоро паки къ Ордѣ. И то слышавше темныя его князи и власти, и побѣгоша. И то видѣвше и прочїи иноплеменицы, гоними гнѣвомъ Божїимъ и страхомъ одержими суще отъ мала до велика, на бѣгъ устремишасѣ. Видѣвше же христиѣне, яко татарове съ Мамаемъ побѣгоша, и погнаша за ними послѣ, бѣюще и сѣкуще поганыхъ безъ милости. Богъ бо невидимую силою устраши плѣкы татарскыя, и побѣжени обратиша плещи своя на язвы. И въ погонѣ той овїи же татарове отъ христианъ язвени оружіемъ падохъ, а друзїи въ рѣцѣхъ истопошѣ. И гониши ихъ до рѣки до Мечи, и тамо бѣжащихъ бесчисленное множество побиши. Князи же полци гнаша съдомлянъ, бѣюще, до стана ихъ, и полониша богатства много, и вся имѣнія ихъ, и вся стада содомскаа. Тогда же на томъ побоищи убѣени быша на сступѣ: князь Феодоръ Романовичъ Бѣлозерскїй и сынъ его Иванъ, князь Феодоръ Торускїй, братъ его Мстиславъ, князь Дмитрій Манастыревъ, Семень Михайловичъ, Микула Васильевъ, сынъ тысяцкого, Михаила Ивановъ Акинфовичъ, Иванъ Александровичъ, Андреи Серкизовъ, Тимофеи Васильевичъ Акатьевичъ, нарицаемыи Волуи, Михаило Бренковъ, Левъ Морозовъ, Семенъ Меликовъ,

Дмитрии Мининичъ, Александръ Пересвѣтъ, бывшии прежде боярин брянскыи, и инии мнози, их же имена не суть писана в книгах сих. Сии же писаны быша князи токмо и воеводы, и нарочитых и старейших бояръ имена, а прочих бояръ и слуг оставих имена и не писах множества ради именъ, яко число превъсходит ми, мнози бо на тои брани побиени быша. Самому же князю великому баше видѣти всѣх доспѣх его битъ, язвенъ, но на телеси его не баше раны никоеаже, а бился с татары в лице, став наперед на первомъ суимѣ. О семь убо мнози князи и воеводы многажды глаголаша ему: “Княже господине, не ставися наперед битися, но назади или на крилѣ, или нѣгде въ опришнемъ мѣсте”. Он же отвѣщаваше имъ: “Да како азъ възглаголю: ‘Братия моа, потягнем вси вкупѣ съ одного’, а самъ лице свое почну крыти и хоронитися назади? Не могу в томъ быти, но хочу якоже словомъ, такоже и дѣлом наперед всѣх и пред всѣми главу свою положить за свою братию и за вся христианы. Да и прочии то видѣвше примут съ усрѣдием дрѣзновение”. Да якоже рече, тако и створи, бѣяшеся с татары тогда, став наперед всѣх. А елико одесную и ошую его дружину его биша, самого же вкругъ оступиша обаполы, и многа ударения ударишася по главѣ его, и по плещима его, и по утробѣ его, но от всѣх Богъ заступилъ его в день брани щитомъ истины и оружиемъ благоволения оскнил есть над главою его, десницею Своею защитилъ его и рукою крѣпкою и мышцею высокою Богъ избавилъ есть, укрѣпивши его. И тако промежи многими ратными цѣлѣ сохраненъ бысть. “Не на лукъ бо мои уповаю, и оружие мое не спасетъ мене”, — якоже рече Давидъ пророкъ. — “Вышняго положилъ еси прибѣжище твое, не придет к тебѣ зло, и рана не приступит к телеси твоему, яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ съхранити тя въ всѣх путех твоих, и не убоишися от стрѣлы, летяща в день”. Се же бысть грѣх ради наших въоружаются на ны иноплеменици, да быхом ся отступили от своих неправдъ: от братоненавидѣнниа, и от сребролюбиа, и в неправды судящих, и от насилья. Но милосердъ бо есть Богъ человеколюбецъ, не до конца прогнѣвается на ны, ни въ вѣки враждуетъ. А отселѣ, от страны Литовския, Ягаило, князь Литовский, прииде съ всею силою литовскою Мамаю помагати, и татаромъ поганымъ на помощь, а христианом на пакость. Но и от тех Богъ избавилъ, не поспѣша бо на срок за малым, за едино днище или менши. Но точию слышав Ягаило Олгердович и вся сила его, яко князю великому с Мамаем бои былъ, и князь великий одолѣ, а Мамаи побѣже — и без всякого пождания литва съ Ягаилом побѣгоша назад съ многою скоростию, никим же гоними. Не видѣша тогда князя великаго, ни ратии его, ни оружия его, токмо имени его литва бояхутся и трепетаху; а не яко при нынешних временех литва над нами издеваются и поругаются. Но мы сию беду оставльше и на подлежащее възвратимся. Князь же Дмитрии з братомъ своимъ Володимеромъ, и съ князми рускими, и воеводами, и прочими бояры, и съ всѣми

вои оставшимися, став тое ноши на поганных обѣдищех, на костех татарских, утеръ поту своего, и, отдохнув от труда своего, велико благодарение принесе Богу, таковую побѣду давшему на поганых, избавляющему раба Своего от оружия люта: “Помянул еси, Господи, милость Свою, избавил ны еси, Господи, от сыроядец сих, от поганого Мамаи, и от нечѣстивых измаилович, и от незаконных агарянь, подаваа чѣсть, яко Сынъ, Своеи Матери. Уставиль еси стремление страстное, якоже еси уставиль служѣ Своему Моисею и древнему Давиду, и новому Константину, и Ярославу, сроднику великих князеи, на окаанного и на проклятаго братоубицию, безглавнаго звѣря Святоплѣка. И Ты, Богородице, помиловала еси милостию Своею нас, грѣшных рабѣ Своих, и весь род христианский, умолила еси безлѣтнаго Сына Своего”. И мнози князи русии и воеводы прехвалными похвалами прославиша Пречистую Матерь Божию Богородицу. И паки христороби-выи князь похвали дружину свою, иже крѣпко бишася съ иноплеменики, и твердо забрашася, и мужьскы храброваша, и дрѣзнуша по Бозѣ за вѣру христианскую. И възвратися оттуду в богохранимыи град Москву, въ свою отчину, с побѣдою великою, одолѣвъ ратнымъ, побѣдивъ врагы своя. И мнози вои его възрадовашася, яко обрѣтающе користь многу: пригнаша с собою многа стада кони, и велбуди, и воли, им же нѣсть числа, и доспѣх, и порты, и товаръ. Повѣдаша князю великому, что князь Олег Рязанский посылалъ Мамаю на помощь свою силу, а самъ на рѣках мосты переметалъ. А кто поехалъ с Доновского побоища всояси сквозѣ его отчину, Рязанскую землю, бояре или слуги, а тѣх велѣлъ имати, и грабити, и нагих пуцати. Князь же Дмитрии про то въсхотѣ на Олга послати рать. И се внезапно приехаша к нему бояре рязанстии и повѣдаша, что князь Олегъ поврѣгъ свою землю, да самъ побѣжалъ, и съ княгинею, и с дѣтми, и з бояры. И молиша его много о семь, дабы на них рати не послалъ, а сами биша ему челом и рядишася у него в ряд. Князь же послуша их и приимъ челобитье их, рати на них не посла, а на Рязанскомъ княжении посади своя намѣстники. Тогда же Мамаи не въ мнозѣ убѣжа въ свою землю в малѣ дружинѣ. Видя себе бита, и бѣжавша, и посрамлена, и поругана, паки гнѣвашеся, и събра остаточную свою силу, хотя ити изгономъ паки на Русь. Сиде же ему умыслившу, и се прииде ему вѣсть, что идет на него нѣкий царь съ востока Тахтмышъ из Синие Орды. Мамаи же, юже уготовалъ рать на ны, с тою ратию готовою и поиде противу его. И срѣтошася на Калках, и бысть имъ бои. И царь Тахтмышъ побѣди Мамаи и прогна его. Мамаевы же князи шедше с конь своих и биша челомъ царю Тахтмышу, и даша ему правду по своей вѣре, и яшася за него, а Мамаа оставиша поругана. Мамаи же то видѣвъ, и скоро побѣжа съ своими единомысленики. Царь же Тахтмыш посла за ними в погону воя своя. Мамаи же гоним сии, и бѣгаа пред Тахтмышевыми гонители, и прибѣжа близ града Кафы, и съслася с кафинци по оконча-

нию и по опасу, дабы его приали на избавление, дондеже избудеть от всѣх гонящих его. И повелѣша ему. И прибѣже Мамаи в Кафу съ множествомъ имѣнія, злата и сребра. Кафинци же свѣщавшеся, створиша над нимъ об-лесть, и ту от них убьен бысть. И тако бысть конецъ Мамаю. А самъ царь Тахтамышъ, шед, взя Орду Мамаеву и царици его, и казны его, и улусъ всь поима, и богатство Мамаево раздѣли дружинѣ свои. И оттуду послы своя отпусти къ князю Дмитрию и къ всѣмъ княземъ рускимъ, повѣдая имъ свои приход, и како въцарися, и како супротивника своего и их врага Мамаю побѣди, а самъ, шед, сѣде на царствѣ Волжскомъ. Князи же рустии посла его отпустиша съ честію и с дары, а сами на зиму ту и на ту весну за ними отпустиша в Орду къ царю коиже своих килициев съ многими дары»²⁷⁹.

После удаления прямых и косвенных цитат из других текстов в пространной летописной повести о Куликовской битве можно выделить следующие блоки ретроспективной информации:

1) в 1380 г. «ордынский князь» Мамай с объединенным войском, в которое входили «прочии князья ордынские», «вся сила татарская и половецкая», а также наемники: «бесермены, армени, фрязи, черкасы, и ясы, и буртасы», выступил против великого князя Дмитрия Ивановича;

2) к Мамаю собирались присоединиться литовский князь Ягайло и рязанский князь Олег Иванович;

3) они собирались выступить не только против Дмитрия Московского, но и против его двоюродного брата, князя Владимира Андреевича Серпуховского;

4) Мамай с Ягайло и Олегом Рязанским собирались встретиться у р. Оки на Семенов день (1 сентября);

5) в августе Дмитрий Иванович получил известие из Орды о походе Мамаю;

6) Олег Рязанский сообщил московскому князю, что Мамай хочет напасть на Рязанскую землю, а затем вместе с Ягайло — и на Дмитрия Ивановича;

7) Дмитрий вместе с Владимиром Андреевичем и «съ всѣми князьми рускими и съ всею силою», решает срочно выступить против врага;

8) местом сбора русских войск стала Коломна;

9) все войско Дмитрия насчитывало 150 или 200 тыс. воинов;

10) к ним присоединились отряды литовских князей Ольгердовичей — Андрея Полоцкого с псковичами и Дмитрия Брянского;

11) Мамай остановился «за Доном», где простоял три недели, ожидая Ягайло;

²⁷⁹ Новгородская Карамзинская летопись // ПСРЛ. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002. С. 139–144.

12) об этом стало известно Дмитрию Ивановичу;

13) Мамай потребовал от Дмитрия выплаты «выхода» в размере, который выплачивался хану Джанибеку. Дмитрий был согласен выплатить дань в размере (видимо, меньшем), установленном договором с Мамаем. Мамай не согласился на это, надеясь на помощь Ягайло;

14) Олег Рязанский начал выплачивать ордынский «выход» (видимо, в полном размере) и отсылать свои отряды на помощь Мамаю;

15) об этом стало известно Дмитрию Ивановичу;

16) епископ Герасим благословил Дмитрия Ивановича на сражение с Мамаем;

17) 20 августа Дмитрий Иванович во главе объединенного войска выступил из Коломны;

18) у Оки, в устье Лопасни к нему присоединились отряды Владимира Андреевича Серпуховского и «все вой останочныи, что были оставлены на Москвѣ»;

19) за неделю до 1 сентября, в воскресенье объединенное войско начало переправу через Оку и вступило в Рязанскую землю;

20) Дмитрий Иванович переправился через Оку в понедельник;

21) в Москве известие об этом вызвало «тугу велику <...>, и плач горекъ, и глас рыдания»;

22) за два дня до Рождества Богородицы (6 сентября) войско Дмитрия Ивановича вышло к Дону;

23) в тот же день Дмитрий получил грамоту от Сергия Радонежского с благословением на битву;

24) князь начал готовиться к сражению;

25) воеводы Дмитрия спорили о том, надо ли переходить Дон;

26) Мамай, получил известие о том, что Дмитрий Иванович подошел к Дону, решил пойти навстречу, все еще ожидая подкрепления от Ягайло;

27) узнав об этом, 7 сентября Дмитрий принимает решение перейти Дон и приказывает наводить мосты и «бродов пытати»;

28) утром 8 сентября, в субботу «бысть тма велика по всей земли, и мгляно бяше <...> до третиаго часа»;

29) Дмитрий начал выстраивать свои полки в устье Непрядвы;

30) в 6-м часу на поле предстоящего боя стали появляться ордынские войска;

31) сражение началось со столкновения передовых полков, в составе которых был Дмитрий, вскоре отъехавший в большой полк;

32) после этого в бой вступили основные силы противников;

33) сражение продолжалось с 6 по 9-й час;

34) обе стороны понесли большие потери;

- 35) многие москвичи-«небывалцы» и часть ордынских отрядов «на бѣгъ обратишася»;
- 36) в 9-м часу наступил перелом в битве;
- 37) Мамай бежал;
- 38) за ним побежали все его полки, включая «прочих иноплеменников»;
- 39) отряды Дмитрия Ивановича преследовали их до р. Мечи;
- 40) войска Дмитрия Ивановича заняли ордынские станы и захватили трофеи: «богатства много, и вся имѣния их, и вся стада содомскаа»;
- 41) в сражении погибли: «князь Феодоръ Романовичъ Бѣлозерский и сынъ его Иван, князь Феодоръ Торуский, братъ его Мстислав, князь Дмитрии Манастырев, Семенъ Михайлович, Микула Васильев, сынъ тысяцкого, Михаила Иванов Акинфович, Иван Александрович, Андреи Серкизов, Тимофеи Васильевич Акатъевич, нарицаемыи Волуи, Михайло Бренков, Левъ Морозов, Семен Меликов, Дмитрии Мининичъ, Александръ Пересвѣтъ, бывшии прежде боярин брянскыи, и инии мнози»;
- 42) сам Дмитрий не пострадал, хотя весь его доспех был «бит» и «язвенъ», поскольку князь сражался в первых рядах;
- 43) Ягайло, который хотел выступить вместе с Мамаем, опоздал к сражению на один день (или меньше) и вернулся в Литву;
- 44) в сражении принимал участие Владимир Андреевич Серпуховской;
- 45) Дмитрий Иванович «и съ князми рускими, и воеводами, и прочими бояры, и съ всѣми вои оставшимися», «став тое ноци на поганых обѣдищех, на костех татарскихъ», похвалил своих воинов;
- 46) после этого Дмитрий Иванович вернулся в Москву;
- 47) у противника были захвачены многочисленные трофеи: «много стада кони, и велбуди, и волю, им же нѣсть числа, и доспѣх, и порты, и товаръ»;
- 48) Дмитрию сообщили, что Олег Рязанский помогал Мамаю и собирается нападать на московские отряды во время их возвращения. За это Дмитрий собирался послать на Олега «ратъ»;
- 49) Дмитрий получил известие, что «князь Олег Рязанский посылалъ Мамаю на помощь свою силу, а самъ на рѣках мосты переметалъ, а кто поехалъ с Доновского побоища всвойси сквозѣ его отчину, Рязанскую землю, бояре или слуги, а тѣх велѣлъ имати, и грабити, и нагих пущати», и собирался послать на Олега «ратъ»;
- 50) неожиданно рязанские бояре перешли на сторону Дмитрия, сообщив, что Олег бежал «и съ княгиню, и с дѣтми, и з бояры»;
- 51) Дмитрий заключил с ними договор и отправил в Рязань своих наместников;

- 52) Мамай собирался организовать новый поход на Москву;
- 53) в это время он получил сообщение, что на него идет «царь» Тохтамыш из Синей Орды;
- 54) сражение Мамаю и Тохтамыша произошло на Калке;
- 55) Мамай потерпел поражение;
- 56) его «князи» перешли на сторону Тохтамыша;
- 57) Мамай бежал «съ своими единомысленики»;
- 58) Тохтамыш послал за ним погоню;
- 59) Мамай прибежал в Кафу «съ множествомъ имѣния, злата и сребра» и договорился с ее жителями, однако те убили Мамаю;
- 60) Тохтамыш захватил Орду Мамаю «и царицы его, и казны его, и улусъ весь пойма, и богатство Мамаево раздѣли дружинѣ своеи»;
- 61) Тохтамыш «оттуду послы своя отпусти къ князю Дмитрию и къ всѣмъ княземъ рускимъ, повѣдая имъ свои приход и како въцарися, и како супротивника своего и их врага Мамаю побѣди, а самъ, шед, сѣде на царствѣ Волжѣскомъ»;
- 62) русские князья зимой и весной 1381 г. отправили к Тохтамышу «коже своих килициев съ многими дары».

Сравним информацию о Куликовской битве, сохранившуюся в Краткой и Пространной летописных повестях о ней.

*Краткая летописная повесть
о Куликовской битве*

В 1380 г. «князь» Мамай с объединенным войском, в которое входили «рати многы и вся земля Половечьская и Татарьская», а также наемники («фрязы и черкасы, и ясы»), выступил против великого князя Дмитрия Ивановича.

*Пространная летописная
повесть о Куликовской битве*

В 1380 г. «ордынский князь» Мамай с объединенным войском, в которое входили «прочии князья ордынские», «вся сила татарская и половецкая», а также наемники: «бесермены, армени, фрязи, черкасы, и ясы, и буртасы», выступил против великого князя Дмитрия Ивановича.

К Мамаю собирались присоединиться литовский князь Ягайло и рязанский князь Олег Иванович.

Они собирались выступить не только против Дмитрия Московского, но и против его двоюродного брата, князя Владимира Андреевича Серпуховского.

В августе Дмитрий Иванович получил известие о начале похода Мамай

Мамай с Ягайло и Олегом Рязанским собирались встретиться у Оки на Семенов день (1 сентября).

В августе Дмитрий Иванович получил известие из Орды о походе Мамай.

Олег Рязанский сообщил московскому князю, что Мамай хочет напасть на Рязанскую землю, а затем вместе с Ягайло — и на Дмитрия Ивановича.

Дмитрий вместе с Владимиром Андреевиче и «съ всѣми князьми рускими и съ всею силою», решает срочно выступить против врага.

Местом сбора русских войск стала Коломна.

Все войско Дмитрия насчитывало 150 или 200 тыс. воинов.

К ним присоединились отряды литовских князей Ольгердовичей — Андрея Полоцкого с псковичами и Дмитрия Брянского.

Мамай остановился «за Доном», где простоял три недели, ожидая Ягайло. Об этом стало известно Дмитрию Ивановичу.

Мамай потребовал от Дмитрия выплаты «выхода» в размере, который выплачивался хану Джанибеку.

Дмитрий был согласен выплатить дань в размере (видимо, меньшем), установленном договором с Мамаем. Мамай не согласился на это, надеясь на помощь Ягайло.

Олег Рязанский начал выплачивать ордынский «выход» (видимо, в полном размере) и отсылать свои отряды на помощь Мамаю.

Дмитрий Иванович с большим войском выступил в поход.

Дмитрий Иванович переправился через Оку

и получил известие о том, что за Доном уже стоит Мамай и ожидает подкрепления от Ягайло. Тогда

Об этом стало известно Дмитрию Ивановичу.

Епископ Герасим благословил Дмитрия Ивановича на сражение с Мамаем.

20 августа

Дмитрий Иванович во главе объединенного войска выступил из Коломны.

У Оки, в устье Лопасни к нему присоединились отряды Владимира Андреевича Серпуховского и «все войско останочные, что были оставлены на Москвѣ».

За неделю до 1 сентября, в воскресенье объединенное войско Дмитрия Ивановича начало переправу через Оку и вступило в Рязанскую землю.

Дмитрий Иванович переправился через Оку в понедельник.

В Москве известие об этом вызвало «тугу велику <...>, и плач горекъ, и глас рыдания».

За два дня до Рождества Богородицы (6 сентября) войско Дмитрия Ивановича вышло к Дону.

В тот же день Дмитрий получил грамоту от Сергия Радонежского с благословением на битву.

Князь начал готовиться к сражению. Воеводы Дмитрия спорили о том, надо ли переходить Дон.

Мамай, получил известие о том, что Дмитрий Иванович подошел к Дону, решил пойти навстречу, все еще ожидая подкрепления от Ягайло. Узнав об этом,

Дмитрий Иванович форсировал
Дон

и вышел на поле «чисто и велико
зѣло»

в устье Непрядвы.

Здесь и происходит «брань
крѣпка зѣло и сеча зла».

Сражение шло весь день «до обе-
да».

Обе стороны понесли большие
потери.

Дмитрий одержал победу
Мамай бежал.

Отряды Дмитрия Ивановича
преследовали его до р. Мечи.

7 сентября

Дмитрий Иванович принимает ре-
шение перейти Дон и приказывает
наводить мосты и «бродов пытати»

Утром 8 сентября, в субботу «бысть
тьма велика по всей земли, и мгляно
баше <...> до третиаго часа»

Дмитрий начал выстраивать свои
полки

в устье Непрядвы.

В 6-м часу стали появляться ордын-
ские войска

Сражение началось со столкновения
передовых полков, в составе кото-
рых был Дмитрий Иванович, вскоре
отъехавший в большой полк.

После этого в бой вступили основ-
ные силы противников.

Сражение продолжалось с 6 по
9-й час.

Обе стороны понесли большие по-
тери.

Многие москвичи-«небывалци» и
часть ордынских отрядов «на бѣгъ
обратишася».

В 9-м часу наступил перелом
в битве.

Мамай бежал.

За ним побежали все его полки,
включая «прочих иноплеменников».

Отряды Дмитрия Ивановича пре-
следовали их до р. Мечи.

Сражение произошло 8 сентября, на Рождество Богородицы, в субботу «до обѣда».

В сражении погибли: «князь Феодоръ Романовичъ Бѣлозерскій, сынъ его князь Иванъ Феодоровичъ,

Семень Михайловичъ, Микула Василевичъ, Михаило Ивановичъ Окинфовичъ,

Андреи Серкизовъ, Тимофѣи Ботуи, Михаиле Бренковъ, Левъ Морозовъ, Семень Меликъ,

Александръ Пересвѣтъ

и инии мнози».

Войска Дмитрия Ивановича заняли ордынские станы и захватили трофеи: «богатства много, и вся имѣния их, и вся стада содомскаа».

Сражение произошло 8 сентября, «в самыи Празник Госпожинъ», в субботу

В сражении погибли: «князь Феодоръ Романовичъ Бѣлозерскій и сынъ его Иван,

князь Феодоръ Торускій, братъ его Мстислав, князь Дмитрии Манастырев,

Семень Михайлович, Микула Васильев, сынъ тысяцкого, Михаила Иванов Акинфович,

Иван Александрович,

Андреи Серкизов, Тимофеи Васильевич Акатъевич, нарицаемыи Волуи, Михаило Бренков, Левъ Морозов, Семен Меликов,

Дмитрии Мининичъ,

Александръ Пересвѣтъ,

бывыи прежде болярин брянскыи,

и инии мнози».

Сам Дмитрий не пострадал, хотя весь его доспех был «бит» и «язвен», поскольку князь сражался в первых рядах.

Ягайло, который хотел выступить союзником Мамай, опоздал к сражению на один день (или меньше) и вернулся в Литву.

В сражении принимал участие Владимир Андреевич Серпуховской.

Вместе с ним

Дмитрий Иванович «съ прочими князи Русскими и съ воеводами, и съ бояры, и съ велможами, и со остаточными плъки Русскими», «ставъ на костехъ», похвалил своих воинов.

После этого Дмитрий Иванович вернулся в Москву.

У противника были захвачены «много стада конии, вельблуды и волы, имже нѣсть числа, и доспѣхъ, и порты, и товаръ».

Дмитрий получил известие о том, что «князь Олегъ Рязань-ский послалъ Мамаю на помощь свою силу, а самъ на рѣкахъ мосты перемѣталъ», и собирался послать на него «ратъ свою».

Неожиданно рязанские бояре перешли на сторону Дмитрия, сообщив, что Олег бежал «и со княгинею, и з дѣтми, и съ бояры, и з думцами своими».

Дмитрий заключил договор с рязанскими боярами и отправил в Рязани своих наместников.

Мамай собирался организовать новый поход на Москву.

В это время он получил сообщение, что на него идет «царь» Тохтамыш из Синей Орды.

Встреча отрядов Мамае и Тохтамыша состоялась на Калке.

Дмитрий Иванович «и съ князми рускими, и воеводами, и прочими бояры, и съ всѣми вои оставшимися», «став тое нощи на поганых обѣдищех, на костех татарскихъ», похвалил своих воинов.

После этого Дмитрий Иванович вернулся в Москву.

У противника были захвачены «много стада кони, и велбуди, и волы, им же нѣсть числа, и доспѣх, и порты, и товаръ».

Дмитрий получил известие, что «князь Олег Рязанский посылалъ Мамаю на помощь свою силу, а самъ на рѣках мосты переметалъ, а кто поехалъ с Доновского побоища всвояси сквозѣ его отчину, Рязанскую землю, бояре или слуги, а тѣх велѣлъ имати, и грабити, и нагих пушати», и собирался послать на Олега «ратъ».

Неожиданно рязанские бояре перешли на сторону Дмитрия, сообщив, что Олег бежал «и съ княгинею, и с дѣтми, и з бояры».

Дмитрий заключил с ними договор и отправил в Рязани своих наместников.

Мамай собирался организовать новый поход на Москву.

В это время он получил сообщение, что на него идет «царь» Тохтамыш из Синей Орды.

Сражение Мамае и Тохтамыша произошло на Калке.

Мамай потерпел поражение.

«Князи» Мамай перешли на сторону Тохтамыша.

Мамай бежал «со своими думцами и съ единомысленики».

Тохтамыш послал за ним погоню.

Воины Тохтамыша убили Мамай.

Тохтамыш захватил «Орду Мамаеву и царицы его, и казны его, и улусъ весь поима, и богатство Мамаево раздѣли дружинѣ своеи».

Тохтамыш «отътуду послы своя отпусти на Русскую землю ко князю великому Дмитрию Ивановичю и ко всѣмъ княземъ Русскимъ, повѣдая имъ свои приходъ, и како въцарися, и како супротивника своего и ихъ врага Мамай побѣди, а самъ шедъ сѣде на царствѣ Волжьскомъ».

Русские князья приветствовали Тохтамыша, отправив к нему «коиждо своихъ киличеевъ со многими дары».

Той же осенью великий князь отправил в Орду своихъ киличеевъ Толбуту и Мокшея «къ новому царю съ дары и съ поминки».

Его «князи» перешли на сторону Тохтамыша.

Мамай бежал «съ своими единомысленики».

Тохтамыш послал за ним погоню.

Мамай прибежал в Кафу «съ множествомъ имѣния, злата и сребра» и договорился с ее жителями, однако те убили Мамай.

Тохтамыш захватил «Орду Мамаеву и царицы его, и казны его, и улусъ весь поима, и богатство Мамаево раздѣли дружинѣ своеи».

Тохтамыш «оттуду послы своя отпусти къ князю Дмитрию и къ всѣмъ княземъ рускимъ, повѣдая имъ свои приход и како въцарися, и како супротивника своего и ихъ врага Мамай побѣди, а самъ, шед, сѣде на царствѣ Волжьскомъ».

Русские князья зимой и весной 1381 г. отправили к Тохтамышу «коиже своих килициев съ многими дары».

Сличение ретроспективной информации о Куликовской битве, сохранившейся в самых ранних летописных сообщениях о ней, позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, основная часть сведений, совпадающих в обоих рассказах, скорее всего, действительно является заимствованием из того или другого текста. Во всяком случае, значительная ее часть совпадает текстуально (особенно в заключительной части повестей).

Во-вторых, такое сравнение позволяет выделить и проанализировать уникальную информацию, большая часть которой содержится в Пространной летописной повести. Рассмотрим ее.

1. В числе наемников Мамай появляются «бесермены, армени и буртасы». Попытаться проверить такие сведения трудно. Возможно, в дальнейшем удастся найти какие-то подтверждения в армянских источниках. Пока такие сведения неизвестны. Однако участие отрядов, состоявших из представителей перечисленных народов, не исключено.

2. Сообщения о том, что к Мамаю собирались присоединиться Ягайло и Олег Рязанский, также не поддаются проверке. Это сведения возможные, хотя и спорные. Во всяком случае, ни о каких действиях, свидетельствующих о том, что Ягайло и Олег действительно собирались принять участие в сражении на Куликовом поле, нам не известно. Мало того, как выяснится в дальнейшем, в отличие от Ягайло, который якобы опоздал к сражению на один или два дня, другие литовские отряды (князей Олгердовичей, Дмитрий Боброк Волынский), а также войска Андрия Полоцкого с псковичами и Дмитрия Брянского успели добраться до Коломны и оттуда — к устью Непрядвы.

3. Этому, по крайней мере, на первый взгляд, противоречит и следующее сообщение о том, что именно Олег Рязанский предупредил Дмитрия Ивановича о походе Мамай на Москву.

4. Соответственно, неизвестно, действительно ли Мамай, Ягайло и Олег собирались 1 сентября встретиться у Оки.

5. Участие в сражении Владимира Андреевича Серпуховского косвенно подтверждает, что Мамай угрожал и ему.

6. То, что Коломна стала местом сбора войск, которые возглавил Дмитрий Иванович, вполне возможно.

7. Численность объединенного войска Дмитрия Ивановича, безусловно, завышена — как минимум на порядок. Вот, что по этому поводу в свое время написал Ф.Ф. Шахмагонов: «Сколько же было войск у московского князя, сколько их было у Мамай? Открываем учебник истории для 7-х классов средней школы [М.В. Нечкиной и П.С. Лейбенглуба. — И. Д.]. Именно в учебниках обычно приводятся факты и цифры, наиболее проверенные и подтвержденные серьезными исследованиями. Здесь указывается, что войско Дмитрия Ивановича насчитывало 150 тыс. воинов. С.М. Соловьев в “Истории России” приводит те же 150 тыс. русского войска, умалчивая, сколько войск было у Мамай. Однако все исследователи сходятся на том, что войско Орды превосходило войско русское в три раза. Стало быть, по этому счету мы должны отнести численность Мамаева войска к 500 тыс. воинов. Все эти сообщения о численности войск ни на чем серьезном не основываются. <...> Для опоры в историческом изыскании мы имеем размеры поля, на котором произошла битва. От Смолки до Малого Дубяка на

3 км. От этой линии до холма, на котором стоял Мамай, 3,5 км. Все Куликово поле занимает площадь ок. 10 км². Попытаемся решить арифметическую задачу: можно ли разместить 650 тыс. конных и пеших воинов на пространстве в 10 км², чтобы они имели возможность двигаться, действовать, идти в атаку, рубиться, наступать и отступать. Войско Мамаю было конным. Всадник для минимального движения, для того чтобы стоять в строю, должен занимать пространство не менее чем в 6 м². При таком построении войско не могло бы двинуться, могли бы тронуться только первые шеренги, а для того чтобы его так уставить, потребовалось бы несколько суток. Так вот, в таком плотном строю войско Мамаю заняло бы 3 000 000 м², или 3 км². Уже эта цифра говорит об абсурдности утверждения о численности Мамаева войска в 500 тыс. воинов. Можно продолжить эти расчеты, они ведут еще к большим нелепицам. Хотя бы вопрос об обозе, о продовольствии такого войска, о лошадях. Все сойдет к гигантским цифрам, и окажется, что русское войско начало бы сражение, а его обозы еще бы только переходили бы Оку, а то и просто еще не выступили из Москвы. Мамай при 500-тысячном войске должен был иметь не менее полутора миллионов лошадей. А чем бы он их прокормил, кочуя по реке Воронеж? А теперь попробуем разместить на участке, протяженностью в 3 км и в 1000 м глубиной русское войско <...>. При том исчислении, которое принято нами к рассмотрению, за войском Мамаю должно было следовать 100 тыс. повозок. Это по каким же дорогам, по сколько в ряд? Для московского войска понадобилось бы также не менее одной телеги для перевозки оружия и продовольствия на пять конных воинов и одной на три пеших. Оставим все 150 тыс. конными. Стало быть, потребовалось бы 30 тыс. телег. Каждая телега с лошастью занимает около 6 м в длину. Это если поставить голову одной лошади над впереди идущей телегой. А интервалы, а переправы, а заторы на узких лесных дорогах? Даже по две в ряд телеги должны были занять не менее 90 км в длину. Это же неуправляемые массы. <...> Нет! Для того чтобы разобраться, что произошло на Куликовом поле, нам прежде всего придется категорически отказаться от гигантских чисел»²⁸⁰.

Несмотря на всю условность расчетов, проведенных Ф.Ф. Шахмагоновым, вывод, к которому он приходит, невозможно не принять.

8. Вероятностный характер носят известия о том, что Дмитрий Иванович отказался платить Мамаю обычный ордынский «выход», а не дань, установленную договором с ним, в то время как Олег Рязанский «выход» начал выплачивать.

²⁸⁰ Шахмагонов Ф.Ф. Куликовская битва русского народа: Опыт реставрации исторического события // Бригантина: сб. рассказов о путешествиях, поисках, открытиях. М., 1980. С. 11-13.

9. Возможно, епископ Герасим действительно благословил Дмитрия на сражение с Мамаем. Хотя это противоречит ситуации с отлучением Дмитрия Ивановича в результате его конфликта с митрополитом Киприаном.

10. Не исключено, что войска Дмитрия Ивановича выступили из Коломны именно 20 августа. От Коломны до Куликова поля по пересеченной местности около 200 км. При средней скорости передвижения по 25 км в день отряды московского князя вполне могли преодолеть это расстояние до 7 сентября.

11. Еще одно уточнение. 25 августа объединенные войска Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича Серпуховского форсировали Оку (видимо, недалеко от места встречи их отрядов у устья Лопасни) и вступили в Рязанскую землю. От устья Лопасни до Куликова поля приблизительно такое же расстояние. В распоряжении князей оставалось почти две недели, чтобы достичь устья Непрядвы (согласно Повести, уже 6 сентября войска подошли к Дону). При этом средняя скорость передвижения объединенного войска должна была составлять не более 15–20 км в день, что вполне соответствует обычным темпам передвижения больших групп людей на значительные расстояния. Другими словами, хронологические указания Пространной летописной повести в этой части вполне вероятны.

12. Сообщение о получении грамоты Сергия Радонежского вызывает серьезные сомнения. Непонятно, кто и как мог доставить ее. Доказать возможность «заочного благословения» Сергия попытался А.Л. Никитин. Для этого он высказал догадку: посланцем мог быть «только Александр Пересвет». Чтобы обосновать ее, исследователю пришлось выдвинуть целый ряд взаимосвязанных предположений: 1) что хранившаяся в Дмитриевском Рязском мужском монастыре (около Скопина Рязанской губернии, в 40 км от Куликова поля) реликвия — так называемый посох Пересвета — *могла быть* связана с тем, что именно здесь московский князь и мог получить; Дмитрий Иванович *мог* оказаться в 40 км на восток от Дона «лишь в том случае, если он следовал первоначальному сообщению разведчиков, что ордынцы находятся в верховьях Цны»; там же московский князь *мог* получить известия о местонахождении Мамае; посланцем Сергия *мог быть* Пересвет, который *мог* оказаться в Переславле-Залесском; там он *мог* получить известие о сборах Дмитрия Ивановича и поспешить на Дон; Пересвет *мог* ехать из Переславля мимо Троицкого монастыря, «где он *не мог не* ночевать» и где Сергей *мог* передать ему «грамотку» для московского князя...²⁸¹

Количество «возможностей» здесь (как и в прочих построениях такого рода) обратно пропорционально степени достоверности полученных результатов.

²⁸¹ Никитин А.Л. Подвиг Александра Пересвета // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. М., 1992. Сб. 3. С. 265–269.

13. Споры о том, надо ли переходить Дон, могли иметь место. Однако подтвердить это сообщение невозможно.

14. Была ли «тьма велика» и мгла «по всей земли» утром 8 сентября, мы никогда точно не узнаем. Само по себе такое явление вполне возможно. Однако скорее данная деталь, как мы увидим, носит символический характер. Упоминание же третьего часа может быть связано с евангельским: «Когда Его распяли, был **третий час**»²⁸².

15. Уточнения Пространной повести о времени битвы (в Краткой повести сообщается лишь, что сражение началось утром и продолжалось «до обеда») — появление ордынских отрядов в 6-м часу, побоище продолжалось с 6-го по 9-й час, перелом в битве произошел в 9-м часу — скорее всего, семантически связано с предыдущим упоминанием о 3-м часу и восходит к евангельским текстам о распятии Христа: «От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; а около девятого часа возопил Иисус громким голосом <...> и испустил дух»²⁸³; «Было же около шестого часа дня, и сделалась тьма по всей земле до часа девятого. Иисус, возгласив громким голосом <...> испустил дух»²⁸⁴; «В шестом же часу настала тьма по всей земле и продолжалась до часа девятого. В девятом же часу возопил Иисус громким голосом <...> и испустил дух»²⁸⁵. В данном случае (как и в случае о «тьме», продолжавшейся до 3-го часа), очевидно, речь идет не о реальных деталях события, а о его оценке. В более позднем «Сказании о Мамаевом побоище» эта идея получит дальнейшее развитие (в частности, появятся упоминания 8-го часа, которого якобы ждал Боброк Волынский, «духа южного», который внезапно «потягну» в этот момент и др.²⁸⁶).

16. Бегство с поля боя части москвичей-«небывалцев» и ордынцев вполне могло быть. Доказать, что этого не было, невозможно.

17. Бегство полков Мамай вслед за своим предводителем вполне логично и не вызывает сомнений.

18. Захват трофеев победителями — также вполне обыденный элемент всякого сражения.

19. Список павших на поле боя, скорее всего, был уточнен и расширен по синодикам павших. Все исследователи сходятся на том, что этот перечень — и в Кратком и в Пространном вариантах летописной повести — был составлен именно по современным событию поминальным записям. Любопытным дополнением является уточнение, что Александр Пересвет

²⁸² Мк. 15: 25.

²⁸³ Мф. 27: 45–46, 50.

²⁸⁴ Лк. 23: 44, 46.

²⁸⁵ Мк. 15: 33–34, 37.

²⁸⁶ Подробнее см.: Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII — XV вв. М., 2009. С. 179–200.

«преже» был брянским боярином. Впервые Пересвет упоминается в «Задонщине», причем меняет свой статус буквально на глазах: если в Кирилло-Белозерском (самом раннем) списке он еще «брянский боярин», который «поскакивает на своем добром коне, а злаченым доспехом посвечивает», то в списках XVII в. он уже «чернец» и даже «старец». В позднем «Сказании о Мамаевом побоище» «выясняется», что его вместе с «братом» Ослябей отправил на помощь Дмитрию Ивановичу сам Сергей Радонежский. Это произошло во время мифического визита московского князя в Троицкий монастырь. Видимо, перед нами некая «переходная форма» статуса Пересвета — от боярина к чернецу (который, кстати, не мог так именоваться).

20. Сообщение о том, что Дмитрий Иванович во время боя не пострадал, скорее всего, носит символический характер (Бог уберет). Впоследствии это сообщение будет преобразовано в едва ли не сатирическую характеристику «Сказания о Мамаевом побоище», в котором князь потерялся во время боя, по окончании которого его с трудом разыскали в рощице, где Дмитрий Иванович, не получивший видимых повреждений, отдыхал под срубленной березой...

21. Появление в Пространной повести упоминаний Владимира Андреевича Серпуховского симптоматично: большинство исследователей считают, что она была написана в Троицком монастыре, который входил в Серпуховской удел. В «Сказании о Мамаевом побоище» Владимир Андреевич уже будет играть едва ли не главную роль в победе над Мамаем.

22. Совпадающая в Краткой и Пространной повестях подробная информация о захвате отрядами Дмитрия Ивановича богатых трофеев («много стада кони, и велбуди, и волю, им же нѣсть числа, и доспѣх, и порты, и товаръ») рассматривается литературоведами как заимствование из якобы более ранней «Задонщины»²⁸⁷. Однако, скорее всего, в данном случае мы имеем дело с общим и для «Задонщины» и для летописных повестей источником — Библией (ср.: «Вот бедствие, которое Господь найдет на все народы, что воевали с Иерусалимом <...>. Будет собрано богатство окрестных народов — золото, серебро и одежды в огромном количестве. То же бедствие поразит коней и мулов, верблюдов и ослов и весь скот в их лагерях»²⁸⁸; близкий текст, отсылающий к тем, кто сражается с «агарянами» — родам Рувима, Гада и половине рода Манассии, — содержится в 1-й книге Паралипаменон: «Бог помог им в их сражении и отдал агарян и всех их союзников в их руки, потому что они взывали к Нему во время битвы. Он ответил на их молитвы, потому что они верили Ему. Они захватили

²⁸⁷ Дмитриев Л.А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 326.

²⁸⁸ Зах. 14: 12–15.

скот агарян — пятьдесят тысяч верблюдов, двести пятьдесят тысяч овец и две тысячи ослов»²⁸⁹).

23. Кто убил Мамаю — посланники Тохтамыша или жители Кафы — и при каких обстоятельствах, мы, видимо, никогда не узнаем.

Как видим, уникальная информация Пространной летописной повести о Куликовской битве носит преимущественно символический характер, придавая этому событию сакральное значение. Это направление в описании сражения на Дону получит дальнейшее развитие в «Сказании о Мамаевом побоище», дополняющем его новым рядом «деталей», которые также будут символическими и не должны восприниматься как описание того, «как все было на самом деле»²⁹⁰. Зато они закрепят в сознании читателей значение этой битвы в качестве поворотного пункта во всей истории страны.

ЭКСКУРС 13. КАЗУС СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Едва ли не все выпускники российских школ знают: перед тем, как отправиться на Куликово поле, Дмитрий Иванович Московский ушел на север, в Троицкий монастырь. Цель такого маневра, кажется, ясна всем: князь пошел получить благословение Сергия Радонежского на свой подвиг. И даже те, кто не помнят других деталей сражения, несомненно расскажут, что перед этим сражением состоялся поединок инок Пересвета, посланного святым старцем поддержать московского князя, с неким Челубеем.

При этом, как правило, мало кто задумывается, почему Дмитрий Донской, торопившийся навстречу врагу, чтобы предупредить объединение отрядов Мамаю с войском литовского князя Ягайло, направился в диаметрально противоположном направлении. Алогичность таких действий Дмитрия Ивановича очевидна: от Москвы до Коломны (где была назначена встреча отрядов, выступивших на Куликово поле) по прямой — 103 км; от Москвы же до Троицкого монастыря — 70 км, а от Троицы до Коломны — еще 140 км. Таким образом, «спешащий» великий князь Московский решил более чем вдвое увеличить свой путь, который теперь, по меркам того времени, должен был составить не менее двух недель! Логически объяснить это трудно. Конечно, можно принять точку зрения знаменитого в свое время учителя-новатора В.Ф. Штаталова, который когда-то убеждал школьни-

²⁸⁹ Пар. 1: 5, 20–21.

²⁹⁰ Подробнее см.: Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв.

ков, будто тем самым Дмитрий хотел ввести в заблуждение противника. Но тогда надо по меньшей мере придумать способ, с помощью которого в XIV в. Мамай и Ягайло могли своевременно получить весть о странных передвижениях московского князя. А это уж совсем трудно...

Странности, однако, на этом не заканчиваются. Остается непонятным и то, что заставило Дмитрия Ивановича стремиться получить благословение именно Сергия, а не его племянника Феодора, настоятеля Симонова монастыря, который располагался совсем близко (рядом с современной станцией метро «Автозаводская»)? Да и как можно было надеяться на благословение Сергия или Феодора, если всего за два года до этого они, судя по всему, поддерживали митрополита Алексия, конфликтовавшего с Дмитрием из-за стремления последнего во что бы то ни стало поставить на митрополию своего приближенного Митяя-Михаила? Ведь именно к ним, к Сергию и Феодору, обращался и следующий «законный» митрополит Киприан: «Не утаилося от васъ и от всего рода христїаньскаго, елико створилося надъ мною, еже не створилося естъ ни надъ единымъ святителемъ, како Руская земля стала. Язъ, Божїимъ изволенїемъ и избранїемъ великаго и святаго сбора, и благословенїемъ и ставленїемъ вселеньскаго патріарха, поставленъ есмь митрополитомъ на всю Рускую землю, а вся вселенная вѣдаетъ. И нынѣче поѣхалъ есмь былъ со всѣмъ чистосердїемъ и з доброхотѣнїемъ къ князю великому [Дмитрию Ивановичу. — И. Д.]. И онъ послы ваша разослалъ, мене не пропустити, и еще заставилъ заставы, рати сбивъ и воеводы поставивъ, и елика зла надо мною дѣяти, еще же и смерти предати насъ немилостивно, тѣхъ научи и наказа же. Азъ же, его безъчестїа и души его болши страга, инымъ путемъ проидохъ, на свое чистосердїе надѣяся и на свою любовь, еже имѣлъ есмь къ князю великому, и къ его княгини, и къ его дѣтемъ. Онъ же пристави надъ мною мучителя, проклятаго Никифора. И которое зло остави, еже не сдѣя надъ мною? Хулы, и наруганїа, и насмѣханїа, грабленїа, голодъ! Мене въ ночи заточилъ нагаго и голоднаго. И отъ тоя ночи студени и нынѣча стражу. Слуги же моя, надъ многимъ злымъ, что надъ ними здѣяли, отпуская ихъ на клячахъ либивыхъ, безъ сѣдель, во обротехъ лычныхъ, из города вывели ограбленныхъ и до сорочки, и до ножевъ, и до ногавицъ, и сапоговъ и киверевъ не оставили на них!»

Заканчивается это послание, датированное 23 июня 1378 г., проклятием: «А понеже таковое бещестїе възложили на мене и на мое святительство: от благодати, данныя ми от Пресвятыя и Живоначальныя Троица, по правиломъ святыхъ Отець и божественныхъ Апостолъ, елици причастни суть моему иманїю и запиранїю, и бещестїю и хуленїю, елици на томъ с[ъ]вѣтъ свѣщали, да будутъ отлучени²⁹¹ и неблагословенїи от мене, Кипріана, ми-

²⁹¹ Слова, выделенные курсивом, написаны так называемой *тарабарской азбукой*: «дв оудушь отдумени».

трополита вся Руси, и прокляти, по правиломъ святыхъ Отець! И хто покусится сію грамоту сжещи, или затаити, и тотъ таковъ»²⁹².

Другими словами, как считают большинство исследователей, Дмитрий Иванович тогда был отлучен от церкви и проклят²⁹³. Правда, ни Сергей, ни Феодор Киприана в тот момент не поддержали. Как отмечает В.А. Кучкин, «в момент решительного столкновения между московским великим князем и поставленным в Константинополе митрополитом у них не хватило мужества заступиться за своего духовного владыку и осудить владыку светского, но своей принципиальной линии Сергей (в отличие от Федора) не изменил, через несколько месяцев поручившись за Дионисия»²⁹⁴. Тем не менее все это делает проблематичным благословение Дмитрия игуменом Сергием.

Что же на самом деле происходило в конце лета 1380 г.? Можем ли мы это установить? И, главное, понять, действительно ли Сергей Радонежский сыграл едва ли не решающую роль в выступлении Дмитрия Московского против Мамаея?

Для ответов на эти вопросы мы должны обратиться к историческим источникам, которые донесли до нас информацию о тех событиях.

На протяжении многих десятилетий древнерусские книжники неоднократно обращались к сражению, произошедшему в 1380 г. на Куликовом поле. Его описания со временем обростали все новыми подробностями, чтобы приблизительно к середине XV в. приобрести тот вид, который вполне соответствует нынешним «средним» представлениям о Мамаевом побоище. К числу источников, объединяемых в так называемые памятники Куликовского цикла, относятся летописные повести, «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», а также «Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича».

История этих памятников выстраивается по большей части на основании текстологических наблюдений. Однако взаимоотношения текстов данных источников столь сложны, что не позволяют прийти к однозначным выводам. Поэтому датировки отдельных произведений этого цикла носят приблизительный характер.

²⁹² Грамота митрополита Киприана к преподобному Сергию Радонежскому и Феодору, игумену Симоновскому, с жалобами на великого князя Дмитрия Ивановича и с обличением незаконных притязаний архимандрита Митяя на московскую митрополию // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 173–175, 185–186.

²⁹³ Впрочем, по мнению Т.Р. Галимова, вопрос об отлучении от Церкви митрополитом Киприаном Дмитрия Ивановича Донского требует дополнительного изучения (Галимов Т.Р. Вопрос об отлучении от Церкви Дмитрия Ивановича Донского вторым посланием митрополита Киприана. <http://kds.eparhia.ru/www/script/2_20_2010_-_galimov.htm> [дата обращения: 10.04.2014]).

²⁹⁴ Кучкин В.А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 85.

Наиболее ранними являются тексты летописной повести о Куликовской битве. Они сохранились в двух редакциях: Краткой (в составе Симеоновской летописи, Рогожского летописца и Московско-Академического списка Суздальской летописи) и Пространной (в составе Софийской I и Новгородской IV летописей). Ныне общепринято представление, что краткая редакция, появившаяся приблизительно в конце XIV — начале XV в., предшествовала всем прочим повествованиям о Куликовской битве. Пространная же редакция летописного повествования, которая, по мнению большинства исследователей, могла появиться не ранее 40-х годов XV в.²⁹⁵, испытала на себе явное влияние более поздних текстов. К их числу относится, в частности, «Задонщина». В число аргументов, на которые ссылаются исследователи, пытающиеся определить время появления этого поэтического описания Мамаева побоища, входят все мыслимые доводы, вплоть до признания «эмоциональности восприятия событий» свидетельством в пользу создания ее «современником, а возможно, участником» битвы²⁹⁶. С другой стороны, наиболее поздние датировки относят ее текст к середине — второй половине XV в.

Самым поздним и одновременно наиболее обширным памятником Куликовского цикла является, по общему мнению, «Сказание о Мамаевом побоище». Оно известно приблизительно в полутора ста списках, ни один из которых не сохранил первоначального текста. Датировки «Сказания» имеют «разброс» от конца XIV — первой половины XV в.²⁹⁷ до 30-х — 40-х годов XVI в.²⁹⁸ Судя по всему, наиболее доказательна датировка, предложенная В.А. Кучкиным и уточненная Б.М. Клоссом. По ней, «Сказание» появилось не ранее 1485 г., скорее всего — во втором десятилетии XVI в.²⁹⁹

²⁹⁵ Иногда ее датировка «омолаживается» до середины XV в. (см.: Орлов А.С. Литературные источники Повести о Мамаевом Побоище // ТОДРЛ. Т. 2. М.; Л., 1935. С. 157–162; ср.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ч. 2. Вып. 2: Вторая половина XIV — XVI в. Л., 1989. С. 245).

²⁹⁶ Дмитриев Л.А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 311, 327–330.

²⁹⁷ Греков И.Б. О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» // Советское славяноведение. 1970. № 6. С. 27–36; Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 316–317, 330–332, 431–442; Азбелев С.Н. Повесть о Куликовской битве в Новгородской Летописи Дубровского // Летописи и хроники: сб. статей. 1973. М., 1974. С. 164–172; Азбелев С.Н. Об устных источниках летописных текстов: На материале Куликовского цикла // Летописи и хроники: сб. статей. 1976. М., 1976. С. 78–101; Азбелев С.Н. Об устных источниках летописных текстов: На материале Куликовского цикла // Летописи и хроники. Сб. статей. 1980. М., 1981. С. 129–146; и др.

²⁹⁸ Мингалев В.С. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.; Вильнюс, 1971. С. 12–13.

²⁹⁹ В.А. Кучкин исходит из упоминания в «Сказании» Константино-Еленинских ворот Московского Кремля, которые до 1490 г. назывались Тимофеевскими (Кучкин В.А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 7; Кучкин В.А. Дмитрий Донской и Сергей

Соответственно, достоверность сведений, приводимых в «Сказании» вызывает серьезные сомнения.

Обращение к этим источникам дает достаточно полное представление о том, когда и почему древнерусские книжники «вспомнили» о том, что именно Сергей Радонежский вдохновил Дмитрия Донского на борьбу с «безбожным злочестивым ординским князем» Мамаем.

В самом раннем повествовании «о воинѣ и о побоищѣ иже на Дону» никаких упоминаний имени Сергия мы не находим. В Краткой летописной повести Дмитрий Иванович, получив вестъ о том, что Мамай «за Дономъ собравшася, въ полѣ стояща и ждуща къ собѣ Ягаила на помощь, рати Литовские», сразу же устремляется навстречу врагу: «собравъ вой многы, поиде противу ихъ, хотя боронити своя отчины и за святыя церкви и за правовѣрную вѣру христьянскую и за всю Русьскую землю, и переехавъ Оку <...>, поиде за Донъ»³⁰⁰. Вместе с тем в числе павших на поле боя упоминается «Александръ Пересвѣтъ», хотя пока нет никаких указаний, что тот был монахом. Да и вряд ли инок упоминался бы с некалендарным именем *Пересвет*.

Текст поэтической повести о Мамаевом побоище, обычно именуемой «Задонщиной», гораздо реже используется для реконструкции обстоятельств сражения в устье Непрядвы. Но именно здесь впервые Пересвет называется «чернецом» и «старцем» — впрочем, только в поздних списках XVII в., очевидно, испытавших на себе влияние «Сказания о Мамаевом побоище», до этого он просто «бряньский боярин». Рядом с ним появляется Ослябя — и тоже с языческим, некалендарным именем, которым монах называться не мог: «Пересвѣта чернеца, бряньского боярина, на суженое мѣсто привели. И рече Пересвѣтъ чернец великому князю Дмитрею Ивановичю: “Лутчи бы нам потятымъ быть, нежели полоненымъ быти от поганыхъ татаръ!” Тако бо Пересвѣтъ поскакивает на своемъ борзомъ конѣ, а злеченымъ доспѣхомъ посвѣчивает, а иные лѣжатъ посечены у Дону Великого на брезѣ <...>. И молвяше Ослябя чернецъ своему брату Пересвѣту старцу: “Брате Пересвѣте, вижу на телѣ твоемъ раны великия, уже, брате, лѣтъѣти главе твоей на траву ковыль, а чаду моему Иякову лѣжати на зелѣнѣ ковылѣ траве на полѣ Куликове на речкѣ Непрядве за вѣру крестьянскую, и за землю за Рускую, и за обиду великого князя Дмитрея Ивановича”»³⁰¹. По спра-

Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России: сб. статей. М., 1990. С. 109–114). Б.М. Клосс же атрибутирует «Сказание» коломенскому епископу Митрофану и датирует памятник 1513–1518 гг. (Клосс Б.М. Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // In memoriam: сб. памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997. С. 259–262).

³⁰⁰ Рогожский летописец. Стб. 139.

³⁰¹ Задонщина / подгот. текста, пер. и комм. Л.А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. С. 112.

ведливому замечанию публикаторов, обращение Осляби к Пересвету как к брату подчеркивает, что оба они монахи. Однако монастырь, постриженниками которого они якобы являлись, здесь не называется.

Первое упоминание Сергия Радонежского в связи с Куликовской битвой встречается в Пространной летописной повести: за два дня до сражения Дмитрию Ивановичу якобы «приспѣла грамота отъ преподобнаго игумена Сергия и от святаго старца благословение; в неихже написано благословение таково, веля ему битися с Тотары: “Чтобы еси, господинѣ, таки пошелъ, а помочь ти Богъ и святаа Богородица”»³⁰². Находим мы в этой повести и имя Александра Пересвета с новым уточнением: «*бывыи прежде боляринъ Бряньский*»³⁰³. А вот имени Осляби здесь нет, как нет и упоминания о том, что Пересвет — *теперь* — монах.

Привычный же нам развернутый рассказ о визите Дмитрия Ивановича к Троицкому игумену появляется лишь в «Сказании о Мамаевом побоище», через 100 с лишним лет после знаменитого сражения: «Князь же великий Дмитрий Ивановичъ <...> поеде к Жывоначалной Троици на поклонѣ къ отцу своему, преподобному старцу Сергию, благословения получить от святаго тоа обители. И моли его преподобный игуменъ Сергий, дабы слушалъ святую литоргию <...> [и] дабы вкусилъ хлѣба в дому Жывоначална Троица, въ обители его. Великому же князю нужно есть»³⁰⁴, яко приидоша к нему вѣстницы, яко уже приближаются погании половци, моляше преподобнаго, дабы его отпустилъ. И рече ему преподобный старецъ: “Се ти замедление сугубо ти поспѣшение будеть. Не уже бо ти, господине, еще вѣнецъ сиа побѣды носити, нѣ по минувшихъ лѣтахъ, а инымъ убо многимъ нынѣ вѣнцы плетутся”³⁰⁵. <...> Князь же великий скоро от трапезы встаетъ, преподобный же Сергий окропи его священной водою и все христовобивое его вѣинство и дасть великому князю крестъ Христовъ — знамение на челѣ. И рече: “Пойди, господине, на поганыхъ половци, призывая Бога, и Господь Богъ будеть ти помощникъ и заступникъ”. И рече ему тайно: “Имаши, господине, побѣдити супостаты своя, елико довлѣеть твоему государству”. Князь же великий рече: “Дай ми, отче, два вѣина от своего плѣку — Пересвѣта Александра и брата его Андрѣа Ослябу, тѣ ты и самъ с нами пособьствуеши”. Старецъ же преподобный повелѣ има скоро уготовитися с великимъ княземъ, бѣ бо вѣдоми суть ратници въ бранѣхъ, не единому сту

³⁰² Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 316; ср.: Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. 6. М., 2000. Вып. 1. Стб. 461.

³⁰³ Новгородская четвертая летопись. С. 321; ср.: Софийская первая летопись. Стб. 467.

³⁰⁴ То есть было тяжело.

³⁰⁵ «Это твоё промедление двойной для тебя помощью обернется. Ибо не сейчас ещё, господин мой, смертный венец носить тебе, но через несколько лет, а для многих других теперь уж венцы плетутся».

наездници³⁰⁶. Они же скоро послушание сътвориша преподобному старцу и не отвъргошася повелѣния его. И дасть имъ в тѣхъ мѣсто оружие нетѣхъ — крестъ Христовъ нашить на скихъ, и повелѣ имъ вмѣсто в шоломовъ золоченыхъ възлагати на себя. И дасть ихъ в руцѣ великому князю и рече: “Се ти мои оружници, а твои изволници”, и рече имъ: “Миръ вам, братие моя, крѣпко постражите, яко добрии вѣи по вѣрѣ Христовѣ и по всемъ православномъ христианствѣ с погаными половци!” И дасть Христово знамение всему вѣинству великого князя, миръ и благословение. Князь же великий обвеселися сердцемъ и не повѣдаеть никому же, еже рече ему преподобный Сергий. И поиде къ славному своему граду Москвѣ, радуася, аки съкровище некрадомо обрѣте, благословение святаго старца. И приѣхавъ на Москву, поиде з братомъ своимъ, съ княземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ, къ преосвященному митрополиту Киприану и повѣдаеть единому митрополиту, еже рече ему старецъ святой Сергий тайно и како благословение дасть ему и всему его православному вѣйску. Архъепископъ же повелѣ сия словеса хранити, не повѣдати никомуже»³⁰⁷.

Как видим, в этом рассказе Сергий оправдывает и задержку Дмитрия, связанную с заездом в монастырь, и предсказывает скорую победу над врагом, которым — неожиданно — оказываются некие «половцы». А Пересвет и Ослябя уже не просто монахи, но схимники, принявшие «третий постриг» — великую схиму, что, между прочим, запрещало им брать в руки оружие. Дмитрий Иванович, согласно «Сказанию», не сразу направляется в Коломну, а предварительно заезжает в Москву, чтобы сообщить митрополиту Киприану (которого на самом деле в Москве в это время быть не могло) о благословении Сергия Радонежского, — чем еще больше задерживает свое выступление на приближающегося врага. Мало того, из дальнейшего повествования следует, что уже на Куликовом поле князя догнал некий «посоль с книгами» от Сергия Радонежского, в которых было написано: «Великому князю и всѣмъ русскимъ княземъ, и всему православному вѣйску миръ и благословение!» Этим посланием старца князь «утвърдися, аки нѣкими крѣпкими бранями»³⁰⁸.

Что же заставило автора «Сказания» отступить от того, что мы называем достоверным рассказом, и столь большую роль отвести Сергию Радонежскому (а заодно и митрополиту Киприану)?

Судя по всему, все эти дополнения связаны прежде всего с тем временем, когда было написано «Сказание»: временем, когда после ликвидации независимости Новгорода в 1478 г. Иван III присоединил не только земли

³⁰⁶ То есть не одно нападение встретили.

³⁰⁷ Сказание о Мамаевом побоище / подг. текста В.П. Бударagina, Л.А. Дмитриева; пер. В.В. Колесова; комм. Л.А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб., 1999. С. 150, 152.

³⁰⁸ Там же. С. 174.

новгородских бояр, но и часть земельных владений новгородской церкви. Эти действия московского князя насторожили представителей церкви. В том же году между Иваном III и митрополитом Геронтием произошел конфликт по поводу управления Кирилло-Белозерским монастырем. В 1479 г. великий князь обвинил митрополита в том, что тот неверно совершил крестный ход при освящении Успенского собора (пошел против движения солнца), но митрополит не признал своей ошибки. Тогда Иван III запретил ему освящать новые церкви в Москве. Геронтий уехал в Симонов монастырь и пригрозил, что не вернется, если великий князь ему не «добьет челом». Великому князю, только что с трудом ликвидировавшему мятеж братьев — удельных князей, приходилось лавировать. Он нуждался в поддержке церкви, а потому был вынужден послать своего сына на переговоры к митрополиту. Геронтий, однако, был тверд в своей позиции. Ивану III пришлось отступить: он обещал впредь слушать митрополита и не вмешиваться в дела церкви.

Идеологическим основанием для выстраивания новых отношений с государством для церкви стал прецедент с попыткой Дмитрия Донского поставить на митрополичью кафедру своего ставленника — Митяя-Михаила, из-за чего и произошел конфликт с Киприаном, о котором мы упоминали в самом начале статьи. С этой целью в летописание 70–80-х годов XV в. была включена «Повесть о Митяе», в которой осуждалось вмешательство светских властей в вопросы, составлявшие прерогативу церкви. Вместе с тем церковь приложила все усилия, чтобы в глазах современников и потомков подчеркнуть свою роль в борьбе с Ордой. Именно поэтому в «Сказание о Мамаевом побоище» и были вставлены легендарные эпизоды о благословении Дмитрия Донского Сергием Радонежским и о посылке на брань двух «иноков»: Ослиби и Пересвета. Так, Сергей Радонежский стал не только организатором монастырской реформы, которая сыграла громадную роль в подъеме авторитета церкви в целом и монастырей в частности, но и вдохновителем победы московского князя на Куликовом поле.

ЭКСКУРС 14. КАЗУС ОПРИЧНОГО ДВОРЦА ИВАНА ГРОЗНОГО

Одним из ярких примеров культурно-исторического разрыва между «картинами мира» автора текста исторического источника и изучающего его историка являются недоразумения, связанные с попытками исследователей понять политику Ивана IV, известную под названием *опричнина*. Главные вопросы, которые их волнуют: причины ее введения в 1565 г. и отказа от нее в 1572 г. (вплоть до запрета упоминания самого слова *опричнина*),

смысл проводившихся в эти годы мероприятий. По словам великого русского историка В.О. Ключевского, «учреждение это всегда казалось очень странным как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал»³⁰⁹. Заметим, однако, что это утверждение не распространяется на того, кто его инициировал и проводил. Иван Грозный, скорее всего, вовсе не считал опричнину странной. Напротив, для него в ней, несомненно, просматривалась своя достаточно жесткая логика.

О смысле опричной «политики» споры ведутся уже не одно столетие. Одни историки считали, что царь таким образом боролся против «реакционного» боярства, опираясь на «прогрессивное» дворянство, другие полагали, что речь шла о борьбе с удельными порядками, третьи — что царь стремился избавиться от своих политических соперников (прежде всего, удельных князей и наиболее влиятельных бояр), четвертые — что тем самым Иван старался укрепить свою абсолютную власть... Однако ни одна из этих точек зрения не охватывала все, что известно нам об опричнине. При ближайшем рассмотрении оказывалось, что в опричное войско входили не только дворяне, но и бояре (в том числе и наиболее родовитые), а репрессиям подвергались не только бояре (вместе с семьями, включая малолетних детей), но и их слуги, среди которых было немало дворян; к тому же многие опричники, в том числе те, кто играл в войске царя едва ли не ведущие роли, также были казнены; после смерти Ивана уделов оказалось больше, чем во время его прихода к власти; личная власть царя не была ничем ограничена и без опричных казней³¹⁰.

Серьезный шаг к пониманию того, что стояло за одним из самых кровавых процессов в истории Древней Руси, сделал в свое время А.Л. Юрганов³¹¹. Он обратил внимание на описание Опричного дворца, оставленного одним из очевидцев событий того времени, немцем-опричником Генрихом Штаденом. Приведем его полностью:

³⁰⁹ Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. Изд. 3-е, пересм. М., 1902. С. 331.

³¹⁰ Подробнее см.: Каишанов С.М. К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963. № 2. С. 116–117; Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; Скрынников Р.Г. Опричнина и последние удельные княжества на Руси // Исторические записки. Т. 76. М., 1965. С. 153; Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 192; Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985; и мн. др.).

³¹¹ Статья об опричнине и Страшном суде неоднократно публиковалась автором — как самостоятельно, так и в качестве раздела книги (Юрганов А.Л. Опричнина и страшный суд // Отечественная история. 1997. № 3. С. 52–75; Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 382–393; Юрганов А.Л. Опричнина и Страшный суд // Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии: Трудный путь к очевидности. М., 2003. С. 68–115). При этом текст ее изменялся лишь стилистически, в то время как аргументация по существу не пересматривалась. В дальнейшем, чтобы не перегружать текст повторяющимися цитатами, будем ссылаться только на последнюю публикацию этой статьи.

«Великий князь приказал разломать дворы многих князей, бояр и торговых людей на запад от Кремля на самом высоком месте в расстоянии ружейного выстрела; очистить четырехугольную площадь и обвести эту площадь стеной; на 1 сажень от земли [выложить ее] из тесаного камня, а еще на 2 сажени вверх — из обожженных кирпичей; наверху стены были сведены остроконечно, без крыши и бойниц <...>; [протянулись они] приблизительно на 130 саженей в длину и на столько же в ширину, с тремя воротами: одни выходили на восток, другие — на юг, третьи — на север. Северные ворота находились против кремля и были окованы железными полосами, покрытыми оловом <...>. На этом дворе были выстроены три мощные постройки, и над каждой наверху на шпиге стоял двуглавый черного цвета орел из дерева, с грудью, обращенной к земщине. От этих главных построек шел переход через двор до юго-восточного угла. Там, перед избой и палатой, были выстроены низкие хоромы с клетью вровень с землей. На протяжении хором и клетки стена была сделана на полсажени ниже для [доступа] воздуха и солнца. Здесь великий князь обычно завтракал или обедал. Перед хорами был погреб, полный больших кругов воску. Такова была особная площадь великого князя. В виду сырости она была засыпана белым песком <...>. Южные ворота [— калитка] были малы: только один и мог в них въехать или выехать. Здесь были выстроены все приказы и ставились на правех должники, которых били батогами или плетью <...>. Здесь подписывались все челобитья опричников и отсылались в земщину, и что было здесь подписано, то было уж справедливо и в силу указа в земщине тому не перечили. <...> Снаружи слуги князей и бояр держали их лошадей: когда великий князь отправлялся в земщину, то [верхом] они могли следовать за ним только вне двора. Через восточные ворота князя и бояре не могли следовать за великим князем — ни во двор, ни из двора: [эти ворота были] исключительно для великого князя, его лошадей и саней. Так далеко простирались постройки на юг. Дальше была калитка, изнутри забитая гвоздями. На западной стороне ворот не было; [там была] большая площадь, ничем не застроенная. На севере были большие ворота, обитые железными полосами, покрытыми оловом. Здесь находились все поварни, погреба, хлебни и мыльни. Над погребами <...> были сверху надстроены большие сараи с каменными подпорами из досок, прозрачно прорезанных в виде листы <...>. Здесь была калитка, чтобы с поварен, погребов и хлебен можно было доставлять еду и питье на правый [великокняжеский] двор. Хлеб, который он [великий князь] ест сам, — несоленый. Здесь были две лестницы [крыльца]; по ним можно было подняться к большой палате. Одна из них была против восточных ворот. Перед ними находился маленький помост, подобный четырехугольному столу: на него всходит великий князь, чтобы сесть на коня или слезть с него. Эти лестницы поддержива-

лись двумя столбами, на них покоилась крыша и стропила. Столбы и свод были украшены резьбой под листву. Переход шел кругом всех покоев и до самых стен. Этим переходом великий князь мог пройти сверху от покоев по стенам в церковь, которая стояла вне ограды перед двором на востоке. Церковь эта была выстроена крестообразно и фундамент ее шел вглубь на 8 дубовых сваях; три года она стояла непокрытой <...>. Другая лестница [— крыльцо] была по правую руку от восточных ворот. Под этими двумя лестницами и переходами держали караул 500 стрелков; [они же несли] и все ночные караулы в покоях или палате, где великий князь обычно ел. На южной стороне ночью держали караулы князя и бояре»³¹².

Юрганов обратил внимание на то, что ряд деталей этого описания (квадратная форма дворца; трое ворот, выходявших на север, юг и восток, отсутствие западных ворот; то, что через восточные мог въезжать только великий князь и т.п.) соответствует описанию Града Божьего³¹³ в видении пророка Иезекииля³¹⁴. Однако при этом из поля зрения выпал целый ряд чрезвычайно важных «мелких» деталей, а часть из них получила весьма произвольную интерпретацию.

Рассмотрим некоторые из таких сюжетов.

Прежде всего, Град Божий, явленный Иезекиилю, считался и считается прообразом Третьего Храма Иерусалимского, который, по преданию, будет построен либо самим царем-помазанником (что станет свидетельством, что он Мессия), либо непосредственно перед приходом Мессии. Об этом, в частности, писал Маймонид, некоторые сочинения которого были переведены на Руси еще в XV в. (известен единственный западнорусский список *Логик* Моисея Маймонида, или Моисея Египтянина, как его называет создатель рукописи, относящийся к первой половине XVI в.)³¹⁵. Правда, согласно христианской традиции, в Третьем Храме должен был воцариться лжемессия, Антихрист. Тем не менее это должно было служить одним из важнейших признаков скорого (через три с половиной года) Второго пришествия Спасителя.

В связи с этим строительство Опричного дворца царем-помазанником (венчание на царство Ивана Грозного произошло 16 января 1547 г.³¹⁶) вполне могло рассматриваться в свете подобных представлений.

³¹² Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. М., 1925. С. 108–110.

³¹³ Юрганов А.Л. Опричнина и Страшный суд. С. 90.

³¹⁴ Иез. 40–42.

³¹⁵ Лихачев Д.С. Движение «жидовствующих» 70–90-х годов XV в. // История русской литературы: в 10 т. Т. 2. Ч. 1: Литература 1220-х — 1580-х гг. М.; Л., 1945. С. 381.

³¹⁶ Чин помазания на царство был составлен, скорее всего, в середине 1550-х годов, однако венчание на царство самого Ивана IV помазанием, судя по всему, не сопровождалось (см.: Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление. М., 1998. С. 109–113). Тем не менее современники считали его царем-помазанником.

Кстати, фундамент Храма Господня, который был построен по распоряжению Соломона, должен был быть из тесаного камня³¹⁷, что еще больше сближает описание Опричного дворца с образом Храма Иерусалимского.

Следовало бы тщательнее проанализировать и размеры Опричного дворца, указанные Штаденом. Как мы помним, он упомянул, что стены дворца протянулись «приблизительно на 130 сажений в длину и на столько же в ширину». Судя по всему, А.Л. Юрганов так и не смог согласовать очевидное, казалось бы, расхождение этих размеров с упоминанием протяженности стен Храма, который описывает Иезекииль: по 500 локтей в длину и в ширину³¹⁸. Выход из видевшегося ему противоречия историк предложил довольно своеобразный: «Г. Штаден обратил внимание на то, что царя во дворце охраняли 500 стрелков: они несли “все ночные караулы в

Так, в Степенной книге Иван IV титулуется «святопомазанным царем» (Книга Степенная царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарий: в 3 т. Т. II: Степени XI–XVII / отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф; изд. подг. под рук. Н.Н. Покровского // ПСРЛ. Т. 21. М., 2008. С. 345), а А.М. Курбский называет Ивана «помазанцем Божиим» и упоминает «сан помазания царского» (Курбский А.М. История о великом князе Московском // Русская историческая библиотека. Т. 31: Сочинения князя Курбского. Т. 1: Сочинения оригинальные. СПб., 1914. С. 239, 261).

³¹⁷ 3Цар. 5: 17. Впрочем, этого стиха (а следовательно, и прямого упоминания, что в основании Храма должны быть «камни обделанные»), в Острожской Библии нет. Зато в Хронографе редакции 1512 г. Читаем: «И повелѣ Соломанъ приносити каменіе честное на основаніе храма» (Русский хронограф: Часть первая // ПСРЛ. Т. 22: Русский хронограф. М., 2005. С. 126 (первая пагинация). Слово «честный» в исторических словарях русского языка отсутствует. Но судя по тексту Острожской Библии, словосочетания «тесаные камни» и «камни дорогие», а также «камни многоценные» и «камни великие» рассматривались как синонимичные: «И се вса баху каменемъ многоцѣннымъ украшена... Основаніе же бысть каменіемъ драгимъ и великимъ каменіемъ... И съверху такожде честного каменіа, по числу четвероуголно...» (Острожская Библия. Л. 168 об.); ср. в синодальном переводе: «Все это сделано было из дорогих камней, обтесанных по размеру, обрезанных пилою <...>. И в основание положены были камни дорогие, камни большие <...>. И сверху дорогие камни, обтесанные по размеру <...>» (3Цар. 7: 9–11).

³¹⁸ Иез. 42: 16–20. В Острожской Библии (1581) этот текст выглядит так: «И размѣри сказаніе храму окрестъ съ заповѣдію. И ста на югъ вратъ, зрящихъ на востокъ, и размѣри пять сот тростію мѣрною. И обратися на сѣверъ, и размѣри на лице сѣвера, лакоть пять сотъ тростію мѣрною. И обратися къ морю, и размѣри на лице моря, пять сотъ тростію мѣрною. И обратися на югъ, и размѣри противу югу, 5 сот тростію мѣрною: на четыре страны тоюжь тростію. И заповѣда и ограду окрестъ ему: пятію сотъ лактъ долготу, пяти сотъ же лактъ широту» (Острожская Библия. Л. 126). Практически те же размеры приводятся и в Елизаветинской Библии 1751 г., которую цитирует Юрганов («Ввиду того, что в Острожской Библии 1581 г. нет разбивки текста на стихи, — оправдывал Юрганов свой отказ от использования текста Острожской Библии, изданной практически в одно время с изучаемым им процессом, — цитаты даются по Елизаветинской Библии. Разночтения в этих двух изданиях несущественны в рамках нашей темы» (Юрганов А.Л. Опричина и Страшный суд. С. 109, примеч. 22): странный аргумент для серьезного исследователя), также читаем: «Четыри страны тоюжде тростію: и расположи его, и ограду окрестъ ему, пять сотъ лактей [долготу] на востокъ, и пять сотъ лактей широту» (Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. М., 1993. С. 1087); ср.: Иез. 45: 2: «И да будутъ от того на святое пять сотъ, по пяти сотъ четвероуголно окрестъ» (Там же. С. 1091).

покоях или палате, где великий князь обычно ел". В послании Таубе и Крузе сообщается: "Он, великий князь, образовал из них [опричников. — А. Ю.] над всеми храбрыми, справедливыми, непорочными полками свою особую опричнину, особое братство, которое он составил из пятисот молодых людей <...>. Все братья... должны носить длинные черные монастырские посохи с острыми наконечниками". В двух независимых источниках, таким образом, называется одна и та же цифра <...>. В опричном монастыре и в Опричном дворце было не только 500 братьев, но и 500 посохов-тростей. Едва ли такая деталь случайна, хотя обнаруженная связь, по всей видимости, сугубо символическая». Таким образом, исследователь «превратил» монастырские посохи опричников в мерные трости, которыми проводил некий муж измерения для Иезекииля и тем самым, как ему кажется, разрешил расхождение в размерах Опричного дворца, упомянутых Штаденем, и Дома Господня из видения Иезекииля³¹⁹.

Действительно, в синодальном переводе Библии размеры Храма Господня даются не в локтях, а в мерных тростях³²⁰. Однако в тексте, бытовавшем во времена Ивана Грозного³²¹, размеры Храма приводятся именно в локтях, хотя упоминается и мерная трость: «И в руцѣ мужу мѣра тростяна шести лактъ и пяди»³²². Штаден же дает размеры стен Опричного дворца в саженьях. На эту деталь А.Л. Юрганов внимания не обратил. Между тем локти (точнее, локоть с пядью), которыми измеряется Храм, равняются для древнерусского читателя приблизительно 57 см: 38 см (локоть) + 19 см (пядь). Следовательно, 500 локтей составляют около 285 м (57 x 500). Сажень же, которой измеряет («приблизительно!») стены Опричного дворца Штаден, равняется 216 см (так называемая новая сажень, использовавшаяся в XVI в.). 130 таких саженей составляют чуть больше 280 м. Во всяком случае, в древнерусских саженьях содержалось по 4 локтя, т.е. 500 локтей приблизительно равны для древнерусского человека 130 саженьям (500 : 4 = 125). Так что размеры дворца, построенного по приказанию Ивана Грозного, практически точно соответствуют представлениям читателя XVI в. о размерах Храма, описываемого Иезекиилем.

³¹⁹ «И в руке того мужа трость измерения в шесть локтей, считая каждый локоть в локоть с ладонью», — читаем мы в синодальном переводе (Иез. 40: 5).

³²⁰ «Когда кончил он измерения внутреннего храма, то вывел меня воротами, обращенными лицом к востоку, и стал измерять его кругом. Он измерил восточную сторону тростью измерения и *намерил* тростью измерения всего пятьсот тростей; в северной стороне той же тростью измерения *намерил* всего пятьсот тростей; в южной стороне *намерил* тростью измерения также пятьсот тростей. Поворотив к западной стороне, *намерил* тростью измерения пятьсот тростей. Со всех четырех сторон он измерил его; кругом него была стена длиною в пятьсот *тростей* и в пятьсот *тростей* шириною, чтобы отделить святое место от несвятого» (Иез. 42: 15–20).

³²¹ Острожская Библия. Л. 144 об. Острог, 1581.

³²² Иез. 40: 5.

Произвольно были истолкованы А.Л. Юргановым также изображения льва и двуглавого орла, украшавшие Опричный дворец. С одной стороны, исследователь вполне справедливо отмечает: «Чтобы объяснить значения льва и двуглавого орла в системе уже показанных нами символов Опричного дворца, следует обратиться к религиозной основе этих образов»³²³. С другой — тексты, которые рассматриваются им в качестве такой основы, вызывают по меньшей мере сомнения.

«В Откровении Иоанна Богослова читаем: “И посреде престола и окрест престола [Божия. — А. Ю.] четыре животна исполнена очесь спреди и созади” (Откр. 4: 6). Этими животными были лев, телец, человек (“третье животное имущее лице яко человек”) и орел. Зеркала в глазницах льва, смотрящих вовнутрь дворца и в сторону земщины, как бы подчеркивали, что первое апокалиптическое животное “исполнено очесь”. Первую печать “книги жизни” снял именно лев. Снятие второй печати тельцом символизировало, согласно толкованию Андрея Кесарийского, “священные жертвы святых мучеников”; третьим животным, снявшим печать, был человек <...>. Любопытнее всего, как определяется в Откровении четвертое животное, снимающее печать: “И четвертое животное подобно орлу летящу” (Откр. 4: 7) <...>. В лицевых апокалипсисах XVI в. орел изображался с распростертыми крыльями. Именно вслед за открытием четвертой печати появляется новая фигура, что само по себе симптоматично, если иметь в виду царский замысел: “И видех, и се, конь блед, и сидящий на нем, имя ему смерть: и ад идяше в след его; и дана бысть ему область на четвертой части земли” (Откр. 6: 8). Итак, двуглавый черный орел с “распростертыми крыльями” (т.е. летящий), обращенный в сторону земщины, имеет помимо геральдической символику апокалиптическую: это образ адского наказания, которое настигнет неизбежно в последние времена»³²⁴.

И далее: «В “Беседе трех святителей” <...> Соломон спросил: “Что суть 4 рози [образа. — А. Ю.] на земли? — Иоанн рече: “Четыре евангелисты, на востоце Матфей, человеческим; на западе Марко, телчим; на севере Иоанн, орлим; на юзе Лука, лвовым образми, вси бо крылата’”. Подобные представления были традиционными, а потому можно предполагать их осуществление в Опричном дворце Ивана Грозного. Восточная сторона — “человеческая”; западная олицетворяла собой тельца и Второе пришествие Христово; северная — связана с образом орла. Южная сторона не случайно представлена образом льва. Кроме того, орлы на всех трех башнях дворца были также связаны с символическим значением имени Иоанна Богослова»³²⁵.

³²³ Юрганов А.Л. Опричнина и Страшный суд. С. 93.

³²⁴ Там же. С. 93–94.

³²⁵ Там же. С. 94.

Юрганова не смущает целый ряд принципиальных несоответствий текстов, которые он использует для объяснения символических фигур, с описанием Штадена. Прежде всего, Штаден упоминает не четыре, а лишь два изображения животных. Кроме того, все животные (в том числе изображение, *напоминающее льва*), согласно тексту Апокалипсиса, на который опирается А.Л. Юрганов, должны иметь по шесть крыльев «вокруг», а «внутри» «исполнены очей *спереди и сзади*»³²⁶. Но ни одного из этих признаков Штаден не упоминает. Наконец, четвертое животное, о котором идет речь в Апокалипсисе, мало похоже на *двуглавого* орла, это даже не вполне орел (оно лишь «подобно орлу»). Единственно, что роднит его с орлами Опричного дворца — распростертые крылья. Хотя этот — существенный, по мнению А.Л. Юрганова, — признак вовсе не свидетельствует о том, что Штаден пишет о *летающих* двуглавых созданиях. О двух же головах орлов, украшающих Опричный дворец, Юрганов предпочитает не вспоминать, видимо считая эту «мелочь» (по сравнению с распростертыми крыльями) несущественной.

Гораздо более плодотворным представляются в данном случае поиски библейского текста, в котором упоминались бы только два животных: лев и двуглавый орел.

Он достаточно хорошо известен. Речь идет о библейской 3-й книге Ездры. В 11–12 главах ее повествуется о видении *трехглавого* орла, который был побежден львом. Смысл видения Ездры объясняется так: «Орел, которого ты видел восходящим от моря, есть царство, показанное в видении Даниилу, брату твоему»³²⁷ <...>. А что ты видел три головы покоящиеся, это означает, что в последние дни царства Всевышний воздвигнет три царства и покорит им многие другие, и они будут владычествовать над землею и обитателями ее с большим утеснением, нежели все прежде бывшие; поэтому они и названы головами орла, ибо они-то довершат беззакония его и положат конец ему <...>. Лев, которого ты видел поднявшимся из леса и рыкающим, говорящим к орлу и обличающим его в неправдах его всеми словами его, которые ты слышал, это — Помазанник, сохраненный Всевышним к концу против них и нечестий их, который обличит их и представит пред ними притеснения их. Он поставит их на суд живых и, обличив их, накажет их»³²⁸.

Образ трехглавого орла тесно связан с «теорией» последнего третьего царства и вполне отчетливо ориентирован на эсхатологические ожидания, приобретшие особую остроту во второй половине XV — XVI в. Этот символ

³²⁶ Откр. 4: 6–8.

³²⁷ Ср.: «Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу» (Дан. 2: 45).

³²⁸ 3Езд. 12: 10–33.

послужил основой для многочисленных толкований (подчас прямо противоположных) в русской богословской среде конца XV — XVII в.³²⁹ Тем не менее текст 3-й книги Ездры не принято использовать для интерпретации образа двуглавого орла. Причиной этого, видимо, стали три фактора.

Во-первых, считается, что ни греческий³³⁰, ни славянский³³¹ тексты 3-й книги Ездры не были известны на Руси до 1499 г. Только при подготовке Геннадиевской Библии она была переведена с латинской Вульгаты. Это, в частности, подтверждается тем, что в Изборнике 1073 г. в индексах рекомендованных и запрещенных для чтения религиозных книг³³², упоминание 3-й книги Ездры отсутствует.

Во-вторых, смущает различие числа голов у «опричного» орла и орла Ездры. Так, говоря об отождествлении некоторыми новгородцами и псковичами — членами геннадиевского кружка — двуглавого орла, ставшего гербом Московского царства, и Антихриста (с опорой на 3-ю книгу Ездры), Т.А. Опарина замечает: «Не ясно, видели ли авторы подобных концепций несогласование между двуглавым орлом герба и трехглавым III книги Ездры. Возможно, им было важно лишь то, что орел на гербе был многоглавым»³³³.

Наконец, в-третьих, по мнению Д. Стремоухова, которое разделяют многие исследователи, первоначально восприятие двуглавого орла (как, кстати, и отождествление Москвы с Третьим Римом) носило антимосковскую окраску³³⁴.

Несмотря на всю резонантность этих соображений, представляется, что определенные основания для связи изображения двуглавого орла именно с текстом 3-й книги Ездры все-таки имеются.

Прежде всего, следует учитывать, что многоглавые орлы встречаются и в относительно ранних письменных источниках, появившихся на территориях, поддерживавших контакты с католической Европой, где знакомство с 3-й книгой Ездры могло состояться значительно раньше. Так, при описании строительства, которое велось в Холме Даниилом Галицким в

³²⁹ См.: Опарина Т.А. К вопросу об использовании III книги Ездры в русской публицистике XVI–XVII вв. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма: сб. статей. Новосибирск, 1990. С. 143–149.

³³⁰ Freidhof G. Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/1581). Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Yudith, Sapientia und Makkabaer. Frankfurt am Main, 1972. S. 42.

³³¹ Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 28.

³³² Изборник Святослава 1073 года: Факсимильное издание. М., 1983. Лл. 203–204, 252–253, 253–254.

³³³ Опарина Т.А. К вопросу об использовании... С. 145.

³³⁴ См.: Streimoukhoff D. Mouskou the Third Rome: Sources of the doctrine // Speculum. 1953. XXVIII. Jan. I. P. 89–96.

самом конце 50-х годов XIII в., летописец рассказывает, что на расстоянии поприща от города был поставлен «столп <...> камен, а на немь орел камен изваян <...> с головами»³³⁵. При анализе этого сообщения Ю.А. Артамонов обратил внимание на любопытную деталь: летописец, говоря о головах орла, употребил множественное число («головами») ³³⁶. Упоминание нескольких голов у холмского орла вполне может быть связано с семантикой образа двуглавого орла в контексте указанного ветхозаветного текста.

Дело в том, что третья — средняя и самая большая — голова орла, о котором идет речь в 3-й книге Ездры, «внезапно исчезла» и «оставались две головы, которые <...> царствовали на земле и над ее обитателями»³³⁷. Таким образом, орел Ездры мог изображаться с невидимой третьей головой: как двуглавый. Косвенно об этом свидетельствуют государственная печать самого Ивана IV, на которой присутствует одна большая корона между головами орла³³⁸, а также изображения восьмиконечного креста на голгофе, помещенного между двумя орлиными головами, на печатях Федора Ивановича (1585), Бориса Годунова (1602), Лжедмитрия I (1606), Василия Шуйского (1606) и Михаила Федоровича (1636) и, наконец, появление на этом месте на печатях Алексея Михайловича (1654 и 1672) большой третьей короны, которая сохраняется и в более позднее время, иногда полностью замещающая короны или венцы над двумя головами орла³³⁹.

Наконец, очевидно, что сам ветхозаветный образ трехглавого орла мог восприниматься неоднозначно (как и связанная с ним «теория» третьего царства). Мало того, даже в одной и той же социальной среде его интерпретация могла серьезно изменяться³⁴⁰. «Промосковский» или, напротив, «антимосковский» характер этого символа не мог быть задан изначально³⁴¹. Его семантическое наполнение должно исследоваться специально в каждом отдельно взятом случае.

Обращение к тексту 3-й книги Ездры представляется более продуктивным и логичным для истолкования изображений льва и двуглавого орла, украшавших Опричный дворец. Мало того, этот текст позволяет вплотную

³³⁵ Ипатьевская летопись. Стб. 845.

³³⁶ Артамонов Ю.А. Княжеская символика в архитектуре древнего Холма // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): тезисы докл. науч. конф. (Москва, 3–5 декабря 1996 г.). М., 1996. С. 22.

³³⁷ 3Езд. 11: 33–34.

³³⁸ Соболева Н.А. Русские печати. М., 1991. С. 211.

³³⁹ Хорошкевич А.Л. Символы русской государственности. М., 1993. С. 37–39, 41, 43–44, 46–51.

³⁴⁰ О трансформации содержания теории «Москва — третий Рим» см.: Лурье Я.С. Заметки к истории публицистической литературы конца XV — первой половины XVI в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 457–459.

³⁴¹ Опарина Т.А. К выводу об использовании III книги Ездры в русской публицистике XVI–XVII вв.

заняться вопросом о том, почему, скажем, все двуглавые орлы Опричного дворца были обращены грудью в сторону земщины, а лев — вовне и внутрь дворца...

Теперь обратимся к дате введения опричнины. Как отмечает А.Л. Юрганов, «мы никогда до конца не узнаем, в какой момент и почему царь решил ввести опричнину»³⁴². Однако момент был выбран вполне определенный — и, скорее всего, не случайно. По широко распространенным в первой половине XVI в. представлениям, очередной — и, как считали, последней — потенциальной датой Конца света должен был стать 7077 (1569) год³⁴³. Однако ему, согласно христианской доктрине, должно было предшествовать «малое время», на которое устанавливается владычество дьявола: три с половиной года. Исходя из этого, дата введения опричнины также представляется вполне логичной и понятной: она учреждается ровно за три с половиной года до ожидающегося конца человеческой истории (что также выпало из рассуждений А.Л. Юрганова).

Не менее любопытным представляется и то, что незадолго до начала опричных мероприятий, в 1549 или в 1550 г. в Москве появляется еще одно довольно странное сооружение: на Пожаре (Красной площади) возводится Лобное место³⁴⁴. Назначение его неясно. Широко распространено мнение, что это было место казней, где рубили или «складывали» «лбы» (головы), отчего оно и называлось Лобным. Обращается также внимание на то, что во многих актах Лобное место называется «Царским». Это принято связывать с тем, что там устанавливали некое «царское место», с которого государь объявлял свою волю.

Однако в предлагаемом нами контексте это сооружение приобретает несколько иной смысл, который подтверждается источниками: «Есть же Голгофа мѣсто, идѣже распятыя Господь, камень кругомъ высокъ, иже нарицается Голгофа, исподи же, подъ распятіемъ, идѣже есть глава Адамля, то нарицается Краніево мѣсто, иже есть Лобное...»³⁴⁵ Соответственно, это

³⁴² Юрганов А.Л. Опричнина и Страшный суд. С. 87.

³⁴³ Там же. С. 80.

³⁴⁴ Впервые упоминается в Книге Степенной царского родословия, процитированной «от слова до слова» Н.М. Карамзиным (*Карамзин Н.М. История государства Российского*. Т. 8. СПб., 1842. Гл. 3, примеч. 182): «Повелѣ [Иван IV] собрати свое Государство изъ городовъ всякого чину. І въ день недѣльный изыде со кресты на Лобное место» (Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. М., 1819. С. 45). Впрочем, это сообщение было оспорено С.Ф. Платоновым: «Рассказ об обращении царя к народу на Лобном месте находится всего в одной лишь рукописи, в так называемой Степенной книге Андрея Хрущова, и составляет в ней позднейшую вставку, сочиненную в конце XVII века или начале XVIII-го, на основании некоторых литературных пособий. Это — вымысел, которому нельзя верить, потому что он произволен и даже не всегда искусен» (*Платонов С.Ф. К истории московских земских соборов*. СПб., 1905. С. 10).

³⁴⁵ Хронограф редакции 1512 г. // ПСРЛ. Т. 22: Русский хронограф. Ч. 1. М., 2005. С. 238.

место — место распятия Христа — могло называться «Лобным», поскольку под ним был захоронен, согласно преданию, Адам, а также «Царским», поскольку оно связано с Царем Славы³⁴⁶.

Примерно в это же время на подъезде к Москве появляется и еще один «иерусалимский» топоним: Поклонная гора, которая впервые упоминается в так называемой Хронике Быховца, написанной в XVI в. Связь этого топонима с иерусалимской Поклонной горой не вызывает сомнения.

Судя по всему, в преддверии грядущего Конца света Москва отстраивалась как столица последнего царства, во главе которого стоял царь-помазанник, взявший на себя функции спасителя своих подданных.

Об этом свидетельствует и косвенная характеристика Ивана IV в летописном рассказе о поводе для развода Василия III и Соломонии Сабуровой, который появился во второй редакции 1547 г. Псковской I летописи (Погодинский список): «Того же лѣта [7031/1523] поеха князь великий, царь всея Роусии, в объездъ; бысть же шествовати емоу на колесницы позлащеннеи оружницы с ним, яко же подобает царем; и възрѣвше на небо и видѣв гнездо птиче на древе, и сотвори плач и рыдание велико, в себѣ глаголюще: “Люте мнѣ, кому оуподоблюся аз; не оуподобихся ни ко птицам небесным, яко птицы небесныи плодовити суть, ни звѣрем земным, яко звѣри земнии плодовити суть, не оуподобихся аз никому же, ни водам, яко же воды сиа плодовити суть, волны бо их утѣшающа и рыбы их глумящеся; и посмотря на землю и глаголя: Господи, не уподобихся аз ни земли сеи, яко и земля приносить плоды своя на всяко время, и тя благословять, Господи”. И приѣхъ князь великий тоя осени из объезда к Москве и начаша думати со своими бояры о своей великой княгине Соломонеи»³⁴⁷.

Часто этот рассказ транслируется историками буквально³⁴⁸. Однако это не что иное как перифраз апокрифического Протоевангелия Иакова: «И огорчилась очень Анна, но сняла свои одежды, украсила свою голову, надела одежды брачные и пошла в сад, гуляя около девятого часа, и увидела лавр, и села под ним и начала молиться Господу, говоря: “Бог моих отцов, благослови меня и внемли молитве моей, как благословил ты Сарру и дал ей сына Исаака. И, подняв глаза к небу, увидела на дереве гнездо воробья и стала плакать, говоря: Горе мне, кто породил меня? Какое лоно произве-

³⁴⁶ Ср.: «Пилат же написал и надпись, и поставил на кресте. Написано было: Иисус Назорей, Царь Иудейский. Эту надпись читали многие из Иудеев, потому что место, где был распят Иисус, было недалеко от города, и написано было по-еврейски, по-гречески, по-римски. Первосвященники же Иудейские сказали Пилату: не пиши: Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский. Пилат отвечал: что я написал, то написал» (Ин. 19: 19–22).

³⁴⁷ Псковская 1-я летопись: продолжение Погодинского списка // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1: Псковские летописи. М., 2003. С. 102–103.

³⁴⁸ См., например: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 5. М., 1960. Гл. 3.

ло меня на свет? Ибо я стала проклятием у сынов Израиля, и с осмеянием меня отторгли от храма. Горе мне, кому я подобна? Не подобна я птицам небесным, ибо и птицы небесные имеют потомство у тебя, Господи. Не подобна я и тварям бессловесным, ибо и твари бессловесные имеют потомство у тебя, Господи. Не подобна я и водам этим, ибо и воды приносят плоды у тебя, Господи. Горе мне, кому подобна я? Не подобна я и земле, ибо земля приносит по поре плоды и благословляет тебя, Господи»³⁴⁹.

Ключом к пониманию смысла такого воспроизведения апокрифического текста в летописном рассказе служит ответ, который, согласно Прото-евангелию Иакова, получила Анна: «И тогда предстал пред ней ангел Господней и сказал: “Анна, Анна, Господь внял молитве твоей, ты зачнешь и родишь, и о потомстве твоём будут говорить во всем мире”»³⁵⁰. Речь идет о том, что Анна станет матерью Богородицы, а потомством ее будет Спаситель. Такое понимание рассказа Псковской I летописи подтверждает наши выводы, следующие из сопоставления ретроспективной информации, сохранившейся как в письменных, так и в материальных источниках XVI в., об идеологии, которая легла в основу опричных мероприятий Ивана IV.

Другими словами, летописец вполне определенно охарактеризовал сына Василия III как полномочного представителя Спасителя (если не как самого Спасителя), который устроил для своих подданных «своеобразное русское чистилище перед Страшным судом»³⁵¹. Когда же Иван IV убедился в том, что Господь не принял его претензию на роль Спасителя (что, в частности, выразилось в сожжении Опричного дворца отрядами Девлет-Гирея сразу по прошествии «последней» потенциальной даты Конца света), опричнина была отменена, а царь начал каяться в содеянном...

В таком контексте все составляющие опричнины — от момента ее введения до конкретных деталей и отмены — приобретают логику и последовательность.

³⁴⁹ История Иакова о рождении Марии // Свенцицкая И.С. Апокрифические евангелия: Исследования, тексты, комментарии. М., 1996. С. 149.

³⁵⁰ История Иакова о рождении Марии. С. 149.

³⁵¹ Юрганов А.Л. Опричнина и Страшный суд. С. 108.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

- Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова. Ч. 1. М.; Л., 1940.
- Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 3. СПб., 1848.
- Апокрифические апокалипсисы / пер., сост., вступ. ст. М.Г. Витковской, В.Е. Витковского. СПб., 2001.
- Архив Юго-Западной России. Ч. 8. Т. 5. Киев, 1907.
- Арициховский А.В. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1952 г. М., 1954.
- Арициховский А.В. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1958–1961. М., 1963.
- Арициховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1956–1957 гг. М., 1963.
- Арициховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1953–1954 гг. М., 1958.
- Арициховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1955 г. М., 1958.
- Арициховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1951 г. М., 1953.
- Арициховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1962–1976 гг. М., 1978.
- Библейские книги: 1502–1507 гг. БАН, 24.4.28.
- Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. СПб., 1997.
- Библия 1499 года и Библия в Синодальном переводе, с иллюстрациями: в 10 т. Т. 4. М., 1997.
- Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами [Елизаветинская Библия 1751 г.]. М., 1993 [репр. воспр.: 2-е изд. СПб., 1900].
- Брандт Р. Григоровичев паремейник. Вып. 1–4. М., 1893–1901.
- Великие Минеи-Четьи. Апрель. Тетрадь 1. Дни 1–8. М., 1910.
- Воскресенская летопись // ПСРЛ. 2-е изд. Т. 8: Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001 [репр. воспр.: СПб., 1859].
- Высоцкий С.А. Датированные граффити XI в. Софии Киевской // Советская археология. 1959. № 4.
- Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966.
- Геродот. История: в 9 кн. / пер. и примеч. Г.А. Стратоновского. Л., 1972. С. 108.
- Гражданский кодекс Российской Федерации: Части первая, вторая, третья и четвертая: текст с изменениями и дополнениями на 25 марта 2017 года. М., 2017. (Офиц. изд.).
- Грамота митрополита Киприана к преподобному Сергию Радонежскому и Феодору, игумену Симоновскому, с жалобами на великого князя Дмитрия Ивановича и с

обличением незаконных притязаний архимандрита Митяя на московскую митрополию // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. 2-е изд. СПб., 1908.

Девгениево деяние / подг. текста О.В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Житие преподобнаго отца нашего Феодосия, игумена Печерьскаго // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997.

Задонщина / подг. текста, пер. и комм. Л.А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб., 1997.

Изборник 1076 года. Изд. 2-е, перераб. и доп. Т. 1–2 / отв. ред. А.М. Молдован; подг. текста М.С. Мушинской, Е.А. Мишиной, В.С. Голышенко. М., 2009. (Памятники славяно-русской письменности. Нов. сер.).

Изборник 1076 года / под ред. С.И. Коткова; подг. текста В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровиной, В.Г. Демьяновой, Г.Ф. Нефедова. М., 1965.

Изборник Святослава 1073 г.: сб. статей. М., 1977.

Изборник Святослава 1073 года: Факсимильное издание. М., 1983.

Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.

История Иакова о рождении Марии // Свенцицкая И.С. Апокрифические евангелия: Исследования, тексты, комментарии. М., 1996.

«История иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод. Т. 1: подг. текста А.А. Пичхадзе, И.И. Макеевой, Г.С. Баранковой, А.А. Уткина. М., 2004.

Истрин В.М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. 1: Текст. Пг., 1920.

Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. М., 1897.

Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / подг. текста Л.А. Ольшевской, С.Н. Травникова. М., 1999. (Литературные памятники).

Книга Степенная царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарий: в 3 т. / отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф; подг. под рук. Н.Н. Покровского // ПСРЛ. М., 2008. Т. 21.

Константин Багрянородный. Об управлении империей: текст, перевод, комментарий. Изд. 2-е, испр. М., 1991.

Курбский А.М. История о великом князе Московском // Русская историческая библиотека. Т. 31: Сочинения князя Курбского. Т. 1: Сочинения оригинальные. СПб., 1914.

Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей [далее: ПСРЛ]. 3-е изд. Т. 1. М., 1997.

Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса: 1618–1619 гг. М., 2012 [репр. воспр.: Л., 1959].

Летописец Еллинский и Римский. Т. 1: Текст. СПб., 1999.

Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // ПСРЛ. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.

- Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь: Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.
- Медынцева А.А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора: XI–XVI века. М., 1978.
- Никоновская летопись // ПСРЛ. 3-е изд. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
- Новгородская Карамзинская летопись // ПСРЛ. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
- Новгородская третья летопись // ПСРЛ. Т. 3: Новгородские летописи. СПб., 1841.
- Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000.
- Острожская Библия. Острог, 1581.
- Остромирово Евангелие 1056–1057: Факсимильное воспроизведение. Л.; М., 1988.
- Остромирово Евангелие 1056–1057 года по изданию А.Х. Востокова. М., 2007.
- Паля Толковая / подг. древнерусск. текста и пер. на совр. рус. яз. А.М. Камчатнова. М., 2002.
- Паля Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г.: Труд учеников Н.С. Тихонравова. М., 1892.
- Памятники русского права. М., 1953. Вып. 3.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.
- Пересветов И.С. Сочинения / подг. текста А.А. Зимина. М.; Л., 1956.
- Повесть временных лет / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч. 1: Текст и перевод / подг. текста и пер. Д.С. Лихачева, Б.А. Романова; Ч. 2: Прилож. / ст. и комм. Д.С. Лихачева. М.; Л., 1950.
- Повесть временных лет. Изд. 2-е, испр. и доп. / подг. текста, пер., ст. и комм. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб., 1996.
- Повѣсти о житии и о храбрости благовѣрнаго и великаго князя Александра // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век. СПб., 1997.
- Правда Русская. Т. 1: Тексты / подг. текста В.П. Любимова, Н.Ф. Лаврова, М.Н. Тихомирова, Г.Л. Гейерманса, Г.Е. Кочина; под ред. Б.Д. Грекова. М., 1940.
- Правда Русская. Т. 2: Комментарии / сост. Б.В. Александров, В.Г. Гейман, Г.Е. Кочин, Н.Ф. Лавров, Б.А. Романов; под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1947.
- Продолжение суздальской летописи по Академическому списку // ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- Псалтирь: XVI в. РГБ. Ф. 37. № 432.
- Псевдо-Даниил. Codex Canonicianus // Учение об Антихристе.
- Псковская 1-я летопись // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1: Псковские летописи. М., 2003 [репр. воспр.: М., 1955].
- Псковская 1-я летопись: продолжение Погодинского списка // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1: Псковские летописи. М., 2003 [репр. воспр.: М., 1955].
- Псковская 2-я летопись // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2: Псковские летописи. М., 2000 [репр. воспр.: М., 1955].

- Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2: Псковские летописи. М., 2000 [репр. воспр.: М., 1955].
- Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989.
- Радзивилловская летопись: Факсимильное воспроизведение рукописи. СПб.; М., 1994.
- Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. М., 2000.
- Русский хронограф: Часть первая // ПСРЛ. Т. 22: Русский хронограф. М., 2005.
- Симеонов сборник: по Светославовия препис от 1073 г. Т. 3: Гръцки извори / гръцки текст и изследване: П. Янева; слав. текст, преглед. и свер. допълнит.: А. Минчева, Ц. Ралева, Ц. Досева, П. Янева. София, 2015.
- Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. 18: Симеоновская летопись. М., 2007.
- Сказание о Мамаевом побоище / подг. текста В.П. Бударagina, Л.А. Дмитриева; пер. В.В. Колесова; комм. Л.А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб., 1999.
- Слово Даниила Заточника / подг. текста, пер. и комм. Л.В. Соколовой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. СПб., 1997.
- Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / подг. текста Н.Н. Зарубина. Л., 1932. (Памятники древнерусской литературы. Вып. 3).
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. Москва, 1819.
- Соколов М.И. Славянская книга Еноха Праведного: Тексты, латинский перевод и исследования // Чтения императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. 1910. Кн. 4. Отд. 2.
- Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000.
- Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000.
- Титмар Мерзебургский. Хроника: в 8 кн. Изд. 2-е, испр. М., 2009.
- Тихонравов Н.С. Памятники отреченной литературы. Т. 2. СПб., 1863.
- Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подг. текста А.А. Зимина. М.; Л., 1950.
- Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
- Учение об Антихристе в древности и Средневековье. СПб., 2000.
- «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб., 2007.
- Хронограф редакции 1512 г. // ПСРЛ. Т. 22: Русский хронограф. Ч. 1. М., 2005.
- Элюар П. Стихи / пер. с фр. М.Н. Ваксмахера; ст. и комм. С.И. Великовского. М., 1971. (Литературные памятники).
- Эфиопская версия книг Еноха // Тантлевский И.Р. Книги Еноха: Арамейские фрагменты из Кумрана. Еврейская книга Еноха или Книга Небесных Дворцов. Сефер Йецира — Книга Созидания. Приложение: Эфиопская версия Книги Еноха. М.; Иерусалим, 2000.
- Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1997–2000 гг. Т. 11. М., 2004.

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев С.С. Литература // Культура Византии IV — первой половины VII в. / отв. ред. З.В. Удальцова. М., 1984.

Аверинцев С.С. Риторика как подход к обобщению действительности // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.

Автономова Н. Деррида и грамματοлогия // Деррида Ж. О грамματοлогии. М., 2000.

Азбелев С.Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960.

Азбелев С.Н. Об устных источниках летописных текстов: На материале Куликовского цикла // Летописи и хроники: сб. статей. М., 1976.

Азбелев С.Н. Об устных источниках летописных текстов: На материале Куликовского цикла (окончание) // Летописи и хроники: сб. статей. М., 1981.

Азбелев С.Н. Повесть о Куликовской битве в Новгородской Летописи Дубровского // Летописи и хроники: сб. статей. М., 1974.

Азбелев С.Н. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // История СССР. 1966. № 4.

Акашев Ю.Д. Историко-этнические корни русского народа. М., 2000.

Аксенов А.И. Генеалогия // Вопросы истории. 1972. № 10.

Алексеев А.А. Переводы с древнееврейских оригиналов Древней Руси // Russian Linguistics. 1987. Vol. 11. No. 1.

Алексеев А.А. Текстологическое значение Геннадиевской Библии 1499 года // Тысячелетие Крещения Руси. М., 1989.

Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Алексеев М.П. Англосаксонская параллель к «Поучению» Владимира Мономаха // ТОДРЛ. М.; Л., 1935. Т. 2.

Алешковский М.Х. К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории: 1975. М., 1976.

Алешковский М.Х. Повесть временных лет: судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971.

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа: X–XVII вв. М., 1973.

Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. Т. 23. М., 1947.

Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г. // Исторические записки. Т. 25. М., 1949.

Ангелов Б.С. Из старата българска, руска и сръбска литература. Кн. 2. София, 1967.

Андреев А.И. Отступные грамоты: К истории крестьянского землевладения на севере: сб. статей, посвященных А.С. Лаппо-Данилевскому. СПб., 1916.

Андреев Л.Г. Чем же закончилась история второго тысячелетия? Художественный синтез и постмодернизм // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000: учеб. пособие / под ред. Л.Г. Андреева. М., 2001.

Артамонов Ю.А. Княжеская символика в архитектуре древнего Холма // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): тезисы докл. науч. конф. (Москва, 3–5 декабря 1996 г.). М., 1996.

Арициховский А.В. Берестяные грамоты мальчика Онфима // Советская археология. 1957. № 3. С. 215–224.

Арициховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. 2-е изд. Томск; М., 2004. (1-е изд.: М., 1944).

Арициховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930.

Астафьев Н.А. Опыт истории Библии в России. СПб., 1889.

Афанасьев В.А. Вероятный путь князя Игоря Северского на половцев в 1185 г. // Исторический журнал. 1939. № 6.

Баловнев Д.А. «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси»: Опыт критического анализа // Церковь в истории России. М., 2000. Сб. 4.

Барац Г.М. Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святом. Киев, 1908.

Барац Г.М. О библейско-агадическом элементе в повестях и сказаниях начальной русской летописи. Киев, 1907 (Отдельный оттиск из журнала «Украина»).

Барац Г.М. Собрание трудов о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. Т. 1. Кн. 1. Париж, 1926; Т. 1. Кн. 2. Париж, 1927; Т. 2. Берлин, 1924.

Бараш С.И. История неурожаев и погоды в Европе: по XVI в. н.э. Л., 1989.

Барсов Е.В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружины Руси. Т. 1. М., 1887.

Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902.

Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 9. СПб., 1895.

Барт Р. Литература и метаязык // Барт Р. Нулевая степень письма. М., 2008.

Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.

Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1996.

Бархударов Л.С. Текст как единица языка и единица перевода // Лингвистика текста: матер. науч. конф. / МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1974.

Баткин Л.М. Два способа изучать историю культуры // Вопросы философии. 1986. № 12.

Баткин Л.М. О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод // Одиссей: Человек в истории. Картина мира в народном и ученом сознании. М., 1994.

Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986.

Бегунов Ю.К. Русские источники о Невской битве: Несколько замечаний по поводу доклада Джона Линда // Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы / под ред. Ю.К. Бегунова, А.Н. Кирпичникова. СПб., 1995.

Бегунов Ю.К., Клейненберг И.Э., Шаскольский И.П. Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 г.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / отв. ред. Г.Н. Караев. М.; Л., 1966.

Белова О.В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М., 2001.

Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV века. 1: Повесть временных лет; 2: Летописи южно-русские. СПб., 1868.

Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. СПб., 1872.

Биази де, П.-М. К науке о литературе: Анализ рукописей и генезис произведения // Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999.

Бибиков М.В. Афон и Русь: На перекрестке культур // Библиотека. 1999. № 9.

Бибиков М.В. Византийский прототип древнейшей славянской книги: Изборник Святослава 1073 г. М., 1996.

Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975.

Бласс Ф. Герменевтика и критика / пер. Л.Ф. Воеводский. Одесса, 1891.

Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998.

Блохина Э.Д. Палеографическое и фонетическое описание Рязанской кормчей 1284 г.: матер. науч. конф. аспирантов-филологов: 1966. Л., 1967.

Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.

Бобров А.Г. Принципы издания древнерусских летописей // Лихачев Д.С., при участии Алексеева А.А., Боброва А.Г. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. Изд. 3-е, перераб. и доп. СПб., 2001. С. 741.

Бобров Ю.Г. Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия. СПб., 1997.

Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. 5-е изд. М.; Л., 1935.

Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1949.

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Л., 1983.

Брагина Л.М. Опыт исследования философского трактата XV в. методом количественного анализа // Математические методы в исторических исследованиях: сб. статей отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1972.

Брюсов В.Г. О времени освящения Новгородской Софии // Культура средневековой Руси: сб. статей / отв. ред. А.Н. Кирпичников, П.А. Раппопорт. Л., 1974.

Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. М., 1975.

Буганов В.И., Зимин А.А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин в изучении и издании письменных источников по истории русского средневековья // История СССР. 1980. № 1.

Бугославский С.А. Несколько замечаний к теории и практике критики текста. Чернигов, 1913. С. 1.

Будагов Р.А. История слов и история общества. М., 1971.

- Будагов Р.А. Язык — реальность — язык. М., 1983.
- Будовниц И.У. «Изборник» Святослава 1076 года и «Поучение» Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли // ТОДРЛ. Т. 10. М.; Л., 1954.
- Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв.: по «житиям святых». М., 1966.
- Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси: XI–XIV вв. М., 1960.
- Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. М., 1947.
- Бычкова М.Е. Генеалогия в советской исторической литературе // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. 7.
- Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975.
- Вілкул Т.Л. Літопис і хронограф: Студії з текстології домонгольського київського літописання: монографія. Київ, 2015.
- Валк С.Н. «Вельможи» в «Истории Российской» В.Н. Татищева // ТОДРЛ. Т. 24: Литература и общественная жизнь Древней Руси / отв. ред. Д.С. Лихачев. АН СССР: Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л., 1969.
- Валк С.Н. Начальная история древнерусского частного акта // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 1. М.; Л., 1937.
- Ванилин П.И., Кононович Э.В., Мороз В.И. Курс общей астрономии. 4-е изд. М., 1977.
- Варшавчик М.А. Вопросы логики исторического исследования и исторический источник // Вопросы истории. 1968. № 10.
- Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Каталог названий цвета в русском языке. М., 2002.
- Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А.П. Василевича. М., 2005.
- Василевская Е.А. Терминология местничества и родства // Труды Московского историко-архивного института. Т. 2. М., 1946.
- Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Васильевский В.Г. Труды. Т. 1. СПб., 1908.
- Ведюшкина И.В. «Нарцы еже суть словене» // Восточная Европа в древности и средневековье: X чтения к 80-летию чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 1998.
- Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
- Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.
- Великовский С.И. Поль Элюар: Вехи жизни и творчества // Элюар П. Стихи / пер. с фр. М.Н. Ваксмахера; ст. и комм. С.И. Великовского. М., 1971. (Литературные памятники).
- Верещагин Е.М. Ветхо- и новозаветные цитаты в Изборнике Святослава 1073 г. // Изборник Святослава 1073 г.: сб. статей. М., 1977.
- Верещагин Е.М. Из истории возникновения первого литературного языка славян: к проблеме греческо-славянских лексических и грамматических вариантов в древнейших славянских переводах: доклад на VII междунар. съезде славистов. М., 1972.

- Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.
- Веселовский С.Б. Село и деревни в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936.
- Веселовский С.Б. Топонимика на службе у историка // Исторические записки. М., 1945. Т. 17.
- Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV века. М., 1980.
- Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия: Очерки из истории звука «ять» в севернорусском наречии // ИОРЯС. Т. 24. Кн. 1–2. Пг., 1922–1923.
- Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.
- Висоцький С.О. Напис про смерть Ярослава Мудрого у Софійському соборі в Києві та деякі питання його вивчення // Археологія. 1991. № 2.
- Витинский Ю.И. Солнечная активность. 2-е изд. М., 1983.
- Витинский Ю.И. Цикличность и прогнозы солнечной активности. М., 1973.
- Витковская М.Г., Витковский В.Е. Иудейская и христианская апокалиптика // Апокрифические апокалипсисы / пер., сост., вступ. ст. М.Г. Витковской, В.Е. Витковского. СПб., 2001.
- Владышевская Т.Ф. Византийская музыкальная эстетика и ее влияние на певческую культуру Древней Руси // Византия и Русь / сост. Т.Б. Князевская. М., 1989.
- Владышевская Т.Ф. Музыка Древней Руси // Вагнер Г.К., Владышевская Т.Ф. Искусство Древней Руси. М., 1993.
- Влияние солнечной активности на атмосферу и биосферу Земли. М., 1971.
- Вовина-Лебедева В.Г. К вопросу о методах исследования нарративных текстов // Отечественная история. 2002. № 4.
- Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011.
- Водовозов Н.В. История древней русской литературы. 3-е изд. М., 1972.
- Водовозов Н.В. Повесть XIII века об Александре Невском // Ученые записки Моск. город. пед. ин-та им. В.П. Потемкина. Т. 67: Кафедра рус. лит.-ры. М., 1957. Вып. 6.
- Волков С.С. Об административной терминологии Московской Руси // Из истории слов и словарей. Л., 1963.
- Вопросы индикационной фенологии и фенологического прогнозирования. Л., 1972.
- Воронин Н.Н. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор // ТОДРЛ. Т. 13. М.; Л., 1957.
- Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории ростово-суздальских и московских тысяцких // История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977.
- Выгонная А.А., Калнин В.В., Цейтлина М.М. Основы реставрации памятников архитектуры, монументальной и станковой живописи: учеб. пособие для проф.-тех. учеб. завед. реставр.-строит. и строит. профилей. Минск, 2000.
- Выготский Л.С. Примитивный человек и его поведение // Выготский Л.С., Лурья А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1993.
- Выготский Л.С. Психология искусства / предисл. А.Н. Леонтьева. М., 1986.

- Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1993.
- Галимов Т.Р. Вопрос об отлучении от Церкви Дмитрия Ивановича Донского вторым посланием митрополита Киприана. <http://kds.eparhia.ru/www/script/2_20_2010_-_galimov.htm> (дата обращения: 10.04.2014).
- Гальперин И.Р. Грамматические категории текста // Известия АН СССР. Сер.: Литература и язык. 1977. Т. 36. № 6.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2006.
- Гальперин И.Р. О понятии «текст»: матер. науч. конф. «Лингвистика текста». Т. 1. М., 1974.
- Гардзанини М. У истоков паломнической литературы Древней Руси: «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю // «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб., 2007.
- Гаспаров М.Л., Рузина Е.Г. Вергилий и вергилианские центоны: Поэтика формул и поэтика реминисценций // Памятники книжного эпоса. М., 1978.
- Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999.
- Герасимов М.М. Андрей Боголюбский // Краткие сообщения Ин-та ист. матер. культ. М., 1945. Вып. 2.
- Гинзбург В.В. Андрей Боголюбский // Краткие сообщения Ин-та ист. матер. культ. М., 1945. Вып. 2.
- Гинзбург К. Сыр и черви: картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000.
- Гиппиус А.А. «Повесть временных лет»: о возможном происхождении и значении названия // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000.
- Гиппиус А.А. Библийские парадигмы Новгородской летописи: О книге: U. Schweier. Paradigmatische Aspekte der Textstruktur. Textlinguistische Untersuchungen zu der intra- und der intertextuellen funktionalen Belastung von Strukturelementen der frühen ostslavischen Chroniken. München, 1995 // Russian Linguistics. 1998. No. 22.
- Гладкая М.С. Рельефы Дмитриевского собора во Владимире: опыт комплексного исследования. М., 2009.
- Гогешвили А.А. Акrostих в «Слове о полку Игореве» и других памятниках русской письменности XI–XII веков. М., 1991.
- Гогешвили А.А. Три источника «Слова о полку Игореве»: Исследование. М., 1999.
- Голицын Н. Русская военная история. Т. 1. СПб., 1877.
- Голованов А.В. Созвучье полное в природе. М., 1979.
- Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1998 [репр. воспр.: изд. 2-е, испр. и доп. М., 1903].
- Голубовский Д.А. Невербальная коммуникация в древнерусских письменных источниках: опыт семантического анализа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- [Голышенко В.С.] Палеографическое описание // Изборник 1076 года / под ред. С.И. Коткова. М., 1965.
- Голышенко В.С. Палеографическое описание // Изборник 1076 года. Изд. 2-е, перераб. и доп. Т. 1. М., 2009.
- Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972.
- Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930.

- Грабарь И.Э. Реставрация // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 7-е изд. Т. 36. Ч. 1: Растение — Речь Посполитая. М., 1932.
- Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. Изд. 4-е, перераб. и доп. под ред. Е.А. Суханова. М., 2016.
- Гранстрем Е.Э. Сокращения древнейших славяно-русских рукописей // ТОДРЛ. Т. 10.
- Грезийон А. Что такое генетическая критика? // Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999.
- Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975.
- Греков И.Б. О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» // Советское славяноведение. 1970. № 6.
- Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998.
- Грот Я.К. Труды. Т. 1: Из скандинавского и финского мира. СПб., 1898.
- Гуревич А.Я. «Территория историка» // Одиссей: Человек в истории. 1996. М., 1996.
- Гуревич А.Я. Избранные труды. Т. 2: Средневековый мир. М.; СПб., 1999.
- Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Гуревич А.Я. Марк Блок и историческая антропология: Послесловие // Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998.
- Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
- Дагаев М.М. Солнечные и лунные затмения. М., 1978.
- Данилевский И.Н. Библиеизмы Повести временных лет // Герменевтика древнерусской литературы XI–XVI вв. Сб. 3. М., 1992.
- Данилевский И.Н. Библия и Повесть временных лет: К проблеме интерпретации летописных текстов // Отечественная история. 1993. № 1.
- Данилевский И.Н. Лунно-солнечный календарь древней Руси // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 1.
- Данилевский И.Н. Невидимый сентябрьский стиль // Древняя Русь: Пространство книжного слова. Историко-филологические исследования. М., 2015.
- Данилевский И.Н. Нерешенные проблемы древнерусского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1986. Вып. 15.
- Данилевский И.Н. Общие характеристики древнерусского лунно-солнечного календаря: Хронология и компаративистика // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: тезисы докладов и сообщений науч. конф. (Москва, 29–31 января 1996 г.). М., 1996.
- Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.
- Данилевский И.Н. Потерянный сентябрьский стиль // Казус: индивидуальное и уникальное в истории: 2010–2013. Вып. 10. М., 2015.
- Данилов В.В. «Октавий» Минуция Феликса и «Поучение» Владимира Мономаха // ТОДРЛ. Т. 5. М.; Л., 1947.

Дендроклиматохронология и радиоуглерод / под ред. Г.Е. Кочарова и др. Канас, 1972.

Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996.

Дмитриев Л.А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве / подг. текста. Л.А. Дмитриева, О.П. Лихачевой. Л., 1982.

Дмитриевский А. Способы определения времени написания рукописей без определенных дат вообще и богослужебных рукописей в частности // Православный собеседник. 1884. № 1.

Добиаш-Рождественская О.А. История письма в средние века: Руководство к изучению латинской палеографии. Изд. 3-е, доп. М., 1987.

Добровольский Д.А. Текстология // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014.

Добрушкин Е.М. К вопросу о происхождении сообщений «Истории Российской» В.Н. Татищева // Исторические записки. М., 1976. Т. 97.

Добрушкин Е.М. К вопросу о творческой лаборатории В.Н. Татищева // Вопросы историографии и источниковедения. Казань, 1974.

Добрушкин Е.М. К изучению творчества В.Н. Татищева как писателя русской истории: Древнерусский «обычай» В «Истории Российской» // XVIII век. Вып. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. Л., 1974.

Добрушкин Е.М. О двух известиях «Истории Российской» В.Н. Татищева под 1113 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Вып. 3.

Добрушкин Е.М. О методике изучения «татищевских известий» // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. М., 1977.

Добрушкин Е.М., Лурье Я.С. Историк — писатель или издатель источников? К выходу в свет академического издания «Истории Российской» В.Н. Татищева // Русская литература. 1970. № 2.

Дограмаджиева Е. Проблемы понятия «древнеболгарские памятники» // Palaeobulgarica/Старобългаристика. 1988. Т. 12. № 4.

Дробленкова Н.Ф. Комментарии // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6: XIV — середина XV века / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб., 1999.

Дружинин И.П., Хамьянова Н.В. Солнечная активность и переломы хода природных процессов на Земле. М., 1969.

Дурново Н.К. К вопросу о древнейших переводах на старославянский язык библейских текстов // ИОРЯС. 1925. Т. 25.

Дуров В.А. Терминология монетного производства в конце XVII — начале XVIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. 9.

Дьяконов М.А. Кто был первый великий князь «всая Руси» // Библиограф. 1889. № 1.

Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 4-е изд. М., 1926.

Дюби Ж. Трехчастная модель, или представления средневекового общества о себе самом. М., 2000.

Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции // Одиссей: Человек в истории. М., 1991.

Европеус Д.П. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии, до прибытия туда нынешних ее жителей. СПб., 1874.

Евсеев И.Е. Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе. Ч. 1. СПб., 1987.

Евсеев И.Е. Рукописное предание славянской Библии. СПб., 1911.

Егоров Д.Н. Новый источник по истории прибалтийских славян: сб. статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню 30-летия его профессорской деятельности в Московском Университете (5 декабря 1879 — 5 декабря 1909 г.). М., 1909.

Егоров Д.Н. Славяно-германские отношения в средние века: Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. 1: Материал и метод; Т. 2: Процесс колонизации. М., 1915.

[*Елагин И.П.*] Опыт повествования о России: Сочинение Ивана Елагина, начатое на 56-м году от его рождения, лета от Р.Х. 1790, двора его императорского величества обер-гофмейстера. М., 1803.

Женнет Ж. Структурализм и литературная критика // Женнет Ж. Фигуры: в 2 т. Т. 1. М., 1998.

Жуковская Л.П. О редакциях, издании 1800 г. и датировке списка «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время / под ред. Б. Рыбакова. М., 1985.

Жуковская Л.П. Развитие славяно-русской палеографии. 2-е изд. М., 1967.

Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.

Журавель А.В. Лунно-солнечный календарь на Руси: новый подход к изучению // Астрономия древних обществ / под ред. Т.М. Потемкиной, В.Н. Обридко. М., 2002.

Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 2. М., 1879.

Загоровский В. В. О древнем Воронеже и слове «Воронеж». 2-е изд. Воронеж, 1977.

Загребин В.М. Диакритика средневековых славянских рукописей // Загребин В.М. Исследование памятников южнославянской и древнерусской письменности. М.; СПб., 2006.

Зайцев А.К. Домагощ и границы «Вятичей» // Историческая география России: XII — начало XX в. М., 1975.

Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. Изд. 3-е, доп. М., 2008.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е, перераб. с учетом материалов находок 1995–2003 гг. М., 2004.

Захарова К.Ф., Орлова В.Г., Сологуб А.И., Строганова Т.Ю. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: По материалам лингвистической географии. М., 1970.

Звегинцев В.А. Семасиология. М., 1957.

Земля во Вселенной: сб. статей / под ред. В. Федынского. М., 1964.

Зиборов В.К. Киевские граффити и дата смерти Ярослава Мудрого // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы истории города (Проблемы отечественной и всеобщей истории). Л., 1988. Вып. 11.

Зиборов В.К. О летописи Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995.

- Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958.
- Зимин А.А. И.С. Пересветов и русские вольнодумцы XVI века // Вопросы религии и атеизма. 1955. № 3.
- Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XVI вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6.
- Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.
- Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999.
- Зимин А.А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы: сб. статей / отв. ред. С.О. Шмидт. М., 1969.
- Иванин М. О военном искусстве и завоеваниях монголов. СПб., 1846.
- Иванов Г.М. Методологические аспекты теории исторического источника: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Томск, 1974.
- Иванов Ю.А. Ошибка историка-краеоведа // Советские архивы. 1982. № 6.
- Издатель. Предисловие // Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год. Ч. 1 / изд. П.М. Строев. М., 1820.
- Ильин И.П. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический справочник. М., 1996.
- Ильин Н.Н. Летописная статья 6523 года и ее источник: опыт анализа. М., 1957.
- Ильин С. Селигерский путь Батия к Новгороду в 1238 г. // Исторический журнал. 1944. № 4.
- Ильина Т.В. Декоративное оформление древнерусских книг: Новгород и Псков. XII–XV вв. Л., 1978.
- Интеллектуальная собственность в современном мире: монография / под ред. И.А. Близнеца. М., 2016.
- Ионас В.Я. Критерий творчества в авторском праве и судебной практике. М., 1963.
- История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977.
- История культуры Древней Руси: Домонгольский период / под общ. ред. Б.Д. Грекова, М.И. Артамонова. Т. 1: Материальная культура. М.; Л., 1948.
- История культуры Древней Руси: Домонгольский период / под общ. ред. Б.Д. Грекова, М.И. Артамонова. Т. 2: Общественный строй и духовная культура. М.; Л., 1951.
- История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: матер. дискуссии 1960-х годов / вступит. ст., сост., подг. текстов и комм. Л.В. Соколовой. СПб., 2010.
- История Украины: научно-популярные очерки / под ред. В.А. Смолия. М., 2008.
- Источниковедение: Теоретические и методические проблемы: сб. статей / отв. ред. С.О. Шмидт. М., 1969.
- Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие для гуманитар. вузов. М., 1998.
- Источниковедение: учеб. пособие. М., 2014.
- Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А.А. Шахматова в области древнерусской летописи // ИОРЯС. Т. 26. Пг., 1923.
- Истрин В.М. Исследования в области древнерусской литературы. СПб., 1906.

- Истрин В.М. Очерки истории древнерусской литературы домосковского периода: (11–13 вв.). 2-е изд. М., 2003.
- Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб., 1997.
- Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. 2-е изд. М., 1974.
- Камчатнов А.М. Лингвистическая герменевтика: на материале древнерусских рукописных источников. М., 1995.
- Караев Г.Н. Ледовое побоище и его трактовка на основе работ экспедиции // Ледовое побоище 1242 г.: тр. комплекс. экспедиции по уточнению места Ледового побоища / отв. ред. Г.Н. Караев. М.; Л., 1966.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. Т. 1–4. М., 1988 [репр. воспр.: 5-е изд. СПб., 1842].
- Каринский Н.М. Письмо Остромирова Евангелия // Сборник Российской Публичной библиотеки. Пг., 1920. Т. 1. Вып. 1.
- Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. 2-е изд. М., 1979.
- Каченовский М.Т. О римской истории Нибура // Вестник Европы. 1830. № 17–20.
- Кашианов С.М. Интитуляция русских княжеских актов X–XIV вв.: Опыт первичной классификации // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. 8.
- Кашианов С.М. К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963. № 2.
- Кашианов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.
- Кашианов С.М. Русская дипломатика. М., 1988.
- Кирпичников А.П. Невская битва 1240 г. и ее тактические особенности // Князь Александр Невский и его эпоха: исслед. и матер. / под ред. Ю.К. Бегунова, А.Н. Кирпичникова. СПб., 1995.
- Кистерев С.Н. О «Своде» записей на древнейших русских манускриптах // Очерки феодальной России. М., 2001. Вып. 5.
- Клейн Л.С. Археологические источники: учеб. пособие. Изд. 2-е, доп. СПб., 1995.
- Клейн Л.С. Археологические источники: учеб. пособие. Л., 1978.
- Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию: учеб. пособие. Кн. 1: Метаархеология. СПб., 2004.
- Клейн Л.С. О языке вещей // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири: сб. матер. V Зап.-Сиб. археол.-этногр. совещ. / под ред. Л.М. Плетнева. Томск, 1981.
- Клепиков С.А. Использование филиграней в работе с недатированными рукописями и печатными книгами XIII–XVI веков // Советские архивы. 1968. № 6.
- Клепиков С.А. К истории русского художественного переплета. М., 1948.
- Клепиков С.А. Описания древних русских обиходных переплетов // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2. Ч. 1. М., 1976.
- Клепиков С.А. Филигранология на службе архивиста // Советские архивы. 1967. № 3.
- Клименкова Т.А. Женщина как феномен культуры: Взгляд из России. М., 1996.
- Климишин А.И. Календарь и хронология. 2-е изд. М., 1985.

- Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.
- Клосс Б.М. О статистических методах исследования текстов исторических источников // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях: сб. статей / отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1977.
- Клосс Б.М. Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // In memoriam: сб. памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997.
- Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. Изд. 3-е, пересм. М., 1902.
- Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989 [репр. воспр.: М., 1871].
- Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987.
- Кобрин В.Б. Генеалогия и антропонимика: по русским материалам XV–XVI вв. // История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований / отв. ред. Н.И. Павленко. М., 1977.
- Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.
- Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. / сост. Ю.М. Эскин, А.Л. Юрганов. М., 1995.
- Кожин А.Н. Литературный язык Киевской Руси. М., 1981.
- Козаченко А.И. Ледовое побоище. М., 1938.
- Колесов В.В., Поньрко Н.В. Притча о человеческой душе и теле [: комментарии] // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. СПб., 1997.
- Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.
- Колчин Б.А. Дендрохронология Восточной Европы // Археология и естественные науки / под ред. Б.А. Колчина. М., 1965.
- Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.
- Колчин Б.А., Черных Н.Б. Дендрохронология Восточной Европы: Абсолютные дендрохронологические шкалы с 788 г. по 1970 г. М., 1972.
- Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // ТОДРЛ. Т. 16. М.; Л., 1960.
- Комарович В.Л. Повесть об Александре Невском // История русской литературы: в 10 т. Т. 2. Ч. 1: Литература 1220-х — 1580-х гг. М.; Л., 1945.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей: текст, перевод, комментарий. Изд. 2-е, испр. М., 1991.
- Конявская Е.Л. Образ Александра Невского в ранних летописях // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2009. № 2 (36).
- Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980.
- Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977.
- Крузе. О происхождении Рюрика: Преимущественно по французским и немецким летописям // Ж-л Мин. нар. просв. 1836. Ч. 9.
- Крылова Ю.П. Читатель и маникулы: О маргиналиях рукописи 1693 г. из Национальной библиотеки Франции // Пространство рукописи: от формы внешней к форме внутренней: матер. конф. (Москва, ИВИ РАН, 2009 г.). М., 2010.

- Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., 1948.
- Кузенков П.В. Христианские хронологические системы: История летосчисления в святоотеческой и восточнохристианской традиции. М., 2014.
- Кузнецов Н.С. Морфология // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот / отв. ред. В.И. Борковский. М., 1955.
- Кузнецов П.С. Русский язык // История культуры XIII–XV вв. М., 1970. Ч. 2.
- Кузьмин А.В. На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XII — середине XV в. Т. 1–2. М., 2014–2015.
- Кузьмин А.Г. Был ли В.Н. Татищев историком? // Русская литература. 1971. № 1.
- Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
- Кузьмин А.Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969.
- Кузьмин А.Г. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей // Вопросы истории. 1973. № 2.
- Кузьмин А.Г. Статья 1113 г. в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Вестник Московского ун-та (История). 1972. № 5.
- Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII вв. Л., 1977.
- Куник А.А. Известны ли нам год и день смерти великого князя Ярослава Владимировича? СПб., 1896.
- Куник А.А. О годах смерти великих князей Святослава Игоревича и Ярослава Владимировича // Записки имп. Академии наук. Т. 28. Кн. 2. СПб., 1876.
- Кусков В.В. История древнерусской литературы. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 1982.
- Кучкин В.А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5.
- Кучкин В.А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России: сб. статей. М., 1990.
- Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников: XIII — первая треть XIV в. // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн: X — начало XX в.: сб. науч. тр. М., 1990. Вып. 1.
- Кучкин В.А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII — первой трети XIII в. // Историческая география России: XII — начало XX в.: сб. статей к 70-летию профессора Любомира Григорьевича Бескровного. М., 1975.
- Кучкин В.А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8.
- Кучкин В.А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10.
- Лавровский П. О языке северных русских летописей. СПб., 1852.
- Лавровский П.А. Исследование о летописи Якимовской // Ученые записки II отделения имп. Академии наук. Кн. 2. Вып. 1. СПб., 1856.
- Ламбин Н.П. О годе смерти Святослава Игоревича, великого князя Киевского // Записки имп. Академии наук. Т. 28. Кн. 2. СПб., 1876.
- Ламбин Н.П. О слепоте Якуна и его златотканной луде: Историко-филологическое исследование // Ж-л Мин. нар. просв. 1858. Ч. 98. № 5.
- Латпо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2-х т. Т. 2 / подг. текста Р.Б. Казакова, О.М. Медушевской, М.Ф. Румянцевой; комм. Т.В. Гимон, М.Ф. Румянцевой; М.,

2010. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов / подг. текста А.И. Андреева; испр. и доп. Е.А. Ростовцева. [Изд. 2-е, испр. и доп.]. СПб., 2007.

Лаппо-Данилевский А.С. Служилые кабалы позднейшего типа // сб. статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909.

Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века. Долгопрудный, 1997.

Леваяин Ж. Письмо и генезис текста // Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.

Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994.

Левковская К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962.

Левшун Л.В. О слове преображенном и слове преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI-XVII веков. Минск, 2009.

Линд Д.Г. Некоторые соображения о Невской битве и ее значении // Князь Александр Невский и его эпоха: исслед. и матер. / под ред. Ю.К. Бегунова, А.Н. Кирпичникова. СПб., 1995.

Липицкий С.В. Ледовое побоище. М., 1964.

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X-XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.

Лихачев Д.С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк // Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996.

Лихачев Д.С. «Устные летописи» в составе Повести временных лет // Исторические записки. М., 1945. Т. 17.

Лихачев Д.С. Археографический обзор списков // Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996.

Лихачев Д.С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. Изд. 2-е, доп. М., 1980.

Лихачев Д.С. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского // ТОДРЛ. Т. 5. М.; Л., 1947.

Лихачев Д.С. Иван Пересветов и его литературная современность // Пересветов И. Сочинения / подг. текста А.А. Зимина. М.; Л., 1956.

Лихачев Д.С. Комментарии // Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996.

Лихачев Д.С. Летописные известия об Александре Поповиче // ТОДРЛ. Т. 7. М.; Л., 1949.

Лихачев Д.С. Литература — реальность — литература. Л., 1981.

Лихачев Д.С. Литературный этикет древней Руси: к проблеме изучения // ТОДРЛ. Т. 17. М.; Л., 1961.

Лихачев Д.С. Можно ли включать «Историю Российскую» Татищева в историю русской литературы? // Русская литература. 1971. № 1.

Лихачев Д.С. Моление Даниила Заточника[: комментарии] // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980.

- Лихачев Д.С. Назначение Изборника 1076 г. // ТОДРЛ. Т. 44. Л., 1990.
- Лихачев Д.С. О летописном периоде русской историографии // Вопросы истории. 1948. № 9.
- Лихачев Д.С. По поводу статьи Б.Я. Букштаба // Русская литература. 1965. № 1.
- Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е, доп. М., 1979.
- Лихачев Д.С. Реплики // ТОДРЛ. Т. 15: К Четвертому международному конгрессу славистов. М.; Л., 1958.
- Лихачев Д.С. Текстология: краткий очерк. М.; Л., 1964.
- Лихачев Д.С. Человек в литературе древней Руси. 3-е изд. М., 2006.
- Лихачев Д.С. Движение «жидовствующих» 70–90-х годов XV в. // История русской литературы: в 10 т. Т. 2. Ч. 1: Литература 1220-х — 1580-х гг. М.; Л., 1945.
- Лихачев Д.С., при участии Алексеева А.А., Боброва А.Г. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. Изд. 3-е, перераб. и доп. СПб., 2001.
- Лихачев Д.С., Янин В.Л., Лурье Я.С. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей // Вопросы истории. 1973. № 8.
- Лихачев Н.П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
- Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М., 2001.
- Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 5. М.; Л., 1956.
- Лопарев Х.М. «Слово о погибели Русская земли»: Вновь найденный памятник литературы XIII в. СПб., 1892.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек–текст–семиосфера–история. М., 1996.
- Лурье В.М. Введение в критическую агиографию. СПб., 2009.
- Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994.
- Лурье Я.С. Заметки к истории публицистической литературы конца XV — первой половины XVI в. // ТОДРЛ. Т. 16. М.; Л., 1960.
- Лурье Я.С. Изучение русского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып. 1.
- Лурье Я.С. О возможности и необходимости при исследовании летописей // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981.
- Лурье Я.С. О гипотезах и догадках в источниковедении // Лурье Я.С. Избранные статьи и письма / сост. В.Г. Вовина-Лебедева, М.М. Кром; под общ. ред. М.М. Крома. СПб., 2011.
- Лурье Я.С. О некоторых принципах критики источников // Лурье Я.С. Избранные статьи и письма / сост. В.Г. Вовина-Лебедева, М.М. Кром; под общ. ред. М.М. Крома. СПб., 2011.
- Лурье Я.С. О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. 1975. М., 1976.
- Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.
- Лурье Я.С. Предисловие // Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. [2-е изд.] / подг. текста В.Г. Вовиной. СПб., 1996.

Лурье Я.С. Проблемы критики источника: на материале древнерусских памятников [пер. с англ.] // Лурье Л.С. Избранные статьи и письма / сост. В.Г. Вовина-Лебедева, М.М. Кром; под общ. ред. М.М. Крома. СПб., 2011.

Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997.

Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975.

Люблинская А.Д. Латинская палеография. М., 1969.

Лященко А.И. Эймундова сага и русская летопись // Известия АН СССР. 1926. № 12.

Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины: с древнейших времен до второй половины XIV века. [2-е изд.] СПб., 2002 [репр. воспр.: Л., 1940].

Магистерский диспут М.Д. Присёлкова в С.-Петербургском университете // Научный исторический журнал, издаваемый под редакцией проф. Н.И. Кареева. 1914. Т. 2. Вып. 1-3. № 3.

Максимович М.А. Дни и месяцы украинского селянина // Максимович М.А. Собр. соч. Т. 2. Киев, 1877.

Малето Е.И. Антология хождений русских путешественников, XII-XV века: Исслед., тексты, комм. / отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2005.

Мансикка В.Й. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. [Б.м.,] 1913.

Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV-XV вв. М., 1966.

Маркс К. Капитал: Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М., 1960.

Маслов Б.А. Проблемы лингвистического анализа связного текста: надфазовый уровень: учеб. пособие к спецкурсу. Таллин, 1975.

Медушевская О.М. Метод источниковедения и междисциплинарные аспекты // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие для гуманит. вузов. М., 1998.

Медушевская О.М. Становление и развитие источниковедения // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие для гуманит. вузов. М., 1998.

Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология истории. М., 1997.

Мецгер Б.М. Текстология Нового Завета: Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала. М., 1996.

Мещерский Н.А. Апокрифы в древней славяно-русской письменности: Ветхозаветные апокрифы // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога русских рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2. Ч. 1. М., 1976.

Мещерский Н.А. Взаимоотношения Изборника 1073 г. с Изборником 1076 г. // Изборник Святослава 1073 г.: сб. статей. М., 1977.

Мещерский Н.А. Искусство перевода Киевской Руси // ТОДРЛ. Т. 15. Л., 1958.

Мещерский Н.А. История русского литературного языка. Л., 1981.

Мещерский Н.А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX-XV веков. Л., 1978.

Мещерский Н.А. К вопросу об изучении переводной письменности киевского периода // Ученые записки Карело-Финского педагогического института. Сер.: Обществ. наук. Петрозаводск, 1956. Т. 2. Вып. 1.

Мещерский Н.А. К вопросу об источниках Повести временных лет // ТОДРЛ. Т. 13. М.; Л., 1957.

Мещерский Н.А. К вопросу об источниках славянской «Книги Еноха» // Краткие сообщения Института народов Азии и Африки. Т. 86: История и филология Ближнего Востока: Семиотология. М., 1965.

Мещерский Н.А. К изучению ранней московской письменности // Изучение истории русского языка и источниковедение. М., 1969.

Мещерский Н.А. Отрывок из книги Иосиппон в Повести временных лет // Палестинский сборник. М., 1956. Вып. 2.

Мещерский Н.А. Следы памятников Кумрана в старославянской и древнерусской литературе: К изучению славянских версий Книги Еноха // ТОДРЛ. Т. 19. М.; Л., 1963.

Мещерский Н.А. К истории текста славянской книги Еноха: Следы памятников Кумрана в византийской и старославянской литературе // Византийский временник. 1964. Т. 24.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.

Милов Л.В. О «Слове о полку Игореве»: палеография и археография рукописи, чтение «русичи» // История СССР. 1983. № 5.

Милов Л.В. Татищевские портреты-характеристики и «Симонова летопись» // История СССР. 1978. № 6.

[Милов Л.В., Полянская И.В., Романкова Н.В.] Был ли боярин Петр Бориславич автором «Слова о полку Игореве»? // От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства / отв. ред. Л.В. Милов. М., 1994.

Мильдон В.И. «Земля» и «небо» исторического сознания: Две души европейского человечества // Вопросы философии. 1992. № 5.

Мингалев В.С. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.; Вильнюс, 1971.

Миттеран А. Генетический метатекст в «Набросках» Эмиля Золя // Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999.

Михайлов А.В. К вопросу о литературном наследии свв. Кирилла и Мефодия в глаголических хорватских миссалах и бревиариях: Из истории древнеславянского перевода книги Бытия пророка Моисея. Варшава, 1904.

Михайлов А.В. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Ч. 1: Паримейный текст. Варшава, 1912.

Михайлов И.А. Феномен // Новая философская энциклопедия Т. 4 / предс. науч.-ред. совета В.С. Степин, зам. предс. А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010.

Моисеева Г.Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.

Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981.

Мошкова Л.В., Турилов А.А. «Плоды ливанского кедра». М., 2003.

Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV в. М., 1983.

- Муравьева Л.Л. Московское летописание второй половины XIV — начала XV века. М., 1991.
- Мурзаев Э.М. География в названиях. 2-е изд. М., 1985.
- Наблюдение и прогнозы солнечной активности. М., 1975.
- Надеждин Н.И. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. СПб., 1837. Т. 20.
- Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей. М., 2001.
- [Назарова Е.Л.] Комментарий // Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестonosцы и Русь: Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.
- Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование // Насонов А.Н. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. Изд. 2-е, стереотип. СПб., 2006.
- Насонов А.Н. Из истории псковского летописания // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1: Псковские летописи М., 2003. (Исторические записки. М., 1946. Т. 18).
- Никитин А.Л. Подвиг Александра Пересвета // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. М., 1992. Сб. 3.
- Никитин А.Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001. С. 180.
- Николаева Т.М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
- Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965.
- Никонов В.А. Закон ряда в географических названиях // Onomastika. Вроцлав; Краков, 1958. Ч. 4. Вып. 1.
- Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974.
- Никонов В.А. Личное имя — социальный знак // Глазами этнографов [: сб. статей]. М., 1982.
- Новиков А.И. Текст и смысловые доминанты. М., 2007.
- Новые прочтения и интерпретации в публикуемом тексте Изборника 1076 года // Изборник 1076 года. Изд. 2-е, перераб. и доп. Т. 1. М., 2009.
- Обнорский С.П. Очерки истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946. С. 129.
- Овчинникова В.С., Дибров А.А. Древнерусский язык. Ростов н/Д, 1959.
- Оленин А.Н. Краткое рассуждение об издании полного собрания деписателей // Сын Отечества. 1814. Ч. XII. № 7.
- [Ермолаева А.И. Примечания] Оленин А.Н. Краткое рассуждение об издании полного собрания деписателей // Сын Отечества. 1814. Ч. XII. № 7. С. 17–18.
- Опарина Т.А. К вопросу об использовании III книги Ездры в русской публицистике XVI–XVII вв. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990.
- Орешников А.С. К истории Начального летописного свода: О составителе и времени составления «Поучения о казнях божиих» // Труды Московского гос. ист.-арх. ин-та. М., 1961. Т. 16.
- Орлов А.С. Литературные источники Повести о Мамаевом Побоище // ТОДРЛ. Т. 2. М.; Л., 1935.

Орлов А.С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI–XVIII вв. // Чтения императорского Общества истории и древностей российских при Московском ун-те. 1908. Т. 13. Кн. 4.

Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) // Чтения императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. 1902. Кн. 4.

Орлов А.Ф. Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей. Вельск, 1907.

Орлов В.Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.

От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства / отв. ред. Л.В. Милов. М., 1994.

Очерки истории Украины / П.П. Толочко, Н.Ф. Котляр, А.А. Олейников [и др.]; под общ. ред. П.П. Толочко. К., 2010.

Паклар Э.К. Где произошло Ледовое побоище? // Исторические записки. М., 1951. Т. 37.

Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.

Панова В.И. Митрополиты и епископы Руси в XII в. по материалам Ипатьевской летописи. Воронеж, 2016.

Пашуто В.Т. А.А. Шахматов — буржуазный источниковед // Вопросы истории. 1952. № 2.

Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость в XIII в. М., 1956.

Пашуто В.Т. Голодные годы древней Руси // Аграрный ежегодник Восточной Европы. Минск, 1964.

Пашуто В.Т. Некоторые общие вопросы летописного источниковедения // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. М., 1973. Вып. 1.

Пашуто В.Т. Решающие победы русского народа над шведскими и немецкими захватчиками: 1240–1242 гг. // Очерки истории СССР: Период феодализма IX–XV вв.: в 2 ч. Ч. 1: IX–XIII вв. Гл. 5. § 2. М., 1953.

Пашуто В.Т. Рифмованная хроника как источник по русской истории // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.

Передольский В.С. Новгородские древности: Записки из местных изысканий. Новгород, 1898.

Перетц В.Н. Из лекций по методологии истории русской литературы: История изучения. Методы. Источники. Киев, 1914.

Петров Н.И. Историко-географические очерки древнего Киева: с планом Киева 1638 г. Киев, 1897.

Петрухин В.Я. «Русь и вси языци»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011.

Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М.; Смоленск. 1995.

Петрухин В.Я. Славяне и Русь в «Иосиппоне» и «Повести временных лет»: К вопросу об источниках начального русского летописания (с публикацией источника) // Славяне и их соседи. Вып. 5: Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе: Средние века — новое время. М., 1994.

Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2004.

Пештич С.Л. О «договоре» Владимира с волжскими болгарами 1006 года // Исторические записки. М., 1946. Т. 18.

Пиккио Р. *Slavia orthodoxa: Литература и язык* [сб. тр.]. М., 2003.

Пиккио Р. История древнерусской литературы. М., 2002.

Платонов С.Ф. К истории московских земских соборов. СПб., 1905.

Погодин А.Л. Из истории славянских переселений. СПб., 1901.

Погодин М.П. Ответ на рецензию П.В. Киреевского на статью «Параллель русской истории с историей западноевропейских государств» // Москвитянин. 1845. № 3.

Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории. Изданы Императорским Московским Обществом Истории и Древностей Российских. Т. 2: Происхождение Варягов-Руси. О Славянах. М., 1846.

Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 3: Норманский период. М., 1846.

Погодин М.П. Русская история до монгольского ига. Т. 1. М., 1872.

Подобедова О.М. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965.

Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Кевской Руси: 988–1237 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. для рус. пер. СПб., 1996.

Поздеева И.В. Литургический текст как исторический источник // Вопросы истории. 2000. № 6.

Покровская В.Ф. Из истории создания Лицевого летописного свода второй половины XVI в.: матер. и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки АН СССР / отв. ред. А.И. Копанев. М.; Л., 1966.

Поппэ А.В. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии // Византийский временник. М., 1968. Вып. 28.

Поппэ А.В. К методике проверки летописных дат // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976.

Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872.

Потапов П.И. К вопросу о литературном составе летописи // Русский филологический вестник. 1911. № 1.

Пресняков А.Е. А.А. Шахматов в изучении русских летописей // ИОРЯС. Т. 25. Пг., 1922.

Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909.

Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства: Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918.

- Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. [2-е изд.] / подг. текста В.Г. Вовиной. СПб., 1996.
- Присёлков М.Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Ученые записки ЛГУ. Сер.: Ист. наук. Л., 1941. Вып. 8.
- Присёлков М.Д. Митрополит Илларион, в схиме Никон, как борец за независимую русскую церковь // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911.
- Присёлков М.Д. Рецензия на книгу Вл. Пархоменко «Начало христианства Руси» // ИОРЯС. Т. 19. Кн. 1. СПб., 1914.
- Присёлков М.Д. Русское летописание в трудах А.А. Шахматова // ИОРЯС. Т. 25. Пг., 1922.
- Присёлков М.Д. Троицкая летопись: реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002.
- Проништейн А.П. Методика исторического источниковедения. Изд. 2-е, доп. и испр. Ростов н/Д, 1976.
- Проништейн А.П., Коваленко Ю.В., Введенская Л.А. История и лингвистика. Ростов н/Д, 1970.
- Проништейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д, 1983.
- Пропт В.Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.
- Протопопов Д.И. Жития святых, чтимых православною Российской церковью, а также чтимых греческою церковью, южнославянских, грузинских и местночтимых в России. М., 1884.
- Прохоров Е. Предмет, метод и объем текстологии как науки // Русская литература. 1965. № 3.
- Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.
- Пытин А. Для объяснения статьи о ложных книгах // Летопись занятий Археологической комиссии за 1861 год. СПб., 1862. Вып. 1.
- Разин Е.А. История военного искусства: в 3 т. Т. 2: VI–XVI вв. М., 1957.
- Раппопорт. П.А. Ориентация древнерусских церквей // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 139: Славяно-русская археология. М., 1974.
- Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. Л., 1989.
- Реформатский А.А. Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языков // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961. С. 119.
- Ржига В.Ф. Слово Софония-Рязанца о Куликовской битве («Задонщина») // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. Т. 43. М., 1947.
- Рижский М.И. История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978.
- Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995.
- Рогачевская Е.Б. Библийские тексты в произведениях древнейших русских проповедников: К постановке проблемы // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. Сб. 3. М., 1992.
- Рогачевская Е.Б. Некоторые особенности средневековой цитации: На материале ораторской прозы Кирилла Туровского // Филологические науки. 1989. № 3.

- Розен С.А. Очерки по истории русской корабельной терминологии Петровской эпохи. Л., 1960.
- Розов Н.Н. Искусство книги древней Руси и библиогеография: По новгородско-псковским материалам // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972.
- Розов Н.Н. Русская рукописная книга: Этюды и характеристики. Л., 1971.
- Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси: Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. Л., 1947.
- Романова А.А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб., 2002.
- Романова В.Л. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII–XIV вв. М., 1975.
- Ромодановская В.А. Приложение 3: Маккавеи в русской традиции // Четыре Книги Маккавеев / под общ. ред. Н.В. Брагинской. М., 2014.
- Рохлин Д.Г., Майкова-Строганова В.С. Рентгено-антропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 9–10. М.; Л., 1935.
- Рубашев М.Б. Проблемы солнечной активности. М., 1964.
- Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII — XV вв. М., 2009.
- Румянцева М.Ф. Исторический источник // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014.
- Румянцева М.Ф. Источниковедение // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014.
- Румянцева М.Ф. О культурной составляющей исторического знания // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 3.
- Румянцева М.Ф. Теория истории: учеб. пособие. М., 2002.
- Русанова И.П. Курганы полян X–XII вв. // Свод археологических источников. Вып. Е1–24. М., 1966.
- Русинов Н.Д. Древнерусский язык. М., 1977.
- Рыбаков Б.А. «Остромирова летопись» // Вопросы истории. 1956. № 10.
- Рыбаков Б.А. В.Н. Татищев и летописи XII в. // История СССР. 1971. № 1.
- Рыбаков Б.А. Военное дело // История культуры Древней Руси: Домонгольский период. Т. 1: Материальная культура. М.; Л., 1948.
- Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. [М., 1963].
- Рыбаков Б.А. Запись о смерти Ярослава Мудрого // Советская археология, 1959. № 4.
- Рыбаков Б.А. Миниатюры Радзивилловской летописи и русские лицевые рукописи X–XII веков // Рыбаков Б.А. Из истории культуры древней Руси: Исследования и заметки. М., 1984.
- Рыбаков Б.А. Окна в исчезнувший мир: по поводу книги А.В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник» (М.: Изд-во МГУ, 1944) // Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры... [впервые опубликовано: Доклады и сообщения ист. фак-та МГУ. 1946. № 4].
- Рыбаков Б.А. Поляне и северяне // Советская этнография. 1947. № 6–7.
- Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М., 1948.

- Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964.
- Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
- Рыбаков Б.А., Филин Ф.П., Кузьмина В.Д. Старые мысли, устарелые методы: Ответ А.А. Зимину // Вопросы литературы. 1967. № 3.
- Рыбаков Б.А. Петр Бориславич: Поиск автора Слова о полку Игореве. М., 1991.
- Рыдзевская Е.А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв.: матер. и исслед. М., 1978.
- Савич А.А. Борьба русского народа за свою независимость на северо-западной окраине в середине XIII века: 1240–1242 гг. // Ученые записки МГПИ им. К. Либкнехта. № 4. Сер.: Ист. М., 1939. Вып. 2.
- Сазонова Л.И. Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в обработке В.Н. Татищева // ТОДРЛ. Т. 25: Памятники русской литературы X–XVII вв. М.; Л., 1970.
- Сакетти А.Л., Сальников Ю.Ф. О взглядах И. Пересветова // Вопросы истории. 1957. № 1.
- Салмина М.А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла М.; Л., 1966.
- Салмина М.А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977.
- Сапунов Б.В. «Богословца от словес» в Изборнике 1073 г. и проблема читателя на Руси в XI в. // Изборник Святослава 1073 г.: сб. статей. М., 1977.
- Сапунов Б.В. Книга в России в XI–XIII вв. Л., 1978.
- Свенцицкая И.С. Апокрифические евангелия: Исследования, тексты, комментарии. М., 1996.
- Свердлов М.Б. Геральдика // Советское источниковедение Киевской Руси: Историографический очерк. Л., 1979.
- Свердлов М.Б. Дополнения // Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996.
- Святский Д.О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения: с приложением таблиц для определения исторических затмений, четырех карт в красках и Канона русских солнечных затмений М.А. Вильева. Пг., 1915.
- Святский Д.О. Астрономия Древней Руси: с Каталогом астрономических известий в Русских летописях, составленным М.Л. Городецким. М., 2007.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- Селиванов В.В. Год русского земледельца // Селиванов В.В. Соч. Т. 2. Владимир, 1902.
- Сендерович С.Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000.
- Сенковский О.И. Собр. соч. Т. 5. СПб., 1858.
- Сергеев Ф.П. Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев, 1971.
- Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд., доп. и испр. СПб., 1910.

- Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
- Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М., 1956.
- Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития: Обзор редакций и тексты // Чтения в императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 3 (254). М., 1915.
- Сидоров В.Н. Из истории звуков русского языка. М., 1966.
- Сидоров В.Н. Из русской исторической фонетики. М., 1969.
- Симони П.К. Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного искусства на Руси. СПб., 1903.
- Симонов Л.П. Переплетное мастерство и искусство украшения переплета. СПб., 1897.
- Симонов Р.А. Календарь Палеи Толковой // Проблемы источниковедения истории книги: межвед. сб. науч. тр. М., 2000. Вып. 3.
- Синтаксис текста: сб. статей / под ред. Г.А. Золотовой. М., 1979.
- Скрынников Р.Г. Опричнина и последние удельные княжества на Руси // Исторические записки. 1965. Т. 76.
- Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л., 1969.
- «Слово о полку Игореве»: Попытка восстановления первоначального композиционного строя поэмы. Реконструкция Б.А. Рыбакова // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985.
- Смирнов А.В. Книга Еноха: Историко-критическое исследование, русский перевод и объяснение апокрифической Книги Еноха. Казань, 1888.
- Соболева Н.А. Русские печати. М., 1991.
- Соболевский А.И. Две редакции Русской Правды // 1885–1915: сб. статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. М., 1916.
- Соболевский А.И. В каком году крестился Владимир? // Журн. Мин. нар. просв. 1888. Ч. 257. № 6.
- Соболевский А.И. История русского литературного языка. Л., 1980.
- Соболевский А.И. Славяно-русская палеография. 2-е изд. СПб., 1908.
- Соколова Л.В. Слово Даниила Заточника [: комментарии] // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. СПб., 1997.
- Солнце, электричество, жизнь: матер. чтений Московского общества испытателей природы памяти Л.Л. Чижевского. М., 1969; М., 1972.
- Соловьев А.В. Византийское имя России // Византийский временник. 1957. Т. 12.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1; Кн. 2: Т. 3–4. М., 1960.
- Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 1. Т. 1. М., 1984.
- Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке: XI–XVII вв. Изд. 2-е, доп. М., 2009.
- Сперанский М.Н. Переводные сборники изречений в славянорусской письменности. М., 1904.
- Спицын А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журн. Мин. нар. просв. 1899. № 8.

- Срезневский И.И. Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю (1130 года). СПб., 1860.
- Срезневский И.И. Славяно-русская палеография XI–XIV вв.: Лекции, читанные в Имп. С.-Петербургском ун-те в 1865–1880 гг. СПб., 1885.
- Стаменова А. Значение одного слова и текст новгородской грамоты на бересте № 199 // *Palaeobulgarica/Старобългаристика*. 2017. № 2.
- Степанов Н.В. Единицы счета времени (до XIII в.) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям // Чтения в Имп. Обществе истории и древностей российских при Московском ун-те. М., 1909. Кн. 4 (231).
- Степанов Н.В. Заметка о хронологической статье Кирика (XII в.) // ИОРЯС. 1910. Т. 15. Кн. 3.
- Степанов Н.В. Календарно-хронологический справочник. М., 1917.
- Степанов Н.В. Таблицы для решения летописных задач на время // ИОРЯС. 1905. Т. 13. Кн. 2.
- Столярова Л.В. Еще раз о протографе Рязанской кормчей 1284 г. // Россия и мир: Панорама исторического развития: сб. науч. статей, посвященный 70-летию исторического факультета Урал. гос. ун-та им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2008.
- Столярова Л.В. Из истории книжной культуры русского средневекового города (XI–XVII вв.). М., 1999.
- Столярова Л.В. О записях писцов на древнерусских пергаменных кодексах XI–XIV вв. // *Russia Medievalis*. München, 1992. Т. 7 (1).
- Столярова Л.В., Каштанов С.М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2010.
- Строев П.М. Предисловие // Софийский временник, или русская летопись с 862 по 1534 год. Ч. 1. М., 1820.
- Строева Т.В. О причинах изменения значения слова // Вестник ЛГУ. Сер.: Ист. языка и лит-ры. 1958. № 8. Вып. 2.
- Строков А.А. История военного искусства: в 5 т. Т. 1: Рабовладельческое и феодальное общества. М., 1955.
- Строков А.А. О возникновении и начальных этапах развития русского военного искусства // О начальных этапах развития русского военного искусства: сб. статей. М., 1951.
- Структура текста / отв. ред. Т.В. Цивьян. М., 1980.
- Суперанская А.В. Структура имени собственного: Фонология и морфология. М., 1969.
- Татищев В.Н. История России. Т. 2. М.; Л., 1963.
- Татищев В.Н. История Российская. Т. 3. М., 1774.
- Творогов Л.А. Слово о полку Игореве. Новосибирск, 1942.
- Творогов О.В. Археография и текстология древнерусской литературы. М.; СПб., 2009.
- Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.
- Творогов О.В. Задачи изучения устойчивых литературных формул древней Руси // ТОДРЛ. Т. 20: Актуальные задачи изучения русской литературы XI–XVII вв. М.; Л., 1964.
- Творогов О.В. Литература XI — начала XIII в. // История русской литературы X–XVII веков / под ред. Д.С. Лихачева. М., 1980.

Творогов О.В. Некоторые принципиальные вопросы изучения «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1977. № 4.

Творогов О.В. Сюжетное повествование в летописях XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970.

Творогов О.В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. Т. 18. М.; Л., 1962.

Текст в тексте // Ученые записки Тартуского ун-та. Тарту, 1981. Вып. 567.

Тимофеев Е.И. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X–XIII вв. // Советская археология. 1961. № 3.

Тихомиров М.Н. Городская письменность в древней Руси XI–XIII вв. // ТОДРЛ. Т. 9. М.; Л., 1953. С. 63 и сл.

Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. М.; Л., 1941.

Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.

Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР: учеб. пособие [2-е изд.] Вып. 1: С древнейших времен до конца XVIII века. М., 1962.

Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955.

Тихомиров М.Н. Начало русской историографии // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979.

Тихомиров М.Н. О месте Ледового побоища // Известия АН СССР. Сер.: Ист. и филос. М., 1950. Т. 7. № 1.

Тихомиров М.Н. О русских источниках «Истории Российской» В.Н. Татищева // Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962.

Тихомиров М.Н. Русский летописец в «Истории Польши» Яна Длугоша // Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.

Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979.

Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV–XV веках. М., 1957.

Тихомиров М.Н., Муравьев А.В. Русская палеография. 2-е изд., 1982.

Тов Э. Текстология Ветхого Завета. М., 2001.

Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005.

Толочко А.П. Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста. Київ, 2009.

Толочко А.П. Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015.

Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб., 2005.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 20. Анна Каренина: Черновые редакции и варианты. М., 1939; Т. 13–15: Война и мир: Черновые редакции и варианты. М., 1949–1955; Т. 62: Письма 1873–1879. М., 1953.

Томашевский Б.В. Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959.

Томашевский Б.В. Писатель и книга: Очерк текстологии. М.; Л., 1928.

Трубачев О.Н. Ремесленная терминология пробирного дела и афинажа в Русском языке XVII в. // Процессы формирования лексики русского литературного языка: От Кантемира до Карамзина. М.; Л., 1966.

Туркин А.И. Топонимика северной России в трудах финно-угроведов XIV — начала XX в. // История топонимики в СССР. М., 1967.

Ужанков А.Н. Некоторые наблюдения над «Словом о погибели Русской земли»: К вопросу о месте написания и времени присоединения его к «Повести о житии Александра Невского» // Ужанков А.Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII веков. М., 2009.

Ужанков А.Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII веков. М., 2009.

Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточнославянском культе Николы Мирликийского. М., 1982.

Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление. М., 1998.

Успенский Б.А., Успенский Ф.Б. Иноческие имена на Руси. СПб., 2017.

Успенский Н.В. К истории русской терминологии речного судоходства // Ученые записки Рыбинского пед. ин-та. Рыбинск, 1958. Вып. 2.

Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории: рассуждение, написанное на степень доктора философии. СПб., 1836.

Федоров В.Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. М., 1956.

Федотов П.А. Радея: Объяснение картины «Сватовство майора» // Поэты 1840–1850-х годов / вступ. ст. и общ. ред. Б.Я. Бухштаба; сост., подг. текста, биогр. справки и примеч. Э.М. Шнейдермана. Л., 1972. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Ферран М. Монументальная фраза древнерусских писателей. М., 1999.

Феррер Д. Шапка Клементиса: Обратная связь и инерционность в генетических процессах // Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999.

Филиппов К.А. Лингвистика текста. СПб., 2007.

Филипповский Г.Ю. Столетие дерзаний: Владимирская Русь в литературе XII в. М., 1991.

Филист Г.М. История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск, 1990. С. 93.

Филлюшкин А.И. Герменевтика экзегетических цитат в Третьем послании Курбского // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: доклады и тезисы XIV науч. конф. (Москва, 18–19 апреля 2002 г.) М., 2002.

Фрай Н. Великий код: Біблія і література. Львів, 2010.

Франчук В.Ю. Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986.

Франчук В.Ю. Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»? Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1976.

Фрейденоберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936.

Френкель Р.В. Эпическая поэма «Кудруна», ее истоки и место в средневековой немецкой литературе // Кудруна / подг. текста Р.В. Френкель. М., 1984.

Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история: Работы разных лет. СПб., 1997.

- Хабургаев Г.А. Первые столетия славянской письменной культуры: Истоки древнерусской письменности. М., 1994.
- Хабургаев Г.А. Становление русского языка: пособие по исторической грамматике. М., 1980.
- Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. Л., 1979.
- Хавский П.В. Взгляд на хронологию еврейскую, христианскую вообще и русскую в особенности. СПб., 1849.
- Херрманн В.-Ф. фон. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля: сб. Минск, 2000.
- Хилл К. Английская Библия и революция XVII века. М., 1998.
- Хитров М.И. Предисловие // Александр Невский — Великий князь. 2-е изд. СПб., 1992.
- Хорошкевич А.Л. Символы русской государственности. М., 1993.
- Цибульский В.В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря: с 1 по 2019 г. н.э. М., 1987.
- Цуркан Р.К. Славянский перевод Библии: Происхождение, история текста и важнейшие издания. СПб., 2001.
- Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2011.
- Чаев Н.С., Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956.
- Черепнин Л.В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. М., 1948. Т. 25.
- Черепнин Л.В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1.
- Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.
- Черепнин Л.В. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. [Б.м.,] 1948. Вып. 25.
- Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956.
- Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. М.; Л., 1948.
- Черепнин Л.В. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50–70-х годах // История СССР. 1972. № 4.
- Черных Н.Б. Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы // Проблемы абсолютного Датирования в археологии. М., 1972.
- Черных П.Я. Очерки русской исторической лексикологии: Древнерусский период. М., 1956.
- Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976.
- Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1873. (2-е изд. СПб., 1899).
- Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959.
- Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков. М., 1957.

Чумаченко А.Ю. О погребении в Успенском соборе Киево-Печерской лавры Яна Вышатича — потомка новгородского посадника Остромира: Попытка анализа одной генеалогической легенды // Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти: матер. конф. памяти член.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. (Москва, 11–13 апреля 2001 г.). М., 2001.

Шалак В.И. Современный контент-анализ. Приложения в области: политологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы. М., 2004.

Шамбинаго С.К. Иоакимовская летопись // Исторические записки. [Б.м.,] 1947. Вып. 21.

Шамбинаго С.К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

Шарлемань Н.В. Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 8. М.; Л., 1951.

Шарлемань Н.В. Природа в «Слове о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: сб. исслед. и статей. М.; Л., 1950.

Шарлемань Н.В. Природа и люди Киевской Руси: материалы по краеведению Киевской Руси // Шарлемань Н.В. Воспоминания. Автобиография. Переписка. Киев, 2015.

Шарлемань Н.В. Соловьи в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 16. М.; Л., 1960.

Шаскольский И.П. Невская битва 1240 г. в свете данных современной науки // Князь Александр Невский и его эпоха: исслед. и матер. / под ред. Ю.К. Бегунова, А.Н. Кирпичникова. СПб., 1995.

Шафарик П.Й. Славянские древности. Сочинение П.Й. Шафарика / пер. с чеш. О. Бодянского. Часть историческая. Т. 2. Кн. 1. М., 1847.

Шахмагонов Ф.Ф. Куликовская битва русского народа: Опыт реставрации исторического события // Бригантина: сб. рассказов о путешествиях, поисках, открытиях. М., 1980.

Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. 4. М.; Л., 1940.

Шахматов А.А. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни // Научный исторический журнал. СПб., 1914. Т. 2. Вып. 2. № 4.

Шахматов А.А. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни // Научный исторический журнал, издаваемый под редакцией проф. Н.И. Кареева. 1914. Т. 2. Вып. 2. № 3. С. 30–32.

Шахматов А.А. Заметки о месте составления Радзивилловского (Кёнигсбергского) списка летописи: сб. в честь 70-летия Д.Н. Анучина. М., 1913.

Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002.

Шахматов А.А. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В.Н. Татищева // Дела и дни. Пг., 1920. Вып. 1.

Шахматов А.А. Киевский Начальный свод 1095 г. // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003.

Шахматов А.А. Начальный Киевский летописный свод и его источники // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003.

Шахматов А.А. О Начальном Киевском летописном своде // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003.

Шахматов А.А. Обзорение летописей и летописных сводов XI–XVI вв. // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 2: Обзорение летописей и летописных сводов XI–XVI вв. СПб., 2011.

Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. // Шахматов А.А. История русского летописания. 2-е изд. Т. 2: Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. СПб., 2011.

Шахматов А.А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // Ж-л Мин. нар. просв. 1901. Ноябрь.

Шахматов А.А. Отзыв о сочинении С.К. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906 // Отчет о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1910.

Шахматов А.А. Повесть временных лет // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003.

Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002.

Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М.; Жуковский, 2001.

Шахматов А.А. Толковая Палая и русская летопись. СПб, 1904. (Отдельный оттиск из «Сборника по славяноведению»).

Шварц Е.М. Переплеты XV в. Софийско-Новгородской библиотеки // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1981. Т. 12.

Шварц Е.М. Филигранные XV в. из рукописей Софийско-Новгородской библиотеки // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 10.

Шеррингтон Ч. Интегративная деятельность нервной системы. Л., 1969.

Шигелев А.А. Шиманюк А.П. Сезонное развитие природы: Европейская часть СССР. М., 1949.

Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004.

Шлёцер А.-Л. Нестор: Русские летописи на Древле-Славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом-Лудвиком Шлёцером, надворным советником, доктором и профессором Гёттингского университета и кавалером ордена Св. равноапостольного Князя Владимира 4 степени / пер. с нем. Д. Языков, член С. Перербургского общества любителей наук, словесности и художеств. Ч. 1–3. СПб., 1809–1819.

Шляков В.Н. 850 лет со дня кончины великого князя Ярослава I Мудрого // Ж-л Мин. нар. просв. 1907. Ч. 9. № 6.

Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969.

Шмидт С.О. Становление Российского самодержавства. М., 1973.

Шнелле Ф. Фенология растений. Л., 1961.

Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст: 1991. М., 1991.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. М., 1925.

- Щавинский В.А. Очерки по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси. М.; Л., 1935.
- Щепкин В.Н. Русская палеография. Изд. 3-е, доп. М., 1999.
- Щепкин В.Н., Щепкина М.В. Палеографическое значение водяных знаков // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6.
- Щербатов М.М. История Российская с древнейших времен. Т. 1. СПб., 1901; Т. 7. СПб., 1904.
- Щербиновский Н.С. Сезонные явления в природе. 4-е изд. М., 1966.
- Э Л. Текста не существует: Размышления о генетической критике // Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. М., 1961.
- Юрганов А.Л. Источниковедение культуры в контексте развития исторической науки // Россия XXI. 2003. № 3.
- Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
- Юрганов А.Л. Опричнина и Страшный суд // Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии: Трудный путь к очевидности. М., 2003.
- Юрганов А.Л. Опричнина и страшный суд // Отечественная история. 1997. № 3.
- Юрганов А.Л., Данилевский И.Н. «Правда» и «вера» русского средневековья // Одиссей. Человек в истории: Культурная история социального. 1997. М., 1998.
- Юферева Н.Э. Древнерусский иллюстратор житий святых: Нетекстовая текстология. М., 2013.
- Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Труды по русскому языку: издание Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т. 1. СПб., 1885–1895.
- Яковлев А.И. Разгром немецких псов-рыцарей в XIII веке. Александр Невский. Из Цикла лекций по истории СССР. М., 1944.
- Янин В.Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождения игумена Даниила» // ТОДРЛ. Т. 16. М.; Л., 1960.
- Янин В.Л. Актовые печати древней Руси. Т. 1–2. М., 1970.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XII вв. Т. 3. М., 1998.
- Янин В.Л. Еще раз об атрибуции шлема Ярослава Всеволодовича // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972.
- Янин В.Л. К вопросу о происхождении Морозовых // История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977.
- Янин В.Л. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья // История СССР. 1973. № 8.
- Янин В.Л. К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова. М., 1982.
- Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.
- Янин В.Л. Новгородские посадники. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2003.
- Янин В.Л. О первоначальной принадлежности так называемого шлема Ярослава Всеволодовича // Советская археология. 1958. № 3.

Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения: средневековый Новгород. М., 1977.

Янин В.Л. Патрональные сюжеты и атрибуция древнерусских художественных произведений // Византия. Южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973.

Янин В.Л. Таинственный XI век // Знание-сила. 1969. №. 3.

Янин В.Л. Я послал тебе бересту... Изд. 3-е, испр. и доп. новыми находками; послесл. А.А. Зализняка. М., 1998.

Ast F. Grundlinien der Grammatik, Hermeneutik und Kirtik. Landshut, 1808.

Barthes R. Texte // Encyclopedia universalis. Paris, 1973. Vol. 15.

Bellemain-Noël J. Le Texte et l'avant-texte: les brouillons d'un poème de Milosz. P., 1972. P. 15.

Breslau H. Aufgaben mittelalterlichen Quellenforschung. Strassburg, 1904.

Chekin L. The Role of Jews in Early Russian Civilization in the Light of a New Discovery and New Controversies // Russian History. 1990. Winter. Vol. 17. No. 4.

Churchill W. Watermarks in Paper in Holland, England, France etc. in the XVII and XVIII Centuries and Their Interconnections. Amsterdam, 1935.

Comfort Ph.W. Encountering the Manuscripts: An Introduction to New Testament Paleography & Textual Criticism. Nashville: B&H Publishing Group, 2005.

Eineder G. The Ancient Paper-Mills of the Former Austro-Hungarian Empire and their Watermarks // Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia. Amsterdam, 1960. Vol. 8.

Frček J. Zádonština. Staroruský žalospěv o boji rusů s tatarsy r. 1380. Rozprava literární dějepisná. Kritické vydání textů // Práce Slovanského ústavu v Praze. Praha, 1948. Sv. 18.

Freidhof G. Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/1581). Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Yudith, Sapientia und Makabaer. Frankfurt am Main, 1972.

Frye N. The Great Code: The Bible and Literature. 1982.

Genette G. Seuils. P., 1989.

Goodman N. Languages of Art: An Approach of Symbols. 2nd ed. Indianapolis, 1976.

Hill Ch. The English Bible and the Seventeenth-Century Revolution. N.Y., 1993.

Kenney R. History, Textual Criticism // Enciclopedia Britannica: Macropaedia. 15th ed. Chicago, 1985. Vol. 20.

Kristeva J. Sémanalyse et production du sens // Essais de sémiotique poétique. Paris, 1972.

Lant H. Повѣсть врѣмьныхъ лѣтъ or Повѣсть врѣмь и лѣтъ // Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. 1997. Vol. 5.

Lepissier J. Quelques passages de l'Izbornik de 1076 avec leur sorce greque // Byzantinoslavica. Praha, 1973. T. 34. S. 1.

Maas P. Textual Criticism. Oxford, 1958. <<http://www.questia.com/PM.qst?a=o&d=11830207>>.

Maas P. Textual Criticism. Oxford, 1958.

- Non-Biblical Textual Criticism // The Encyclopedia of New Testament Textual Criticism / conceived by R. Elliott. <<http://www.skypoint.com/members/waltzmn/NonBiblical.html>>.
- Picchio R.* Storia della letteratura russa antica. Milano, 1959.
- Podskalsky G.* Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus': 988–1237. München, 1982.
- Postgate J.P.* Textual Criticism // Enciclopedia Britannica. 1929. Vol. 14.
- Puente I.G., de la.* Singl Combats in the PVL: An Indo-European Comparative Analysis // Studi Slavistici. 2006. No. 3.
- Ranke L., von.* Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber. Berlin, 1824.
- Revelli G.* Monumenti litterari su Boris e Gleb: Литературные памятники о Борисе и Глебе. Genova, 1993.
- Rudolph Th.* Die Niederlandischen Kolinien Der Altmark Im XII Jahrhundert: Eine Quellenkritische Untersuchung. Berlin, 1889.
- Schove D.J.* Auroral Numbers since 500 B. C. // The Journal of British Astronomical Association. 1962. Vol. 72. No. 1.
- Schove D.J.* Sunspot cycles. Stroudsburg, 1983. (Benchmark Papers in Geology. Vol. 68).
- Schove D.J.* The Sunspot Cycle: 649, B. C. to A. D. 2000 // Journal of Geophysical Research / The continuation of: Terrestrial Magnetism and Atmospheric Electricity. 1955. Vol. 60. June. No. 2.
- Sherrington Ch.S.* The Integrative Action of the Nervous System. [1st ed.] New Haven, 1906.
- Sorokin P.A.* Social Theory Today. N.Y., 1966.
- Stremoukhoff D.* Mouskou the Thrird Rome: Sources of the doctrine // Speculumm. 1953. XXVIII. Jan. 1.
- Textual criticism // New World Encyclopedia. <http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Textual_criticism>.
- Valéry P.* Cahiers: 1894–1914. Paris, 1987. T. 1.
- Wachtsmuth F.* Quellen und Verfasser der livländischen Reimchronik: Programm des Gimnasiums zu Mitau. Mitau, 1878.

Список справочной литературы

- Востоков А.Х.* Словарь церковнославянского языка. Т. 1. СПб., 1858.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4: Н–В. М., 1995. [репр. воспр.: СПб.; М., 1882].
- Дмитриева Е.Е.* Словарь // Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999.
- Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2 т. М.; Л., 1925.
- Материалы для терминологического словаря древней Руси / сост. Г.Е. Кочин; ред. и авт. предисл. Б.Д. Греков. М.; Л., 1937.
- Полный месяцеслов всех празднуемых православною католическою восточною церковью святых, собранной из московских и киевских святцев, из Пролога и Четьи-Минеи, с приобщением к нему на конце толкования имен по алфавиту. СПб., 1848.

Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966.

Российский, с немецким и французским переводами, словарь, сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом. Ч. 2. СПб., 1782.

Словарь древнерусского языка: XI–XIV вв. Т. 1–11 (изд. продолжается). М., 1988–2016.

Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. М., 1990 [репр. воспр.: СПб., 1836].

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ч. 2. Вып. 2: Вторая половина XIV — XVI в. Л., 1989.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30 (изд. продолжается). М., 1975–2017.

Словарь стандартизованной терминологии по информации, библиотечному и издательскому делу. М., 2007.

Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб., 1893–1903.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка (любое издание).

Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. М., 1974–2016. Вып. 40 (изд. продолжается).

УКАЗАТЕЛЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

- Авантекст — 182–184
Автограф — см.: Список
Агионим — см.: Имя
Аканье — см.: Фонетика
Анализ формулярный — 173
Антиграф — см.: Список
Антропоним — 165, 251–262, 310, 313
– оттопонимический (топоантропо-
ним) — 165
Антропотопоним — см.: Топоним
Апострофос — см.: Знаки
экфонетические
Архаизмы лексические
и семанические — 160
Архетип — 105
Ассоцианизм (ассоциацианизм) —
143–144
Беловик (чистовик) — см.: Список
Библизм — 212–232
Библиократизм — 215–216
Бриколаж — 205
Вария — см.: Знаки экфонетические
Вербализация
– визуальных текстов — 47–50
– материальных текстов (веществен-
ных источников) — 50–52
Воос — см.: Знаки сокращения слов
Воронка Шеррингтона — см.: Принцип
конвергентности
Вставка — см.: Интерполяция
Гелиобиология — 172
Генеалогия списков (редакций) — 178
Генезис свидетельского показания — 140
– текста (известия)
исторического источника — 140,
145–146
Генотекст — см.: Текст
Географический (номенклатурный)
термин — см.: Топоним
Герменевтика — 9, 71, 138, 145, 210
Гидроним — см.: Топоним
Гипокрисис — см.: Знаки препинания
Глосса — см.: Текст
Дасия — см.: Знаки экфонетические
Двойная вария — см.: Знаки
экфонетические
Досье генетическое — 182–186
Ерец — см.: Знаки сокращения слов
Ерик — см.: Знаки сокращения слов
Ерица — см.: Знаки сокращения слов
Ерок — см.: Знаки сокращения слов
Ертица — см.: Знаки сокращения слов
Ерчик — см.: Знаки сокращения слов
Запятая — см.: Знаки препинания
Знаки
– надстрочные — 116–117
– препинания — 115–117
– пунктуации — 115, 117–120
– сокращения слов — 116
– экфонетические — 116
Идентификация
– личности — 251–265
– событий — 242–250, 279–282
– пространственных данных —
265–279
– цитат — 212–241
Идиография — 137
Извод
– название — 94
– текста — 92–94
– языка — 93
Изменения текста
– временные — 92–94
– намеренные — 91, 94–95, 149–150,
154, 202, 276
– ненамеренные — 92–94, 149, 154,
157, 276
– систематические — 92–99
– территориальные — 92–93
– орфографические — 93–94
Имя
– агиографическое — см.: Имя
каноническое
– агионим — 165

- аллоним — 256
- календарное — см.: Имя каноническое
- каноническое — 251–255
- крестное (крестильное, церковное) — 251–253
- криптоним — 58–59
- монашеское (иноческое) — 253–254
- неканоническое (мирское) — 255–256
- прозвище — 256
- прозвищное — 257
- схимническое — 254
- теоним — 165
- Интерполяция (вставка) — 91
- Интертекст (интертекстуальность) — 201–202
- Интуитивная оценка ретроспективной информации — см.: Ретроспективная информация
- Информация — 39
  - внеисточниковая — 279
  - ретроспективная — см.: Ретроспективная информация
- Источник исторический
  - внешняя форма текста — 134
  - внутренняя форма — 133–134
  - общая характеристика — 129–134
- Камера — см.: Знаки экфонетические
- Канон — 200
- Катойконим — см.: Топоним
- Кендема — см.: Знаки экфонетические
- Кодировка информации — 39, 75–76
- Коды культурные — см.: Язык
- Комбинации точек и черточек — см.: Знаки препинания
- Контент-анализ — 57–58
- Контрастирующий определитель — см.: Топоним
- Конъектура — 9
- Копия — см.: Список
- Косвенная цитата — см.: Цитата
- Крестик — см.: Знаки препинания
- Криптоним — см.: Имя
- Критика
  - генетическая — 182
  - исторического источника — 15
  - текста — 8–11
- Лингвотекстология — 8
- Литературный этикет — см.: Этикет
- Локализация
  - окончательная — 277–279
  - ориентировочная — 275–277
  - ориентировочно-топонимический метод — 270
- Локсодромия — 298
- Лучшие чтения — см.: Текст
- Маникула (рука) — 90
- Маргиналия — 90
- Местный географический термин — см.: Топоним
- Метаязык — см.: Язык
- Микроистория — 137
- Направленность разночтений — 17–18, 151, 156
- Овос — см.: Знаки сокращения слов
- Ойконим — см.: Топоним
- Оксия — см.: Знаки экфонетические
- Оригинал — см.: Список
- Ориентировочно-топонимический метод — см.: Локализация
- Ортодромия — 298
- Паерок — см.: Знаки сокращения слов
- Памятник (письменный памятник) — 86
- Память контекста цитат — 185, 208
- Парафраз — 204
- Периспомена — см.: Знаки экфонетические
- Пралогическое мышление — 141
- Предилекция — 214
- Прибыльца — см.: Знаки препинания
- Принцип конвергентности (воронка Шеррингтона) — 75
- Произведение — 81–86
  - оригинальное (самостоятельное) — 99
  - производное — 100–101
- Пропуск — см.: Текст
- Протограф — 102–105
- Псила — см.: Знаки экфонетические
- Псили — см.: Знаки экфонетические
- Разночтения — см.: Текст
- Редакция — 94–99
- Реконструкция
  - исторического события — 12–13, 15

- текста — 121-129, 181-182
- Ретроспективная информация
  - верифицируемая — 242, 283
  - интуитивная оценка — 189-194
  - повторяющаяся — 194-211
  - уникальная — 283-284
- Речник — см.: Знаки сокращения слов
- Ритуал — 200
- Рука — см.: Маникула
- Рукопись — см.: Список
- Семантические архаизмы — см.: Архаизмы лексические и семантические
- Слова-архаизмы — см.: Архаизмы лексические и семантические
- Слова-историзмы — 160
- Слово-определитель — см.: Топоним
- Словарь полного типа — 229
- Список — 87-89
  - автограф — 87-88
  - антиграф — 102
  - беловик (чистовик) — 91-92
  - копия — 88
  - оригинал (авторский оригинал) — 88-89
  - рукопись — 87, 90-91
  - типичный — 146-147
  - черновик (черновой вариант) — 90-91
- Стемма — 178-181
- Текст — 35-39
  - вербальный — 40-47
  - визуальный — 47-50, 52
  - генотекст — 72
  - глосса — 91
  - интерполяция — 91
  - интерпретация — 62
  - критика — 8
  - лучшие чтения — 120, 122
  - материальный — 50-52
  - понимание — 9, 34, 71-72, 115, 134-145
  - пропуск — 36, 120, 151-154, 306,
  - разделение на слова — 109-115
  - разночтения — 126, 146-157
  - реконструкция — 121-129, 181
  - реставрация — 120-121
  - социальная функция — 134
  - типичный — см.: Список типичный
  - фонотекст — 72
  - цель создания — 33, 77, 82-83
  - центонно-парафразный принцип создания — 203-204
- Текстология
  - историческая — 29-30
  - филологическая — 27-29, 30
- Телия — см.: Знаки препинания
- Теоним — см.: Имя
- Теория «общих ошибок» — 92
- Титло — см.: Знаки сокращения слов
- Тождество психологических механизмов — см.: Ассоцианизм
- Топоантропоним — см.: Антропоним
- оттопонимический
- Топоним
  - антропотопоним — 277
  - географический (номенклатурный) термин — 275
  - гидроним — 267
  - катойконим — 164
  - контрастирующий определитель — 277
  - местный (народный) географический термин — 275
  - ойконим — 268
  - первичный — 272
  - слово-определитель — 275
  - топоформант — 276
  - топоэтноним — 273
  - транстопонимизация — 267-268
  - функции — 266, 275
  - экклезионим — 165-166
  - этнокатойконим — 273
  - этнотопоним — 273-274, 277
- Топос — 206
- Топоформант — см.: Топоним
- Топоэтноним — см.: Топоним
- Точка — см.: Знаки препинания
- Точка с запятой — см.: Знаки препинания
- Транстопонимизация — см.: Топоним
- Фонетика
  - аканье — 168-170
  - цоканье — 93, 162, 167-169
  - чоканье — 93, 162, 167-169

Фонотекст — см.: Текст	Этнокатойконим — см.: Топоним
Центон — 203	Этноним
Цоканье — см.: Фонетика	– автоэтноним — 164–165
Черновик (черновой вариант) — см.:	– аллоэтноним (экзогенный
Список	этноним) — 164
Чоканье — см.: Фонетика	Этнотопоним — см.: Топоним
Шаблон — 199–200	Язык — 39
Экклезионим — см.: Топоним	– культуры (культурный код) —
Этикет — 200	38–39
– литературный — 199–201	– метаязык — 39

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аверинцев С.С.* — 203, 206, 209, 499
Аверроэс (Ибн Рушд), западноарабский ученый — 207
Авесса, библейский персонаж — 424
Авиценна (Абу Али Хусейн ибн Абдуллах ибн аль-Хасан ибн Али ибн Сина), персидский ученый — 207
Авраам, ветхозаветный патриарх — 190, 453
Автономова Н. — 185, 499
Аге, библейский персонаж — 424
Агнешка, дочь Болеслава III — 331
Адальберон (Асцелин) Ланский, средневековый политический и церковный деятель, писатель — 210
Адам, библейский персонаж — 238, 492, 493
Адрианова-Перетц В.П. — 126, 497
Аепа, половецкий хан — 331
Азazel (Азazel), демон пустыни — 344
Азбелев С.Н. — 15, 21, 29, 478, 499
Акакий — 254
Акашев Ю.Д. — 20, 499
Акир Премудрый, персонаж древнерусской повести — 85, 332
Аксаковы — 112
Аксамит — 257
Аксенов А.И. — 258, 499
Александр — 256, 262
Александр (Алеша) — 256
Александр Глебович (?), князь дубровицкий (дубровский), участник битвы на Калке — 387
Александр Македонский, царь — 333
Александр Ярославич (Невский) князь — 55–56, 85, 254, 418–446, 448, 497, 500, 503, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 526, 527, 529
Александр Попович, легендарный богатырь — 388, 411, 417, 513
Александров Б.В. — 111, 497
Александр-Пересвет, участник Куликовской битвы — 449, 451, 458, 462, 467, 472–475, 479–482, 516
Алексеев А.А. — 18, 215–218, 220–221, 229, 490, 499
Алексеев М.П. — 333, 499
Алексей (Алеша) — 256
Алексей Михайлович, царь — 491
Алексий, митрополит — 476
Алехно, диалектная форма имени Александр — 262
Алеша — см.: Алексей, Александр
Алешковский М.Х. — 58, 282, 499
Алпатов М.А. — 193, 499
Альшиц Д.Н. — 307–308, 311, 314, 499
Амбал, ключник Андрея Боголюбского — 367–368
Амелфа Тимофеевна, мать былинного богатыря Добрыни Никитича — 233
Амир, царь сарацинский — 425
Аммон (Амон), святой — 353
Анастас (Настас) Корсунянин, настоятель киевской Десятинной церкви — 195
Ангелов Б.Ст. — 115, 499
Андреев А.И. — 173, 499
Андреев Л.Г. — 34–35, 499
Андрей — см.: Ослябя
Андрей Боголюбский, князь — 48, 166, 230, 330, 331, 352, 363, 367–371, 376, 504, 520
Андрей Владимирович, князь, сын Владимира Мономаха — 261
Андрей Иванович, князь туровский, участник битвы на Калке — 387, 410
Андрей Ольгердович, князь полоцкий и псковский, участник Куликовской битвы — 453, 460, 464
Андрей Серкизов, участник Куликовской битвы — 449, 451, 457, 462, 467
Андрей Ярославич, князь — 432, 435–436, 441, 445

- Андрей, апостол — 153
 Андрей, архиепископ кесарийский — 488
 Андрей, святой — 252
 Андроник, святой — 118
 Анна Ярославна, дочь Ярослава Владимировича (Мудрого) — 329
 Анна, византийская принцесса — 330
 Анна, святая, мать Богородицы — 493–494
 Антиох IV Епифан, сирийский царь — 342, 346–347
 Анучин Д.Н. — 170, 527
 Аполлон (Уполон) — 256
 Ариил Моавитский, библейский персонаж — 424
 Аристотель, древнегреческий ученый — 207
 Артамонов М.И. — 135, 508
 Артамонов Ю.А. — 491, 500
 Арциховский А.В. — 37, 41–42, 47–49, 161–162, 171, 259, 312–313, 326, 360, 495, 500, 520
 Аскольд — 19, 246, 252
 Асохик — см.: Стефан Таронский
 Астафьев Н.А. — 218, 500
 Астаг, отец Манданы — 22
 Афанасий Никитин, древнерусский автор — 56–57
 Афанасьев В.А. — 299, 500
 Африкан, варяжский «князь» — 112
 Ахоха, библейский персонаж — 424
 Баловнев Д.А. — 20, 236, 500
 Бальтазар Руссов, немецкий хронист — 439
 Баранкова Г.С. — 438, 496
 Барац Г.М. — 239–240, 500
 Бараш С.И. — 295, 500
 Барков И.С., ученик и секретарь М.В. Ломоносова — 88
 Барсов Е.В. — 422, 500
 Барсуков А.П. — 312, 500
 Барсуков Н. — 142, 500
 Барт Р. — 39, 53, 70, 202, 500
 Бархат — 257
 Бархударов Л.С. — 37, 500
 Басарга, киевский купец — 56
 Басты, половецкий хан — 382, 398
 Батай Ж. — 70
 Баткин Л.М. — 26, 44–45, 71–72, 208, 500
 Бахтин М.М. — 34–35, 65, 136, 210–211, 500
 Бегунов Ю.К. — 418, 430–431, 433–434, 436–439, 500–501, 509, 512, 527
 Беккер И. — 9
 Бела II, венгерский король — 329
 Белгук, половецкий хан — 331
 Белова О.В. — 50, 501
 Белуш, хорватский князь — 331
 Бережков Н.Г. — 173, 249–250, 302, 501
 Бернгард, норманнский маркграф — 329
 Бертольд Регенсбургский, немецкий францисканец — 44
 Бескровный Л.Г. — 253, 511
 Бестужев-Рюмин К.Н. — 10, 66, 237, 501
 Биази де, П.-М. — 183–184, 186, 338, 501
 Бибилов М.В. — 53–54, 219, 501
 Бикерман Э. — 243, 249, 292, 303, 501
 Биргер, шведский ярл — 426
 Благова Э. — 40, 532
 Бласс Ф. — 110, 501
 Близнец И.А. — 100, 508
 Блок М. — 136–137, 501, 505
 Блохина Э.Д. — 168, 501
 Бобрище Иван Александрович — 258
 Бобрищевы-Пушкины — 258
 Бобров А.Г. — 15, 18, 126, 129, 501, 513
 Бобров Ю.Г. — 120, 501
 Боброк — см.: Дмитрий Михайлович Волынский
 Богородицкий В.А. — 169, 501
 Богоявленский С.К. — 312, 501
 Бодянский О. — 327, 527
 Болеслав I Храбрый, польский князь — 330, 332
 Болеслав III, польский великий князь — 331
 Бонди С.М. — 115
 Борис Владимирович, князь, святой — 24, 254, 261, 280–282, 299–300, 330, 334–335, 340, 343, 347, 420–421, 428, 432, 436–437, 448, 457, 503, 531
 Борис Годунов, царь и великий князь — 491

- Борис, тверской князь — 56
Борисенков Е.П. — 172, 295, 501
Борковский В.И. — 37, 41–42, 171, 259, 313, 495, 511
Брагина Л.М. — 47, 501
Брагинская Н.В. — 341, 520
Брандт Р. — 217, 495
Брюсов В.Г. — 287, 501
 Брюхо-Морозовы — 258
Буганов В.И. — 176, 193, 501
Бугославский С.А. — 146–147, 199, 501
Будагов Р.А. — 158, 501–502
Бударагин В.П. — 481, 498
Будовниц И.У. — 43, 85, 252, 264, 333, 502
Буки таб Б.Я. — 15, 513
Булаховский Л.А. — 259
 Бурислейф, персонаж Эймундовой саги — 280–282
 Бурундай, ордынский военачальник — 271
Бычкова М.Е. — 258, 502
Вілкул Т.Л. — 152, 502
Вагнер Г.К. — 50, 204, 503, 540
 Вадим, легендарный новгородский князь — 191
Ваксмахер М.Н. — 96, 498, 502
Валк С.Н. — 18, 161, 502
 Ваня, библейский персонаж — 424
Ванилин П.И. — 293, 502
 Варвара Комнина, византийская принцесса — 330
 Варлаам — см.: Вячеслав Прокшинич
 Варлаам, герой древнерусской повести — 332
 Варух, ветхозаветный пророк — 218
 Варфоломей Юрьевич, новгородский боярин — 261
Варшавчик М.А. — 73, 502
Василевич А.П. — 75, 502
Василевская Е.А. — 159, 502
 Василек, князь Теребовльский — 224
 Василий I Дмитриевич, князь, сын Дмитрия Ивановича Донского — 454
 Василий I Македонянин, византийский император — 245
 Василий II, великий князь московский — 176, 305
 Василий III, великий князь московский — 264, 493–494
 Василий IV Шуйский, царь — 491
 Василий Великий, святой — 231, 333
 Василий Дмитриевич, князь — 306
 Василий Новый, святой — 202, 239
 Василий Ус, донской казак — 300
 Василий, автор летописной повести — 224
 Василий, советник князя Давыда Святославича — 224
Васильевский В.Г. — 333, 502
 Василько Гаврилович, участник битвы на Калке — 386, 406
 Василько Константинович, князь — 382, 388–389, 398, 414–416
Введенская Л.А. — 158, 519
Введенский А.И. — 62
Ведюшкина И.В. — 240, 502
Вежбицкая А. — 78, 101, 502
Великовский С.И. — 96, 502
 Вениамин, монах-доминиканец — 218
 Вера — 261
Верещагин Е.М. — 102, 502
Веселовский С.Б. — 112, 257, 262, 278–279, 312–313, 503, 508, 510
 Веспасиан, римский император — 422
 Ветошка — 257
Вечерка Р. — 40, 532
 Вешняковы, потомки Ивана Морозова — 309
Вздорнов Г.И. — 177, 503
Вильев М.А. — 172, 292, 521
Виноградов В.В. — 54–55, 168, 354, 503
Висоцкий С.О. — 289, 503
Витинский Ю.И. — 293–294, 503
Витковская М.Г. — 347, 495, 503
Витковский В.Е. — 347, 495, 503
 Владимир Андреевич (Храбрый, Донской), князь серпуховской — 305, 452–454, 458, 460–465, 470, 472, 474
 Владимир Всеволодович Мономах, князь — 83, 245, 246–248, 251, 253, 261, 272, 330, 332–333, 373, 386, 407, 499, 502, 505
 Владимир Игоревич, князь — 331
 Владимир Мстиславич, князь дорогобужский — 331

- Владимир Рюрикович, князь — 400, 412
 Владимир Святославич, князь, сын
 Святослава Всеволодовича — 371
 Владимир Святославич, святой
 равноапостольный князь киевский —
 18–19, 195–196, 227–229, 231, 234, 237,
 240, 296, 299, 322, 329–330, 334, 348,
 420–421, 428, 518, 522, 528
 Владимир Ярославич, князь — 349
 Владимировичи, князья, потомки
 Владимира Всеволодовича Мономаха —
 359
 Владислав Герман, польский король —
 330
Владышевская Т.Ф. — 203–204, 503
Вовина В.Г. — см.: *Вовина-Лебедева В.Г.*
Вовина-Лебедева (Вовина) В.Г. — 13–15,
 125–126, 372, 503, 513–514, 519
Водовозов Н.В. — 55–56, 83, 426, 503
 Возгивая Рожа — 257
Волков С.С. — 159, 503
 Волх (Волхв), летописный персонаж — 190
 Воынец — см.: Дмитрий Михайлович
 Воынский
Воынский А.П. — 376
Вольф Ф. — 9
Воронин Н.Н. — 24, 50, 503
Воронцов-Вельяминов Б.А. — 112, 503
Востоков А.Х. — 228, 350, 497, 531
 Всеволод Давыдович, князь — 331
 Всеволод Мстиславич, князь — 86, 88,
 91, 382, 398, 523
 Всеволод Ольгович, князь — 359–362
 Всеволод Святославич (Чермный),
 великий князь киевский — 331
 Всеволод III Юрьевич (Большое Гнездо),
 князь — 302, 331
 Всеволод (Андрей?) Ярославич, князь —
 252–253, 330, 332
 Всеслав Брючиславич, полоцкий князь —
 110, 287, 294
Выгонная А.А. — 120, 503
Выготский Л.С. — 75, 141, 144, 503–504
Высоцкий С.А. — 36, 289, 495
 Вышата, сын Остромира — 234–235
 Вышеслав Владимирович, новгородский
 князь — 330
 Вязень — 257
 Вятко, легендарный предок вятичей — 322
 Вячеслав Владимирович, сын Владимира
 Мономаха — 261
 Вячеслав Прокшинич (в монашестве
 Варлаам), боярин — 197, 254
 Гавриил — 262
 Гаврила Олексич, участник сражения на
 Неве — 420, 425–426
 Гавша, диалектная форма имени
 Гавриил — 262
 Гад, библейский персонаж — 474
 Гал, сотник, персонаж «Повести о
 разорении Иерусалима» — 422
 Гален, древнеримский ученый — 207
Галимов Т.Р. — 477, 504
Гальперин И.Р. — 34–35, 37–38, 40, 504
 Гальфрид Монмутский, английский
 священник, писатель — 333
 Гамлет, датский принц, персонаж
 трагедии Шекспира — 77–78
Гардзанини М. — 83, 504
Гаспаров М.Л. — 203, 504
 Гаутама Будда, легендарный основатель
 буддизма — 332
 Гедеон, ветхозаветный персонаж — 390,
 392
Гейерманс Г.Л. — 111, 497
Гейман В.Г. — 111, 497
 Гельмольд из Босау, миссионер,
 хронист — 213
 Гемебьяк — см.: Гемябек
 Гемябек (Гемебьяк), ордынский
 воевода — 383–384, 401
 Геннадий, новгородский архиепископ —
 218
 Генрих IV, король Франции — 213
 Георгий (Пюрги) — 256
 Георгий Амартол, византийский
 хронист — 152, 178–179, 202, 222–223,
 238, 323, 342–343, 345, 496
 Георгий (Юрий) Всеволодович, князь —
 416
 Георгий Синкелл, византийский
 хронист — 238
 Георгий Угрин, приближенный князя
 Бориса Владимировича — 281–282

- Георгий, святой — 457
 Герасим, епископ коломенский — 454, 461, 465, 472
 Герасимов М.М. — 376, 504
 Геральд (Герард), епископ Камбрийский — 210
 Герман Вартберг, немецкий хронист — 439
 Геродот, древнегреческий историк — 22, 495
 Геронтий, митрополит — 482
 Гертруда, жена Иязслава Ярославича — 330
 Гимон Т.В. — 68, 512
 Гинзбург В.В. — 376, 504
 Гинзбург К. — 26, 504
 Гиппиус А.А. — 171, 223, 342, 498, 504
 Гиппократ, древнегреческий ученый — 207
 Гита (Гида), дочь англосаксонского короля Гарольда II — 245, 330
 Гладкая М.С. — 50, 504
 Глеб Владимирович, князь — 24, 254, 261, 330, 334–335, 340, 343, 421, 428, 436–437, 448, 503, 531
 Гогешвили А.А. — 113, 204–206, 333, 504
 Гогина И.В. — см.: Полянская И.В.
 Голендуха — 254
 Голицын Н. — 271, 504
 Голованов А.В. — 295, 504
 Голубинский Е.Е. — 254, 504
 Голубовский Д.А. — 39, 75, 504
 Голышенко В.С. — 355–356, 496, 504
 Горацио, персонаж трагедии Шекспира «Гамлет» — 78
 Горбатый А.Б., князь, боярин — 304
 Горм, датский король — 191
 Городецкий М.Л. — 172, 292, 521
 Горшкова К.В. — 167, 169, 504
 Горький А.М. — 115, 523
 Гостомysl, легендарный новгородский князь — 22
 Гостиата — 259
 Готье Ю.В. — 325, 504
 Грабарь И.Э. — 120, 357, 505
 Гранстрем Е.Э. — 116–117, 505
 Грацан Флавий, римский император — 207
 Грезийон А. — 182–184, 505
 Греков Б.Д. — 13, 111, 135, 198, 271, 433, 497, 529, 531
 Греков И.Б. — 478, 505
 Григорий IX, Папа Римский — 207
 Григорий, дьякон, переписчик Остромирова Евангелия — 349–350, 352–354
 Григорий, епископ Турский, франкский историк — 193
 Гришунин А.Л. — 79–80, 505
 Грот Я.К. — 41, 505
 Гуревич А.Я. — 43–45, 137, 500, 505
 Гусейнов А.А. — 66, 515
 Гуссерль Э. — 66, 526
 Гюрги — см.: Георгий или Юрий
 Гюрята Пинешинич, участник сражения на Неве — 419, 429
 Гюрята Рогович, новгородец — 234
 д'Альверни М.-Т. — 351
 Давид — 261
 Давид, израильский царь, пророк — 50, 236, 424–425, 437, 458–459
 Давыд Святославич, князь — 247, 251
 Дагаев М.М. — 293, 505
 Даль В.И. — 339, 531
 Дан, сын Иакова, библейский персонаж — 347–348
 Даниил — 262
 Даниил Заточник, древнерусский автор — 16, 55–56, 118–119, 170, 204, 227, 373, 498, 513, 522
 Даниил Романович, князь — 331, 382, 384–386, 398, 402–403, 405–407, 490
 Даниил, ветхозаветный пророк — 220, 229, 239, 347–348, 489
 Даниил, игумен — 82–83, 134, 498, 504, 529
 Даниил, митрополит — 58
 Данил Кобякович, половецкий хан — 381, 395
 Данила, новгородец (мальчик?) — 37, 41–42
 Данилевский И.Н. — 43, 61, 131, 216, 236, 250, 330, 505, 529
 Данилов В.В. — 333, 505
 Данша, диалектная форма имени

- Даниил — 262
 Девлет I Гирей (Герай), хан Крыма — 494
 Девятый — 260
 Демьянов В.Г. — 356, 496
 Держикрай Владиславич, воевода — 402
 Деррида Ж. — 185, 499
 Джанибек, хан ордынский — 453, 461, 464
 Джебе, монгольский военачальник — 380
 Джон — 255
 Дибров А.А. — 168, 516
 Дигенис Акрит, персонаж византийской повести — 425–426, 496
 Дильтей В. — 34, 140, 506
 Дионисий, епископ — 477
 Дионисий Малый, пасхалист — 243
 Дир, легендарный правитель Киева — 246
 Дмитр Мирошкинич, новгородский посадник — 302
 Дмитриев Л.А. — 229, 474, 478–479, 481, 496, 498, 506
 Дмитриева Е.Е. — 182, 531
 Дмитриевский А. — 303, 506
 Дмитрии Манастырев, князь, участник Куликовской битвы — 547, 462
 Дмитрий (Митька) — 256
 Дмитрий Александрович, князь переяславский — 283, 446
 Дмитрий Иванович Донской (Московский), князь — 306–307, 448–482, 495, 504, 511
 Дмитрий Мининич, участник Куликовской битвы — 458, 462, 467
 Дмитрий Михайлович Волынский (Боброк; Волынец), князь, боярин, воевода, участник Куликовской битвы — 470, 473
 Дмитрий Ольгердович, князь брянский, участник Куликовской битвы — 453, 460, 464, 470
 Дмитрий, святой — 41
 Дмитряк Тверитин, крестьянин — 310
 Добиааш-Рождественская О.А. — 351, 506
 Добровольский Д.А. — 8, 61, 506
 Добронег-Мария, сестра Ярослава Владимировича (Мудрого) — 329
 Добрушкин Е.М. — 18–19, 375–376, 506
 Добрыня Никитич, былинный богатырь — 233
 Довмонт, князь псковский — 425
 Довспрунк, литовский князь — 331
 Дограмаджиева Е. — 86, 506
 Додо, библейский персонаж — 424
 Домаш Твердиславич, командир отряда — 432–433, 442–443
 Дорофей, святой — 255
 Досева Ц. — 219, 498
 Дробленкова Н.Ф. — 229, 506
 Дрочило Нездылович, участник сражения на Неве — 419, 429
 Другой — 260
 Дружинин И.П. — 295, 506
 Дубровина В.Ф. — 356, 496
 Дурново Н.К. — 217, 506
 Дуров В.А. — 159, 506
 Дьяконов М.А. — 98, 160, 506
 Дюби Ж. — 34, 210, 506
 Дюринг Е. — 61, 529
 Дядята — 259
 Дятел — 257
 Евдокия (Овдокия) — 256
 Евдокия Дмитриевна, великая княгиня — 454
 Евпраксия, инокия — см.: Елена Ольгердовна
 Европеус Д.П. — 267, 507
 Евсеев И.Е. — 217, 507
 Евутий, сотник, персонаж «Повести о разорении Иерусалима» — 422
 Евфимия (Офимия) — 256
 Евфимия, дочь Владимира Мономаха — 329
 Евфимия, дочь Оттона II — 331
 Егоров Д.Н. — 43, 212–215, 221, 265, 507
 Едигей, ордынский темник — 229
 Езра, иудейский первосвященник, ветхозаветный персонаж — 218, 489–491, 516
 Езекия, царь иудейский, ветхозаветный персонаж — 421
 Елагин И.П. — 190, 507
 Елеазар, библейский персонаж — 424–425

- Елена Ольгердовна, княгиня, жена Владимира Андреевича Серпуховского — 305–306
 Елизавета Ярославна, дочь Ярослава Владимировича (Мудрого) — 329
 Елизар (Елька) — 256
 Елисей (Елька) — 256
 Елпидифор (Елька) — 256
 Ель (Елька) — 256
 Елька — см.: Елисей, Елпидифор, Елизар, Ель
 Енох, ветхозаветный персонаж — 345, 498, 515, 522
 Епифан Кореов, боярин — 452
 Епифан, святой — 350
 Ермолаев А.И. — 110, 117, 516
 Есфирь (Эсфирь), ветхозаветный персонаж — 218, 220
 Женнет Ж. — 205, 507
 Жеребец — 257
 Жито — 257
 Жуковская Л.П. — 86, 102, 162, 373, 507
 Журавель А.В. — 250, 507
 Забелин И.Е. — 299, 340, 343, 507
 Загоровский В. В. — 268, 507
 Загребин В.М. — 115, 507
 Зайцев А.К. — 271, 274, 507
 Зализняк А.А. — 37, 42, 162, 171, 498, 507, 530
 Зарубин Н.Н. — 204, 498
 Захарова К.Ф. — 168, 507
 Звегинцев В.А. — 159, 507
 Зверь — 257
 Зенон (Зинька) — 256
 Зиборов В.К. — 18, 145, 289–290, 507
 Зимин А.А. — 17, 24, 43, 99, 129–130, 138, 176, 257, 306–307, 483, 497, 501, 508, 512, 521
 Зиновий (Зинька) — 256
 Зинька — см.: Зиновий, Зенон
 Злоба — 257
 Золя Э. — 201, 515
 Иаков Младший (Праведный, «брат Господень»), псевдо-автор апокрифического Евангелия — 493–494, 496
 Иаков Ослябятевич, участник Куликовской битвы — 479
 Иаков-Святослав, болгарский деспот — 115
 Ибн Хосров, багдадский эмир — 333
 Иван III, великий князь московский — 263, 278, 481–482
 Иван Александрович, участник Куликовской битвы — 457, 462, 467
 Иван Андреевич, князь Можайский — 176.
 Иван IV Васильевич (Грозный), царь и великий князь — 104, 221, 304, 308, 311, 314, 318, 348, 482–494, 497, 499, 508, 509, 528
 Иван Дмитриевич, князь, участник битвы на Калке — 385, 405
 Иван Иванович Болотников, дьяк — 313
 Иван Исаевич Болотников, предводитель восстания — 313
 Иван Калита, князь — 169
 Иван Морозов, московский боярин — 309
 Иван Морозов, новгородский боярин — 309
 Иван Пересветов, древнерусский автор — 43
 Иван Ростиславич (Берладник), князь — 305, 371
 Иван Сулешов Болотников — 313
 Иван Федорович, князь, участник Куликовской битвы — 449, 451, 457, 462, 467
 Иван, сын Варфоломея Юрьевича — 261
 Иванин М. — 271, 508
 Иванов Г.М. — 73, 508
 Иванов Ю.А. — 313, 508
 Ивашка Новгородец, гулящий человек — 310
 Игорь Рюрикович, князь — 19, 152–153, 155–156, 197, 202, 236–237, 239, 244, 321, 329
 Игорь Святославич, князь — 9, 18–19, 84, 113, 128, 161–162, 164, 166, 173, 182, 204, 206, 236, 299–301, 312, 331–333, 359, 363–370, 372–373, 377, 422, 447, 500, 504, 507–508, 511–512, 515, 521–525, 527
 Иезекииль, ветхозаветный пророк — 485–487

- Иеремия, ветхозаветный пророк — 218–220
 Измарагд — 257
 Изяслав Владимирович, полоцкий князь — 330
 Изяслав Владимирович, сын Владимира Мономаха — 261
 Изяслав Ингваревич, князь дорогобужский, участник битвы на Калке — 388, 410–411
 Изяслав Мстиславич, великий князь киевский — 331, 358–359, 363
 Изяслав Ярославич, новгородский и киевский князь — 330, 349
 Иисус Навин, ветхозаветный персонаж — 219–220, 353, 437
 Иисус Христос — 50, 82–83, 116, 229, 243, 246, 249, 285, 291, 323, 345, 347, 434, 448, 452, 473, 480–481, 488, 493
 Иисус, сын Сирахов, библейский персонаж — 227–228
 Иларион, митрополит — 287, 519
 Иларион, святой — 255, 350
 Ильин И.П. — 201, 508
 Ильин Н.Н. — 280, 282, 300, 335, 508
 Ильин С. — 271, 508
 Ильина Т.В. — 176–177, 508
 Инг Стейнкельс, шведский король — 330
 Иоав, библейский персонаж — 424
 Иоаким (Псевдо-Иоаким) — 21
 Иоанн — 255
 Иоанн Богослов, апостол, евангелист — 347, 352, 488
 Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский, богослов — 209, 218, 255
 Иоанн Лествичник, святой — 255
 Иоанн Малала, византийский хронист — 238
 Иоанн Предтеча (Креститель), новозаветный персонаж — 255
 Иоасаф, герой древнерусской повести — 332
 Иов Болотников, монах — 313
 Иоганн Реннер, немецкий хронист — 439
 Иодай, библейский персонаж — 424
 Ионас В.Я. — 99, 508
 Иосиф — см.: Остромир
 Иосиф Волоцкий, игумен — 264
 Иосиф Флавий, еврейский историк и военачальник — 104, 226, 238, 240, 422, 426, 436–438, 496
 Ипполит Римский, святой, богослов — 220, 240
 Ирина (Екатерина?), сестра Владимира Мономаха — 253
 Ирина (Ингигерда), жена Ярослава Владимировича — 253, 330
 Ирод Окаянный, царь Иудейский, новозаветный персонаж — 344–346
 Исаак, сын Авраама, ветхозаветный персонаж — 493
 Исайя, пророк — 217, 507
 Исбосеф Ахаманитянин, библейский персонаж — 424–425
 Истрин В.М. — 22, 85–86, 94, 222, 239, 343, 345, 348, 496, 508–509
 Иудифь (Юдифь), ветхозаветный персонаж — 218
 Иулиан — см.: Юлиан
 Иштван I, венгерский король — 329
 Йейтс Ф. — 207, 220–221, 509
 Казаков Р.Б. — 61, 68
 Казимир I Пяст, польский король — 329
 Казимир III, польский князь — 331
 Калнин В.В. — 120, 503
 Каменцева Е.И. — 265, 509
 Камчатнов А.М. — 43, 222, 497, 509
 Капуста — 257
 Каравашкин А.В. — 483, 529
 Караев Г.Н. — 430, 432, 501, 509
 Карамзин Н.М. — 66, 84, 111–112, 122, 159, 288, 492, 509, 525
 Кареев Н.И. — 125, 514, 527
 Каренина Анна, литературный персонаж — 76, 524
 Каринский Н.М. — 352, 509
 Карский Е.Ф. — 88, 175, 350–351, 509
 Каченовский М.Т. — 10, 509
 Каштанов С.М. — 133–134, 161, 351–352, 483, 509, 523
 Кербет, командир отряда — 432–433, 443
 Кий, легендарный киевский князь — 145

- Киприан, митрополит — 472, 476–477, 481–482, 495, 504
 Кир, персидский царь — 22
Киреевский П.В. — 192, 518
 Кирик (Кюрик), святой — 418–421, 428
 Кирик Новгородец — 286, 523
 Кирилл II (III), митрополит — 115
 Кирилл, епископ Туровский — 103, 209, 220, 520
 Кирилл, святой — 25, 102, 217, 515
Киричников А.Н. — 418, 500–501, 509
Кистерев С.Н. — 114, 509
 Клавдий, святой мученик — 432, 434
Клейн Л.С. — 12–13, 51–52, 69, 509
Клейнберг И.Э. — 430–431, 433–434, 436–439, 501
 Клементис В. (Владо), министр иностранных дел Чехословакии — 38, 84, 97, 183, 525
Клепиков С.А. — 162–163, 177, 509–510
Клименкова Т.А. — 66, 510
Климишин А.И. — 287, 510
Клосс Б.М. — 20, 57–58, 104, 308–309, 311, 314–315, 478–479, 510
Ключевский В.О. — 173, 192, 197, 200, 213, 225, 329, 483, 507, 510, 512
Кнорозов Ю.В. — 39
Князевская Т.Б. — 503
Кобрин В.Б. — 257–258, 261, 483, 510
 Кобыла — 257
Коваленко Ю.В. — 158, 519
Ковальченко И.Д. — 47, 501, 510
Кожин А.Н. — 167, 510
 Козарин — 257, 263
Козаченко А.И. — 430, 510
 Козел — 257
Колесов В.В. — 103, 498, 510
Коллингвуд Р.Дж. — 12, 137, 510
 Коломан, венгерский король — 329
Колчин Б.А. — 172, 296, 316, 510
Комарович В.Л. — 260, 425, 437, 510
Кононович Э.В. — 293, 502
 Константин IX Мономах, византийский император — 290, 330
 Константин Африканский, тунисский врач — 207
 Константин VII Багрянородный, византийский император — 297, 496
 Константин Великий, византийский император — 459
 Константин Всеволодович, князь — 302
 Кончак, половецкий хан — 331–332, 365
 Конь — 257
Конявская Е.Л. — 433, 510
Копанев А.И. — 104, 518
 Корова — 257
 Костантин Луготинич, участник сражения на Неве — 418–419, 429
Котков С.И. — 167, 355–356, 496, 504, 510
Котляр Н.Ф. — 517
 Котьяк — см.: Котян
 Котян, половецкий хан — 331, 381–382, 395–397
Коул М. — 142, 510
Кочаров Г.Е. — 506
Кочин Г.Е. — 111, 433, 497, 531
 Кошка — 257
Крузе Ф.К.Г. — 244, 511
 Крузе Элерт, ливонский дворянин, опричник — 487
Крылов И.А. — 78
Крылова Ю.П. — 90, 511
Кудряшов К.В. — 299, 511
Кузенков П.В. — 249, 511
 Кузмище (Кузьма) Киянин — 56, 194, 262, 363–371
Кузнецов П.С. — 161, 169, 171, 511
Кузнецова С.Н. — 75, 502
 Кузьма Алексеев сын Москвитина, торговый человек — 310
Кузьмин А.В. — 258, 511
Кузьмин А.Г. — 16, 19, 23–24, 58, 250, 285, 289, 295, 511
Кузьмин Ф.Ф. — 259
Кузьмина В.Д. — 24, 521
Кукушкина М.В. — 351, 511
Куник А.А. — 113, 288–290, 511
 Курбский А.М., князь — 486, 496
Кусков В.В. — 83, 511
Кучкин В.А. — 201, 253, 433, 477–478, 511
Лавров Н.Ф. — 111, 497
Лавровский П.А. — 21, 162, 167, 511–512

- Лазарев В.Н. — 50
 Лазарь, советник князя Давыда Святославича — 224
 Ламбин Н.П. — 112–114, 288, 512
 Ланпо-Данилевский А.С. — 62, 68, 70, 134, 138–140, 145, 173, 266, 499, 512
 Лапишин И.И. — 135
 Ларин Б.А. — 199, 256, 496
 Ласло Сар, кузен Иштвана I — 329
 Ласло I, венгерский король — 330
 Лафонтен, Ж. де — 79
 Лахман К.К.Ф.В. — 9, 92
 Ле Гофф Ж. — 207, 512
 Лев Морозов, участник Куликовской битвы — 449, 451, 457, 462, 467
 Лев, святой — 283, 446
 Леваян Ж. — 90, 131, 512
 Леви-Брюль Л. — 140–141, 512
 Леви-Стросс К. — 141–143, 205, 512
 Левковская К.А. — 159, 512
 Левшун Л.В. — 216, 512
 Лейбенгруб П.С. — 470
 Ленин В.И. — 164, 519
 Лённрот Э. — 233
 Ленхофф Г.Д. — 486, 496
 Леон, византийский император — 362
 Леон, византийский царевич — 329
 Леонтий, епископ Ростовский и Суздальский — 25
 Леонтьев А.Н. — 75, 503
 Леопольд фон Штаде, немецкий граф — 330
 Лжедмитрий I — 491
 Либкнехт К. — 430, 521
 Линд Д.Г. — 418, 500, 512
 Липицкий С.В. — 431, 512
 Литвина А.Ф. — 253, 512
 Лихачев Д.С. — 12, 15, 18–20, 25–26, 28–29, 35–36, 40, 43, 48–49, 54–55, 58, 81–82, 84, 87–88, 90, 92, 95, 102, 105, 109, 115, 119, 122, 124–127, 131–133, 144, 146–151, 154, 156–158, 160, 162, 178, 195, 199–200, 202–203, 208–209, 212, 222–223, 227, 229, 234–236, 259–260, 303, 333, 358–359, 362, 372–373, 417, 425–427, 435, 437, 485, 497, 501–502, 506, 512–513, 524
 Лихачев Н.П. — 175, 513
 Лихачева О.П. — 506
 Лич Э. — 38, 513
 Логин, конник, персонаж «Повести о разорении Иерусалима» — 423
 Ломоносов М.В. — 88, 177, 190, 328, 513, 516
 Лопарев Х.М. — 55, 85, 513
 Лопата — 257
 Лотман Ю.М. — 33, 513
 Лука, евангелист — 261, 352, 488
 Лука, сын Варфоломея Юрьевича — 261
 Лукьян Онцифорович, сын Онцифора Лукинича — см.: Онцифор Лукинич
 Лурия А.Р. — 141, 144, 504
 Лурье В.М. — 226, 513
 Лурье Я.С. — 12–16, 19–20, 22–23, 34, 55–57, 125, 129–130, 144, 178, 193–194, 376, 435, 479, 491, 506, 510, 513–514
 Львов А.С. — 40, 128, 159, 514
 Любимов В.П. — 497
 Люблинская А.Д. — 352, 514
 Любовь — 261
 Людовик IV Баварец, император Священной Римской империи — 213
 Лютер Мартин, христианский богослов — 214
 Люшко, убийца князя Бориса Владимировича — 280
 Лященко А.И. — 280, 514
 Мавродин В.В. — 272, 320, 339, 514
 Магмет-салтан — см.: Мехмед II Завоеватель
 Магнуш, король шведский — 418, 547
 Майкова-Строганова В.С. — 376, 520
 Маймонид (Моше бен Маймон), раввин, талмудист — 485
 Макарий, архиепископ — 304
 Макарий, книгописец — 59
 Макарий, митрополит — 23
 Макеева И.И. — 438, 496
 Максим Онцифорович, сын Онцифора Лукинича — см.: Онцифор Лукинич
 Максимович М.А. — 301, 514
 Малето Е.И. — 83, 514
 Малка — см.: Малката
 Малката (Малка, Малкатошва), царица Савская, библейский персонаж — 329

- Малкатошва — см.: Малката
Малуша, жена Святослава Игоревича, мать Владимира Святославича — 329
Малфредь, летописный персонаж — 133
Мамай, ордынский темник — 446, 448–477, 479
Манассия, библейский персонаж — 474
Мандана, мать Кира — 22
Мансикка В.И. — 85, 199, 422–425, 431, 436–437, 514
Марасинова Л.М. — 173, 514
Мари Бенц — см.: Ньюш
Мария Копнина, вдова радонежского боярина — 279
Мария Ярославна, внучка Владимира Андреевича Серпуховского — 305–306
Мария, Богородица — 117, 195–196, 369, 416, 418, 432, 434, 445, 451, 453–456, 459, 461, 465, 467, 480, 494, 496
Мария, дочь Владимира Мономаха — 329
Мария, осетинская княжна — 331
Марк, евангелист — 261, 488
Марк, сын Варфоломея Юрьевича (?) — 261
Маркс К. — 61, 185, 514, 529
Маслов Б.А. — 37, 514
Матузова В.И. — 433, 439–440, 497, 516
Матфей, евангелист — 222–223, 261, 352, 488
Матфей, сын Варфоломея Юрьевича — 261
Махалко (в монашестве Митрофан), новгородец — 254
Медушевская О.М. — 61–63, 65–66, 68, 70, 131, 512, 514
Медынцева А.А. — 259, 262–263, 497
Мелхиседек — 254
Меноккио, итальянский мельник — 26
Мефодий (Нефед) — 256
Мефодий, епископ Патарский — 101, 118, 203, 239, 348, 380, 390–391, 496
Мефодий, святой — 25, 102, 217, 515
Мехмед II Завоеватель (Магмет-салтан) — 43
Мецгер Б.М. — 8, 514
Мешко II, польский князь — 330
Мещерский Н.А. — 169, 217, 219, 228, 240, 259, 345, 514–515
Микита — см.: Никита
Микитка Казанец, туринский стрелец — 310
Никола — см.: Николай
Микула — см.: Николай
Микула Васильевич, участник Куликовской битвы — 449, 451, 457, 462, 467
Милов Л.В. — 57, 301, 366, 376, 515
Мильдон В.И. — 123, 515
Мильтон Джон, английский поэт и публицист — 214
Мингалева В.С. — 478, 515
Мининков Н.А. — 300, 519
Минуций Феликс, раннехристианский автор — 333, 505
Минчева А. — 219
Мирон (Нерон) — 256
Мисах, писец (?) — 114
Митрофан — см.: Махалко
Миттеран А. — 201, 515
Митька — см.: Дмитрий, Никита
Митяй-Михаил, архимандрит, приближенный князя Дмитрия Ивановича — 476–477, 482, 496
Михаил III, византийский император — 245–246, 296
Михаил Бренков, участник Куликовской битвы — 449, 451, 457, 462, 467
Михаил Всеволодович, князь черниговский — 382, 398
Михаил Иванович Окинфович, участник Куликовской битвы — 449, 451, 457, 462, 467
Михаил Федорович, царь — 491
Михаил Ярославич, тверской князь — 174
Михаил, архистратиг — 166, 457
Михаил, черниговский князь — 160
Михайлов А.В. — 217, 221, 515
Михайлов И.А. — 66, 515
Михалко (Михаил) Юрьевич, князь — 166, 371
Миша (Меша), новгородец, участник сражения на Неве — 425

- Мишина Е.А. — 496
 Мишиничи-Онцифоровичи,
 новгородские бояре — 261
 Мищенко С.С. — 75, 502
 Моисеева Г.Н. — 88, 516
 Моисей Египтянин — см.: Маймонид
 Моисей Маймонид — см.: Маймонид
 Моисей, ветхозаветный пророк — 217,
 221, 455, 515
 Мокшей, киличей — 450, 452, 469
 Молдован А.М. — 355, 496
 Мороз В.И. — 293, 502
 Мороз, боярин — 258
 Морозов Б.И., боярин — 266, 495
 Морозовы — 309, 529
 Москальская О.И. — 34, 516
 Мошкова Л.В. — 114, 516
 Мстислав Владимирович (Лютый), князь
 тмутараканский — 112, 114, 236, 330
 Мстислав (Гаральд) Владимирович, сын
 Владимира Мономаха — 86, 88, 91, 261,
 330, 523
 Мстислав Давыдович, новгородский
 князь — 331
 Мстислав Иванович, князь, участник
 Куликовской битвы — 457, 462, 467
 Мстислав Изяславич, великий князь
 киевский — 331, 363
 Мстислав Мстиславич Удатный, князь —
 331, 381–386, 388, 395–396, 398, 401, 403,
 405–406, 411, 413, 415
 Мстислав Романович, князь киевский —
 379–385, 387, 391, 398, 400, 403, 406, 410,
 413–415
 Мстислав Святославич, князь
 черниговский — 381–382, 384–385, 388,
 398, 403, 406, 410, 413–415
 Мстислав Ярославич (Немой), князь
 луцкий — 386, 407
 Мстиша Свенельдич — 234
 Муравьев А.В. — 167–168, 175, 524
 Муравьева Л.Л. — 15, 379, 516
 Мурзаев Э.М. — 279, 516
 Муса Улитин (Михаил Тимофеевич) —
 258
 Мусин-Пушкин А.И. — 84
 Мусины-Пушкины — 258
 Мушинская М.С. — 496
 Надежда — 261
 Надеждин Н.И. — 191, 516
 Назаренко А.В. — 289, 516
 Назарова Е.Л. — 433, 439–440, 497, 516
 Намест, участник сражения на Неве —
 419, 429
 Насонов А.Н. — 271, 320, 434–435, 516
 Невежа — 257
 Неемия, еврейский наместник Иудеи —
 218
 Незван — 257
 Нелюб — 257
 Нерон — см.: Мирон
 Нестерко Абросимов, земской дьячок —
 266
 Нестор Бориславич, брат Петра
 Бориславича — 363
 Нестор, летописец — 9, 18, 57, 60, 104,
 118, 121, 145, 190, 248–249, 288–290, 327,
 366, 507, 515, 517, 528
 Неустрой — 257
 Нефед — см.: Мефодий
 Нефедов Г.Ф. — 356, 496
 Нехороший — 257
 Нечкина М.В. — 470
 Нибур Б.Г. — 10, 509
 Никита (Микита, Митька) — 256.
 Никита Затворник, киево-печерский
 монах — 221
 Никитин А.Л. — 41, 472, 516
 Никифор, воевода, «мучитель»
 митрополита Киприана — 476
 Никифор, константинопольский
 патриарх — 238
 Николаева Т.М. — 35, 516
 Никола — посланец Ярослава
 Мудрого — 252
 Николай (Никола), архиепископ
 Мирликийский, святой — 252–253, 255
 Никон Черногорец — 348
 Никон Печерский, летописец — 234, 236,
 238, 287, 519
 Никонов В.А. — 258–259, 269, 277, 516
 Нинон де Ланкло, французская
 куртизанка, писательница — 191
 Новиков А.И. — 34, 516

- Нордстет И.* — 79, 532
Нюш (Мари Бенц), возлюбленная
П. Элюара — 97
Облонский С.А. (Стива), персонаж
романа Л.Н. Толстого «Анна
Каренина» — 76
Обнорский С.П. — 170–171, 516
Обридо В.Н. — 507
Овдокия — см.: *Евдокия*
Овчинникова В.С. — 168, 516
Одинец — 260
Олаф Шётконунг, шведский король — 330
Олег (Вещий), киевский князь — 40–41,
 127, 152–153, 155–156, 191, 197, 236, 239,
 322
Олег Иванович, князь рязанский — 449,
 451–452, 454, 459–464, 468, 470–471
Олег Игоревич (?), князь курский,
участник битвы на Калке — 386
Олег Святославич, князь — 83, 331
Олейников А.А. — 517
Олена, осетинская княжна — 330
Оленин А.Н. — 110–111, 117–118, 516
Олисей Гречин, новгородский
художник — 315–316.
Ольга, киевская княгиня — 20, 153–155,
 190–191, 222, 236, 254, 329, 333
Ольгерд, великий князь литовский —
 306–307
Ольговичи, князья, потомки князя
Олега Святославича — 359–362
Ольшевская Л.А. — 112, 496
Омросия — 259
Ония, первосвященник, ветхозаветный
персонаж — 369
Онфим, новгородский мальчик — 41–42,
 500
Онцифор Лукинич, новгородский
боярин — 313
Опарина Т.А. — 490–491, 516
Орешиников А.С. — 239, 517
Орлов А.С. — 199, 478, 517
Орлов А.Ф. — 267, 517
Орлова В.Г. — 167–168, 507
Оскольд (Осколд) — см.: *Аскольд*.
Ослябя (Андрей), боярин, участник
Куликовской битвы — 474, 479–482
Осока — 257
Остромир, новгородский посадник —
 235, 349–350, 527
Осулук, половецкий хан — 331
Осьмой — 260
Отрок, половецкий хан — 365
Отгон I, немецкий император — 191
Оттон II, чешский оломоуцкий князь —
 331
Оттон фон Орламюнде, немецкий
граф — 330
Офимия — см.: *Евфимия*.
Павел — 262
Павел Зиновьев сын Каргополец,
послух — 310
Павел, апостол — 43, 118
Павленко Н.И. — 257, 510
Павша — см.: *Павел*
Паклар Э.К. — 431, 517
Панеях В.М. — 136, 517
Панова В.И. — 312, 517
Пантелеймон, святой — 36, 289
Парамон — 262
Парамша — см.: *Парамон*
Параскева Сербская, преподобная
святая — 255
Параскева Иконийская, святая
мученица — 255
Пархоменко В.А. — 14, 519
Пасецкий В.М. — 172, 295, 501
Паиуто В.Т. — 16, 23, 28–29, 235, 240,
 244–245, 295, 431, 433, 439, 502, 517, 527
Педаний, конник, персонаж «Повести о
разорении Иерусалима» — 423
Пелгусий-Филипп (Пелутий), ижорский
старейшина — 420–421, 428
Пелутий — см.: *Пелгусий-Филипп*
Первой — 260
Передольский В.С. — 273, 517
Пересвет — см.: *Александр-Пересвет*
Пересветов И.С. — 43, 497, 508, 512, 521
Перетц В.Н. — 123, 517
Перфиренко Вынежатин, гулящий
человек — 310
Перша — см.: *Порфирий*
Петр Бориславич, боярин — 359–361,
 363–368, 372, 374–378, 515, 521, 525

- Петр Едок, французский богослов и церковный историк — 207
 Петр Ломбардский, католический богослов — 207
Петров Н.И. — 252, 517
Петрухин В.Я. — 24, 240, 320, 518
Пештич С.Л. — 18, 518
Пиккио Р. — 216, 518
 Пилат Понтий, римский префект Иудеи, новозаветный персонаж — 493
Пичхадзе А.А. — 438, 496
Платонов С.Ф. — 287, 492, 518–519
 Плоскиня, воевода бродников, участник битвы на Калке — 387, 410
Погодин А.Л. — 328, 518
Погодин М.П. — 192, 244, 288, 327–328, 500, 518
Подобедова О.М. — 162, 518
Подскальски Г. — 216, 518
Поздеева И.В. — 225, 518
Покровская В.Ф. — 104, 518
Покровский Н.Н. — 486, 496
Полянская И.В. — 366, 515
Понырко Н.В. — 103, 229, 506, 510
Поппэ А.В. — 255, 287, 518
Поппер К. — 284
 Порфирий — 262
 Порфирий — см.: Прокша Малышевиц
Порфирьев И.Я. — 345, 518
Потапов П.И. — 239, 518
 Потемкин В.П. — 56, 426, 503
Потемкина Т.М. — 507
Пресняков А.Е. — 14, 160–161, 518–519
Присёлков М.Д. — 12–15, 121–122, 125, 160, 179, 192–193, 287, 379, 435, 514, 519
 Прокофий — 262
 Прокша Малышевиц (в монашестве Порфирий), боярин — 254
Проништейн А.П. — 158, 300, 303, 519
Пропп В.Я. — 301, 519
Протопопов Д.И. — 254, 519
 Прохно — см.: Прокофий
Прохоров Г.М. — 82–83, 504,
Прохоров Е.И. — 15, 519
 Прошка — см.: Прокофий
 Птолемей Клавдий, древнегреческий ученый — 207
 Путыша, убийца князя Бориса Владимировича — 280
 Пушка Морхинин (Григорий Александрович) — 258
Пушкарев Л.Н. — 67–68, 72–73, 133–134, 519
 Пушкин А.С. — 427
Пытин А. — 219, 519
 Пятой — 260–261
 Рабле Франсуа — 136, 500
 Радим, легендарный предок радимичей — 322
Раевский Д.С. — 320, 518
 Разес (Абу Бакр Мухаммад ар-Рази), персидский ученый — 207
Разин Е.А. — 431, 519
Ралева Ц. — 219, 498
Раппопорт П.А. — 287, 501, 519
 Ратибор — 262
 Ратмир (Ратмер), слуга, участник сражения на Неве — 421, 423, 425
 Ратша — см.: Ратибор
 Рахиль, ветхозаветный персонаж — 454
 Редедя, косожский князь — 236
 Редька — 257
 Рейнберн, колобжегский епископ — 332
 Рёрик Фрисландский (Ютландский), родственник датского короля — 244–245
Реферовская Е.А. — 36, 519
Реформатский А.А. — 38, 519
Ржига В.Ф. — 164, 519
Рижский М.И. — 218, 519
Рикёр П. — 210, 519
Рогачевская Е.Б. — 16, 209, 519–520
 Рогволод, полоцкий князь — 330
 Рогнеда (Горислава), полоцкая княжна — 329–330
Розен С.А. — 159, 520
Розов Н.Н. — 174, 352, 520
 Роман — 261
 Роман I Лакапин, византийский император — 238
 Роман Владимирович, сын Владимира Мономаха — 261
 Роман Мстиславич, князь галицкий — 386, 407
 Роман Ростиславич, князь — 382, 398

- Романкова Н.В. — 366, 515
 Романов Б.А. — 111, 126, 136, 497, 517, 520
 Романова А.А. — 114, 520
 Романова В.Л. — 351, 520
 Ромодановская В.А. — 341, 520
 Ростислав Мстиславич, князь — 380, 391
 Ростовцев Е.А. — 173, 512
 Рохлин Д.Г. — 376, 520
 Рубашев М.Б. — 293, 520
 Рувим, библейский персонаж — 474
 Рудаков В.Н. — 473, 475, 520
 Рузина Е.Г. — 203, 504
 Румянцева М.Ф. — 61–63, 68, 137, 512, 514, 520
 Русанова И.П. — 325, 520
 Русин — 257
 Русинов Н.Д. — 169, 520
 Русудан, грузинская царевна — 331
 Руфаил (Рафаил), персонаж апокрифа — 344–345
 Руфь, ветхозаветный персонаж — 219–220
 Рыбаков Б.А. — 18–20, 24, 58, 166, 173, 233, 235–237, 246, 250, 285, 289–290, 299, 301, 325, 358–378, 507, 520–522
 Рыдзевская Е.А. — 333, 521
 Рюрик Ростиславич, великий князь киевский — 331, 365
 Рюрик, легендарный новгородский князь — 236, 244–245, 328–329, 334, 511
 Савва, псковский писец — 350
 Савва, участник сражения на Неве — 425
 Савин, сириец, персонаж «Повести о разорении Иерусалима» — 423
 Савич А.А. — 430, 521
 Сазонова Л.И. — 18, 521
 Сакетти А.Л. — 43, 521
 Саксон Грамматик, датский хронист — 333
 Салмина М.А. — 447, 521
 Салтыковы, потомки новгородского боярина Ивана Морозова — 309
 Сальников Ю.Ф. — 43, 521
 Сапунов Б.В. — 103, 219, 351, 521
 Сара (Сарра), ветхозаветный персонаж — 190
 Саруя, библейский персонаж — 424
 Сахаров А.Н. — 83, 514
 Сбыслав Якунович, новгородец, участник сражения на Неве — 420, 426
 Свен Аггесен, датский хронист — 191
 Свенцицкая И.С. — 494, 496, 521
 Свердлов М.Б. — 126, 265, 521
 Свидригайло, князь — 226
 Святополк Владимирович (Ярополкович) Окаянный, князь — 114, 186, 274, 280, 282, 299, 330, 334–349, 436–437, 525
 Святополк Изяславич, князь киевский — 235, 246–249, 251, 330
 Святополк Мстиславич, новгородский князь — 331
 Святослав-Иаков, болгарский деспот — 114
 Святослав Владимирович, сын Владимира Мономаха — 261
 Святослав Всеволодович, черниговский князь — 302, 365, 371
 Святослав Игоревич, князь — 155, 239, 288–289, 329–330, 348, 511–512
 Святослав Ингваревич (?), князь шумский, участник битвы на Калке — 388, 410–411
 Святослав Ольгович, князь черниговский — 166, 331, 382, 398
 Святослав Ростиславич (?), князь каневский, участник битвы на Калке — 388, 410–411
 Святослав Ярославич, князь — 102, 219, 330–331, 333, 419, 490, 496, 501–502, 515, 521
 Святский Д.О. — 172, 292, 521
 Седов В.В. — 325–326, 521
 Секлетей — 254
 Селевкиды, македонская династия правителей — 347
 Селиванов В.В. — 301, 521
 Семен Мелик (Меликов), участник Куликовской битвы — 449, 451, 457, 462, 467
 Семен Михайлович, участник Куликовской битвы — 449, 451, 457, 462, 467

- Семен Олюевич, участник битвы на Калке — 386, 406
 Семигин Г.Ю. — 66, 515
 Семей — 260
 Сендерович С.Я. — 24–27, 521
 Сенковский О.И. — 280, 521
 Сергеев Ф.П. — 450, 521
 Сергеевич В.И. — 98, 522
 Сергей Радонежский, игумен — 177, 316, 455, 461, 465, 472, 474–482, 495, 511
 Серебренников Б.А. — 158, 522
 Серебровский В.И. — 100, 522
 Серебрянский Н.И. — 85, 160, 431, 522
 Сигизмунд II Август, король польский и великий князь литовский — 266
 Сидор, псковский игумен — 426
 Сидоров В.Н. — 167, 169, 522
 Сильвестр, игумен Выдубицкого монастыря, летописец — 248–249, 266
 Симеон Столпник, святой — 353, 454, 460, 464
 Симеон, болгарский царь — 219
 Симон, «летописец» — 376
 Симон, первосвященник, ветхозаветный персонаж — 369
 Симони П.К. — 163, 522
 Симонов Л.П. — 163, 522
 Симонов Р.А. — 250, 522
 Синахериб (Сеннахерим), царь ассирийский, ветхозаветный персонаж — 269
 Синеус, брат Рюрика — 236
 Скрибнер С. — 142, 510
 Скрынников Р.Г. — 483, 522
 Скрыбины, потомки новгородского боярина Ивана Морозова — 309
 Славен, летописный персонаж — 190
 Слович, убийца князя Бориса Владимировича — 280
 Смирнов А.В. — 345, 522
 Смолий В.А. — 320, 508
 Соболева Н.А. — 491, 522
 Соболевский А.И. — 58, 98, 167, 176, 296, 372, 522
 Соколов М.И. — 345, 498
 Соколова Л.В. — 118–119, 365, 498, 508, 522
 Соловьев А.В. — 115, 522
 Соловьев С.М. — 112–113, 271, 301, 379, 390, 470, 493, 522
 Сологуб А.И. — 168, 507
 Соломон, правитель Израильского царства — 50, 196, 218, 222, 368, 486, 488
 Соломония Сабурова, великая княгиня — 493
 Сорокин П.А. — 66
 Сорокин Ю.С. — 159
 Сороколетов Ф.П. — 159
 София, дочь Владимира Мономаха — 329
 Софоний Рязанец, автор «Задонщины» — 164, 262, 519
 Софья — 261
 Спенсер Г. — 144
 Сперанский М.Н. — 228, 522
 Спиридон, новгородский архиепископ — 419, 427
 Спиридон, шведский воевода, участник сражения на Неве — 418–419
 Спицын А.А. — 324, 523
 Срезневский И.И. — 40, 42, 91, 128, 239, 350, 354, 433, 523, 532
 Стаменова А. — 42, 523
 Стеллецкий В.И. — 373–374
 Стенша — см.: Степан
 Степан (Стехно, Стенша, Степша) — 256
 Степанов Н.В. — 250, 286, 288, 292, 523
 Степин В.С. — 66, 515
 Степша — см.: Степан
 Стефан Баторий, король польский и великий князь литовский — 266
 Стефан Таронский (Асохик), армянский историк — 333
 Стехно — см.: Степан
 Столярова Л.В. — 114–115, 225, 350–352, 498, 523
 Стратоновский Г.А. — 22, 495
 Страхов Н.Н. — 76
 Строганова Т.Ю. — 168, 507
 Строев П.М. — 10, 110–111, 508, 523
 Строева Т.В. — 159, 523
 Строков А.А. — 260, 299, 431, 523
 Субедей (Субут), монгольский военачальник — 271, 380

- Субут — см.: Субедей
 Суперанская А.В. — 256, 523
 Суханов Е.А. — 100, 505
 Тайлор Э. — 144
 Талец, убийца князя Бориса Владимировича — 280
 Тамар, грузинская царица — 331
 Тантилевский И.Р. — 345, 498
 Татищев В.Н. — 18–21, 104–105, 112, 271, 288, 364, 374–377, 502, 506, 511, 513, 520–521, 523–524
 Тать — 257
 Таубе Иоганн, ливонский дворянин, опричник — 487
 Ташукан, ордынский воевода, участник битвы на Калке — 387, 410
 Творогов О.В. — 12, 82, 95, 164, 178, 199, 201, 220, 372, 425, 496, 523–524
 Теляк — см.: Тюляк
 Теодор — 255
 Тимофеев Е.И. — 325, 524
 Тимофеи Васильевич Акатьевич (Волуй), участник Куликовской битвы — 449, 451, 454, 457, 462, 467
 Тимофей, дед былинного богатыря Добрыни Никитича — 233
 Тит, римский император, персонаж «Повести о разорении Иерусалима» — 423, 437–438
 Титмар, епископ Мерзебургский, хронист — 332, 498
 Тихомиров М.Н. — 17–19, 99, 111–112, 164, 168–171, 175, 237, 259, 302, 305, 432, 495, 497, 524
 Тихонравов Н.С. — 101, 222, 348, 497, 498
 Тов Э. — 8, 524
 Товит, ветхозаветный персонаж — 85, 220
 Тоглый, половецкий хан — 331
 Толбуга, киличей — 450, 452, 469
 Толочко А.П. — 21, 98–99, 104–105, 193, 376, 524
 Толочко П.П. — 320–321, 324–327, 517, 524
 Толстой Л.Н. — 76, 93–94, 52
 Томас — 255
 Томашевский Б.В. — 11–12, 28, 149, 525
 Торез М. — 37, 500
 Тохтамыш, ордынский хан — 450–451, 459–460, 463, 468–469, 475
 Трава — 257
 Травников С.Н. — 112, 496
 Третьяк — 260–261
 Трубачев О.Н. — 159, 525
 Трувор, брат Рюрика — 236
 Тугорхан, половецкий хан — 330
 Турилов А.А. — 114, 516
 Туркин А.И. — 267, 525
 Тучковы, потомки новгородского боярина Ивана Морозова — 309
 Тучко-Морозовы — 258
 Тюляк (Теляк; Мухаммад-хан?), ордынский хан
 Уварова П.С., графиня — 98, 522
 Удальцова З.В. — 499
 Ужанков А.Н. — 85, 525
 Улита, святая — 418–421, 428
 Умила, дочь Гостомысла — 22
 Уполон — см.: Аполлон
 Успенский Б.А. — 253–254, 485, 525
 Успенский Н.В. — 159, 525
 Успенский Ф.Б. — 253–254, 512
 Устрялов Н.Г. — 68, 525
 Устюгов Н.В. — 265, 509
 Уткин А.А. — 438, 496
 Фасмер М. — 43, 532
 Федор Андреевич, воевода — 454
 Федор Иванович, царь и великий князь — 491
 Федор Романович, князь белозерский, участник Куликовской битвы — 449, 451, 457, 462, 467
 Федорец, приближенный Андрея Боголюбского — 230
 Федоров В.Г. — 299, 525
 Федосия — см.: Феодосия
 Федотов П.А., художник — 77, 525
 Федынский В. — 507
 Феодор — 255, 289–290
 Феодор Иванович, князь Тарусский, участник Куликовской битвы — 457, 462, 467
 Феодор, игумен Симонова монастыря — 476–477

- Феодор, святой — 36, 288
 Феодора, византийская императрица, мать и соправительница Михаила III — 246, 296
 Феодора, соправительница и преемница Константина Мономаха — 290
 Феодосий, игумен Печерский — 253–254, 496
 Феодосия (Федосия) — 256
 Феодул, игумен — 367
 Феодул, святой мученик — 434
 Феофано (Феофания) Музалон, византийская аристократка — 331
 Феофил, византийский император — 238
 Ферран М. — 37, 117, 525
 Феррер Д. — 38, 84, 97, 183, 525
 Филин Ф.П. — 24, 521
 Филипп — см.: Пелгусий-Филипп
 Филипп IV Красивый, король Франции — 213
 Филиппов К.А. — 34, 525
 Филипповский Г.Ю. — 25, 525
 Филист Г.М. — 347, 525
 Филюшкин А.И. — 221, 525
 Фома — 255
 Фома, апостол — 255
 Фома, инок — 56
 Фома, новгородец — 171
 Фоменко А.Т. — 243
 Фонвизин Д.И. — 57, 366, 515, 517
 Фортинбрас, персонаж трагедии Шекспира «Гамлет» — 78
 Фотий, митрополит — 23
 Фрай Н. — 216, 525
 Франчук В.Ю. — 364–366, 525
 Фрейденоберг О.М. — 136, 525
 Френкель Р.В. — 9, 525
 Фроянов И.Я. — 233, 526
 Хабургаев Г.А. — 145, 169, 274, 526
 Хавский П.В. — 291, 526
 Хаддинг, датский эпический герой — 333
 Хайдеггер М. — 66, 526
 Хакон (Гакон) — 112–113
 Хамьянова Н.В. — 295, 506
 Харальд III Суровый, норвежский король — 333
 Херрманн В.-Ф., фон — 66, 526
 Хилл К. — 216, 526
 Хитров М.И. — 430, 526
 Хорив, легендарный киевский князь — 19
 Хорошев А.С. — 316, 510
 Хорошкевич А.Л. — 491, 526
 Христина, дочь Инга Стейнкельса — 330
 Цейтлин Р.М. — 40, 532
 Цейтлина М.М. — 120, 503
 Цибульский В.В. — 249, 526
 Цивьян Т.В. — 34, 523
 Цицерон Марк Тулий, древнеримский политик и оратор — 207
 Цуркан Р.К. — 218, 526
 Цыб С.В. — 250, 285, 288, 290, 526
 Чаев Н.С. — 175, 526
 Чегиркан, ордынский воевода, участник битвы на Калке — 387, 409
 Челубей, легендарный участник Куликовской битвы — 475
 Черемисин — 257
 Черепнин Л.В. — 15, 19, 23, 58–59, 162–163, 174–176, 237, 259, 305–306, 350, 526
 Черных Н.Б. — 172, 296, 510, 526
 Черных П.Я. — 158, 526
 Чижевский А.Л. — 295, 522, 526
 Чингисхан — 380
 Чистович И.А. — 218, 526
 Чичагов В.К. — 256, 526
 Чичеров В.И. — 301, 526
 Чобот — 257
 Чубарьян А.О. — 8, 506, 520
 Чудин — 257, 263
 Чумаченко А.Ю. — 235, 527
 Шалак В.И. — 57, 527
 Шамбинаго С.К. — 21, 23, 164, 447, 527–528
 Шамма Гараритянин, библейский персонаж — 424
 Шарлемань Н.В. — 300–301, 527
 Шаскольский И.П. — 418, 430–431, 433–434, 436–439, 501, 527
 Шаталов В.Ф., учитель-новатор — 475
 Шафарик П.Й. — 327, 527
 Шахмагонов Ф.Ф. — 470–471, 527
 Шахматов А.А. — 10–12, 14–15, 17–18, 22–24, 27, 125–127, 135, 152–157, 160,

- 170, 181, 192, 202, 217, 234–239, 248–249, 287, 321, 323, 335, 372, 374, 379, 447, 508, 517–519, 521, 527–528
Шварц Е.М. — 175, 177, 528
Шевляга (Кляча) — 257
 Шейны, потомки новгородского боярина Ивана Морозова — 309
Шекспир В. — 77
Шеррингтон Ч. — 75, 528
Шестак — 260–261
Шиголов А.А. — 300, 528
Шиманюк А.П. — 300, 528
 Шимон, племянник Якуна Слепого — 112
Шлейермахер Ф. — 9, 35, 66, 138, 145, 184, 528
Шлёцер А.Л. — 9, 60, 111, 117, 121, 190–191, 528
Шляков В.Н. — 288–289, 528
Шмидт С.О. — 39, 304, 508, 528
Шнейдерман Э.М. — 77, 525
Шнелле Ф. — 300, 528
Шпет Г.Г. — 139–140, 528
Штаден Г. — 483, 485–487, 489
Шавинский В.А. — 163, 529
 Щек, легендарный киевский князь — 19
 Щенятев П.М., князь, боярин — 304
Щепкин В.Н. — 58, 162, 175–177, 529
Щепкина М.В. — 162, 259, 529
Щепкина-Куперник Т.Л. — 77–78
Щербатов М.М. — 190, 529
Щербиновский Н.С. — 300, 529
 Э Л. — 38, 72, 79, 84, 97, 529
 Эвклид, древнегреческий математик — 207
 Эймунд Рингссон (Хрингссон), норвежский конунг — 280–282
Элюар П. — 96–97, 498, 502
Энгельс Ф. — 61, 185, 514, 529
 Энох — см.: Енох
Эскин Ю.М. — 258, 510
Юдин Ю.И. — 233, 526
 Юлиан (Иулиан), сотник, персонаж «Повести о разорении Иерусалима» — 423
Юрганов А.Л. — 43, 45–46, 130–131, 258, 483, 485–489, 492, 494, 510, 529
 Юрий (Гюрги) — 256
 Юрий Андреевич, князь — 331
 Юрий Владимирович (Долгорукий), сын Владимира Мономаха — 261, 330
 Юрий Всеволодич, великий князь суздальский — 382, 388–389, 398, 415
 Юрий Дмитриевич, князь, сын Дмитрия Ивановича Донского — 306, 454
 Юрий Домамерич (Домаречич), воевода — 384, 402–403
 Юрий Кончакович, половецкий хан — 331, 380–381, 393, 395
 Юрий Онцифорович, сын Онцифора Лукинича (?) — 313
 Юрий, князь несвижский, участник битвы на Калке — 388, 411
 Юстиниан I (Великий), византийский император — 207
Юферева Н.Э. — 162, 529
 Ягайло (Владислав) Ольгердович, великий князь литовский — 448, 450, 452–455, 458, 460–465, 467, 470, 475–476, 479
Ягич И.В. — 116, 529
Языков Д. — 528
 Якимов, сподвижник Василия Уса — 300
Якобсон Р. — 259
 Яков, полочанин, участник сражения на Неве — 420, 425
 Яков Козодавля, владелец села — 278
Яковлев А.И. — 430, 529
Яковлев В.А. — 372
 Якун Слепой, предводитель варяжского отряда — 112–114, 512
 Ян Длугош — 237, 524
Янева П. — 219, 498
Янин В.Л. — 15, 37, 42, 50, 161, 163, 171, 252, 258, 261–262, 271, 273, 282, 302, 309, 313, 315–316, 365, 495, 498, 510, 513, 529–530
 Янь (Ян) Вышатич, летописный персонаж — 235, 527
 Янь, старец, информатор летописца — 234–235
 Янька, дочь Всеволода Ярославича — 252
 Ярислейф — см.: Ярослав I

- Владимирович (Мудрый)
 Ярополк Владимирович, князь, сын
 Владимира Мономаха — 261, 330, 358–
 362
 Ярополк Святославич, князь — 321, 330,
 348
 Ярополк Изяславич, князь туровский —
 330
 Ярослав I Владимирович (Мудрый),
 князь — 17, 112, 114, 252–253, 262, 282,
 287–291, 299–300, 322, 329–330, 334–336,
 339–341, 343, 346, 349, 436–437, 459, 503,
 507, 511, 520, 528
 Ярослав Владимирович (Осмомысл),
 князь галицкий — 358–359, 375, 378
 Ярослав Владимирович, князь
 псковский — 432
 Ярослав Всеволодович, князь — 252, 331,
 420–421, 435–436, 441, 529
 Ярослав Святополкович, князь — 330
 Ярослав Святославич, князь — 19
 Ярослав Ярославич, князь — 111
 Ярун, участник битвы на Калке — 385–
 386, 405, 408
 Ярцев В.Н. — 35, 516
- Ast F.* — 35, 530
Barthes R. — 201–202, 530
Bellemin-Noel J. — 183, 530
Breslau H. — 213, 530
Chekin L. — 240, 530
Churchill W. — 175, 530
Comfort Ph. W. — 12, 530
Eineder G. — 175, 530
Elliott R. — 11, 531
Frček J. — 89, 530
Freidhof G. — 490, 530
Frye N. — 216, 530
Genette G. — 182, 530
Goodman N. — 96, 530
Hill Ch. — 216, 530
Kenney R. — 28, 530
Kristeva J. — 72, 530
Lant H. — 223, 530
Lepissier J. — 228, 530
Maas P. — 11, 27, 530
Picchio R. — 216, 531
Podskalsky G. — 216, 531
Postgate J.P. — 28, 531
Puente, de la I.G. — 236, 531
Ranke L., von. — 9, 531
Revelli G. — 335, 348, 531
Rudolph Th. — 213, 531
Schove D.J. — 294, 531
Schveier U. — 342, 504
Sherrington Ch.S. — 75, 531
Sorokin P.A. — 66, 531
Stremooukhoff D. — 490, 531
Valéry P. — 38, 531
Wachtsmuth F. — 439, 531

Игорь Николаевич Данилевский — доктор исторических наук, ординарный профессор, профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, заведующий центром «История частной жизни и повседневности».

Сфера научных интересов: история древней Руси (до XVI в.), специальные исторические дисциплины, хронология древнерусского летописания, источниковедение древней Руси.

Автор свыше 250 работ, в том числе школьных и вузовских учебников по истории России, курсов лекций «Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XI вв.)» и «Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.)», монографии «Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов».

